...ОРІИ

КІЕВЪ.

...ТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1876.

ОЧЕРКЪ

ЗВУКОВОЙ ИСТОРІИ

МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

П. ЖИТЕЦКАГО.

КІЕВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1876.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1875 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Постановка вопроса о малорусскомъ нарѣчіи.

II. О гласныхъ звукахъ.

1) ъ и ь въ начальной исторіи русскаго языка.

2) Малорусское і вмѣсто ѣ.

славянской и русской письменности. Древность замѣны ѣ звукомъ i въ древнерусскихъ говорахъ, какъ южныхъ, такъ и сѣверныхъ. Значеніе письменныхъ источниковъ для опредѣленія древнѣйшаго произношенія буквы ѣ. Звуки, замѣнившіе ѣ въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ. Главнѣйшіе моменты въ образованіи малорусскаго i вм. ѣ. Значеніе новгородскаго i вм. ѣ въ отношеніи къ малорусскому i вм. ѣ. Буква ѣ въ южнорусскихъ памятникахъ XVI—XVII в.

3) Малорусское i изъ основныхъ о, е.

Случаи перехода *о, е* въ *i*.—Связь *i* изъ *о, е* съ потерей глухихъ гласныхъ.—Значеніе средняго слога въ образованіи *i* изъ *о, е*.—Сѣверно-малорусская замѣна основныхъ *о* и *е*.—Три стадіи въ развитіи малорусскаго *i* изъ основныхъ *о, е*.—Значеніе неіотированнаго *е* въ отношеніи *ɛ*, *ê*, какъ переходнымъ моментамъ къ *i*.—Взаимныя отношенія между *i* изъ *о* и *i* вм. *ѣ*.—Слѣды превращеній въ *о* и *е* въ южнорусской письменности.

4) Звукъ ы въ малорусскомъ нарѣчіи.

Основное *ы* въ малорусскихъ говорахъ.—*И* вмѣсто основнаго *ы* по южнорусскимъ и древнерусскимъ памятникамъ.—Основное *ы* въ малорусскихъ говорахъ.— Древнѣйшее произношеніе *ы*.—*И* вмѣсто *ы* въ древнерусскихъ памятникахъ.—Губной элементъ въ малорусскомъ вокализмѣ.— Исходная точка въ развитіи средняго украинскаго *и*.

III. О согласныхъ звукахъ.

1) Общія понятія о количественной природѣ согласныхъ.

2) Количественныя черты малорусскихъ согласныхъ.

Паденіе глухихъ гласныхъ въ отношеніи къ системѣ согласныхъ звуковъ.— Методъ изслѣдованія количественной природы малорусскихъ согласныхъ.—Конечные согласные и группы согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи.—Начальныя двухчленныя группы согласныхъ.—Двухчленныя группы въ предложныхъ словахъ.—Причины скопленія согласныхъ въ срединѣ словъ.—Процентное отношеніе звучныхъ и отзвучныхъ согласныхъ въ началѣ и срединѣ словъ.—Эвфоническое соотношеніе звуковъ, стоящихъ въ концѣ и въ началѣ словъ.—Эвфоническое основаніе для преобладанія звучныхъ согласныхъ въ начальныхъ

группахъ.—Трехчленныя группы согласныхъ въ началѣ и въ срединѣ словъ сравнительно съ двухчленными.—Четырехчленныя группы согласныхъ.—Выводы о количественной природѣ малорусскихъ согласныхъ и объ отношеніи ихъ къ гласнымъ элементамъ въ словѣ.—Количественное паденіе согласныхъ въ связи съ древнѣйшими превращеніями въ области вокализма.—Близость малорусскаго консонантизма къ бѣлорусскому въ отношеніи количественномъ.—Отношеніе смягченно-удвоенныхъ согласныхъ въ именныхъ темахъ *ja* къ количественной слабости консонантизма.

3) *Качественныя черты малорусскихъ согласныхъ.*

Значеніе іотацизма въ области славянскихъ нарѣчій въ связи съ развитіемъ паразитной іоты и отношеніемъ твердыхъ слоговъ къ мягкимъ въ древнерусскомъ языкѣ.—Ерація въ древнѣйшихъ славянскихъ, русскихъ и южнорусскихъ памятникахъ.—Непереходная мягкость согласныхъ въ великорусскомъ нарѣчіи.—Раздѣленіе малорусскихъ согласныхъ по органамъ произношенія.—Качественныя особенности согласныхъ *г, к, х, д, т, л, н, ж, дж, ч, з, дз, с, ц, р, б, в, п, м, ф* въ разныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія съ указаніями на письменные источники.—Значеніе бѣлорусскаго говора въ отношеніи къ консонантизму великорусскому и малорусскому.

IV. Общіе выводы.

Звуковыя черты русскаго праязыка.—Точка опоры для исторической классификаціи русскихъ говоровъ и нарѣчій.—Зарожденіе малорусскаго нарѣчія.—Историческія особенности въ судьбѣ Подлясья (сѣверный малорусскій говоръ) и Волыни (волынскій и галицкій говоръ).—Историческій очеркъ Поднѣпровья.—Козацкія думы.—Украинскій говоръ.

V. Приложенія.

1) *Образцы народныхъ говоровъ малорусскаго нарѣчія.*

2) *Образцы письменнаго языка съ признаками малорусскаго нарѣчія.*

Замѣченныя опечатки.

(Счетъ строчекъ сверху внизъ).

10. 15. неизбѣжно: неизбѣжно. 19. 5. языка: языка. 35. 17. всю совокупность элементовъ: всю совокупность характеристическихъ элементовъ... 38. 8—9. обособленіемъ: обособленіямъ. 38. 23—24. внутри ихъ происходилъ процессъ роста: внутри ихъ происходилъ, главнымъ образомъ, процессъ роста. 47. 17. *сі: сы*. 69. 21—22. соотношеніе къ глухому полугласному элементу ь: соотношеніе съ глухимъ полугласнымъ элементомъ ь. 73. 27. она выговаривалась, какъ: она выговаривалась, какъ ꙗ. 75. 25. *промати*: *проминати*. 91. 12. *дівона: дівока*. 91. 13. *бігмий: бігмий*. 96. 13. о ервыхъ: во первыхъ. 103. 5. замѣняется: ꙗ замѣняется. 108. 5. *(влѣкъ) честь; (влѣкъ), честь*. 111. 24. *о: ō* 141. 24—25. Дальнѣйшій: Дальнѣйшій. 144. 18. разрозненаог: разрозненнаго. 158. 20. *стійно: ст'іймо*. 180. 4. ч. болѣе сильный чѣмъ ꙗ: ч, болѣе сильный чѣмъ ꙗ. 188. 7. уцѣлѣло минуя: уцѣлѣло, минуя. 191. 21. *вострий ворати: вострый, вораты*. 194. 32. *кobи: кобы*. 206. 10. происхожденія иногда: происхожденія, иногда. 211. 13 *и ук: поукъ*. 223. 29. нарѣчіяхъ строже: нарѣчіяхъ, строже. 242. 26. *вожу. ношу: вожу, ношу*. 259. 19. По нашему мнѣнію она, есть только средство, рычагъ науки такъ: По нашему мнѣнію, она есть только средство, рычагъ науки, такъ... 271. 9. *исхожамше)* [1]) въ видѣ: *исхожамше)*, [1]) въ видѣ... 282. 18. *ми, ти, си: мы, ты, сы*. [284. 4. княжеснуя: княжескую. 302. 3. оженівся: оженілся. 303. 16. одозвався: одозвался.

I.

Постановка вопроса о малорусскомъ нарѣчіи.

Малорусское нарѣчіе давно уже сдѣлалось предметомъ научной разработки. Вотъ уже болѣе чѣмъ полвѣка прошло со времени изданія первой малорусской грамматики [1]). Съ того времени много было издано образцевъ народной рѣчи, много было высказано мнѣній о сущности и строѣ малорусскаго нарѣчія. Среди разнообразныхъ возбужденій общественныхъ, дѣло доходило до оживленныхъ разсужденій, иногда даже до горячихъ споровъ. Но споры утихали, наступало неизбѣжное затишье, противники расходились, не убѣдивъ другъ друга въ томъ, что казалось имъ истиной. Дѣло не пошло дальше предположеній, болѣе или менѣе подкрѣпленныхъ не столько научными данными, сколько случайными увлеченіями минуты. Только въ послѣднее время труды Потебни [2]) выдѣлились изъ ряда предшествующихъ работъ объективно-научной постановкой многихъ вопросовъ относительно звуковыхъ особенностей малорусскаго нарѣчія, но въ отрывочныхъ замѣткахъ почтеннаго автора нельзя найти положительныхъ указаній на внутреннюю связь и преемственность звуковыхъ явленій, которыя онъ под-

---

[1]) Мы разумѣемъ грамматику Павловскаго, напечатанную въ 1818 г. Выписываемъ любопытное заглавіе этой рѣдкой теперь книги: „Грамматика малороссійскаго нарѣчія, или грамматическое показаніе существенныхъ отличій, отдалившихъ малорос. нарѣчіе отъ чистаго россійскаго языка.“

[2]) О звуков. особенностяхъ русскихъ нарѣчій. 1866 г. и Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи. 1871.

вергаетъ своему изслѣдованію, и оттого главный и существенный вопросъ—о времени и процессѣ образованія малорусскаго нарѣчія все-таки до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ.

Слѣдуетъ ли это положеніе дѣла считать для настоящаго времени нормальнымъ?

Недавно одинъ изъ русскихъ ученыхъ высказалъ крайне безнадежное мнѣніе объ этомъ предметѣ. „Нами, говоритъ Колосовъ въ предисловіи къ своей книгѣ, вовсе обойденъ важный въ исторіи русскаго языка вопросъ о времени раздѣленія его на два главныя нарѣчія. Но мы не считаемъ возможнымъ со стороны кого-бы то ни было рѣшительно въ настоящее время отвѣтить на этотъ вопросъ. Это во первыхъ. Во вторыхъ, мы имѣемъ въ виду только великорусскій языкъ въ его послѣдовательномъ развитіи [1].“

Но развѣ есть какая нибудь возможность писать исторію, хотя бы и великорусскаго языка, не говоря ни одного слова о начальномъ моментѣ, отъ котораго пошло его обособленіе отъ малорусскаго? И что же такое послѣдовательное развитіе языка, какъ не чередованіе отдѣльныхъ моментовъ его историческаго существованія, въ основѣ которыхъ лежитъ самый существенный моментъ его первоначальнаго обособленія? Можно ли понять исторію безъ начальной страницы, которая не написана не потому, чтобы не доставало для нея матеріала, а потому только, что этому матеріалу не дано настоящаго значенія? Мы говоримъ о народныхъ нарѣчіяхъ, которыхъ совсѣмъ не коснулся въ своей книгѣ Колосовъ, ограничившись исключительно письменными источниками. Можетъ быть, если бы историкъ великорусскаго языка не устранилъ изъ своихъ наблюденій современныхъ говоровъ его, книга его получила бы совсѣмъ иной видъ: изъ нея не были бы исключены вопросы первостепенной важности и, конечно, проведена была бы разграничительная линія между нарѣчіемъ великорусскимъ и малорусскимъ. Теперь же авторъ очень часто слѣдитъ за великорусскимъ нарѣчіемъ по малорусскимъ формамъ. Такъ напр. онъ указываетъ на замѣну е посредствомъ ю: *чтюмъ*, *на своюмъ* и проч.,—замѣну, для которой нѣтъ ничего аналогическаго въ великорусскихъ памятникахъ. Что же это за формы: *чтюмъ*, *на своюмъ*? „Онѣ должны быть признаны, по

---

[1]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI стол. 1872 г.

мнѣнію Колосова, проявленіемъ мѣстнаго нарѣчія [1].“ Но какого? Конечно, малорусскаго. Очевидно, здѣсь смѣшаны факты совершенно разнородные. Въ предисловіи къ книгѣ обѣщана намъ исторія великорусскаго нарѣчія, въ самой же книгѣ, вопреки намѣренію автора, постоянно попадаются специальныя особенности малорусскаго нарѣчія, которыя мы иногда не знаемъ, куда отнесть: къ первичнымъ ли элементамъ общерусскимъ, или къ первичнымъ элементамъ малорусскимъ, или къ позднѣйшимъ малорусскимъ. Такимъ образомъ, заглавіе книги (Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка) не совсѣмъ согласно съ предисловіемъ ея, предисловіе—съ самой книгой, а эта послѣдняя—ни съ предисловіемъ, ни съ заглавіемъ.

Мы не пишемъ подробнаго разбора трудолюбиво составленной книги г. Колосова. Мы только желаемъ выразить по поводу ея недостатковъ глубокое свое убѣжденіе въ томъ, что во всякомъ дѣлѣ, особенно въ дѣлѣ науки, на однихъ отрицательныхъ воззрѣніяхъ успокоиться нельзя. Намъ даны факты науки, изъ которыхъ слагается наличный матеріалъ ея. Допустимъ, что собраны они не въ томъ количествѣ, въ какомъ желалось бы, что со временемъ откроются новые факты, которые дадутъ намъ возможность сдѣлать болѣе прочные выводы, болѣе широкія обобщенія. Слѣдуетъ ли изъ этого, что на основаніи существующихъ фактовъ, мы не имѣемъ права сдѣлать никакого вывода, въ виду того весьма вѣроятнаго обстоятельства, что наши преемники, на основаніи новооткрытыхъ фактовъ, сдѣлаютъ выводы болѣе вѣрные, чѣмъ наши? Намъ скажутъ, что изъ данныхъ фактовъ совсѣмъ нельзя сдѣлать *никакихъ* выводовъ. Но допустить такое безсиліе мысли, которое характеризуется словомъ „никакихъ“, мы никакъ не можемъ. Отъ „никакихъ“ до „возможныхъ“ большое разстояніе, отъ „возможныхъ“ до „незыблемо-вѣрныхъ“ то же не малое, но если мы желаемъ получить послѣдніе, то должны пройти чрезъ всѣ стадіи вѣроятности. Отъ этого наука ни въ какомъ случаѣ не пострадаетъ, а напротивъ того, даже выиграетъ, потому что одностороннія обобщенія, какъ бы они ни были несостоятельны, безспорно, имѣютъ одно хорошее качество: пробуждать мысль къ открытію новыхъ путей, которые приведутъ къ новымъ, болѣе широкимъ и вѣрнымъ обобщеніямъ. Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Срезневскаго, высказанное имъ въ замѣ-

---

[1]) Колосовъ. Очеркъ исторіи звук. и формъ. 104.

чательномъ анализѣ начальной лѣтописи: „какъ-бы ни мелочны и безцвѣтны, говоритъ онъ, казались выводы изъ наблюденій надъ всѣмъ, въ чемъ отразились проблески жизни давно минувшей, они могутъ принести свою долю пользы даже своей невѣрностью, пробуждая желаніе дойти до истины болѣе счастливыми путями. Странно было бы, если бъ люди ученые руководствовались только желаніемъ выказывать свою непогрѣшительность и боязнію быть пристыженными за неизбѣжныя ошибки“ [1]). Отъ себя мы можемъ прибавить только, что наука не есть сводъ готовыхъ истинъ: вся сущность ея заключается въ открытіи новыхъ методовъ, новыхъ путей къ истинѣ. Она подводитъ въ данную минуту итоги всѣмъ своимъ средствамъ, дѣлаетъ въ извѣстномъ направленіи напряженныя усилія объяснить тотъ или другой рядъ явленій, приходитъ, наконецъ, къ заключительнымъ выводамъ и объясненіямъ, но никогда не бросаетъ якоря, не устанавливаетъ границы для своего движенія. Такъ, въ сложномъ процессѣ взаимно ограничивающихъ себя выводовъ и заключеній, мало-по-малу вырабатываются истины, хотя и не абсолютныя, но наименѣе подлежащія сомнѣнію. Много-ли напр. потерпѣла наука, по вопросу о малорусскомъ нарѣчіи, отъ того, что существовала нѣкогда мысль, будто бы оно есть отклоненіе отъ чистаго россійскаго языка, совершившееся на глазахъ исторіи подъ вліяніемъ польскаго языка? Такъ, одинъ изъ авторитетныхъ представителей науки, извѣстный Гречъ, въ 1822 г. писалъ, что „малороссійское нарѣчіе родилось и усилилось отъ долговременнаго владычества поляковъ въ югозападной Россіи и можетъ даже назваться областнымъ польскимъ“. [2]) Еще въ 1835 г. г. Бодянскій считалъ нужнымъ серьезно опровергать эту выдумку [3]), но кто же въ наше время считаетъ ее серьезною? И все таки она принесла свою долю пользы тѣмъ самымъ, что вызвала необходимость провести рѣзче границы, отдѣляющія малорусское нарѣчіе отъ польскаго. Въ Галиціи въ разное время появилось множество брошюръ на эту тему, кромѣ того не малое количество систематическихъ грамматикъ малорусскаго нарѣчія [4]). Правда, эти грам-

---

[1]) Из. Ак. т. III, 66.

[2]) Опытъ исторіи русск. литер. стр. 12-я.

[3]) Ученыя записки моск. универ. 1835 г. часть 9-я.

[4]) Считаемъ неизлишнимъ привести библіографію извѣстныхъ намъ галицкихъ грамматикъ:

матики страдаютъ недостатками другаго рода: въ нихъ малорусское нарѣчіе большею частью смѣшивается съ церковно-славянскимъ и литературнымъ русскимъ языкомъ, но ни одной изъ нихъ нельзя упрекнуть въ смѣшеніи малорусскихъ формъ съ польскими.

Есть мнѣнія о малорусскомъ нарѣчіи другаго рода, мнѣнія болѣе вѣскія въ научномъ отношеніи, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы сейчасъ говорили. До сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, они не были представлены въ ихъ взаимномъ отношеніи. Мы возьмемъ на себя этотъ трудъ для того, чтобы имѣть возможность указать тотъ путь, по которому будемъ идти въ разъясненіи малорусскаго нарѣчія.

Начнемъ съ мнѣнія, принадлежащаго Максимовичу, который въ самыхъ раннихъ трудахъ своихъ по русской филологіи высказался за древность малорусскаго нарѣчія. Оно называлось, по его мнѣнію, языкомъ русскимъ прежде, чѣмъ это имя усвоилось языку великороссіянъ[1]). Впослѣдствіи Максимовичъ подробно развилъ свою мысль въ письмахъ къ Погодину „о старобытности малорусскаго нарѣчія". Подъ наноснымъ слоемъ великорусскимъ онъ усматриваетъ въ лѣтописяхъ Несторовой, Кіевской и Волынской одиннадцать примѣтъ малорусскаго нарѣчія, несомнѣнно существовавшихъ уже въ кіевскую эпоху. Вотъ эти примѣты: 1) смѣшеніе *въ съ у*: *уселеная* вм. *вселеная*, *вгодникъ* вм. *угод-*

Grammatica slavo-ruthena, seu vetero-slavicae, et actu in montibus carpathicis parvo-russicae. Edita per M. Lutskay. Budae. 1830.

Grammatik der Ruthenischen oder klein-russischen Sprache in Galicien von J. Levicki. Przemysl. 1834.

Grammatyka ięzyka Maloruskiego w Galicii ułożona przez J. Wagilewicza Lwow. 1845.

Grammatyka języka (maloruskiego) Losinskiego. Przemysl. 1846.

Грамматика русскаго языка, составлена Як. Головацкимъ. 1849. Львовъ. Фактическая часть этого труда (о нарѣчіяхъ) пополняется другимъ сочиненіемъ Головацкаго, подъ заглавіемъ: „Росправа о языцѣ южнорусскомъ и его нарѣчіяхъ". Львовъ. 1849.

Грамматика русскаго языка. Написавъ Осадца. Львовъ 1864. Книга, составленная по Миклошичу, вся разница—въ изобиліи примѣровъ.

Методична грамматика языка малорусскаго. Написалъ П. Дячанъ. Львовъ. 1865 (учебникъ для школъ).

[1]) Максимов, Ист. древн. русск. слов. 96.

[illegible], 2) формы: *вийде била*, *изыйде дверью средньою*, 3) смѣшеніе *ы* съ *и*: *вийде* и *выйде*, 4) потеря *ть* въ 3-мъ л. ед. ч: *стане*, 5) *и* вм. *ѣ*, и наоборотъ, 6) окончаніе именит. множ. прилаг. для женск. р. *ыи, іи* вм. ыѧ иѧ: *горы угорскыи, синіи мглыи*, 7) окончаніе повел. накл. множ. ч. *ить* вм. *ѣте*: *поможить* вм. *поможѣте*, 8) сочетаніе звука *ц* въ концѣ словъ только съ тонкими гласными и ь: *царица*, у *отця*, 9) смягченіе гортанныхъ въ свистящіе предъ *ѣ* въ предложномъ падежѣ, а въ именахъ женск. р. и въ дательн: *на порозѣ, по дорозѣ*, 10) удержаніе зват. пад. для именъ муж. и женск. р: *о Днѣпре Словутицю*, 11) удержаніе дат. пад. для существ. именъ муж. р. съ двоякимъ окончаніемъ на *у, ю* и *ови, еви*. На основаніи этихъ примѣтъ Максимовичъ дѣлаетъ выводъ, что въ то время, „когда Кіевъ былъ средоточіемъ русскаго міра, на кіевскомъ югѣ было уже нарѣчіе малороссійское со многими своими особенностями, точно такъ же, какъ и великорос. нарѣчіе было уже обособившимся [1]).

Надобно различать въ мнѣніи Максимовича двѣ стороны: во 1-хъ, мысль о древности элементовъ малорус. нарѣчія, во 2-хъ, мысль объ его обособленности на Кіевскомъ югѣ въ дотатарское время. Примѣты, указываемыя Максимовичемъ, дѣйствительно, встрѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ, и не только такихъ, которые извѣстны намъ въ позднѣйшихъ спискахъ XIV—XV в., какъ лѣтописи и Слово о полку Игоревѣ, но и въ рукописяхъ XI—XII и XIII в. Но къ сожалѣнію, границу давности Максимовичъ отодвигаетъ въ такую даль, что нѣтъ никакой возможности слѣдовать за нимъ въ этомъ направленіи. Такъ напр. малор. *у* въ словѣ *бути* онъ выводитъ изъ санскр. долгаго *û* въ корнѣ *bhû*, а не изъ общеслав. *ы*. Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ Потебни, что миновать славянской стадіи нельзя, какъ въ отношеніи къ *у* изъ *ы*, такъ и въ отношеніи къ *і* изъ *ѣ*, и что если бы можно было обойти ее, то намъ пришлось бы, вопреки основнымъ положеніямъ науки, отдать малорусскому нарѣчію археологическое предпочтеніе предъ нарѣчіемъ древнеславянскимъ [2]).

Не безъ доказательствъ поставлена и вторая мысль Максимовича, именно мысль о томъ, что малорусское нарѣчіе обособилось уже въ

---

[1]) Новыя письма къ Погодину о староб. малор. нарѣчія 23—35.

[2]) Пот. О звук. особ. русск. нар. 109—110, 122—123.

кіевскую эпоху,—только доказательства эти крайне неубѣдительны. Начнемъ съ того, что нѣкоторыя изъ примѣтъ, указанныхъ Максимовичемъ, свойственны древнеслав. нарѣчію такъ же, какъ и малорусскому. Таково напр. переходное смягченіе гортанныхъ во флексіяхъ именъ существительныхъ, зват. падежъ, а также дательный на *ови*, *еви*. Что эти примѣты въ настоящее время составляютъ характеристическую принадлежность малорус. нарѣчія, это не подлежитъ сомнѣнію, но забывать не слѣдуетъ, что въ старину онѣ могли принадлежать и другимъ русскимъ нарѣчіямъ. Въ томъ собственно и заключается неудача Максимовича, что всѣ примѣты, имъ указанныя, очень часто встрѣчаются въ памятникахъ вовсе не малорусскаго происхожденія. Такъ, замѣну *у* посредствомъ *в*, и наоборотъ, мы встрѣчаемъ напр. въ граматахъ, писанныхъ не на югѣ: въ граматѣ Рижанъ (около 1300 г.) есть формы *оу рамь*, *оу чемь* [1]). Въ смоленск. грам. Мстислава: *ѹдоумалъ*, *оузѧти* [2]). То же самое видимъ въ Поликарповомъ спискѣ Евангелія (1307), въ которомъ Буслаевъ замѣчаетъ признакъ сѣвернаго нарѣчія, именно въ обоюдномъ переходѣ *у* и *в*: *оу водахъ*, *вачитеся* [3]). По нашему мнѣнію, въ Поликарп. спискѣ есть другіе, болѣе рѣшительные слѣды сѣвернаго нарѣчія, напр. повсюдная замѣна *ѣ* посредствомъ *е*. Что касается до звуковъ *у* и *в*, то смѣна ихъ есть явленіе не только общерусское, но обще и древнеславянское. Оно постоянно встрѣчается въ памятникахъ юсоваго письма [4]), напр. въ тріоди Григоровича (XII—XIII в.) *възрѧть* вм. *оузрѧть*, *оправдати*, *въ правдѣ* вм. *оправдати въ правдѣ* [5]). Въ сербской книгѣ евангельск. чтеній XII в. есть также формы: *ѹстане*, *въмрѣти* [6]). Не менѣе распространенное явленіе въ разныхъ памятникахъ разныхъ вѣковъ и нарѣчій смѣшеніе *ы* съ *и*. Въ житіи Нифонта, которое списано было въ Ростовѣ въ 1219 г., находимъ такія формы: *изидоша*, *крилати*, *ты двьри* [7]). О памятникахъ юсоваго письма и говорить нечего: тамъ это явленіе по-

---

[1]) Из. Ак. X, VI, 233—34.

[2]) Бусл. Ист. хр. 349—351.

[3]) Ib. 101. 104.

[4]) Срез. Юс. пис. 154.

[5]) Ibid. 119.

[6]) Срез. Свѣд. 33.

[7]) Из. Ак. X, VI, 596.

стоянное, начиная съ XI в. Въ Супрасльс. рукоп. (XI в.) часто стоитъ *ы* вм. *и*: *свѧтителы*, и наоборотъ—*и* вм. *ы*: *мкуими*, *би*, *биюши* [1]). Да и самъ Максимовичъ приписываетъ смѣшеніе *ы* съ *и*, между прочимъ, и новгородск. нарѣчію XI в., указывая въ Остроміp. евангеліи формы: *многашьды* и *многашьди* [2]). Отсутствія *ть* въ 3-мъ л. ед. ч. также нельзя приписывать исключительно древнѣйшему типу малор. нарѣчія: въ Супрас. рук. есть формы: *бѫде*, *дрьзне*, *сѧ*, *начьнѫ* [3]); въ томъ же Остр. еванг. есть напр. форма: *напише* вм. *напишеть* [4]). Въ этомъ видѣ ходитъ эта форма и донынѣ въ сѣверныхъ говорахъ великор. нарѣчія [5]). Въ тѣхъ же говорахъ очень часто *ѣ* звучитъ помалорусски, какъ *и* [6]),—явленіе, широко развившееся уже въ XIII—XIV в. въ новгородскомъ нарѣчіи: *ѣ* вм. *и*: *Чернѣговъ*, и наоборотъ *и* вм. *ѣ*: *на Днѣпри*, *сгорило*, *смотрилъ* [7]). Окончаніе именъ прилаг. множ. ч. *ии* вм. *ыѧ* обычно въ памятникахъ юсоваго письма, начиная съ XI в: *живущиии* (Супр. рук.), *творящии* (Болонс. псал. XII в.), *пасѫщии* (Дечанское четвероев. XIII в.) [8]). Мягкое *ц* въ окончаніи словъ находимъ въ договорной грам. Рижанъ (1300): *мець* вм. *мечь* и во многихъ другихъ памятникахъ [9]). Изъ остальныхъ примѣтъ, указываемыхъ Максимовичемъ, формы: *выйде*, *изыйде*, а также форма повел. наклон. *понизить*, представляя примѣръ распространеннаго въ славянс. нарѣчіи ослабленія звука *і* въ *й* послѣ гласныхъ, въ *ь* послѣ согласныхъ, не заключаетъ въ себѣ ничего спеціально-малорусскаго. На основаніи приведенныхъ нами фактовъ мы имѣемъ право сдѣлать только тотъ выводъ, что примѣты, указываемыя Максимовичемъ, относятся къ глубокой древности, что отдѣльные элементы малорус. нарѣчія существовали издавна—въ XII и даже XI в., но сознаться надобно, что, касаясь отдѣльныхъ фактовъ, которые разбросаны въ раз-

---

1) Срез. Юс. пис. 33.
2) Макс. Нов. пис. 26.
3) Срез. Юс. пис. 35.
4) Остр. ев. 294.
5) Рыбн. I. 2.
6) Бусл. Ист. хр. 1584—1588.
7) Лавр. О яз. сѣв. лѣт. 129—30.
8) Срезн. Юс. пис. 35. 133. 143.
9) Из. Ак. X, VI, 600, 626, 633.

ныхъ вѣкахъ и по разнымъ нарѣчіямъ, Максимовичъ построилъ изъ нихъ непрочное цѣлое, легко разрушаемое отъ перваго прикосновенія критики. Можно вывести изъ всѣхъ соображеній Максимовича только то заключеніе, что діалектическія особенности, принадлежавшія нѣкогда разнымъ нарѣчіямъ, специализировались впослѣдствіи въ малорус. нарѣчіи. Но это, во всякомъ случаѣ, только половина дѣла. Коренныя свойства малорус. нарѣчія, рѣзко отличающія его отъ всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій, заключаются не въ однихъ тѣхъ признакахъ, которые оно усвоило глубже, чѣмъ другія нарѣчія. Впослѣдствіи мы разовьемъ подробно характеристику малорусскихъ звуковъ, самостоятельно выработанныхъ на почвѣ малорусскаго нарѣчія, теперь же ограничимся замѣчаніемъ, что эти-то именно звуки или же, по крайней мѣрѣ, первообразы ихъ и не указаны Максимовичемъ. Вотъ почему и попытка его доказать индивидуальное бытіе малорус. нарѣчія въ дотатарскую эпоху не имѣла успѣха.

Противникъ Максимовича Погодинъ вовсе не касается вопроса о древности малорус. нарѣчія. Онъ совершенно отрицаетъ присутствіе малорус. племени на кіевскомъ югѣ во весь періодъ до-тарскій. Вотъ основныя его положенія. Такъ какъ въ языкѣ южныхъ лѣтописей нѣтъ малорусскихъ элементовъ, такъ какъ поэтому нѣтъ въ нихъ ничего такого, что непонятно было-бы великоруссу, то необходимо согласиться, что южныя лѣтописи писаны великоруссами. Слѣдовательно, древнѣйшими обитателями, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ, должны быть великоруссы. Доказательства заключаются во 1-хъ, въ томъ, что у малоруссовъ нѣтъ кіевскаго богатырскаго эпоса, во 2-хъ, въ томъ, что лѣтописные типы—великорусскіе, а не малорусскіе. Откуда же взялись впослѣдствіи малоруссы? Они пришли въ кіевскую область послѣ татаръ, когда великоруссы, вслѣдствіе погрома татарскаго, принуждены были отодвинуться съ юга на сѣверъ. Выселились малоруссы въ разоренныя татарами земли изъ-за Карпатъ въ XIV в. [1]).

Насъ завело бы очень далеко подробное опроверженіе этого мнѣнія. Мы ограничимся только общимъ замѣчаніемъ, что въ основу его положена невѣрная мысль о томъ, будто въ языкѣ южныхъ лѣтописей нѣтъ малорусскихъ элементовъ. Въ своемъ полемическомъ увлеченіи Погодинъ зашелъ слишкомъ далеко. Признавая малоруссовъ дѣятелями въ на-

[1]) Погод. Лекц. т. VII, 425—30.

чальной исторіи русскаго юга, Максимовичъ все-таки не отрицалъ великоруссовъ, тогда какъ Погодинъ считаетъ аборигенами только этихъ послѣднихъ, заставляя малоруссовъ придти изъ-за Карпатъ въ ту самую землю, изъ которой по чувству самосохраненія бѣжали великороссіяне на сѣверъ, придти въ XIV в., когда татарскимъ разореніямъ и конца не предвидѣлось. Такъ народы могутъ двигаться только въ книгахъ, наполненныхъ гипотезами, а не въ живой дѣйствительности. И въ самомъ дѣлѣ, для своей гипотезы Погодинъ не могъ найти даже намека на какое нибудь историческое свидѣтельство. Мы уже не говоримъ о томъ, что онъ вовсе не обратилъ вниманія на южнорусскія преданія, въ неразрывной связи стоящія съ кіевской эпохой [1]), на Слово о полку Игоревѣ—памятникъ, въ южнорусской основѣ котораго трудно сомнѣваться, на мѣстныя названія городовъ, урочищъ, рѣкъ и проч., названія, которыя вполнѣ совпадаютъ съ лѣтописными и не представляютъ въ себѣ ничего новаго, ничего такого, что неизбѣжно было бы принесено пришлымъ племенемъ.

Сама по себѣ гипотеза Погодина, не представляя серьезныхъ научныхъ основаній, не заслуживала бы опроверженія, если бы на помощь ей не явился Лавровскій съ филологическими доказательствами. Въ своемъ „обзорѣ особенностей малорус. нарѣчія“ онъ говоритъ, что „оно развило въ себѣ такія же своеобразныя черты, какъ и остальныя нарѣчія славянскія, что между этими чертами много есть такихъ, которыя неоспоримо даютъ ему право на такое же самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія нарѣчія славянскія“ [2]). Оно состоитъ, по мнѣнію Лавровскаго, въ ближайшемъ родствѣ съ великорусскимъ нарѣчіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ общія черты съ сербскимъ, составляя въ этомъ отношеніи переходъ отъ сѣвернаго, великорусскаго, къ южнымъ славянскимъ. Къ этимъ сербо-малорусскимъ свойствамъ нужно отнести: черниговское произношеніе *ийе* вм. славянс. *ѣ*, смѣшеніе *ы* съ *и*, господство выговора *г* (= *h*), употребленіе *дж* вм. *ж* при смягченіи звука *д*, приставку *и* предъ согласными, особенно *р*, за

[1]) См. разработку этого предмета въ 1-мъ томѣ „историч. малор. пѣсенъ.“ Кіевъ. 1874 г.

[2]) Въ томъ же духѣ высказывался онъ не разъ: см. Журн. мин. нар. прос. 1859 г. № 6, стр. 225—263. Петерб. вѣд. 1861: „Южно-русск. элементы въ Австріи“; Основа 1861, ноябрь и декабрь: „По вопросу о южнор. языкѣ“.

которымъ слѣдовалъ въ древности глухой звукъ. Сходство въ формахъ: окончаніе *мо* въ 1-мъ л. множ. и слитное будущее съ вспомогательнымъ глаголомъ (ходитиму), хотя въ серб. будущее составляется съ другимъ вспомогательнымъ глаголомъ *ћу*, зват. падежъ двойств. числа (для словъ, означающихъ двойственность предмета), окончаніе въ дательн. *ови*, *еви*. „Не встрѣчая, продолжаетъ Лавровскій, ни одной черты изъ приведенныхъ выше, сродныхъ съ сербскимъ нарѣчіемъ, въ древнихъ намятникахъ русскихъ, писанныхъ на югѣ Россіи, замѣчая, напротивъ, на основаніи этихъ памятниковъ, рѣзкое, въ звукахъ и формахъ, единство для языка обѣихъ половинъ Руси и имѣя въ лѣтописяхъ и актахъ новгородскихъ рѣшительное доказательство невозможности не прорваться гдѣ нибудь говору народному въ письменности, мы должны обратиться съ большимъ еще правомъ опять къ гипотезѣ Погодина относительно позднѣйшаго населенія нынѣшняго малорус. племени, послѣ порабощенія юга татарами, съ Карпатскихъ горъ.... Родство малорус. говора съ сербскимъ могло развиться на сосѣднихъ съ сербскими поселеніями Карпатахъ, въ мѣстности, гдѣ, по Багрянородному, находилась Великая Сербія“ [1]).

Такимъ образомъ, Лавровскаго мнѣніе отличается отъ мнѣнія Греча, который смѣшивалъ малорус. нарѣчіе съ польскимъ только тѣмъ, что на мѣсто польскаго нарѣчія явилось у него сербское. Мы желали бы знать, что же такое малорусское нарѣчіе? Не то оно великорусское, не то сербское, а между тѣмъ, тутъ же, рядомъ съ признаніемъ его сложнаго состава, выражено убѣжденіе въ томъ, что оно „имѣетъ право на такое же самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія нарѣчія славянскія“. Ошибка Лавровскаго въ томъ заключается, что онъ подбираетъ несущественныя черты малорус. нарѣчія, упуская изъ виду такія изъ нихъ, которыя составляютъ его характеристическую принадлежность. Съ этимъ пріемомъ можно сдѣлать что угодно,—можно доказать напр. такую же близость малорусскаго нарѣчія къ чешскому, какъ и къ сербскому.

Лавровскій насчитываетъ девять примѣтъ, роднящихъ малорус. нарѣчіе съ сербскимъ. Изъ нихъ мы должны прежде всего исключить приставку *і* предъ согласными, особенно предъ *р*: въ сербско-русскомъ словарѣ самого Лавровскаго мы не нашли сербскихъ формъ, которыя

[1]) Ж. м. н. пр. 1859, № 6, 265.

бы соотвѣтствовали малорус. *ужа, ірвати* (древнесл. *ръвати, ръжа, ръжда* отъ *рѫдѣти*). Затѣмъ, такому же исключенію должно подвергнуться несуществующее сходство между мулорус. *г* (= h) и сербс. *г* (= *g*): сербъ скорѣе произнесетъ свое *г*, какъ *к*, напр. предъ согласнымъ (*нокти*), а не помалорусски, какъ латинское *h*. Въ этомъ отношеніи малорус. нарѣчіе представляетъ сходство именно съ чешскимъ, гдѣ *h* имѣетъ характеръ придыхательнаго, а *г* = *g* вовсе не существуетъ. Къ числу сомнительныхъ примѣтъ нужно отнести еще малорус. и сербс. *дж*: въ сербскомъ нарѣчіи смягченное *д* выражается или постарославянски: *нужда, понуждити,* или въ строгомъ смыслѣ слова посербски: *прекађивати, досађивати* [1]). Третій видъ смягченнаго *д*, изображаемый въ сербской азбукѣ посредствомъ џ, встрѣчается, по замѣчанію самого Лавровскаго, [2]) въ словахъ исключительно турецкаго происхожденія. Слѣдуетъ замѣтить, что џ звучитъ иногда въ словахъ славянс. корня, напр. *увјеџбати*, но здѣсь происхожденіе его чисто этимологическое (по замѣчанію Миклошича, *увјеџбати* образовалось изъ *вјешт* и *сржба*, можетъ быть, вмѣсто *срђба* изъ *срд* [3]), а не эвфоническое, какъ въ малор. *джбан, джерело* и проч. Итакъ, если исключить три примѣты изъ девяти, указываемыхъ Лавровскимъ, то окажется всего шесть примѣтъ, роднящихъ малорус. нарѣчіе съ сербскимъ. Въ дополненіе къ этимъ шести мы уже отъ себя укажемъ, помимо Лавровскаго, еще семь. Такъ а) въ сербс. *въ* вокализируется въ началѣ словъ въ *у*: *удова, унук*—точь-въ-точь, какъ въ малорусскомъ; б) предлогъ *съ* смѣшивается съ *изъ*: *из кона*, а *възъ* вокализируется въ *уз*: *узети* по малор. *узяти*; в) въ 3-мъ лицѣ ед. и множ. чис. отпадаетъ *тъ*: *буде, буду*, въ малор. *ходе, говоре*, въ галицко-гуцульс. разнорѣчіи и во множ. ч: *ходя, говоря*; г) въ повел. накл. не только окончаніе *мо*, но и сохраненіе характеристическаго *и*, послѣ гласныхъ *j*: *плетимо, пасимо, умијмо, купујмо*; д) прошедшее условное описательное съ стариннымъ аористомъ *быхъ*: *писао бих*; такъ точно гуцулы говорятъ: *ішов бых*; е) древнеслав. ѧ выражается у сербовъ посредствомъ *е*: мѣстоим. напр. *сѧ* = *се*, *имѧ* = *име*: въ коренномъ галицкомъ говорѣ

---

[1]) См. Miklos. Lautlehre 328.

[2]) См. предис. къ сербско-рус. слов. Лавр. V.

[3]) Lautlehre 330.

(подгорскомъ) та же звуковая замѣна ѧ: *се*, *взѧти*, *тѧжко* и проч. ж) губное *ф* находится, по замѣчанію Миклошича [1]), въ словахъ заимствованныхъ и замѣняется звуками *п* и *б* совершенно такъ, какъ въ малорус: *Опанас*, *плjашка*, *барва*. Въ малорус., кромѣ этой замѣны *ф*, есть еше *хв*: напр. *хвасоля*. Впрочемъ, въ галицкихъ разнорѣчіяхъ *ф* чаще употребляется, въ противоположность коренному говору малорус. нарѣчія (украинскому). Можно было бы съ нѣкоторыми натяжками увеличить количество примѣтъ, общихъ малорус. нарѣчію съ сербскимъ, но мы огра̀ничились несомнѣнно очевидными.

Теперь обращаемся къ нарѣчію чешскому. Оказывается, что большая часть примѣтъ, указанныхъ нами и г. Лавровскимъ, свойственна чешскому нарѣчію такъ же, какъ малорус. и сербскому. а) Извѣстно, что въ сербскомъ буква *ѣ* выражается различно: посредствомъ *je*, *ије*, *е* и *i*: тѣ же средства выраженія этой буквы есть и въ малорус. Въ чешс. долгота *ѣ* передается посредствомъ долгаго *i*: *víra míra* (вѣра, мѣра), въ краткихъ слогахъ звуками ě, *е*: *věrný*, *měna*, *seno*, *celý*. Слѣдовательно, хотя по разнообразію звуковой замѣны буквы *ѣ*, сходства между малорус. и сербс. больше, но въ отношеніи буквы *ѣ* есть сходство и между нарѣчіями чешскимъ и малорусскимъ. Вообще нужно сказать, что, за исключеніемъ болгарскаго нарѣчія, всѣ остальныя славянскія нарѣчія, въ большей или меньшей степени, допускаютъ замѣну *ѣ* посредствомъ *i*. Рѣзче всего выразилась эта замѣна въ малорус. нарѣчіи, слабѣе всего въ нарѣчіяхъ лужицкомъ, польскомъ (*switać*, *kwitnąć*) и словинскомъ, гдѣ, по замѣчанію Миклошича, только хорватскіе Словинцы неударяемое *ѣ* произносятъ какъ *i*, рѣдко какъ *е*: *vodi*, *vode* [2]) б). Въ отношеніи къ звуку *ы* малорус. нарѣчіе въ своемъ основномъ украинскомъ говорѣ представляетъ сходство не только съ сербскимъ, гдѣ *ы* исчезло, но и съ нарѣчіями болгарскимъ, словинскимъ и съ чешскимъ, въ которыхъ *ы* нѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ нарѣчіяхъ польскомъ и великорусскомъ. Впрочемъ, въ галицкомъ говорѣ есть *ы*; слышно оно также въ подольскомъ разнорѣчіи и вообще во многихъ мѣстахъ на правой сторонѣ Днѣпра. в) Зват. падежъ сохранился опять-таки не у однихъ только сербовъ да малоруссовъ, но и у болгаръ, у поляковъ и чеховъ. Сербское нарѣчіе

---

[1]) Lautlehre 365.

[2]) Lautlehre 240.

представляетъ даже отклоненіе отъ малорус. въ хорватской своей вѣтви, гдѣ зват. падежъ утраченъ. г) Формы двойств. числа въ незначительномъ количествѣ, дѣйствительно, есть у сербовъ и малоруссовъ, но онѣ, въ видѣ слабыхъ остатковъ, распространены во всемъ славянскомъ мірѣ, и уже если искать въ этомъ отношеніи аналогіи, то скорѣе всего можно вспомнить о лужицкомъ нарѣчіи, въ которомъ полнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, сохранилось двойств. число. д) Дат. падежъ на *ови*, не представляя никакого сходства съ сербскимъ, сходенъ въ малорус. съ нарѣчіями словинскимъ, польскимъ и чешскимъ: въ послѣднемъ принимаютъ окончаніе *ovi* имена предметовъ одушевленныхъ, если стоятъ безъ прилагательныхъ: *Petrovi*. е) Подобно малорусскому и сербскому, и въ чешскомъ въ 3-мъ лицѣ наст. вр. нѣтъ *ть* ни въ единств., ни во множ. ч: *plete, pletou*. ж) Точно такъ же прошедшее условное образуется у чеховъ, какъ и у сербовъ, и у гуцуловъ-малоруссовъ, напр. *miloval bich*. з) Древнеслав. ѧ одинаково выражается въ сербскомъ, галицко-малорус. и чешскомъ: *čese, jehně, pět*. і) Согласный звукъ *ф* замѣняется въ чешскомъ нарѣчіи сходно съ сербскимъ и малорусскимъ:—посредствомъ *б* и *п*: *barva, òpice*.

Мы насчитали девять примѣтъ, общихъ нарѣчіямъ малорус., сербс. и чешскому. Къ этому присоединить нужно не вошедшее въ счетъ малорус. и чешс. *г* = *h*, отличающее эти нарѣчія отъ сербскаго, а также предлогъ *роз*, а не *раз*, одинаково звучащій въ чешскомъ и малорусскомъ, наконецъ, чешс. формы именъ существительныхъ съ долгимъ *ů* въ именит. пад. ед. числа *bůh, dům*—формы аналогическія съ малорусскими: *кунь, вул*, слышными въ сѣверныхъ малорус. разнорѣчіяхъ. То же самое встрѣчаемъ и въ польскомъ нарѣчіи: *mój, król*. Выходитъ, слѣдовательно, девять примѣтъ, общихъ сербс., чешс. и малорусскому; кромѣ того, какъ чешс., такъ и сербс. нарѣчіе имѣютъ по три примѣты такія, которыя принадлежатъ каждому изъ нихъ въ отдѣльности, но такъ что всѣ онѣ свойственны и малорусскому нарѣчію.

Какое-же послѣ этого нарѣчіе ближе къ малорусскому—сербское или чешское? И то, и другое имѣетъ почти равное количество примѣтъ, общихъ съ малорусскимъ: по видимому, и то, и другое одинаково къ нему близко. А если вспомнить при этомъ близкія родственныя отношенія малорусскаго нарѣчія къ великорусскому, то придется допустить, что это даже не нарѣчіе, а какой-то странный комплексъ безъ вида и образа, въ которомъ ничего нѣтъ своего, а все чужое, позаимство-

ванное отъ сосѣднихъ и даже не сосѣднихъ славянскихъ народовъ. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же говорить о его самостоятельности? Гораздо удобнѣе, оставивъ въ сторону всякія сближенія, просто заявить, что малорусское нарѣчіе не есть какой то особенный, своебытный звуковой организмъ въ ряду другихъ славянскихъ нарѣчій. Такъ, дѣйствительно, и поступилъ Шерцль, вопреки мнѣнію Лавровскаго, Потебни, Максимовича и Миклошича: „различія, существующія между великорусскимъ и малорусскимъ нарѣчіемъ, говоритъ онъ, вовсе не оправдываютъ предположенія, будто бы малорусское нарѣчіе представляетъ языкъ самостоятельный въ томъ смыслѣ, какъ языкъ чешскій, сербскій и проч. Главныя примѣты русскаго языка встрѣчаются и здѣсь: такъ, особенно русское полногласіе; спряженіе и склоненіе тоже весьма сходны" [1]). И у Шерцля—та же рѣчь о сходствѣ. Кто же сомнѣвается въ сходствѣ не только нарѣчій великорусскаго съ малорусскимъ, но и всѣхъ славянскихъ нарѣчій одного съ другимъ? Мы видѣли уже на примѣрѣ Лавровскаго, что сходствомъ нельзя доказывать всего, что угодно. Конечно, указаніе на сходство есть одинъ изъ пріемовъ научнаго изслѣдованія, но онъ не исчерпываетъ собою всѣхъ средствъ научнаго анализа, который разлагаетъ сходное для того, чтобы открыть индивидуальное. Вѣдь вотъ же самъ Шерцль указываетъ на переходъ *о* въ *і* въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ на такое явленіе, которое не встрѣчается, по его собственнымъ словамъ, ни въ одномъ изъ остальныхъ славянскихъ языковъ [2]). Можетъ быть, при большемъ знакомствѣ съ предметомъ, ему бы удалось указать что нибудь и другое въ этомъ родѣ: тогда пришлось бы измѣнить или, по крайней мѣрѣ, ограничить высказанное мнѣніе. Но этого, къ сожалѣнію, не случилось, и Шерцль рѣшилъ вопросъ, по видимому, просто и ясно, не потрудившись даже стушевать противорѣчіе въ собственныхъ своихъ словахъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что самое сходство, указываемое имъ, сомнительно, что малорусскія спряженія (особенно галицкія) и склоненія, въ слѣдствіе фонетическихъ превращеній, носятъ на себѣ характеръ рѣзкаго своеобразія. Что касается до сходства въ полногласіи, то на это замѣтимъ, во первыхъ, словами самого Шерцля, что „въ малорус. нарѣчіи принципъ полногласія, въ сравненіи съ русскимъ, проведенъ весьма послѣдовательно" [3]). Вотъ уже и осо-

---

1) Шерцль. Сравн. грам. славянс. и другихъ родств. языковъ. 96.
2) Ibid. 1. 222.
3) Ibid. 346.

бенность, правда, не рѣзкая, но замѣтная. Во вторыхъ, одной сходства, во всякомъ случаѣ, не наполняется идея тождества предметовъ. Что было бы, если бы мы, на томъ основаніи, что въ какихъ нибудь нарѣчіяхъ отъ глубокой старины сохранилась другая черта, хотя бы и типически-рѣзкая, не всматриваясь въ сущность звуковаго строя, исторически выработаннаго тѣмъ и другимъ нарѣчіемъ,—тотчасъ поспѣшили къ выводу о томъ, что оба они лишены индивидуальности такъ, какъ будто бы не было для нихъ исторіи, весь свой долгій вѣкъ они неподвижно стояли на одной точкѣ развитія, не сдѣлавъ ни одного шага впередъ? Тогда пришлось бы смѣшать, напр., словинское нарѣчіе съ польскимъ, такъ какъ въ послѣднемъ сохранились юсы, въ нѣкоторыхъ же нарѣчіяхъ перваго ж выговаривается, какъ *он: żenon* (женѫ),—смѣшать такія нарѣчія, которыя принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ типамъ: первое къ юговосточному, второе къ западному. Такой пріемъ поставилъ бы науку въ безвыходное положеніе полной анархіи, полнаго смѣшенія понятій, не было бы возможности внести звуковыя явленія въ какія нибудь опредѣленныя нормы, потому что, вмѣсто научнаго маштаба для оцѣнки ихъ, торжествовалъ бы чистѣйшій произволъ субъективной мысли.

Вопросъ о нарѣчіи малорусскомъ требуетъ точнаго и яснаго разграниченія понятій о языкѣ церковнославянскомъ, о языкѣ древнерусскомъ, о языкѣ литературно-русскомъ, наконецъ, о нарѣчіи великорусскомъ со всѣми его различіями и говорами. Чѣмъ отчетливѣе будутъ наши представленія о каждомъ изъ этихъ элементовъ порознь, тѣмъ болѣе правъ мы будемъ имѣть на сравненіе ихъ между собою и на всѣ тѣ выводы, которые сами собою получаются изъ сравненія. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что наука о русскихъ нарѣчіяхъ находится пока еще въ фазисѣ частныхъ, отдѣльныхъ работъ, поэтому мы и предлагаемъ частную работу по нарѣчію малорусскому, не отказываясь, однако же, отъ обобщеній, которыя могутъ встрѣтиться намъ на нашемъ пути. Мы задались мыслію провести (собственно въ области звуковъ, а не формъ), возможно-точныя границы между нарѣчіемъ малорусскимъ и языками церковнославянскимъ и древнерусскимъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, памятники южнорусскаго происхожденія. Работу эту мы взяли на себя для того, чтобы какъ можно глубже заглянуть въ звуковую природу малорусскаго нарѣчія. Нарѣчія великорусскаго и языка литературно-русскаго мы будемъ касаться въ своемъ изслѣдованіи на столько,

...лько это необходимо для нашей цѣли, можетъ быть, не многимъ больше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ нарѣчій славянскихъ. Главное ...іе свое мы сосредоточимъ на сравненіи звуковыхъ элементовъ ...еннаго малорусскаго нарѣчія въ различныхъ его говорахъ съ ...звуками, изъ которыхъ они образовались и которые разсѣяны въ ...икахъ древняго и средняго періода русской письменности. Мы ...ны, что на этой почвѣ можно придти къ положительнымъ ре...атамъ, хотя поручиться и не можемъ за то, что выводы наши ... признаны непогрѣшимыми. Теперь пока мы живо сознаемъ необходимость примѣнить къ изслѣдованію малорусскаго нарѣчія ...ческій методъ сравненія его настоящихъ особенностей съ тѣми ...ми, которыя обнаружились въ различные моменты его историче... ...изни, съ тѣми *звуковыми превращеніями*, среди которыхъ выра...ался его современный типъ. Нерѣдко предпочитали у насъ исто... ...й почвѣ общесравнительную почву параллелей и сближеній ...нарѣчія съ другими славянскими нарѣчіями. Начинали такимъ ...съ того пункта, которымъ слѣдовало-бы окончить, т. е. шли ... частей къ цѣлому, а наоборотъ—отъ цѣлаго къ частямъ. Мы ...ъ, что въ современномъ состояніи науки историческій путь со...тъ болѣе насущную потребность, чѣмъ сравнительный. Послѣд...вѣнчаетъ дѣло, первый подготовляетъ его. Чтобы получить вѣрные ...воды изъ сравненія двухъ предметовъ, нужно возстановить изна...льно-древнѣйшій образъ того и другаго историческимъ путемъ: ...гда получится главнѣйшее условіе сравненія, т. е. равнозначитель...ость сравниваемыхъ величинъ, ибо величины несоизмѣримыя сравни...аемы быть не могутъ. Вотъ почему мы предпочли въ своемъ изслѣ...дованіи историческій путь.

Для исторической разработки русскаго и древнеславянскаго языка едва-ли не больше всѣхъ русскихъ ученыхъ потрудился Срезневскій. Изданіемъ и объясненіемъ памятниковъ онъ много содѣйствовалъ установленію почвы для всякаго рода сравнительныхъ выводовъ. Его „Мысли объ исторіи русскаго языка“ и донынѣ пользуются высокимъ авторитетомъ въ наукѣ. Никто еще до сихъ поръ не представилъ сколько-нибудь обстоятельной и цѣльной системы, которая могла-бы занять мѣсто „мыслей“ Срезневскаго. Считаемъ необходимымъ остановиться на этомъ замѣчательномъ трудѣ, чтобъ имѣть возможность вы-

сказать свои собственныя понятія о томъ, какъ долженъ быть поставленъ въ наукѣ вопросъ о малорусскомъ нарѣчіи.

Исходною точкою „мыслей" Срезневскаго служитъ то положеніе, что „древній русскій языкъ въ отношеніи къ строю, сравнительно съ другими славянскими нарѣчіями въ ихъ древнемъ видѣ, ближе всего подходилъ къ нарѣчію старославянскому и вмѣстѣ съ тѣмъ всего болѣе сохранилъ черты первообразнаго славянскаго строя. Онъ даже превосходилъ его до нѣкоторой степени въ этомъ отношеніи: уступалъ ему въ отличеніи носовыхъ гласныхъ, но вѣрнѣе сохранилъ непосредственное смягченіе согласныхъ, употребленіе мѣстоименнаго окончанія *тъ* для 3-го лица въ спряженіи" и т. д. [1]) Выходя изъ этого положенія, Срезневскій видитъ въ древнерусскомъ языкѣ, рядомъ съ немногими чертами собственно русскими (полногласіе, въ началѣ словъ *о* вм. *е*), тѣ же черты древнеславянскія: глухіе звуки ъ и ь, постановку гортанныхъ предъ твердыми гласными и переходную смягчаемость ихъ передъ мягкими. Только одних юсовъ, по его предположенію, уже не было въ русскомъ языкѣ при самомъ раздѣленіи славянскихъ языковъ на двѣ половины — восточную и западную. Съ полнотой и разнообразіемъ звуковъ древнерусскій языкъ соединялъ богатство формъ: и въ этомъ отношеніи онъ не уступалъ славянскому. Довольно того, что въ немъ были напр. въ древнѣйшую пору положительно всѣ формы древнеславянскаго глагола: достигательное наклоненіе, два прошедшихъ простыхъ — совершенное и преходящее, сложное будущее съ вспомогательнымъ глаголомъ въ прошедшемъ времени, спрягаемое сослагательное наклоненіе, двойственное число въ глаголѣ [2]). Всѣ эти данныя подтверждаются аналогіей съ другими славянскими нарѣчіями, которыя, чѣмъ дальше въ глубину прошедшаго, тѣмъ больше представляютъ между собою сходства, и наоборотъ, чѣмъ ближе къ настоящему, тѣмъ рѣзче различаются одно отъ другаго. Вотъ почему появленіе славянской письменности среди русскихъ нисколько не поколебало строя русской рѣчи: книжный языкъ не отличался отъ народнаго, и памятники древнерусской письменности вполнѣ народны: развѣ тамъ можно упрекнуть ихъ въ ненародности, куда вмѣшивалась византійская стихія. Но съ теченіемъ времени отношенія между книжнымъ языкомъ и народнымъ

---

[1]) Срезн. „Мысли." 29.

[2]) Срезн. „Мысли." 23—28.

измѣнились; „въ говорѣ народа болѣе и болѣе начали ветшать древнія формы, языкъ народа сталъ рѣшительно превращаться въ строѣ своемъ. „Языкъ народа началъ развиваться на говоры и нарѣчія, а въ книгахъ удерживался языкъ древній, неизмѣнный языкъ вѣры и церкви". „Прочное начало образованію книжнаго языка русскаго, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ, положено было въ XIII—XIV вѣкѣ, тогда-же какъ народный русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію древняго своего строя". „Въ памятникахъ XV—XVI вѣка отличія народной рѣчи отъ книжной уже такъ рѣзки, что нѣтъ никакого труда ихъ отдѣлить". „Время отдѣленія книжнаго языка отъ народнаго составляетъ первый періодъ его развитія. Но прежде окончанія этого перваго періода начался второй періодъ—возвратнаго сближенія съ языкомъ народнымъ". „Чѣмъ болѣе умножалось образованіе и письменность, тѣмъ болѣе яснѣла мысль обобщенія литературы, тѣмъ болѣе элементовъ языка народнаго, часто противъ воли книжниковъ, заходило въ языкъ книжный". „Тогда вмѣсто одного языка книжнаго явилось два: одинъ древній, оставаясь ненарушимымъ въ своемъ строѣ, только нѣсколько оттѣняясь отъ перваго своего вида вліяніемъ народнаго, другой—новый былъ смѣсью старославянскаго съ живымъ народнымъ. А такъ какъ народный языкъ уже дѣлился на нарѣчія, то и этотъ новый книжный языкъ не могъ быть вездѣ одинъ и тотъ же". Такъ появился книжный языкъ московской Руси и югозападной Руси, появился, конечно, позже чѣмъ единый русскій языкъ раздѣлился на два нарѣчія—сѣверное и южное—великорусское и малорусское. Время появленія этихъ нарѣчій совпадаетъ съ эпохой превращеній въ русскомъ языкѣ, т. е. въ XIII—XIV в. [1])

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе „мыслей" Срезневскаго. Онъ, очевидно, отличаетъ древнерусскій языкъ отъ славянскаго, отличаетъ примѣтами отрицательными и положительными: къ числу первыхъ, въ области фонетики, относятся юсы, отсутствіе которыхъ характеризуетъ русскій языкъ уже въ первые моменты его исторической жизни,—къ послѣднимъ относится смѣна *е* на *о* въ началѣ словъ, а также полногласіе. Мало того: есть одна черта фонетическая (непосредственное смягченіе согласныхъ), дающая русскому языку преиму-

---

[1]) Срезн. „Мысли" 94—98.

щество древности даже предъ славянскимъ. Отсюда слѣдуетъ, что древнерусскій и древнеславянскій языкъ—два различные языка, сходные между собою, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что оба они, въ ряду другихъ славянскихъ языковъ, ближе всего подходятъ къ прототипу славянскому. Вотъ почему древнерусскій языкъ имѣетъ все то, что имѣетъ древнеславянскій языкъ. Мы невольно, такимъ образомъ, приходимъ къ мысли объ ихъ сходствѣ, до такой степени близкомъ, что оно уже граничитъ съ тождествомъ. Только указанныя выше положительныя черты и даютъ древнерусскому языку печать отдѣльности, но и эта отдѣльность такого рода, что она выдвигаетъ русскій языкъ далеко за предѣлы исторической эпохи. Съ одной стороны, въ немъ заключается вся древность древнеславянскаго языка, съ другой стороны, ему присущи свои черты древности, недостающія древнеславянскому языку: все это заставляетъ предполагать, что русскій языкъ есть наиболѣе вѣрная копія *праязыка* славянскаго. Что же остается на долю собственно древнеславянскаго (церковнаго) языка? Онъ—также копія праязыка славянскаго, другими словами, онъ—то же самое, что и русскій языкъ. Мы видимъ предъ собою мысль о тождествѣ этихъ двухъ языковъ, тождествѣ, которое слегка оттѣнено лишь тѣмъ, что древнеславянскій языкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ есть менѣе полный снимокъ доисторической древности, чѣмъ древнерусскій.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что все это высказано не прямо, а вскользь, что авторъ самъ отъ себя дѣлаетъ только намеки, выводъ же предоставляетъ сдѣлать самому читателю. И дѣйствительно, читатель не затруднится сдѣлать именно тотъ выводъ, на который мы указали. Въ доказательство ссылаемся на вызванное „мыслями“ Срезневскаго письмо къ нему Погодина, который въ немъ заявляетъ, что до появленія „мыслей“ онъ блуждалъ во тьмѣ невѣдѣнія на счетъ отношеній великорусскаго и малорусскаго нарѣчій къ церковнославянскому. „Въ моемъ мнѣніи вотъ что было справедливаго, говоритъ онъ: въ эпоху перевода священ. писанія *племена:* малорусское, великорусское, *церковное,* т. е. то, на чей языкъ переведены были книги, жили, каждое своею жизнію..... А вотъ что несправедливаго или лучше темнаго, неопредѣленнаго, что теперь дополняется и уясняется: великорусское и церковное не суть два нарѣчія, какъ тогда я полагалъ, а есть одно и то же нарѣчіе, по мѣстамъ (*въ Селуни и на Днѣпрѣ*) имѣвшее нѣкоторыя легкія отличія. Нынѣшнее письменное великорос. нарѣчіе

есть тотъ же церковный языкъ, въ устахъ народа подвергшійся измѣненіямъ и достигшій трудами писателей настоящаго совершенства, а не особое нарѣчіе“ [1]). Таковы крайніе выводы, къ которымъ можно было придти, слѣдуя тому склону мыслей, который намѣченъ въ „мысляхъ“ Срезневскаго. Пограничныя линіи въ начальной исторіи славянскихъ народовъ передвинуты широкимъ распространеніемъ *церковнаго племени*. Оказывается, что это именно и есть великорус. племя, и жило оно въ вѣкъ Кирилла и Меѳодія въ Селуни и на Днѣпрѣ. Могъ ли Срезневскій ожидать, что кто-нибудь сдѣлаетъ такой невѣроятный выводъ изъ его „мыслей“?

Никто, конечно, не можетъ поручиться за судьбу своихъ мыслей, какъ бы онѣ осторожно ни были высказаны. Но справедливость требуетъ сказать, что самая осторожность, съ которою, обыкновенно, Срезневскій дѣлаетъ свои выводы, въ этомъ случаѣ поставила его въ необходимость дать такую группировку фактамъ объ отношеніи русскаго языка къ славянскому, что Погодину легко уже было изъ положеній Срезневскаго логически развить ненаучные выводы. По мнѣнію Срезневскаго, до XIII в. книжный русскій языкъ, языкъ произведеній духовныхъ, языкъ лѣтописей и администраціи нисколько не отличался отъ народнаго, т. е. другими словами—древнерус. языкъ и древнеславянскій—одно и то же. Такое категорическое заявленіе о единствѣ этихъ языковъ невольно располагаетъ думать, что чертамъ различія, указаннымъ выше, Срезневскій не даетъ особеннаго значенія, что это—черты мелкія, несущественныя. Съ другой стороны, Срезневскій совсѣмъ не отказывается отъ мысли, что было два языка. Какъ же быть? Два или одинъ? Одно изъ двухъ: или было два языка, и въ такомъ случаѣ требовалось признать и указать существенно типическія черты различія между ними, слѣдовательно, не могло быть рѣчи объ единомъ языкѣ. Если же сложилось такое убѣжденіе, что индивидуальныхъ особенностей, которыя бы составляли природу того и другаго языка совсѣмъ не было, то былъ, слѣдовательно, одинъ языкъ, поэтому неудобно говорить о двухъ языкахъ.

Мы высоко цѣнимъ заслуги Срезневскаго въ наукѣ о русскомъ языкѣ, тѣмъ не менѣе не можемъ не указать на эту двойственность въ мысляхъ его объ исторіи русскаго языка. Желая высказаться по этому

[1]) Лекціи Погод. т. VII, 433.

поводу болѣе положительно, мы должны войти въ нѣкоторыя подробности о такъ называемыхъ превращеніяхъ въ языкѣ, которыхъ касается въ своемъ трудѣ самъ Срезневскій. То, что называетъ Срезневскій превращеніями, М. Мюллеръ называетъ искаженіемъ языка. Этотъ процессъ довольно наглядно описанъ у Срезневскаго: „вступая въ періодъ превращеній, говоритъ онъ, языкъ прежде всего измѣняетъ свою звучность. Звуки перемѣшиваются, замѣняются одни другими, не берегутся по прежнему въ ихъ коренномъ значеніи; увеличиваются иногда числомъ, часто и пропадаютъ, ничѣмъ не замѣненные, слившись съ другими; увеличивается болѣе количество звуковъ сложныхъ, составныхъ, уменьшается болѣе количество звуковъ нераздѣльныхъ. Отъ измѣненія въ системѣ звуковъ измѣняется и система корней [1])": Затѣмъ падаютъ формы...... Слова Срезневскаго главнымъ образомъ характеризуютъ образованіе такъ называемыхъ литературныхъ языковъ. Они непремѣнно идутъ путемъ фонетическаго упадка. Широкое разнообразіе діалектовъ, среди которыхъ одному изъ нихъ или же нѣсколькимъ суждено занять выдающееся положеніе, остается нетронутымъ: они могутъ идти дальше по пути раздробленія на частные, отдѣльные говоры; въ нихъ можетъ еще долго жить и дѣйствовать законъ діалектическаго роста,—законъ, обратный закону діалектическаго упадка. Такъ, въ современной Италіи существуетъ не менѣе двадцати діалектовъ, во Франціи не менѣе четырнадцати, наиболѣе рѣзкихъ, въ Греціи насчитываютъ ихъ до семидесяти [2]). Обращаясь къ славянскому міру, видимъ поразительное разнообразіе мѣстныхъ говоровъ: такъ въ небольшомъ племени Словинцевъ (по Брахелли всего 1,248,000) считается девятнадцать говоровъ. О племенахъ некультурныхъ и говорить нечего: тамъ еще большій просторъ діалектическому размноженію нарѣчій. Основываясь на показаніяхъ путешественниковъ и миссіонеровъ, М. Мюллеръ приводитъ поразительные факты разнообразія говоровъ у дикихъ народовъ. Но въ то самое время, какъ живая, творческая сила языка разливается без-

---

[1]) Срезн. „мысли." 13.

[2]) Вотъ напр. на выдержку одинъ изъ такихъ фактовъ. Въ сосѣдствѣ Манипутры капитанъ Гордонъ насчиталъ не менѣе двѣнадцати діалектовъ. „Нѣкоторые изъ нихъ, говоритъ онъ, употребляются не болѣе, какъ 30 или 40 семействами, и на столько отличаются отъ всѣхъ прочихъ, что непонятны даже самымъ близкимъ сосѣдямъ". Лекціи М. Мюллера 41.

численными звуковыми потоками,—среди народовъ, создавшихъ высшій порядокъ жизни политической и соціальной, вырабатывается одно господствующее нарѣчіе, которое было прежде не больше, какъ однимъ изъ многихъ діалектовъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстностямъ, въ разныхъ слояхъ и группахъ населенія. Это нарѣчіе постепенно укладывается въ болѣе и болѣе опредѣленную звуковую норму,—приходятъ въ столкновеніе элементы разнообразія для того, чтобы выработать единое, изъ *общаго* обособиться, но никакъ не изъ *единаго*, если разумѣютъ подъ *единымъ* нѣчто безразлично-тождественное. Большая разница между понятіями *единый* и *общій*: не единое разлагается для образованія господствующаго нарѣчія, но *многое* концентрируется, изъ *общаго* выдѣляется спеціальное. Само собою разумѣется, что огромная масса діалектическихъ фактовъ все-таки остается за чертой того движенія, которое совершается въ господствующемъ нарѣчіи. Многое въ немъ ассимилируется, но еще больше постороннихъ элементовъ отбрасывается, и самая большая доля вліянія принадлежитъ составнымъ элементамъ того передоваго діалекта, внутри котораго совершается историческое движеніе. Мало-по-малу онъ поднимается все выше и выше надъ уровнемъ діалектической пестроты, стремясь распространить всюду вокругъ себя нивеллирующее вліяніе. Но преобладающее значеніе онъ покупаетъ цѣною утраты звуковаго своего богатства. Подъ вліяніемъ постепенно крѣпнущей мысли, въ немъ нарушается гармоническое отношеніе между звукомъ и мыслью, которая приводитъ въ броженіе звуковые элементы слова, безпощадно разлагая ихъ въ интересѣ собственнаго своего развитія [1]). Языкъ становится искусственно-условнымъ знаменемъ племеннаго единства, создаваемаго культурнымъ ходомъ жизни.

---

[1]) Форма слова, по мнѣнію Потебни, есть значеніе, а не звукъ, который есть только внѣшній знакъ формы. Съ этой точки зрѣнія искаженіе звука не означаетъ эпохи упадка формъ, поэтому въ новыхъ языкахъ по отношенію къ древнимъ можно видѣть перерожденіе, а не вырожденіе и искаженіе. (Изъ запис. по рус. грам. 73—75). Эта поправка кажется намъ вполнѣ основательной, хотя фактъ искаженія звука все-таки остается неоспоримымъ. „Чѣмъ слабѣе энергія мысли, говоритъ самъ Потебня, тѣмъ болѣе она нуждается въ звукѣ, какъ внѣшней опорѣ, но, по всѣмъ соображеніямъ, эта энергія въ языкѣ увеличивается, и этимъ объясняется небрежность въ сохраненіи прежняго звуковаго состава слова". (Ibid).

Такъ образуются культурные языки......

Вотъ къ нимъ то и можно отнести, говоритъ М. Мюллеръ, замѣчаніе Гримма, что діалекты развиваются постепенно, что, чѣмъ далѣе назадъ заглядываемъ мы въ исторію, тѣмъ число ихъ менѣе, тѣмъ черты ихъ неопредѣленнѣе [1]). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ старину діалектическія разности были гибче, подвижнѣе, неуловимѣе,—но вмѣсто того, чтобы отъ себя опровергать мысль Гримма, М. Мюллеръ могъ бы ограничиться ссылкой на собственныя слова его, сказанныя имъ въ рецензіи на грамматику Добровскаго. „Если мы будемъ, говоритъ Гриммъ, слѣдить за исторіей языковъ изъ столѣтія въ столѣтіе по памятникамъ, то увидимъ, что прежде было больше самостоятельныхъ діалектовъ, чѣмъ нынѣ. Въ вѣкъ Тацита, безъ сомнѣнія, было больше нарѣчій, чѣмъ при Карлѣ Великомъ,—съ Карла же они уменьшались все больше и больше. Въ языкѣ господствуетъ принципъ натуры, которому противодѣйствуетъ законъ духовнаго развитія. Какъ только въ одномъ какомъ нибудь нарѣчіи начинается разсвѣтъ духовной жизни, тотчасъ эта жизнь овладѣваетъ всѣмъ разнообразіемъ явленій, данныхъ природой. Дикіе народы очень долго могутъ сохранять въ неизмѣнномъ видѣ свои діалектическія разности“ [2]). Съ послѣднею мыслью едва ли можно согласиться: сдѣлано множество наблюденій, изъ которыхъ слѣдуетъ заключеніе совсѣмъ другое, именно, что у дикихъ народовъ языки очень быстро измѣняются, дробятся до безконечнаго разнообразія [3]), постоянно находясь въ процессѣ діалектическаго роста,—процессѣ, который *въ отдѣльныхъ діалектахъ* можетъ продолжаться въ одно и то же время и притомъ параллельно съ процессомъ звуковаго ограниченія, упадка въ одномъ *господствующемъ нарѣчіи*.

Итакъ, кто хочетъ понять прошедшее въ жизни языка, тотъ долженъ постоянно имѣть въ виду существенное различіе между *діалектическимъ индивидуализмомъ и діалектическимъ разнообразіемъ*. Моменты эти далеко не сходны между собою и часто находятся въ обратномъ отношеніи другъ къ другу: какъ продуктъ природы, языкъ, взятый во всей совокупности своихъ діалектовъ, представляетъ очень пеструю и въ то же время недостаточно яркую картину діалектическихъ

[1]) Лекціи М. Мюллера. 38.

[2]) Grimm. Klein. Schrift. IV B., 1 Theil, 195.

[3]) Лекціи М. Мюллера 39—42.

различій,—какъ продуктъ духовнаго развитія народныхъ силъ, онъ является типическимъ органомъ духовной природы народа, выразителемъ его міросозерцанія. Можно говорить о единствѣ какого-нибудь языка въ древнѣйшемъ его состояніи, соединяя съ понятіемъ единства оттѣнокъ этнографическій, а не историческій, и, само собою разумѣется, что чѣмъ древнѣе мы беремъ моментъ въ жизни языка, тѣмъ настоятельнѣе необходимость разсматривать его съ этнографической точки зрѣнія. Самъ Срезневскій относитъ начало превращеній въ языкѣ къ тому времени, когда окончилось уже развитіе формъ его,—затѣмъ, говоря о праязыкѣ русскомъ, предъ самой эпохой превращеній приписываетъ ему богатство и полноту формъ [1]). Изъ этой вполнѣ вѣрной мысли онъ не сдѣлалъ, впрочемъ, соотвѣтствующаго вывода, именно, что въ самомъ проязыкѣ русскомъ были уже зачатки того діалектическаго разнообразія, которое опиралось на этнографическую раздробленность племенъ, говорившихъ этимъ языкомъ. Въ этой недосказанности „мыслей" заключается, по нашему мнѣнію, причина указанной нами двойственности въ воззрѣніяхъ на отношенія языка русскаго къ древнеславянскому.

Нельзя, однако же, не сознаться, что возстановить эти отношенія въ возможно полномъ и ясномъ видѣ чрезвычайно трудно. По мѣрѣ удаленія отъ настоящаго, этнографическая почва все больше и больше колеблется подъ нами и, наконецъ, совершенно исчезаетъ. Средствъ у насъ мало для того, чтобы возстановить звуковой образъ того языка, которымъ говорили наши предки. Источники у насъ, главнымъ образомъ, письменные,—но они—свидѣтели періодовъ болѣе позднихъ, тѣхъ періодовъ въ жизни языка, когда онъ, подъ вліяніемъ исторической обстановки, шелъ по пути діалектическаго искаженія,—и вотъ почему этотъ позднѣйшій процессъ искаженія мы иногда принимаемъ за процессъ діалектическаго роста. Намъ кажется, что черты мѣстныхъ нарѣчій *возникли* позже, тогда какъ они *появились* въ письменности позже. Да если осмотрѣться, какъ слѣдуетъ, то и въ письменности отдѣльныя черты, по видимому, позднѣйшихъ формацій неожиданно пробиваются совсѣмъ не въ урочное время. Такъ, въ Супрасл. рукоп. мы встрѣчаемъ позднѣйшую малорус. форму *була* (*лъжа бы була*

[1]) Срезн. „Мысли." 22.

мои сынъ) вм. древнеслав. *была* [1]),—въ Погодинской псалтири (XII в.) не менѣе позднюю тоже малорус. форму *що* вм. *чьто* (*рекъ Июда що ми хощете дати*) [2]),—въ Святосл. сборникѣ 1073 г. оконч. прошедшаго времени *въ* вм. *лъ* (*иже третиие не давъ*) [3]),—встрѣчаемъ, наконецъ, во многихъ памятникахъ, начиная съ XI в., прошедш. на *лъ* безъ вспомогат. глагола [4]). Данныхъ въ этомъ родѣ можно-бы было привести много, но для нашей цѣли довольно и тѣхъ, на которыя мы указали. Мы далеки отъ всякаго намѣренія доказывать ими, что уже въ XI в. вполнѣ сложились черты нарѣчій, которымъ они соотвѣтствуютъ. Мы желаемъ только поставить на видъ то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ этихъ чертъ существовали уже въ XI в. и что, поэтому, въ виду предполагаемаго въ XI в. сугубаго единства въ составѣ и строѣ русскаго языка, не слѣдуетъ игнорировать несомнѣнно господствовавшей въ немъ въ то время этнографической розни: Ламанскій предполагаетъ, что уже въ XI в. обнаружилось главнѣйшее отличіе великорусскаго нарѣчія отъ малорусскаго [5]). Въ какой степени это вѣроятно или нѣтъ, мы увидимъ впослѣдствіи,—теперь же не можемъ не согласиться съ его общимъ замѣчаніемъ, что предполагаемый формальный строй славянс. языка началъ колебаться не съ конца XIII или съ начала XIV в., а съ XI—X в.: доказывается это разнообразіемъ окончаній въ древнѣйшихъ памятникахъ для одной и той же формы, съ другой стороны, сходствомъ окончаній для разныхъ формъ. Ламанскій приводитъ изъ разныхъ памятниковъ множество фактовъ такого рода [6]). Да и самъ Срезневскій, пріурочившій переходное состояніе славянскихъ нарѣчій къ XIII—XIV в. [7]), въ позднѣйшихъ работахъ своихъ выразилъ убѣжденіе, что уже въ самыхъ древнихъ памятникахъ юсоваго письма (XI—XII в.) встрѣчаются, и притомъ въ огромномъ количествѣ, слѣды разныхъ славянскихъ нарѣчій [8]). Даже

---

1) О нѣкотор. слав. рукоп. въ Бѣлгр. Загребѣ и Вѣнѣ. Ламанск. 42.
2) Ibid. 49.
3) Ibid. 68.
4) Ibid. 65—67.
5) Ibid. 80.
6) Ibid. 44—45.
7) „Мысли“ Срезн. 32.
8) Древн. пам. юсов. пис. Срезн. 167.

въ Остромірововъ евангеліи есть описки не только русскаго, но и юго-западнаго происхожденія [1]). Ту же діалектическую мозаику можно наблюдать во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ юсоваго письма.

Замѣчательныя открытія въ этой области сдѣланы Срезневскимъ. Онъ привелъ въ извѣстность множество данныхъ, сюда относящихся, и, что всего важнѣе, объективно поставилъ ихъ, нисколько не затрудняясь тѣмъ обстоятельствомъ, что они не совсѣмъ подтверждаютъ мысли его объ отношеніи русскаго языка въ древнеслав., высказанныя гораздо раньше („Мысли“ напечатаны въ 1850 г., Памятники юсоваго письма въ 1868 г.). Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли можно теперь, послѣ изслѣдованій Срезневскаго, утверждать, что въ то время, когда писаны были „поученія Иларіона“, „Русская правда“, „Духовная Мономаха“, „Слово о полку Игоревомъ“ и проч., народный языкъ не отличался отъ книжнаго [2]), — едва-ли можно, съ другой стороны, простирать сходство древнеслав. языка съ древнерусскимъ до тѣхъ границъ, которыя отмѣтилъ Срезневскій. Самъ онъ въ примѣчаніяхъ къ изданнымъ памятникамъ рѣшительно высказывается въ пользу самобытнаго, чуждаго всякой, даже русской примѣси, славянс. языка. Онъ находитъ, что памятниковъ, въ которыхъ сохранился бы чистый славянскій языкъ очень немного, что даже тамъ, гдѣ носовыя гласныя не исчезли, какъ онѣ исчезли у Русскихъ и у Сербовъ, издавна былъ употребляемъ языкъ *не чисто-славянскій*, но смѣшанный съ особенностями народнаго говора, и притомъ не одного, но нѣсколькихъ различныхъ [3]). Что это за *чистый славянскій языкъ?*—Сколько намъ извѣстно, въ наукѣ давно утвердилось то мнѣніе, что съ самаго того времени, какъ Кириллъ и Меѳодій начали переводить евангеліе, можно говорить не о чисто-славянскомъ языкѣ, а только объ одномъ нарѣчіи, которое избрали они для перевода. Гораздо болѣе разногласія между учеными въ вопросѣ о томъ, какое было это нарѣчіе. Одни считаютъ его паннонско-словинскимъ, другіе—македоно-болгарскимъ, нѣкоторые, наконецъ, русскимъ. Не говоря о Погодинѣ, который, въ качествѣ историка, легко могъ сдѣлать лингвистическую ошибку, ее повторяютъ даже ученые, не чуждые филологической спеціальности. Такъ, Сухомлиновъ

---

1) Ibid. 176—184.

2) „Мысли“ Срезневск. 95—96.

3) Предисл. къ памятн. юс. пис. 1.

думаетъ, что если и было различіе между древнерус. книжнымъ и разговорнымъ языкомъ, то оно „выразилось не въ употребленіи двухъ различныхъ, хотя и соплеменныхъ языковъ, а въ образованіи двоякаго слога одного и того же языка“ [1]). Мы затрудняемся понять это мнѣніе: оно какъ будто-бы и признаетъ два различные, хотя и соплеменные языка, и отрицаетъ ихъ. Виной этой путаницы въ понятіяхъ, повторяемъ, былъ Срезневскій, который самъ въ прежнее время высказывалъ мнѣнія объ отношеніи русскаго языка къ славянскому недостаточно устойчивыя и опредѣленныя. Теперь онъ ищетъ *чистаго славянскаго языка*, совершенно устраняя изъ своихъ ученыхъ соображеній вопросъ о томъ, на какое нарѣчіе переведены были священныя книги. По всему видно, что подъ *чистымъ славянс. языкомъ* онъ разумѣетъ такой языкъ, который можно было бы возстановить изъ древнѣйшихъ памятниковъ. Найболѣе близкими памятниками къ чистому славянскому типу онъ считаетъ Остроміpово евангеліе, Чудовскую псалтирь, Изборникъ 1073, Сборникъ 13 словъ Григорія Назіанзина, Евгеніевскую псалтирь и Туровское евангеліе. Все это памятники XI в. Въ нихъ, по мнѣнію Срезневскаго, въ найбольшемъ количествѣ сохранились идеальныя черты предполагаемаго нами абстрагированнаго славянскаго языка,—но это уже, очевидно, не тотъ языкъ, который представляетъ какую бы то ни было діалектическую примѣсь. Предметъ изысканій Срезневскаго—праязыкъ славянскій.

Отъ нашей спеціальной задачи мы перешли вмѣстѣ съ Срезневскимъ на ту отдаленную и вмѣстѣ подвижную почву, на которой чрезвычайно трудно заложить какія нибудь прочныя основы. Мы и не думаемъ, впрочемъ, пускаться въ изслѣдованіе одного изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ въ области славянскаго языкознанія,—вопроса о праязыкѣ славянскомъ. Мы хотѣли бы только, въ такой мѣрѣ, въ какой это необходимо для нашего изслѣдованія о малорус. нарѣчіи, точнѣе опредѣлить идею праязыка вообще и въ частности праязыковъ славянскаго и русскаго.

Прежде всего считаемъ нужнымъ заявить, что теорія діалектическаго роста ничуть не находится въ противорѣчіи съ идеей праязыка, будемъ ли мы разумѣть праязыкъ всего арійскаго племени, или же

---

[1]) Учен. зап. Ак. Наукъ, кн. 1. 250

праязыкъ отдѣльныхъ семействъ внутри этого племени. „Періоды возрастанія языка, говоритъ М. Мюллеръ, начинаются и идутъ параллельно съ исторіей человѣчества“ [1]). Но понятно, что начальные періоды возрастанія далеко не то, что позднѣйшіе. Съ теченіемъ времени процессъ возрастанія измѣняется, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что первоначальное разнообразіе становится ярче, выпуклѣе, объективнѣе. Охотно соглашаемся, что среди племенъ, которыя не развѣтвились еще на отдѣльныя группы, не восприняли еще всего разнообразія климатическихъ и историческихъ впечатлѣній, создающихъ отдѣльные типы, могло сохраняться въ теченіе нѣкотораго времени сходство воззрѣній, а слѣдовательно, и въ строѣ самаго языка—общій колоритъ. Но не нужно забывать, что этотъ доисторическій моментъ праязыка, хотя бы и славянскаго, не могъ быть продолжительнымъ. При той подвижности населенія, которою отличаются племена, не заложившія въ странѣ прочныхъ основъ культуры, подкрѣпленной грамотностію, нельзя ожидать устойчивости, необходимой для того, чтобы могло поддерживаться традиціонное единство въ образѣ жизни, въ міросозерцаніи и языкѣ. Нечего и говорить уже о томъ, что съ самаго того момента, какъ дошли до насъ первыя извѣстія о Славянахъ, они уже являются предъ нами народомъ многочисленнымъ, разбросаннымъ на огромныхъ пространствахъ,—народомъ, у котораго „болота и лѣса, по свидѣтельству Іорнанда, замѣняютъ города“ [2]), котораго народное имя Сербы (σπόροι) Прокопій объясняетъ тѣмъ, что они жили разсѣянно [3]). Кому неизвѣстно, что первые лучи исторіи освѣщаютъ намъ великое славянское племя въ состояніи раздробленности на отдѣльныя группы, подъ управленіемъ мѣстныхъ князей, которымъ они плохо повинуются? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ строй жизни установился не въ то время, когда византійскіе и арабскіе писатели начали говорить о славянахъ, что онъ господствовалъ задолго до появленія первыхъ историческихъ извѣстій объ этомъ племени. Вотъ почему мы не можемъ питать никакихъ надеждъ на возстановленіе славянскаго праязыка въ его, такъ сказать, реальной обстановкѣ.

Что же такое праязыкъ вообще не въ смыслѣ научной абстра-

---

[1]) Лекціи по наукѣ о яз. М. Мюллера. 51,

[2]) Сказ. иностр. о славянахъ. Макушева. 108.

[3]) Ibid. 108.

кціи, болѣе или менѣе произвольно составляемой изъ элементовъ сходства между родственными языками, а въ смыслѣ живой дѣйствительности, которую во всякомъ случаѣ мы должны допустить хотя-бы и за предѣлами положительныхъ данныхъ исторіи? Съ идеей праязыка въ его живомъ, конкретномъ значеніи мы соединяемъ *полноту* и *разнообразіе* звуковъ и формъ вмѣстѣ съ подвижностію и, такъ сказать, текучимъ, живымъ характеромъ ихъ. Нельзя представить себѣ праязыкъ недостаточнымъ, неполнымъ, какъ съ фонетической стороны, такъ и со стороны формальной. Если мы желаемъ выводить изъ него позднѣйшіе языки, то должны предположить въ немъ такіе зачатки, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались индивидуумы въ видѣ отдѣльныхъ нарѣчій. Съ другой стороны, въ разнообразіи первичныхъ элементовъ заключалось условіе цѣльности основнаго строя: разнообразіе представляло множество точекъ соприкосновенія между діалектическими побѣгами роста, именно въ силу того, что звуковыя явленія рѣзко еще не обособились. Пока не воспослѣдовало рѣзкихъ перемѣнъ въ жизни, которыя повлекли за собою переворотъ въ міросозерцаніи первичнаго племени, до тѣхъ поръ предполагаемыя нами точки сходства, основанныя на богатствѣ и разнообразіи звуковыхъ оттѣнковъ, давали діалектическимъ оттѣнкамъ единство типа, скрѣпляли его живымъ чувствомъ племеннаго родства. Въ праязыкѣ мы предполагаемъ живую игру звуковыхъ красокъ, не ярко оттѣненныхъ еще одна отъ другой, но незамѣтными, колеблющимися тѣнями впадающихъ одна въ другую. Процессъ діалектическаго роста, накопляя массу новыхъ оттѣнковъ, все болѣе и болѣе раздвигаетъ этнографическія границы первичнаго племени и первичнаго языка, пока, наконецъ, въ одномъ изъ діалектовъ не пробьется новая струя самосознанія, возбужденной работы духа, стремящагося овладѣть окружающею дѣйствительностію. Тогда начинается перебой нѣкогда общихъ понятій въ отдѣльныя міросозерцанія, праязыка—въ отдѣльныя нарѣчія. Съ этого момента наступаетъ индивидуализмъ на мѣсто первичнаго неустойчиваго многообразія. Оно мало-по-малу ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ формы становятся однообразнѣе и исключительнѣе, наклоняясь въ ту или другую сторону звуковаго подбора. При всемъ этомъ, діалекты, начавшіеся еще въ періодъ праязыка, продолжаютъ свой ростъ, независимо отъ историческаго теченія, охватившаго одинъ изъ нихъ. Иногда случается, что, вслѣдъ за передовымъ діалектомъ, раньше вступившимъ на историче-

скій путь, поднимается другой, затѣмъ третій и т. д. Такъ именно случилось, въ силу исторической обстановки, съ славянс. нарѣчіями.

Въ такихъ чертахъ рисуется намъ идея праязыка..... Если намъ желательно дать ей вѣроятность нѣкогда существовавшаго факта, то мы должны устранить изъ своихъ понятій представленіе о неподвижномъ единообразіи предполагаемаго нами праязыка. Въ общемъ ему не чужда была извѣстная типичность, въ подробностяхъ онъ представлялъ діалектическую смѣсь звуковъ и формъ. Обѣ эти черты, дополняя одна другую, неразрывно связаны съ идеей праязыка, такъ что отсутствіе какой нибудь изъ нихъ уничтожаетъ самую возможность представить себѣ то, что въ наукѣ называется праязыкомъ.

Спрашивается, былъ ли моментъ, соединяемый съ идеей праязыка, для русскихъ нарѣчій? Былъ ли праязыкъ русскій?

Судя по аналогіи съ другими языками, слѣдуетъ предположить моментъ общерусскій—такой моментъ, въ которомъ, рядомъ съ діалектической пестротой русскихъ нарѣчій въ ихъ первоначальномъ видѣ, существовала типическая близость между ними въ основныхъ чертахъ.

Не такъ легко отвѣтить на другой вопросъ: къ какому времени относится общерусская эпоха языка, т. е. составляетъ-ли она доисторическую давность или же историческую?

Полагать надобно, что съ того времени, какъ восточные славяне, населившіе русскую равнину, начали входить между собою во взаимныя соглашенія для общихъ предпріятій, между ними должны были зародиться зачатки такого языка, который служилъ бы посредствующимъ органомъ для выраженія общихъ интересовъ. Такимъ образомъ, повидимому, должно было нарушиться діалектическое равновѣсіе, соединенное съ идеей праязыка. Съ другой стороны, задолго еще до эпохи Владиміра, когда утвердилось на Руси христіанство съ своимъ неизбѣжнымъ спутникомъ—письменностію, задолго даже до той эпохи, съ которой, обыкновенно, начинаютъ русскую исторію, русскія племена находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ образованными сосѣдями—византійцами и арабами, а это выводило ихъ изъ тѣсной сферы непосредственныхъ интересовъ на общій путь взаимодѣйствія, что, конечно, должно было отразиться и въ міросозерцаніи, и въ языкѣ ихъ. О письменахъ у русскихъ упоминаютъ уже арабскіе историки, а въ IX в., по свидѣтельству паннонскаго житія, Св. Кириллъ нашелъ въ Корсуни евангеліе и псалтирь „*Руськы письмены писано, и человѣка обрѣтъ гла-*

гомоща тою бесѣдою [1])"…. Что это была за бесѣда, какія были это письмена, мы не знаемъ,—можно предполагать только, что среди русскихъ племенъ, до начала русской исторіи, существовала уже потребность дать текучей рѣчи болѣе устойчивое, письменное выраженіе. Затѣмъ, въ историческое уже время мы имѣемъ рядъ договоровъ кіевской Руси съ греками, но языкъ договоровъ есть смѣсь русскаго, старославянскаго и греческаго. Притомъ самые договоры, вставленные въ начальную лѣтопись, дошли до насъ въ редакціи XIV—XV в., поэтому мы не имѣемъ никакой возможности опредѣлить черты современнаго имъ языка русскаго. Отсутствіе въ договорахъ весьма обычныхъ въ древнерус. языкѣ терминовъ *(вира, послухъ, лице, разбои, холопъ, рядъ, гривна* и проч.),—съ другой стороны, изобиліе въ нихъ славянскаго элемента—все это заставляетъ думать, что въ X в., послѣ того какъ изобрѣтеніе Кирилла и Меѳодія такъ прочно привилось въ Болгаріи, готовый образецъ письменнаго языка началъ распространяться и среди русскихъ племенъ, и притомъ не для однихъ религіозныхъ цѣлей. Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ дѣло касалось религіи, языкъ перевода священныхъ книгъ былъ еще болѣе обязателенъ. Первые кіевскіе христіане, безъ сомнѣнія, употребляли въ дѣлахъ вѣры славянс. языкъ. Объ эпохѣ Владиміра, когда христіанству, вмѣстѣ съ славянскою письменностью, открытъ былъ широкій просторъ въ русской землѣ, и говорить нечего: не было ни надобности, ни возможности русскимъ славянамъ создавать особую письменность собственно для русскаго языка, когда существовала готовая, вполнѣ приспособленная для выраженія высшаго порядка идей, письменность, поддерживаемая высокимъ авторитетомъ христіанства.

Что же сталось съ русскимъ языкомъ? Мы указали на едва мерцающіе проблески самосознанія въ первыхъ попыткахъ, можетъ быть, независимо отъ славянскаго образца, записать устную рѣчь,—указали на сомнительное преданіе о евангеліи и псалтири русской,—но этихъ фактовъ слишкомъ недостаточно для того, чтобы допустить въ ту отдаленную эпоху среди русскихъ племенъ появленіе такого нарѣчія, которое выступало бы изъ ряда другихъ съ преобладающимъ значеніемъ въ культурной роли по отношенію къ другимъ нарѣчіямъ. Чтобы ни говорили защитники прадавней культуры русской на берегахъ Днѣпра

[1]) Изв. Ак. X. 1. 3.

и Чернаго моря [1]),—они не въ состояніи дать ей сколько-нибудь осязательный образъ, значеніе не подлежащаго сомнѣнію факта. Такія явленія, какъ человѣческія жертвы, происходившія у полянъ на памяти исторіи въ X в., должны были бы предостеречь насъ отъ всякой идеализаціи славянорусскаго быта въ VIII—IX в. Разрозненность составляла основную черту его. Правда, однообразная равнина, на которой поселились русскія племена, не позволяла имъ отклониться отъ общаго типа,—но не забудемъ, что эта равнина изобиловала густыми, непроходимыми лѣсами гораздо въ большей степени, чѣмъ въ наше время, и если въ лѣсной глуши и теперь еще недостатка нѣтъ, то въ старину и подавно. Главными продуктами древнерусской торговли, какъ извѣстно, были звѣриныя шкуры, медъ и воскъ—произведенія лѣсной страны. Главнымъ богатствомъ предковъ нашихъ испоконъ вѣку были борти да бобровые гоны. Дремучіе лѣса производили у насъ до извѣстной степени то же вліяніе, какъ въ другихъ краяхъ горы, т. е. содѣйствовали племенной розни, племенной обособленности и въ бытѣ, и въ языкѣ. Съ другой стороны, русская равнина отовсюду открыта была постороннему вліянію. На сѣверозападѣ русскія племена жили въ сосѣдствѣ съ норманнами, на сѣверовостокѣ съ финскими народами, на юговостокѣ и югѣ съ татарскими народами, на западѣ съ литовцами; такое разнообразіе инородческихъ вліяній не могло содѣйствовать уравненію нарѣчій. Наконецъ, нужно полагать, что самые моменты разселенія восточныхъ славянъ въ русской равнинѣ были различны: не всѣ же разомъ двинулись они изъ первоначальной своей родины, не всѣ разомъ осѣлись на занятыхъ ими мѣстахъ. Радимичи и вятичи позже всѣхъ врѣзались въ средину русскихъ племенъ и, безъ сомнѣнія, представляли этнографическую разновидность, которая не скоро утратила свои первобытныя черты. Исторія застаетъ уже среди русскихъ славянъ установившуюся земледѣльческую осѣдлость, но рядомъ съ полянами—земледѣльцами жили древляне не меньше звѣроловы, какъ и земледѣльцы. Преданіе, занесенное въ начальную лѣтопись, гласитъ, что по смерти Кія съ братьями, поляне „быша обидимы Древлянами“. Очевидно, земледѣльческіе центры долго окружены были болѣе подвижными группами звѣролововъ и пастуховъ. Постепенно притягивая къ себѣ бродячіе элементы, они сами, безъ сомнѣнія, тѣмъ

[1]) О мнимомъ призв. Варяговъ. Иловайск. Рус. В. 1871. Ноябрь.

болѣе терпѣли отъ сосѣдства съ послѣдними, чѣмъ были моложе въ раннюю пору своего образованія. Среди полянъ въ незапамятную эпоху образовался центральный пунктъ соединенія для всего племени, но до появленія Олега въ Кіевѣ, мы не видимъ, чтобы этотъ первоначальный центръ русской жизни оказывалъ замѣтное вліяніе на судьбу другихъ племенъ. Какъ ни были не сходны между собою этнографическія величины, составлявшія группу славяно-русскихъ племенъ, но ни одна изъ нихъ не имѣла значительнаго преобладанія надъ другими; каждое племя имѣло „*свои обычаи, и законъ отець своихъ, и преданія, кождо свой нравъ* [1])".

Такимъ образомъ, какъ въ жизни, такъ и въ языкѣ тѣхъ племенъ, которыя заняли русскую равнину, мы должны признать два противоположныя теченія. Съ одной стороны, мѣстность, занятая ими, никогда не представляла на столько рѣзкихъ границъ, чтобы онѣ были не переходимы для бродячихъ элементовъ, особенно живучихъ во всякую первобытную эпоху: отсюда шло центростремительное теченіе, которое поддерживало во всей группѣ русскихъ племенъ сходство въ основныхъ чертахъ восточно-славянскаго типа. Съ другой стороны, въ характерѣ той же мѣстности, которая совсѣмъ не чужда была своеобразныхъ полосъ, отдѣлявшихъ одинъ край отъ другаго, а равно и въ другихъ подробностяхъ бытовой обстановки, заключались условія обратнаго, центробѣжнаго теченія, которое содѣйствовало сохраненію этнографическихъ особенностей, не исчезнувшихъ и донынѣ. Языкъ, лучшій выразитель жизни, долженъ былъ представлять ея же собственныя черты, т. е. сходство въ основномъ строѣ и діалектическое разнообразіе въ подробностяхъ.

Былъ ли это тотъ моментъ, который соотвѣтствуетъ идеѣ праязыка? Былъ ли это праязыкъ русскій?

Мы не можемъ представить его себѣ въ иномъ видѣ, съ иными чертами, помимо тѣхъ, на которыя указали сейчасъ. Не форменное однообразіе составляло характеристическую особенность его, а та широкая полнота звуковъ и формъ, которая вмѣщала въ себѣ всѣ діалектическія разновидности. Конечно, это былъ единый языкъ по основному тяготѣнію его элементовъ къ тѣмъ или другимъ особенностямъ всего цѣлостно представляемаго типа, но это было единство непосред-

[1]) Лавр. сп. 6.

ственной силы, далеко не подчинившейся еще принципу духовнаго развитія, слѣдовательно, оно не исключало діалектическаго разнообразія. Въ праязыкѣ русскомъ, какъ и во всякомъ праязыкѣ, не мыслимо, по нашему мнѣнію, разнообразіе, лишенное центра,—точно такъ же не мыслимъ центръ безъ разновидностей, для которыхъ онъ служитъ центромъ. Признавая то и другое въ отдѣльности, а не вмѣстѣ, мы логически исключаемъ какъ то, такъ и другое.

Что касается хронологическихъ границъ, которыя бы опредѣляли эпоху праязыка русскаго, то само собою понятно, что строго отмѣтить ихъ нѣтъ никакой возможности. Съ одной стороны, онѣ уходятъ въ недосягаемую для ученаго изслѣдованія доисторическую даль, съ другой стороны, сталкиваются на разныхъ пунктахъ и не въ одно время съ фактомъ принятія чужой образованности и письменности, фактомъ, который повлекъ за собою рѣшительныя превращенія въ строѣ жизни и языка. Вотъ почему мы отказываемся установить сколько нибудь точныя хронологическія рамки для русскаго праязыка. Мы называемъ этотъ языкъ *общерусскимъ* языкомъ, разумѣя подъ нимъ всю совокупность элементовъ и формъ, лежащихъ въ основѣ всѣхъ русскихъ нарѣчій. Само собою понятно, что мы говоримъ только о коренныхъ элементахъ и формахъ, а не о тѣхъ, которыя видоизмѣнились въ потокѣ историческихъ превращеній. Если бы въ современныхъ намъ русскихъ нарѣчіяхъ отдѣлены были всѣ позднѣйшія наслоенія, если бы черты, образовавшіяся съ теченіемъ времени, возведены были къ ихъ первообразу, мы получили бы идеальную норму общерусскаго языка. Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи дальше идеи единства наука наша не двинулась впередъ, а о томъ, въ чемъ заключалось это единство, до какой границы оно продолжалось и гдѣ начиналось разнообразіе, до сихъ поръ мало думали. Нужно же, наконецъ, дать себѣ отчетъ въ томъ, каково было это первобытное единство въ языкѣ. Прежде всего это было единство лексическое, единство матеріала, изъ котораго построенъ языкъ, т. е. корней его, на сколько въ нихъ выражается основное міросозерцаніе всего племени. Затѣмъ слѣдуетъ допустить единство въ синтаксическихъ формахъ, въ способахъ построенія фразы, въ тонѣ и колоритѣ стилистическихъ пріемовъ, обусловленныхъ, какъ извѣстно, единствомъ эпическаго воззрѣнія. Гораздо подвижнѣе морфологія языка: она отличалась единствомъ лишь на столько, на сколько служила потребностямъ первобытной мысли. Что касается до звуковой стороны языка,

то здѣсь мѣра единства опредѣляется, главнымъ образомъ, динамическими отношеніями звука къ тѣмъ или другимъ этимологическимъ формамъ, въ которыя отливалось первобытное міросозерцаніе. Но далеко нельзя того же сказать о звукѣ, какъ проявленіи эвфонической потребности, которая, нужно сказать, съ теченіемъ времени развивается въ языкѣ по мѣрѣ того, какъ динамическое значеніе звука постепенно забывается. Здѣсь уже въ самую раннюю пору, въ первичную эпоху жизни языка, не могло быть единообразія. Въ подвижной области звука происходятъ самыя живыя движенія, которыя, въ связи съ позднѣйшими переворотами въ умственной жизни первобытныхъ племенъ, оказываютъ самое рѣшительное вліяніе на весь организмъ языка. Въ такой неразрывной градаціи идутъ элементы сходства и разнообразія въ составѣ и строѣ первоначальныхъ языковъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что задача науки была бы выполнена одностороннимъ образомъ, если бы въ ней обращаемо было вниманіе только лишь на одно сходство. Не споримъ, что на такомъ отдаленномъ отъ насъ разстояніи трудно приблизить къ себѣ черты различія, трудно уловить дѣйствительный звукъ, очень часто замаскированный древнимъ правописаніемъ. Въ письменныхъ памятникахъ мы имѣемъ дѣло съ буквой, которая не всегда соотвѣтствовала звуку. Но есть другое средство для возстановленія первобытныхъ звуковъ: это современные говоры, въ которыхъ задержались глубокіе архаизмы, хотя не такъ легко отличить въ нихъ то, что существовало въ древнѣйшемъ состояніи языка, отъ того, что появилось въ немъ позже,—не легко опредѣлить въ немъ эпохи звуковыхъ наслоеній. Какъ письменный, такъ и устный матеріалъ, сами по себѣ, отдѣльно взятые, не ведутъ къ цѣли. Единственный путь здѣсь обоюдная повѣрка одного матеріала другимъ. Ошибки и на этомъ пути, конечно, возможны, но, по нашему мнѣнію, лучше чрезъ рядъ ошибокъ придти къ истинѣ, нежели коснѣть въ однообразномъ повтореніи общихъ мѣстъ, недостаточно провѣренныхъ фактами.

Отъ этого *общерусскаго* языка мы отличаемъ такъ называемый *древнерусскій* языкъ. На первый мы смотримъ, какъ на произведеніе природы, созданное подъ непосредственнымъ ея вліяніемъ, какъ на безсознательный органъ того міросозерцанія, которое закладывалось въ темную эпоху доисторической жизни вмѣстѣ съ основами народности и затѣмъ уже явилось въ первую эпоху исторіи готовымъ, какъ бы извнѣ даннымъ фактомъ. Языкъ древнерусскій есть продуктъ ис-

торіи, которая положила на него рѣзкую печать опредѣленнаго времени, опредѣленныхъ вліяній культурной жизни, есть искусственный органъ, созданный передовой мыслью русскихъ людей. Очевидно, различіе между этими языками зависитъ, главнымъ образомъ, отъ той точки отправленія, съ которой каждый изъ нихъ идетъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи,—но при всемъ этомъ отдѣльныя линіи ихъ движенія часто соприкасаются между собою, образуя иногда неразрывную сѣть взаимно переплетающихся вліяній. Задача науки состоитъ въ томъ, чтобы распутать эту живую ткань языка, созданную органическимъ ростомъ самой жизни, чтобы отдѣлить въ немъ составные элементы, изъ которыхъ сложилось одно цѣлое. Тутъ идея единства не разъясняетъ, а только маскируетъ дѣло. Намъ нужно знать, какого рода было это единство? Въ какую пору жизни языка между элементами книжнымъ и народнымъ было больше сходства и различія? Къ чему привело обоюдное вліяніе одного языка на другой? Былъ ли когда нибудь такъ слабъ культурно-книжный языкъ, что допустилъ рядомъ съ собою самостоятельное развитіе какого-нибудь нарѣчія,—или же онъ всегда побѣдоносно сдерживалъ нарѣчія отъ всякой попытки къ индивидуализму? Не представляетъ ли, наконецъ, этотъ языкъ самъ въ себѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ типовъ, образовавшихся подъ вліяніемъ слагавшейся типичности нарѣчій? Вотъ вопросы, на которые должна отвѣчать исторія русскаго языка, если она желаетъ быть дѣйствительной исторіей, а не механическимъ складомъ растасованныхъ по вѣкамъ фактовъ древнерусской письменности.

Мы не беремся отвѣчать съ полною научною аргументаціей на всѣ поставленные нами вопросы, потому что не считаемъ посильнымъ для себя трудомъ написать исторію русскаго языка въ широкомъ значеніи этого серьезнаго слова. Мы задались болѣе скромною цѣлію, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать ея успѣхамъ разъясненіемъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія на основаніи живыхъ современныхъ говоровъ его, а также памятниковъ русской письменности съ XI в. до XVII включительно. Но, затрогивая этотъ спеціальный вопросъ, мы поневолѣ должны были коснуться многаго, что не входитъ непосредственно въ предѣлы нашей задачи. Мы должны были установить свои понятія о праязыкѣ вообще и русскомъ праязыкѣ въ частности, имѣя въ виду, что неясное, неотчетливое понятіе объ исходномъ пунктѣ, съ котораго началась исторія русскихъ нарѣчій, повлечетъ за собою пу-

таницу въ воззрѣніяхъ на позднѣйшія превращенія въ ихъ строѣ. Теперь, прежде чѣмъ перейдемъ къ самому дѣлу, соберемъ въ одно цѣлое всѣ выводы, которые можно сдѣлать на основаніи предшествующихъ соображеній.

Основное наше положеніе состоитъ въ томъ, что праязыкъ русскій, рядомъ съ наклоненіемъ звуковъ въ извѣстномъ, общерусскомъ направленіи, заключалъ въ себѣ зачатки той діалектической розни, которая послужила основаніемъ дальнѣйшимъ діалектическимъ обособленіемъ. Слѣдовательно, въ немъ самомъ параллельно шли два процесса: на сколько въ немъ было индивидуальныхъ особенностей, возросшихъ до типичности, онъ представлялъ, сравнительно съ праязыкомъ славянскимъ, моментъ фонетическаго упадка, искаженія, или же, какъ выражается Потебня, перерожденія: на сколько ему не чуждо было діалектическое разнообразіе, онъ шелъ по пути діалектическаго роста. Тѣ же самые процессы перешли и въ сферу русскихъ нарѣчій. Въ разныхъ мѣстахъ русскаго міра, образовавшагося, какъ извѣстно, изъ славянскихъ племенъ восточнаго типа, различныя діалектическія особенности русскаго праязыка мало-по-малу специализировались, постепенно принимая болѣе и болѣе опредѣленныя краски. Индивидуализація русскихъ нарѣчій, если будемъ разсматривать ее съ точки зрѣнія русскаго праязыка, выражаетъ моментъ звуковаго упадка его, но пока элементы его находились въ равновѣсіи, пока индивидуальныя особенности нарѣчій не установились окончательно, внутри ихъ происходилъ процессъ роста, размноженія. Такъ, рука - объ - руку идутъ оба эти процесса, измѣняя только мѣсто дѣйствія или, лучше сказать, развиваясь въ сферѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ...... Трудно опредѣлить со всею точностію преемственность моментовъ, въ которыхъ сталкивается тотъ и другой процессъ: моментъ діалектическаго роста незамѣтно сливается съ моментомъ діалектической концентраціи. Выводъ изъ всего этого для малорусскаго нарѣчія тотъ, что оно слагалось постепенно, повинуясь неотразимымъ законамъ діалектическаго упадка, и что, слѣдовательно, нельзя переносить всѣхъ современныхъ особенностей его въ эпохи слишкомъ отдаленныя,—нельзя, съ другой стороны, древнѣйшіе элементы его объяснять позднѣйшими превращеніями. Нѣкоторые изъ этихъ элементовъ, и донынѣ сохранившихся въ древнѣйшихъ говорахъ малорусскаго нарѣчія, можно считать остатками

общерусской эпохи, и въ этомъ случаѣ они совпадаютъ съ моментами діалектическаго роста въ самомъ праязыкѣ русскомъ.

Что касается до письменныхъ памятниковъ, то и въ нихъ задержались отчасти архаизмы этого рода, но гораздо больше въ письменности позднѣйшихъ слѣдовъ діалектическаго упадка, указывающихъ съ большею или меньшею ясностію на обособленность русскихъ нарѣчій. Самый языкъ древнерус. письменности есть произведеніе искусственное въ полномъ смыслѣ этого слова. Если имѣть въ виду славянскіе переводы богослужебныхъ книгъ, которыя появились на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ, можетъ быть, задолго до Владиміра, то это былъ даже не древнерусскій, но именно древнеславянскій языкъ, принявшій въ себя не мало элементовъ изъ разныхъ славянскихъ нарѣчій прежде, чѣмъ сдѣлался среди русскихъ славянъ языкомъ церкви. Къ этому языку нужно было привыкнуть, чтобы безъ затрудненій понимать его,—ему нужно было учиться, чтобы свободно владѣть имъ,—учиться, конечно, практическимъ образомъ—такъ, какъ учились наши предки, посредствомъ, какъ они выражались, *почитанія книжнаго*. Плодомъ этого ученія была древнерусская христіанская образованность, представителями которой были преимущественно лица духовныя. Они то собственно и создали письменный древнерусскій языкъ. Понятно, что въ основу его они не могли положить народнаго языка, но должны были положить опять-таки языкъ славянскій. Съ нимъ они сроднились въ церковномъ употребленіи, на немъ они привыкли думать о высокихъ задачахъ жизни по идеалу новому, христіанскому, онъ соотвѣтствовалъ ихъ религіозно-нравственному настроенію, которое проводили они въ своихъ сочиненіяхъ. Вотъ почему славянскій языкъ пользовался въ ихъ глазахъ высокимъ авторитетомъ, и не могли они не отдать ему предпочтенія предъ языкомъ народнымъ, отъ котораго вѣяло предковскимъ духомъ враждебнаго имъ язычества, который, съ другой стороны, самою діалектическою раздробленностію своею не внушалъ къ себѣ довѣрія. Говорятъ намъ, что древнимъ нашимъ писателямъ не легко было отказаться отъ народнаго материнскаго языка даже въ сочиненіяхъ важнаго, духовнаго содержанія. Не споримъ: въ поученіяхъ и проповѣдяхъ древнерусскихъ писателей уцѣлѣли драгоцѣнные обломки народности, на которые до сихъ поръ у насъ не обращено надлежащаго вниманія. Безъ этого вторженія народной стихіи въ ихъ благочестивыя писанія нечего было бы и причислять ихъ къ произведеніямъ

древнерусскимъ, но мы именно оставляемъ за ними это названіе, не смотря на ихъ основу славянскую. По мѣрѣ удаленія авторской мысли отъ предметовъ христіанскаго благочестія, народные элементы рѣчи заявляютъ себя сильнѣе и сильнѣе: такъ, въ начальной лѣтописи ярко пробиваются черты народности и въ міросозерцаніи, и въ языкѣ. Наконецъ, въ Словѣ о полку Игоревѣ они выступаютъ съ такимъ достоинствомъ и силой, до которой ни прежде, ни послѣ не доростало древнерусское творчество. Здѣсь уже мы не видимъ правильно устроенной славянской рѣчи съ періодическимъ теченіемъ мыслей, съ строгой симметріей въ расположеніи образовъ, (какъ у Иларіона напр. или у Кирилла Туровскаго). Вся эта синтаксическая правильность греко-славянскаго происхожденія отошла на задній планъ, уступивъ свое мѣсто живому движенію народной стилистики. Но при всемъ этомъ „Слово о полку Игоревѣ“ можно назвать именно зрѣлымъ плодомъ народнаго чтенія, науки, грамоты. А грамота наша началась съ языка славянскаго и развивалась подъ его руководящимъ вліяніемъ.

Такимъ образомъ, исходнымъ пунктомъ, отъ котораго началось развитіе древнерус. языка, былъ языкъ славянскій. Не независимо отъ постороннихъ вліяній зародилась и возрасла самодѣятельность древнерус. слова, но подъ воспитательнымъ и вмѣстѣ авторитетнымъ вліяніемъ *совнѣ данныхъ, готовыхъ образцевъ,* тѣмъ болѣе обязательныхъ, чѣмъ болѣе опирались они на высокое значеніе религіозныхъ идей, которыя съ неотразимою силою влекли къ себѣ всѣхъ, кто только искалъ свѣта, знанія и науки.

Теперь намъ слѣдуетъ вспомнить, каковы были эти образцы по своему діалектическому составу?

Мы видѣли, что это совсѣмъ не были чистые, безпримѣсные образцы того нарѣчія, на которое переведено было св. писаніе; напротивъ, всѣ они представляли большую или меньшую смѣсь разнообразныхъ діалектическихъ наслоеній. Даже такой памятникъ, какъ Остромірово евангеліе, не изъятъ отъ посторонней примѣси [1]). О другихъ и говорить нечего. Такъ, по изслѣдованію Будиловича, въ словахъ Григорія Богослова (XI в.) есть слѣды говоровъ восточныхъ, южныхъ и западныхъ. Между послѣдними напр. есть формы въ родѣ *попелъ, роздѣлена* [2]). Къ діалектической пестротѣ, возникшей за предѣлами

[1]) Пам. юс. пис. Срезн. 174—184.

[2]) Будилов. Изслѣдов. словъ Григ. Богосл. 24—25.

русскаго міра, присоединились туземныя вліянія и увеличили такимъ образомъ мозаическій составъ искусственно сложившагося славянскаго письменнаго языка.

Такимъ образомъ мы положительно не можемъ представить себѣ, чтобы грамотные предки наши когда-бы то ни было говорили *едиными усты*, чтобы писали они такъ, какъ говорили. Всегда, во всѣ эпохи древнерусскаго просвѣщенія дѣйствовала традиція древнеславянская, традиція, которая постоянно нарушалась на практикѣ, потому что живой родникъ народныхъ діалектовъ постоянно вторгался въ сферу письменности и колебалъ ея наклонныя къ неподвижности формы. Вотъ этимъ децентрализующимъ вліяніемъ народныхъ говоровъ и объясняется неустойчивость правописанія, которое представляетъ постоянную борьбу историческаго начала съ фонетическимъ. Такъ напр., въ приписвѣ къ Мстиславову евангелію (XII в.) на нѣсколькихъ строчкахъ дат. пад. прилагат. муж. р. читается такъ: „*благовѣрноуоуму и христолюбивоѡмоу и Богомъ чьстимъомоу кнѧзю Ѳеѡдороу кнѧзю новъгородьскоуъмоу* [1]". Фактовъ въ этомъ родѣ мы могли бы привести огромное количество изъ всѣхъ вѣковъ древнерусской письменности.

Говорятъ, что въ XVI в., на смѣну древняго книжнаго языка, явился другой книжный подъ вліяніемъ наступившей въ XIII—XIV в. обособленности народныхъ нарѣчій, которыя будто бы составляли въ прежнее время нѣчто единое съ книжнымъ языкомъ, а потомъ удалились отъ него. Этотъ другой книжный языкъ былъ смѣсью старославянскаго съ живымъ народнымъ, тогда какъ въ первомъ такой смѣси не было, потому что и самый народный языкъ началъ дѣлиться на нарѣчія позже [2]). Противъ многихъ подробностей этого мнѣнія мы высказались уже прежде,—теперь же намъ было бы только желательно убѣдиться въ томъ, на сколько самостоятельно общерусская стихія перерабатывала древнеславянскую въ первую эпоху встрѣчи своей съ этою послѣднею? Какіе элементы въ древнерусскомъ языкѣ, въ первый періодъ его развитія, или, какъ выражается Максимовичъ, на кіевскомъ югѣ, имѣли перевѣсъ—свои или чужіе?

Нельзя не вспомнить при этомъ въ другой разъ того же Максимовича, который въ письмахъ своихъ къ Погодину замѣтилъ, что

---

[1]) Изв. Ак. Т. IX, 72.

[2]) „Мысли" Срезн. 97—98.

древне-кіевская и древне-галицкая письменность, въ которой преимущественно могли отозваться и высказаться особенности языка своенароднаго, погибла вся, по крайней мѣрѣ, донынѣ намъ ничего изъ нея не извѣстно [1]). И въ самомъ дѣлѣ, лучшія оригинальныя произведенія кіевской эпохи—Слово о полку Игоревѣ, начальная кіевская лѣтопись—дошли до насъ въ сѣвернорусской редакціи и очень часто въ спискахъ позднихъ XIV и XV в. Почти всѣ письменные памятники болѣе древней редакціи XI—XII в. не выходятъ изъ ряда тѣхъ, которые назначались для церковнаго употребленія: надъ ними трудилась рука переписчика, а не самостоятельнаго автора, поэтому и слѣдовъ того или другаго мѣстнаго говора въ нихъ меньше, чѣмъ можно было бы ожидать. Тѣмъ не менѣе, уже въ самый ранній періодъ древнерусской письменности, общерусская стихія, взятая и въ цѣломъ, и въ частяхъ, относилась къ древнеславянскимъ образцамъ далеко не пассивно, заявивъ себя своеобразнымъ проявленіемъ своего особеннаго звуковаго строя.

Извѣстно, что носовыхъ звуковъ русскій языкъ не имѣлъ уже въ самый ранній періодъ своей исторической жизни. Противъ этого не возражаютъ даже тѣ изслѣдователи, которые дальше другихъ проводятъ систему объединенія древнерусскаго языка съ древнеславянскимъ. Такъ, Лавровскій говоритъ, что „на Руси ринезмъ сталъ неизвѣстенъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось извѣстнымъ русское государство [2])“. Между тѣмъ юсы, какъ извѣстно, писались до самаго поздняго времени изъ уваженія къ церковнославянской традиціи. Мы знаемъ только одинъ памятникъ кіевской эпохи, въ которомъ замѣтно болѣе сознательное отношеніе къ юсовымъ знакамъ. Такъ, въ Галицкомъ евангеліи (1144 г.) ѫ совсѣмъ нѣтъ, а ѧ постоянно стоитъ вмѣсто ꙗ и *а*: *ѧко, бѣсноующѧгося* [3]). Во всѣхъ другихъ памятникахъ, начиная съ XI в., видимъ постоянныя ошибки въ употребленіи юсовъ и вмѣстѣ неизмѣнную вѣрность преданію. Такъ, уже съ самаго начала древнерусской письменности фонетика живаго языка не сходилась съ правописаніемъ въ слѣдствіе того, что книжный языкъ отличался отъ разговорнаго, а тотъ и другой отличались отъ славянскаго.

---

[1]) Письма Макс. къ Пог. 22.

[2]) О яз. сѣв. рус. лѣт. Лавр. 40.

[3]) Матеріалы для исторіи письменъ. Буслаевъ. 12.

Но было вмѣстѣ съ тѣмъ множество точекъ сходства между языкомъ славянскимъ и общерусскими элементами языка. Посредствующею связью между тѣмъ и другимъ явился *языкъ древнерусскій:* къ нему сходились и въ немъ сосредоточивались эти прадавнія черты сходства. Такимъ образомъ, онѣ были извлечены изъ сферы непосредственнаго существованія подъ вліяніемъ древнеславянскихъ образцевъ и явились въ языкѣ древнерусскомъ какъ бы въ возстановленномъ видѣ болѣе сознательнаго употребленія. Въ этомъ процессѣ письменной переработки матеріала, сходнаго съ народной рѣчью, заключается извѣстная доля самостоятельнаго усвоенія древнеславянскихъ образцевъ. Слѣдовательно, оно обнаружилось не только въ отрицаніи несходныхъ элементовъ, но и въ ассимиляціи сходныхъ.

Какъ велико было это сходство?

Заручившись мыслію о доисторическомъ сродствѣ всѣхъ языковъ, *объ* относительно большей близости ихъ въ давнее время, легко преувеличить степень сходства между языками русскимъ и славянскимъ. Можно согласиться со многими положеніями защитниковъ сходства, но только подъ условіемъ, чтобы эти положенія выведены были не изъ общей мысли, а изъ самыхъ фактовъ. Намъ говорятъ напр., что во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ даже въ XIII в. не исчезли еще полугласные ъ и ь, и мы не отрицаемъ, что глухіе нечужды были русскимъ нарѣчіямъ, хотя, по нашему мнѣнію, въ XIII в. едва-ли они существовали въ живой рѣчи. Но почему самаго факта существованія глухихъ, какъ славяно-русской народной особенности, отрицать нельзя? Потому что потеря ъ и ь доказывается позднѣйшими превращеніями въ вокализмѣ, между прочимъ, малорусскаго нарѣчія, слѣдовательно, этимъ самымъ подтверждается ихъ существованіе въ болѣе раннее время. На долю нѣкоторыхъ истинъ иногда выпадаетъ счастливая роль пользоваться громаднымъ довѣріемъ въ наукѣ. Такъ случилось и съ общимъ положеніемъ о прадавнемъ сходствѣ языковъ. Но кто не знаетъ, какъ ненадежны и скользки тѣ пути, которые не обязываютъ насъ къ критическому пересмотру фактовъ, усыпляя нашъ духъ заранѣе установившейся репутаціей?

Намъ бы казались, наиболѣе вѣроятными тѣ черты сходства съ древнеславянскимъ языкомъ, которыя въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ уцѣлѣли до настоящаго времени. Спѣшимъ предупредить всѣ возраженія противъ нашей мысли. Во первыхъ, мы хорошо знаемъ, что иногда въ

языкѣ звуковое сходство ничего не значитъ: такъ напр., церковносл. слово *красоооми* (poculum) [1]), повидимому, составлено изъ славянскихъ корней, между тѣмъ оно ведетъ свое происхожденіе отъ латинскаго *crusibulus, crucibulus* [2]). Изъ этого слѣдуетъ, что подъ чертами сходства мы разумѣемъ не одно только дагеротипное сходство. Во вторыхъ, иногда случается, что и это послѣднее сходство есть результатъ длиннаго ряда звуковыхъ превращеній и не составляетъ явленія, которое уцѣлѣло неподвижно отъ прадавняго родства. Въ этомъ отношеніи мы имѣли уже случай указать на кажущееся сходство малорус. *і* изъ *ѣ* съ санскритс. негуннированнымъ *і* и въ своемъ мѣстѣ замѣтили, что малорус. *і* должно было пройти чрезъ славянскую стадію въ звукѣ *ѣ*. Само собою разумѣется, что, возстановляя сходство изъ звуковъ, повидимому, различныхъ, мы рискуемъ обезличить языкъ, съ другой стороны, принимая на вѣру, безъ критики, повидимому, сходныя черты, мы легко можемъ впасть въ другую крайность, т. е. вообразить въ немъ такія индивидуальныя свойства, которыхъ въ данную эпоху въ немъ не существовало. Чтобы не придать наружному сходству больше значенія, чѣмъ оно заслуживаетъ, мы ограничимся указаніемъ только тѣхъ сходныхъ чертъ, которыя можно будетъ подтвердить непрерывнымъ рядомъ письменныхъ свидѣтельствъ, подвергнутыхъ критической оцѣнкѣ на основаніи законовъ звуковой перестройки, которой подвергался русскій языкъ въ теченіе всей своей исторической жизни. Но такъ какъ мы уже разъ заявили, что не пишемъ исторіи русскаго языка, то всѣ соображенія о сходствѣ русскаго языка съ славянскимъ мы направимъ, если не исключительно, то главнымъ образомъ на малорусское нарѣчіе. Теперь же пока замѣтимъ только, что все родственно-сходное между языкомъ церковнославянскихъ книгъ и мѣстными нарѣчіями концентрировалось въ древнерусскомъ письменномъ языкѣ, сообщая литературную крѣпость тому, что имѣло въ устахъ народныхъ характеръ случайнаго броженія. Мало-по-малу, рядомъ съ церковнославянскимъ языкомъ, въ глазахъ народныхъ массъ, такимъ же авторитетнымъ значеніемъ нормальнаго, образцоваго языка, началъ пользоваться языкъ грамотныхъ людей—искусственная смѣсь церковнославянскаго, который уже самъ въ себѣ заключалъ разнаго рода діа-

---

[1]) Lexic. Miklos. 309.

[2]) Die Fremdwörter in den Slav. Spr. Miklos. 29.

лектическую примѣсь народнаго языка. Мы не можемъ сказать, какъ далеко простиралось вліяніе этого искусственнаго языка на народныя нарѣчія. Одно только сказать можно съ полной увѣренностью, что такое вліяніе существовало. Можетъ быть, нѣкоторыя особенности малорусскаго нарѣчія, роднящія его съ западно-славянскими нарѣчіями, можно было бы объяснить вліяніемъ тѣхъ сложныхъ элементовъ, которые группировались въ древнерусскомъ письменномъ языкѣ. Въ исторіи классификаціи славянскихъ нарѣчій много было толковъ о томъ, какъ объяснить малорусскій предлогъ *роз*, а не *раз (розум)*, предл. *ви*, а не *із (видати)*, свойственное малорусскому нарѣчію слово *попел*, а не *пепел* (въ Галиц. ев. *въ попелъ*) [1]): все это такія черты, которыя болѣе свойственны западнымъ, а не восточнымъ и юговосточнымъ нарѣчіямъ. Мы отъ себя прибавимъ еще нѣчто подобное,—именно, оконч. ср. р. именъ прилагат. твердаго склон. на *ейє*, вм. *ойє (милейе, святейе)* [2]), кромѣ того, галицкія формы вспомогательнаго глагола *(бым, бысь, бы бысьмо, бысьте, бы)*. Могли, конечно, всѣ эти явленія развиться въ малорусскомъ нарѣчіи самостоятельно, но нельзя при этомъ не вспомнить и о томъ, что оно издавна подвергалось вліянію письменнаго языка, которому нечужды были всякаго рода наслоенія, занесенныя изъ разныхъ концевъ славянскаго міра.

Если не такъ ощутимо вліяніе книжнаго языка на народный, то вліяніе обратное—снизу вверхъ—не подлежитъ никакому сомнѣнію. Слѣдовательно, къ отрицанію несходныхъ элементовъ, къ усвоенію сходныхъ, мы должны присоединить еще третье средство, въ которомъ обнаружилась самостоятельность русскаго языка въ самомъ началѣ его развитія, именно, внесеніе въ книжный языкъ народныхъ элементовъ. Давно уже указаны всѣ примѣты русскаго языка, съ которыми онъ явился на сцену исторической жизни: это а) такъ называемое полногласіе, б) постановка ъ и ь передъ плавными, а не послѣ нихъ, какъ въ древнеслав., в) замѣна гласнаго *е* гласнымъ *о* въ началѣ словъ (*одва, олень*), г) смягченіе *д* и *т* въ *ж* и *ч*, а не въ *жд*, *шт*, какъ въ славянскомъ, д) постановка шипящихъ и свистящихъ предъ іотированными гласными [3]). Таковы древнѣйшія

[1]) Матер. Бусл. 13.

[2]) Ср. въ Галиц. еван. *котерый* (Мат. Бус. 13.)

[3]) Потебня прибавляетъ еще одну примѣту—близость ъ и ь къ гласнымъ *о* и *е*, а Лавровскій—замѣну *и* предъ гласными звуками посредствомъ ь. (Два изслѣд. Потеб. 138. О яв. сѣвер. лѣт. Лавр. 44).

и притомъ коренныя примѣты въ области фонетики. Не исчисляемъ другихъ менѣе важныхъ фонетическихъ примѣтъ, а также не касаемся вовсе примѣтъ морфологическихъ. Есть, между прочимъ, одна примѣта новгородскаго говора, это именно взаимный переходъ согласныхъ звуковъ *ц* и *ч*. Она появилась, по мнѣнію Лавровскаго, въ доисторическую пору на ряду съ особенностями вообще языка русскаго [1]). Что касается до примѣтъ малорусскаго нарѣчія, то ихъ вовсе не видитъ Лавровскій въ древнѣйшихъ памятникахъ.

Такъ ли это?

Мы не станемъ гоняться за археологическою тѣнью, выводя генеалогію малорусскаго нарѣчія отъ старинныхъ предковъ. Можетъ быть, это и было необходимо въ то время, когда въ позднѣйшей формаціи малорусскаго нарѣчія многіе готовы были видѣть явную улику въ томъ, что оно есть польская креатура, незаконное дѣтище русской семьи. Напередъ высказываемъ свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что малорусское нарѣчіе попреимуществу историческое, что на немъ лежитъ печать той бурной эпохи, когда, въ борьбѣ за народную свободу, создавалась въ народѣ историческая дума, что, наконецъ, окончательную типичность свою оно получило лишь нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Тѣмъ не менѣе мы никакъ не можемъ согласиться съ тою исключительностью воззрѣнія, въ силу которой древность діалектическихъ различій признается только за однимъ нарѣчіемъ—такъ, какъ будто бы рядомъ съ нимъ не существовало другихъ. Ужъ коль скоро допущена разъ діалектическая отдѣльность, то единства языка въ строгомъ, формальномъ значеніи этого слова не было; если же такого единства не было, то въ самомъ языкѣ должно было быть больше діалектическихъ вѣтвей, чѣмъ одна. Доказывать же, что ихъ было не больше одной—значитъ предполагать въ языкѣ скудость средствъ, скудость первичныхъ элементовъ развитія. Но, судя по широтѣ и полнотѣ звуковаго строя въ древнерус. языкѣ, мы думаемъ, что онъ опирался далеко не на одно мѣстное нарѣчіе. Только искать нужно ихъ не въ письменныхъ памятникахъ исключительно, а въ живыхъ современныхъ говорахъ, и притомъ въ самой глубинѣ ихъ, т. е. въ архаическихъ остаткахъ, уцѣлѣвшихъ донынѣ, а равно и въ тѣхъ звуковыхъ комплексахъ, которые составляютъ по-

---

[1]) Чтенія 1858, № 4, 67.

средствующее звено между современнымъ звукомъ и его прототипомъ, очень часто замаскированнымъ въ древнемъ правописаніи. Нѣтъ языка, который бы въ разнообразіи своихъ нарѣчій не удержалъ стадій, давно уже имъ пережитыхъ. Часто случается, что принципъ новаго звуковаго строя давно уже дѣйствуетъ, но онъ еще не проникъ всюду, не осилилъ старинныхъ формъ, укрывшихся подъ защитою старыхъ преданій, не получилъ пространственнаго преобладанія въ такой степени, которая бы соотвѣтствовала его исторической будущности. Иногда же и такъ бываетъ, что древній фонетическій законъ въ одномъ изъ говоровъ какого нибудь нарѣчія развивается все дальше и дальше, тогда какъ въ другихъ говорахъ того же нарѣчія объ немъ давно уже и помину нѣтъ. Это именно случилось напр. съ древнерусской постановкой іотированныхъ гласныхъ послѣ шипящихъ. Такъ, въ подгорскомъ разнорѣчіи галицкаго говора говорятъ: *жєль*, *шєпка*, *чєс* съ перегласованіемъ *а* (ꙗ) въ *є*; перегласованіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ идетъ даже дальше: у гуцуловъ напр. (близъ Черновицъ) вм. *ся*, или же подгорскаго *сє*, говорятъ *сі*. Въ древнерусскомъ языкѣ послѣ шипящихъ іотировались только *а* и *у*, тогда какъ у гуцуловъ эта іотація проникла и въ другіе гласные звуки, напр. вм. *що* получилось *щё*,—кромѣ того, іотированные гласные, какъ у гуцуловъ, такъ и у подгорянъ, появились не только послѣ шипящихъ, но и послѣ другихъ согласныхъ звуковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ другихъ малорусскихъ говорахъ ничего подобнаго нѣтъ, когда и въ древнерусскомъ языкѣ ничего подобнаго не было: *брят*, *бряма*, вм. *брат*, *брама* (гуц. разнор.), *тєжко*, *мєсо*, *гонє*, *ходє* (подгорск. разнор.) вмѣсто украинскихъ формъ: *тяжко*, *мнясо*, *гонять*, *ходять*. Вотъ эти-то именно побѣги звуковаго творчества, освѣщенные историческими сближеніями, и должны служить, по нашему мнѣнію, руководящими нитями въ разъясненіи древнѣйшей судьбы малорусскаго нарѣчія.

Что касается до письменныхъ и въ особенности древнѣйшихъ памятниковъ, то ожидать отъ нихъ сколько нибудь обстоятельныхъ указаній на древнѣйшія черты малорус. нарѣчія нельзя. Какъ лѣтописи не вводятъ насъ во всѣ подробности древнерусскаго быта, такъ точно и языкъ древнихъ памятниковъ не рисуетъ намъ картины мѣстныхъ нарѣчій. Мы уже упоминали о томъ, что лучшія оригинальныя произведенія кіевской эпохи, въ которыхъ скорѣе всего могъ бы обнаружиться мѣстный говоръ автора, дошли до насъ въ позднѣйшихъ

спискахъ. Самая близость къ той эпохѣ, когда, вмѣстѣ съ христіанствомъ, явилась на Руси славянская грамота, ставила древнерусскаго писателя въ большую зависимость отъ славянскаго языка, и потому народные элементы рѣчи въ большемъ количествѣ являются нѣсколько позже, когда фактъ заимствованія грекославянской образованности началъ утрачивать свою свѣжесть. Затѣмъ въ XVI—XVII в., подъ вліяніемъ особенныхъ условій, какъ въ восточной, такъ и въ западной Руси, снова обнаружилось стремленіе регулировать письменный языкъ посредствомъ славянскаго образца рѣчи,—но это уже совсѣмъ другое время, время сравнительно широкаго развитія книжнаго дѣла въ виду особенной обстановки—на сѣверѣ борьбы съ расколомъ, на югѣ и западѣ борьбы съ католичествомъ. Не такъ было въ самомъ началѣ. Небольшой кругъ грамотныхъ людей группировался, главнымъ образомъ, въ монастыряхъ. Большая половина монастырской жизни уходила на слушаніе или же чтеніе душеполезныхъ книгъ священнаго содержанія: къ языку этихъ книгъ привыкала память, изреченія книжной мудрости механически повторяли уста, языкъ славянскій входилъ въ самую глубину благочестиваго міросозерцанія. И вотъ, подъ впечатлѣніемъ своихъ образцевъ, писатель брался за перо: что же должно было вылиться изъ его благочестивой души? Въ какихъ звукахъ онъ долженъ былъ передать свою религіозную повѣсть, свое набожное чувство? Конечно, въ звукахъ славянской рѣчи. Да и звуки эти, во всякомъ случаѣ, были родственные: хотя и нужно было сперва привыкнуть къ нимъ, за то не легко было потомъ отрѣшиться отъ нихъ. Вотъ почему съ такою настойчивостью начальная лѣтопись выражаетъ мысль о единствѣ языковъ русскаго и славянскаго: *„книги первѣе положены Моравѣ, яже и прозвася грамота словянская, яже грамота е въ руси и въ болгарехъ дунайскихъ* [1]“. *„А словѣнескъ языкъ и рускыи одинъ: отъ варягъ бо прозвашася русью, а първѣе быша словѣне, аще и поляне звахуся, но словѣньская рѣчь бѣ, полями же прозвахуся зане въ поли сидяху; языкъ словѣньскый бѣ имъ единъ* [2]“. Очевидно, въ тонкости народныхъ нарѣчій лѣтописецъ вникать не могъ: то было такое время, когда величіе идей измѣрялось ихъ объединяющей силой,—вотъ почему въ понятіяхъ лѣтописца родовыя черты нарѣчій

---

[1]) Ипат. сп. 18.

[2]) Ibid. 20.

смѣшаны съ видовыми. Достаточно было общаго сходства, чтобы сказать: „*языкъ словѣньскый бѣ единъ*". Намъ припоминаются при этомъ слова Гримма, сказанныя имъ по поводу различія въ судьбѣ народныхъ языковъ нѣмецкаго и славянскаго семейства. „Латинской церкви, говоритъ онъ, мало было дѣла до народнаго языка, а этотъ послѣдній въ латинскомъ языкѣ не признавалъ своего образца. Такъ—мірскими средствами развивались сами изъ себя нарѣчія нижне-нѣмецкое, датское, шведское и англійское.... Широкія пространства, занятыя сѣверовосточными славянами греческаго обряда, были причиной того, что съ бо̀льшимъ трудомъ, и при томъ позже, чѣмъ на западѣ, народныя нарѣчія получили значеніе [1])". Но мало-по-малу расширялся свѣтъ знанія и грамоты, проникая и въ другіе общественные слои, кромѣ духовенства. По мѣрѣ того какъ привлекаемы были свѣтскія силы къ ученію книжному, въ самой письменности начали обнаруживаться народные элементы: такое заключеніе мы имѣемъ право сдѣлать на основаніи лѣтописей (особенно волынской) и Слова о полку Игоревѣ. Все это происходило въ теченіе двухъ вѣковъ—отъ конца XI до конца XII в. Къ сожалѣнію, звуковая сторона языка этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ закрыта отъ насъ пестрою сѣтью позднѣйшаго правописанія. Съ половины XIII в. широкое развитіе русскаго слова пріостанавливается. Настало глухое время татарщины: духовныя силы народа, дѣйствовавшія прежде, сошли со сцены, или устремились на другія цѣли. Литературный трудъ не могъ найти себѣ поддержки въ то суровое время, когда впереди всѣхъ интересовъ, съ неотразимою и зловѣщею яркостію стоялъ вопросъ о существованіи, когда преобладающимъ чувствомъ въ народныхъ массахъ было чувство самосохраненія. И вотъ къ этой-то эпохѣ относятъ появленіе двухъ русскихъ нарѣчій—великорусскаго и малорусскаго.

Мы ничего не имѣемъ противъ мысли о томъ, что потрясенія въ жизни народа неизбѣжно должны отразиться въ его языкѣ. Мы даже думаемъ, что, за отсутствіемъ литературнаго движенія, одни только бытовыя потрясенія и могутъ дать толчекъ движенію въ области языка. Но признавая этотъ фактъ въ его общемъ значеніи, считаемъ нужнымъ отчетливо убѣдиться въ немъ въ примѣненіи къ малорусскому нарѣчію, такъ какъ мы имѣемъ нѣкоторыя основанія думать, что не все можно

[1]) Grimm, Kleinere Schriften IV B., I T. 195—196.

объяснить здѣсь однимъ этимъ фактомъ, такъ какъ, съ другой стороны, на югѣ Россіи татарское иго было далеко не единственнымъ потрясающимъ событіемъ, которое содѣйствовало переворотамъ въ области языка.

Итакъ, когда началось и какъ развивалось обособленіе малорусскаго нарѣчія?

На этотъ вопросъ предоставляемъ себѣ отвѣтить изслѣдованіемъ звуковаго строя въ нарѣчіи малорусскомъ, прибѣгая, гдѣ нужно, къ сравненіямъ съ разными говорами великорусскаго нарѣчія.

II.

О ГЛАСНЫХЪ ЗВУКАХЪ.

1. Ъ и ь въ начальной исторіи русскаго языка.

Движеніе звуковъ въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ и во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, началось, по нашему мнѣнію, съ потери глухихъ звуковъ ъ и ь, потери, которая, какъ увидимъ ниже, обнаружилась еще на почвѣ праязыка русскаго.

Есть такое мнѣніе, что глухіе свойственны были собственно древнеславянскому языку, что другія славянскія нарѣчія отъ прадавней гласности (санскритской эпохи) прямо перешли къ современному вокализму: мѣстами они опустили эту гласность (вторая ступень), мѣстами удержали ее, перезвуковавши по своему (третья ступень) [1].

Но если признавать въ движеніи вокализма для всѣхъ славянскихъ нарѣчій вторую ступень, то нечего говорить о прямомъ переходѣ ихъ отъ прадавней гласности къ современной. Прежде чѣмъ она исчезла въ современныхъ нарѣчіяхъ или же видоизмѣнилась сообразно ихъ индивидуальной природѣ, долженъ былъ существовать тотъ моментъ, когда она явилась въ *ослабленномъ* видѣ, когда на мѣсто первоначальной полноты звука явился звукъ искаженный, неясный. Вотъ этотъ моментъ и составляетъ именно вторую, посредствующую ступень

[1]) Майк. Ист. сербс. яз. 398.

отъ прадавней гласности къ современному вокализму славянскихъ нарѣчій. Слѣдовательно, весь вопросъ тутъ заключается не въ томъ, возможна ли была эта ступень не для одного древнеславянскаго нарѣчія, а именно въ томъ, прошли ли ее другія славянскія нарѣчія послѣ своего отдѣленія отъ общеславянскаго корня, когда они сдѣлались уже самостоятельными нарѣчіями,—или же присутствіе глухихъ гласныхъ характеризуетъ ихъ общую, не развившуюся до индивидуальности жизнь. Что касается до древнеславянскаго нарѣчія, которое въ эпоху перевода священнаго писанія представляетъ яркую картину паденія полныхъ гласныхъ и господства глухихъ, то оно могло быть въ этомъ отношеніи только отблескомъ общеславянской жизни. Другими словами: когда были присущи славянскимъ нарѣчіямъ ъ и ь, какъ звуки глухіе, какъ выразители паденія полныхъ гласныхъ [1])?

Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (болгарскомъ и словинскомъ) и донынѣ еще живутъ ъ и ь. Нарѣчіе словинское поражаетъ тою особенностію, что въ немъ не только ъ и ь, но и всѣ другія гласныя произносятся глухо. Даже въ малорусскомъ нарѣчіи, въ говорѣ лемковъ и бойковъ, по свидѣтельству галицкихъ ученыхъ, слышатся ъ и ь: *дръва* (дрова), *кръвавый* (кровавый), *връх* (верхъ), *трьвати* (тревати=ожидать), *дънь*, *пънь* (день, пень) [2]). Всѣ эти факты показываютъ, что нарѣчія болгарское, словинское и малорусское унаслѣдовали древнеславянскую слабость вокализма и до сихъ поръ не выступили, повидимому, изъ той колеи, которую мы отмѣтили второю, посредствующею ступенью между прадавнею гласностію и современнымъ вокализмомъ.

Для насъ особенно интересно существованіе глухихъ гласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи. Г. Потебня считаетъ ихъ „или заимствованіями, или туземными приспособленіями нерусскаго происхожденія“ [3]). Но кар-

---

[1]) Недавно Гейтлеръ высказалъ мнѣніе, что ъ и ь возникли не на общеславянской почвѣ, а въ сферѣ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій, что это поздніе звуки, образовавшіеся изъ *o* и *e*, а не наоборотъ (Starobulhar. fonologie se stalem zretelem k jaz. litevsk. Heitler. 1873). Подробное опроверженіе этого мнѣнія см. въ статьяхъ Потебни Ж. м. н. пр. 1873. Октябрь, 1874 Мартъ).

[2]) Голов. Розправа о яз. южнор. 49—50. См. также Торонскаго въ Зорѣ Галиц. 1860 и Грам. Вагилевича.

[3]) Замѣтки о малорус. нарѣчіи 14.

патскимъ русинамъ не отъ кого было заимствовать глухихъ звуковъ, если только они дѣйствительно существуютъ въ ихъ говорѣ,—да еще и съ тонкимъ различіемъ ъ отъ ь. Гораздо вѣроятнѣе, въ самомъ дѣлѣ, что они явились плодомъ приспособленія мѣстнаго говора къ нарѣчіямъ словацкому и польскому: въ этомъ смыслѣ они составляютъ неполныя сокращенія нѣкогда жившаго полнаго гласнаго звука. Тѣмъ болѣе это возможно, что наклонность къ сокращенію гласныхъ очень сильно развита въ говорѣ лемковъ.

Обратимся къ письменнымъ памятникамъ. Начнемъ съ позднѣйшихъ, такъ какъ въ нихъ заключается матеріалъ, болѣе доступный повѣркѣ посредствомъ устныхъ говоровъ и въ этомъ смыслѣ болѣе достовѣрный.

Въ XVII в. Мелетій Смотрицкій устанавливаетъ относительно ъ и ь такое правило: „ъ и ь въ самомъ точію концѣ реченія употребляема бываютъ: ъ убо якоже варивше рѣхомъ, въ одебелѣніе согласнаго реченіе кончающаго: ь же въ отонченіе“ [1]). Ясно, что глухихъ уже не было въ эпоху Смотрицкаго. Защитникъ древнеславянскаго правописанія, подчинившій ему живую, народную рѣчь, онъ ограничиваетъ употребленіе глухихъ концемъ словъ и низводитъ ихъ на степень простыхъ знаковъ твердости и мягкости согласныхъ. Но въ то самое время, какъ Смотрицкій вполнѣ сознательно относится къ звукамъ ъ и ь, ученый современникъ его Берында очень часто слѣдуетъ древнеславянс. преданію въ постановкѣ глухихъ: такъ, въ срединѣ словъ они стоятъ у него большею частію послѣ плавныхъ *л* и *р*: *скръбь, пръстъ, влъна* [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ предлогахъ, а также въ предложныхъ словахъ, ихъ или нѣтъ совсѣмъ, или же замѣняются они надстрочнымъ паерикомъ: *взростъ*, *зстороны*, *з'встыдомъ* [3]). На концѣ словъ ъ и ь у Берынды постоянно выдержаны такъ же, какъ и у Смотрицкаго.

Такимъ образомъ, въ XVII в. два южнорусскіе представители филологическаго знанія, въ употребленіи глухихъ звуковъ, не считали возможнымъ вполнѣ отрѣшиться отъ церковнославянскаго преданія. Вся разница между ними въ томъ, что одинъ изъ нихъ послѣдова-

---

[1]) Грам. Смотр. изд. 1721 г. стр. 7-я.

[2]) Берында, 8, 13, 21.

[3]) Ibid. 20, 25, 29.

тельнѣе другаго: правило Смотрицкаго мотивировано сознательнымъ представленіемъ о значеніи глухихъ звуковъ. Ясно, что воззрѣніе на ъ и ь, какъ на знаки только, а не звуки, вмѣстѣ съ употребленіемъ ихъ, Смотрицкій получилъ по преданію отъ предшествующей эпохи; слѣдовательно, и въ XVI в. они были только знаками.

Обращаясь къ одному изъ самыхъ характеристическихъ памятниковъ XVI в., къ Пересопницкому евангелію, находимъ подтвержденіе своимъ словамъ [1]). Здѣсь рѣзко бросается въ глаза та особенность, что въ концѣ словъ ъ всюду замѣненъ посредствомъ ь, особенность, конечно, не туземнаго происхожденія. Исключительное употребленіе буквы ъ характеризуетъ, какъ извѣстно, рукописи сербской редакціи: оно встрѣчается уже въ одной изъ древнѣйшихъ сербскихъ грамотъ (Бана Кулина 1189 г.) [2]). Мы не сомнѣваемся въ томъ, что переводчикъ евангелія на южнорусское нарѣчіе XVI в. имѣлъ подъ руками оригиналъ югославянскаго происхожденія. Затѣмъ изрѣдка въ этомъ памятникѣ дано мѣсто буквѣ ъ въ срединѣ словъ послѣ плавныхъ—подревнеславянски: *наврънѣе'шисл*, *тръпети*, *пръвый* [3]), хотя, впрочемъ, встрѣчаются постоянныя отступленія отъ этого правила: *терпѣти*, *верхъ* [4]) и проч. Тою же непослѣдовательностію отличается и употребленіе ъ въ предлогахъ и въ предложныхъ словахъ, такъ какъ одно и то же слово пишется различно: *розъвръзаѣтъ* и *розворочилъ* [5]). Вообще же говоря, во всей рукописи преобладаетъ надъ употребленіемъ ъ и ь система паериковъ: писецъ ставитъ ихъ не только тамъ, гдѣ слѣдуетъ, гдѣ, по требованію древнеславянской этимологіи, они должны стоять въ срединѣ или на концѣ словъ, но часто и не къ мѣсту—тамъ, гдѣ, по требованію живаго говора, гласный звукъ является для того, чтобы устранить излишнее накопленіе согласныхъ, или же гдѣ, по мнѣнію писца, его предположить можно. Вотъ для примѣра нѣсколько фразъ: *тоʼгда в'став'ши марїа в'тыѧ то дни. Йшла на горы поспѣш'не 'и в'шод'ши в' домъ..... на зем'ли миръ..... вамъ естъ дано з'нати тайм'ности* [6])....“

---

[1]) О Пересоп. ев. см. Приложенія.

[2]) Майк. Исторія серб. яз. 355.

[3]) Лук. зач. 53, 46, 49.

[4]) Лук. зач. 43, 46.

[5]) Лук. зач. 110.

[6]) Лук. зач. 4, 5, 35.

Слова: *зн'ати*, *зем'ли* показываютъ, что писцемъ руководило ложное представленіе о глухихъ тамъ, гдѣ ихъ быть не могло. Ощупью шелъ онъ въ разстановкѣ глухихъ, руководствуясь болѣе своими письменными источниками, чѣмъ живымъ чутьемъ народной рѣчи. Оттого, рядомъ съ этимологически правильными формами: *в'сѣхъ*, *м'ного*, очень часто встрѣчаются у него тѣ же слова безъ паериковъ: *жатва̀*, *сми'ромъ*, *много̀* [1]). Тамъ только болѣе выдержаны глухіе, въ особенности ь, гдѣ они нашли поддержку въ выговорѣ самого писца: такъ ь, входящій въ суффиксы именъ существ. и прилагат., выдержанъ постоянно, и только иногда вмѣсто него стоитъ паерикъ: *боя̀тъся*.... до *оу̀краины гадаринской̀*..... *пѐреворо́тный* [2]). Встрѣчаются иногда оригинальныя формы, въ которыя, противъ воли писца, вторглась фонетика народной рѣчи: вотъ напр. выраженіе: „*а обернуувшися и'къ жене рекъ*“ [3]), гдѣ вмѣсто къ стоитъ *и'къ*, какъ въ современномъ малорус. выговорѣ, съ замѣнительнымъ гласнымъ звукомъ *і*, тѣмъ самымъ эвфоническимъ гласнымъ, который слышится въ словахъ: *іржа*, *імла* (древнесл. *ръжда*, *мъгла*). Въ словѣ: *къ ісобѣ* [4]) писецъ отступилъ отъ обычая своего ставить на концѣ словъ ъ, въ угоду той же народной фонетикѣ: такъ какъ ъ предлога къ встрѣтилъ поддержку въ начальномъ гласномъ слѣдующаго слова, то онъ оказался на мѣстѣ. Изъ начертанія: *къісобѣ* легко убѣдиться, что писецъ зналъ различіе между ъ и ь и даже соединялъ съ ними представленіе, какъ о темныхъ знакахъ, которые, при извѣстныхъ условіяхъ, заключаютъ въ себѣ гласный элементъ. Такъ, одинъ разъ намъ встрѣтилось слово: *въ зе́ро* (*оускочило ста́до въ зе́ро*) [5]): очевидно, здѣсь ъ исполняетъ роль звука *о* (въ озеро). Точь-въ-точь такая же форма встрѣчается въ памятникахъ новгородскаго нарѣчія XIV в.: *въ зеру* [6]): слѣдовательно, въ XVI и въ XIV в., на югѣ и на сѣверѣ, считалось возможнымъ не только произносить, но и писать глухіе гласные взамѣнъ чистыхъ.

Изъ всѣхъ данныхъ относительно глухихъ по Пересопницкому

---

[1]) Лук. зач. 34, 39, 50.

[2]) Лук. зач. 35, 37, 46.

[3]) Лук. зач. 39.

[4]) Лук. зач. 45.

[5]) Лук. зач. 38.

[6]) Бусл. Ист. христ. (юридич. акт.) 558.

евангелію мы можемъ сдѣлать заключеніе, что въ XVI в. на русскомъ югѣ они или совсѣмъ не произносились (такія формы, какъ *нъ*, *Богъ* и проч. никогда не были возможны ни въ одномъ нарѣчіи русскаго языка), или произносились, какъ звуки чистые, а никакъ не какъ глухіе.

Въ волынскихъ памятникахъ XVI в. Потебня нашелъ два слова: *черньгородци* (1578) и *гридьню* (1566), на основаніи которыхъ предполагаетъ, что „ъ въ то время еще слышалось" [1],—но изъ словъ его не ясно, слышался ли ъ, какъ звукъ чистый, или же какъ глухой. По нашему мнѣнію, букву *у* никакъ нельзя прочесть глухимъ звукомъ, а ъ не только въ XVI в., но и гораздо раньше имѣлъ значеніе чистаго гласнаго. Такъ, въ Синодальномъ спискѣ псалтири (XIII в.) предлогъ *съ* встрѣчается въ такой формѣ: *съω* [2]: очевидно, писецъ хотѣлъ угодить славянскому преданію (ъ) и русскому произношенію затмившагося уже ъ, прибавивъ къ нему еще ω. Послѣдняя буква показываетъ, какъ въ дѣйствительности произносился ъ. Отрѣшаясь болѣе и болѣе отъ славянскаго преданія, писцы съ большею свободою распоряжались буквами ъ и *о*, употребляя одну на мѣсто другой, какъ равнозначительныя по выговору буквы. Сопоставляемъ для подтвержденія своего мнѣнія нѣсколько словъ изъ грамоты смоленскаго князя Мстислава (XIII в.): *ωкъ* (о), *къдѣ*, *къюу* [3], а также изъ грамоты Андрея Александровича: *великогъ князя, посъло* [4]. Убѣжденіе въ равнозначительности ъ и ь чистымъ звукамъ *о* и *е* съ особенною рѣзкостію выступило въ XIII в., хотя оно существовало и въ XI в.: такъ въ Сбор. 1073 есть формы: *кото*, *золоба* [5]. Въ XIII в. мы постоянно встрѣчаемъ въ памятникахъ разныхъ мѣстностей постановку *о* и *е* на мѣсто глухихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ послѣдствіи чистые исчезли. Такъ, въ Служебникѣ новгор. Соф. библ. (XIII в.): *моножьствомь*, *вьсе* вм. *весь*, *дароми*, вм. *даръми*, *дожде* вм. *дъждь* [6],—въ поученіяхъ Ефрема Сирина (XIII в.): *ро-*

---

[1]) Потебн. Два изслѣд. 93.

[2]) Бусл. Ист. христ. 86.

[3]) Ibid. 351,

[4]) Ibid. 423, 425.

[5]) Колос. Оч. 59.

[6]) Из. А. Н. Древ. Пам. Срез. 503.

зумо, бодить, мезды, невпрестеина, лукавество, въ конецихъ [1]). Изрѣдка и *ѣ* стоитъ вм. *ь*: *дѣетѣ* (*ь*), *кнѧзѣ* (*ь*) (грам. Мстисл. XIII в.) [2]). Не менѣе часто встрѣчается неожиданное *о* и *е* вмѣсто *ъ* и *ь* въ XIII в., особенно въ нарѣчіи новгородскомъ [3]), но въ XV в. еще чаще. Ограничимся указаніемъ такихъ случаевъ въ одной изъ южнорусскихъ грамотъ, писанныхъ въ Галичѣ: *Бучачекии, пришедеши, марекорѣтою, изе вѣка, Галицекии, свѣдоцество* [4]).

Что показываетъ это постепенное усиленіе неумѣстной постановки чистыхъ гласныхъ вмѣсто глухихъ? Совпадая съ ростомъ народныхъ элементовъ въ письменныхъ памятникахъ, эта постановка объясняетъ значеніе глухихъ гласныхъ въ народномъ языкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ устахъ народныхъ они уже были звуками чистыми, если вмѣсто нихъ писались чистые. Большею частію самымъ крайнимъ предѣломъ существованія глухихъ въ русскомъ языкѣ считаютъ первые годы XIV в.[5]) Одинъ только Потебня, на основаніи смѣны ихъ чистыми, и наоборотъ, предполагаетъ, что они слышались внутри словъ въ XV и даже XVI в.[6]). Но въ этомъ явленіи, не прибѣгая къ натяжкамъ, можно видѣть только равенство *ъ* и *ь* гласнымъ *о* и *е*, обоюдное употребленіе ихъ въ одномъ и томъ же смыслѣ, а никакъ не глухое, древнеслав. произношеніе *ъ* и *ь*. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что *ъ* и *ь* очень часто были слышны въ произношеніи, но именно, какъ звуки чистые, сообразно съ народной фонетикой, которую писцы не умѣли приспособить къ своему правописанію. Произнося *ъ* и *ь*, какъ *о* и *е*, они не могли поладить съ четырьмя буквами, выражавшими всего два звука, и потому постоянно смѣшивали эти буквы между собою. Мы присоединяемся къ мнѣнію Миклошича, который сомнѣвается, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда въ концѣ словъ писалось *о* или *е*, глухіе въ самомъ дѣлѣ были слышимы: онъ думаетъ, что скорѣе всего тутъ дѣйствовала ложная аналогія [7]). Той же аналогіей легко объясняются и обратные случаи употребленія

---

[1]) Срезн. Свѣд. и зам. 48.

[2]) Бусл. Ист. христом. 349.

[3]) Ibid. 135, Срезн. Св. и зам. 79.

[4]) Головац. Пам. дипл. и суд. яз. № 31.

[5]) Срезневск. „Мысли“ 50, Лавр. О яз. сѣв. лѣтоп. 31. Колос. Оч. 146.

[6]) Зам. о малорус. нар. 11.

[7]) Miklos. Lautl. 381.

ъ и ь вмѣсто чистыхъ гласныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, сообразно съ русскимъ произношеніемъ, должны были стоять чистые.

Гораздо чаще встрѣчается въ памятникахъ правильная (въ смыслѣ русскаго произношенія) замѣна глухихъ ъ и ь чистыми *о* и *е*. Явленіе это уже не рѣдко въ памятникахъ XI в: такъ, въ Остр. ев. находимъ слова: *тогда*, *Богомъ*, *словомъ* [1]), въ словахъ Григорія Богослова встрѣчаемъ замѣну *ъ* звуками *о*, *у*, а *ь*—звуками *е*, *и* [2]),—въ записи Глѣба на Тмуторок. камнѣ: *по леду* [3]). Считаемъ излишнимъ выписывать изъ вѣка въ вѣкъ случаи этого рода: они умножаются въ древнерусской письменности, по мѣрѣ вторженія въ нее народной стихіи, такъ что въ XV—XVI в., въ южнорусской письменности, въ особенности свѣтскаго содержанія, становятся обычнымъ правиломъ [4]). Мы никакъ не можемъ понять, на какомъ основаніи Колосовъ замѣну этого рода глухихъ чистыми не считаетъ прямымъ доказательствомъ отсутствія въ языкѣ глухихъ [5]). По крайней мѣрѣ, въ тѣхъ словахъ, гдѣ, по требованію русской фонетики, такая замѣна встрѣчается, мы не рѣшаемся подозрѣвать присутствія глухихъ. Мы принимаемъ фактъ, какъ онъ есть: стоятъ чистые вмѣсто глухихъ,—мы и понимаемъ ихъ чистыми, а никакъ не глухими. А если взять въ расчетъ, что такое чисто русское превращеніе глухихъ въ чистые выдержано въ древнерус. памятникахъ съ историческою послѣдовательностію постепенно возрастающаго явленія, то нельзя не усумниться въ необходимости считать глухіе гласные ясно доказанною историческою чертою русскаго языка.

Намъ кажется, что для оцѣнки историческаго значенія гласныхъ ъ и ь въ русскомъ языкѣ слѣдовало бы обратить особенное вниманіе на то обстоятельство, что паденіе ихъ началось не на русской почвѣ, что уже въ древнѣйшихъ славянскихъ памятникахъ затмилась звуковая природа ихъ. Въ самой слабости ихъ лежала причина ихъ недолговѣчности, и потому невыдержанности въ произношеніи и въ правописаніи. Такъ напр. въ концѣ словъ, въ именныхъ темахъ *ja*, уже въ древнеславянскомъ языкѣ они совсѣмъ исключались: изъ *кон-ja-s*, *кра-ja-s*, съ

---

1) Остр. ев. 12. 180. 175.

2) Будил. 10.

3) Из. А. И. Срезн. Др. п. 23.

4) См. Голов. Пам. дипл. и суд. яз. русск. 1867.

5) Колос. Оч. 18.

отпаденіемъ *з* и ослабленіемъ *а* въ *ъ*, вышло: *кон-jъ*, *кра-jъ*, затѣмъ звукъ *ъ* исчезъ и образовались формы: *кон-ь*, *кра-j*, т. е. ь послѣ согласныхъ, *j*—послѣ гласныхъ, слѣдовательно, на мѣсто гласнаго звука явился *j*—согласный звукъ, въ качествѣ смягчающаго элемента. Такъ, въ Македонс. листкѣ (XI в.), по мнѣнію Срезневскаго, ь во многихъ случаяхъ былъ знакомъ смягченія: *дьвизахъмь, зьвѣзда* и проч. [1]). Вообще въ памятникахъ юсоваго письма XI в. (Савина книга, Слуцкая псалтирь, Супрасл. рукоп., Хиландарсв. и Македонск. листки, Евангельскіе листки Ундольскаго) видимъ, что глухіе или превращаются въ чистые гласные, или исключаются, какъ изъ окончанія, такъ и изъ средины словъ, или же, наконецъ, смѣшиваются между собою. Въ этихъ памятникахъ смѣшеніе глухихъ такое, что иногда въ одной и той же рукописи, на одной и той же страницѣ, одно и то же слово пишется и съ *ъ*, и съ ь [2]) Тѣ же самыя явленія, и притомъ въ громадномъ числѣ случаевъ, постоянно встрѣчаются также въ древнѣйшихъ славянскихъ памятникахъ русской редакціи. Такъ, въ Остр. евангеліи, въ которомъ, сравнительно съ другими памятниками, тверже выдержано употребленіе глухихъ гласныхъ, рѣзко бросается въ глаза частое измѣненіе *ъ* въ предлогахъ и въ предложныхъ словахъ [3]). Не менѣе часты въ этомъ памятникѣ случаи смѣшенія *ъ* съ ь: особенно часто ставится въ немъ *ъ* вм. ь: *мѫжъ, жънѧи, вашъ, вижьдъ, ближънѧго* [4]). О превращеніи глухихъ въ чистые въ этомъ памятникѣ мы уже имѣли случай говорить раньше. Гораздо съ большею рѣзкостію, чѣмъ въ Остромір. евангеліи, выступаетъ паденіе глухихъ гласныхъ въ другихъ современныхъ ему славянскихъ памятникахъ съ признаками русскаго правописанія (въ Туровскомъ еванг., въ Толк. Евг. псалтири, въ обоихъ Изборникахъ, въ Толк. псалтири Чуд. монастыря, въ Сборникѣ 13 словъ Григорія Назіанзина, въ Служебн. минеѣ, въ Постной тріоди) [5]). Фактовъ такъ много, что считаемъ неудобнымъ для себя выписываніемъ ихъ загромождать страницы своего труда.

Видимымъ знакомъ паденія глухихъ гласныхъ не только для слуха, но

[1]) Срезн. Пам. юс. пис. 42.

[2]) Пам. юс. пис. 154.

[3]) Остр. ев. изд. Вост. 154, 157, 141, 75, 205.

[4]) Остр. ев. 30, 82, 55, 58.

[5]) Ср. Др. пам. Из. А. т. X., вып. V.

и для глаза было особенное начертаніе ихъ. Чрезъ всю письменную исторію ихъ, начиная съ самыхъ древнихъ памятниковъ, проходитъ обычай выносить ихъ за строку. Пропускъ ихъ въ строкѣ обозначали различнымъ способомъ: ставили вверху то запятую, то точку, то двѣ черточки, то скобку, обращенную концами внизъ (⌒), пока, наконецъ, не утвердился обычай изображать опущеніе глухихъ посредствомъ надстрочнаго паерика (ʼ). Такой способъ начертанія глухихъ въ одинаковой мѣрѣ характеристиченъ, какъ для позднихъ временъ русской письменности, такъ и для самой древней эпохи ея: въ памятникахъ XI в. онъ распространенъ не менѣе, какъ и въ письменныхъ произведеніяхъ XVI в. Въ древнѣйшихъ памятникахъ югозападнаго юсоваго письма онъ господствуетъ во всей силѣ. По нашему мнѣнію, надстрочное изображеніе глухихъ гласныхъ всегда означало ихъ отсутствіе въ смыслѣ звуковъ, ниспаденіе звуковъ на степень простаго знака этимологическаго, а не фонетическаго. Правда, древніе писцы не были записными этимологами, что показываетъ самый переносъ глухихъ на верхъ строки, но письменное преданіе, соединенное съ уваженіемъ къ предмету писаній, не лишено было въ ихъ глазахъ авторитетнаго значенія. Въ рѣдкихъ рукописяхъ встрѣчаются сознательныя уклоненія отъ оригинала: большею частію попадаются обмолвки, описки, уклоненія безсознательныя, невольныя.

Полагать надобно, что глухіе гласные прежде всего начали исчезать въ концѣ словъ. Въ рукописяхъ XVI в. часто уже встрѣчается надстрочный знакъ, вмѣсто конечнаго ъ или ь. Какъ звуки слабые, они могли сохранить нѣкоторый слѣдъ гласности только въ тѣхъ слогахъ, надъ которыми стояло удареніе. Можетъ быть, въ ту прадавнюю эпоху, когда глухіе звуки жили въ русскомъ языкѣ, и мѣсто ударенія въ словахъ съ конечными глухими было другое, но не подлежитъ сомнѣнію, что присутствіе ударенія на слогахъ съ полными гласными обусловливало паденіе глухихъ звуковъ въ концѣ словъ: лишенные звуковой поддержки въ удареніи, они должны были здѣсь исчезнуть раньше, чѣмъ въ другихъ частяхъ слова. Затѣмъ, встрѣчая въ самыхъ древнихъ памятникахъ отсутствіе ъ и ь въ предлогахъ и въ предложныхъ словахъ, мы имѣемъ право заключить, что уже очень рано началось паденіе ихъ и въ срединѣ словъ, гдѣ они, подъ защитой согласныхъ, занимали болѣе крѣпкую позицію, и гдѣ присутствіе ихъ обусловливалось необходимостью выговора нѣсколькихъ рядомъ стоявшихъ согласныхъ. Да иначе и быть

не могло: звуковыя превращенія въ одной части слова должны были немедленно отразиться на всемъ составѣ его. По мѣрѣ того какъ конечные глухіе падали, серединные должны были превращаться въ полные гласные: изъ *сънъ, львъ, дьнь* и проч. должны были образоваться: *сон, лев, день*. Одно звуковое явленіе влекло за собою другое, но оба они, какъ исключеніе *ъ* и *ь*, такъ и замѣна ихъ полнымъ звукомъ, въ одинаковой мѣрѣ указываютъ на паденіе глухихъ гласныхъ. Впрочемъ, весьма могло быть, что срединные глухіе, не прикрытые удареніемъ, не были слышны даже въ тѣхъ словахъ, которыя оканчивались на чистый гласный звукъ: писали по-славянски: *къто, съпати, въдова*, а выговаривали: *кто, спати, вдова*. Новое звуковое явленіе давно уже вступило въ свою силу, но старая традиція, основанная на правописаніи, продолжалась. Мы можемъ заключать объ этомъ по непослѣдовательности въ употребленіи глухихъ, постоянно встрѣчаемой въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ. Возьмемъ напр. на выдержку памятникъ XII в. „Монастырскій уставъ церковнаго служенія“ [1]). Въ правописаніи этого памятника замѣтны рѣзкія колебанія въ употребленіи глухихъ. Видно, съ одной стороны, что они были графическими знаками звуковъ, несомнѣнно произносимыхъ: такъ напр. словъ: *жьрьтве, мъчьници, тьмьно* нельзя произнесть безъ *ъ* и *ь*. Съ другой стороны, частое исключеніе глухихъ и потомъ снова употребленіе ихъ въ формахъ совершенно аналогическихъ показываетъ, что *ъ* и *ь* только писались по преданію, но уже не были произносимы: такое противорѣчіе встрѣчаемъ напр. въ притч. прошедш: *тьшие*, а на другой страницѣ: *пожиючьникъ*. Можно сослаться въ доказательство фиктивности глухихъ на такую форму, какъ напр. *въсхытити* [2]): здѣсь звучный согласный *в* въ произношеніи, очевидно, стоялъ непосредственно предъ отзвучнымъ *х*, — иначе, т. е. если бы *ъ* былъ слышимъ въ произношеніи, то согласный *з* не измѣнился бы въ *с*, и было бы *възъхытити*. Такихъ описокъ разсыпано множество въ памятникахъ всѣхъ вѣковъ и разныхъ нарѣчій: сходная напр. форма въ Сбор. 1073: *въсъхлаштаѥть*. Обращаясь къ „Монастырскому уставу“, находимъ, что въ суффиксахъ какъ *ъ*, такъ и *ь*, очень часто исключаются: *вечерну, двермн, умывалницу, по-*

---

[1]) Срезн. Др. пам. И. А. т. X, в. V.

[2]) Синод. спис. холмт. XIII в. Хр. Бусл. 88.

добно, праздника[1]). Вѣроятно, въ тѣхъ случаяхъ, когда ь оставался въ срединѣ слова, онъ не всегда превращался въ чистый гласный звукъ, но иногда выражалъ только смягченіе согласныхъ: такое значеніе онъ могъ имѣть напр. въ словѣ *дьнию* [2]) (*по двою дьнию*), которое можно прочесть съ однимъ гласнымъ звукомъ, смягчивъ согласныя *д* и *н* (въ Сборн. 1773 по *двои-я дьноу* [3]). Еще съ большею вѣроятностію можно заключать, что въ корняхъ и суффиксахъ погибель ъ и ь обусловливалась, между прочимъ, перестановкой ихъ. Если переставлялся напр. ь предъ согласный звукъ, то получался вмѣсто глухаго полный звукъ, какъ въ словѣ напр. *сьрдьце* [4]). Если же онъ ставился позади согласнаго звука, то въ свои права вступалъ гласный, который слѣдовалъ за согласнымъ, ь же оставался только знакомъ смягченія, что видно изъ того же слова: *сърдце*. Еще нагляднѣе это колебаніе въ словѣ: *всьсьмъ* [5]).

Мы указали въ своемъ мѣстѣ на перестановку глухихъ гласныхъ при плавныхъ согласныхъ (*ъл, ър, ьл, ьр*, вм. *лъ, ръ, ль, рь*), какъ на одну изъ древнѣйшихъ черть русскаго языка. Хотя она не чужда и западнославянскимъ нарѣчіямъ [6]), тѣмъ не менѣе мы считаемъ ее исконно-русскою чертою, точно такъ же, какъ отсутствіе юсовъ въ нарѣчіяхъ напр. сербскомъ и чешскомъ считается характеристической чертой и для древнерусскаго языка. Притомъ, перестановка глухихъ въ слогахъ съ плавными проведена въ русскомъ языкѣ съ чрезвычайною послѣдовательностію. Такъ, уже въ Остромір. евангеліи, рядомъ съ славянскими слогами: *ръ, лъ*, стоятъ плавные послѣ глухихъ: *ръ, ьръ, ър, ьр, ъл, ьлъ*. Явленіе это характеристично, какъ для глухихъ гласныхъ, такъ и для плавныхъ согласныхъ; чѣмъ бы ни были *л*, *р* въ древнеславянскомъ языкѣ—гласными ли, какъ думаетъ Миклошичъ, или согласными, какъ думаетъ Шлейхеръ, ясно, что въ русскомъ языкѣ они никогда не были гласными звуками. Такіе гласные комплексы, какъ *ръ, ьръ, ълъ* трудно представить себѣ въ какую бы то ни было историческую эпоху русскаго языка. Что

---

[1]) Изв. Ак. X, VI, 512—13.

[2]) Ibid. 514.

[3]) Грам. Церк.-слав. яз. Вост. 31.

[4]) Срезн. Др. пам. И. А. т. X, в. V, 513.

[5]) Ibid. 513.

[6]) Потебн. Ж. М. Н. Пр. 1873. Окт. 1874. Мартъ.

касается до глухихъ гласныхъ въ указанныхъ нами группахъ, то уже одна постановка двухъ глухихъ, одного впереди, а другаго после плавныхъ, заставляетъ предполагать въ нихъ полный звукъ и невольно наводитъ на мысль о такъ называемомъ полногласіи. По нашему мнѣнію, не только слоги *гръ*, *глъ*, но и *гр* и *гл* находятся въ связи съ русскимъ полногласіемъ.

Изобрѣтатель этого термина, Максимовичъ, различаетъ двѣ, какъ онъ говоритъ, породы полногласія: первая выражается однимъ гласнымъ звукомъ: *вльнъ*, *грдъ* = *волкъ*, *городъ*, другая, и притомъ главная, двумя гласными звуками, которые ставятся впереди и позади плавныхъ *р*, *л*: *клати*, *врана*, *млъко*, *мръти* = *колоть*, *ворона*, *молоко*, *мереть*, т. е. первое полногласіе образуется изъ славянскихъ слоговъ *лъ*, *ръ*, второе изъ *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ* [1]). Лавровскій доказываетъ, что первое соотвѣтствуетъ ослабленному санскритскому *ṙ*—звуку, который, съ теченіемъ времени, сдѣлался гласнымъ, (прибавимъ, впрочемъ, что *l* и *r* были гласными звуками только въ одномъ діалектѣ Ведъ) и образовался изъ древнѣйшаго основнаго *ar*, такъ что санскр. *ṙ*=слав. *ръ*, русск. *ор*,—а второе соотвѣтствуетъ подъему или же этого ослабленнаго *ṙ* (такимъ образомъ первонач. *ar* снова возстановилось) или же подъему не отъ *ṙ*, а отъ основнаго *ar*, слѣдовательно, уже не *ar*, но *âr* = слав. *рѣ*, рус. *оро* [2]). Потебня въ вопросѣ о полногласіи существенно расходится съ Лавровскимъ. Онъ различаетъ звуковую замѣну: (скритск. ослабленное *ṙ*=славянск. *ръ*, литовск. *ir*, русск. *ор*), отъ подъема: (санскр. *âr* = слав. *ра*, литовск. *ar*, русскому *оро*) и въ самомъ подъемѣ различаетъ согласные звуки отъ гласныхъ, т. е. поднимаются, по его мнѣнію, не *л*, *р*, а гласные. Градація усиленія такая: *ръ* (замѣна), *рѣ* (усиленіе), *ра* (усиленіе усиленія), при чемъ въ русскомъ языкѣ усиленіе выразилось посредствомъ двоегласованія, т. е. слоги: *рѣ*, *лѣ* разложились въ *ере*, *еле*, а *ра*, *ла* въ *оро*, *оло* [3]).

Не входя въ спеціальное изслѣдованіе полногласія на почвѣ сравнительнаго языкознанія, ограничимся замѣчаніемъ, что оно находится, безъ сомнѣнія, въ органической связи съ цѣлымъ строемъ русскаго

---

[1]) Максимовичъ. Начат. рус. Фил. 121.

[2]) Лавр. Изв. II отд. т. VII, в. V.

[3]) Потебн. Два изслѣд. о зв. русск. яз.

языка. Мы думаемъ, что оно составляетъ въ немъ черту не праславянскую, но собственно русскую, черту, возникшую въ одно время съ ослабленіемъ его вокализма. Тогда какъ въ иныхъ славянскихъ языкахъ существуетъ долгота гласныхъ, которая развилась въ нихъ позже для возстановленія ослабѣвшаго вокализма, въ русскомъ языкѣ та же цѣль достигается полногласіемъ. Оно есть какъ бы замѣнительный процессъ, вызванный паденіемъ гласныхъ звуковъ, поэтому всѣ изслѣдователи русскаго полногласія вполнѣ цѣлесообразно приравниваютъ его къ долготѣ въ другихъ славянскихъ языкахъ. (Катковъ и Лавровскій пользуются аналогіей, главнымъ образомъ, съ языкомъ чешскимъ, Потебня съ языкомъ сербскимъ). Мы встрѣтили недавно полную поддержку своего мнѣнія въ воззрѣніяхъ Ягича, который относитъ полногласіе въ рядъ явленій подновленнаго вокализма. Ягичъ допускаетъ въ славянской фонетикѣ предъ появленіемъ полногласія метатезисъ, новый, какъ говоритъ онъ, принципъ ея, по которому слоги: *ar*, *al* переставлялись въ *ra*, *la* аналогически съ *камы*, въ литовск. *akmů*. Постепенно въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ явилась реакція этому явленію: въ польскомъ—въ формѣ перемѣны *a* на *o*, въ русскомъ—посредствомъ вставки еще одного гласнаго предъ *r*, *l*. Рядъ такой: *gards* (готск.), *gardas* (литовск.), *градъ* (древнесл.), отсюда *гърод* и *городъ* [1]). Въ послѣднее время Потебня высказалъ мнѣніе, что формы: *вълкъ*, *пълкъ* свойственны не одному русскому, но и западнымъ славянскимъ нарѣчіямъ, что онѣ даже древнѣе формъ: *влъкъ*, *плъкъ* [2]). Такая постановка глухихъ гласныхъ впереди плавныхъ, въ какихъ бы она нарѣчіяхъ ни находилась, по нашему мнѣнію, всегда оканчивается превращеніемъ глухихъ гласныхъ въ полныя и объясняется эвфоническою потребностію замѣнить конечный глухой звукъ полнымъ гласнымъ звукомъ въ срединѣ словъ. Поэтому мы охотно соглашаемся съ Ягичемъ, который считаетъ появленіе *глухихъ* гласныхъ предъ плавными вмѣсто полныхъ гласныхъ послѣ плавныхъ явленіемъ позднѣйшимъ. Это именно и есть посредствующій моментъ въ превращеніи глухихъ, предшествующихъ плавнымъ, въ полныя гласныя. По мнѣнію Ягича, явленіе это и теперь діалектически распространено въ югослов. нарѣчіи: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Далмаціи вм. *krv*, *grm*, говорятъ: *karv*,

[1]) Rad Jugoslav. Akad. 1871. кн. XIV, 207—208.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1874.

garn, или *kerv, gern* (въ Загорьѣ) [1]). Эти формы Ягичъ объясняетъ замѣной утерянныхъ глухихъ гласныхъ. Въ этомъ смыслѣ аналогическія русскія формы (*волкъ, городъ*) находятся въ связи съ русскимъ полногласіемъ, которое, по нашему мнѣнію, развивалось по мѣрѣ паденія глухихъ гласныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, само оно, по мѣрѣ своего развитія, могло усиливать явленія, его вызвавшія: развиваясь, въ соотвѣтствіе съ долготой въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, въ срединѣ однихъ словъ, оно исключало тѣмъ самимъ необходимость гласныхъ элементовъ въ концѣ другихъ словъ, и такимъ образомъ вовлекало ихъ въ сферу аналогіи, которая, какъ извѣстно, имѣетъ огромное значеніе въ звуковыхъ превращеніяхъ. Тѣ конечные гласные, которые заключали въ себѣ достаточно силы, чтобы противостоять напору полногласія въ срединѣ словъ, уцѣлѣли на своемъ мѣстѣ. Должны были исчезнуть слабые, глухіе звуки.

Когда же они исчезли въ русскомъ языкѣ? Такъ ли поздо, какъ объ этомъ принято говорить въ нашихъ филологическихъ изслѣдованіяхъ?

Мы не рѣшаемся проводить точную хронологическую границу, которая отдѣляла бы двѣ эпохи въ жизни русскаго языка—одну съ глухими гласными, другую—безъ нихъ. Мы не можемъ считать фактомъ доказаннымъ, что глухіе звуки жили въ такомъ-то столѣтіи, а еще менѣе — въ той или другой половинѣ и даже четверти столѣтія. Знаемъ навѣрное только то, что въ древнерусской письменности буквы ъ и ь были въ употребленіи, знаемъ, что они или совсѣмъ не произносились, или произносились, какъ чистые гласные звуки, но звучали ли они, какъ глухіе звуки, въ устахъ древнерусскихъ предковъ нашихъ, свидѣтелей перехода славянской письменности къ русскимъ племенамъ, объ этомъ навѣрное мы ничего сказать не можемъ. Въ источникахъ нашихъ нѣтъ такихъ данныхъ, на основаніи которыхъ мы могли бы признать дѣйствительное существованіе глухихъ въ древнерусскомъ языкѣ, данныхъ непререкаемыхъ, которыя не могли бы подлежать различнымъ толкованіямъ. Выставляемъ на видъ то обстоятельство, что до сихъ поръ мы не имѣемъ документальной, составленной по памятникамъ, исторіи глухихъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ, и что, на основаніи письменнаго матеріала, съ полнымъ убѣжденіемъ можно сказать только то, что древнерусскіе писцы иногда, и даже очень часто, произносили буквы

---

1) Rd Jugosl. Akad. 1871. XIV, 206.

ъ и ь, но произносили ли они ихъ именно какъ звуки глухіе,—повторяемъ, это еще вопросъ, требующій аргументаціи болѣе сильной, чѣмъ та, которую мы имѣемъ теперь въ своемъ распоряженіи. Пока не будутъ указаны точныя орѳографическія примѣты, по которымъ можно бы было узнавать присутствіе глухихъ звуковъ въ произношеніи древнерусскихъ писцовъ, до тѣхъ поръ невозможны, по нашему мнѣнію, попытки хронологически опредѣлить эпоху, когда глухіе звуки исчезли въ русскомъ языкѣ.

Но мы далеки отъ того, чтобы въ языкѣ восточныхъ славянъ, которые въ послѣдствіи прозвались Русью, отрицать переходную стадію ниспаденія полныхъ гласныхъ на степень глухихъ. Мы признаемъ за нею значеніе дѣйствительнаго факта, потому что этотъ фактъ подтверждается не только аналогіей съ другими нарѣчіями, но и внутренними превращеніями звуковъ въ сферѣ собственно русскихъ нарѣчій. Думаемъ, однако же, что присутствіе глухихъ гласныхъ не есть характеристическій моментъ для русскаго праязыка, что, напротивъ того, извѣстные реактивы, соотвѣтствующіе паденію глухихъ, гораздо болѣе характеристичны для прототипа русскихъ нарѣчій. За наше предположеніе стоитъ повсемѣстный фактъ ранняго паденія глухихъ. Что въ русскомъ языкѣ оно упредило историческую эпоху, косвеннымъ доказательствомъ можетъ служить русское полногласіе. Явленіе это исконно-русское, *общерусское*, потому что всѣ русскія нарѣчія, различаясь многими своеобразными чертами позднѣйшаго происхожденія, относительно полногласія совершенно сходны между собою. Съ другой стороны, полногласіе обнаружилось въ самыхъ первыхъ памятникахъ славянорусскаго письма, слѣдовательно, оно существовало уже въ языкѣ всѣхъ русскихъ племенъ до появленія среди нихъ письменности, и потому мы имѣемъ право сдѣлать заключеніе, что и паденіе глухихъ гласныхъ нужно считать такимъ явленіемъ, которое не только началось въ эпоху, предшествовавшую письменности, но и успѣло тогда уже значительно окрѣпнуть. Но такъ какъ многіе общеславянскіе элементы до сихъ поръ живутъ въ нарѣчіяхъ русскихъ, то и глухіе по инерціи могли еще, даже на зарѣ исторической жизни, кой-гдѣ удержаться въ устахъ обитателей русской равнины, какъ отдаленное воспоминаніе о той эпохѣ, когда русскій языкъ не отдѣлился еще отъ родной общеславянской вѣтви. Съ этой точки зрѣнія, можно допустить, что глухіе звуки жили въ праязыкѣ русскомъ, но какъ явленіе второстепенное, уступившее

свое мѣсто другимъ звуковымъ явленіямъ, развившимся собственно на русской почвѣ. Процвѣтаніе глухихъ гласныхъ относится къ общей жизни всѣхъ славянскихъ нарѣчій, характеризуетъ эпоху ихъ нераздѣльнаго бытія; паденіе глухихъ есть уже моментъ переходный отъ общеславянской эпохи къ отдѣльному существованію. Съ этого момента пошли они по пути своего индивидуальнаго развитія, восполняя убыль глухихъ различными средствами, болѣе или менѣе своеобразно. Въ однихъ нарѣчіяхъ глухіе исчезли раньше, въ другихъ позже. Что касается русскаго языка, то въ ту эпоху, когда онъ появился въ исторіи подъ искусственно-сложными формами древнерусской письменности, глухіе имѣли больше графическое, чѣмъ фонетическое значеніе. Какъ бы то ни было, паденіе глухихъ глубоко отразилось на всемъ составѣ древнерусскаго языка, во всемъ объемѣ его діалектическихъ различій, отразилось и на тѣхъ элементахъ его, которые постепенно выясняются въ исторіи въ одномъ цѣльномъ типическомъ образѣ малорусскаго нарѣчія.

2. Малорусское і вмѣсто ѣ.

Обыкновенно считают самою рѣзкою особенностью малорусскаго вокализма преобладаніе звука *і* надъ всѣми остальными гласными звуками. И дѣйствительно, ни въ одномъ славянскомъ нарѣчіи звукъ *і* не получилъ такого широкаго развитія, какъ въ малорусскомъ. Въ системѣ малорусскихъ гласныхъ его можно назвать звукомъ типическимъ, средоточнымъ звукомъ, къ которому стягивается все разнообразіе гласныхъ элементовъ и отъ котораго, въ свою очередь, проистекаютъ ихъ индивидуальныя особенности.

Нѣтъ сомнѣнія, что это *і* развивалось постепенно, въ теченіе многихъ вѣковъ. Оно составляетъ, такъ сказать, наносный слой, подъ которымъ скрываются звуки разныхъ эпохъ и разныхъ формацій. Есть современные ему звуки (*е*, *о*, *а*, *у*), которые, при извѣстныхъ условіяхъ, переходятъ въ *і*. Но поглощая живые, современные звуки, звукъ *і* нѣкогда утвердился на мѣстѣ того гласнаго звука, который въ славянской азбукѣ изображенъ былъ посредствомъ буквы *ѣ*.

Существовалъ ли этотъ звукъ въ праязыкѣ русскомъ, по отдѣленіи его отъ общеславянской почвы, или же уцѣлѣвшіе въ русскихъ нарѣчіяхъ остатки *ѣ* въ формахъ напр: *ѣ-ой-іть, на-пай-ать* составляютъ *праславянскую* черту русскаго языка, а не собственно русскую,—на этотъ вопросъ отвѣчать мы не беремся. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что въ самыхъ древнихъ памятникахъ русской письменности на-

чертаніе *ѣ* было всегда подставнымъ знакомъ для выраженія различныхъ звуковъ, поэтому звукъ *ѣ* мы будемъ называть буквой, такъ какъ самаго звука *ѣ* не было въ русскомъ языкѣ уже въ самую первоначальную эпоху его исторической жизни. Есть нѣкоторое сходство между буквой *ѣ* и буквами ъ, ь въ отношеніи къ той значительной роли, которую онѣ играли въ русской письменности, удержавшей ихъ до послѣдняго времени, вопреки дѣйствительному звуковому строю, какъ литературнаго русскаго языка, такъ и его отдѣльныхъ нарѣчій.

Но дѣло не въ этомъ внѣшнемъ сходствѣ. Есть сходство между буквою *ѣ* и одной изъ глухихъ болѣе глубокое, внутреннее. Оно рѣзко бросается въ глаза изъ самаго начертанія этихъ буквъ. Въ Сборникѣ 1073 г. составные элементы быквы *ѣ* явственно выступаютъ въ начертаніи ея: *ꙓсти*, ꙓсть [1]): *ѣ* является здѣсь съ іотой впереди, вторая же составная часть этого начертанія есть мягкая глухая буква ь. Съ теченіемъ времени передняя черта, знакъ іотаціи, вышла изъ употребленія, и явилось всюду господствующее начертаніе ѣ. Очевидно, *ѣ*, въ сознаніи самаго изобрѣтателя этой буквы, былъ звукомъ родственнымъ полугласному ь. И дѣйствительно, *ѣ*, подобно ъ и ь, не употребляется въ качествѣ начальнаго звука въ словѣ, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда *ѣ* стоитъ вмѣсто начальнаго я (*ѣсти*=*ясти*, *ѣду*=*яду*) [2]). Такимъ образомъ, малорус. *і* вмѣсто славянскаго *ѣ* имѣетъ соотношеніе къ глухому полугласному элементу ь [3]).

Но мы рѣшились, вслѣдъ за глухими гласными перейти къ исторіи буквы *ѣ* въ малорусскомъ нарѣчіи не потому только, что славянскій звукъ, для котораго она была придумана, состоитъ въ старинномъ родствѣ съ глухимъ мягкимъ звукомъ ь. Современное намъ малорусское выраженіе буквы *ѣ* посредствомъ *і*, въ древнѣйшемъ періодѣ русскаго языка, было распространено не на одномъ югѣ, да и въ настоящее время буква *ѣ* слышится, какъ *і*, не въ одномъ малорус. нарѣчіи, но и въ говорѣ новгородцевъ, а также всего сѣвернаго поморья. Такая распростра-

---

[1]) Срезн. Др. пам. юс. п. 179.

[2]) Дюверн. Система основн. элем. и фор. слав. нар. 97.

[3]) Еще Челяковскій, основываясь на начертаніи буквы ѣ, считалъ однимъ изъ составныхъ элементовъ ея ь (Čtení o srovn. mluv. slov. 34).

ненность этой звуковой замѣны свидѣтельствуетъ объ ея глубокой древности,—исторія же звуковыхъ явленій, какъ и всякая исторія, должна быть начата съ древнѣйшихъ.

Какъ звучала буква *ѣ* въ древнеславянскомъ языкѣ?

Въ настоящее время существуютъ самыя несходныя мнѣнія о древнѣйшемъ произношеніи буквы *ѣ*: то приравниваютъ ее къ французскому *é* (Копитаръ, Миклошичъ), то считаютъ ее или простымъ (Добровскій и Дювернуа), или долгимъ (Буслаевъ) звукомъ *е*, то долготой глухаго звука *ь* (Катковъ), то усвоиваютъ ему произношеніе, близкое къ *і* (Бетлингъ) или же *іе* съ растяженнымъ произношеніемъ (Дювернуа), то, наконецъ, выражаютъ его сложнымъ начертаніемъ двухъ звуковъ *іа* (Шлейхеръ и Миклошичъ), даже *еа* (Шлейхеръ и Бодуэнъ-де-Куртэне). Среди этого разнообразія мнѣній, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое основаніе, трудно остановиться на какомъ нибудь одномъ изъ нихъ, трудно сказать съ полною достовѣрностію, что одно истинно, а всѣ другія—нѣтъ. Можетъ быть, сравнительное языкознаніе когда нибудь сведетъ эти неодинаковыя мнѣнія къ немногимъ, за то твердымъ пунктамъ, но это дѣло будущаго. Въ настоящее время, по нашему мнѣнію, удобнѣе всего заняться подготовкой историческаго матеріала для сравнительной науки. Но, чтобы тверже установить историческую почву, необходимо напомнить, хотя въ общихъ чертахъ, о тѣхъ звуковыхъ элементахъ, изъ которыхъ образовался древнесл. звукъ *ѣ*, другими словами, необходимо коснуться вопроса о его происхожденіи.

Шлейхеръ указываетъ на замѣчательное явленіе въ трехъ сѣверовосточныхъ семействахъ языковъ (нѣмецкомъ, литовскомъ и славянскомъ), на смѣшеніе во многихъ корняхъ гласныхъ ряда *і* съ гласными ряда *а* [1]). Такъ, въ санскр. корень *dar* (раздроблять), въ готс. *dails*, въ славянс. *дѣлъ*, отсюда въ великор. *дѣ(іе)л* (*ить*), малорус. *діл*(*ити*). Смѣшеніе это особенно сильно развилось въ славянс. языкахъ, и согласіе ихъ относительно перебоя *а* въ *і* указываетъ на древность этого явленія. Есть много словъ, въ которыхъ еще на общеславянской почвѣ первоначальное *а* ослабѣло въ *і*: сравн. санскр. *nâman*, нѣмецк. *Name*, славянск. *имѧ*,—нѣмецк. *Ahle*, слав. *шило*,—

---

[1]) Compend. Schleich. 126.

гостк. *asta*, (въ *ast-ath-is*), славянс. суф. *истъ*. Смѣшеніе *a* съ *i* повлекло за собою смѣшанный подъемъ, отсюда уже въ древнеслав. нарѣчіи получилась возможность такихъ комбинацій въ подъемѣ: *ь*, *е*, *о*, *i*, *ѣ*: *рьци, рек, пророкъ, прорицати, нарѣковати*, предполагаемая основная форма *rak*, слѣдовательно, этотъ корень является въ пяти отклоненіяхъ. Такимъ образомъ, корни современнаго намъ вокализма лежатъ очень далеко, въ доисторическихъ звуковыхъ превращеніяхъ, которыя возникли по меньшей мѣрѣ на общеславянской почвѣ и затѣмъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ получили различную окраску. Въ малорусскомъ нарѣчіи дошло смѣшеніе ряда звука *a* съ рядомъ звука *i* до того, что всѣ гласные, въ большей или меньшей степени, приносятся въ жертву любимому *i*.

Смѣшеніе элементовъ *a* съ *i* выразилось съ особенною рѣзкостію въ *ѣ*. Какъ дифтонгъ, *ѣ* состоитъ именно изъ *a*+*i*. Онъ есть или первый подъемъ отъ *a*, равный санскритск. *â*: *дѣ-ти* (дѣлать), санскр. *dhâ*, *сѣсти* (*сѣд-ти*), *сѣдѣти*, кор. *sed*, первонач. *sad* [1]), или же первый подъемъ отъ *i*: *цвѣт-ъ*, основ. фор. *kvait-a-s*, ср. *про-цвит-ати*[2]); такъ какъ основное *a* въ древнесл. языкѣ является или въ видѣ *е*, или въ видѣ *о*, то начальное *a* въ *ѣ* должно было измѣниться тоже въ *е* или *о*, отсюда *пи-ти, на-пой-ити, на-пай-ати* (второй подъемъ *i*). Въ словинс. нарѣчіи сохранилась форма этого дифтонга съ начальнымъ *е*: *mejsto svejt* и проч. Слѣдовательно, на славянской уже почвѣ къ дифтонгу *ѣ* привлечены были четыре звука: *i*, *a*, *е*, *о*. Но сверхъ того, нужно имѣть въ виду, что гласный *i* находится въ ближайшемъ родствѣ съ своею краткостію *ь*, поэтому въ древнеслав. нарѣчіи, рядомъ съ *свѣтити*, существовали формы: *свитати, свьтѣти*, т. е. формы ослабленныя, и притомъ не въ одной только степени (*свитати*), но и въ другой (*свьтѣти*). Очевидно, въ малорус. словѣ: *свiт* звукъ *i* есть ослабленный звукъ въ отношеніи къ *ѣ* и поднятый въ отношеніи къ *ь* (срав. съ долготой въ чешс. *svit*). Затѣмъ, въ слѣдствіе древняго смѣшенія *ъ* съ *ь*, мы имѣемъ формы, въ которыхъ *ѣ* является подъемомъ *ъ*: *врѣшти* (*връхѫ*), *тлѣшти* (*тлъкѫ*) и проч. Отсюда явствуетъ, что *ѣ* находится въ соотвѣтствіи съ другимъ дифтонгомъ *ы*, въ начертаніи котораго полугласный твердый элементъ занимаетъ то самое мѣсто, которое первоначально занималъ

---

[1]) Compend. Schleich. § 79.

[2]) Ibid. § 81.

звукъ *а* въ дифтонгѣ *ѣ*. Поэтому въ верхнелужицкомъ нарѣчіи звукъ, стоящій на мѣстѣ *ѣ*, иногда переходитъ въ *ы*: *chcyl*—нижнелуж. *ksjel*, *ryc*—нижнелуж. *rjec* [1]). Такимъ образомъ, начавшись въ сферѣ гортанно-небныхъ элементовъ (*a+i*), *ѣ*, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, приходитъ до границы губнаго элемена (*ы*), порождая новые звуковые комплексы.

Съ этой точки зрѣнія неизлишнимъ считаемъ поставить вопросъ, есть ли какая нибудь возможность опредѣленно сказать, какъ произносимъ былъ звукъ *ѣ* въ древнесл. нарѣчіи?

Мы не рѣшаемся отвѣчать на этотъ вопросъ предположеніями. Мы думаемъ, что и другія предположенія этого рода не отличаются убѣдительностію, именно потому, что уже въ самый ранній періодъ древнеславянской письменности дифтонгъ *ѣ* отражалъ въ своей сложной природѣ все діалектическое разнообразіе говоровъ, входившихъ въ составъ того нарѣчія, на которое переведено было священное писаніе. Переводчики, безъ всякаго сомнѣнія, разумѣли особенный и притомъ опредѣленный звукъ, коль скоро выразили его особымъ начертаніемъ, но скоро этотъ звукъ долженъ былъ помутиться подъ вліяніемъ народныхъ говоровъ, постоянно колебавшихъ едва воздвигнутое зданіе славянской письменности. Вотъ почему, не отрицая того праславянскаго момента, когда во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ буквѣ *ѣ* соотвѣтствовалъ звукъ болѣе опредѣленный и общій всѣмъ имъ, мы считаемъ, однако же, вполнѣ возможнымъ признать въ самомъ древнеславянскомъ нарѣчіи, и притомъ въ самую первую эпоху его письменности, нѣсколько зачаточныхъ оттѣнковъ въ произношеніи буквы *ѣ*, оттѣнковъ, которые состояли въ полнѣйшей аналогіи съ различными замѣнами ея въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. То же слѣдуетъ допустить и въ отношеніи къ русскимъ нарѣчіямъ: въ устахъ разбросанныхъ обитателей русской равнины, предъ самымъ началомъ исторической эпохи, слышался вмѣсто *ѣ* не одинъ звукъ, а нѣсколько несовсѣмъ сходныхъ между собою звуковъ.

Есть въ древнеславянскихъ памятникахъ нерусской редакціи явные слѣды паденія звука *ѣ* въ древнѣйшую эпоху славянской письменности. Мы уже имѣли случай, на основаніи начертанія буквы *ѣ* въ Сборн. 1073, замѣтить, что въ дифтонгѣ *ѣ* впереди гласнаго звука

---

[1]) Дювер. Сист. элем. и формъ слав. нар. 96—97.

стоитъ іота, т. е. вмѣсто первоначальнаго *ai*, давно уже возникла обратная форма съ небнымъ элементомъ впереди. Когда произошла эта перестановка звуковъ, въ сферѣ ли отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій или на общеславянской почвѣ, рѣшить трудно. Какъ бы то ни было, только переставленный предъ *а* звукъ *і* превратился въ іоту; кромѣ *ѣ*, мы встрѣчаемъ во многихъ славянскихъ рукописяхъ XI в. другое начертаніе этого звука, именно ѩ, съ очевидной іотой впереди. Обѣ буквы постоянно смѣшиваются между собою во всѣхъ памятникахъ юсоваго письма и во многихъ древнѣйшихъ памятникахъ русской редакціи. Такое смѣшеніе мы видимъ даже въ Остромір. евангеліи: *капѣть* (имен. ед.), *въсѣкъ*, *трѣва* [1]). Есть такіе югославянс. памятники (напр. Македонскій листокъ), въ которыхъ буквы *ѣ* совсѣмъ нѣтъ, а вмѣсто нея постоянно употребляется ѩ,—въ другихъ же совсѣмъ наоборотъ, (напр. въ Евангельскихъ листкахъ Ундольск.), дано широкое мѣсто *ѣ* въ замѣнъ ѩ [2]).

Были ли это два различные звука или же два различные знака для выраженія одного и того же звука?

Извѣстно, что въ глаголицѣ для *ѣ* и ѩ существуетъ одинъ знакъ Ⰰ. Можетъ быть, это начертаніе есть остатокъ стародавняго выговора, въ которомъ смѣшанно звучало то, что въ послѣдствіи специализировалось въ разные звуки. А такъ какъ многія кирилловскія рукописи, очевидно, переписаны съ глагольскихъ подлинниковъ, между тѣмъ, первоначальное произношеніе Ⰰ затмилось въ сознаніи переписчиковъ, то они и выражали его посредствомъ двухъ различныхъ знаковъ, которые звучали одинаково. Произношеніе ѩ, безъ сомнѣнія, и тогда было такое же, какъ и теперь, смѣшеніе же ѩ съ *ѣ* указываетъ на то, какъ выговаривалась эта послѣдняя буква: именно, она выговаривалась, какъ ѩ. Стоитъ замѣтить, что съ этимъ выговоромъ совпадаетъ самое названіе этой буквы (*ять*). Произношеніе *ѣ*, какъ *я*, до сихъ поръ сохранилось въ нарѣчіи польскомъ предъ твердыми согласными (*miasto*, *biały*), а также въ восточномъ говорѣ болгарскаго нарѣчія (*мяръ*=мѣра).

Несравненно менѣе распространено въ юсовыхъ памятникахъ смѣшеніе *ѣ* съ *е*. Оно является только въ XII вѣкѣ въ Орхидс. книгѣ апост. чтеній: *сѣде*, *иде*, *где*, *везде*, въ Слѣпченск. кн. апост. чт: *древлѣ*,

---

[1]) Остр. 160. 275. 241.

[2]) Срезн. Пам. юс. пис. 42. 44.

сребролюбци, въ Болонс. псалтири: *кде*, *утѣшисте*, но есть *похвалистѣ* [1]). Также рѣдко *е* вм. *ѣ*, и обратно, въ славянорусскихъ памятникахъ XII в: въ Остр. еванг: *нестъ* [2]),—въ Типог. ев: *времѧ* и *врѣмѧ*, *телеса* [3]),—въ Словахъ Григорія Богосл: *вьсемъ*, *ангѣльскыѧ*, *нѣлъзѣ* [4]), въ Постной тріоди, писанной въ Новгородѣ: *верьнии*, *прибегающии*, *нетелѣсьную*, *гневъ*, *нозе* и *нозѣ* (двойств. ч.), *при вечере* [5]). Но въ XII в. древнерусскіе памятники представляютъ уже очень много случаевъ взаимной смѣны *ѣ* съ *е*. Прорвавшись сквозь сѣть славянскаго правописанія, выговоръ *ѣ* за *е* возрастаетъ съ каждымъ вѣкомъ, явственно обнаруживая свой народный источникъ. Писанье *е* вм. *ѣ* до такой степени распростанилось, что даже въ позднѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ напр. XVII в., когда *ѣ*, безъ всякаго сомнѣнія, малороссіяне выговаривали, какъ *і*,—на письмѣ часто встрѣчаемъ *е* вм. *ѣ*. Такъ у Берынды: *подозреньѧ*, *вырозуменѧ* [6]) и проч.,—въ лѣтописяхъ Львовской и Самовидца: *Хмельницкій* вм. Хмѣльницкій [7]) и проч.

---

[1]) Срезн. пам. юс. пис. 98. 132.

[2]) Остр. 25.

[3]) Срез. Св. и зам. 45, 49, 47.

[4]) Буд. Изслѣд. о яз. сл. Гр. Бог. 7.

[5]) Срез. Древн. пам. И. А. Х. V. 445—46—50.

[6]) Берынд. стр. 3.

[7]) Въ юго и сѣверозападныхъ актахъ XV и XVI в. употребленіе *е* вм. *ѣ* можно считать обычнымъ. Для примѣра выписываемъ изъ одной грамоты (1463) нѣсколько словъ: *греху*, *старосте* (дат. пад), *не хотели*, *седели*, *сеножати*, *реки*, *оу лесехъ* и *оу лѣсехъ* (Срезн. Св. и зам 83—84). Въ языкѣ грамотъ такое правописаніе развилось, очевидно, подъ вліяніемъ бѣлорусскаго выговора, который господствуетъ напр. въ Библіи Скорины (XVI в.): (*вкупе*, *звери*, *вечнаго* и проч. Ист. христ. Бусл. 199—200). Дѣло въ томъ, что правительственные центры въ литовскомъ княжествѣ находились среди населенія бѣлорусскаго, грамоты же давали литовскіе князья большею частію изъ бѣлорусскихъ городовъ. Въ XV и XVI в. въ канцеляріяхъ литовскихъ князей выработался особенный искусственно-дѣловой языкъ, совмѣщавшій въ себѣ стихію бѣлорусскую по преимуществу, стихію малорусскую и въ значительной степени польскую. Такъ напр въ одной и той же грам. (Казиміра Ковну 1463) слово: *мѣсто* пишется троякимъ способомъ: по славянски: *мѣста*, побѣлорусски: *места* и попольски: *мясть* (Срезн. Свѣд. 82—84). Разница между языкомъ грамотъ XIV и XV в. довольно значи-

Извѣстно, что великорус. нарѣчіе усвоило себѣ замѣну *ѣ* звукомъ *е* и развило ее до исключительнаго господства *е* на мѣстѣ первоначальнаго *ѣ*. Великорусское *е* есть звукъ мягкій, іотированный, совершенно сходный съ другою замѣною *ѣ* въ польскомъ нарѣчіи предъ мягкими согласными *(śledzić, bielić)*. Такое же іотированное *е* вм. *ѣ*, рядомъ съ простымъ *е*, есть и въ словинскомъ нарѣчіи *(brjeg* и *breg)*. Въ чешскомъ нарѣчіи краткое *ѣ* выражается посредствомъ *ě*, которое смягчаетъ предшествующій согласный *(věrny, pěna);* только послѣ согласныхъ мягкихъ, въ чешскомъ, подобно словацкому нарѣчію, пишется простое *е (seno, na noze)*. Наконецъ, и въ сербскомъ нарѣчіи весьма распространена замѣна *ѣ* посредствомъ *е*. Такъ, въ герцеговинскомъ (южномъ) говорѣ *ѣ* произносится, какъ *je*, въ слогахъ безъ ударенія или же съ краткимъ удареніемъ (*бјѐмило*),—послѣ мягкихъ согласныхъ, какъ *е* (*ђеd*: іота заключается въ самомъ согласномъ звукѣ). Въ сремскомъ говорѣ преобладаетъ *е* на мѣстѣ *ѣ* (*вѐра, мѐра*) [1]).

Перейдемъ къ смѣшенію *ѣ* съ *і*.

По свидѣтельству Срезневскаго, *і* вмѣсто *ѣ* въ юсовыхъ памятникахъ встрѣчается рѣдко [2]). Между тѣмъ, Ламанскій изъ одной Супрасл. рукописи приводитъ значительное количество словъ, въ которыхъ *і* поставлено вм. *ѣ*. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: *лици свои* (двоиств. винит.), *въ темници, процвитаетъ, очивисть, ѥдиносѫштнѣи* и *животворѧштии* и *въседръжѧштиі троици, погрибаюште, грѣховнѣи злоби* и проч. [3]) Вообще въ древнѣйшихъ славянскихъ памятникахъ обмѣнъ *ѣ* съ *и* встрѣчается весьма нерѣдко: *вѣтию* и *витиѩ, погрѣбати* и *погрибати, пролѣѩти* и *пролиѩти, сѫпѣтати* и *сѫплитати, свѣтити* и *свитати* [4]). Въ славянорусскихъ памятникахъ XI—XII—XIII в. *і* вм. *ѣ* рѣже, чѣмъ *е* вм. *ѣ*, но тѣмъ не менѣе встрѣчается очень часто. У Колосова приведены далѣко не всѣ факты. Укажемъ сперва случаи замѣны *ѣ* посредствомъ *і*, не касаясь пока тѣхъ случаевъ, когда *ѣ* ставится вмѣсто *і*.

тельна: въ XIV в. наплывъ бѣлорусскихъ и польскихъ элементовъ слабѣе, чѣмъ въ XV в., за то преобладаетъ въ XIV в. стихія славянская, сквозь которую явственно пробиваются народныя черты (см. Приложенія).

[1]) 1 изд. Српс. рјечн. Карадж. предис. стр. 17.

[2]) Срезн. Др. пам. юс. пис. 155.

[3]) Ламанск. О нѣк. слав. рук. стр. 41.

[4]) Lexic. Miklos. 123—65, 591—590, 699, 945, 830—827.

Xᵀ в. Слова Григорія Богосл: *съ стинъі, смотрити* [1]). Изборникъ 1073: *въразуминие, смотриеше, пламение* [2]), *исцили* и *исцѣли*, *въ мрътвицихъ, оутишенія* [3]). Изборн. 1076: *очивисть* [4]).

XII в. Златоструй: *изисти* (*изѩсти*), *расмотрити, свитающю* [5]). Лѣств. Румянц. муз.: *насмисаниѧ, оусмисаѩштисѧ* [6]) Юрьев. еванг: *идяахоу* вм. *ѩдяаху* [7]). Хожд. Богор.: *присипиша* [8]).

XIII в. Патер. Скитск.: *одиала* [9]). Слова Кирилла Туровскаго: *процвитають* [10]), *у семи* [11]). Новгор. купч: *на Лукини береги, на гори, святому Николи, на островки, всимъ* [12]). Поученія Ефр. Сирина: *роздилѧюще, свѣдитель, мновихъ, призрити, непринемагай, прильстилъ* [13]). Въ этомъ вѣкѣ начинаетъ уже встрѣчаться и *ы* вмѣсто *ѣ*: такъ, въ Кормч. 1280: *ты суды* и *тѣ суды* [14]). Указанные нами случаи соотвѣтствуютъ малорусскому *і* вм. *ѣ*, а также *і=ѣ*, распространенному въ новгородскомъ говорѣ великорус. нарѣчія [15]). Такое же *і* встрѣчаемъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Оно господствуетъ постоянно и неизмѣнно, какъ въ малорус. нарѣчіи, у хорватовъ; и въ герцеговинскомъ говорѣ, предъ іотированными гласными и мягкими согласными, *ѣ* звучитъ, какъ *і* (*сијати*), а въ долгихъ слогахъ оно произносится растяженно: *ије* (*бијел*); даже въ сремскомъ говорѣ, гдѣ господствуетъ *е* вм.

---

1) Будил. Изслѣд. о мв. 13 сл. 24.

2) Бусл. Ист. христ. 262—64—65.

3) Ламанск. О нѣкот. слав. рук. 40—41.

4) Ibid. 41.

5) Срезн. Др. пам. И. А. Х. V, 530—31—38.

6) Лам. О нѣк. слав. рук. 41.

7) Из. Ак. VIII, 356.

8) Колос. 77.

9) Бусл. Ист. христ. 413.

10) Ibid. 356.

11) Колос. 91.

12) Опис. Румян. муз. Вост. 107—108 (Востоковъ относитъ эту купчую или къ XIII, или къ XIV в.).

13) Срезн. Св. и зам. 50.

14) Описан. Соф. соб. 6.—Мы выписали только изъ доступныхъ намъ источниковъ случаи употребленія *і* вм. *ѣ*. Не сомнѣваемся, что въ дѣйствительности ихъ было несравненно больше, чѣмъ у насъ показано.

15) Потебн. О звуков. особ. рус. нар. 81—82.

ѣ, есть и *і* (*видити*) [1]). Въ словинскомъ нарѣчіи, сверхъ замѣнъ *ѣ*, указанныхъ выше (*e*, *je*, *ej*), есть и *i*: (*dite*, *misto*, *mliko*). Въ чешскомъ нарѣчіи долгота *ѣ* выражается посредствомъ долгаго *í* (*bída*, *vím*). Даже въ польскомъ нарѣчіи многія слова удержали выговоръ *ѣ*, какъ *i*: (*swita*ć, *kwitnąć*).

Таковы факты изъ современныхъ славянс. нарѣчій и изъ памятниковъ древнеславянскихъ и древнерусскихъ. Кажется, не погрѣшимъ, если скажемъ, что главными замѣстителями звука *ѣ*, какъ въ древнее, такъ и въ новое время, можно считать звуки *е* и *і*. Въ тѣхъ нарѣчіяхъ, которыя въ современномъ состояніи представляютъ широкое развитіе *і* вм. *ѣ*, такое *і* обнаружилось уже въ глубокой древности. Такъ, въ хорватскихъ грамотахъ латинскаго письма *і* вм. *ѣ* является уже въ XI в. (*stiniza*-стѣница, *svidoz*-свѣдокъ) [2]), и хотя господство этого *і* въ западносербскихъ грамотахъ относится только къ XIV—XV в., но это объясняется вліяніемъ книжныхъ образцевъ восточно сербской редакціи, въ которыхъ преобладалъ языкъ церковнославянскій [3]). Намъ кажется, что такое объясненіе примѣнимо и къ древнерусской письменности. Она представляетъ намъ чаще замѣну *ѣ* звукомъ *е* оттого, конечно, что въ самомъ древнеславянскомъ нарѣчіи, въ эпоху перехода славянской письменности къ русскимъ племенамъ, *е* вм. *ѣ* преобладало надъ *і* вм. *ѣ*,—съ другой стороны, и въ русскихъ нарѣчіяхъ существовало уже *е* вмѣсто праславянскаго *ѣ*. Но тому же славянскому нарѣчію не чужда была, какъ мы видѣли, замѣна *ѣ* посредствомъ *і*. И эта черта древнеславянскаго вокализма, въ свою очередь, совпадала съ мѣстною особенностію тѣхъ русскихъ нарѣчій, которыя наклонны были къ произношенію *і* вм. *ѣ*. Буква *ѣ* явилась такимъ образомъ выразителемъ двухъ различныхъ звуковъ, изъ которыхъ каждый ведетъ свою исторію отъ славянскаго преданія, опираясь вмѣстѣ съ тѣмъ на народную почву.

Мы снова обратимся къ этому преданію, чтобы по возможности опредѣлить исходный пунктъ и дальнѣйшее развитіе звука *і* вм. *ѣ* въ малорусскомъ нарѣчіи.

Извѣстно, что въ древнеславянскомъ нарѣчіи звукъ *ѣ*, упреж-

---

[1]) Предисл. къ 1-му изд. Срис. рјечи. Карадж. 17.

[2]) Gramm. jez. Hèrvats. Jagič 29.

[3]) Майк. Ист. сербск. яз. 414. 453.

даемый іотой, превращается въ *ji*, т. е. въ кирилловскомъ правописаніи въ *и* [1]). Такъ получился въ именныхъ темахъ *ja* звукъ *и*, которому соотвѣтствуетъ въ твердомъ склоненіи *ѣ*. Это *і* характеризуетъ такъ называемое мягкое склоненіе и является въ падежѣ мѣстномъ, а также въ дат. именъ женск. р. (*на кони*, *на поли*, *на земли*, *земли* (дат.)). Нужно замѣтить, что мягкое склоненіе вполнѣ выдержано и донынѣ въ малорусскомъ нарѣчіи, тогда какъ въ нарѣчіи великорусскомъ мягкое окончаніе *і* замѣнилось мягкимъ же окончаніемъ *йе* (*ѣ*), а не *і*. Въ этомъ отношеніи малорусское нарѣчіе вполнѣ осталось вѣрнымъ древнеславянскому преданію. Но на этомъ не остановилось малорусское нарѣчіе: съ мягкаго склоненія оно перенесло окончаніе *і* и на твердое склоненіе (*на столі, руці, на руці*, *на вікні*). Замѣнивъ *ѣ* звукомъ *і* въ твердыхъ склоненіяхъ, малорус. нарѣчіе удержало за этимъ *і* точь-въ-точь такую же способность смягчать гортанные звуки, какая въ древнеславянскомъ нарѣчіи принадлежала звуку *ѣ* вмѣстѣ съ і, т. е. малорус. *і*, подобно древнеславянскимъ *і* и *ѣ*, смягчаетъ гортанные согласные во флексіяхъ только въ свистящіе, но не въ шипящіе. Замѣчательно при этомъ, что и донынѣ сохранилась въ малорусскомъ нарѣчіи память о той особенности звука *е*, въ силу которой онъ смягчалъ въ древнеслав. гортанные только въ шипящіе, а не въ свистящіе: звательн. падежъ малорусскій совершенно сходенъ съ древнеславанскимъ: (*друже*, *человіче* и проч.). Такимъ образомъ, то свойство, которое принадлежало въ древнеслав. нарѣчіи звукамъ *ѣ* и *і*, сосредоточилось въ малорус. нарѣчіи на одномъ звукѣ *і*,—звукъ же *е* остался донынѣ, какъ и прежде былъ, непричастнымъ этому свойству. Мы не желаемъ отсюда дѣлать вывода, что между *і* и *ѣ* въ древнеславянскомъ нарѣчіи больше сходства, чѣмъ между *е* и *ѣ*. Мы хотѣли только указать, что *і* въ отношеніи къ *ѣ* въ самомъ древнеславянскомъ нарѣчіи стояло не дальше, чѣмъ *е* къ *ѣ*, и что поэтому въ малорусскомъ вокализмѣ замѣна *ѣ* звукомъ *і* есть особенность глубоко древняя.

Оставляя въ сторонѣ корни словъ, ограничимся пока наблюденіемъ надъ *і* въ именныхъ флексіяхъ.

Мы видѣли, что во флексіяхъ мягкаго склоненія малорусское *і* вполнѣ совпадало съ древнеславянскимъ, какъ совпадаетъ и нынѣ. Намъ нечего предполагать, что это малорус. *і* есть продуктъ другихъ

---

[1]) Compend. Schleich. § 87.

звуковыхъ превращеній: его исконность въ малорусскомъ нарѣчіи подтверждается единогласнымъ свидѣтельствомъ современныхъ фактовъ и древнѣйшей русской письменностію, въ которой *ѣ* вм. *і* въ мягкомъ склоненіи встрѣчается только въ XIѴ в. [1]). Дальнѣйшее движеніе малорус. *і* вм. *ѣ* во флексіяхъ началось съ мягкаго склоненія: *і*, господствовавшее въ мягкомъ склоненіи, имѣя за собою народное употребленіе, подкрѣпленное образцами письменной рѣчи, образовало крѣпкую позицію, съ которой привлекало къ себѣ однородные звуковые элементы силою могущественной аналогіи. Мы видѣли изъ предыдущаго, что уже въ древнеслав. нарѣчіи *ѣ* и *і* были родственными звуками, что *і* являлось тамъ иногда рядомъ съ *ѣ* въ однихъ и тѣхъ же корняхъ, наконецъ, что въ именныхъ флексіяхъ *і* и образовалось изъ *ѣ*: неудивительно послѣ этого встрѣтить въ памятникахъ появленіе *і* вм. *ѣ* въ твердомъ склоненіи, и въ памятникахъ притомъ не только древнерусскихъ, но и древнеславянскихъ. Такъ, уже въ Супрасл. рук. встрѣчаются формы: *въ Виѳлееми, злоби* (дат. пад.) [2]). Что касается до древнерусской письменности, то въ ней аналогическія явленія въ первый разъ встрѣчаются въ XIII—XIѴ в. и съ этого времени съ каждымъ столѣтіемъ постепенно увеличиваются въ количествѣ. Мы уже приводили изъ XIII—XIѴ в. народныя новгородскія формы: *на Лукини береги, на гори, святому Николи, на островки* [3]). Затѣмъ въ XIѴ в. случаевъ этого рода представляется уже множество. Такъ, въ юрид. актахъ (новгор. нарѣч.): *у острови, Николи, обима* вм. *обѣма, на гори Круглици* [4]),—въ Новгородской лѣтописи: *на Днѣпри, у Вильни* [5]) и проч.,—въ Сборн. Царс: *вширини* [6]), въ Вкладной Юрія Холмскаго: *при Каллисти* [7]),—въ югозападныхъ грамотахъ: *у Судомири, всими, всимъ, оу тыи, отъ тыхъ, тымъ* (*ы* изъ *і* вм. *ѣ*) [8]). Иногда въ подобныхъ случаяхъ одно и то же слово, въ одной и той же формѣ, встрѣчается

---

1) Колос. Очер. 112.

2) Ламанск. О нѣк. слав. рукоп. 41.

3) Вост. Оп. Рум. Муз. 107—108.

4) Бусл. Ист. Христ. 557—60—61.

5) Лавр. О яз. сѣв. лѣтоп. 130—133.

6) Чт. 1848. № 6, стр. 7.

7) Вост. Оп. Рум. Муз. 176.

8) Голов. Грам. №№ 6, 7, 8, 9, 39.

съ *ѣ* и *и*, напр. въ грамотѣ Алекс. Коріатовича (1375 г.): *тыѣ* и *тыи* [1]), или въ Лаврент. спискѣ (XIV в.): *въ лодьї, людьѣ, лодьи* [2]).— Изъ XV в. примѣрами подобнаго рода изобилуетъ Ипатьевская лѣтопись. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ по изданію археограф. коммиссіи: *Варяѣ* и *Варязи* (108), *Печенѣзи* и *Печенизи* (30), *мужи* и *мужѣ* (158), *половци* и *половцѣ* (160), *смысленѣи, смысленыи, погании* (158), *нази* и *босѣ* (161). Всѣ эти слова стоятъ въ именит. пад. множ. числа и въ произношеніи буквы *ѣ* не представляютъ особенныхъ затрудненій: ясно, что она произносилась, какъ *і*.

Но только ли какъ *і*? Не звучала ли буква *ѣ* въ указанныхъ нами примѣрахъ, какъ *е*?

Эти вопросы, можетъ быть, покажутся странными для того, кто знаетъ, что въ малорус. нарѣчіи именит. пад. множ. ч, въ мягкомъ склоненіи оканчивается на *і* точь-въ-точь такъ, какъ онъ оканчивался и въ древнеславянскомъ нарѣчіи, и что слѣдоват. никоимъ образомъ нельзя было бы этимологически объяснить въ приведенныхъ нами формахъ произношенія буквы *ѣ*, какъ *е*. Сами себя онѣ лучше всего объясняютъ, представляя смѣшеніе *ѣ* съ *і*. Между тѣмъ, существуетъ мнѣніе, что здѣсь именно *ѣ* звучало, какъ *е*. „Въ слѣдствіе стремленія измѣнять конечное *и* на *е*, говоритъ Колосовъ, имен. пад. существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій въ Ипат. часто оканчивается на *ѣ*=*е* вмѣсто *и*“,—и затѣмъ приводитъ формы такія же, на которыя мы сослались: *печенизѣ, печенѣзи* (здѣсь обмѣнъ *ѣ* съ *и* не въ одномъ конечномъ звукѣ), *старцѣ—старци, нѣмцѣ—нѣмци* и проч. [3]). На той же страницѣ авторъ говоритъ уже другое: въ родит. падежѣ единств. ч. именъ женск. рода мягкаго склоненія Ипат. списокъ ставитъ *и*; не смотря на стремленіе замѣнять конечное *и* на *е*, встрѣчаемъ формы: *до земли —до землѣ, выры Бохмичи—выры Бохмичѣ* [4]). Итакъ, въ однихъ случаяхъ онъ допускаетъ стремленіе измѣнять конечное *и* на *е*, въ другихъ—нѣтъ, сообразуясь только лишь съ современнымъ великорусскимъ произношеніемъ имен. падежа множ. числа и не принимая въ расчетъ, что, кромѣ великорусскаго нарѣчія, есть и малорусское, въ которомъ

---

[1]) Подлинникъ у автора.

[2]) Ист. христ. Буслаева 459.

[3]) Колос. Оч. 155.

[4]) Ibid. 155.

тотъ же падежъ никогда, съ самаго начала русской письменности, не измѣнялъ въ мягкомъ склоненіи конечнаго звука *і* на *е* или на *ы*. Вотъ почему Колосовъ настаиваетъ на равенствѣ *ѣ* звуку *е*, не соглашаясь съ мнѣніемъ Буслаева, который въ подобной же формѣ (*мнозѣ* изъ Сборн. Царскаго) видитъ *ѣ* вм. *і* [1]). Что же правдоподобнѣе, свидѣтельство ли самыхъ памятниковъ, подкрѣпленное современнымъ мѣстомъ звука *і* въ аналогическихъ формахъ малорус. нарѣчія, которое сохранило въ этомъ случаѣ древнеславянскую черту,—или же движеніе звуковъ отъ *і* къ *ы* чрезъ *е*, къ тому самому *ы*, которое и въ великорусскомъ нарѣчіи явилось въ именит. падежѣ множеств. числа въ слѣдствіе морфологическихъ причинъ, т. е. смѣшенія этого падежа съ винит., а никакъ не въ слѣдствіе фонетическаго превращенія звуковъ? Можно было бы подумать, что Колосовъ проглядѣлъ малорус. элементы въ Ипат. спискѣ,—между тѣмъ, самъ же онъ въ замѣнѣ *ѣ* посредствомъ *і* видитъ особенность малорусскаго нарѣчія [2]). Чтобы, казалось, проще —вмѣсто того, чтобы идти окольнымъ путемъ,—воспользоваться тройнымъ объясненіемъ встрѣченнаго имъ начертанія *ѣ*: объясненіемъ, которое предлагаетъ современная народная рѣчь, буквой *и*, стоящей въ памятникахъ рядомъ съ *ѣ*, и, наконецъ, аналогіей устнаго и письменнаго *і* съ древнеславянскимъ нарѣчіемъ?

Таковъ, по нашему мнѣнію, кратчайшій путь для объясненія встрѣченныхъ нами формъ. Колосовъ уклонился отъ этого пути собственно потому, что всюду въ буквѣ *ѣ* онъ хотѣлъ бы видѣть звукъ *е*, въ угоду современному произношенію этой буквы въ великорус. нарѣчіи. Онъ доходитъ въ этомъ отношеніи до такой крайности, что читаетъ *ѣ*, какъ *е*, даже въ тѣхъ формахъ, которыя и въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи удерживаютъ *і*. Такъ напр. форму: *очѣ* (Лаврент. сп.) онъ объясняетъ фонетически, чрезъ смѣну *и* на *е*[3]). Выходитъ, что древнеслав: *очи* должно было пройти чрезъ русскую форму: *очѣ* съ тѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ снова воротиться къ первоначальной формѣ: *очи*. Вотъ какія отклоненія, по теоріи Колосова, должны были дѣлать звуки, чтобы получить свой настоящій видъ. Между тѣмъ, уже одно согласіе великорусскаго нарѣчія съ малорусскимъ относительно звука

1) Колос. Оч. 147.
2) Ibid. 151—52.
3) Ibid. 121.

і въ словѣ: *очи* могло бы убѣдить Колосова, что *і* въ этомъ словѣ есть звукъ очень древній, что нечего было ему отклоняться отъ того произношенія, которое господствовало уже въ древнеслав. нарѣчіи, и что, наконецъ, не всякое *ѣ* въ древнерус. памятникахъ звучало, какъ *е*, часто же *ѣ* было графическимъ знакомъ звука *і*.

Мы желали бы ограничить исключительность такого воззрѣнія на букву *ѣ*. Не споримъ, что во многихъ случаяхъ *ѣ* произносилось, какъ *е*. Мы готовы согласиться съ мнѣніемъ Колосова, что такое произношеніе оставалось за буквою *ѣ* тамъ, гдѣ она явилась на мѣсто ѧ. Такъ, уже въ Изборн. 1073 г. встрѣчаются формы: *птицѣ* вм. *птицѧ*[1]), въ Изборн. 1076 г: *вдовицѣ* вм. *вдовицѧ*[2]). Изъ каждаго вѣка можно бы было привести огромное количество такихъ формъ: это именно всѣ тѣ именныя флексіи, которыя въ древнеслав. нарѣчіи имѣли ѧ въ видѣ характеристическаго окончанія мягкихъ склоненій. Извѣстно, что русскій языкъ, съ самаго начала своей исторіи, не имѣлъ юсовъ, какъ не имѣлъ и звука *ѣ*, и вотъ древнерусскіе писцы одну неизвѣстную имъ величину замѣняли другою, т. е. вм. ѧ писали *ѣ*. А такъ какъ въ древнеслав. рукописяхъ они видѣли частое смѣшеніе *ѣ* съ ѩ, такъ какъ, съ другой стороны, въ русскомъ языкѣ ѧ произносился, какъ *я*, (послѣ шипящихъ часто, какъ *а*), то весьма могло быть, что первоначально въ этихъ падежахъ *ѣ* означало *я*, и потомъ, путемъ прогрессивной ассимиляціи, изъ *я* образовалось *йе*, (а не *е*, какъ пишетъ Колосовъ), слѣдоват. *ѣ*=*ѥ*. Но въ то время, какъ Колосовъ доводитъ эту ассимиляцію только до звука *ѥ*, мы считаемъ возможнымъ движеніе ея дальше: изъ *ѥ* въ самое уже раннее время могло образоваться *йи*, которое, въ отличіе отъ обыкновеннаго начертанія *и*, могло выразиться посредствомъ *ѣ*. Это послѣднее *і* всегда звучало мягко, какъ звукъ іотированный. Образованіе изъ ѩ звука *йи* (чрезъ *ѥ*) обусловливалось сильнымъ притяженіемъ аналогіи, которая шла отъ падежей съ *і* мягкаго и смѣшаннаго склоненій, сформировавшихъ свое *і* еще въ праславянскую эпоху такимъ же путемъ, т. е. путемъ іотаціи первоначальнаго *ѣ* (*j* + *ai*). Изрѣдка пробивается такое образованіе *і* очень рано. Такъ, самъ Колосовъ указываетъ на *и* вм. ѧ въ словѣ: *пожьни*=*пожьнѧ* (Вклад. Варл. XII в.), но объясняетъ эту форму потерей

---

[1]) Колос. Оч. 60.

[2]) Бусл. Истор. христ. 294.

особеннаго окончанія, свойственнаго именительному падежу именъ женс. р. мягкаго склоненія, т. е. *і* въ словѣ: *пожьни*, по его мнѣнію, особенность формальная, а не фонетическая. Мы бы согласились съ этимъ мнѣніемъ только въ такомъ случаѣ, если бы не могли представить себѣ возможность фонетическаго превращенія *я* въ *і* (*йі*), съ другой стороны, если бы не знали, что въ одномъ и томъ же нарѣчіи, въ одно и то же время, только въ разныхъ говорахъ, въ совершенной цѣлости и неприкосновенности можетъ удержаться, какъ ассимиляція въ обоихъ видахъ (*йе* и *йі*), такъ и основная форма (*я*). Такъ, въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія говорятъ: *тяжко, шабля, ся,* въ галиц. говорѣ, въ подгорскомъ разнорѣчіи, говорятъ: *тежко, шаблє, сє*, а у гуцуловъ (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ) ассимиляція идетъ до крайнихъ предѣловъ: „*будім сі быты* вм. *будем ся быты* [1]). Не забудемъ при этомъ, что у гуцуловъ, защищенныхъ природой отъ постороннихъ вліяній, сохранились самые глубокіе архаизмы, какъ въ формахъ словъ, такъ и въ звукахъ. Что же удивительнаго, если, при діалектической полнотѣ и разнообразіи звуковыхъ оттѣнковъ, которыми отличался русскій языкъ въ самомъ началѣ своего историческаго существованія, въ разныхъ говорахъ его произошло уже передвиженіе ассимиляціи изъ *йе* въ *йі*, передвиженіе, совершенно аналогическое съ тѣмъ, которое происходило еще на почвѣ древнеславянскаго нарѣчія? Нѣтъ сомнѣнія, что къ этому превращенію *я* въ *і* склонны были тѣ именно нарѣчія древнерусскаго языка, въ вокализмѣ которыхъ было исконное, доисторическое наклоненіе къ звуку *і*, и что, рядомъ съ этимъ звукомъ, въ другихъ нарѣчіяхъ, даже въ одномъ и томъ же нарѣчіи, существовала и другая форма ассимиляціи *я*, т. е. *йе* (*е*). Вступивъ на путь ассимиляціи, языкъ не остановился на полдорогѣ: сила тяготѣнія заключалась въ іотѣ, которая должна была привести ассимиляцію къ послѣднему результату. Но можно ли поручиться, что этотъ результатъ для всѣхъ нарѣчій русскаго языка наступилъ въ одно и то же время? Въ виду діалектической пестроты, не исчезнувшей и въ наше время, не смотря на

---

[1]) Въ Сѣдлец. губ., на пространствѣ двухъ уѣздовъ, слышно послѣ мягкихъ согласныхъ *я*, *йе* и *йі*: *жяба*, *кожя* (Кленовица, Констант. у.), *земле* вм. *земля* (Хотычи, Конст. у.), *жіти*, *чісто* вм. *жати*, *часто* (Пещацъ, Бѣльс. у.).

нивелирующее вліяніе литературнаго языка, можно ли утверждать, что въ древнерусскую эпоху буква *ѣ*, поставленная на мѣсто древняго *юса* (*ѧ*), непремѣнно произносилась, какъ *е*, и притомъ произносилась одинаково во всѣ вѣка древнерусской письменности, начиная съ XI до XV в. включительно? А это именно утверждаетъ Колосовъ, основываясь на томъ, что *ѣ* вм. *ѧ*, дѣйствительно, могло выговариваться, какъ *ѥ*. Выходя изъ этого положенія, онъ распространяетъ отношеніе *ѣ* къ *ѧ* на всѣ случаи употребленія *ѣ* въ древнерусской письменности. Но не всякое *ѣ* образовалось изъ *ѧ* (*ꙗ*), о чемъ знаетъ, конечно, самъ Колосовъ, и что, замѣтимъ кстати, нисколько его не стѣсняетъ. Такъ, напр., *ѣ* въ словѣ: *огнѣ* (Кіевс. лѣт.) онъ отличаетъ отъ *ѣ* въ словѣ: *конѣ*; послѣднее, по его мнѣнію, образовалось изъ *ѧ*, а первое изъ *и*. Мягкое склоненіе темы *і*, пронесшее это *і* чрезъ всѣ вѣка древнерусской письменности и сохранившее его донынѣ, какъ въ великорусскомъ, такъ и въ малорусскомъ нарѣчіи, почему-то измѣняетъ свое *і* въ *е*. Причины другой не оказывается, кромѣ того, что встрѣтилась форма: *огнѣ*. Но вѣдь случаи обмѣна *ѣ* съ *е* далеко не исключительны. Мы привели выше случаи такого рода, гдѣ прямо и положительно стоитъ *и* вмѣсто *ѣ*: неужели и здѣсь *и*=*ѣ* (*е*) на томъ основаніи, что *ѣ* мѣняется съ *е*, или же что *ѣ* въ значеніи *е* часто стоитъ вм. *ѧ*? [1]) Но можетъ быть, и въ формѣ: *огнѣ* авторъ видитъ наклоненіе *і* къ *ы* чрезъ *е*, такое же наклоненіе, какое выразилось, по его мнѣнію, въ формахъ: *королевѣ*, *волости Святославли и Игоревѣ* (Кіевс. лѣт.), гдѣ „*ѣ* (=*е*), стоящее на мѣстѣ *ы*, указываетъ на смѣшеніе этого послѣдняго звука съ *и*". На это мы замѣтимъ, что великорусскому *ы* въ этихъ формахъ соотвѣтствуетъ малорусское *і*, слѣдовательно, *ѣ*, стоящее рядомъ съ *и* въ совершенно одинаковыхъ формахъ, могло бы означать то же самое *і*, сообразно съ тѣмъ, какъ звучитъ именит. множ. прилагат. притяжат. въ малорусскомъ нарѣчіи, сообразно, съ другой стороны, съ употребленіемъ буквы *ѣ* въ значеніи *і* въ малорусской письменности. Но въ виду того обстоятельства, что въ современномъ великорусскомъ нарѣчіи въ формахъ: *Игоревѣ*, *королевѣ*, дѣйствительно, слышенъ звукъ *ы*, допустимъ равнозначительность *ѣ* съ *е*. Что же отсюда слѣдуетъ для формы: *огнѣ?* Здѣсь уже невозможно толкованіе буквы *ѣ* при-

---

1) Кол. Оч. 165—67.

мѣненное къ формамъ: *Игоревъ, королевъ,* потому что въ нарѣчіяхъ великорусскомъ, малорусскомъ и въ древнеславянскомъ была и есть форма: *оны* въ значеніи именит. падежа множ. ч. Въ защиту своего мнѣнія Колосовъ можетъ сослаться на формы: *взяле, вдале* вм. *взялы, далы* [1]), въ которыхъ *е* явственно составляетъ переходную ступень отъ *і* къ *ы*, не маскируясь буквою *ѣ*. Знаемъ мы эти формы сами. Но смѣшеніе *і* съ *ы* характеризуетъ не всѣ русскія нарѣчія: слабые остатки этого смѣшенія сохранились въ сѣвернорусскомъ говорѣ [2]), вполнѣ же развилось оно въ малорусскомъ нарѣчіи. Между тѣмъ, Колосовъ писалъ книгу, въ которой имѣлъ въ виду „только великорусскій языкъ въ его послѣдовательномъ развитіи". Слѣдовательно, нужно допустить что нибудь одно: или же смѣшеніе *і* съ *ы* въ давнее время было характеристической чертой не одного новгородскаго говора, но и всего великорусскаго нарѣчія, на что у автора нѣтъ не только отвѣта, но даже намека,—или же и малорусское нарѣчіе, вмѣстѣ съ новгородскимъ, нужно отнесть къ составу великорусскаго нарѣчія.

По всему видно, что книга автора заключаетъ въ себѣ не совсѣмъ то, что имѣлось въ виду предъ ея составленіемъ. А это произошло отъ того, что, коснувшись древнерусскаго языка, онъ не далъ настоящаго значенія малорусскому нарѣчію. Въ слѣдствіе этого и въ *ѣ*, за немногими исключеніями, онъ видитъ *е*. Чтобы доказать свое положеніе, онъ не пренебрегаетъ чертами, которыя вовсе не характеристичны для великорус. нарѣчія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не видимъ и доказательствъ того, что онѣ были когда нибудь въ немъ характеристичны.

Но на мѣсто одной односторонности мы вовсе не желали бы ставить другую. Доказывать, что буква *ѣ* во всѣхъ случаяхъ произносилась, какъ *і*, особенно въ древнѣйшихъ памятникахъ, мы считаемъ неумѣстнымъ. Измѣнчива вообще была у насъ судьба тѣхъ буквъ, которыя или не имѣли въ русскихъ говорахъ соотвѣтствующихъ звуковъ, или же и въ самомъ древнеславянскомъ нарѣчіи выражали звуки неопредѣленные. Къ числу такихъ буквъ относится и *ѣ*. Можно встрѣтить множество формъ въ древнерусской письменности, которыя, оставаясь неизмѣнными въ отношеніи морфологическомъ, представляютъ пеструю смѣсь фонетическихъ отличій. Таковы напр. формы въ Ла-

1) Срезн. Свѣд. и зам. 73 (Двинская рядная).

2) Потебн. О звук. особен. рус. нар. 83.

врент. лѣт: *лутшіе мужи, полатніи, князи рускпь,* или же: *молодіи, лепшіе, ростовскыпь* (имен. множ.), *праздныпь недпьли, ростовскія земля, отъ братье* (родит. пад.) [1]). Въ Ипат. сп. тѣ же не менѣе рѣзкія колебанія въ употребленіи буквы *ѣ*: въ одномъ и томъ же случаѣ рядомъ съ нею стоитъ *е* и *и*.

Какой выводъ изъ этого правописанія извлечь можно?

На первый разъ ясно одно, что буква *ѣ* не имѣла собственнаго звука, что единство она имѣла для глазъ, а не для слуха, и что въ выговорѣ она звучала различно. Нужно принять во вниманіе, что вся древнерусская письменность въ сильной степени напоминаетъ собою пеструю мозаику, на которой отразилось діалектическое разнообразіе древнерусскихъ говоровъ, въ которыхъ черты народныя самымъ причудливымъ образомъ перемѣшаны съ ненародными, древнія—съ позднѣйшими. Задача изслѣдователя въ томъ и состоитъ, чтобы распутать эту густую сѣть переплетающихся между собою особенностей, чтобы уловить и сгруппировать народныя черты и, пользуясь, на сколько возможно, неразрывностію звуковыхъ явленій, опредѣлить первоначальный типъ, зародышъ позже выявившагося звуковаго строя въ языкѣ. Но письменные источники не всегда могутъ сказать послѣднее слово относительно того или другаго звука. Оно остается за народными говорами: въ нихъ ключъ къ разрѣшенію сбивчивыхъ, противорѣчивыхъ письменныхъ указаній. Такъ напр. относительно буквы *ѣ* письменные источники свидѣтельствуютъ, что у русскихъ, съ самаго начала письменности, она выражала не одинъ и тотъ же звукъ, а или *я*, или *е*, или *і*. Знаемъ мы изъ тѣхъ же письменныхъ источниковъ, а также изъ общихъ звуковыхъ законовъ, что *е* во многихъ случаяхъ образовалось изъ *я*, что *і* могло развиться изъ *е*. Но точно-ли малорусское *і* вм. *ѣ* можетъ считать своимъ родоначальникомъ звукъ *я*? Точно ли оно должно было послѣдовательно пройти чрезъ всѣ эти ступени? Во многихъ случаяхъ, дѣйствительно, это такъ: когда напр. мы слышимъ въ одномъ изъ подляскихъ разнорѣчій: *жіті, чісто* вм. *жаті, часто,* то не трудно сообразить, какого происхожденія въ словахъ этихъ звукъ *і*. Совсѣмъ иное дѣло при объясненіи того малорусскаго *і* вмѣсто *ѣ*, которое охватило весь звуковой строй нарѣчія и, за весьма немногими

---

[1]) Колос. Оч. 120—21—22.

исключеніями, всюду соотвѣтствуетъ древнеславянскому *ѣ*. Тутъ уже не помогутъ подставныя, переходныя ступени въ видѣ *е*. Съ общей теоретической точки зрѣнія легко поддаться искушенію и посчитать *е* посредствующимъ звукомъ въ отношеніи къ *і*, но дѣйствительная жизнь языка шире какой бы то ни было теоріи, и въ ея широкомъ теченіи рядомъ живутъ звуковыя наслоенія разныхъ эпохъ и разныхъ мѣстностей,—въ особенности это возможно при отсутствіи строго очерченнаго литературнаго типа въ языкѣ, который до извѣстной степени уравниваетъ областныя видоизмѣненія его. Чѣмъ дальше мы отодвигаемся отъ современныхъ явленій языка въ область прошедшаго, тѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе представляются намъ звуковыя явленія, тѣмъ меньше, слѣдовательно, мы имѣемъ права считать ихъ однообразными. „Нельзя провести рѣзкой черты, говоритъ Шлейхеръ по поводу обособленія отдѣльныхъ языковъ изъ общаго праязыка, между передвиженіемъ первоначальныхъ звуковъ, въ силу котораго изъ общей почвы праязыка вырастаютъ отдѣльные языки, съ другой стороны, между перемѣнами, которыя потерпѣли языки въ теченіе своей отдѣльной жизни, между звуковыми законами. Разница между замѣной звуковъ и звуковыми законами—хронологическая, и оттого она постоянно колеблется: опредѣлить эпоху, когда явились звуковыя перемѣны, очень трудно“ [1]). Что такое малорусское *і* вм. *ѣ*—произведеніе ли звуковаго закона или же замѣна звука, произношеніе котораго намъ неизвѣстно? Что такое великорусское *е* вм. *ѣ*, самостоятельная ли замѣна, или же звукъ, посредствующій между *і* и другимъ звукомъ, опять таки намъ неизвѣстнымъ? Знаемъ только, что этотъ неизвѣстный звукъ въ древнеславянскомъ нарѣчіи имѣлъ начертаніе буквы *ѣ*, знаемъ его составные элементы, обнаруживающіеся изъ соотвѣтствія его санскритской гунѣ, а затѣмъ, собственно звукъ *ѣ*, въ его дѣйствительномъ произношеніи, остается для насъ загадкой, буква же *ѣ* іероглифическимъ знакомъ. Что же тутъ письменные источники сами по себѣ помочь могутъ? Они представляютъ намъ нѣсколько звуковъ, стоящихъ на мѣстѣ древняго *ѣ*, или наоборотъ, букву *ѣ*, стоящую на мѣстѣ различныхъ звуковъ: одинъ писецъ пишетъ, повинуясь своему природному говору, вмѣсто *ѣ* букву *и*, другой *е*, одинъ ставитъ *ѣ* на мѣсто *и*, другой на мѣсто *е*. На основаніи одних письменныхъ русскихъ исто-

[1]) Compend. Schleich. 180.

чниковъ мы можемъ сказать только, что звукамъ *е* и *и* принадлежитъ преобладающая роль въ замѣщеніи буквы *ѣ*. Но каково отношеніе между этими звуками *е* и *и* въ ихъ общей зависимости отъ *ѣ*—генетическое или же пространственно-діалектическое? На этотъ вопросъ письменные источники даютъ отвѣты, какъ мы видѣли, неясные, разнорѣчивые. Остается еще выходъ—обратиться къ народнымъ говорамъ.

Къ нимъ теперь и переходимъ.

Обращаемся къ сѣверному говору малорусскаго нарѣчія. По нашему мнѣнію, въ немъ заключаются древнѣйшія нити, изъ которыхъ развились въ послѣдствіи два главныя русскія нарѣчія—малорусское и великорусское. По основнымъ чертамъ своимъ онъ принадлежитъ къ малорусскому типу, но вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ связующимъ звеномъ между нарѣчіями малорусскимъ и великорусскимъ. Впрочемъ, съ этимъ послѣднимъ онъ связанъ не непосредственно, но съ одной стороны, чрезъ бѣлорусскій говоръ, что мы увидимъ въ послѣдствіи, съ другой стороны, чрезъ сѣверный говоръ великорусскаго нарѣчія, съ которымъ, по развитію губнаго элемента въ системѣ гласныхъ звуковъ (*о, уо, у*), онъ больше сходенъ, чѣмъ съ средне-великорусскими говорами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сѣверный великорусскій говоръ иногда впадаетъ уже въ характеристическое малорусское наклоненіе къ звуку *і* вм. *ѣ*, что опять больше роднитъ его съ сѣвернымъ говоромъ великорусскаго нарѣчія, чѣмъ съ остальными.

Въ глубоко древней звуковой формѣ является въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ буква *ѣ*.

Съ наибольшей полнотой и разнообразіемъ являются всѣ оттѣнки того звука, который соотвѣтствуетъ буквѣ *ѣ*, въ заблудовскомъ разнорѣчіи сѣвернаго говора. По наблюденію Потебни, въ этомъ разнорѣчіи „ѣ ударяемое внутри и на концѣ словъ послѣ смягчаемыхъсогласныхъ=*jε* (*ье*), послѣ несмягчаемыхъ=*ые* (одинъ слогъ=*је*): *лјэс*, *һр̆јех=һрыех*, *сестр̆је=сестрые*; *ѣ* неударяемое внутри послѣ смягчаемыхъ=*ε*, послѣ несмягчаемыхъ=*е*: *лесы́*, *выстремі́у*; *ѣ* неударяемое на концѣ послѣ смягчаемыхъ=*і*, послѣ несмягчаемыхъ=*и*: *у лјесі*, *на рыечци* (*цы*)“[1]). Эту характеристику малорусскаго *і* въ сѣверномъ говорѣ дополняетъ

---

[1]) Потеб. Зам. о малор. нар. 41.

Потебня нѣкоторыми подробностями на основаніи другихъ разнорѣчій. Такъ, „въ Овручс. у. *ѣ* ударяемое внутри=*є* (*лєс*), неударяемое внутри=*е*, на концѣ=*і*: (*бежить*, *в светі*). Въ Сосниц. у. *ѣ* ударяемое послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ=*ji* (*ьі*), послѣ другихъ=*і*: *вjітер*, *ріки*, *тоhдi*); *ѣ* неударяемое=*е*: (*бежиш*). Въ Козелец. у. *ѣ* ударяемое=*є* и *і*: (*свєчка*, *појідем*), неударяемое внутри=*е*, на концѣ=*и*: (*стени*, *в носи*). Въ Кобринс. у. *ѣ* ударяемое въ срединѣ и на концѣ=*і*, неударяемое=*и* (=ы), изрѣдка *е*: (*цвіт*, *у лозі*, *заповитают*, *у соломи*)[1]).

Такимъ образомъ, во всѣхъ видоизмѣненіяхъ звука, замѣнившаго древнесл. *ѣ*, большую роль въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ играетъ удареніе. Отсюда Потебня выводитъ такой законъ: „вліяніе ударенія іотируетъ замѣну основнаго *ѣ*, (причемъ говоры кобринс. и брест. путемъ прогрессивной ассимиляціи доводятъ эту замѣну до *і*), а отсутствіе ударенія требуетъ замѣны *ѣ* неіотированною гласною“ [2]).

Вѣрно ли сдѣланъ этотъ выводъ? Обнимаетъ ли онъ всѣ факты, приводимые Потебней?

Намъ кажется, нѣтъ. Такъ, заблудовс. неударяемое *ѣ* въ срединѣ послѣ смягчаемыхъ согласныхъ=*є*, въ концѣ=*і*: въ томъ и другомъ гласномъ есть іота, не смотря на отсутствіе ударенія. Что касается до согласныхъ смягчаемыхъ, то они, какъ извѣстно, могутъ быть и не смягчаемыми въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчаются съ твердыми гласными, и если бы уже въ самой природѣ звуковой замѣны *ѣ* не заключалось небнаго элемента, то она не могла бы смягчить предшествующій согласный звукъ силою ударенія. Само по себѣ удареніе не можетъ ни смягчать, ни не смягчать согласныхъ: сила смягченія заключается въ самой замѣнѣ основнаго *ѣ*, въ собственной природѣ его. Поэтому согласные, способные къ смягченію, и безъ ударенія, какъ мы видѣли, даютъ возможность обнаружиться іотѣ, которая скрывается въ замѣнѣ основнаго *ѣ*, когда она стоитъ послѣ согласныхъ, неспособныхъ къ смягченію.

Мы думаемъ, что почтенный авторъ не посѣтуетъ на насъ за эту поправку сдѣланнаго имъ наблюденія. Мы желали бы со всевозможною точностію установить всѣ подробности, относящіяся къ разбираемому

---

[1]) Потеб. Зам. о малор. нар. 41.

[2]) Ibid. 44—45.

нами звуку. Съ этою цѣлью мы позволяемъ себѣ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній. Потебня предлагаетъ формулу отношеній между различными замѣнами *ѣ* по всѣмъ разнорѣчіямъ сѣвернаго малорусскаго говора. Вотъ эта формула: *ѣ́*: *ѣ=jɛ*: *е=jі*: *е=і*: въ этомъ ряду замѣнъ, говоритъ онъ, нѣтъ двоегласныхъ, т. е. соединенія двухъ гласныхъ въ одинъ слогъ, ибо *jɛ* состоитъ изъ согласнаго *j* и гласной [1]). Видно, что во мнѣніи автора объ этомъ предметѣ произошла рѣзкая перемѣна, потому что въ статьѣ: „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“ онъ говоритъ слѣдующее: „двоегласность заблудовскаго *ыɛ* очевидна тогда, когда оно стоитъ послѣ согласныхъ, въ этомъ говорѣ не допускающихъ смягченія, именно, послѣ *ч*, *ц*, *р*; тогда въ большей части случаевъ записыватель обозначаетъ его чрезъ двѣ гласныя—*ыe*: *у ночыè, цыèмы, срыèбного*“ [2]). Мы не желаемъ ставить въ вину автору того, что онъ не остался вѣренъ этому послѣднему мнѣнію, которое онъ высказалъ раньше. Поправка собственныхъ мнѣній—дѣло далеко не излишнее и даже неизбѣжное, въ особенности по русской діалектологіи. Мы знаемъ, какъ не легко дѣлать наблюденія надъ звуковымъ матеріаломъ въ транскрипціи, преисполненной всякаго рода случайностей правописанія, и притомъ безъ всякой возможности провѣрить сомнительный звукъ на мѣстѣ. Допустимъ даже, что въ *jɛ* нѣтъ двоегласія. Но зачѣмъ же въ *jɛ* признаны только два звука—согласный *j* и гласный? Мы видимъ здѣсь три звука: первую іоту, которая смягчаетъ предыдущій согласный звукъ, если онъ способенъ къ смягченію, вторую іоту, заключающуюся въ *ɛ* и, наконецъ, чистое *е*, т. е. *j+je=jɛ*. Послѣ согласныхъ, неспособныхъ къ смягченію, слѣдовало бы поставить *je*, а не *jɛ*.

Указанная нами неточность объясняется нерѣшительностію автора, который, не смотря на то, что въ своихъ „Замѣткахъ о малорус. нарѣчіи“ высказался за отсутствіе двоегласія въ заблудовской замѣнѣ *ѣ*, все таки остался неувѣренъ въ собственномъ своемъ мнѣніи: „если бы оказалось вѣрнымъ, говоритъ онъ, что гдѣ либо въ малорус. дѣйствительно есть *иje* изъ *ѣ*, то въ объясненіе того, какъ изъ этихъ двухъ слоговъ можетъ образоваться чистое *и*, можно бы сослаться на южно-

---

[1]) Потеб. Зам. о малор. нар. 45.

[2]) Потеб. О звук. особ. рус. нар. 111.

сербское нарѣчіе, въ которомъ при *ѣ=ије* въ извѣстныхъ случаяхъ стоитъ не только *и* изъ *ѣ* основнаго, но даже изъ основнаго *еје*, *ије*"[1]).

Что же такое первая іота въ *јє*?

По нашему мнѣнію, она есть слѣдъ двоегласія въ этомъ звукѣ. Она явилась въ слѣдствіе ослабленія *і*—начальнаго элемента въ двоегласномъ *іє* (*ије*). Въ самомъ дѣлѣ, напрасно Потебня усумнился въ двоегласіи сѣвернаго малорус. *іє*. Оно, дѣйствительно, существуетъ, и притомъ въ неодинаковыхъ формахъ [2]). Есть *іє* съ растяженіемъ перваго гласнаго звука (*і́є*) и *іє* съ растяженіемъ послѣдняго (*іє́*). Въ Сѣдлецкой губ., на пространствѣ двухъ-трехъ уѣздовъ (Бѣльскаго, Константиновскаго и Радинскаго) слышится то и другое. Такъ, въ Кошолахъ (Бѣльс.) говорятъ: *біє́лий*, *діє́вка*, а въ Хотычахъ (Констант.) и въ Воинѣ (Радинс.): *бі́єлий*, *ді́євка*. Въ этихъ словахъ удареніе совпадаетъ съ растяженіемъ звуковъ, и поэтому гласный и въ то же время удлинняемый элементъ, надъ которымъ приходится удареніе, явственно отдѣляется отъ другаго, который произносится короче. Правило это соблюдается не только въ слогахъ, стоящихъ въ срединѣ слова, но и въ конечныхъ слогахъ, что явствуетъ напр. изъ слѣдующихъ стиховъ:

Один чобут у руціє́
Другі чобут на нозіє́,
А вже солтыс на двурціє́. (Кошолы).
Выєзділ коніка, выєзділ вронòго,
І скажі, дєвчіно, цы бу̀де цо с тòго?
Цы бу̀де цо с тòго, цы лі ніє́,
І скажі, дєвчіно, правду мні́є. (Воинъ).

---

[1]) Потеб. Зам. о малор. нар. 47.

[2]) Слово: двоегласіе не совсѣмъ точно соотвѣтствуетъ малорусской замѣнѣ буквы *ѣ*, а также и тѣмъ звукамъ, которые въ древне-малорусскомъ говорѣ образовались изъ основныхъ *о*, *е*. Двоегласными ихъ можно назвать только потому, что въ нихъ слышится два звука, но собственно говоря, это дифтонги, т. е. звуки, въ которыхъ оба гласные элемента такъ тѣсно сплочены между собою, что выговариваются въ одинъ пріемъ голоса, составляя такимъ образомъ одинъ слогъ. Дѣлаемъ эту оговорку для устраненія недоразумѣній, такъ какъ въ своемъ собственномъ изслѣдованіи мы безразлично употребляли оба эти термина.

Но двоегласный характеръ звуковъ *ıē*, *ıe* тотчасъ же ослабѣваетъ, какъ только надъ ними нѣтъ ударенія. Тогда оба эти звука сокращаются; при этомъ въ *ıē* начальный элементъ стягивается въ *j*, и, если впереди стоитъ согласный звукъ, способный къ смягченію, то получается комплексъ: *j* + *є*, въ которомъ начальная іота принадлежитъ согласному звуку, другая же іота заключается въ *є*, напр: *дьєвчіна*. Иногда, впрочемъ, въ этихъ случаяхъ одна іота пропадаетъ: *дєвчіна*. Если же передъ неударяемымъ *ıē* стоитъ согласный несмягчаемый, то вм. *ıē* остается только *є*, или же по нашей транскрипціи, принятой для іотированныхъ гласныхъ, послѣ согласныхъ твердыхъ—*йе*, напр: *бйелий*.—Въ разнорѣчіяхъ съ преобладаніемъ перваго элемента *і* въ дифтонгѣ *ıe* (Хотычи) отсутствіе ударенія сокращаетъ двоегласіе до неуловимости. Приблизительно его можно выразить такъ: а) не теряются оба элемента двоегласнаго звука, при чемъ первый преобладаетъ; б) іоты не слышно, поэтому второй элементъ—*е* произносится *не такъ ясно*, какъ въ разнорѣчіяхъ съ *ıē*. На концѣ словъ въ неударяемыхъ слогахъ дифтонгъ совершенно исчезаетъ, превращаясь послѣ мягкихъ согласныхъ въ *і*, послѣ твердыхъ въ *е*, напр: *на дордзі*, *на камені*, *в горе* (Хотычи). Въ разнорѣчіяхъ, сосѣднихъ съ копольскимъ и хотычскимъ, дифтонговъ *ıē*, *ıe* почти уже не слышно: вмѣсто нихъ появляется *і* въ слогахъ ударяемыхъ: *вішати*, *тішити* (Пещацъ, Бѣльс. у.), *е* и *и* въ слогахъ неударяемыхъ: *ведрò* (Пещацъ), *билйла*, *дивйрка* (Яблочна, Бѣльс. у). Изрѣдка только въ слогахъ ударяемыхъ послѣ мягкихъ согласныхъ слышатся двѣ іоты въ *і*: *дьйівка*, послѣ твердыхъ явственно отдѣляется это *і* іотой отъ предыдущаго согласнаго звука: *собйі* (Кленовица, Конст. у.) Нужно замѣтить при этомъ, что въ тѣхъ разнорѣчіяхъ, въ которыхъ господствуютъ дифтонги: *уи*, *уі* изъ *о* вмѣсто дифтонговъ: *ӯо*, *уо̄*, замѣтно наклоненіе къ сокращенію дифтонга *ıe* въ *йі*, *и*.

Таковы факты, полученные нами изъ Сѣдлецкой губ. Они проливаютъ новый свѣтъ на значеніе двоегласной замѣны славянскаго *ѣ* и до нѣкоторой степени оправдываютъ мнѣніе Потебни о вліяніи ударенія на измѣненіе звука, стоящаго въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ вм. *ѣ*, но только съ важнымъ ограниченіемъ: удареніе нисколько не іотируетъ этотъ звукъ, а только вызываетъ на сцену его двоегласную природу: подъ удареніемъ слышнѣе его двоегласная растяжимость. Что касается іотаціи, то она иногда обнаруживается преимущественно въ слогахъ неударяемыхъ, и то послѣ согласныхъ, способныхъ къ смяг-

ченію, тамъ, гдѣ двоегласіе пропадаетъ. Дѣйствительно, двоегласіе яснѣе, отчетливѣе слышится въ твердыхъ ударяемыхъ слогахъ. Послѣ согласныхъ мягкихъ, въ особенности въ слогахъ неударяемыхъ, начальное *і* въ нѣкоторыхъ разнорѣчіяхъ способно ослабѣвать въ іоту и даже совсѣмъ исчезать. Поэтому мы готовы признать другое положеніе, что паденіе двоегласія началось съ мягкихъ слоговъ, преимущественно неударяемыхъ, и затѣмъ по мѣстамъ распространилось и на слоги ударяемые. Какъ бы то ни было, важно то, что двоегласіе въ звуковой замѣнѣ *ѣ* до сихъ поръ еще живетъ въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ.

Сопоставляя свидѣтельство изъ народныхъ устъ съ свидѣтельствомъ письменности, находимъ, что между тѣмъ и другимъ есть существенное согласіе. Дѣло все вращается собственно около двухъ звуковъ: *е* и *і*: очевидно, это основные звуки въ замѣнѣ неизвѣстнаго намъ *ѣ*. Подлясскія разнорѣчія, взятыя въ совокупности, представляютъ оба эти звука съ ихъ видоизмѣненіями въ нѣкоторомъ равновѣсіи: гдѣ въ однихъ изъ нихъ преобладаетъ *е*, тамъ въ другихъ господствуетъ *і*. Въ дифтонгѣ *іе* оба эти звука встрѣчаются вмѣстѣ. Остается только сдѣлать вѣроятныя заключенія о томъ, каковы были отношенія между этими двумя звуками прежде, чѣмъ они появились въ письменности.

Потебня думаетъ, что основнымъ звукомъ, замѣнившимъ *ѣ*, было долгое *е* [1]). Мнѣніе это находитъ, по видимому, свое подтвержденіе въ томъ, что въ сѣверномъ малорус. говорѣ *ѣ* безъ ударенія звучитъ, какъ *е*. Но вотъ это именно обстоятельство, т. е. отсутствіе надъ *е* ударенія, и наводитъ сомнѣніе на древнерус. долготу *е* вм. *ѣ*, ибо извѣстно, что во многихъ случаяхъ въ русскихъ нарѣчіяхъ удареніе есть показатель прадавней, исчезнувшей уже въ томъ мѣстѣ долготы. Въ тѣхъ немногихъ словахъ украинскаго говора, въ которыхъ первоначальное *ѣ* звучитъ, какъ *е*, надъ *е* стоитъ иногда удареніе, иногда нѣтъ; (*острѐмити, седѝти*): видимо, эти архаическіе остатки значительно искажены позднѣйшими превращеніями малорусскаго вокализма, и потому на основаніи ихъ трудно сказать что нибудь положительное. Во всякомъ случаѣ, коль скоро въ одномъ изъ архаическихъ говоровъ *е* въ чистомъ видѣ, неіотированное, только и возможно въ слогахъ неударяемыхъ, то о долготѣ *е* вм. *ѣ* нужно говорить съ нѣкоторою осторожностію. По крайней мѣрѣ, въ историческую эпоху мы не рѣшились бы видѣть

[1]) Потеб. О звук. особ. 112.

въ русскихъ нарѣчіяхъ долгое *е* въ формѣ окрѣпшей звуковой нормы, которая присуща была бы живому чувству языка. Тѣмъ не менѣе, мы не отрицаемъ возможности долгаго *е* вм. *ѣ*, только отодвигаемъ его въ глубину доисторическихъ временъ: тамъ оно могло составлять существенную категорію языка, въ историческую же эпоху, если и допускать его существованіе, то это было существованіе спорадическое, слѣдъ бывшей нѣкогда дѣйствительности. Въ той же доисторической эпохѣ, на основаніи значенія *е* вм. *ѣ* въ сѣверномъ малорус. говорѣ, мы готовы признать другое краткое *е*, которое стояло рядомъ съ *е* долгимъ. Изъ долгаго *е*, тоже въ доисторическую эпоху, образовалось два дифтонга: *іе̄* и *ı̄е*—тѣ самые два дифтонга, которые и нынѣ существуютъ въ подлясскихъ разнорѣчіяхъ. Единственной причиной образованія этихъ дифтонговъ первоначально была долгота *е*, потомъ, съ потерей долготы, дифтонги эти укрылись подъ защитой ударенія, и въ тѣхъ частяхъ слова, гдѣ не было условій, разлагающихъ долготу, т. е. согласныхъ, способныхъ къ смягченію, они сохранились въ полнѣйшей неприкосновенности до нашего времени. Что касается до краткаго *е*, то оно по мѣстамъ тоже уцѣлѣло въ подлясскихъ разнорѣчіяхъ подъ видомъ *е* неударяемаго, въ другихъ мѣстахъ подверглось іотаціи, которая шла, главнымъ образомъ, отъ *іе*, сбитаго съ своего пути мягкими слогами, т. е. вліяніемъ смягчаемыхъ согласныхъ.

Таковы были, по нашему мнѣнію, звуковыя превращенія въ замѣнѣ славянс. *ѣ* въ доисторическое время. Въ нихъ мы отличаемъ два слоя: одинъ слой глубоко древній—существованіе вм. *ѣ* двухъ *е*—долгаго и краткаго, въ эпоху долготы гласныхъ, слѣдовъ которой въ историческое время въ русскомъ языкѣ мы не находимъ, другой слой—предъ самымъ началомъ исторической эпохи—господство вм. долгаго *е* дифтонговъ: *іе̄*, *ı̄е* въ чистомъ видѣ и въ превращенномъ: *е* и *і*. Не исчезло въ это время также краткое старинное *е* въ неіотированномъ видѣ. По всей вѣроятности, въ эту же эпоху начало усиливаться значеніе ударенія, которое, безъ сомнѣнія, всегда существовало, но далеко не въ той преобладающей, импонирующей роли, въ которой оно явилось позже. По мѣрѣ того, какъ возрастало вліяніе ударенія, старинная долгота больше и больше падала, такъ что, при появленіи письменности среди русскихъ племенъ, ея уже не было. Въ это время даже дифтонги не всюду были распространены, преобладали же звуки *е* или *і* вм. *ѣ*, иногда въ одномъ и томъ же говорѣ и то, и другое ря-

домъ, подобно тому, какъ нынѣ въ подлясскихъ разнорѣчіяхъ. Но какъ *е*, такъ и *і*, имѣютъ ближайшее отношеніе къ дифтонгамъ: *іе*, *іе* вм. *ѣ*. По всей вѣроятности, тѣ русскія нарѣчія, которыя удлинняли последній звукъ, т. е. *е*, теряя двоегласіе, оставались при одномъ іотированномъ *е*, затѣмъ и краткое *е* вовлечено было въ систему іотаціи и мало-по-малу смѣшалось съ долгимъ: въ этомъ направленіи пошло звуковое творчество языка, наращая однородныя явленія все больше и больше. Такъ, съ теченіемъ времени, установился типическій складъ великорусскаго нарѣчія, которое не только утвердило *е* вм. *ѣ*, но даже подняло пріобрѣтенное этимъ путемъ *е* въ *ё*: сюда относятся извѣстныя во всѣхъ учебникахъ слова: *звѣзды*, *гнѣзда*, *сѣдла*, *цвѣлъ*, *пріобрѣлъ*, гдѣ *ѣ* звучитъ, какъ *ё*. Новой формаціи *е* вм. *ѣ* подчинило своему вліянію и основное *е*, смѣшалось съ этимъ послѣднимъ въ одинъ звукъ мягкаго іотированнаго *е*. Совсѣмъ другимъ путемъ пошли нарѣчія, въ которыхъ удлинненіе приходилось на первомъ звукѣ дифтонга *іе*: въ нихъ преобладающее значеніе получилъ этотъ самый удлинненный звукъ *і*. Процессъ этого превращенія можно наблюдать и теперь еще на слогахъ безъ ударенія, въ которыхъ дифтонгъ *іе* является въ видѣ неопредѣленнаго звука *іе*, гдѣ *е* произносится твердо и въ то же время очень слабо, какъ едва слышный отзвукъ полнаго *е*, первый же элементъ дифтонга не теряетъ своей выразительности. Въ слогахъ ударяемыхъ долго могло слышаться растяженіе съ іотированнымъ *е*, пока, наконецъ, это послѣднее, какъ и въ слогахъ неударяемыхъ, не исчезло подъ давленіемъ впереди стоящаго ударяемаго *і*. Такъ, вмѣсто дифтонга *іе*, какъ въ корняхъ, такъ и въ окончаніяхъ словъ, появилось малорусское *і*, которое соотвѣтствуетъ сербскому *ије*, чешскому долгому *í* [1]). Между тѣмъ, въ окончаніяхъ словъ не прекращалось вліяніе указанной нами выше аналогіи, которая шла отъ звука *і*, господствовавшаго въ мягкомъ склоненіи. Съ разныхъ пунктовъ оба эти звуковыя движенія встрѣтились въ одной точкѣ, именно, въ звукѣ *і*, взаимно другъ друга поддерживая. Совпаденіе этихъ двухъ явленій породило въ малорусскомъ вокализмѣ безусловное господство *і* вмѣсто всѣхъ первоначальныхъ замѣнъ звука *ѣ*. Это былъ, по нашему мнѣнію, первый моментъ, въ которомъ обнаружилось наклоненіе малорусскихъ звуковъ къ

[1]) Дюверну указываетъ на аналогическое образованіе чешскаго *í* изъ *іе*. См. Сист. эл. и фор. сл. нар. 109—10.

ному элементу, когда вмѣстѣ съ *i* выступилъ своеобразный складъ малорусскаго нарѣчія, его типическая цѣльность и замкнутость. Зарожденіе этого момента мы относимъ къ самому началу исторической жизни славянорусскихъ племенъ, къ самому началу древнерусской письменности. Затѣмъ, во весь кіевскій періодъ ея, продолжался ростъ изслѣдуемаго нами явленія. Его можно назвать именно древнѣйшимъ въ ряду звуковыхъ явленій древнерусскаго языка: доказательство заключается въ томъ, что *i* вм. *ѣ* свойственно не только малорусскому нарѣчію, но и областнымъ великорусскимъ разнорѣчіямъ, именно, такъ называемому, сѣверному или новгородскому говору.

Здѣсь мы должны приложить два мнѣнія, высказанныя русскими учеными по поводу новгородскаго *i* вм. *ѣ*.

Потебня отвергаетъ тождество этого *i* съ малорусскимъ *i*, во первыхъ, на томъ основаніи, что въ сѣверномъ великорусскомъ говорѣ не такъ повсемѣстенъ этотъ переходъ, какъ въ малорусскомъ, во вторыхъ, что на сѣверѣ нѣтъ малорусскихъ видоизмѣненій *i* вм. *ѣ*, наблюдаемыхъ въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ [1]). Послѣднее основаніе до нѣкоторой степени исключаетъ первое, указывая, что и въ малорусскомъ нарѣчіи, если взять въ расчетъ всѣ говоры его, не повсемѣстна замѣна *ѣ* звукомъ *i*, не говоря уже о томъ, что большая или меньшая распространенность какого нибудь звуковаго явленія не подрываетъ самого факта его существованія. Въ отношеніи къ звуку, замѣнившему *ѣ*, сѣверный малорусскій говоръ можно назвать прототипомъ новгородскаго, и потому этотъ послѣдній въ своемъ настоящемъ видѣ, подобно другимъ говорамъ малорусскаго нарѣчія, представляетъ отсутствіе тѣхъ чертъ, которыя и нынѣ характеризуютъ самый прототипъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ приличествуютъ ему, какъ прототипу. Потебня объясняетъ замѣну въ сѣверномъ великорус. *ѣ* звукомъ *i* мягкостію слѣдующаго согласнаго [2]), но самъ же представляетъ факты, изъ которыхъ видно, что есть случаи такой замѣны, не обусловленные мягкостію слѣдующаго согласнаго, что, конечно, уменьшаетъ цѣну самаго объясненія. Наконецъ, чтобы устранить всякое сомнѣніе въ тождествѣ малорусскаго *i* съ новгородскимъ, онъ дѣлаетъ предположеніе, что „въ тѣ отдаленные вѣка, когда малорусское племя могло составлять одно съ новгородскимъ, по всей

---

[1]) Потеб. О звук. особ. 112.

[2]) Ibid 82.

вѣроятности, ѣ имѣло еще свой древній характеръ ($\bar{e}$ долгое) [1]. Какъ ни отдаленны эти вѣка, но все же Потебня относитъ ихъ къ исторической эпохѣ, судя по тому, что *и* вмѣсто *ѣ* появляется только въ XIII в. Между тѣмъ, никто еще не представилъ доказательствъ, чтобы въ историческое время, т. е. въ XI—XII в. въ какомъ бы то ни было русскомъ нарѣчіи существовало долгое *е* вм. *ѣ*. А пока такихъ доказательствъ нѣтъ, то и выводы изъ нихъ невозможны на томъ простомъ основаніи, что нѣтъ слѣдствій безъ причины.

Другое мнѣніе о новгородскомъ *і* вм. *ѣ* принадлежитъ Лавровскому. „Звукъ *ѣ*, говоритъ онъ, издавна пропалъ въ новгородскомъ говорѣ, будучи замѣненъ звукомъ *и*. Правда, онъ продолжалъ иногда писаться въ памятникахъ, но только какъ ороографическій знакъ, безъ особеннаго своего звука“ [2]. Такимъ образомъ, *і* вм. *ѣ* не есть исключительная принадлежность малорусскаго нарѣчія, въ чемъ и мы совершенно согласны съ Лавровскимъ. Что же отсюда слѣдуетъ? По мнѣнію Лавровскаго, слѣдуетъ то, что *і* вм. *ѣ*, попадающееся въ памятникахъ южнорусскаго происхожденія, должно быть приписано говору сѣверныхъ переписчиковъ, „что оно появилось въ лѣтописяхъ южныхъ въ слѣдствіе вліянія послѣднихъ переписчиковъ, которые, по всей вѣроятности, были жителями сѣвера“ [3]. И съ этимъ выводомъ нельзя не согласиться, но съ существеннымъ ограниченіемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что списки лѣтописей XIV и XV в. были переписаны на сѣверѣ и притомъ не одинъ, а нѣсколько разъ, что въ настоящемъ своемъ видѣ они представляютъ смѣсь разныхъ древнерусскихъ нарѣчій, что многія звуковыя комбинаціи, попадающіяся въ позднихъ спискахъ, гораздо проще могутъ быть объясняемы діалектическимъ наслоеніемъ, а не генетическими отношеніями между звуками, что, наконецъ, и самое малорусское *і* вм. *ѣ* могло быть поддержано природнымъ выговоромъ сѣвернаго переписчика. Все это правда. Но если мы допускаемъ *ѣ*, подъ которымъ разумѣлось *і*, для новгородскихъ памятниковъ, то почему не допустить того же самаго для памятниковъ Кіевской Руси? Зачѣмъ не допустить *і* вм. *ѣ* въ самыхъ тѣхъ подлинникахъ южной редакціи, изъ которыхъ переписывали сѣверные переписчики, тѣмъ

---

[1] Потеб. О звук. особен. 112.

[2] Лавровс. О яз. сѣвер. рус. лѣтоп. 129.

[3] Ibid. стр. 16.

болѣе, что въ немногихъ уцѣлѣвшихъ памятникахъ, списанныхъ на югѣ, обнаружилось то же стремленіе употреблять букву *ѣ* для выраженія звука *і*? Не правдоподобнѣе ли допустить, что буква *ѣ* означала *і* въ томъ краѣ, гдѣ *і* вм. *ѣ* составляетъ постоянный признакъ нарѣчія?

Мы не желаемъ отстаивать звукъ *і*, скрывшійся въ начертаніи *ѣ*, исключительно для малорусскаго нарѣчія. Вообще намъ кажется, что при возстановленіи древнерусскаго вокализма нельзя держаться исключительныхъ воззрѣній, въ силу которыхъ дается мѣсто одному какому нибудь звуку въ ущербъ другимъ не только параллельно развившимся, но даже такимъ, которые возникли генетическимъ процессомъ. Начальные звуки могли жить рядомъ съ своими наслѣдниками въ одно и то же время,—между тѣмъ, вырывая отдѣльные факты изъ цѣлаго строя древнерусскихъ нарѣчій, о которыхъ положительныхъ свѣдѣній въ наукѣ нѣтъ, легко приписать ту или другую черту тому нарѣчію, которому мы хотимъ отдать предпочтеніе въ какомъ нибудь отношеніи. Такъ, въ той же книгѣ: „О языкѣ сѣвернорусскихъ лѣтописей“ Лавровскій вооружается противъ Шевырева за то, что онъ, основываясь на признакахъ нарѣчія, назвалъ жителей г. Кириллова и с. Талицъ переселенцами съ юга [1]), но на слѣдующихъ затѣмъ страницахъ, въ обзорѣ новгородскаго нарѣчія по народнымъ пѣснямъ, указываетъ поразительные признаки сходства его съ малорусскимъ нарѣчіемъ [2]). А фактъ, между тѣмъ, самъ по себѣ ясный, фактъ такой, что и въ южной, и въ сѣверной Руси, звукъ *і* часто составлялъ въ древнее время замѣну славянскаго *ѣ*, въ чемъ совершенно согласны между собою, какъ памятники древнерусскаго письма, такъ и живая, современная намъ рѣчь въ устахъ жителей сѣвера и юга. Съ другой стороны, судя по лѣтописи Переяславской, въ которой не встрѣчается *і* въ видѣ *ѣ* [3]), надобно полагать, что древнерусскій міръ подъ буквою *ѣ* разумѣлъ не одно *і*, но и тотъ звукъ, который нынѣ соединяется въ литературномъ русскомъ языкѣ съ буквою *ѣ*. Такое произношеніе *ѣ* мы не приписываемъ исключительно суздальской области, въ которой написана Переяславская лѣтопись: тамъ оно могло быть обычнѣе, чѣмъ на югѣ и сѣверозападѣ, хотя и въ этихъ мѣстахъ оно могло существовать спо-

---

1) Лавр. О яз. сѣв. рус. лѣтоп. 141—43.

2) Ibid. 142—43.

3) Ibid. 139.

радически, то въ видѣ заносного явленія, то въ видѣ органической особенности какихъ нибудь говоровъ. Но дѣло не въ частностяхъ. Дѣло заключается въ общемъ тяготѣніи звуковаго строя въ ту или другую сторону: въ этомъ отношеніи нельзя не признать за малорусскимъ и новгородскимъ нарѣчіями тяготѣнія къ звуку *i* вм. *ѣ*, только въ этомъ послѣднемъ оно не развилось, а въ малорусскомъ достигло вершины своего развитія. Не споримъ, что и въ малорусскомъ нарѣчіи *i* вм. *ѣ* окончательно установилось позже, но по времени своего зарожденія и образованія оно относится къ эпохѣ глубоко древней. Вотъ почему въ памятникахъ XI—XII в. встрѣчается оно не такъ часто, какъ въ позднѣйшихъ. Въ XI—XII в. чаще всего писали *ѣ*: чѣмъ раньше эпоха, тѣмъ меньше возможна была самодѣятельность русскаго ума въ примѣненіи славянскихъ буквъ къ русскимъ звукамъ, поэтому мы видимъ въ древнѣйшихъ памятникахъ господство за буквою *ѣ*. Но уже въ XI—XII в., рядомъ съ *ѣ*, мы видимъ и *е*, и *и*: *е* подъ вліяніемъ діалектической разности, имѣвшей въ то время мѣсто и на кіевскомъ югѣ, *и*—подъ вліяніемъ діалектической разности, отсутствіе которой на югѣ было еще менѣе возможно. Если въ памятникахъ XII в. чаще встрѣчается *е*, чѣмъ *и*, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что такое произношеніе буквы *ѣ*, судя по аналогіи съ древнесербскою письменностью, было поддерживаемо древнеславянскимъ преданіемъ. Нужно еще взять во вниманіе и то, что отъ XI—XII в. осталось ничтожное количество памятниковъ южной редакціи, что громадная масса ихъ погибла въ татарскомъ погромѣ, въ бурю козацкихъ движеній, подъ истребляющимъ давленіемъ католической попаганды, въ кіевскихъ пожарахъ. Какъ бы то ни было, только одна половина Руси, унесшая съ юга письменность, дала предпочтеніе звуку *е* вм. *ѣ*, хотя долго еще не чуждалась и звука *и*,—другая, надолго оставшаяся вдали отъ письменнаго преданія, удержала не менѣе древнее *i* вм. *ѣ*. Но и послѣ того, какъ на старыхъ пепелищахъ древнерусской цивилизаціи, въ опустошенномъ южнорусскомъ краѣ, начала зарождаться въ XIV—XV в. новая жизнь, старая славянская традиція все еще имѣла обаятельную силу. Условныя начертанія звуковъ стояли крѣпко. За нихъ держались, какъ за руководящую нить въ новомъ столкновеніи съ польской культурой, которая, противъ воли, иногда помимо сознанія южнорусской интеллигенціи, вторгалась въ письменность. Такъ, писались *ъ* и *ь*, хотя глухое произношеніе ихъ давно исчезло , писались юсы, хотя съ самаго начала

древнерусской письменности ихъ всегда произносили порусски, а не пославянски, писалась, наконецъ, и буква ѣ, хотя она уже давно произносилась на югѣ, какъ і. Мало того: хотя буква ѣ въ народномъ говорѣ иначе не произносилась, какъ і, грамотные люди южной Руси, охваченные разнообразными вліяніями—бѣлорусскимъ, польскимъ, даже чешскимъ, въ послѣдствіи великорусскимъ, съ другой стороны, вліяніемъ славянской письменности, какъ древней, такъ и позднѣйшей югославянской (болгарской и сербской), никакъ не могли справиться съ буквою ѣ: то ставили ее правильно подревнеславянски, то смѣшивали съ ѧ—посреднеболгарски, то смѣшивали съ е побѣлорусски, то замѣняли ее буквою і помалорусски. Въ такомъ нестройномъ видѣ является предъ нами правописаніе буквы ѣ въ южнорусскихъ произведеніяхъ XV—XVI в. Въ нихъ проходитъ живая струя народности, но она не связана органически съ письменнымъ церковнославянскимъ преданіемъ при всѣхъ очевидныхъ усиліяхъ подчинить ее этому послѣднему.

Остановимся на выдающихся по своему значенію памятникахъ XVI в., такъ какъ въ нихъ повторяются и даже рельефнѣе выступаютъ особенности правописанія XV в.

Въ Львовскомъ Онуфріевскомъ монастырѣ хранится библія, переписчикомъ которой былъ *Дмитро писарчикъ изъ Зѣнкова* [1]) (1575 г.). По замѣчанію Головацкаго, Онуфріевская библія „есть списокъ потерянныхъ книгъ перевода Скорины печатныхъ или въ рукописи оставшихся“ [2]). Вся разница языка ея отъ языка Скорины въ южнорусской окраскѣ, виной которой былъ Дмитро писарчикъ, но такъ какъ онъ все-таки былъ не больше, какъ только переписчикомъ, а не переводчикомъ, то народныя черты въ языкѣ Львовской рукописи вышли блѣдныя. Изрѣдка онѣ выступаютъ тамъ, гдѣ у Скорины стоитъ звукъ, очевидно, бѣлорусскаго происхожденія, но большею частію южнорусская фонетика замаскирована церковнославянскимъ правописаніемъ. Такъ, Дмитро пишетъ: *памѧть, мѣсѧца, девѧть*, тогда какъ Скорина замѣняетъ юсъ буквой е; у Дмитра: *возметь, жрѣца*, у Скорины: *возметъ, жерца*; у Дмитра: *дрѣвяным*, у Скорины: *древянымъ*; у Дмитра: *четыринадесятый*, у Скорины: *четыренадесятый*; у Дмитра: *з муки пшеничнои, печеніи, смаженіи*, у Скорины: *пшеничное, печеные, сма-*

---

[1]) Зиньковъ—мѣстечко Подольс. губ. при р. Ушицѣ.

[2]) Наук. сборн. 1865, IV.

женые; у Дмитра: *хлѣбы, тѣло, грѣхъ, завѣта, повѣдаетъ* [1]): во всѣхъ этихъ словахъ у Скорины, сообразно съ бѣлорусскимъ произношеніемъ, стоитъ *е*. Безъ сомнѣнія, въ XVI в. букву *ѣ* Дмитро произносилъ помалорусски, какъ *і*, слѣдовательно, исправляя бѣлорусское *е* Скорины на славянское *ѣ*, онъ въ одно и то же время, по крайнему своему разумѣнію, удовлетворялъ и южнорусскому произношенію, и славянскому преданію.

Такъ нерѣшительно, въ полупрозрачной одеждѣ выступаетъ малорусская рѣчь въ благочестивомъ трудѣ писарчика Дмитра. Не легко было отрѣшиться стариннымъ нашимъ переписчикамъ отъ авторитета церковнаго языка, да и предметъ ихъ книгописной дѣятельности невольно располагалъ въ пользу славянскаго правописанія, въ пользу книжнаго преданія, переходившаго отъ поколѣнія къ поколѣнію. Нетвердая, робкая мысль не рѣшалась святотатственно коснуться не только священнаго смысла, но и самой буквы церковнославянской. Только явное несоотвѣтствіе языка книжнаго языку народному заставляло проговариваться благоговѣйныхъ чтителей священной старины, и такимъ образомъ изъ невольныхъ обмолвокъ мало-по-малу утвердилось новое преданіе, основанное на привычкѣ къ тому разностихійному, спутанному языку и письму, памятникомъ котораго была вся древне и средне—русская письменность. Но вотъ въ XVI в., раньше нѣсколько того времени когда Дмитро писалъ свою библію, уже не безсознательно, а преднамѣренно и съ умысломъ является въ южной Руси *„за помочоу̀ Божіею книги чѐтырехъ Евангелистовъ выложеный изъ ѧзыка блъгарскагѡ на мовоу роу́ску̀ю длѧ леп'шого вырозумленѧ́ людоу христіан'скагѡ по́спомитогѡ“* [2]). Переводчики имѣли въ виду не однихъ православныхъ. Евангеліе расположено по зачаламъ и приспособлено къ церковному употребленію, но передъ каждою группою зачалъ помѣщено въ краткихъ словахъ содержаніе той главы, въ составъ которой входятъ зачала: *„тыжъ длѧ лю́дій законоу ри́м'скогѡ, си́рѣчь латинѧнъ. и̓же вни́хъ нѐ взываютсѧ̀ зачала̀. 'еднѡ ка́питулы̀. 'а по́ на́шемоу̀ ѩзыко̀у гла́вы. Бо́уде ли ѡ́нъ тѐбе ѡ̀ што̀ про́сити 'абы 'есѝ 'емо̀у нѐмедлѡ̀ си̓рѣ́чь борзо на́шедъши оу̓ка́залъ“* [3]).

---

[1]) Наук. Сбор. 1865. 239—42—44—50.

[2]) Послѣсловіе къ Персопниц. евангелію (1561).

[3]) Сказаніе о главахъ и зачалахъ, послѣ евангелія отъ Іоанна.

Здѣсь уже предъ нами тенденція, сознательно преслѣдуемая цѣль— дать въ руки люду христіанскому посполитому книгу, изъ которой онъ могъ бы почерпать не только назиданіе для себя, но и отвѣты на случай совопросничества съ латинянами. Было ли это движеніе протестантской волны, которая, по всей вѣроятности, захватила ученаго доктора Скорину изъ славнаго города Полоцка, навѣрно сказать не можемъ относительно переводчиковъ Пересопницкаго евангелія, — несомнѣнно только то, что они предназначали свой трудъ для народа и сообщили ему яркія черты народнаго южнорусскаго нарѣчія XVI в. Но при всемъ желаніи высказаться въ народномъ духѣ, *для лѣп'шою вырозумленя людоу посполитогѡ*,—они не считали возможнымъ отрѣшиться отъ славянскаго языка и притомъ въ позднѣйшей югославянской редакціи. Надобно сказать, что въ сочетаніи южнорусскихъ элементовъ съ славянскими они обнаружили чрезвычайно много такту. Если удалить изъ перевода неумѣлое словопроизводство, вмѣстѣ съ неестественнымъ правописаніемъ, чуждымъ древнесл. и малорус. нарѣчіямъ, (напр. зіяніе, ъ послѣ гортанныхъ и проч.), — то получится органическое цѣлое, въ которомъ народная рѣчь явится какъ бы естественнымъ продолженіемъ книжной рѣчи, а не мертворожденнымъ дѣтищемъ схоластической мысли, какимъ она большею частію является въ другихъ, даже позднѣйшихъ южнорусскихъ писаніяхъ. При всемъ томъ сами переводчики не могли осилить вліянія тѣхъ позднѣйшихъ славянскихъ подлинниковъ, которыми они пользовались для своего перевода, не могли также уберечься и отъ вліянія литературно-польскаго, хотя этому послѣднему подчинились въ несравненно меньшей степени, чѣмъ позднѣйшіе ученые грамматисты, напр. Берында и Смотрицкій. Отмѣтимъ всѣ случаи употребленія буквы *ѣ* въ Пересопницкомъ евангеліи. 1) Чаще всего ставится она правильно по славянски: *„насѣѧль доброе сѣмѧ на селѣ своемъ“* [1]). 2) *ѣ* стоитъ вм. юсовъ большаго и малаго: *„кто чинитъ волѣ* (волѭ) *отца“... не имали многѡ землѣ* и *не имали глоубокости землѧ.... во всѣкое мѣсто.... не требоуютъ лѣкарѣ.... до гостин'ницѣ... дѣкоую* вм. *дѧкую.....* [2]) Форма: *волѣ* вм. *волѧ* доказываетъ, что въ рукахъ переводчиковъ былъ подлинникъ болгарскаго происхожденія, можетъ быть, съ примѣсью сербской редакціи, (судя по преобла-

---

1) Матѳ. зач. 52.

2) Матѳ. зач. 23, 50. Лук. зач. 16, 20, 53, 104.

данію ѣ надъ ѣ). Не зная о смѣшеніи юсовъ въ болгарскомъ письмѣ они ставятъ ѣ тамъ, гдѣ въ подлинникѣ стоялъ малый юсъ, но этотъ юсъ тамъ стоялъ уже вмѣсто большаго, отсюда и вышла странная форма: *волѣ* вм. *вол-ѫ* или, по русскому правописанію, *волю*[1]). 3) Наоборотъ, заѣмѣняется буквою *е* — въ текстѣ не такъ часто, въ приписках переписчика очень часто: *при Августе, имель, похотель, мне, вреку* и проч.[2]). Въ этой замѣнѣ ѣ буквой *е* мы видимъ вліяніе бѣлорусско-польской рѣчи. Для XVI в. не будетъ смѣлостью признать въ малорусскомъ народномъ говорѣ господствующимъ *і* вм. ѣ: переводчики, очевидно, увлечены были литературными образцами своего вѣка. 4) Изрѣдка ѣ замѣняется, сообразно съ народнымъ употребленіемъ, буквою, *и*: *посли, смотриль, ликарю, з лѣчися, ничого не їль, їсте* и *піете, юпосли*[3]). Наконецъ, 5) еще рѣже ѣ замѣняется буквою *ы*, въ слѣдствіе смѣшенія *ы* съ *и*: *на моры*[4]); есть даже случай употребленія ѣ вм. *ы*: *милости хочу а не жрътвѣ*[5]), а въ другомъ мѣстѣ: *милости хощу а не жрътвы*.

Такимъ образомъ, въ Пересопницкомъ евангеліи не опущенъ ни одинъ изъ древнерусскихъ пріемовъ въ употребленіи буквы ѣ и въ то же время ни одинъ изъ нихъ не принятъ въ видѣ постояннаго правила для руководства. Писецъ отдаетъ предпочтеніе древнеславянской постановкѣ буквы ѣ, но постоянно отвлекается въ сторону подъ впечатлѣніемъ разнообразныхъ вліяній.

Такую же нетвердость и невыдержанность правописанія мы встрѣ-

---

1) Еще рѣзче видно болгарское происхожденіе подлинника, съ котораго сдѣланъ былъ переводъ, изъ формъ: *нѧ* вм. *но* (Матѳ. зач. 30), *въ ѫтробахъ* вм. *оутробахъ* (Лук. зач. 16): въ этомъ послѣднемъ словѣ, вопреки русскому произношенію, стоитъ ѫ вм. *оу*, потому что въ подлинникѣ стоялъ малый юсъ вмѣсто большаго. Къ болгаризмамъ относится и неустраненное зіяніе въ словахъ напр: *Захаріа, Маріа, покажденіа* (Лук. зач. 1—2). Мы не рѣшаемся настаивать, вмѣстѣ съ Майковымъ (Исторія сербс. яз. 405) на малорусскомъ происхожденіи гіатуса въ средне-болгарской письменности; знаемъ только, что онъ составляетъ характеристическій признакъ ея. Сербскому вліянію можно приписать въ Пересопницкомъ евангеліи постановку удареній въ началѣ словъ.

2) Послѣсловіе.

3) Марк. зач. 32. 57. Лук. зач. 4, 12, 20, 43.

4) Матѳ. зач. 37.

5) Матѳ. зач. 30. 45.

чаемъ и въ южнорусскомъ переводѣ „Пѣсни пѣсней". Къ вліяніямъ мѣстнымъ, бѣлорусско-польскому и южнорусскому, здѣсь присоединилось еще и вліяніе чешское. Какъ оно проникло сюда, сказать опредѣленно не можемъ, но отказать этому памятнику въ южнорусскомъ происхожденіи тоже не рѣшаемся [1]). Не останавливаясь на подробностяхъ, приведемъ нѣсколько формъ съ буквою *ѣ*, или съ обычными замѣнами ея: *всими, всихъ, всимъ* и *всехъ, имію, тыхъ, тыми, о своей невѣсти, къ своей невѣсте, о Христе, о Христѣ* [2]). Вся эта путаница, всѣ эти противорѣчія объясняются недостаткомъ исходнаго пункта въ правописаніи. Съ одной стороны, замѣтно желаніе удержать традиціонное правописаніе, съ другой стороны, насильно врывалось народное произношеніе буквы *ѣ*, наконецъ, обязательными считались образцы иностранной рѣчи: оттого не выдержано ни народное, фонетическое начало, ни этимологическое. Не было положено въ основу дѣла ясно сознаннаго, руководящаго начала, и потому самое дѣло не пошло въ ходъ.....

Въ XVII в. Мелетій Смотрицкій рѣшился положить конецъ разнообразному употребленію буквы *ѣ* и вмѣстѣ съ тѣмъ вывести правописаніе изъ хаоса. Въ грамматикѣ своей онъ говоритъ слѣдующее: „а и ѧ, *е* и *є*, *и* и *і*, *ы* и *ѣ*, *о* и *ѡ*: давшаго употребленія, склоненій и спряженій навыкъ, несклоняемыя части по многу научатъ" [3]). „Блюсти подобаетъ и падежей въ склоненіихъ, и временъ въ спряженіихъ

---

[1]) Указывая чешскія слова и обороты въ этомъ переводѣ, Головацкій выражаетъ удивленіе, что издатели „Основы" легкомысленно признали его южнорусскимъ (Наук. сбор. 1865, вып. IV, 235). Но искусственность языка не есть еще черта, мѣшающая причислить памятникъ къ той или другой народности. Современный намъ литературный языкъ русскій нельзя назвать безъискусственнымъ, и однакожъ, никто не сомнѣвается въ его народномъ происхожденіи и строѣ. Не споримъ, что языкъ „Пѣсни пѣсней" отличается искусственностію, что онъ представляетъ смѣсь церковнославянскаго языка съ народнымъ, что въ немъ много вліяній постороннихъ— польскаго и особенно чешскаго,—но южнорусскіе народные элементы прорываются въ этомъ языкѣ въ такомъ изобиліи и такъ рѣшительно, что сомнѣваться въ южнорусскомъ типѣ перевода невозможно, такъ точно, какъ невозможно сомнѣваться въ бѣлорусскомъ типѣ языка Скорины: хотя основа его славянская, и онъ не чуждъ также постороннихъ вліяній.

[2]) Основа. 1861. Декабрь. 53, 62. 60, 61. 56. 52.

[3]) Смотриц. Грам. изд. 1721 стр. 8.

окончения: и *о* вм. *ω*, ни въ противъ: ни *ѧ* вм. *а*, ни въ противъ: ни *е* вм. *ѣ*, ни въ противъ, развѣ то и оно приимати могущихъ падежей: ни *ѣ* вм. *и* или *ы* вм. *и*, ни обоя та въ противъ полагати" [1]). Ученый XVII в. жалуется на смѣшеніе буквъ, которыя должны стоять, по его понятіямъ, на своемъ мѣстѣ. Какія же это понятія и откуда навѣяны они? Смотрицкій оберегаетъ славянское преданіе въ употребленіи буквъ отъ вторженія, съ одной стороны, народныхъ южнорусскихъ элементовъ, съ другой стороны, элементовъ бѣлорусско-польскихъ. Но не столько страшатъ его эти послѣдніе, сколько первые: самъ онъ, въ конструкціи своей собственной рѣчи, въ лексикѣ и даже фонетикѣ ея, далеко не свободенъ отъ вліянія польско-латинскихъ образцевъ мысли и рѣчи, легшихъ въ основу южнорусской схоластической литературы XVII в., потому-то нѣтъ и слѣдовъ народности въ совѣтахъ Смотрицкаго относительно употребленія буквы *ѣ*: онъ допускаетъ даже, въ угоду бѣлорусско-польской фонетикѣ, смѣшеніе *ѣ* въ извѣстныхъ случаяхъ съ *е*, но смѣшеніе *ѣ* съ *и* и *ы* безусловно запрещаетъ. Отвергнувъ народное, фонетическое начало, онъ не положилъ въ основу правописанія и разумной этимологіи: употребленію буквъ, по его мнѣнію, научитъ „склоненій и спряженій навыкъ", а съ навыкомъ, и только съ однимъ навыкомъ, какъ извѣстно, уйти далеко нельзя. Совѣты Смотрицкаго, очевидно, не могли извлечь южнорусскаго правописанія изъ сферы случайностей. Въ XVII в. въ южнорусской письменности видимъ прежнее смѣшеніе *ѣ* съ *е* и *і*: то ставили эти послѣдніе буквы вм. *ѣ*, то ставили *ѣ* вм. *е* и *і*. Къ тому же мало-по-малу начало оказывать свое дѣйствіе на употребленіе буквы *ѣ* и великорусское вліяніе. Оно пришло на помощь бѣлорусскому вліянію, которое само по себѣ, съ развитіемъ народныхъ элементовъ въ южнорусской письменности, можетъ быть, безсильно было бы устранить малорусскую замѣну *ѣ* звукомъ *і*. Живой обмѣнъ литературныхъ идей, завязавшійся въ XVII в. между учеными малорусскаго, бѣлорусскаго и великорусскаго происхожденія, содѣйствовалъ развитію въ южнорусской письменности *е* вм. *ѣ*. При всемъ томъ мы замѣчаемъ въ XVII в. между малорусскими писателями нѣкоторое единообразіе въ употребленіи буквы *ѣ*. Мы видимъ, что они избѣгаютъ *е* вм. *ѣ*, не даютъ даже предпочтенія своему народному *і* вм. *ѣ*, хотя и позволяютъ себѣ обмолвки въ томъ и другомъ родѣ,

[1]) Смотриц. Грам. изд. 1721 г. стр. 7-я.

зато, въ громадной массѣ случаевъ, ставятъ *ѣ* вм. *и*, ставятъ *ѣ* не только тамъ, гдѣ того требовало славянское правописаніе, но и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ присутствіе буквы *ѣ* не могло быть оправдано ни здравымъ словопроизводствомъ, ни народной фонетикой. Приведемъ примѣры.

Изъ Львовской лѣтописи: *Горѣнь, Хмельнѣцкого, нѣчого, нѣхто, нѣякъ, унѣя*,—иногда одна и та же форма съ *ѣ* и *и*: *поихалъ* и *поѣхалъ, нѣмцѣ* и *нѣмци, примиря* и *примѣря, поили* и *ѣли, Казѣмѣря, Казѣмирь* и *Казимѣръ*,—иногда даже *і* изъ основнаго *е* выражено посредствомъ *ѣ*: *сѣлъ* (великор. *сѣлъ*, малорус. *сіл*), *шѣсть* вм. *шість, повѣвъ* вм. *повів* [1]).

Изъ словаря Берынды: *нѣхто, нѣчого, нѣ... нѣ* вм. *ни, нѣнацьо, мѣнута, фѣгура* и проч. [2])

Изъ лѣтописи Самовидца: *Унѣя, на Волыни, въ Чернѣговѣ, анѣжъ, Русиновѣ* (дательн.), *державцѣ* (имен. множ.), *въ кривѣ* (въ крови), *Домнѣтыхъ, неизмѣчоная лѣчба, костелѣ* (вин. множ.), *зѣма*, на *запорожжѣ* и на *запорожжи* [3]).

Какъ объяснить это широкое употребленіе *ѣ*, гдѣ нужно, и гдѣ не нужно?

По нашему мнѣнію, оно объясняется постепенно сложившимся убѣжденіемъ, что *ѣ* должно стоять тамъ, гдѣ слышно мягкое іотированное *і* (*йі*). Корни этого убѣжденія, какъ мы видѣли, находятся въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности, и вотъ южнорусскіе писатели XVII в., подъ защитой древнерусскаго преданія, стараются выдержать въ буквѣ *ѣ* этимологическую правильность вмѣстѣ съ народной фонетикой, разумѣя подъ *ѣ* звукъ *і*. Но эта болѣе традиціонная, чѣмъ сознательная этимологія увлекла ихъ на путь ложной аналогіи, которая, маскируя малорусское *і*, все-таки не могла служить руководствомъ, когда нужно писать *ѣ*, а когда *і*.

---

[1]) Историч. сборн. Погод. 265, 67, 65, 40, 59, 46, 34—37, 44—44, 49—49, 57—36, 50, 50—50, 59, 60, 48.

[2]) Берында 94, 94, 95, 93, 76, 192.

[3]) Лѣтоп. Самовидца 8, 9, 10, 11, 12, 13.

3. Малорусское і изъ основныхъ о, е.

Переходимъ къ *і* изъ *о* и *е*.

Съ самаго начала считаемъ нужнымъ замѣтить, что *і* изъ *е* отличается отъ *і* изъ *о* мягкостію, которая выражается въ способности его смягчать предыдущій согласный звукъ: большая разница напр. въ украинскомъ нарѣчіи между словами: *ніс* (нёсъ) и *ніс* (носъ), *ніж* (нежели) и *ні'ж* (ножъ). Впрочемъ, въ галицкомъ говорѣ, изрѣдка и въ украинскомъ, потеряна разница между этими *і*: въ обоихъ замѣтно смягчающее вліяніе іоты. Такъ, въ Галиціи говорятъ: *дім* (домъ), *мій* (мой), *тік* (токъ).

Давно уже сдѣлано наблюденіе, что въ среднихъ слогахъ *і* изъ *о* и *е* сохраняется, въ слогахъ же прямыхъ *о* и *е* снова возстановляются: *рік-року, кінь-коня, піч-печи, сім-семи*. Но видно, этотъ законъ находится еще въ своемъ развитіи или же, наоборотъ, ослабѣлъ, помутился въ чувствѣ языка, коль скоро встрѣчаются формы, и притомъ въ немаломъ количествѣ, не подлежащія его дѣйствію. Такъ, *о* и *е* измѣняются въ *і* даже въ прямыхъ слогахъ предъ суффиксами: *ець, ок*, оч+к: *кі-нець, камі-нець, кі-лок, перепі-лочка*. Сверхъ того, *і* изъ *о* является въ родит. множ. именъ уменьшит: *ті-рок, кі-зок*, а *і* изъ *е* въ именахъ прилагат. уменьшит. съ суф: *ісенький: повнісенький*, и въ нѣкоторыхъ глаголахъ, усиливающихъ *е* въ *і*: *зачісувати*. Въ свою очередь, иногда не измѣняются въ *і* ни *о*, ни *е*: говорятъ напр: *Бог* и *Біг*, *гром* и *грім*; остается *о* въ суффиксахъ именъ уменьшит: *онько, онька*: *голубонько, голубонька*; остается *е* въ суффиксахъ: *енко, енько, енька, енький, есенький, езный*, а также въ нѣкоторыхъ словахъ: *я-сен, пере-пел* [1]).

---

[1]) Потеб. О звук. особ. 95. 99. 100.

Въ связи съ значеніемъ среднихъ слоговъ для перемѣны *о* и *е* въ *і*, большую важность имѣетъ то обстоятельство, что оба звука не переходятъ въ *і* ни въ прямыхъ, ни въ среднихъ слогахъ: а) когда они стоятъ на мѣстѣ первоначальныхъ глухихъ ъ и ь, б) въ полногласныхъ словахъ. Примѣры: *торг (тръгъ), вовк (влъкъ) честь (чьсть), серце (срьдьце), волос (власъ), здоровъ (здравъ и съдравъ), берег (брѣгъ), перед (прѣдъ).* Есть, впрочемъ, исключенія и здѣсь, но очень рѣдкія, напр.: *поріг*—полногласная форма съ *і* изъ *прагъ*. Сюда же относятся слова: *чорнобривый, дригати, крихта* съ среднимъ *и* вм. слав. ъ [1]).

Такимъ образомъ, въ отношеніи къ *о* и *е* вм. ъ и ь, а также въ полногласныхъ формахъ, между нарѣчіями малорусскимъ и великорусскимъ почти нѣтъ разницы. Изъ этого видно, что малорусское *і* изъ *о, е* развилось уже послѣ того, какъ во всѣхъ нарѣчіяхъ русскаго языка утвердилось полногласіе, а также на мѣстѣ глухихъ гласныхъ въ срединѣ словъ появились уже чистые *о* и *е*. Потебня думаетъ совсѣмъ наоборотъ, именно, онъ предполагаетъ существованіе глухихъ, когда начались превращенія въ основныхъ *о, е*: „еслибы, говоритъ онъ, глухіе въ это время замѣнились уже чистыми *о, е*, то мы имѣли бы теперь малорусскія формы: *суон-сону, сін-сону*, а не *сон-сону, сну, сна*" [2]). Допуская позднее образованіе *і* изъ *о, е сравнительно съ полногласіемъ и превращеніемъ глухихъ гласныхъ въ чистые*, мы именно думаемъ, что глухихъ уже не было въ эпоху образованія *і* изъ *о, е*, и потому не можемъ раздѣлять предположенія Потебни объ ихъ существованіи въ то время [3]). Согласившись съ этимъ предположеніемъ, мы тѣмъ самымъ устранили бы причину, въ слѣдствіе которой основные *о* и *е* путемъ дифтонговъ перешли въ *і*. Что касается до того, отчего формы въ родѣ *сънъ* не перешли въ малорус. въ *сін*, то причина этого явленія заключается не въ томъ, что глухіе превратились въ чистые, а въ самой природѣ этихъ чистыхъ, образовавшихся изъ ъ, ь. Не отрицая сходства между *о* и *е* изъ ъ и ь и основными *о* и *е* въ томъ отношеніи, что первые появились, а послѣдніе превратились въ *і* по одной и той же причинѣ, т. е. въ слѣдствіе эвфонической потребности возстановить гласную стихію въ срединѣ словъ послѣ того, какъ глухіе

---

[1]) Потеб. О звук. особ. 96, 97. 98.

[2]) Зам. О малорус. нар. 35, 36.

[3] Ibid. 35—36.

начали исчезать въ концѣ, мы не должны, однако, забывать, что между этими качественно сходными звуками есть различіе количественное: въ основныхъ *о* и *е* есть слѣдъ нѣкогда бывшей долготы, которая, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ снова выразиться такъ или иначе, тогда какъ *о* и *е* изъ ъ и ь по самой природѣ своей—гласные краткіе.

Извѣстно, что основные *о* и *е* образовались нѣкогда изъ простѣйшихъ элементовъ: *a* + *i* = *e*, *a* + *y* = *o*, слѣдовательно, по своему образованію, *о* и *е*, въ отличіе отъ *а* и *і*, принадлежатъ къ разряду дифтонговъ. Исконная долгота ихъ съ теченіемъ времени утратилась во многихъ языкахъ, между прочимъ, и въ древнеславянскомъ, гдѣ гласный элементъ въ концѣ словъ ослаблялъ необходимость долгихъ гласныхъ въ срединѣ словъ. Но съ того момента, какъ глухіе гласные ъ и ь начали колебаться, и слова должны были въ выговорѣ оканчиваться на согласный звукъ, въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ явилась потребность возвратиться къ долготѣ тѣхъ среднихъ гласныхъ звуковъ, которые по своей первоначальной природѣ были долгими. Такимъ образомъ, малорус. *і* въ словахъ: *кінь*, *піч* и проч. сильнѣе первоначальныхъ *о* и *е*. Съ возстановленіемъ гласнаго окончанія въ словахъ, потребность усилить гласный элементъ въ срединѣ словъ должна была исчезнуть, и мы имѣемъ: *ко-ня*, *пе-чи*. Но если при гласномъ окончаніи послѣ *о* и *е*, стоитъ два или нѣсколько согласныхъ, изъ которыхъ первый входитъ въ составъ предыдущаго слога, то *о* и *е* все-таки превращаются въ *і*: *дё-готь—діг-тю, но-готь—ніг-тю*. Это подало поводъ галицкимъ ученымъ, въ подражаніе польскимъ грамматистамъ, объяснять это явленіе такимъ образомъ: „корѣнное *е* перемѣняется на *ѣ* (*і*), коли есть стиснене, корѣнное *о* переходитъ на *ô* (*і*), коли есть стиснене, т. е. коли ся на него слѣдуюча согласна спирае“ [1]). Потебня находитъ это объясненіе непонятнымъ: „какимъ образомъ дѣйствіе тяжести, давленіе, говоритъ онъ, вызываетъ не сжатіе гласной, а ея расширеніе?“ [2]) Отвѣчаемъ его собственными словами: „человѣкъ удлинняетъ гласную, предчувствуя слѣдующее за нею стеченіе согласныхъ, т. е. собственно такъ называемую позицію. Средній или обратный слогъ есть славянская позиція“ [3]). Очевидно, галицкіе ученые разумѣютъ ту же позицію, что и Потебня, но подражательность помѣшала имъ яснѣе выразумѣть это дѣло.

[1]) Осадц. Грам. § 28. 31.

[2]) Потеб. Зам. 34.

[3]) Ibid. 35.

Можно ли объяснять малорусское *і* изъ *о* и *е* только позиціей? Мы видѣли, что оно—шире позиціи, что оно стоитъ не только въ среднихъ слогахъ, но и въ прямыхъ, т. е. безъ всякаго отношенія къ позиціи. Изъ этого, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ, что сама по себѣ позиція не все объясняетъ, что, кромѣ позиціи, въ образованіи малорусскаго *і* изъ *о*, *е*, дѣйствовали другія причины. Возьмемъ напр. формы: *лі-тати*, *замі-тати* (славянс. *летѣти*, *заметати*): здѣсь *і* стоитъ въ прямыхъ слогахъ, внѣ позиціи. Мы думаемъ, что этого *і* объяснить иначе нельзя, какъ только усиленіемъ основнаго *е* для образованія глаголовъ учащательныхъ (verba iterativa). Иногда усиленіе совпадаетъ съ позиціей, напр. въ словахъ: *гн'їй*, *л'їй* вм. *гной*, *лой*, *н'іс*, *віз* вм. *нос*, *воз*. Иногда, наконецъ, въ звукѣ *і* нѣтъ ни позиціи, ни усиленія, напр: *гребі-нець*, *камі-нець* и пр. Можетъ быть, здѣсь *е* превратилось въ *і* первоначально подъ вліяніемъ позиціи, а потомъ самая позиція принесена была въ жертву развившемуся въ послѣдствіи преобладанію звука *і*. Иначе нельзя объяснить многихъ неорганическихъ формъ съ этимъ звукомъ. Итакъ, позицію, которая обнаружилась вслѣдъ за потерею конечныхъ глухихъ гласныхъ, можно назвать первоначальнымъ толчкомъ въ движеніи малорусскаго вокализма отъ *о*, *е* къ *і*. По всей вѣроятности, на первой стадіи дѣйствовала позиція, главнымъ образомъ, въ сферѣ двухсложныхъ словъ, которыя, съ паденіемъ глухихъ, превратились въ односложныя; на той же самой стадіи развивалось *і* изъ *о* и *е* въ конечныхъ слогахъ трехсложныхъ и односложныхъ словъ непосредственно и прямо подъ вліяніемъ потери глухихъ звуковъ; затѣмъ, по требованію аналогіи, *і* начало вторгаться въ средину трехсложныхъ словъ, замѣняя собою *о* и *е* сперва въ среднихъ слогахъ, а потомъ неорганически и въ слогахъ прямыхъ. Поэтому, говоря о позиціи, не нужно опускать изъ виду ни аналогіи, ни усиленія гласныхъ—условій, чрезвычайно важныхъ въ образованіи *і* изъ *о*, *е*.

Извѣстно, что не во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія основные *о* и *е* замѣняются одинаково. Въ большинствѣ изъ нихъ (въ украинскомъ и галицкомъ), дѣйствительно, господствуетъ *і*, изрѣдка среднее *и* вм. *о*, *е*. Что касается до сѣвернаго малорусскаго говора, то здѣсь *о* и *е* замѣняются самымъ различнымъ способомъ. Такъ, въ подляскихъ разнорѣчіяхъ *о*=*уо̄́* съ растяженіемъ *о*: *куо́нь* (Коноплы), *ӯ́о* съ растяженіемъ *у* (Хотычи, Воинъ), *ӯ́э*: *ку́энь* (Яблонь), *ӯ́и*: *ку́инь* (Клеповица), *ӯ́і*: *ку́інь* (Пещацъ и Яблочна). Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствуютъ дифтонги: *ӯо*, *уо̄*, *ӯэ*, звукъ *е* превращается въ *юо*, которое произно-

сится иногда слитно съ предшествующимъ согласнымъ звукомъ: *сьюози*, *синюой* (Хотычи), иногда раздѣльно, какъ послѣ твердыхъ, такъ и послѣ мягкихъ согласныхъ: *завйуол*, *принъйуос* (Хотычи). Напротивъ, тамъ, гдѣ въ ходу дифтонгъ *уи*, *уі*, *е* превращается въ *юі*: *рюідний* (Яблочна), въ *йі*,—*привйіз* (Кленовица). Но какъ тѣмъ, такъ и другимъ разнорѣчіямъ свойственно также превращеніе *е* въ *ю* и *ё*: *принюс*, *сьёзи* и пр. Такъ же точно во всѣхъ разнорѣчіяхъ превращается *о* въ *у*: *кунь*, *муй* и проч. При этомъ замѣтить нужно, что въ растяженномъ состояніи дифтонгъ можетъ и не имѣть на себѣ ударенія, напр: *на сінюомъ* (Хотычи),—и наоборотъ: удареніе иногда падаетъ надъ *у*, *ю*: *не буйся* (Пещацъ), *ранюсенько* (Кленовица).

Таковы намъ извѣстные факты. На основаніи аналогическихъ фактовъ въ заблудовскомъ и въ другихъ разнорѣчіяхъ сѣвернаго малорусскаго говора, Потебня сдѣлалъ чрезвычайно меткое заключеніе о связи сѣверныхъ дифтонговъ съ малорус. *і* изъ *о*, *е*, господствующимъ въ другихъ говорахъ. Онъ поставилъ ихъ въ генетическую зависимость между собою, такъ что малорус. *і* есть дальнѣйшее развитіе *уо*, *юо*, *у*, *ю* и проч. Считаемъ, съ своей стороны, необходимымъ войти въ нѣкоторыя подробности объ этомъ предметѣ.

Замѣчено уже было выше о двоегласномъ происхожденіи *ѳ* и *е*: „*а*, приближаясь къ *і* и *и*, говоритъ Шлейхеръ о санскритс. яз., переходило въ *е* и *о*, въ свою очередь, *і* и *и* ассимилировались съ *а* и такимъ образомъ переходили въ тѣ же гласные *е* и *о*, слѣдовательно, изъ *ее* и *оо* образовались *ē* и *ō* [1])“.

Нужно ли предполагать и для малорусскаго нарѣчія предъ появленіемъ дифтонговъ изъ *о*, *е* долгія *оо*, *ее*?

Одинъ изъ сотрудниковъ югозападной экспедиціи нашелъ въ кролевскомъ разнорѣчіи (Гродненс. губ., южнѣе заблудовскаго) долгое *о*; *коонь воол* [2]). Если этотъ звукъ записанъ вѣрно, то въ немъ мы имѣемъ остатокъ глубочайшей древности и вмѣстѣ съ тѣмъ фактическое доказательство того, что долгота предшествовала дифтонгамъ. Впрочемъ, мы должны предполагать ее во всякомъ случаѣ, потому что безъ долготы дифтонгамъ неоткуда было бы явиться. Можетъ быть, первоначально изъ *оо* образовался дифтонгъ *оу*, соотвѣтственно съ

[1]) Compend. Schleich. 18.

[2]) Мы имѣли подъ руками приготовленную для напечатанія въ „Трудахъ югозападной экспедиціи“ статью г. Михальчука подъ заглавіемъ: „Обзоръ нарѣчій и говоровъ югозападнаго края“.

древнеславянским начертаніемъ его, затѣмъ произошла обычная въ этихъ случаяхъ перестановка гласныхъ [1]). Чешс. *ů* изъ *оу* образовалось именно посредствомъ этой перестановки: здѣсь *uo* вм. долгаго *ó* въ срединѣ словъ появилось въ послѣдней четверти XIV в. [2]), но въ устахъ народа существовало, конечно, несравненно раньше. Въ словацкомъ нарѣчіи слова: *nôž*, *stôl* большею частію выговариваются: *nuož*, *stuol* [3]). Не менѣе важно то обстоятельство, что рядомъ съ долготой *о*, долготы *е* не оказалось. Судя по аналогіи съ переходомъ *е* въ *і* чрезъ *ĕ*, можно полагать, что въ самомъ началѣ долгота *е*, подъ вліяніемъ ударенія, превратилась въ долготу *joo*.

Мы уже имѣли случай въ анализѣ буквы *ѣ* замѣтить, что долгота смѣнилась удареніемъ, значеніе котораго тѣмъ рѣзче выступало, чѣмъ менѣе было слоговъ въ словѣ. Въ словахъ односложныхъ сила ударенія, неизбѣжно надавшаго на единственный гласный звукъ въ словѣ, должна была обнаружиться еще въ глубокой древности,—и вотъ въ нихъ-то, по нашему мнѣнію, должно было раньше всего начаться превращеніе основныхъ гласныхъ *о* и *е*. Такимъ образомъ, дифтонги изъ *о, е* вызваны были удареніемъ, которое, по мѣрѣ паденія гласнаго окончанія словъ, пріобрѣтало въ срединѣ словъ большую энергію и выразительность, постепенно развиваясь на счетъ долготы. Паденіе глухихъ звуковъ началось еще въ эпоху долготы основныхъ *о* и *е* или, лучше сказать, долгота ихъ вызвана была паденіемъ глухихъ, но затѣмъ, по мѣрѣ развитія этого послѣдняго явленія, самая долгота должна была уступить свое мѣсто ударенію, которое превратило долгіе гласные въ дифтонги, и притомъ такъ, что въ однихъ говорахъ оттѣнилась первая часть дифтонга *(ȳo)*, въ другихъ—послѣдняя *(yō)*. Можно полагать, что сначала растяженіе той или другой составной части дифтонга совпадало съ удареніемъ, но потомъ удареніе сдѣлалось свободнѣе, независимѣе. Становясь подвижнымъ орудіемъ эвфоніи, оно забывало старинныя количественныя отношенія звуковъ: тогда, на смѣну количественнаго растяженія звуковъ, а иногда, какъ въ подлясскихъ разнорѣчіяхъ, и рядомъ съ нимъ, выступило на сцену качественное наклоненіе въ ту или другую сторону. Весьма можетъ быть, что и здѣсь такъ же, какъ въ дифтонгѣ *īε*, *iε̄*, разныя нарѣчія, въ

---

[1]) Hattal. Srovnav. mluvn. 118.

[2]) Wybor z Liter. čes. 21.

[3]) Hat. Srovn. mluvn. 118.

дальнѣйшемъ своемъ развитіи, точкой отправленія приняли тотъ или другой элементъ въ дифтонгѣ: $\bar{у}о$, $у\bar{о}$. Тѣ нарѣчія, въ которыхъ долгота рѣзче слышалась надъ *о*, скоро остановились надъ *о* ударяемымъ: удареніе скоро смѣнило въ нихъ долготу, и затѣмъ возстановилось то самое не удлиненное и не растяженное *о*, которое слышалось напр. въ славянскомъ словѣ: *волъ*, когда еще существовалъ глухой конечный *ъ*. Слѣдовательно, эти нарѣчія прошли путь короче: отъ *оо* къ $у\bar{о}$ и затѣмъ къ ударяемому краткому *о*. Другимъ путемъ пошли нарѣчія, въ которыхъ растяженіе приходилось надъ $\bar{у}о$: здѣсь, рядомъ съ $\bar{у}о$, явилось *у*, посредствомъ котораго *о* перешло въ *і*. Звукъ *у* близокъ къ *ы*, а это послѣднее есть перезвукъ (umlaut) губнаго *у* въ небномъ элементѣ, отсюда двоегласный характеръ звука *ы*, который нѣкогда такъ звучалъ, какъ нѣмец. *ü* въ словѣ напр: *Bü-ffel*, гдѣ *ü* образовалось изъ *u* посредствомъ umlaut'а. Поэтому въ чешскомъ нарѣчіи *у* (*ы*) произносится, какъ *ej*, въ чемъ нельзя не видѣть стремленія возвратиться къ первоначальнымъ элементамъ, изъ которыхъ составилось *ы*, т. е. къ *оі* или *uі*. Перезвукъ *у* въ *ы*, конечно, происходилъ и въ малорусскомъ нарѣчіи, что видно изъ подляской замѣны *у* двегласнымъ *уі*, *юі*. Между тѣмъ, *ы* въ чистомъ видѣ постепенно утрачивалось и въ малорусскомъ нарѣчіи, приближаясь къ небному *і*, наконецъ, этотъ последній элементъ восторжествовалъ надъ первоначальнымъ *у*, и, въ силу ассимиляціи, изъ *у* образовалось типическое малорусское *і* на мѣсто первоначальнаго *о*. Въ тѣхъ сѣверныхъ разнорѣчіяхъ, въ которыхъ осталось широкое *ы* (напр. въ Кленовицѣ), самый дифтонгъ *уі* произносится шире, иногда даже съ широкимъ *ы* (*куинь, куынь*). Этимъ объясняется среднее *и*, а также *ы*, какъ звуки переходные къ малорусскому *і* (*кинь, вилъ* или *кынь, выл*): формы эти встрѣчаются на всемъ пространствѣ сѣвернаго малорусскаго говора, въ разныхъ мѣстностяхъ Черниг., Волынс., Минс., Гродненс. губ.

Такимъ образомъ, на всемъ пути отъ *о*, *е* къ *і* въ движеніи малорусскаго вокализма нужно допустить три стадіи. Древнѣйшая изъ нихъ та, на которой, въ самомъ началѣ паденія глухихъ, простые основные *о*, *е* превратились въ *оо, ее*. Послѣдняя звуковая форма въ этотъ же періодъ, подъ вліяніемъ ударенія, превратилась въ *јоо*. На второй стадіи въ активной роли выступило удареніе, которое превратило долгіе: *оо*, *јоо*, въ $\bar{у}о$, $у\bar{о}$, $\bar{ю}о$, $ю\bar{о}$. Рядомъ съ этими дифтонгами въ то же время явились стянутыя формы ихъ: *у, ю*. Своимъ поряд-

комъ отъ древняго періода осталось *jo* въ формѣ уже стянутой, слѣдовательно, не то *joo*, изъ котораго образовался дифтонгъ *юо*. Вмѣстѣ съ тѣмъ ударевіе начало терять свою силу. На этой ступени стоятъ многія разнорѣчія современнаго намъ сѣвернаго малорусскаго говора. Слѣды аналогическаго процесса замѣтны и въ нарѣчіи польскомъ. Тамъ переходъ *е* послѣ мягкихъ согласныхъ въ *о* вызванъ былъ, по замѣчанію Бодуэна-де-Куртенэ, „потребностію новаго динамическаго оттѣненія (преимущественно въ слѣдствіе замѣнительнаго растяженія)" [1]). Не чуждъ онъ былъ, конечно, и великорусскому нарѣчію, хотя здѣсь (въ южно-великор.), какъ и въ польскомъ, переходъ *е* въ *йо*, *о*, съ теченіемъ времени, сталъ въ зависимость не отъ ударенія, а отъ твердости слѣдующихъ согласныхъ звуковъ [2]). Тѣ же сѣверныя малорусскія разнорѣчія представляютъ начальный моментъ отъ двоегласныхъ и ихъ стянутыхъ формъ къ украинскому и галицкому *і* вм. *о*, *е*. Это именно дифтонги: *уи*, *уі*, *юі*. Такъ началась третья стадія, которая закончилась господствомъ звука *і*.

Подляскія разнорѣчія представляютъ интересныя данныя для сближенія дифтонговъ: *ī̆є*, *іє̄*, съ *ӯо*, *уō*. Между ними соблюдается строгое соотвѣтствіе: если въ дифтонгѣ *іє* удлинняется первый элементъ, то и въ *уо* удлинняется тоже первый,—и наоборотъ: удлинненіе въ *іє* звука *є* соотвѣтствуетъ удлинненію въ *уо* звука *о*. Въ однихъ разнорѣчіяхъ слышно *īє*, *ӯо*, въ другихъ—*іє̄*, *уō*. Другая черта соотвѣтствія заключается между разнорѣчіями того типа, въ которомъ господствуютъ дифтонги: *ӯи*, *ӯі*: имъ соотвѣтствуетъ въ этихъ разнорѣчіяхъ большею частію чистое *і* вм. *ѣ*, то сливающееся съ предшествующимъ согласнымъ звукомъ, то нѣтъ. Очевидно, разнорѣчія этого послѣдняго типа представляютъ въ своемъ звуковомъ строѣ элементы болѣе близкіе къ малорусскому *і*, чѣмъ разнорѣчія перваго типа. Но и между разнорѣчіями перваго типа то, въ которомъ удлинняется первый элементъ дифтонговъ, ближе къ разнорѣчіямъ съ *ӯи*, *ӯі*, чѣмъ то, въ которомъ удлинняется второй элементъ дифтонговъ, т. е. *іє̄*, *уō*, поэтому въ разнорѣчіяхъ съ *īє*, *ӯо* мы видимъ болѣе малорусскихъ элементовъ, чѣмъ въ разнорѣчіяхъ съ *іє̄*, *уō*. Мы уже замѣтили выше, что эти послѣднія, въ силу преобладанія послѣдняго звука въ дифтонгѣ *іє*, должны были

---

[1]) Бод. де-Курт. О древнеполъс. яз. 77.

[2]) Потеб. О звук. особ. 65—66.

дать предпочтеніе этому звуку, а начальное *і* превратилось въ іоту, откуда получилась замѣна *ѣ* звукомъ *є* и затѣмъ смѣшеніе этого *є* съ основнымъ *е*, т. е. послѣднее должно было сдѣлаться *є*. Аналогическимъ образомъ и дифтонгъ *ӯо*, господствующій въ этихъ разнорѣчіяхъ, могъ породить болѣе быстрое движеніе къ возстановленію первоначальнаго *о*, минуя движеніе отъ *у* чрезъ *ы* къ *і*. Въ этихъ процессахъ мы не видимъ ничего малорусскаго: въ нихъ дѣйствуютъ первозвуки, болѣе подходящіе для объясненія вокализма бѣлорусскаго и великорусскаго, а не малорусскаго. Зато разнорѣчія съ дифтонгами *ӯо*, *ӣє* являются истинными прародителями малорусскаго вокализма. Образовавъ изъ *ӣє* свое типическое *і*, малорусское нарѣчіе превратило и краткое первоначальное *е* вм. *ѣ* въ *і*, точно такъ же, какъ нарѣчіе великорусское изъ этого *е* сдѣлало *є*. Но тогда какъ въ этомъ послѣднемъ, вмѣстѣ съ краткимъ *е*, іотировалось и основное *е*, въ малорусскомъ основное *е* сохранилось. Извѣстно, что въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія, за исключеніемъ нѣсколькихъ формъ имени прилагательнаго мягкаго склоненія (напр. *синєє*), совсѣмъ нѣтъ мягкаго іотированнаго *є*: онъ избѣгаетъ этого *є*, превращая его въ *я* тамъ, гдѣ этимологически должно было бы стоять *є*: *зілля*, *насіння* вм. *зіллє*, *насіннє*. Въ этомъ отношеніи діаметральную противоположность съ малорусскимъ представляетъ великорусское нарѣчіе, которое *я* неударяемое переводитъ въ выговорѣ въ *є*: пишутъ: *яйцо*, *вязать*, въ выговорѣ слышно: *єйцо*, *вєзать*, послѣ шипящихъ вм. *а* слышно *е*: *жерд*, *шелунъ*, *чесы* (южно-великорусскій говоръ). Совершенное сходство въ этомъ отношеніи съ великорусскимъ нарѣчіемъ представляетъ галицкій говоръ, гдѣ ассимиляція *я* въ *є* развита даже шире, чѣмъ въ великорусскомъ. Въ подгорскомъ разнорѣчіи галицкаго говора *я* переходитъ въ *є* подъ удареніемъ и безъ ударенія: *мнєсо*, *тєжко*, *гонє*, *ходє* вм. *гонять*, *ходять*. Только тамъ, гдѣ звукомъ *я* начинается слово или слогъ, а также иногда послѣ *л* удерживается *я*: *лях*, *гуляти*, *білява*, *я*, *який*, *пояс*, *стоя* вм. *стоять*. Аналогическія явленія мы указывали въ подляскихъ разнорѣчіяхъ, но вообще сѣверный малорусскій говоръ не представляетъ такого отвращенія къ звуку *є*, какъ украинскій: всюду въ сѣверномъ говорѣ вм. *зілля*, *насіння* говорятъ: *зіллє*, *насіннє*, или *зільє*, *насіньє* съ различными видоизмѣненіями кореннаго *і*. Основываясь на широкомъ распространеніи звука *є* въ русскихъ нарѣчіяхъ, мы должны допустить, что онъ нѣкогда жилъ и въ украинскомъ говорѣ, и что основное *е* переходило въ *і* не только

чрезъ *йо*, по аналогіи съ *о*, но и прямо чрезъ *є* (*йе*). Но въ то самое время, какъ *і* изъ *о* и *е* утверждалось посредствомъ *є* и *ё* въ среднихъ слогахъ, не исчезало и общеславянское неіотированное *е* не только въ прямыхъ слогахъ, но даже въ среднихъ. Въ виду грозившаго однообразія въ цѣломъ составѣ вокализма, постепенно наклонявшагося къ господствующему *і*, чувство языка удерживало старинное основное *е* тамъ, гдѣ оно стояло прежде. Это черта глубоко древняя въ украинскомъ говорѣ: она возникла еще въ эпоху существованія въ немъ дифтонговъ изъ *о, е* и не только никогда не исчезала, но даже, вмѣстѣ съ развитіемъ звука *і* изъ *о, е*, сама развивалась. Такъ, мы видимъ въ украинскомъ говорѣ широкое *е* въ такихъ формахъ, въ которыхъ древнеславянское нарѣчіе допускало іотацію или же ь: *учителем, огнем* (древнесл. *оучителѥмь, огньмь*). Этимъ путемъ, съ теченіемъ времени, возникло въ области звука *е* смѣшеніе твердыхъ слоговъ съ мягкими: тамъ, гдѣ было мягкое *е* (*є*), явилось *е* твердое, какъ въ приведенныхъ сейчасъ примѣрахъ; наоборотъ, гдѣ было *е* твердое, явилось мягкое *і*: древнеслав. формы: *веселиѥ, зелиѥ, постеля* звучатъ въ малорусскомъ (украинс.): *весілля, зілля, постіль*. Съ чрезвычайною выразительностію проведена эта черта въ украинскомъ говорѣ малорус. нарѣчія: онъ остался или при *і* изъ *е*, или же при широкомъ *е*; отъ средней, посредствующей ступени въ *є* почти не осталось въ немъ никакихъ слѣдовъ. Считаемъ нужнымъ замѣтить при этомъ, что отсутствіемъ іоты въ *е* малорусское нарѣчіе больше всего сходно съ южнославянскими: (болгарскимъ, сербскимъ и словинскимъ). Въ чешскомъ нарѣчіи *е* тоже произносится широко, безъ іоты, за исключеніемъ того *е*, которое соотвѣтствуетъ древнеслав. *ѣ* и во многихъ случаяхъ ѧ: *pět*, *pamět*, *devět* и проч. Только въ польскомъ и великорусскомъ нарѣчіи каждое *е* смягчаетъ предшествующій согласный звукъ, что составляетъ общее свойство этихъ нарѣчій, рѣзко отличающее ихъ отъ остальныхъ.

Другая посредствующая ступень отъ *е* къ *і* въ *ё* (послѣ шипящихъ *о*) сохранилась и въ украинскомъ говорѣ крѣпче: есть даже формы съ *ё* такія, которымъ нѣтъ соотвѣтствія въ великорусскомъ нарѣчіи, гдѣ *ё* развито широко: *ёму, синёму, жона, чому, чоловік*, въ великорусскомъ: *єму, синєму, жена, чему, человѣкъ*. Такихъ формъ сравнительно немного. Зато въ громадномъ количествѣ преобладаютъ въ украинскомъ говорѣ формы съ широкимъ *е* вм. великорусскаго *ё*, и, что въ особенности замѣчательно, это украинское *е* выдерживаетъ на себѣ удареніе, не пре-

вращаясь въ ё: *овёс, зёрна Семён, Хвёдір, ножём, душёю,* а не *овёс, зёрна, Семён, Фёдор, ножом, душою,—зелёний, тёмний, далёкий, дёшево, всё, лёжачи,* а не *зелёный тёмный, далёкій, дёшево, всё, лёжа,* какъ въ великорусскомъ. И здѣсь украинскія формы архаичнѣе великорусскихъ: онѣ соотвѣтствуютъ древнеславянскимъ формамъ съ простымъ неіотированнымъ *е*. Что касается до другихъ говоровъ малорусскаго нарѣчія, то въ нихъ *ё* господствуетъ въ неменѣе сильной степени, какъ и въ великорус. нарѣчіи. Въ галицкомъ говорѣ встрѣчается *ё* тамъ, гдѣ въ украинскомъ его нѣтъ: *конём, огнём полём,* въ украинс: *конем, огнем, полем*. О сѣверномъ малорусскомъ говорѣ и говорить нечего: тамъ *ё* составляетъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ и распространенныхъ звуковъ.—Такимъ образомъ, хотя *ё* въ украинскомъ говорѣ есть звукъ болѣе терпимый, чѣмъ *є*, но и этотъ звукъ не получилъ въ немъ широкаго развитія на счетъ основнаго *е*. Это послѣднее принесено въ жертву только звуку *і*, но именно въ томъ говорѣ, гдѣ *і* достигло преобладанія, оказалась надобность, независимо отъ всякаго посредничества въ *є*, *ё*, сохранить, на сколько возможно было, основное *е*, даже поставить его тамъ, гдѣ этимологически оно было неумѣстно: это нѣсколько ограничивало потокъ небнаго элемента, который разливался во всемъ составѣ вокализма по мѣрѣ развитія *і* вм. *о* и *е* въ среднихъ и даже, какъ мы видѣли, въ прямыхъ слогахъ. Украинское, широкое *е*, явившись на почвѣ общеславянской, постоянно поддерживалось и развивалось въ теченіе всей исторической жизни малорусскаго нарѣчія. Вообще, въ видоизмѣненіи звука *е* украинскій говоръ представляетъ смѣсь глубокихъ архаизмовъ съ наслоеніями позднѣйшей эпохи. Съ одной стороны, въ немъ сохранилось первоначальное, неіотированное *е*, уступившее свое мѣсто въ великорусскомъ нарѣчіи мягкому *є*; съ другой стороны, въ немъ задержалась переходная ступень отъ *е* къ *і* во многихъ случаяхъ, гдѣ, по аналогіи съ *о*, звукъ *ё* не превратился въ *і*; не развилась только другая переходная ступень звука *є*; наконецъ, надъ всѣми превращеніями *е* возобладало типическое малорусское *і*. Это уже звукъ позднѣйшей формаціи, окончательно установившійся послѣ потери тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ онъ образовался. Но и эти послѣдніе донынѣ живутъ въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ, составляя такимъ образомъ, вмѣстѣ съ своими видоизмѣненіями, одно неразрывное цѣлое, въ которомъ отдѣльныя части явились не сразу, а постепенно, путемъ генетическаго развитія.

Можно ли опредѣлить, хотя приблизительно, эпоху, когда начались превращенія въ основныхъ звукахъ *о* и *е*?

Начало ея, нѣтъ сомнѣнія, совпадаетъ съ паденіемъ глухихъ гласныхъ въ концѣ словъ. Потеря *ъ* и *ь* немедленно должна была отозваться на измѣненіи срединныхъ *о* и *е*: одно явленіе шло рядомъ съ другимъ, не ожидая, пока другое окончательно разовьется. А такъ какъ глухіе начали исчезать въ доисторическую эпоху, то не только долгота, но и дифтонги на мѣстѣ *о* и *е* появились тогда же. Насъ отдѣляетъ отъ той эпохи громадный промежутокъ времени, и мы не имѣемъ никакой возможности приблизить ее къ себѣ на столько, чтобы можно было различать въ ней звуковыя измѣненія въ разныхъ нарѣчіяхъ, но признать можно безспорнымъ фактомъ, что съ дифтонгами вм. *о* и *е* русскій языкъ началъ свое историческое существованіе. Въ однихъ нарѣчіяхъ они могли быть явленіемъ недавнимъ, въ другихъ находились въ полномъ развитіи, но были, вѣроятно, и такія нарѣчія, въ которыхъ начались позднѣйшія явленія, смѣнившія дифтонги. Въ то первобытное время движеніе вокализма, во всемъ объемѣ діалектическихъ разностей, не могло совершаться стройными рядами. Мы видимъ и теперь, на небольшомъ пространствѣ Сѣдлец. губерніи, нѣсколько діалектическихъ разновидностей, живущихъ рядомъ одна съ другой и вмѣстѣ съ тѣмъ состоящихъ между собою въ неодинаковыхъ отношеніяхъ хронологическаго старшинства. Тѣмъ менѣе однообразія въ звуковомъ строѣ было тогда, когда самый этотъ строй, какъ непосредственное порожденіе натуры, не подлежалъ вліянію культурной мысли, постепенно приводящей многообразіе явленій къ одному знаменателю.

Есть основаніе думать, что, не смотря на генеалогическое различіе между малорусскимъ *і* вм. *ѣ* и другимъ *і* изъ *о* и *е*, они находились между собою, въ теченіе всей своей исторической жизни, въ отношеніяхъ взаимодѣйствія. Потебня указываетъ нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ *і* вм. *ѣ* въ среднемъ слогѣ чередуется съ *е* въ прямомъ: *біль-бели*, *мідь-меди*, *річ-речи*, *хміль-хмелю*, *ціп-цепа*, *ведмідь-ведмедя*[1]). Мы считаемъ эти формы позднѣйшими: въ нихъ *і* вм. *ѣ* пошло по аналогіи съ *і* изъ *е*: такая аналогія вполнѣ понятна при родствѣ звуковъ *і* съ *е*. Подляскія разнорѣчія наводятъ на мысль о болѣе органической связи между двумя видами звука *і*. Въ нихъ, какъ мы ви-

[1]) Потеб. О звук. особ. 110.

дѣли, однообразно выдержано растяженіе первой или второй составной части дифтонговъ *iε* и *yo*, такъ что въ однихъ разнорѣчіяхъ растягивается первый элементъ, въ другихъ—второй. Какой изъ дифтонговъ послужилъ въ этомъ отношеніи образцемъ для другаго, опредѣленно сказать нельзя: вѣрно только то, что оба они шли параллельно въ своемъ развитіи, опираясь одинъ на другой. На новой ступени, съ привнесеніемъ въ оба дифтонга элемента *i*, параллель между ними не прекращается: тамъ, гдѣ утвердились дифтонги *ӯи*, *ӯi*,—нѣтъ уже ни *iε*, ни *iє*, а есть *i*, которое иногда звучитъ отдѣльно отъ предшествующаго согласнаго, какъ твердаго (*ъi*), такъ и мягкаго (*ьi*). Здѣсь уже мы видимъ не только соотвѣтствіе, но и нѣкоторую разницу въ ходѣ развитія обоихъ дифтонговъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой изъ нихъ прежде могъ достигнуть той границы, къ которой оба они стремились, т. е. къ звуку *i*? Очевидно, дифтонгъ *iε* заключалъ въ себѣ больше условій быстраго превращенія въ *i*, чѣмъ дифтонгъ *yo*: въ *iε* звукъ *i* существовалъ первоначально въ видѣ основнаго элемента, тогда какъ въ *yo* онъ могъ явиться только чрезъ *y* въ силу регрессивной ассимиляціи. Если же путь къ *i* былъ короче для дифтонга *iε*, чѣмъ для дифтонга *yo*, то полагать надобно, что чистое *i* появилось изъ дифтонга *iε* раньше, чѣмъ изъ дифтонга *yo*, слѣдовательно, самое образованіе *i* изъ этого послѣдняго находилось съ древнѣйшаго времени подъ вліяніемъ *i*, ранѣе и болѣе окрѣпшаго на мѣстѣ дифтонга *iε*. Вотъ чѣмъ объясняется, какъ соотвѣтствіе въ разнорѣчіяхъ съ *yi* между этимъ дифтонгомъ и *i* вм. *ѣ*,—такъ равно и то обстоятельство, что въ этихъ разнорѣчіяхъ преобладаетъ *i* вм. *ѣ* въ то самое время, когда *i* изъ *o*, *e* не вышло еще изъ области двоегласія.

Итакъ, мы считаемъ дифтонгъ *iε* древнѣе дифтонга *yo*. Послѣдній явился среди обстановки болѣе доступной опредѣленію, именно, подъ вліяніемъ паденія глухихъ звуковъ, которое можно захватить и первые моменты исторической эпохи, тогда какъ первый едва видиѣется изъ доисторическаго сумрака, безъ видимой связи съ какимъ нибудь явленіемъ несомнѣнно историческимъ. Въ немъ должны были начаться раньше превращенія, подъ вліяніемъ которыхъ произошелъ тотъ поворотъ къ развитію небнаго элемента въ системѣ гласныхъ звуковъ, который выразился въ великорусскомъ нарѣчіи посредствомъ господства звука *ε*, въ малорусскомъ—звука *i*.

Есть слѣды перехода *o* и *y* въ *i* изъ болѣе древней эпохи: ***кричати***,

санскр. *kroçati*, *cukrosha*, *Римъ*=*Roma*, *жидъ*=*Ἰουδαῖος* [1]),—но этотъ переходъ не развился на славянской почвѣ, когда глухіе гласные стояли еще твердо. Что касается звука *е*, то въ древнѣйшихъ памятникахъ онъ иногда переходитъ въ *і* подъ вліяніемъ прогрессивной ассимиляціи, только—не въ среднихъ слогахъ. Такъ, въ Изборн. 1076: *разумѣимъ, послушаимъ* [2]), въ Мѣсячной минеѣ (XII): *празднуимъ, ликуимы* [3]), въ Сборн. поуч. XII в: *угрожаимъ, лишаимъся, нарицаимъсѧ, приспѣимъ, зноимъ* вм. *знοемъ* [4]), въ Поуч. Ефр. Сирина: *сущи, радуитъся* [5]). Подобныхъ фактовъ можно было бы привести множество, но всѣ они доказываютъ только взаимную близость звуковъ *е* и *і* и нисколько не связаны съ паденіемъ глухихъ гласныхъ. Есть даже случай перехода *е* въ *і* въ среднемъ слогѣ: *о прочимъ* [6]), но изъ единичнаго случая, который намъ встрѣтился, мы не рѣшаемся дѣлать никакого заключенія. Затѣмъ, такія формы, какъ *плиноувше* [7]), вм. *плѣнувъше* (древнеслав. *плъвати*) въ Галиц. еванг. (XII в.), *двоичи* [8]) (*двоица, двоити*) въ Монастырс. уставѣ (XII в.), *высікость* [9]) вм. *высокость* въ Синодальномъ спискѣ псалтири (XIII в.) положительно не состоятъ ни въ какой связи съ *і* изъ *о* и *е*. Только во второй половинѣ XIV в. являются ближайшіе предшественники *і* изъ *о* и *е*, т. е. звуки *у*, *ю*. Съ этого времени, въ югозападной письменности, въ теченіе XV, XVI и даже XVII в. не прекращается употребленіе *у* и *ю* вм. *о* и *е*.

Укажемъ факты

XIV в. въ грамотахъ: *Шульжичювъ, добровульно, столпувскій, прузвищемъ, Васіліовъ* (Купч. грам. 1366), [10]), *королювства* (грам. Казиміра 1361) [11]), *Стрыювъ роіъ* (грам. Витовта 1383) [12]), *чтюнъ, на сво-*

---

1) Дювер. Сист. Элем. и фор. слав. нар. 74.

2) Из. А. X, V 427.

3) Ibid. 521—522.

4) Ibid. 542—43—46—47.

5) Срез. Свѣд. 50.

6) Уст. Студ. XII в. Горс. кн. 5, 257.

7) Бусл. Ист. Христ. 48.

8) Из. Ак. X, V, 514.

9) Бусл. Ист. Христ. 83.

10) Голов. Пам. стр. 6, 7, 10.

11) А. Ю. и З. Р. т. 1, 21.

12) Голов. Пам. 10.

юмъ селъ, на своюй вотчинѣ (грам. Бенка 1398) [1]. Изрѣдка въ этомъ вѣкѣ встрѣчается уже *і* вмѣсто или же рядомъ съ *у* и *ю*: *по Божьюмъ нарожнѣнѣ, оу теребовльский волости, шисть* (гр. Гнѣвоша 1393) [2], *шестою и шистьцѧтою* (Купч. гр. 1366) [3].

XV в: *чтюнъ, по Божымъ* (гр. Мацина 1400) [4], *Коундрата и Кондратъ* (гр. Петраша 1401) [5], *Олькиръдовичь* (гр. Свидриг. 1403) [6], *щадкумъ, зобопулъ* (гр. Владислава 1408) [7], *потрибно* (Заемная гр. 1421) [8], *по нюмъ* (гр. Перемыш. Епис. 1422) [9], *дрыва* (грам. Ленка 1424) [10], *покилъ* (грам. князя Кобринс. 1479) [11], *отсюль, оттуль* и *оттолъ* (грам. княгини Слуц. 1493) [12], *Омирдъ* и *Омердъ, северьскому* и *сиверскому* (Лѣтоп. княз. литовс.) [13].

Въ языкѣ грамотъ XVI в. чаще встрѣчаются *и* и *ы* вм. *у* и *ю*, оторые смѣнили *о* и *е*, но въ Пересопницкомъ евангеліи *у* и *ю* встрѣчаются нерѣдко: *оплюль* вм. *оплелъ, женцюмъ, оуздоровлюнъ, нюсль* вм. *несъ, зъ фарисеоувъ* и *иродиѧнувъ, в поульночи, стуй, юй, твоуй, в крас ноумъ, злодѣювъ, пó сюй, пó туй стóронѣ* [14]. Чрезвычайно рѣдко въ этомъ памятникѣ стоитъ *и* вм. *е*: мы замѣтили это только лишь въ часто употребляемомъ словѣ *ниж ли* (*нежели*). Есть одинъ правильный случай перехода *о* въ *і*: *відповѣдаю* (Лук. зач. 73); въ словѣ: *крівавымъ* [15] вм. *кровавымъ* *і* не изъ основнаго *о*, а изъ *ъ* (древнесл. *кръвавъ*).

---

1) Из. Ак. X, VI, 691.

2) Голов. Пам. 13.

3) Ibid. 6.

4) А. Ю. и З. Р. т. I, 3.

5) Гол. Пам. № 24.

6) Ibid. № 26.

7) Ibid. № 10.

8) Ibid. № 32.

9) Ibid. № 33.

10) Ibid. № 36.

11) А. Ю. и З. Р. т. I, № 228.

12) Ibid. № 232.

13) Уч. Зап. Ак. т. I, 27, 28, 31.

14) Матѳ. зач. 27, 52. Марк 34, 34, 54, 62. Лук. 27, 54, 89, 103, 111. Іоан. 69.

15) Лук. зач. 108.

XVII в: Львовс. лѣтоп: *татарувъ, Жолкувскому, панувъ, козакувъ, на вуспу* и *на воспу; і* и *ы* вм. *е* и *о: гримѣю, потымъ, тылько, скилько* [1]).

Тестаментъ Игумена густынс. монастыря: *у комурцѣ, килко развивъ, въ монастиру троицким, прилуцким* [2]).

Словарь Берынды: *Чузоземцювъ (знати), в'порожнюй хвалѣ, плюскъ* вм. *плескъ, в'нюй,*—но рядомъ съ *у, ю,* нерѣдко *и, ѣ: убирѣ, дзвийю* и *звоню, дрижанье, дрожъ* и *дрыжу, чырвоность, чирвоный, обжырство, чирствый, чырство* [3]).

Въ лѣтописи Самовидца *у* и *ю* вм. *о* и *е* совсѣмъ уже нѣтъ, изрѣдка попадается *и: не тилко, килканадцатъ, въ кривѣ (въ крови), розійшовшися* [4]). Эти слова можно считать случайными обмолвками лѣтописца: онъ даетъ предпочтеніе стариннымъ *о* и *е*, повинуясь тому же побужденію, въ силу котораго всюду пишетъ букву *ѣ* для выраженія народнаго *і*. То же нужно сказать и о другихъ письменныхъ памятникахъ XVII в.

Такимъ образомъ, ни звукамъ *у, ю,* ни позднѣйшему *і,* не суждено было устоять въ южнорусской письменности даже въ такое позднее время, какъ XVII в., когда въ козацкой думѣ, безъ сомнѣнія, господствовалъ звукъ *і*. Для защиты народнаго дѣла въ тотъ вѣкъ искали духовныхъ средствъ не въ народѣ. Никто и не подозрѣвалъ въ народномъ творчествѣ, въ народномъ языкѣ той животворящей силы, которая способна была сдѣлаться могучимъ орудіемъ борьбы. Образованные люди того времени предоставляли народу только вещественную защиту своего дѣла, духовное же оружіе—книжное слово—они брали или у своихъ противниковъ (отсюда полонизмы), или же изъ образцевъ славянской, а въ послѣдствіи великорусской рѣчи. Вотъ почему фонетика народной рѣчи въ южнорусской письменности является въ замаскированномъ видѣ. Но если *у, ю, і,* вм. *о* и *е* встрѣчаются въ ней рѣдко, то *уо, юо* положительно не встрѣчаются ни въ одномъ памятникѣ, ни древнѣйшемъ, когда можно предполагать болѣе широкое распространеніе этихъ дифтонговъ, ни въ позднѣйшемъ, когда опи локализировались въ

---

[1]) Истор. сборн. Погод. 234—36—37—44—50—35—36—41—46.

[2]) Чтенія 1847, № 7. 60—61.

[3]) Берын. 59, 175, 207, 216, 171, 50, 172—183, 202, 203, 204, 207.

[4]) Лѣт. Самовидца 10, 11.

сѣверныхъ малорусскихъ разнорѣчіяхъ, и то не во всѣхъ, когда вслѣдъ за тѣмъ, вмѣсто дифтонговъ, выступили позднѣйшіе ихъ преемники: *у*, *ю*, *і*. Для объясненія этого обстоятельства, нужно принять въ соображеніе, что не такъ легко было выбиться древнерусскому писателю, и въ особенности переписчику, изъ-подъ вліянія древнеславянскихъ образцевъ рѣчи и письма, образцевъ, которые освящены были самымъ высокимъ въ древнерусской жизни интересомъ, интересомъ вѣры и церкви. Дифтонги: *уо*, *юо* казались грамотнымъ людямъ древней Руси провинціализмами, недостойными книжной рѣчи, и ихъ можно было избѣжать въ среднихъ слогахъ тѣмъ легче, что основные *о* и *е* сами собою возстановлялись въ слогахъ прямыхъ. И грамотная южная Русь усердно возстановляла эти звуки въ ущербъ народной фонетикѣ, а неграмотная Русь сохранила, какъ мы видѣли, не только *і* въ среднихъ слогахъ, но и тѣ первозвуки, изъ которыхъ образовалось южнорусское народное *і*.

4. Звукъ ы въ малорусскомъ нарѣчіи.

До сихъ поръ мы разсматривали звукъ *і* отдѣльно отъ другихъ звуковыхъ явленій въ области малорусскаго вокализма, мы слѣдили за нимъ въ сферѣ его собственнаго образованія, оставляя въ сторонѣ звуковые рефлексы, вызванные напоромъ вокализма къ небному элементу, получившему въ звукѣ *і* своего типическаго представителя. Теперь предстоитъ намъ разсмотрѣть самые эти рефлексы.

Считаемъ нужнымъ прежде всего остановиться на основномъ *и*, на которомъ съ особенною силою должно было отразиться широкое развитіе въ малорусскомъ нарѣчіи секундарнаго *і*.

Извѣстно, что въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія основное *и* отвердѣло въ звукъ среднiй между *і* и *ы*, для выраженія котораго употребляютъ обыкновенно букву *и*. Въ другихъ малорусскихъ говорахъ это среднее украинское *и* гораздо рѣже встрѣчается. Въ сѣверномъ говорѣ преобладаетъ чистое *і* и, что особенно замѣчательно, даже послѣ гортанныхъ: *соколік*, *сіні* (синіе), *утонькі* (заблудовс. разнорѣчіе), *такій*, *таків* (кролевс.) [1]), *віноград*, *сіроту*, *чобуткі* [2]) (Кошолы, сѣдлец. губ.). Въ галицкомъ говорѣ основное *и* произносится гораздо тверже, чѣмъ въ украинскомъ, хотя иногда оно слышится послѣ гортанныхъ: *хітрий, кісіль*. Въ карпатскихъ разнорѣчіяхъ оно звучитъ совершенно грубо, какъ въ польскомъ и великорусскомъ на-

---

[1]) Потеб. Зам. о мал. нар. 91—113.

[2]) См. Прилож. о нарѣчіяхъ.

фиїнять: *чорны, білы, золоты* и проч. [1]). На мазурскомъ пограничьи, у лемковъ, въ произношеніи основнаго *и* замѣтна полная неустойчивость: то является оно въ видѣ остраго, неіотированнаго *і*, то въ видѣ великорусско-польскаго гортаннаго *ы*: *оні, былі, рык* [2]). Очевидно здѣсь вліяніе польское и словацкое.

Таковы факты изъ современныхъ малорусскихъ говоровъ относительно основнаго *и*.

Съ перваго взгляда ясно, что и здѣсь преимущество древности остается за сѣвернымъ говоромъ, въ которомъ уцѣлѣло, хотя и не повсемѣстно, основное *и*. Оно должно было остаться именно въ томъ говорѣ, въ которомъ секундарное *и* не получило преобладающаго значенія. Мысль наша можетъ не соотвѣтствовать тѣмъ или другимъ частностямъ въ сѣверныхъ разнорѣчіяхъ, но въ цѣломъ, въ отношеніи ко всей совокупности ихъ, она безусловно примѣнима: тамъ, гдѣ господствуютъ дифтонги, живетъ начальное, нетронутое позднѣйшими превращеніями *и* (*і*),—наоборотъ, гдѣ слышнѣе *і* изъ *о* и *е*, а также *і* вм. *ѣ*, рѣзче слышится и среднее малорусское *и*. Такъ, въ кобринс. разнорѣчіи (Гродненс. губ.), гдѣ ясно уже выступаетъ *і* вм. *ѣ*, *і* изъ *о* и *е*, появляется и среднее *и*, и именно тамъ, гдѣ въ украинскомъ говорѣ его нѣтъ: *коневи, по синови, гости, три кони, двери, тейі пісни* [3]).

Въ несоотвѣтствіи этихъ формъ съ украинскимъ произношеніемъ мы видимъ смѣшанный, переходный характеръ ихъ: среднее *и* въ чувствѣ языка уже получилось, но не заняло еще надлежащаго, опредѣленнаго мѣста. Тотъ же переходный моментъ мы видимъ въ замѣнѣ основнаго *и* не среднимъ *и*, а широкимъ *ы*: явленіе это имѣетъ мѣсто напр. въ тѣхъ сѣдлецкихъ разнорѣчіяхъ, въ которыхъ изъ *о*, *е* распространены дифтонги: *уи*, *уі*, *юі*, а вмѣсто *ѣ* преобладаетъ *і*: *куінь*-*коневы* (дат. пад. Яблочна), *позбыраты, обыцяюся* (Кленовица) и проч.

Но не въ однихъ сѣдлецкихъ разнорѣчіяхъ встрѣчается *ы* вм. основнаго *и*. Къ тому, что сказано было о галицкомъ говорѣ, прибавить можемъ, что въ губ. Волынской и Подольской, вообще на правой сторонѣ Днѣпра, господствуетъ широкое *ы*, какъ въ тѣхъ случаяхъ,

---

[1]) Головац. Розправа 51.

[2]) Галиц. Зоря 1860 г. 423—24.

[3]) Потеб. Замѣт. 133.

когда *ы* занимаетъ свое настоящее мѣсто, такъ и тогда, когда оно стоитъ вм. *и*. Такимъ образомъ, мѣстность, въ которой распространилось среднее малорус. *и*, можно ограничить побережьемъ Днѣпра и преимущественно лѣвой стороной его. Очевидно, звукъ этотъ находится еще въ процессѣ развитія, такъ какъ внутри даже украинскаго говора онъ установился неповсемѣстно. По времени образованія своего онъ относится къ позднѣйшимъ проявленіямъ малорусскаго вокализма— точно такъ же, какъ *ы* вм. *и* составляетъ срединную ступень между *и* основнымъ и *и* среднимъ.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ найти въ письменныхъ памятникахъ нагляднаго подтвержденія своей мысли. Южнорусская письменность сосредоточивалась на правой сторонѣ Днѣпра, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ и донынѣ основное *и* звучитъ широко, какъ *ы*: этимъ объясняется частое употребленіе въ ней буквы *ы* вм. *и*. Въ XVI и XVII в. такое употребленіе можно считать наиболѣе распространеннымъ, но и XV в. немногимъ отсталъ въ этомъ отношеніи отъ позднѣйшаго времени.

Вотъ факты исключительно изъ грамотъ XV в. съ указаніемъ мѣстностей, гдѣ эти грамоты писаны: *дѣты*, *по Божымъ* (Львовъ) [1]) *грывенъ*, *дворыще* (Острогъ) [2]), *оузрытъ* (Луцкъ) [3]), *старынѣ*, *межы*, *будучы*, *вчынилися*, *отложылы*, *нашымъ* (Вильно) [4]), *помочы*, *чынимъ*, *прыязнь*, *нашы*, *забѣжытъ* (Сочава) [5]), *жытомирскомъ*, *вѣчысто*, *примножыты*, *будучые*, *розширываты* (Кіевъ) [6]), *чы* (Марковъ) [7]), *лыстомъ*, *вѣчныи* (Луцкъ [8]). Этотъ рядъ примѣровъ можно бы было дополнить еще очень многими словами, но довольно и тѣхъ, которыя мы выписали, для того чтобы видѣть въ языкѣ грамотъ XV в. затменіе основнаго *и* въ пользу *ы*.

Въ XIV в. *ы* вм. *и* встрѣчается въ грамотахъ рѣже. Можно объяснить это отчасти меньшимъ количествомъ дошедшихъ до насъ изъ этого вѣка грамотъ, но, конечно, имѣетъ значеніе и то обстоя-

---

1) Ак. З. и Ю. Р. т. 1, 3.
2) Ibid. 10.
3) Голов. Грам. № 44, 50.
4) Ibid. № 47, 55.
5) Ibid. № 48, 56—57.
6) А. З. и Ю. Р. № 19, 12.
7) Ibid. № 31, 22.
8) Гр. кн. литов. № 5, 9.

тельство, что разсматриваемое нами явленіе въ эпоху болѣе раннюю не могло имѣть еще достаточной зрѣлости и потому не могло обнаружиться съ такою ясностью, какъ оно обнаружилось позже. Считаемъ нелишнимъ, однако же, указать нѣкоторые факты: *литовьскымъ* и *литовьскимъ* [1]), *старостынъ* [2]), *лоневычъ* [3]), *тые* и *тіе* [4]), *Борысовцомъ* [5]). Вотъ почти все, что мы знаемъ объ этомъ явленіи по грамотамъ XIV в.

Поднимаясь выше, въ XIII в., мы видимъ *ы* вм. *и* еще рѣже. Здѣсь оно встрѣчается уже не на почвѣ исключительно южнорусской письменности, и притомъ въ видѣ спорадически-случайнаго явленія: *слышить* (грам. Рижанъ) [6]), *ы* послѣ шипящихъ вм. *и*, во 2-мъ л. единс. ч. *шы* вм. *ши* (Четвероеванг. изъ Норовс. рукоп.) [7]) *княгины* (Уставъ Влад.) [8]). Въ XII в: *Давыда* вм. *Давида* (Стихирарь софійс.) [9]). Въ XI в: *осырты-ѫ* вм. *осирты-ѫ* (Изборн. 1076) [10]). Найдется, конечно, еще нѣсколько подобныхъ случаевъ въ источникахъ, которые не были намъ доступны, но мы не сомнѣваемся въ томъ, что эти случаи не дадутъ количественнаго основанія признавать *ы* вм. *и* характеристической чертой древнерусскаго языка. Это черта собственно малорусская и притомъ сравнительно поздняя. XIV в. можно считать временемъ, когда она обнаружилась уже на столько, что за нею можно слѣдить, какъ за явленіемъ постояннымъ и характеристическимъ въ малорусскомъ нарѣчіи. О зарожденіи ея раньше этого времени, на почвѣ собственно древнерусскаго языка, можно только догадываться. Такъ, судя по грамотѣ Мстислава, можно думать, что *и* въ XII в. начало отвердѣвать. Въ этой грамотѣ ютированное *и* означается почти всегда точкой вверху: *стоить* [11]) и проч. Но есть напр. форма: *отимаѥть*:

---

1) Голов. Грам. № 1, 4.
2) Ibid. № 2, 6.
3) Ibid. № 3, 7.
4) Ibid. № 5, 9.
5) А. З. Р. 1369 г.
6) Из. Ак. X, VI, 633.
7) Уч. Зап. Ак. т. 2-й.
8) Опис. Соф. библ. Прилож. 5.
9) Из. Ак. X, V, 504.
10) Бусл. Истор. христ. 295.
11) Из. Ак. X., V, 498.

здѣсь *и* не означено точкой, слѣдовательно, оно произносилось безъ смягченія предшествующей согласной, т. е. грубѣе, чѣмъ *ѝі*, что вполнѣ согласно съ этимологіей слова (*отъимаетъ*). Очевидно, *и* въ этомъ случаѣ было знакомъ звука неіотированнаго, наклонявшагося въ своемъ произношеніи къ *ы*.

Вообще, начиная съ XI в., конечный *ъ* предлоговъ въ словахъ предложныхъ очень часто выбрасывается, какъ предъ согласными звуками, такъ и предъ гласными, между прочимъ, и предъ *и*. Иногда въ одномъ и томъ же памятникѣ, почти на одной и той же строкѣ, попадаются формы съ *ъ* и безъ *ъ*, напр: *прѣдъидоущемъ*, *наидемъ* (Служебн. XII в.) [1]). Въ такихъ и подобныхъ формахъ, по нашему мнѣнію, прежде всего произошло смѣшеніе двухъ различныхъ элементовъ *и* и *ъ*,—смѣшеніе, въ которомъ оба звука взаимно повліяли другъ на друга, въ ущербъ первоначальному своему характеру.

Мы подошли такимъ образомъ къ *ы*,—звуку, который въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія потерпѣлъ одинаковую участь съ основнымъ *и*, т. е., какъ это послѣднее, превратился въ среднее *и*. Два нѣкогда самостоятельные звука сплавились въ одинъ звукъ, такъ что теперь не различаются напр. въ украинскомъ говорѣ формы съ основнымъ *и (ходити, милий)* отъ формъ съ основнымъ *ы (дим, мило)*. Относительно другихъ малорусскихъ говоровъ замѣтить нужно, что тамъ, гдѣ удержалось основное *и*, существуетъ и широкое *ы*; по крайней мѣрѣ, сказать это можно о сѣверномъ малорусскомъ говорѣ. Что касается галицкаго говора, то въ немъ, вмѣстѣ съ огрубѣніемъ основнаго *и* въ *ы*, звукъ *ы* произносится совершенно твердо, какъ въ великорусскомъ и польскомъ нарѣчіяхъ. Если въ украинскомъ говорѣ основное *и* и основное *ы* слились въ среднее *и*, то въ галицкомъ говорѣ основное *и* только перешло въ *ы*, и въ то же время это послѣднее не отличается въ произношеніи отъ секундарнаго *ъ*. Особенно это замѣтно послѣ гортанныхъ, когда въ *ы* слышится оттѣнокъ твердаго звука *е*: украинскія формы: *гину*, *кину*, *хижа*, *гріхи*, *облоги*, *крючки* въ Галиціи произносятся какъ бы: *гену*, *кену*, *хежа*, *гріхе*, *облоге*, *крючке* съ едва замѣтнымъ впаденіемъ звука *е* въ среднее *и* (разнорѣчія подгорское и гуцульское). Это своеобразное *е* еще далѣе отклоняетъ *ы* отъ мягкаго элемента, въ немъ заключающагося, сообщая ему характеръ вполнѣ твердаго звука, ана-

---

[1]) Горс. кн. 5, 244.

логическаго съ чешскимъ *e* въ формахъ: *bидете*, *песете* вм. *bидету*, *pесету*.

Итакъ, *ѣ* основное звучитъ смѣшанно, какъ *и*, только въ украинскомъ говорѣ, т. е. именно въ томъ говорѣ, въ которомъ исчезло и основное *и*. Ясно, что украинскій говоръ представляетъ самое крайнее уклоненіе отъ основныхъ звуковъ, говоръ же галицкій, допускающій широкое *ѣ* и потерявшій только основное *и*, стоитъ на срединѣ между позднѣйшими, украинскими превращеніями этихъ звуковъ и древнѣйшимъ состояніемъ ихъ въ непревращенномъ видѣ. Наконецъ, сѣверный малорусскій говоръ ближе всего подходитъ къ древнему строю языка не столько потому, что въ немъ есть широкое *ѣ*, сколько потому, что онъ сохранилъ основное *и*, утраченное въ говорахъ украинскомъ и галицкомъ.

Теперь вопросъ въ томъ, какъ образовалось изъ основнаго *и* и основнаго *ѣ* среднее малорусское *и*? Другими словами: какъ произошло въ украинскомъ говорѣ сліяніе двухъ различныхъ звуковъ въ одинъ?

Отвѣта на этотъ вопросъ искать нужно въ исторіи звука *ѣ*.

Обыкновенно думаютъ, что звукъ *ѣ* до настоящаго времени сохранился только въ нарѣчіяхъ польскомъ и русскомъ. Дѣйствительно, если современное польско-великорусское произношеніе *ѣ* считать древнѣйшимъ, то согласиться надобно, что всѣ другія славянскія нарѣчія утратили этотъ звукъ: большею частію они смѣшали его съ звукомъ *і*, другія же, напр. чешское, дали ему оттѣнокъ двоегласія *(ej)*, что вполнѣ сообразно съ происхожденіемъ и древнѣйшею природою звука *ѣ*. Дѣло, однакоже, еще не рѣшенное, произносилось ли *ѣ* въ древности точно такъ же, какъ оно произносится теперь въ польскомъ и великорусскомъ нарѣчіяхъ, а равно и въ нѣкоторыхъ малорусскихъ разнорѣчіяхъ. Намъ кажется неубѣдительнымъ мнѣніе Колосова, высказанное имъ относительно звука *ѣ*, что онъ произносился и въ древнеславянскомъ нарѣчіи такъ, какъ произносится въ польскомъ и русскомъ. „Если какой либо изъ звуковъ древняго умершаго языка“, говоритъ онъ, „сохраняется до позднѣйшей поры въ одномъ или нѣсколькихъ родственныхъ между собою живыхъ нарѣчіяхъ, то кажется, всего проще и естественнѣе признать, что звукъ этотъ такъ же, какъ и теперь, произносился и въ древности. Такое признаніе становится даже обязательнымъ, если нѣтъ достаточныхъ основаній полагать, что

въ произношеніи даннаго звука произошла перемѣна съ теченіемъ времени“ [1]). Но именно въ этомъ и состоитъ весь вопросъ: сохранился ли разбираемый нами звукъ въ нарѣчіяхъ польскомъ и русскомъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ древнеславянскомъ? Можно ли съ полною увѣренностью сказать, что въ произношеніи его не происходило никакихъ перемѣнъ прежде, чѣмъ онъ началъ звучать извѣстнымъ образомъ въ современныхъ намъ нарѣчіяхъ? Не есть ли широкое, польско-русское *ы* само по себѣ позднѣйшій продуктъ, образовавшійся изъ элементовъ неодинаковыхъ и притомъ въ разное время неодинаково звучавшихъ? Очевидно, чтобы опредѣлить произношеніе *ы* въ древнеславянскомъ нарѣчіи, недостаточно ссылки на современныя нарѣчія. Неизбѣжно въ этомъ случаѣ получается логическій кругъ въ доказательствахъ: существованіе *ы* въ польскомъ и русскомъ нарѣчіяхъ доказывается древнѣйшимъ произношеніемъ его, которое въ сущности неизвѣстно; въ свою очередь древнѣйшее произношеніе *ы* доказывается существованіемъ его въ двухъ современныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, хотя существуетъ оно, быть можетъ, совсѣмъ не въ древнѣйшемъ своемъ видѣ. Такимъ образомъ, искомая величина, т. е. древнѣйшее произношеніе *ы* все таки остается неизвѣстнымъ, потому что оно утверждается на такомъ основаніи, которое само нуждается въ доказательствахъ.

Говоря о звукѣ *ы* въ его древнѣйшемъ видѣ, намъ кажется, не нужно упускать изъ виду элементовъ, изъ которыхъ онъ образовался. Извѣстно, что по своему происхожденію это звукъ двоегласный. Въ древнѣйшемъ его начертаніи явственно выступаютъ двѣ составныя его части: *ъ*+*и*=*ъи*. Рядомъ съ этимъ начертаніемъ, въ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣчаемъ *ы*, затѣмъ это послѣднее начертаніе съ конца XIV в. начинаетъ пропадать: въ XV в. преобладающимъ начертаніемъ *ы* является современная его форма, т. е. *ы*, хотя въ этомъ видѣ оно встрѣчается иногда въ очень древнихъ памятникахъ, напр. въ Изборникѣ 1073 г. Ясно, что звукъ *ы* зависѣлъ, такъ сказать, не самъ отъ себя, а отъ той роли и значенія, которое имѣли въ свое время глухіе звуки, поэтому въ опредѣленіи древнѣйшей природы *ы* нужно имѣть въ виду древнѣйшую судьбу глухихъ гласныхъ *ъ* и *ь*, и въ особенности перваго изъ нихъ.

Изъ начертанія *ы* видно, что этотъ звукъ уже на славянской почвѣ

---

[1]) Филолог. зап., вып. I—II, стр. 27.

существовалъ въ ослабленномъ видѣ: первая составная часть ꙑ есть ъ—звукъ, который составляетъ краткость звуковъ *у* и *а*, подобно тому, какъ ь—краткость звука *і*. Но, являясь ослабленіемъ первоначальнаго *а*, ъ все таки долженъ былъ въ произношеніи имѣть оттѣнокъ губнаго гласнаго звука, именно потому, что это былъ глухой звукъ, въ которомъ чистая и ясная природа звука *а* затмилась, и въ то же время твердый звукъ, который не могъ отклониться къ небному ряду гласныхъ, т. е. *е*, *і*. Такимъ образомъ, въ ꙑ искони существовалъ губной элементъ, который составляетъ основу звука ꙑ, ставящую этотъ звукъ въ родственную связь съ звукомъ *у*. Поэтому, въ древнеславянскомъ нарѣчіи звукъ ꙑ равенъ звуку *у*,—но какому: долгому или краткому?

Еще въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія Гриммъ высказалъ мысль объ отсутствіи въ древнеславянскомъ нарѣчіи долгаго *у* [1]). Съ тѣхъ поръ это мнѣніе настойчиво поддерживается въ наукѣ большинствомъ ученыхъ. Такъ, Миклошичъ утверждаетъ, что въ древнеславянскомъ нарѣчіи было одно только долгое *у*, что тамъ, гдѣ въ другихъ языкахъ стоитъ краткое *у*, въ славянскомъ видимъ ꙑ или ъ [2]). Совсѣмъ иначе думаетъ объ этомъ Гаттала. Въ разборѣ грамматики Буслаева, ссылаясь на Бетлинга (Beiträge 52—56), онъ утверждаетъ, что въ древнеславянскомъ нарѣчіи ь равнялось половинѣ краткаго *і*, а ъ половинѣ русскаго ꙑ; вмѣстѣ съ тѣмъ существовало и краткое *у*, потому что, еслибы его не было, то ъ не могъ бы быть выразителемъ несуществующей краткости; съ другой стороны, приравнивать ъ и ꙑ краткому *у* другихъ языковъ—значитъ противорѣчить тому математическому положенію, по которому: quae sunt aequalia uni tertio, sunt aequalia inter se. Если бы ъ не отличался отъ ꙑ, то не было бы ни въ кириллицѣ, ни въ глаголицѣ двухъ начертаній [3]).

Мы не считаемъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ Гатталы, тѣмъ болѣе, что въ его собственныхъ словахъ находимъ твердыя точки опоры для признанія установившагося мнѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ между звуками ъ, ꙑ и *у (оу)*. Имѣя въ виду, что ъ въ древнеславянскомъ нарѣчіи означалъ половину ꙑ, легко понять, что ꙑ есть долгота по отношенію къ этому ъ. Слѣдовательно, ъ+ъ, т. е. двѣ краткости да-

---

1) Serbische Gram. 1824. Vorrede 34.

2) Miklos. Lautleh. 103—104.

3) Časop. 1862, 143.

ютъ полный звукъ *ы*, равный основному *у*. Что касается долгаго *у*, то его никоимъ образомъ нельзя смѣшивать съ основнымъ *у*, выразителемъ котораго было въ славянскомъ нарѣчіи *ы*. По мнѣнію Шлейхера, *у* въ закрытыхъ корняхъ есть подъемъ основнаго *ы*, которое равно основному *у* (*плы-ти—plu, бы-ти—bhu*), тогда какъ *ъ* есть ослабленіе первоначальнаго (основнаго) *у* или *ы* [1]). Но оба начертанія, какъ *ъ*, такъ и *ы*, означаютъ не одинъ и тотъ же звукъ, поэтому они равно необходимы были въ славянской азбукѣ, такъ какъ они должны были выражать дѣйствительную, хотя и замаскированную краткость *у*, и притомъ краткость неодинаковой степени.

Итакъ, въ древнеславянскомъ нарѣчіи *ы* есть долгота въ отношеніи къ звуку *ъ* и краткость въ отношеніи къ *оу*. Относительной долготой звука *ы* объясняется его двоегласное начертаніе, которому, безъ всякаго сомнѣнія, соотвѣтствовало нѣкогда двоегласное произношеніе. По всей вѣроятности, это послѣднее и побудило изобрѣтателей славянской азбуки придумать для *ы* сложное начертаніе. Поэтому нельзя считать маловажнымъ то обстоятельство, что въ Фрейзингенской рукописи *ы* выражено посредствомъ *ui*. Нельзя объяснить это начертаніе однимъ только несовершенствомъ славянской азбуки, тѣмъ болѣе, что аналогическое начертаніе встрѣчается въ Изборникѣ 1073 (*помоіслитьсѧ*) [2]): на это *оі* вм. *ы*, и рядомъ съ нимъ, мы смотримъ, какъ на позднѣйшую обмолвку, въ которой обнаружилось древнѣйшее произношеніе *ы*. Мы вовсе не думаемъ приписывать это произношеніе XI вѣку; мы желаемъ только поставить на видъ, что прежде чѣмъ въ русскомъ нарѣчіи *ы* начало звучать, какъ одинъ цѣльный звукъ, оно звучало двоегласно, по крайней мѣрѣ, въ нарѣчіи славянскомъ. Что касается до русскихъ нарѣчій, то слѣдовъ двоегласнаго произношенія *ы* ни въ древнѣйшихъ памятникахъ, ни въ областныхъ говорахъ мы не находимъ; думаемъ, однако же, что въ разныя эпохи и въ разныхъ говорахъ *ы* звучало неодинаково, и что современному великорусскому широкому *ы* предшествовали аналогическіе, но не тождественные звуки. Оставляя въ сторонѣ первоначальное двоегласное произношеніе *ы*, мы должны признать, согласно съ мнѣніемъ Шлейхера, Гатталы и Каткова [3]), исход-

---

[1]) Compend. Schleich. 125.

[2]) Срезн. Древ. пам. юс. пис. 180.

[3]) Compend. Schleich. § 76, Zvukosl. jaz. staro i novoč. 34. Объ элемен. и фор. 31—32.

ной точкой въ дальнѣйшемъ діалектическомъ развитіи звука ꙑ—переходъ звукъ ъ (краткаго *у*) въ небномъ элементѣ, близко подходящій въ нѣмецкому *ü*. Въ этомъ *ü* небный элементъ звучалъ смѣшанно съ губнымъ и оттого не могъ выступить, какъ въ основномъ *и*, съ своимъ смягчающимъ вліяніемъ на предшествующіе согласные гортанные звуки. Затѣмъ, дальнѣйшая исторія ꙑ заключается въ постоянныхъ діалектическихъ колебаніяхъ между элементами губнымъ и небнымъ. Судя по древнѣйшему начертанію ꙑ *(ъи)*, можно думать, что губной элементъ никогда не пользовался преобладающимъ значеніемъ въ этомъ звукѣ: ъ есть звукъ самъ по себѣ слабый, и потому роль его ограничивалась тѣмъ, что онъ давалъ гласному *и* болѣе твердое произношеніе, предохраняя его отъ смѣшенія съ іотированнымъ і. Съ теченіемъ времени потеря глухихъ звуковъ должна была существеннымъ образомъ отразиться и на ꙑ: оно должно было еще ближе наклониться къ основному *и*, сохраняя, однако же, прадавнюю твердость. Майковъ предполагаетъ, что за твердый небный звукъ Кириллъ принималъ одно ꙑ, а за мягкій небный звукъ *и*, которому далъ видъ греческой буквы Н (*η*): доказательство, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что собственно для мягкаго звука *и* онъ не придумалъ другаго начертанія, подобнаго другимъ мягкимъ [1]). Если для эпохи Кирилла, когда глухіе гласные ъ и ь были еще въ силѣ, это предположеніе о древнѣйшемъ произношеніи ꙑ можно считать смѣлымъ, то для позднѣйшаго времени, для XI—XII в. не будетъ, намъ кажется, смѣлостью допустить въ звукѣ ꙑ преобладающее значеніе звука *и*. Такое заключеніе въ особенности умѣстно въ примѣненіи къ русскому языку. Мы видѣли, что глухіе гласные начали падать въ немъ до начала исторической эпохи, что, съ появленіемъ памятниковъ древнерусской письменности, ъ и ь, то исчезаютъ, то смѣшиваются между собою. Независимо отъ письменныхъ памятниковъ, живые факты современныхъ русскихъ нарѣчій представляютъ свидѣтельство глубоко-древняго затменія глухихъ въ чувствѣ языка. Такъ, славянскія формы: *пръвꙑи, пръстьнь, тьнъкъ*, какъ въ великорусскомъ, такъ и въ малорусскомъ нарѣчіяхъ, передаются несоотвѣтственно природѣ ъ и ь, т. е. ъ передается посредствомъ *е*, а ь посредствомъ *о*: *первый (перший), перстень, тонкій (тонкий)*. Согласіе обоихъ русскихъ нарѣчій въ отношеніи къ приведеннымъ нами формамъ указы-

[1]) Майк. Ист. сербс. яз. 407—409.

вает на то, что паденіе глухихъ гласныхъ началомъ своимъ уходитъ въ доисторическую, праруccкую давность. Считаемъ нужнымъ напомнить объ этомъ выводѣ, къ которому мы пришли выше въ анализѣ глухихъ гласныхъ, собственно для того, чтобы внести въ вопросъ о древнѣйшемъ произношеніи *ы* въ русскомъ языкѣ большую определенность и ясность. Очевидно, звукъ *ы*, заключая въ своемъ составѣ глухой элементъ *ъ*, долженъ былъ явиться въ русскомъ языкѣ даже не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ древнеславянскомъ языкѣ въ эпоху изобрѣтенія славянской азбуки, когда *ъ* звучалъ опредѣленно, хотя и глухо, явственно отличаясь отъ своего спутника—*ь*. Съ потерей и смѣшеніемъ этихъ звуковъ въ русскомъ языкѣ, и *ы* должно было потерять свое первоначальное произношеніе. Въ немъ еще меньше могло сохраниться двоегласіе на почвѣ русскаго языка. Если въ древнеславянскую эпоху звукъ *ы* существовалъ въ ослабленномъ видѣ, то въ эпоху древнерусскую онъ имѣлъ совершенно искаженный видъ, сравнительно съ древнѣйшимъ его произношеніемъ. Искаженіе это началось съ того момента, когда два составные элемента въ звукѣ *ы* сплавились въ одинъ перезвукъ, сходный съ нѣмецкимъ *ü*. Затѣмъ, дальнѣйшее развитіе этого перезвука пошло по направленію къ звуку *і*, такъ что въ древнерусскую эпоху *ы*, по нашему мнѣнію, звучало, какъ твердое неіотированное *и*.

Выводу этому не противорѣчатъ наиболѣе древніе памятники славяно-русской письменности, въ которыхъ встрѣчаемъ гораздо чаще употребленіе *и* вм. *ы*, чѣмъ наоборотъ, т. е. *ы* вм. *и*. Вотъ факты. Остромір. Ев: *изиде*, *възидохъ* [1]). Сборн. 1073 г: *неправьди* вм. *неправьды*, *риба*, *нирацѣшитихъ* [2]). Сборн. 1076 г: *възиштють* [3]), *користь*, *злоби* (родит.) [4]). Слова Григорія Богос: *мъногашьди*, *обискати*, *изискалъ*, *инъ би мьилъ сь* [5]) Служеб. новгор. минея: *крилоу* [6]). Туровс. ев: *изиде* [7]). Изъ этихъ примѣровъ видно, что не только въ

---

[1]) Изд. Вост. 207, 208.

[2]) Срез. Древ. пам. юс. пис. 104, 251, 155.

[3]) Из. Ак. X, V, 425.

[4]) Ibid. 427.

[5]) Будилов. Изслѣд. XIII сл. Гр. Богос. 72.

[6]) Из. Ак. X, V, 437.

[7]) Срез. Свѣд. 170.

простыхъ словахъ, но даже въ сложныхъ, гдѣ по необходимости сталкивались обѣ составныя части звука *ы* (*ъ + и*), вслѣдствіе чего, по мнѣнію Миклошича, *ы* должно было сохранять характеръ двоегласнаго звука [1]), мы видимъ чистое *и* вм. *ы*: *изиде*, *обискати* и проч. Подобныхъ примѣровъ въ древнѣйшихъ памятникахъ не мало, и это обстоятельство получаетъ особенное значеніе въ связи съ аналогическимъ явленіемъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Такъ, въ древнѣйшихъ памятникахъ чешскаго нарѣчія (X—XII в.) *i* часто стоитъ вм. *y* [2]),— то же самое постоянно встрѣчается и въ древнѣйшихъ сербскихъ грамотахъ (напр. въ грам. Кулина Бана 1186: *Бань*, *босьньски*, *прави* и проч. [3]). Обращаясь къ древнерусскимъ памятникамъ, находимъ, что и гортанные согласные, которые всегда требовали въ древнеславянскомъ языкѣ широкихъ гласныхъ, между прочимъ и *ы*, очень рано начали терять это исконное свое свойство, допуская послѣ себя *и* вм. *ы*. Такъ, уже въ древнѣйшихъ славянорусскихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ: *хитрости*, *хитрымъ* (Сбор. 1073), *паки* (Сбор. 1076) [4]). Въ памятникахъ XII в. фактовъ этого рода гораздо больше: *георгии* (гр. Мст.) [5]), *лутергиа* (Мон. уст.) [6]), *Ангельски*, *Апостольски* (Сбор. поуч.) [7]), *человѣки* (Вклад. Варл.) [8]), *великии* (Жит. Б. и Гл.) [9]), *постригы*, *хитрости* (Жит. Ѳеод.) [10]). Не приводимъ свидѣтельствъ изъ позднѣйшихъ памятниковъ XIII—XIV в. Съ конца XIII, въ особенности съ XIV в., *и* послѣ гортанныхъ сдѣлалось явленіемъ столь обычнымъ, что обратное явленіе, т. е. *ы* послѣ гортанныхъ кажется уже архаизмомъ: *ы* не устояло даже тамъ, гдѣ оно въ прежнее время защищаемо было самою природою гортанныхъ. Безъ сомнѣнія, сами гортанные съ теченіемъ времени теряли свою чувствительность къ небнымъ гласнымъ, но эта постепенно развивавшаяся особенность ихъ обусло-

1) Miklos. Lautleh. 114.
2) Дювер. Сист. элем. и фор. 85.
3) Jagić Gram. Hèrv. jez. 32.
4) Лам. Опис. 42.
5) Из. Ак. X, V, 498.
6) Ibid. 511.
7) Ibid. 563.
8) Кол. Оч. 79.
9) Чт. 1870, кн. I.
10) Чт. 1858, кн. 3.

влена была, между прочимъ, перестроемъ самаго звука *ы*, который давно уже утратилъ свою двоегласную природу и, сверхъ того, выступилъ изъ сферы губной въ небную, хотя при этомъ окончательно небнымъ іотированнымъ звукомъ не сдѣлался. Отъ этого превращенія онъ предохраненъ былъ, съ одной стороны, памятью языка о его губномъ происхожденіи, съ другой стороны, стремленіемъ удержать старинную твердость за гортанными. Явленія эти взаимно дополняютъ другъ друга: *и*, являясь послѣ гортанныхъ вм. *ы*, не подвергая ихъ переходному смягченію, тѣмъ самымъ характеризуетъ себя звукомъ неіотированнымъ, твердымъ; въ свою очередь гортанные, оставаясь гортанными предъ *и*, отклоняются отъ древней особенности своей только въ томъ смыслѣ, что получаютъ способность уживаться съ звукомъ менѣе широкимъ, чѣмъ *ы* по современному польско-русскому произношенію,—сами же по себѣ они не сдѣлались звуками непереходно-мягкими.

Такимъ образомъ, въ древнерусскую эпоху произошло, по нашему мнѣнію, въ звукѣ *ы* наклоненіе къ *и* (по нашей транскрипціи *i*), главнымъ образомъ, въ словахъ предложныхъ и послѣ гортанныхъ согласныхъ, хотя и независимо отъ этихъ условій, явленіе это встрѣчается нерѣдко въ памятникахъ. Остатки этой эпохи разсѣянно существуютъ въ различныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда слышится *и* вм *ы*. Особенно распространено это явленіе въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ. Такъ, въ черниговскихъ разнорѣчіяхъ: *другі* вм. *другий*, *конікі*, *мі* вм. *мы*, *из-за-горі* (изъ пѣсни, записанной подъ Черниговомъ). Въ украинскомъ говорѣ *і* вм. *ы* неслышно, въ галицкомъ, за исключеніемъ предлога *ві* вм. *вы* (*віхожу*), *і* вм. *ы* тоже не встрѣчается [1]).

Припомнимъ теперь, что сказано было о превращеніи *и* въ *ы*: только въ XIV в. мы замѣтили въ немъ нѣкоторую устойчивость; въ XV в. оно выступаетъ уже въ полномъ развитіи. Сопоставляя этотъ обратный ходъ въ движеніи вокализма отъ *и* къ *ы* съ начальнымъ движеніемъ его къ *и*, нельзя не придти къ заключенію, что между тѣмъ и другимъ есть тѣсная звуковая связь. Самая хронологическая послѣдовательность того и другаго движенія указываетъ, что *ы* вм. *и* вызвано

---

[1]) Въ великорус. народныхъ говорахъ есть аналогическіе, хотя рѣдкіе случаи употребленія *и* вм. *ы*, и наоборотъ (см. Потеб. О звук. особ. 83).

было появленіемъ *и* вм. *ы*. Спѣшимъ оговориться, впрочемъ, что одного этого обстоятельства недостаточно было для того, чтобы произвести превращеніе основнаго *и* въ *ы*. Оно вызвано было, сверхъ того, разными звуковыми явленіями, стоявшими, по видимому, внѣ всякаго отношенія къ основнымъ *и* и *ы*. Въ обзорѣ звуковыхъ превращеній, возникшихъ изъ основныхъ *о* и *е*, мы имѣли случай замѣтить, что малорусскому *і* изъ этихъ двухъ звуковъ предшествовало *і* вм. *ѣ*, и что это послѣднее, зародившись въ доисторическую эпоху, выступило въ древнерусскій періодъ въ качествѣ довольно рельефной діалектической особенности. Слѣдовательно, въ древнерусскомъ вокализмѣ наклоненіе къ *и* шло не изъ одного основнаго *ы*. Рядомъ съ этимъ происходилъ извѣстный спеціально-малорусскій перестрой основныхъ звуковъ *о* и *е* тоже въ пользу *і*. Такъ накоплялась постепенно масса однородныхъ явленій, которыя то ближе, то дальше стояли къ звуку *і*, и для которыхъ этотъ звукъ былъ конечнымъ пунктомъ ихъ развитія. Мало-по-малу стирались первичные элементы и вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливался типически-однообразный звуковой строй. Ряды гласныхъ должны были смѣшаться: секундарное *і* встрѣтилось съ *и* основнымъ, и это послѣднее должно было потерять въ чувствѣ языка свое индивидуальное, самостоятельное значеніе. Среди этой нивелирующей обстановки само оно должно было измѣниться,—и вотъ съ XIV в. является широкое *ы* вм. основнаго *и*: произошла перестановка звуковъ, обусловленная сильнымъ развитіемъ секундарнаго *і*. Дѣло въ томъ, что *ы* ближе стоитъ къ губному порядку гласныхъ, къ которому языкъ долженъ былъ снова обратиться подъ давленіемъ развивавшейся въ его вокализмѣ небности. Такъ явилось секундарное *ы* вм. *и* изъ естественной потребности языка поставить предѣлъ движенію, которое должно было войти въ свои естественныя границы.

Въ ряду явленій, аналогическихъ съ превращеніемъ основнаго *и* въ *ы*, въ современномъ состояніи малорусскаго вокализма есть многое другое, на что слѣдуетъ обратить вниманіе. Нельзя не замѣтить въ малорусскомъ нарѣчіи стремленія удержать въ системѣ гласныхъ звуковъ то, что стоитъ ближе къ губному элементу, или даже склонить къ этому послѣднему то, что стояло отъ него дальше. Прежде всего рѣзко бросается въ глаза въ украинскомъ говорѣ устойчивость звука *у*, который, въ качествѣ чисто губнаго звука, предпочитается звуку *ы* тамъ, гдѣ въ великорусскомъ нарѣчіи стоитъ этотъ послѣдній. Сюда

относится напр. извѣстная форма вспомогательнаго глагола: *бути* вмѣсто славянс. и великорус: *быти, быть*. Въ этой формѣ глаголъ *быти* встрѣчается уже въ Супрасл. рукоп: *мжа бы була мой сынъ* [1]). Затѣмъ, есть множество въ малорусскомъ нарѣчіи глаголовъ съ темой наст. вр. на *у* не только тамъ, гдѣ *у* сохранилось и въ великорус. глагольныхъ темахъ на *у*, напр: *ку-ю, совіту-ю*, но и въ тѣхъ глаголахъ, которые въ великорус. смѣнили *у* звукомъ *ы*, напр: *связ-ыв-ать отказ-ыв-ать, прикид-ыв-ать*,—въ малорус: *звяз-ув-ати, відказ-ув-ати, прикид-ув-ати*. Нужно замѣтить при этомъ, что во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія нѣтъ глаголовъ на *ыва, ива*. Наконецъ, и звукъ *у* въ малорусскомъ нарѣчіи отвердѣваетъ, какъ извѣстно, въ губной согласный *в*. Явленіе это, свойственное въ древнерусскую эпоху многимъ русскимъ говорамъ, спеціализировалось въ малорусскомъ нарѣчіи. Вырванное изъ общаго ряда звуковыхъ явленій, оно само по себѣ ничего не выражаетъ, но въ связи съ специальнымъ стремленіемъ малорусскаго нарѣчія усиливать губной элементъ, оно ясно показываетъ направленіе, по которому шелъ малорусскій вокализмъ, находясь подъ вліяніемъ необходимости ограничить въ своемъ составѣ небный элементъ. Превращеніе *у* въ *в* можно считать предѣломъ, дальше котораго некуда было идти.

Не менѣе характеристична въ малорусскомъ нарѣчіи роль звука *о*. Въ виду того же противодѣйствія небному вокализму, коренное *о* удерживается тверже въ малорусскомъ нарѣчіи, чѣмъ въ великорусскомъ. Тогда какъ въ этомъ послѣднемъ (по московскому говору) *о* безъ ударенія переходитъ въ *а (харашо* вм. *хорошо)*, въ малорус. встрѣчаются только слабые слѣды замѣны *о* звукомъ *а*. Говорятъ напр: *гаразд, багатий, хазяйін, манастирь* вм. *горазд, богатий, хозяйін, монастирь*: здѣсь *а* изъ *о* не столько есть слѣдствіе неударяемости начальнаго *о*, сколько ассимиляціи подъ вліяніемъ слѣдующаго за нимъ *а*. Можно было бы думать, что въ словахъ: *помагати*, (въ Синод. библ. 1499 г. *помагаеть*) [2]), *ламати, ганяти* вм. *помогати, ломати, гоняти*—звукъ *а* образовался посредствомъ усиленія кореннаго *о*, но слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ пользу звука *о* малорусское нарѣчіе отказывается отъ усиленія его тамъ, гдѣ усиленіе требуется въ великорусскомъ: срав. напр. великорусскія формы: *запрашивать, разнáшивать* съ украинскими: *запрóсювати* и *запрошувати*,

---

[1]) Ламанс. О нѣкот. слав. рук. 42—43.

[2]) Бусл. Ист. хр. 175.

розносювати и *розношувати*. Что касается громаднаго большинства случаевъ въ употребленіи кореннаго *о*, то повторяемъ, въ малорусскомъ нарѣчіи оно постоянно удерживается, если только въ среднихъ слогахъ оно не перешло въ специальное малорусское *і*. Мало того: даже другіе гласные звуки посредствомъ *о* вовлекаются въ систему губныхъ гласныхъ. Такъ, первоначальное *а* въ малорус. переходитъ въ *о*. Сюда относятся напр. слова: *роз, розум* вм. *раз, разум,—котити, зоря, кропива, оладки* вм. *катити, заря, крапива, аладки*. Тоже *о* вм. *а* мы видимъ въ собственныхъ именахъ и въ словахъ заимствованныхъ: *Оврам, Олекса, Олександер, Опанас, орандарь, отаман, козак, комін*. Нельзя не вспомнить при этомъ, что эта особенность уцѣлѣла въ малорусскомъ нарѣчіи отъ древнерусской эпохи. Появилась она даже раньше, на почвѣ славянской: такъ, въ Супрасл. рукоп. очень часто встрѣчаются сложныя слова съ предлогомъ *роз: розбоиникъ, рошириги, ростворисъ, роспытоваеть* [1]) и проч. Но особенно усилилось превращеніе *а* въ *о* въ XIV в., и преимущественно въ языкѣ грамотъ: *Олексѣя, Олександровичъ* и проч. [2]). Въ XV в. *о* вм. *а* встрѣчается еще чаще [3]). Съ теченіемъ времени это *о* въ иныхъ такого рода словахъ или измѣнилось въ *і* съ придыханіемъ *в*, напр: *вівтарь, Вівдя, (антарь, Авдія)*, или же исчезло: *Панас, Гапка, Горпина (Аванасій, Агаѳія, Агриппина)*. Остается выдержаннымъ *о* вм. *а* въ родит. пад. именъ прилагат., которыя въ этомъ случаѣ слѣдуютъ въ малорусскомъ нарѣчіи такъ называемому мѣстоименному склоненію: *доброго, нового* вм. *добраго, новаго*. И это особенность тоже не новая: не говоря о памятникахъ XIII—XIV в., она встрѣчается уже въ XII и даже XI в., составляя принадлежность всего древнерусскаго языка. Вотъ напр. надпись на антиминсѣ XII в. (новгородс. нарѣчія): *жьртвьникъ священъ отъ Нифонта архиепископа новгородьскою повельніемь епископа ростовъскыю* [4])... Въ словахъ Григорія Богос. (XI в.): *малою* [5]),—даже въ древнѣйшихъ памятникахъ юсоваго письма есть уже въ прилагат. именахъ *ою* вм. *аю*, напр. въ Савиной книгѣ (XI в.): *єть*

---

[1]) Ламанс. О нѣкот. слав. рук. 40.

[2]) Колос. Очер. 103.

[3]) Ibid. 131.

[4]) Изв. Ак. VI.

[5]) Ibid. X, V. 487.

живого сѫща [1]).—Вслѣдъ за *а*, которое ближе стоитъ къ *о*, въ малорусскомъ нарѣчіи переходитъ въ *о* и *е*—звукъ, стоящій уже въ области небныхъ гласныхъ. Въ именахъ собственныхъ и вообще заимствованныхъ, гдѣ въ великорусскомъ нарѣчіи слышно чисто небное, мягкое *є* (*йе*), въ малорус. звучитъ *о*: *ожина (ежевика), Омелько (Емельянъ), Олена (Елена), оконом (економъ)*. То же превращеніе *е* въ *о* встрѣчается въ словахъ туземныхъ, а равно въ срединѣ словъ: *отой (этотъ), янгол (ангелъ), попіл (пепелъ), лобода (лебеда)*. Здѣсь видимъ, что въ пользу любимаго *о* теряется даже широкое *е*—звукъ, который вообще строже выдержанъ въ малорусскомъ нарѣчіи, чѣмъ въ великорусскомъ. При этомъ замѣтить нужно, что *е* охотнѣе переходитъ въ *о*, чѣмъ въ *а*. Обращаясь къ древнерусскимъ памятникамъ, находимъ уже въ древнѣйшихъ изъ нихъ превращеніе *ѥ* въ *о*. Такъ, въ Остром. ев: *Олена* (род. пад.), *олѣемъ* вм. *ѥлеѥмь* [2]). То же слово и въ той же звуковой формѣ встрѣчается и въ другихъ памятникахъ XI в. (въ словахъ Григорія Богос., въ Евген. псалт.) [3]). Въ послѣдствіи на помощь переходу *е* въ *о*, явилось удареніе: въ памятникахъ XV в. ударяемое *е* очень часто переходитъ въ *о* [4]). Такой переходъ издревле распространенъ былъ во всѣхъ нарѣчіяхъ русскаго языка, но въ малорусскомъ нарѣчіи, согласно съ древнерусскимъ вокализмомъ, переходъ *е* въ *о*, какъ видѣли мы, далеко не всегда обусловленъ удареніемъ: во многихъ случаяхъ малорус. *о* изъ *е* порождено стремленіемъ усилить губной элементъ. Такимъ образомъ, древнерусская звуковая особенность на почвѣ малорусскаго нарѣчія получила специальное примѣненіе. Затѣмъ, и это *о* изъ *е*, какъ предыдущее *о* изъ *а*, съ теченіемъ времени, въ нѣкоторыхъ словахъ или измѣнилось въ *і*, напр. *Іва (Евгенія), їжак, (ёжъ)*, или же исчезло, напр. въ словахъ собственныхъ: *Пріська (Ефросинія), Химка (Евфимія), Катря (Екатерина)*.

Вообще же, сравнивая относительное употребленіе гласныхъ въ началѣ словъ, можно сказать положительно, что рѣже всего въ малорусскомъ нарѣчіи употребляется въ началѣ словъ *е* и *є*, чаще *а* и *я*, *і* и *йі*, чаще же всего *о* и *у* съ іотой и другими придыханіями (предъ

---

[1]) Срез. Древ. пам. юс. пис. 34.

[2]) Изд. Вост. 148, 289.

[3]) Бусл. Ист. хр. 323. Изв. Ак. X, V, 463.

[4]) Колос. Оч. 133.

о преимущественно *г*, предъ *у* преимущественно *в)*. Въ пользу предпочитаемыхъ въ началѣ словъ гласныхъ губнаго порядка малорусское нарѣчіе жертвуетъ иногда даже любимымъ своимъ *і*, превращая заимствованныя слова, напр: *Ирина*, *изюмъ* въ *Орина* (въ Ипат. спис: *Орины)* [1]), *озюм*.

На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать заключеніе, что послѣ того какъ небный элементъ сдѣлалъ значительные успѣхи въ малорус. вокализмѣ въ срединѣ и въ концѣ словъ, въ противоположность ему выступило реактивное стремленіе къ губному порядку гласныхъ, преимущественно въ началѣ словъ, хотя та же наклонность удерживать губные гласные или же только приближать къ нимъ остальные замѣчается и въ срединѣ, и на концѣ словъ. Но это послѣднее стремленіе не выдержало напора: первое взяло надъ нимъ верхъ, такъ что въ настоящемъ состояніи малорусскаго нарѣчія мы видимъ господство звука *і* на мѣстѣ другихъ основныхъ гласныхъ. Очевидно, этотъ звукъ вышелъ изъ самой глубины тѣхъ діалектическихъ разновидностей, изъ которыхъ сложилось малорусское нарѣчіе, и составляетъ коренную черту его природы, поэтому мы можемъ считать превращеніе другихъ гласныхъ въ *і* явленіемъ первичнымъ, а усиленіе губнаго направленія въ малорусскомъ вокализмѣ явленіемъ секундарнымъ. Говоримъ: *усиленіе*, потому что самое направленіе несомнѣнно относится къ числу особенностей, характеризующихъ древнѣйшее состояніе русскихъ нарѣчій. Дальнѣйшій успѣхъ губнаго элемента выразился затѣмъ въ секундарномъ *ы* изъ основнаго *и*. Въ памятникахъ это *ы* рѣшительно выступило только въ XIV в., слѣдовательно, причины, его вызвавшія, должны были существовать раньше,—раньше должно было явиться *і* вм. *ѣ*, *і* изъ *о*, *е* и *і* вмѣсто древняго, основнаго *ы*. И дѣйствительно, мы видѣли уже въ памятникахъ до XIV в. *и* вм. *ѣ* и *ы*; что касается до *і* изъ *о*, *е*, то оно, въ слѣдствіе легкости въ возстановленіи основнаго *о* и *е* въ среднихъ слогахъ изъ слоговъ прямыхъ, не могло заявить о своемъ существованіи не только въ древнихъ памятникахъ, но даже въ самыхъ позднихъ. Мы вовсе не желаемъ сказать, что это *і* до XIV в. выработалось въ законченный и вполнѣ развившійся звукъ: и теперь еще оно рельефно выдвинуто только въ украинскомъ и галицкомъ

[1]) Бусл. Истор. хр. 110.

говорахъ малорусскаго нарѣчія: до XIV в. оно, конечно, занимало болѣе скромное мѣсто, какъ въ отношеніи къ объему своего распространенія, такъ и въ отношеніи къ степени своей силы и выразительности. Тѣмъ не менѣе мы не сомнѣваемся, что во многихъ мѣстностяхъ оно уже жило въ устахъ народа, ибо причины, его создавшія, существовали гораздо раньше; съ другой стороны, послѣдствія, имъ вызванныя, несомнѣнно обнаружились въ XIV в. Однимъ изъ этихъ послѣдствій было секундарное *ы* изъ *и*.

Говоря о секундарномъ *ы*, мы разумѣемъ ту звуковую его форму, въ которой оно живетъ нынѣ въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и польскомъ, а также въ нѣкоторыхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія. Появленіе этого *ы* не могло не отразиться и на древнерусскомъ *ы*, которое, въ свою очердь, должно было подвергнуться вліянію вновь сформировавшагося звука. Вліяніе это заключалось въ томъ, что древнерусское *ы* начало получать характеръ звука широкаго, тождественнаго съ секундарнымъ *ы* изъ *и*. На этой стадіи въ настоящее время стоитъ говоръ галицкій, а также волынско-подольскія разнорѣчія украинскаго говора. Въ южнорусской письменности ей соотвѣтствуютъ памятники XV—XVI в., въ которыхъ, рядомъ съ частымъ превращеніемъ основнаго *и* въ *ы*, не видимъ въ такой же мѣрѣ частаго употребленія *и* вм. *ы*. Изрѣдка появляется даже въ XVII в. *и* вм. *ы*: такъ, въ Львовс. лѣтописи встрѣтились намъ формы: *поздихами*, *високого*, *владика*, *посилаю*, *до москви* [1]), но такія формы составляютъ только отзвукъ древнерусскаго преданія, заявившаго себя въ первые вѣка древнерусской письменности употребленіемъ *и* вм. *ы*. Впрочемъ, это *и* вм. *ы* могло быть также слѣдствіемъ недоразумѣній. Южнорусскіе писатели и переписчики, какъ видно, колебались между народнымъ выговоромъ, въ которомъ основное *и* утратилось, и этимологическимъ сознаніемъ, что все-таки буква *и* должна быть выдержана въ правописаніи: чуждые научно-этимологическихъ понятій, они писали иногда букву *и* совершенно некстати. Даже ученый Памва Берында не былъ свободенъ отъ этой ошибки: въ словарѣ его преобладаетъ, сообразно съ народнымъ выговоромъ, *ы* вм. *и*: *иншыми*, *отскочылъ*, *звозчыкъ*, *чыню*, *однымъ* (твор. пад.), но намъ встрѣтилась при этомъ и форма: *рибы* [2]).

---

[1]) Погод. Историч. сборн. 266, 264, 236, 238, 239.

[2]) Берын. Слов. 186, 190, 212, 218, 194, 206.

Въ украинскомъ говорѣ малорус. нарѣчія мы видимъ позднѣйшій моментъ звуковыхъ превращеній, которыя начались въ звукѣ *ы* еще въ древнеславянскомъ нарѣчіи, именно: среднее *и* вм. основнаго *и* и основнаго *ы*. Процессъ образованія этого звука подлежитъ не столько историко-лингвистическому, сколько физіологическому анализу. Мы можемъ только допустить предположеніе, что исходной точкой въ развитіи средняго *и* была потребность оттѣнить въ произношеніи основное *и* отъ секундарнаго *ы*; но, отклоняясь въ выговорѣ отъ широкаго *ы*, основное *и* приближалось бы къ секундарному *i* изъ *о*, *е*, а также *i* вм. *ѣ*. На этомъ пунктѣ, т. е. въ небной области, угрожало бы ему отождествленіе съ звукомъ *i*, аналогическое съ тѣмъ, которое постигло основное *и* въ губной области. Среди этой обстановки долженъ былъ появиться звукъ смѣшанный, непохожій ни на *ы* въ его польско-великорусской звуковой формѣ, ни на *i* въ чистомъ видѣ.—Такъ или иначе, безусловно вѣрно только то, что среднее украинское *и*, сравнительно съ основнымъ *и* и основнымъ *ы*, есть звукъ болѣе поздній, именно потому, что это звукъ смѣшанный. Чтобы онъ могъ развиться, должно было прежде всего смѣшаться основное *ы* съ основнымъ *и* (моментъ преобладанія въ древнѣйшихъ памятникахъ *и* вм. *ы*),— затѣмъ, оба эти звука должны были перейти въ широкое секундарное *ы*, (которое, какъ извѣстно, господствуетъ въ памятникахъ XV—XVI в. и соотвѣтствуетъ современному значенію этого звука въ фонетикѣ галицкаго говора). Что касается средняго *и*, то оно не получило въ южнорусской письменности особеннаго выраженія, главнымъ образомъ, потому что, развившись поздо, на почвѣ украинскаго говора, оно не могло обратить на себя серьезнаго вниманія людей, которые, въ позднѣйшую эпоху южнорусской письменности, держались, какъ мы знаемъ, совсѣмъ не народныхъ образцевъ рѣчи.....

III.

О СОГЛАСНЫХЪ ЗВУКАХЪ.

1. Общія понятія о количественной природѣ согласныхъ.

Мы окончили обзоръ гласныхъ звуковъ въ ихъ собственной сферѣ взаимнаго вліянія другъ на друга. Мы старались сгруппировать всѣ явленія вокализма въ одну цѣльную, исторически развивавшуюся картину. Вполнѣ сознаемъ, что ей недостаетъ многаго,—недостаетъ, съ одной стороны, полноты въ цѣломъ и подробностей въ частяхъ,—съ другой стороны, полной аргументаціи въ нѣкоторыхъ положеніяхъ. Пусть другіе дополнятъ и исправятъ ее на основаніи болѣе непосредственнаго знакомства съ источниками, особенно съ письменными источниками, которые, въ полномъ своемъ видѣ, большею частію были намъ недоступны. Задача наша совсѣмъ не въ томъ, чтобы сказать по исторіи малорусскаго нарѣчія послѣднее слово. Мы понимаемъ, что для этого нужно иныхъ силъ и иной ученой эрудиціи. При всемъ томъ мы не отказывались отъ надежды намѣтить главные моменты звуковыхъ превращеній въ малорусскомъ нарѣчіи, расчистить сколько нибудь путь, по которому пойдутъ другіе, и тѣмъ облегчить имъ нелегкій трудъ историко-лингвистическаго анализа въ такой области, которая до сихъ поръ съ исторической точки зрѣнія не была изслѣдована. Мы рѣшились оставить въ сторонѣ пріемъ отрывочнаго, разрозненнаго изученія звуковыхъ явленій. Намъ казалось, что, вырывая одинъ фактъ изъ ряда генетически возникавшихъ фактовъ, мы лишаемъ его почвы и

поневолѣ поэтому даемъ ему фальшивое освѣщеніе. Опредѣлить эту почву, хотя приблизительно, было нашей задачей, которую мы старались выполнить, какъ могли и какъ умѣли.

Все это считаемъ нужнымъ высказать въ виду предстоящаго намъ изслѣдованія звуковыхъ превращеній въ малорусскомъ консонантизмѣ. Обыкновенно говорятъ, что главное различіе между славянскими нарѣчіями заключается въ системѣ звуковъ гласныхъ, а не согласныхъ. По мнѣнію Ягича, въ этомъ отношеніи славянскія нарѣчія представляютъ сходство съ греческими діалектами, составляя совершенную противоположность съ языками романскими, въ которыхъ различіе основано на консонантизмѣ, а не на вокализмѣ [1]). Дѣйствительно, въ гласныхъ звукахъ индивидуализмъ славянскихъ нарѣчій рѣзче бросается въ глаза, но анализъ малорусскаго консонантизма покажетъ намъ, что и здѣсь господствуютъ глубоко типическія звуковыя черты, хотя въ значительной степени онѣ обусловлены превращеніями въ области гласныхъ звуковъ. Да иначе и быть не могло: своеобразная система гласныхъ должна была вызвать своеобразную систему согласныхъ звуковъ: новое подтвержденіе нашей мысли о необходимости изучать звуковую сторону малорусскаго нарѣчія въ исторической преемственности звуковыхъ явленій.

Прежде, однако же, чѣмъ остановимся на самыхъ фактахъ, считаемъ необходимымъ въ общихъ чертахъ установить понятіе о количественной природѣ согласныхъ, независимо отъ малорусскаго консонантизма.

Есть согласные звуки, для образованія которыхъ требуется нѣкоторая плотность затвора органовъ, при помощи которыхъ они произносятся, при чемъ дыханіе, необходимое для ихъ произнесенія, прорывается съ значительною силою, и оттого самый разрывъ органовъ происходитъ довольно быстро, а затѣмъ, какъ только эти звуки произнесены, органы также быстро принимаютъ свое обыкновенное положеніе. Таковы согласные: *б, п, д, т, к*. У Шлейхера называются они мгновенными (momentanae), въ отличіе отъ звуковъ длительныхъ (dauernde), которые произносятся при менѣе плотно сдвинутыхъ органахъ, при чемъ дыханіе постепенно проходитъ близъ той точки, въ которой

[1]) Rad. Jugosl. Akad. IX. 81—82

они сдвинуты; оттого, въ моментъ произнесенія этихъ звуковъ, органы, посредствомъ которыхъ они произносятся, могутъ оставаться въ соотвѣтствующемъ положеніи сколько угодно, и самые звуки эти можно длить, сколько угодно. Таковы именно согласные: *в*, *г*, *ж*, *з*, *х*, *ш*, *с*. По меткому замѣчанію Шлейхера, первые отличаются отъ послѣднихъ такъ, какъ точка отличается отъ линіи [1]). Удлинняя точку, мы тѣмъ самымъ уничтожаемъ ее, превращая ее въ линію, поэтому точку можно только повторять: такъ точно и мгновенные согласные звуки можно только повторять, а не длить. Очевидно, мгновенные согласные съ большимъ трудомъ произносятся, чѣмъ длительные, такъ какъ повтореніе звука требуетъ болѣе напряженной дѣятельности органовъ, чѣмъ удлинненіе его. На этомъ основаніи мгновенные согласные звуки въ количественномъ отношеніи называются сильными, а согласные длительные звуками слабыми.

Но какъ сильные звуки стоятъ не на одинаковой степени силы, такъ равно и слабые—не на одинаковой степени слабости. Возьмемъ напр. рядъ звуковъ сильныхъ: *б*, *д*, *п*, *т*, *к*. Послѣдніе три звука сильнѣе первыхъ двухъ, потому что условія образованія ихъ требуютъ большаго напряженія органовъ. Въ моментъ произнесенія ихъ голосовая щель широко открыта, и оттого, прежде разрыва органовъ, необходимаго для ихъ произнесенія, дыханіе напрягается и затѣмъ вырывается съ большей силою, чѣмъ тогда, когда мы произносимъ согласные *б*, *д*: въ этомъ послѣднемъ случаѣ голосовая щель закрыта, оттого, предъ самымъ разрывомъ органовъ, дыханіе напряжено не такъ сильно и вырывается не такъ стремительно, какъ въ первомъ случаѣ. Такимъ образомъ, согласные *б*, *д* отличаются отъ *п*, *т*, *к* своею звучностію, которая обусловлена съуженіемъ голосовой щели и дѣйствіемъ голосовыхъ связокъ. Это именно тѣ самыя условія, при которыхъ образуются гласные звуки, поэтому согласные *б*, *д* находятся въ физіологическомъ родствѣ съ гласными звуками. Въ нихъ есть примѣсь гласнаго элемента, въ чемъ легко убѣдиться, произнося напр. слова: *пробка*, *сладкій* съ соблюденіемъ этимологической правильности: здѣсь послѣ *б*, *д* мы дѣлаемъ едва замѣтную паузу съ легкимъ привнесеніемъ въ согласные звуки глухаго гласнаго отзвука. Опираясь на гласный эле-

1) Schleich. Zur. vergleich. Untersuch. 124.

ментъ, звуки *б* и *д*, конечно, слабѣе звуковъ *п*, *т*, *к*, которые произносятся безъ всякой поддержки гласнаго элемента. Эти послѣдніе согласные мы будемъ называть, по примѣру Лавровскаго, *отзвучными*, а первые—*звучными* [1]).

Есть и между количественно слабыми согласными, какъ звучные, такъ и отзвучные. Къ первымъ относятся: *в*, *г*, *ж*, *з* и звукъ, который въ русскомъ правописаніи изображается послѣ гласныхъ въ видѣ *й*, послѣ согласныхъ въ видѣ *ь*. Само собою разумѣется, что эти согласные слабѣе другихъ слабыхъ, напр: *х*, *с*, *ш* по той же причинѣ, по которой *б* и *д* слабѣе, чѣмъ *п*, *т*, *к*. Согласные длительные звучные можно назвать вдвойнѣ слабыми звуками; слабость ихъ опредѣляется самымъ названіемъ ихъ: они, во первыхъ, *длительные*, во вторыхъ, *звучные*. Согласные мгновенные отзвучные можно назвать вдвойнѣ сильными звуками, потому что они, во первыхъ, *мгновенные*, во вторыхъ, *отзвучные*. Между этими двумя крайними точками силы и слабости стоятъ остальные согласные звуки. Одни изъ нихъ мгновенные и въ то же время звучные (*б*, *д*), другіе длительные и вмѣстѣ отзвучные (*с*, *ш*, *х*): въ каждомъ разрядѣ есть своя отдѣльная примѣта, какъ силы, такъ и слабости.

Вопросъ теперь въ томъ, какой рядъ сильнѣе: мгновенные звучные—*б*, *д* или же длительные отзвучные *с*, *ш*, *х*?

---

[1]) Терминологія этихъ согласныхъ въ разныхъ языкахъ различна: въ латинскомъ они называются mediae (звучные) и tenues (отзвучные), въ немец. tönend и stumm или tonlos. Выходя изъ того положенія, что произнесеніе отзвучныхъ согласныхъ требуетъ плотнаго (твердаго) сжатія органовъ, а произнесеніе звучныхъ требуетъ слабаго (мягкаго) сжатія ихъ, Таузингъ утверждаетъ, что въ этихъ неодинаковыхъ условіяхъ образованія отзвучныхъ и звучныхъ заключается причина большаго или меньшаго напряженія дыханія въ моментъ ихъ произнесенія,—поэтому онъ отстаиваетъ старинное названіе отзвучныхъ твердыми, а звучныхъ мягкими согласными (Die natürliche Lautsystem. 22—23).... Но гораздо естественнѣе, вмѣстѣ съ Брикке, искать наиболѣе импонирующей причины слабаго или плотнаго затвора органовъ въ голосовой щели, которая при звучныхъ согласныхъ закрыта, при отзвучныхъ открыта. (См. Brücke Grundzüge der Phisiologie und. Systematik. d. Spachlaute. 56).

Если характеризовать согласные звуки только затвором органовъ, безъ всякаго отношенія къ голосовой щели, то согласные *б*, *д* нужно признать болѣе сильными, чѣмъ *с*, *ш*, *х*. Но если считать голосовую щель одной изъ самыхъ важныхъ причинъ большей или меньшей плотности самаго затвора органовъ, то *б* и *д*, какъ согласные, произосимые подъ условіемъ закрытія голосовой щели, (что ослабляетъ напряженность дыханія), нужно признать болѣе слабыми, чѣмъ *с*, *ш*, *х*. Хотя послѣдніе произносятся такъ, что воздушная струя свободно проходитъ сквозь неплотно сдвинутые органы, но положеніе органовъ въ этомъ случаѣ обусловлено спеціальнымъ характеромъ самыхъ согласныхъ, изъ чего слѣдуетъ только то, что не въ одной голосовой щели заключается причина того или другаго положенія органовъ. При данномъ положеніи ихъ—сдвинутомъ или не сдвинутомъ—голосовая щель оказывается все-таки найболѣе интензивной причиной болѣе или менѣе плотнаго затвора ихъ: сравнивая напр. *з*, *ж* съ отзвучными *с*, *ш*, находимъ, что при *з*, *ж* органы сдвинуты еще менѣе, чѣмъ при *с*, *ш*, благодаря тому, что при *з*, *ж* голосовая щель закрыта, и потому воздушная струя прорывается слабѣе въ моментъ произнесенія этихъ звуковъ. Съ этой точки зрѣнія можно расположить согласные малорусскаго нарѣчія, начиная съ слабѣйшихъ въ такомъ порядкѣ:

звучные длительные: *в*, *г*, *ж*, *з*, *j*.
звучные мгновенные: *б*, *д*.
отзвучные длительные: *с*, *ш*, *х*.
отзвучные мгновенные: *п*, *т*, *к*.

Въ счетъ не вошли только плавные: *л*, *м*, *н*, *р* и сложные: *ц*, *ч*, *щ*: первые относятся къ звучнымъ длительнымъ, вторые къ отзвучнымъ смѣшаннаго характера: *т*+*с*=*ц*, *т*+*ш*=*ч*, *ш*+*т*+*ш*=*щ*. Есть еще сложный звукъ *дж*—звучный согласный такого же сложнаго мгновенно—длительнаго состава, какъ *ц*, *ч*, *щ*.

Итакъ, говоря о количественномъ строѣ малорусскихъ согласныхъ, мы постоянно будемъ считать самымъ крайнимъ предѣломъ ихъ слабости близость ихъ къ гласному элементу. Согласные *в* и *j*, переходящіе во всѣхъ языкахъ въ *у* и *і*, стоятъ на самой крайней ступени количественнаго паденія; затѣмъ, идетъ усиленіе согласныхъ, сообразно съ степенью независимости ихъ отъ вліянія звуковъ гла-

сныхъ, а также звучныхъ согласныхъ, независимости, въ силу которой отзвучные согласные, какъ болѣе сильные, подчиняютъ своему вліянію звучные. Основной законъ количественной ассимиляціи согласныхъ выраженъ Брикке въ слѣдующихъ словахъ: „звучный и отзвучный согласный не могутъ быть соединены вмѣстѣ (nie combiniert werden), такъ какъ голосовая щель не можетъ быть въ одно и то же время открытой и закрытой" [1]). Дѣйствительно, всѣ явленія количественнаго подъема и паденія согласныхъ звуковъ вытекаютъ изъ несовмѣстимости звучныхъ и отзвучныхъ согласныхъ, но самая несовмѣстимость ихъ, въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ, имѣетъ свои предѣлы. Дѣло понятное, что „голосовая щель не можетъ быть *въ одно и то же время* открытой и закрытой"; если же мы, вмѣсто одновременнаго акта, представимъ себѣ два момента, быстро одинъ за другимъ слѣдующіе, то звучный согласный предъ отзвучнымъ окажется вполнѣ возможнымъ, потому что изъ закрытаго положенія голосовая щель можетъ быстро перейти въ открытое. Правда, въ этомъ случаѣ между звучнымъ и отзвучнымъ согласнымъ получится легкая пауза съ едва замѣтнымъ гласнымъ оттѣнкомъ, но этимъ самая возможность сосѣдства звучныхъ съ отзвучными нисколько не устраняется. Отзвучный остается нетронутымъ, при этомъ звучный не подчиняется его ассимилирующему вліянію.

Малорусское нарѣчіе представляетъ въ высокой степени интересную систему консонантизма, въ которомъ звучные согласные поставлены чрезвычайно самостоятельно. Вліяніе отзвучныхъ согласныхъ здѣсь, сравнительно съ другими славянскими нарѣчіями, весьма незначительно. Звучные большею частію выдерживаются передъ отзвучными; въ свою очередь, стоя позади отзвучныхъ, превращаютъ ихъ въ звучные. Есть даже случаи, какъ увидимъ въ послѣдствіи, превращенія отзвучныхъ въ звучные передъ отзвучными. Однимъ словомъ, консонантизмъ малорусскій, съ физіологической точки зрѣнія, находится въ состояніи паденія.

Какъ зародился и развивался этотъ своеобразный строй малорусскихъ согласныхъ?

Отвѣта на этотъ вопросъ мы должны искать въ эпохѣ отдаленной; мы должны обратиться къ тому основному явленію въ звуковомъ

---

[1]) Brücke Grundzüge 67.

перестроѣ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, съ котораго начали исторію малорусскаго вокализма, именно, къ паденію глухихъ гласныхъ. Поэтому мы снова остановимся на этомъ явленіи собственно въ примѣненіи къ группамъ малорусскихъ согласныхъ. Самыя группы изучать будемъ по украинскому говору, такъ какъ въ немъ малорусскій консонантизмъ достигъ наибольшей своей типичности. Впрочемъ, всякаго рода отклоненія другихъ говоровъ отъ обычной постройки согласныхъ группъ, по мѣрѣ надобности, въ своемъ мѣстѣ будутъ указаны.

---

2. Количественныя черты малорусскихъ согласныхъ.

Въ обзорѣ глухихъ гласныхъ мы видѣли необходимость допустить для всѣхъ славянскихъ нарѣчій тотъ доисторическій моментъ, когда они дошли въ области вокализма до полнаго ослабленія звуковаго строя. Въ древнеславянскомъ нарѣчіи, старѣйшемъ представителѣ начальной исторіи всѣхъ славянскихъ нарѣчій, два глухіе гласные явились намѣстниками нѣкогда жившихъ полныхъ гласныхъ звуковъ. Есть основаніе думать, что и другія славянскія нарѣчія прошли чрезъ эту стадію ниспаденія полныхъ гласныхъ элементовъ на степень глухихъ. Но вотъ наступила новая эпоха въ жизни славянскихъ нарѣчій. Какъ ни слабы были глухіе гласные, но они мало-по-малу начали падать. И эта эпоха началомъ своимъ восходитъ къ доисторическому періоду, хотя конецъ ея освѣщается первыми лучами исторической жизни, которая во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ начинается фактомъ паденія глухихъ гласныхъ. Фактъ этотъ можно считать основнымъ, исходнымъ пунктомъ начальной связи всѣхъ славянскихъ нарѣчій, съ другой стороны, пограничнымъ пунктомъ между ихъ доисторическимъ существованіемъ и болѣе достовѣрной эпохой исторической жизни.

Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ славянской письменности мы видѣли паденіе глухихъ гласныхъ. Чтобы попасть на страницы рукописей, оно должно было существовать въ живой рѣчи, а извѣстно, что звуковыя особенности этой послѣдней древнѣе письменнаго своего воспроизведенія. Какъ бы то ни было, только въ юсовыхъ, напр., памятникахъ XI в. смѣшеніе глухихъ, а равно отсутствіе ихъ тамъ, гдѣ они должны были бы стоять по требованію этимологіи, наконецъ, пе-

реносъ ихъ на верхъ строки въ видѣ знаковъ, а не буквъ, выражавшихъ какой нибудь звукъ,—всѣ эти явленія встрѣчаются на каждой страницѣ. Отсюда мы дѣлаемъ заключеніе, что и въ X—IX вв., изъ которыхъ почти не сохранилось письменныхъ свидѣтельствъ, глухіе гласные стояли нетвердо. Если же это справедливо въ отношеніи къ древнеславянскому нарѣчію, то нѣтъ никакихъ основаній отрицать возможность аналогическихъ явленій и для русскихъ нарѣчій въ доисторическую эпоху существованія ихъ подъ формами праязыка русскаго. И дѣйствительно, въ древнѣйшихъ памятникахъ славянорусской письменности паденіе глухихъ звуковъ выразилось, какъ мы видѣли, изобильными и, такъ сказать, ощутимыми фактами.

Убыль гласныхъ элементовъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ восполнялась различнымъ образомъ. Всѣ гласные полные: *і*, *е*, *а*, *о*, *у* пошли въ ходъ для замѣны погибшихъ глухихъ, но главная роль въ этомъ отношеніи принадлежитъ звукамъ *о* и *е*. Они появились не только тамъ, гдѣ были прежде ъ и ь, но и вообще во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ требовалось разбить скопленіе согласныхъ. Эту эвфоническую роль они исполняютъ во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ, не измѣняясь въ малорусскомъ въ любимое *і*. Очевидно, *о* и *е* вмѣсто ъ и ь древнѣе малорус. *і* вмѣсто основныхъ *о*, *е*, слѣдовательно, потребность ввести полные гласные вмѣсто глухихъ возникла раньше малорусскаго *і*, и въ свою очередь, причина, создавшая эту потребность, т. е. паденіе глухихъ гласныхъ есть явленіе еще болѣе раннее. Въ древнерусской письменности оно выразилось, по нашему мнѣнію, особенно характернымъ образомъ, именно, постановкой глухихъ предъ плавными *л* и *р*, а не послѣ нихъ. Должно полагать, что побужденіемъ къ этой перестановкѣ была утрата ъ и ь въ смыслѣ глухихъ звуковъ, потребность произнести ихъ ясно. Въ этомъ случаѣ предстояло языку поступить двояко: или совсѣмъ оставить ъ и ь безъ всякаго произношенія, но тогда получились бы двухчленныя и трехчленныя группы согласныхъ, совершенно невозможныя въ произношеніи, напр: *л(ь)г(ъ)ко*, *вр(ъ)ху*, *ср(ъ)д(ь)це*, *цр(ъ)к(ъ)въ* и проч.,—или же превратить глухіе въ полные гласные, но тогда мѣсто глухихъ послѣ плавныхъ, которые сами по себѣ достаточно удобны для произношенія и не нуждаются въ поддержкѣ полныхъ гласныхъ, должно было измѣниться. Болѣе нуждаются въ этой поддержкѣ другіе согласные звуки, и вотъ, для равновѣсія согласныхъ элементовъ съ гласными, явилась надобность поставить

бывшіе глухіе гласные передъ плавными согласными. Заручившись полнымъ гласнымъ звукомъ, можно произнести слѣдующія затѣмъ группы согласныхъ легко и свободно, тогда какъ безъ этого условія, и притомъ при глухихъ гласныхъ, они были бы неудобопроизносимы. Такое же неудобство встрѣтилось бы и тогда, если бы предъ плавными стояли глухіе, а не полные гласные: находясь въ корнѣ слова, эти глухіе должны были бы выдерживать на себѣ напоръ голоса, соединенный большею частію съ удареніемъ, и въ то же время оставаться глухими звуками. *Въ* этомъ положеніи, намъ кажется, глухіе гласные должны были потерять характеръ глухихъ и прозвучать ясно: видимымъ знакомъ этой ясности и полноты звука была перестановка ихъ передъ плавные согласные; съ другой стороны, связь этого явленія съ русскимъ полногласіемъ [1]), т. е. съ тѣми формами, въ которыхъ впереди и послѣ плавныхъ явственно слышны полные гласные звуки, тоже свидѣтельствуетъ о томъ, что ъ и ь въ слогахъ *ър, ъл* произносились, какъ звуки полные. Допустивъ обратное предположеніе, мы должны будемъ отвергнуть полные гласные элементы и въ полногласныхъ формахъ, что противорѣчило бы идеѣ полногласія.

Такимъ образомъ, въ самыхъ первыхъ проявленіяхъ самостоятельной жизни русскаго языка мы замѣчаемъ стремленіе возстановить полноту гласныхъ элементовъ, утраченную еще въ доисторическую эпоху. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что полногласіемъ начинается документальная исторія русскаго языка, и что оно совпадаетъ съ другимъ не менѣе достовѣрнымъ фактомъ т. е. съ паденіемъ глухихъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ. Что касается перестановки глухихъ передъ плавные звуки, а равно и превращенія глухихъ въ полные гласные передъ другими согласными, то оба эти явленія, очевидно, были плодомъ эпохи паденія глухихъ звуковъ.

Какъ отразилась эта эпоха на древнерусскомъ консонантизмѣ?

Она оставила на немъ самые разрушительные слѣды. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ея было образованіе новыхъ сочетаній между звуками согласными: тѣ изъ нихъ, которые отдѣлялись прежде другъ отъ друга гласными звуками, теперь сдвинулись вмѣстѣ. Явились новыя группы согласныхъ, прежде не существовавшія, и вмѣстѣ съ тѣмъ вступила во всѣ свои права количественная и качественная ассими-

[1]) См. выше, стр. 62, 63, 64, 65.

ляція согласныхъ. На каждой страницѣ древнѣйшихъ памятниковъ славянскихъ и славянорусскихъ встрѣчаемъ рѣзкіе слѣды новыхъ комбинацій между согласными звуками. Для поясненія своей мысли выпишемъ нѣсколько примѣровъ изъ словъ Гр. Богосл. (XI в.): *кто, мног, все, ничтоже*[1]), *створилъ, бе съблазна, въс краи, бес хытрости*[2]). Рядомъ съ опущеніемъ глухихъ, очень часто въ одномъ и томъ же памятникѣ, иногда въ одномъ и томъ же словѣ, видимъ правильное употребленіе ихъ, что, съ одной стороны, соотвѣтствуетъ сложному характеру древнерусской письменности, воспринявшей въ себя вліяніе разныхъ говоровъ и разныхъ эпохъ, съ другой стороны, до нѣкоторой степени свидѣтельствуетъ о раздвоеніи писцевъ между этимологическимъ или, лучше сказать, орѳографическимъ преданіемъ и фонетикой живой рѣчи. Эта неустойчивость въ употребленіи согласныхъ такъ велика, что положительно въ иныхъ случаяхъ нѣтъ никакой возможности сдѣлать надъ ними точныя наблюденія. Такъ, есть множество примѣровъ перехода звучныхъ согласныхъ въ отзвучные передъ звучными, что противорѣчитъ основнымъ требованіямъ славянской и русской фонетики: таковы, напр., формы: *по роснамъ землямъ* (Сказ. о Бор. и Гл. XII в.)[3]), *сдравие* (Сл. Кир. Тур. XIII)[4]), *многашды* (Жит. Ниф. XIII в.)[5]) и проч. Не менѣе часто встрѣчаемъ механическую сопостановку согласныхъ, которая, безъ сомнѣнія, существовала только на письмѣ, а не въ дѣйствительномъ произношеніи. Таковы, напр. формы: *бжство* (Служ. мин. XI в.)[6]), *вълшвьбамъ* (Кормч. XIII в.)[7]): трудно представить себѣ, чтобы въ устахъ народа существовали подобныя трехчленныя и четырехчленныя группы согласныхъ.

Не все, однако же, въ этой путаницѣ правописанія можно считать фикціей. Рядомъ съ формами фиктивными, встрѣчаются формы народно-фонетическія. Такъ, нельзя сомнѣваться въ народности такихъ формъ, какъ, напр: *изд ростова, бещисльны*[8]), *ищадъ, дъжчь, хрщенье,*

---

1) Будиловъ. Изслѣд. яз. XIII сл. Гр. Бог.

2) Из. Ак. X, V. 487—488.

3) Чт. 1870 кн. I, 1.

4) Бусл. Ист. хр. 358.

5) Из. Ак. X, VI. 595.

6) Из. Ак. X, V. 436.

7) Бусл. Ист. Хр. 380.

8) Сказ. о Бор. и Гл. Чт. 1870, кн. I, 2.

исхожлше [1]). Основываясь на происхожденіи памятниковъ, можно даже иногда пріурочить такого рода формы къ извѣстнымъ мѣстностямъ. Съ наибольшею рѣзкостію выступаютъ діалектическія особенности новгородскаго консонантизма: мы разумѣемъ взаимную смѣну согласныхъ свистящихъ съ шипящими: *циновъ* вм. *чиновъ* (Служеб. мин. XI в.) [2]), и наоборотъ: *сиче* вм. *сице* (Тріодь постн. XI в.) [3]) Показанія древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ въ этомъ случаѣ совершенно совпадаютъ съ современнымъ сѣвернымъ великорусскимъ говоромъ. Труднѣе прослѣдить по памятникамъ современный строй малорусскаго консонантизма, главнымъ образомъ, потому что самыя характеристическія особенности его можно наблюдать только въ украинскомъ говорѣ, а этотъ говоръ меньше другихъ отразился въ южнорусской письменности. Поэтому мы поставлены въ необходимость, анализируя малорусскіе согласные въ разныхъ звукосочетаніяхъ, съ наибольшею своеобразностію выступающихъ въ украинскомъ говорѣ, дать преобладающее значеніе сравнительному методу и ограничиться историческими соображеніями въ видѣ общихъ наблюденій, и только изрѣдка—въ видѣ фактическихъ указаній и сближеній. Группы согласныхъ въ украинскомъ говорѣ мы будемъ сравнивать съ древнеславянскими группами по Остромірову евангелію.

Начнемъ съ конечныхъ группъ двухчленныхъ и трехчленныхъ, потомъ перейдемъ къ двухчленнымъ серединнымъ и начальнымъ группамъ, наконецъ, къ трехчленнымъ серединнымъ и конечнымъ группамъ, а также къ немногимъ четырехчленнымъ серединнымъ.

Прежде всего, однако же, считаемъ нужнымъ сдѣлать оговорку, что мы не исключали изъ перечня согласныхъ группъ тѣхъ сочетаній, которыя получаются при измѣненіи словъ въ склоненіи и спряженіи, а равно и тѣхъ, которыя образуются въ предложныхъ словахъ изъ соединенія согласнаго, относящагося къ предлогу, съ начальнымъ согласнымъ самаго слова. Что касается тѣхъ группъ, которыя появляются при стеченіи двухъ словъ въ предложеніи, то онѣ не вошли въ общій списокъ всѣхъ согласныхъ группъ въ слѣдствіе особенныхъ условій своего образованія: разстановка словъ въ предложеніи обусло-

[1]) Галиц. ев. Истор. хр. Бусл. 42, 44, 42, 41.

[2]) Из. Ак. X, V. 437.

[3]) Ibid. 450.

влена гораздо болѣе логическими, чѣмъ фонетическими требованіями, поэтому, всѣ сочетанія, обязанныя въ какой бы то ни было степени постороннему вліянію, какъ сочетанія, не основанныя на строго фонетическомъ началѣ, взяты нами только для соображенія, и притомъ въ такой лишь степени, въ какой служатъ онѣ потребностямъ эвфоніи и вообще фонетики [1]).

Всѣхъ конечныхъ согласныхъ группъ въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія 26. Вотъ онѣ:

Группы отзвучныя: СТ, СТЬ (*зрiст, гiсть*), СК (*приск*—горячая зола), ШТ: (*кошт, куншт*—слова заимствованныя), ШЧ=Щ: (*дощ*). Славянскую форму слова: *дъждь* возводятъ къ санскр. *дadh-an, дadh-i* [2]). Посредствующей формой между славянс. *дъждь* и малорус. *дошч* можно считать встрѣчающуюся въ Поуч. Ефр. Сирина форму: *дожчь*—и даже раньше въ Галиц. ев. (XII в.): *дъжчь, дъжчить* [3]). Вообще группа ЖЧ вмѣсто ЖД довольно обычна въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ. Такъ, въ Луцк. ев. (XIV в): *изжченеть* вм. *изжденеть*, *рожчьѥ*, вм. *рождьѥ* [4]). Потебня видитъ въ этой группѣ посредствующую ступень между основной группой ЖД и малорус. Щ, (*шч*) [5]), но оставляетъ все таки нерѣшеннымъ вопросъ о появленіи отзвучной группы ЖДЖ. Ступени въ развитіи этой послѣдней группы, по его мнѣнію, такія: ЖДЖ, ЖДЖJ, ЖДJ и, наконецъ, ЖГJ—оригинальная группа, встрѣчающаяся въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, напр. въ Стихирарѣ 1154 г: *одъжгиньи*, въ Новгородс. 1-й лѣтописи по сино-

---

[1]) Весьма можетъ быть, что за недостаткомъ сколько нибудь дѣльнаго малорусскаго словаря, нашъ перечень можетъ оказаться неполнымъ. Мы считали группы согласныхъ по рукописному словарю Бѣлецкаго—Носенко, найболѣе полному изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ малорусскихъ словарей. Впрочемъ, неполнота нашего исчисленія, обусловленная недостаткомъ одного изъ самыхъ необходимыхъ пособій, не представляется намъ значительной. Думаемъ, что и въ томъ матеріалѣ, который мы успѣли собрать, есть достаточно данныхъ для того, чтобы сдѣлать соотвѣтствующіе выводы относительно характера малорусскихъ согласныхъ.

[2]) Fick. Vergleich. Wörterb. indogerm. Spr. 1871. 98.

[3]) Потеб. Зам. 82.

[4]) Востов. Опис. рукоп. Рум. муз. 176.

[5]) Потеб. Зам. 81.

альному списку и въ Ипатьевс. лѣтописи: *дожгь, дожгьцю* [1]). Оставляя въ сторонѣ неясное для насъ появленіе *г* въ этомъ словѣ, мы думаемъ, что форма: *дожчь* образовалась путемъ диссимиляціи, которая наступила тогда, когда почувствовалась надобность оттѣнить въ произношеніи два однородные звука: Ж и ДЖ, тѣмъ болѣе, что это были конечные звуки, не опиравшіеся на гласный элементъ. Диссимилироваться долженъ былъ послѣдній звукъ, иначе совсѣмъ не было бы слышно перваго. Такимъ образомъ, изъ ЖДЖ явилась группа ШТШ, т. е. ЖЧ, а затѣмъ, съ теченіемъ времени, предъ отзвучнымъ *ч* и звукъ *ж* долженъ былъ потерять свою звучную природу, т. е. превратиться въ *ш*. Въ этомъ смыслѣ группу ЖЧ можно считать посредствующей формой между ЖДЬ и позднѣйшей ШЧ.

Группы полузвучныя: РК *(зирк)*, РТ *(хорт)*, РХ *(верх)*, РЧ *(сторч)*, ЛЬК *(гульк)*, ЛТ *(гвалт*—заимств.*)*, ЛЬШ *(більш)*, НК *(шинк*—заимств.), НТ *(гвинт*-заимств.*)*, НШ *(чинш*-заимств.*)*, ВК *(вовк)*, ВТЬ *(бовть)*, ВЧ *(жовч)*, ВШ *(ковш)*.

Группы звучныя: РБ *(скарб)*, РГ *(торг)*, РЖ *(корж)*, РМ *(покорм)*, ВБ *(стовб)*, ВЖ *(вдовж)*, ЗД *(гаразд, гвоздь)*, ЗК *(брязк)*.

Итакъ, конечныхъ группъ отзвучныхъ 4, полузвучныхъ 14, вполнѣ звучныхъ 8.

Въ древнеславянскомъ нарѣчіи въ концѣ словъ, какъ извѣстно, стояли глухіе гласные, и потому въ немъ не было ни одного изъ приведенныхъ нами малорусскихъ окончаній. Они образовались постепенно, по мѣрѣ паденія глухихъ гласныхъ, и въ этомъ отношеніи составляютъ продуктъ очень давнихъ превращеній, которымъ въ большей или меньшей степени подверглись всѣ славянскія нарѣчія. Съ своей стороны считаемъ нужнымъ только указать особенности въ постройкѣ конечныхъ группъ малорусскихъ.

Нельзя не замѣтить въ малорусскомъ нарѣчіи стремленія, по мѣрѣ возможности, облегчить произношеніе согласныхъ окончаній, если они состоятъ изъ группъ отзвучныхъ. Вотъ почему конечныхъ двухчленныхъ группъ, которыя бы состояли изъ мгновенныхъ согласныхъ, въ малорусскомъ нарѣчіи вовсе нѣтъ: здѣсь возможны только такія отзвучныя группы, въ которыхъ предшествующій элементъ длительный, т. е. звукъ болѣе удобный въ произношеніи, чѣмъ согласный

[1]) Потеб. Зам. 84.

мгновенный. Да и вообще отзвучныхъ группъ, сравнительно съ общимъ числомъ двухчленныхъ группъ, очень немного. Что касается трехчленныхъ группъ, то ихъ на концѣ словъ совсѣмъ нѣтъ, даже въ томъ случаѣ, когда въ концѣ стоятъ удобные для выговора плавные *р, л:* обыкновенно въ этомъ случаѣ вставляется гласный элементъ: *Днiстер*, *клейстер* и проч. Тотъ же звукъ *е* и съ тою же цѣлiю появляется иногда и въ двухчленныхъ окончанiяхъ: *рубель*, *корабель* вм. великорус: *рубль*, *корабль*. Трехчленныя окончанiя переводятся такимъ образомъ въ двухчленныя, двухчленныя—въ одночленныя: съ этою послѣднею цѣлiю иногда просто отбрасывается конечный согласный звукъ, что видно, напр. изъ слова: *четвер(г)*. Путемъ отбрасыванiя одночленныя окончанiя пропадаютъ, и слово обнажается до гласнаго элемента: *спасибi(г)*, *пробi(г) (про Бога)*. Однимъ словомъ, гласныя окончанiя составляютъ нѣчто искомое въ малорусскомъ нарѣчiи. Въ этомъ убѣждаетъ насъ цѣлый рядъ характеристическихъ фактовъ.

Во 1-хъ, во многихъ словахъ мы встрѣчаемъ гласныя окончанiя тамъ, гдѣ въ древнеславянскомъ нарѣчiи стоялъ глухой звукъ ъ, напр: *Днiпрò*, *Павлò*, *пiемò*. Гласный звукъ въ этихъ и подобныхъ формахъ обязанъ своимъ появленiемъ не ударенiю, что видно изъ словъ: *Данило*, *пишемо*, *стiймо*. Окончанiе *мо* въ повелит. наклоненiи глаголовъ встрѣчается уже въ XIII в. въ древнѣйшемъ южнорусскомъ памятникѣ—въ поученiяхъ Ефр. Сирина: *покоимося*, *поразумѣимо*, *работаимо*, *послушаимо* [1]).

Въ 2-хъ, во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчiя распространена вокализацiя нѣкоторыхъ согласныхъ. Такъ, древнеславянское окончанiе спрягаемаго причастiя *лъ* всюду слышится, какъ краткое *у*, которое, вмѣстѣ съ предшествующимъ гласнымъ звукомъ, составляетъ дифтонгъ: *знаў*, *ходиў терпiў*. Довольно ощутима эта форма въ Словѣ Иларiона (по рукоп. XIV в.): *іеваніельскый источник наводнивсѧ*. и *всю землю покрывъ. и до насъ пролилвсѧ*. [2]). Вся эта фраза построена не въ видѣ придаточнаго предложенiя, слѣдовательно, сказуемое въ ней выражено спрягаемымъ причастiемъ, а не склоняемымъ. Смѣшенiе одного причастiя съ другимъ началось, по видимому, очень рано, судя по тому, что въ Сборн. 1073 г. есть такая фраза: *„иже третиѥ*

---

[1]) Срезн. Свѣд. I, 49—50.

[2]) Сборн. Царск. Чт. 1848, № 7.

давъ [1])". Но очевидно, смѣшеніе это обусловлено эвфоническою потребностію вокализовать согласный звукъ *л*. Посредникомъ въ самомъ процессѣ вокализаціи явился звукъ *в*—согласный звучный, легко переходящій въ элементъ чисто гласный *у*. Наклоненіе *в* къ *у* замѣтно во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ и встрѣчается притомъ въ самыхъ древнихъ памятникахъ. Такъ, въ Волынскомъ спискѣ поученій Ефр. Сирина (XIII в.) видимъ частый обмѣнъ *в* съ *оу*: *оуспрѧнемъ*, *оу часъ*, *оу пагубу*, и наоборотъ: *повчѣньѥ, навчила, вгодно*. При этомъ любопытно колебаніе писца, разомъ желавшаго угодить правописанію и народной фонетикѣ: вм. *въ* онъ ставитъ иногда *ѹвъ: ѹвъ молитвахъ, ѹвъ спасеніи* [2]). Въ XIV в. этотъ обмѣнъ составляетъ уже настоящую принадлежность южнорусскихъ актовъ и вообще южнорусской письменности. Такъ, въ Луцкомъ евангеліи очень часто стоитъ *оу* вм. *въ*, и наоборотъ: *оускрѣшю*, *оуторая*, *оусему*, *оуспѣхъ*, *аоурама*, *въча оу церкви*, *въмерти*, *вѫже*, *вьхо* [3]). Вокализація *в* въ *оу* въ то время и раньше была явленіемъ, видимо, распространеннымъ не на одномъ югѣ: въ Смоленс. грам. XIII в. читаемъ: *оу Роусе, оу Ризе, ѹздоумалъ, оузѧти* [4]). Оно было обычно и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, что видно, напр., изъ сербс. еванг. XII в: *ѹстане, вьмрѣти* [5]), а также изъ юсовыхъ памятниковъ: такъ, въ Тріоди Григор. (XII—XIII в.) есть такія формы: *възрятъ, оправдати, въ праўдѣ* [6]). Но составляя въ древнее время фонетическую принадлежность не одних русскихъ нарѣчій, обмѣнъ *в* съ *у* получилъ особенно широкое развитіе въ нарѣчіяхъ малорусскомъ и сербскомъ. Въ первомъ изъ нихъ *в* звучитъ совершенно гласнымъ элементомъ не только въ концѣ словъ, но и въ срединѣ, особенно послѣ гласныхъ звуковъ: *заўтра, праўда*. Въ характерѣ малорусскаго *в* такъ много гласнаго элемента, что въ украинскомъ и сѣверномъ малорусскомъ говорѣ онъ никогда не можетъ перейти въ отзвучный согласный *ф*. Этотъ послѣдній звукъ встрѣчается только въ галицкомъ говорѣ, особенно въ лемковскомъ разнорѣчіи.

---

1) Ламанс. Опис. слав. рукоп. 68.

2) Срезн. Свѣд. 50—51.

3) Вост. Опис. рукоп. Р. М. 176.

4) Бусл. Ист. христ. 350. 351. 349. 351.

5) Срезн. Свѣд. 33.

6) Срезн. Юсов. пам. 119.

Итакъ, мы полагаемъ, что древнеславянскій слогъ *лъ* вокализовался въ малорус. нарѣчіи не прямо, но посредствомъ *в*, что этотъ звукъ раньше началъ переходить въ *у*, чѣмъ *лъ* въ *в* и потомъ въ *у*. Когда установилась вокализація *в*, тотчасъ и родственное ему твердое *л*, которое въ нарѣчіяхъ сербскомъ, словацкомъ и чешскомъ относится къ разряду гласныхъ звуковъ, перешло въ *у*.

Говоря о вокализаціи *лъ* въ *у*, мы должны, однако же, постоянно имѣть въ виду краткость этого звука. Являясь въ слогѣ въ качествѣ элемента краткаго, *у* не производитъ на слухъ впечатлѣнія полнаго гласнаго звука: это звукъ, такъ сказать, двухстихійный, полугласный. Онъ легко переходитъ въ согласный звучный *в*, если за нимъ слѣдуетъ гласный звукъ: *чо-в-ен* вм. *чоун*, древнесл. *члънъ, по-в-ен* вм. *поун*, древнесл. *плънъ*. Аналогическія формы въ сербскомъ нарѣчіи: *пун*, *чун* объясняются подъемомъ гласнаго элемента *лъ* въ *у*, тамъ же, гдѣ *л* послѣ гласныхъ переходитъ въ *о* (*био*—билъ, *зао*—золъ), признаютъ вокализацію согласнаго *л* въ *о* [1]). Намъ кажется, вокализацію *л* можно допустить и въ формахъ: *пун*, *чун* изъ *плънъ—повн, поун*, затѣмъ, путемъ стяженія, *пун*. Въ малорусскомъ нарѣчіи стяженія этихъ формъ не воспослѣдовало: однѣ изъ нихъ остались при согласномъ *в* съ неорганическимъ *е*: *по-в-е-н*, другія—при полугласномъ *в* предъ согласными звуками, которые за этимъ *в* слѣдуютъ: *вовк—влъкъ, повсть—плъсть*, *стовб* и *стовп—стлъбъ*. Такимъ же полугласнымъ элементомъ является *в* въ малорусскомъ нарѣчіи и въ концѣ словъ: *пішоу͡*, *ходиу͡*, *казау͡*. Такъ какъ само по себѣ *у* не составляетъ здѣсь слога, то, очевидно, комплексы: *оу͡*, *иу͡*, *ау͡* относятся къ разряду дифтонговъ. Такъ какъ, съ другой стороны, это *у*, при встрѣчѣ съ другимъ словомъ, которое начинается съ гласнаго звука, легко отвердѣваетъ въ согласный звукъ *в*, (напр: *знав я*), то его можно считать полугласнымъ, и потому *оу͡*, *иу͡*, *ау͡* мы считаемъ неполными дифтонгами, полудифтонгами. Поэтому въ транскрипціи этихъ звуковъ мы удерживаемъ форму среднюю между *л* и *у*, т. е. *в*: *вовк, знав* и проч.

Такимъ образомъ, посредствомъ вокализаціи конечнаго *л*, согласныя одночленныя окончанія переведены въ малорусскомъ нарѣчіи въ полугласныя: гласный элементъ, обезсиленный въ концѣ словъ паденіемъ глухихъ звуковъ, путемъ позднѣйшихъ превращеній, былъ до

---

[1]) Jagič. Gram. Jez. Hèrvats. 73.

извѣстной степени снова возстановленъ. Правда, далеко не то представляютъ уже нынѣ малорусскія окончанія словъ, чѣмъ они были въ празыкѣ русскомъ въ эпоху глухихъ гласныхъ. Мы насчитали 26 двухчленныхъ согласныхъ окончаній; вмѣстѣ съ тѣмъ, съ паденіемъ ъ и ь, получилась огромная масса согласныхъ одночленныхъ окончаній. Но если признавать древнеславянское нарѣчіе отраженіемъ древнѣйшаго звуковаго строя нарѣчій русскихъ, то не слѣдуетъ забывать, что и въ древнеслав. нарѣчіи не каждое слово оканчивалось гласнымъ звукомъ. Такъ, всѣ юсовыя окончанія замыкались согласнымъ звукомъ н (*имѧ*, *водѫ* и проч.); кромѣ того, многія слова оканчивались согласнымъ элементомъ іотой (*край*, *иной*) [1]. Съ другой стороны, въ современномъ состояніи малорусскаго нарѣчія, гласныхъ окончаній въ немъ гораздо больше, чѣмъ во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Собственно говоря, во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ большая часть словъ и донынѣ оканчивается гласнымъ звукомъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда они оканчиваются согласнымъ звукомъ, встрѣчаются въ концѣ простые согласные чаще, чѣмъ группы согласныхъ. Что касается сравнительнаго отношенія согласныхъ звуковъ къ гласнымъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, то, по счету Гатталы, сдѣланному на основаніи славянскихъ переводовъ молитвы: „Отче нашъ", оно является въ такомъ видѣ. Въ языкѣ древнеслав. между

	56 словами	47 гласныхъ окончаній и	9 согласныхъ.
Въ сербскомъ	53	42	11
Въ босняцкомъ	49	35	14
Въ словинскомъ	50	30	20
Въ русскомъ	52	32	20
Въ биб. Лонд.	52	28	24
Въ польскомъ	51	31	20
Въ верхнелуж.	51	31	20
Въ нижнелуж.	51	33	18
Въ словацкомъ	50	29	21
Въ чешс. катол.	50	26	24
Въ Крал. биб.	50	25	25

Гаттала жалуется на недостатокъ малорусскаго словаря, что помѣшало ему сдѣлать счетъ согласныхъ группъ для малорус. нарѣчія [2].

[1]) Hattala. De contiguarum consonant. mutatione. 25—33.

[2]) Ibid. 71.

На основаніи рукописныхъ источниковъ, которые были намъ доступны, мы вознамѣрились восполнить пробѣлъ въ сравнительномъ обозрѣніи согласныхъ группъ, предложенномъ Гатталой. Въ малорусскомъ переводѣ молитвы господней по Пересопницкому евангелію изъ 53 словъ— 38 окончаній гласныхъ и только 14 согласныхъ, при чемъ два слова оканчиваются іотой [3]). Въ малорусскомъ переводѣ евангелія, изданнаго въ Вѣнѣ въ 1871 г., всѣхъ словъ въ молитвѣ Господней тоже 53: изъ нихъ 37 оканчивается на гласный звукъ, а 16 на согласный: въ числѣ этихъ 16 пять словъ оканчиваются іотой. Слѣдовательно, сравнительно съ другими славянскими нарѣчіями, по количеству гласныхъ окончаній, малорусское нарѣчіе занимаетъ первое мѣсто послѣ сербскаго и стоитъ почти рядомъ съ босняцко-сербскимъ говоромъ. И дѣйствительно, въ ряду другихъ славянскихъ нарѣчій, сербское и малорусское отличаются изобиліемъ гласныхъ элементовъ.

Но есть въ малорусскомъ нарѣчіи спеціально ему свойственное средство удерживать оттѣнокъ гласности въ самыхъ согласныхъ звукахъ, въ слѣдствіе чего облегчаются согласныя окончанія словъ. Мы разумѣемъ предпочтеніе, оказываемое малорусскимъ нарѣчіемъ согласнымъ звучнымъ предъ отзвучными. Мы уже видѣли, что въ моментъ произношенія звучныхъ согласныхъ напрягаются и дѣйствуютъ голосовыя связки, поэтому къ этимъ звукамъ примѣшивается гласный звучащій оттѣнокъ. И вотъ, въ слѣдствіе тяготѣнія къ гласнымъ окончаніямъ, въ малорусскомъ нарѣчіи господствуютъ звучные согласные въ окончаніяхъ словъ: чисто звучныхъ двухчленныхъ окончаній почти въ три раза больше, чѣмъ отзвучныхъ, въ остальныхъ согласныхъ группахъ звучный элементъ уравновѣшенъ съ отзвучнымъ. Что касается до одночленныхъ согласныхъ окончаній, то они имѣютъ ту особенность въ малорусскомъ нарѣчіи, что звучные, по исключеніи глухихъ гласныхъ, не переходятъ въ отзвучные: *лоб, поріг, мед, ніж, віз*, а не *лоп, поріх, мет, ніш, віс*. Въ этомъ отношеніи малорусское нарѣчіе представляетъ контрастъ не только съ великорусскимъ, но и со всѣми остальными славянскими нарѣчіями.

Во всѣхъ ли говорахъ малорусскаго нарѣчія одинаково выдержаны звучные согласные въ концѣ словъ?

Головацкій и Осадца утверждаютъ, что звучные согласные въ

[3]) Перес. ев. Лук. гл. II, зач. 55.

галицкомъ говорѣ выговариваются, какъ соотвѣтствующіе имъ отзвучные: *люб, хліб, черв* (?), *дід, обліг, князь, сторож* произносятся: *лоп, хліп, черф* (?), *діт, обліх, княсь, сторош* [1]). Въ образцахъ галицкой рѣчи, записанныхъ для нашего изслѣдованія, мы не нашли подтвержденія мнѣнію, высказанному двумя галицкими учеными. Изрѣдка только встрѣчается ассимиляція звучныхъ въ отзвучные въ срединѣ словъ, но никакъ не въ концѣ. Такъ же точно и въ образцахъ сѣвернаго малорусскаго говора, для насъ записанныхъ, звучные согласные вполнѣ выдержаны въ концѣ словъ, не выдержаны иногда въ срединѣ. Было бы желательно провѣрить этотъ фактъ новыми наблюденіями въ наибольшемъ количествѣ мѣстностей,—теперь же, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, можно сказать съ полною увѣренностію, что въ украинскомъ говорѣ законъ сохраненія звучныхъ согласныхъ проведенъ во всѣхъ подробностяхъ. Что касается другихъ малорусскихъ говоровъ, то въ концѣ словъ онъ, видимо, соблюдается съ большею настойчивостію, чѣмъ въ срединѣ. Можетъ быть, въ какихъ нибудь галицкихъ разнорѣчіяхъ Головацкому удалось слышать записанныя имъ формы: *лоп, хліп*; сомнѣваемся, впрочемъ, чтобы гдѣ нибудь въ Галиціи говорили: *черф*. Звукъ *ф*, дѣйствительно, существуетъ въ галицкомъ говорѣ, но только въ словахъ заимствованныхъ *(файний, Федір)* и притомъ, сколько намъ извѣстно, не въ ерированномъ видѣ. Въ грамматикахъ Головацкаго и Осадцы постоянно смѣшиваются элементы галицкой рѣчи съ обще-малорусскими, а тѣ и другіе съ великорусскими и даже славянскими, а потому переходъ конечныхъ звучныхъ въ отзвучные въ галицкомъ говорѣ мы должны считать показаніемъ сомнительнымъ до тѣхъ поръ, пока явленіе это не будетъ подтверждено фонетически—вѣрно записанными фактами. Наше сомнѣніе въ вѣрности наблюденій, сдѣланныхъ Головацкимъ, оправдывается, между прочимъ, тѣмъ соображеніемъ, что въ собственномъ изданіи пѣсенъ онъ чуждается фонетической транскрипціи, маскируя дѣйствительный звукъ этимологическимъ правописаніемъ. [2])

---

[1]) Голов. Грам. рус. яз. 31. Осад. 37.

[2]) Избѣгая голословности, выписываемъ первую попавшуюся намъ пѣсню:

Вонъ, хлопці, вонъ, на горѣ лёнъ,
На долинѣ зеленецъ, за три гроші молодецъ,
А за талярь дѣвка!

Вообще намъ кажется, что отсутствіе или же, по крайней мѣрѣ, слабое развитіе ассимиляціи звучныхъ въ отзвучные есть основная и вмѣстѣ съ тѣмъ характеристическая черта всѣхъ малорусскихъ говоровъ, и что она проведена только въ говорахъ сѣверномъ и галицкомъ съ меньшею послѣдовательностію, чѣмъ въ украинскомъ. Она явилась, по нашему мнѣнію, не сразу, а мало-по-малу, по мѣрѣ паденія глухихъ гласныхъ, въ связи съ другими превращеніями въ области вокализма, о которыхъ скажемъ въ послѣдствіи, явилась, какъ рефлексивная замѣна въ области согласныхъ нѣкогда жившаго гласнаго элемента. Она вызвана потребностію усилить вокальныя средства языка, истощившіяся потерей глухихъ гласныхъ, слѣдовательно, черта эта выражаетъ не столько моментъ слабости вокализма, сколько моментъ обратнаго движенія его къ самовозстановленію.

Мы еще будемъ имѣть много случаевъ возвращаться къ выводамъ изъ факта, подлежащаго нашему изслѣдованію, теперь же ограничиваемся общимъ замѣчаніемъ, что въ концѣ словъ въ малорусскомъ нарѣчіи положительно преобладаютъ звучные элементы. Они существуютъ, во первыхъ, въ видѣ огромнаго большинства гласныхъ окончаній, во вторыхъ, въ видѣ двухчленныхъ и одночленныхъ звучныхъ согласныхъ окончаній.

Мои люби ластôвочки,
Просили васъ, матêночки,
Ой сойдѣтся вразъ,
И въ доловй трясъ. (Чт. 1866 г. кн. 3-я, 688—689).

По поводу этого отрывка можно было бы предложить много вопросовъ, но мы ограничимся слѣдующими:

Чѣмъ отличаются въ произношеніи *ô* отъ *ѣ*? Какъ звучитъ въ словѣ: *люби* (имен. множ.) буква *и*—какъ среднее *и* или же, какъ острое, неіотированное *і*? Зачѣмъ написано *вразъ*, когда, по требованію фонетики, заявленному самимъ Головацкимъ въ его грамматикѣ, *з* должно перейти въ отзвучное *с*? Зачѣмъ вообще допущена эта сбивчивость въ правописаніи, которое, посредствомъ надстрочныхъ знаковъ, какъ будто бы стремится уловить дѣйствительный звукъ, при всемъ томъ остается при этимологической, отчасти великорусской, отчасти славянской традиціи и, такимъ образомъ, преслѣдуя разомъ двѣ цѣли, ни одной изъ нихъ не удовлетворяетъ, какъ слѣдуетъ?

Переходимъ къ двухчленнымъ группамъ согласныхъ въ началѣ и въ срединѣ словъ.

Сперва исчислимъ начальныя группы звучныя, потомъ отзвучныя, наконецъ, полузвучныя.

Звучныя:

ВР (*враг*), БР (*брати*), ДР (*драти*), ГР (*грати*), ЗР (*зрізати, зрубати*), МР (*мріти*).

Приведенныя нами формы съ начальной группой ЗР образовались на почвѣ малорусскаго нарѣчія; потеря глухаго ъ въ предлогѣ *съ* (*съръзати, сърѫбити*) повлекла за собою непосредственную встрѣчу отзвучнаго *с* съ звучнымъ *р*. Послѣдствія очевидны.

БЛ (*благати*), ВЛ (*влучити*), ГЛ (*глядіти*), ЗЛ (*злодій, злазити*), МЛ (*млин*).

Злагати образовалось изъ *сълагати* такимъ же путемъ, какъ *зрізати* изъ *съръзати*.

ГН (*гнати, гнітити*), ДН (*дно, днітц*), ЖН (*жниво*), ЗН (*знати*), МН (*мняти, мясо*).

Группы ДН и ЖН въ началѣ словъ мало употребительны: обѣ онѣ образовались въ слѣдствіе потери глухихъ гласныхъ, вторая — изъ древнѣйшей формы: *жьня*. Звукъ *н* въ группѣ *мн* эвфоническаго происхожденія: онъ замѣняетъ эпентетическое *л*, при помощи котораго устраняется непосредственная встрѣча губныхъ съ іотированными гласными [1]).

ДМ, ДЬМ (*дму, відьма*), ЖМ (*жму, жменя*), ЗМ (*змагатись, змогти*).

Всѣ три группы предполагаютъ потерю ъ и ь; въ группѣ ЗМ звучный *з* образовался изъ *с* посредствомъ ассимиляціи. *Змогти* предполагаетъ *възмощи* (въ Сборн. 1073: *възможе*) [2]): трехчленная группа, образовавшаяся по исключеніи ъ, превращена въ двухчленную.

ГВ (*гвалт*, нѣмецк. gewalt), ДВ (*двері, двір*), ЖВ (*жвавий*), ЗВ (*зводити, зважити*), РВ (*рвати*).

Въ послѣднихъ словахъ *з* изъ *с* передъ звучнымъ *в*.

ВБ (*вбачати*), ВГ (*вганяти, вгамувати*, нѣмец. hemmen), ВД (*вдача*), ВЖ (*вживати*), ВЗ (*взаводи, взяти*), ВМ (*вміти*).

---

[1]) О томъ, что здѣсь *н* не изъ *л* см. Потеб. О звук. особ: 129.

[2]) Из. Ак. X, V. 426.

Вездѣ звучное *в*, переходящее въ *у*, если передъ нимъ стоитъ слово, оканчивающееся на согласный звукъ: (*хліба взяти*, *хліб узяти*, *добре вміти*, *так уміти*).

ЗБ (*збір*, *збивати*), ЗГ (*згадати*), ЗД (*здоровйа*), ЗЖ (*зжарити*)

Большею частію въ словахъ этого рода *з* изъ *с*. Ассимиляція *с* въ *з*, явственно, хотя и не твердо, является въ памятникахъ XIV в: такъ, въ одномъ и томъ же памятникѣ (Златая цѣпь) есть: *здрави* и *сдравье*) [1]).

ЖБ (*жбан*), ЖД (*ждати*), ЖЛ (*жлукто*—слово неизвѣстнаго намъ происхожденія).

Обѣ группы мало употребительны, какъ и въ древнесл. нарѣчіи, гдѣ, рядомъ съ *жбанець*, въ одномъ и томъ же значеніи есть форма: *чванъ* [2]).

БГ (*бгати*), БЖ (*бжола* и *бджола*).

Тоже рѣдкія группы. Въ словѣ: *бжола* мы видимъ превращеніе отзвучнаго *ч* въ звучный *ж*. Въ Остром. ев: *бъчела* [3]), въ Сборн. 1073 г: *бъчела* [4]), по исключеніи *ъ* или *ь*: *бчела* (Слов. Кир. Тур. XIII в. [5]), отсюда, путемъ регрессивной ассимиляціи, образовалась великорусская форма: *пчела*, путемъ ассимиляціи прогрессивной—малорус. *бжола*. Не менѣе характеристично образованіе слова: *бгати*. По всей вѣроятности, оно произошло изъ основной формы: *пъхати*, что видно, между прочимъ, изъ выраженія: *коровай бгати* (мѣсить тѣсто для приготовленія свадебнаго печенья).

ДБ (*дбати*), ДЖ (*джерело*), ДЗ (*дзвін*).

Слово: *дбати* (чешс. *dbáti*), по мнѣнію Гатталы [6]), образовалось посредствомъ перестановки изъ древнеслав: *бъдѣти*: по исключеніи *ъ*, звучный сохранился предъ звучнымъ. Присутствіе *д* въ начальныхъ группахъ: ДЖ и ДЗ удобнѣе всего объясняется специальною потребностію малорусскаго консонантизма усиливать звучный элементъ въ согласныхъ группахъ.

---

[1]) Бусл. Ист. хр. 494, 499.

[2]) Miklos. Lex. 194, 1111.

[3]) Изд. Вост. 44.

[4]) Бусл. Ист. хр. 261.

[5]) Ibid. 357.

[6]) Hat. O počateč. skup. 63.

КП *(кпити, кпитися)*, ПТ *(птах)*, ПХ *(пхати)*, ПШ *(пшениця)*, ПС *(псувати)*, ТК *(ткач)*, ТХ *(тхір)*, СК *(скибка)*, СХ *(схід)*, СП *(спровадити, спати)*, СТ *(стояти)*, СЦ *(сцяпати, сцільник)*, ЦЬК *(цькувати)*, ЧХ *(чхати)*, ШК *(школа)*, ШП *(шпиці, шпигати)*, ШТ *(штовхати)*, ШЧ *(шчо=що)*, ХТ *(хто)*.

Группы: КП, ПТ, ПХ, ПС, ТК, ТХ, ЦЬК, ЧХ, ХТ очень рѣдко встрѣчаются, притомъ нѣкоторыя изъ нихъ не туземнаго происхожденія. *Кпити* изъ нѣмецкаго *kebs* чрезъ польс. *kiep*. *Псувати*=польс. *psować* (древнеслав. *пьсъ*). Много словъ заимствованныхъ приходится также на группы: ШК, ШП, ШТ: *школа*, нѣмец. *Schaden*, древневерхненѣм. *scado* [1]), *шпиці*, нѣмец. *Spitze*, древневерхненѣм. *Spizzâ* [2]), *штовхати*, нѣмец. *stossen*. Основная форма *що* есть *чьто*. Переходной формой мы считаемъ встрѣчающееся въ древнѣйшихъ памятникахъ *што*. Первый составной элементъ звука *ч* (*тш*), т. е. *т*, по паденіи глухаго *ь*, вмѣстѣ съ длительнымъ *ш*, оказался предъ другимъ *т*, отсюда не *тшто*, но *што* въ слѣдствіе диссимиляціи мгновенныхъ согласныхъ. Затѣмъ послѣдующій согласный качественно уподобился предыдущему шипящему, и такимъ образомъ изъ *што* образовалась форма: *що*. Эта послѣдняя форма встрѣчается уже въ очень древнихъ памятникахъ, напр. въ Парамейн. Григор. (XII в.): *що* [3]), въ Погод. псалт. (XII в.): *рекъ Июда що ми хощете дати* [4]).—Изъ отзвучныхъ начальныхъ группъ найболѣе терпимы тѣ, въ которыхъ первый звукъ длительный.

Группы начальныя полузвучныя.

На 1-мъ мѣстѣ отзвучные мгновенные, на 2-мъ звучные:

КР *(крити)*, ПР *(прати)*, ТР *(трусити)*, КЛ *(класти)*; ПЛ *(плавати)*, КН *(князь*, литовс. *kunigas*, древневерхненѣм. *chuning*), [5]) ТЛ (*тло*, *тліти*), КВ (*квас*), ТВ (*твердий*).

На 1-мъ мѣстѣ отзвучные длительные, на 2-мъ звучные:

СР (*срібло*), ХР (*хрест*), ШР (*шрам*), СЛ (*слово*), ШЛ (*шлях*, *шляхта*), ХЛ (*хліб*), СН (*сніг*), СМ (*сміх*), ЦМ (*цмокати*), ЧМ (*чми-*

---

1) Miklos. Die Fremdwört. 57.

2) Ibid. 54.

3) Бусл. Ист. хр. 643.

4) Ламанс. Опис. сл. рук. 49.

5) Miklos. Fremdwört. 27.

знати), ШМ (*шмаргувати*), ХМ *хміль*, СВ (*світ*), ЦВ (*цвіт*), ЧВ (*чвалати*), ХВ (*хвиля*), ШВ (*шавачка*).

Групы съ плавными *р* и *л* очень употребительны; впрочемъ, сравнительно съ древнеслав. нарѣчіемъ, въ малорус. ихъ меньше: причина заключается въ перестановкѣ славянскихъ слоговъ *рь*, *лъ* въ *ор*, *ол*: *крьмити*, *прьстень*, *тръгъ*, *плънъ*, *тлъкати* въ малорусскомъ, какъ и въ великорусскомъ: *кормити*, *перстень*, *торгъ* и проч. Група ХР вм. КР встрѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ, напр. въ Галиц. еван. (XII в.): *хр'щенье* [1]. Група КВ въ малорусскомъ, какъ и въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ, замѣняетъ групу ЦВ въ словахъ: *квіт*, *квітка*, *квітчати*; вмѣстѣ съ *квіт*, *квіти* есть *цвіт*, *цвіти*. Обмѣнъ *к* съ *ц*, въ этой групѣ является и въ словѣ: *квилити*, въ Словѣ о полку Игоревѣ: *цвълити*. Архаическое *цвълити* фонетически тождественно съ сербс. *цвилити*, отсюда заключить можно, что основная для малорусскаго нарѣчія форма: *цвілити*, позднѣйшая же *квилити*, какъ и *квіт* (древнеcл. *цвѣтъ*), заимствована изъ западно-слав. нарѣчій (чешс. *kvíliti*, польс. *kwilić*). Въ групахъ съ начальными свистящими *с* и *ц* согласные *л*, *м*, *н*, *в* пропускаютъ сквозь себя дѣйствіе регрессивной ассимиляціи отъ ютированныхъ гласныхъ: *смих*, *сні*, *світ*, *цвіт* выговариваются: *сьміх*, *сьні*, *сьвіт*, *цьвіт*. Група ХВ относится къ разряду любимѣйшихъ групъ въ малорусскомъ нарѣчіи: она замѣняетъ согласный звукъ *ф*. Весьма рѣдко встрѣчаются групы: ЦМ, ЧМ, ЧВ.

На 1-мъ мѣстѣ звучные согласные, на 2-мъ отзвучные: ВП (*впасти*), ВТ (*втирати*, *втікати*), ВС (*всунути*, *всякий*), ВЧ (*вчити*), ВХ (*вхопити*), МЧ (*мчати*).

Послѣдняя група изъ древнеслав: МЪЧ въ словѣ: *мъчати* такъ же рѣдка, какъ и обратная ей ЧМ. Остальныя групы встрѣчаются въ словахъ предложныхъ. Замѣчательно, что звучный согласный *в* даже предъ отзвучными не только сохраняетъ свою природу, но даже вокализуется въ *у* при тѣхъ самыхъ условіяхъ, какія указаны были нами выше въ обзорѣ звучныхъ групъ съ начальнымъ *в*.

Меньшею устойчивостію отличается согласный звукъ *з*. Есть нѣсколько предложныхъ словъ, въ которыхъ, очевидно, основное *з* ассимилировалось предъ отзвучными въ *с*: таковы, напр., слова: *схід*, *сказа*, *ска-*

---

[1]) Бусл. Истор. христ. 42.

[illegible](ся): здѣсь *с* стоитъ вмѣсто *вз*, *из*. Такого рода ассимиляцію встрѣчаемъ въ самыхъ древнихъ памятникахъ славянскихъ и славянорусскихъ. Уже въ Супрасл. рукоп. приведенныя нами слова существуютъ въ такой формѣ: *въсходъ*, *исхаяти* [1]; въ Остр. ев: *искони*, *въскрьсл*, *въсхождя*, *истѧзати*, *испити*, *распѧтоу* [2]; въ Сборн. 1076 г: *бес почитанія*, *бес конца* [3]. Предъ звучными конечное *з* предлоговъ удерживается въ Остр. ев: *из нѣкдже*, *из мрътвыхъ* [4]; въ Сборн. 1073 г: *възбьси*, *възмоное*; въ Сборн. 1076 г: *без гоздии*, *въздание* и проч. [5].

Здѣсь считаемъ умѣстнымъ перебрать всѣ предложныя группы, существующія въ малорусскомъ нарѣчіи, хотя многія изъ нихъ относятся уже къ разряду серединныхъ, а не начальныхъ групъ: это именно тѣ группы, которыя образуются отъ соединенія съ различными словами слѣдующихъ предлоговъ: *об*, *от*, *над*, *под*, *пред*, *без*, *раз*, *через*. Мы разсматриваемъ предложныя группы вмѣстѣ по разнымъ причинамъ. Во первыхъ, нѣкоторые предлоги, двухсложные въ древнеславянскомъ нарѣчіи, смѣшались съ односложными; таковы, напр., предлоги *из*, *воз* и *съ*. Во вторыхъ, многіе предлоги, вошедшіе въ составъ срединныхъ групъ, сходны въ конечныхъ согласныхъ съ тѣми, которые образовали начальныя группы, между тѣмъ, послѣдствія встрѣчи ихъ съ разными согласными элементами получились однѣ и тѣ же. Наконецъ, въ третьихъ, всѣ вообще согласныя группы, какое бы онѣ ни занимали положеніе въ словѣ, находятся между собою, какъ увидимъ въ послѣдствіи, въ тѣсной связи. Мы не считаемъ удобнымъ безъ надобности разрывать то, что въ самой дѣйствительности представляетъ органическое цѣлое.

Отмѣтимъ прежде всего тотъ фактъ, что въ малорусскомъ нарѣчіи, для образованія предложныхъ словъ, предпочитаются предлоги съ гласнымъ окончаніемъ. Чтобы устроить это окончаніе, малорусское нарѣчіе, такъ же какъ и великорусское, прибѣгаетъ иногда къ замѣнѣ предлоговъ съ согласнымъ окончаніемъ предлогами, оканчивающимися

---

[1]) Miklos. Lexic. III. 260.

[2]) Изд. Вост. I. 204. 208. 210. 205. 206.

[3]) Изв. Ак. X, V. 426. 434.

[4]) Вост. 204. 205.

[5]) Изв. Ак. X, V. 424, 426, 430.

на гласный звукъ: вм. *въсхощеть—захочеть*, вм. *избирати—вибирати* и проч. Предлогъ *вы* вм. *изъ* Добровскій считалъ примѣтой западнославянскихъ нарѣчій. Несостоятельность этой примѣты давно уже доказана: *вы* свойственно обоимъ русскимъ нарѣчіямъ гораздо въ большей степени, чѣмъ *изъ*; въ малорусскомъ же нарѣчіи *вы* пользуется еще большимъ предпочтеніемъ, чѣмъ въ великорусскомъ.

Но бываютъ случаи, когда нельзя замѣнить одного предлога другимъ, подходящимъ къ нему по смыслу; тогда, чтобы устранить стеченіе согласныхъ звуковъ, вмѣсто древняго ъ, является благозвучное *о*. Такъ образовались слова: *підотнути* (въ Кормч. XIII в: *подътнеть*) [1], *безодня* (*бездъна* въ Остром. ев. и Супр. рук.) [2]), *зогріти* (*съгрѣти*), въ великорус: *согрѣть*. Очевидно, особенность эта свойственна и великорусскому нарѣчію, но уже замѣна этимологически правильнаго *со* слогомъ *зо* показываетъ своеобразныя черты малорусскаго консонантизма.

Въ обзорѣ согласныхъ группъ мы видѣли, что предлогъ *съ* въ малорусскомъ нарѣчіи предъ звучными перешелъ въ *з*, предъ отзвучными уцѣлѣлъ на своемъ мѣстѣ. Съ потерей глухаго ъ получилось такимъ образомъ девять звучныхъ группъ: (ЗР, ЗЛ, ЗН, ЗМ, ЗВ, ЗБ, ЗГ, ЗД, ЗЖ) и пять отзвучныхъ: (СК, СХ, СП, СТ, СЦ): тамъ, гдѣ *с* стоитъ передъ звучнымъ, его можно считать основнымъ звукомъ, образовавшимся не изъ предлога (*сніг, сміх* и проч.) Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ начальное *с* есть предложный звукъ, фонетически тождественный съ *с*, стоящимъ вмѣсто предлога *изъ* въ словахъ: *справити, спекти, сказитись* и проч. Такое же смѣшеніе предлоговъ *съ* и *изъ* мы видимъ и на почвѣ звучной ассимиляціи: и здѣсь въ словахъ: *згаснути, зжарити, змінитись* звукъ *з* фонетически тождественъ съ *з* въ словахъ: *збавити, згадати, здавати*, хотя это *з* образовалось путемъ ассимиляціи изъ *съ*. Само собою разумѣется, что конечное *з* предлога *изъ* предъ звучными удерживается, такъ точно какъ удерживается предложное *с* предъ отзвучными, и мы думаемъ даже, что переходъ *з* въ *с* предлога *изъ* предъ отзвучными не столько есть результатъ отзвучной ассимиляціи, сколько послѣдствіе смѣшенія предлоговъ *изъ* и *съ*. Мы думаемъ такъ на томъ основаніи, что въ тѣхъ случаяхъ, когда предлогъ *изъ* не входитъ въ образованіе предложнаго слова, конечный со-

[1]) Бусл. Ист. христ. 397.

[2]) Miklos. Lexic. 14.

гласный *з* въ украинскомъ говорѣ не ассимилируется предъ начальнымъ отзвучнымъ слѣдующаго слова: *із тіста, із печі*, а не *іс тіста, іс печі*. Смѣшеніе предлоговъ *съ* и *изъ* явственно замѣтно въ южно и западно-русскихъ памятникахъ XV в: *йз мѣщаниномъ, з нѣкоторыми або йз некоторыми* (Грам. Казим. 1463 г.) [1]). Оно было свойственно уже въ ту эпоху и бѣлорусскому говору, что видно изъ библіи Скорины (XVI в): *зруки* вм. *изъ руки* [2]). Смѣшеніе это коснулось не одного предлога *изъ*: оно распространилось и на *възъ*. Этотъ предлогъ является въ малорусскомъ нарѣчіи или въ видѣ *с: спом инати, спахати, стрічати* (великорус: *вспоминать, вспахать, встрѣчать*), или въ видѣ *з: збивати, звісити, звалити* (великорус: *взбивать, взвѣсить, взвалить*), или же, наконецъ, вокализуется не въ *воз* и *вос*, какъ въ великорусскомъ нарѣчіи, а въ *уз*, напр: *узвар, узлісся* (взлѣсье—опушка лѣса), въ случаѣ же скопленія согласныхъ—съ перестановкой въ *зу*, напр: *зустрічати*. Ясные слѣды малорусской передѣлки стариннаго *възъ* встрѣчаемъ уже въ памятникахъ XIV в: *оусхочеть* вм. *въсхочеть* [3]), *въздали* и *оуздали* [4]). Если же въ XVII в., напр. у Берынды, мы находимъ: *взрост, възбнути* [5]) и тому подобныя формы, то онѣ, конечно, должны быть отнесены къ разряду такихъ формъ, которыя созданы подражаніемъ славянскому правописанію, а не народнымъ говорамъ.

Такимъ образомъ, предлоги *съ, изъ, възъ* сведены въ малорусскомъ нарѣчіи къ двумъ простымъ звукамъ: *з* и *с*. Образованіе этого послѣдняго звука изъ предлоговъ *изъ, възъ* обусловлено смѣшеніемъ ихъ съ *съ*. Смѣшеніе это очевидно не только изъ смысла словъ, въ составъ которыхъ входятъ предлоги *изъ* и *възъ*, но также изъ того обстоятельства, что предлоги эти образуютъ не серединныя группы, какъ слѣдовало бы, но начальныя двухчленныя группы.

Собственно серединныя группы съ начальнымъ свистящимъ звукомъ въ предложныхъ словахъ получаются въ слѣдствіе присоединенія предлоговъ *безъ* и *разъ* (малорус. *роз*) къ различнымъ словамъ. Конечное

---

[1]) Срезн. Свѣд. 82—83.

[2]) Бусл. Ист. хр. 201.

[3]) Ак. З. Р. 5.

[4]) Ак. Голов. 4, 8.

[5]) Бер. 20.

з этихъ предлоговъ предъ отзвучными согласными во многихъ мѣстахъ слышится, какъ *с*, въ особенности въ предлогѣ *роз: росказати, роспитати, рострусити*; но въ словахъ: *безталанний, безпереч* въ украинскомъ говорѣ слышится больше *з*, чѣмъ *с*. Колебанія этого рода, по нашему мнѣнію, объясняются внѣшнимъ вліяніемъ нарѣчій великорусскаго и польскаго. Они не вытекаютъ изъ основной природы малорусскаго консонантизма, который, напротивъ того, даже предъ звучными согласными требуетъ звучнаго *з* въ предлогахъ *без* и *через*, когда они стоятъ въ предложеніи въ неслитномъ видѣ: *без попа, без тебе, через попа, через тебе*.

Что касается другихъ предлоговъ съ конечнымъ звучнымъ согласнымъ, именно: *над, під, об*, то всѣ они удерживаютъ свой конечный звукъ не только передъ согласными звучными, но и передъ отзвучными: *обпойти, обточити, підпойти підтоптати, підхилити, надхилити, надточити, надто* и проч. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи предлогъ *отъ*. Оканчивается онъ на отзвучный согласный, но, повинуясь преобладанію звучныхъ элементовъ въ малорусскомъ консонантизмѣ, онъ не только терпитъ ассимиляцію *т* въ *д* предъ звучными, но удерживаетъ это *д* вмѣсто кореннаго *т* и передъ согласными отзвучными: *одпихати, одказати, одтягати, відсипати*. Въ такой спеціально малорусской формѣ намъ встрѣтился этотъ предлогъ въ одномъ изъ памятниковъ XII в: *одъ пасусъ* (Хожд. Богор.) [1]). но уже самое слово *пасусъ* съ отзвучнымъ *с* вм. звучнаго *з* показываетъ, что и *одъ* есть чистая случайность. Гораздо съ большимъ довѣріемъ можно отнестись къ одному выраженію въ актахъ XV в: *одъ пророкъ и отъ своихъ господарей* [2]): здѣсь рядомъ стоятъ *одъ* и *отъ*, какъ представители двухъ направленій правописанія—фонетическаго и этимологическаго.

Обзоръ предложныхъ группъ приводитъ насъ къ тому же заключенію, которое мы сдѣлали относительно конечныхъ группъ: звучные элементы и здѣсь преобладаютъ надъ отзвучными. Видно это, во первыхъ, изъ того обстоятельства, что звучные согласные не только устояли предъ отзвучными, но даже въ извѣстныхъ случаяхъ вокализовались (*вчити, впасти, учити, упасти*). Во вторыхъ, отзвучные согласные превратились въ звучные не только передъ звучными (*оддавати, одда-*

---

[1]) Из. Ак. X, V. 557.

[2]) Ак. Голов. 11.

вати вм. *сдавати, отдавати*), но даже предъ отзвучными (*одтихати, одхиляти* вм. *оттихати, отхиляти*). Ближайшее объясненіе этихъ фактовъ заключается въ давней потерѣ этимологическаго сознанія, въ силу котораго, напр., въ Остр. ев. предлоги *въ* и *съ* въ предложныхъ словахъ всюду выдержаны, всюду при нихъ сохраняется ъ, и предлогъ *съ*, при встрѣчѣ съ звучными, не переходитъ въ *зъ*. Въ замѣнъ этимологическаго начала, уже въ вѣкъ Остр. евангелія, выдвинулось начало фонетическое: судить объ этомъ можно по тому, какъ въ самомъ Остр. евангеліи писались предлоги: *безъ, вазъ, изъ, разъ*: всѣ они большею частію написаны безъ ъ и притомъ съ замѣной звучнаго з отзвучнымъ с при встрѣчѣ съ отзвучными согласными. По мѣрѣ разрушенія этимологической ткани въ предложныхъ словахъ, должна была происходить звуковая перестройка ихъ по новому типу, который, безъ всякаго сомнѣнія, слагался постепенно и притомъ изъ элементовъ діалектически чрезвычайно разнообразныхъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ въ этомъ отношеніи вполнѣ положиться на письменные источники, потому что пестрота въ употребленіи согласныхъ, въ нихъ замѣчаемая, далеко не всегда есть плодъ діалектическихъ особенностей живой рѣчи: очень часто въ постановкѣ тѣхъ или другихъ согласныхъ можно замѣтить этимологическія мудрованія переписчиковъ. Современные намъ устные источники тоже не поясняютъ исторіи дѣла; знаемъ только, что въ современномъ состояніи малорусскаго нарѣчія широко развитъ законъ озвукотворенія тѣхъ согласныхъ элементовъ, которые по своей природѣ менѣе звучны. Сопоставляя этотъ фактъ съ давнимъ фактомъ потери глухихъ гласныхъ, мы не считаемъ возможнымъ устранить вліяніе послѣдняго на первый. Правда, между этими двумя фактами былъ посредствующій моментъ, на который мы укажемъ ниже, тѣмъ не менѣе первоначальнымъ поводомъ къ малорусскимъ превращеніямъ въ области консонантизма все-таки было паденіе глухихъ гласныхъ, слѣдовательно, и превращенія эти начались очень рано, а кончились они тѣмъ, что на согласные звуки перенесенъ былъ оттѣнокъ гласности, принадлежавшій нѣкогда глухимъ гласнымъ.

Обращаясь къ начальнымъ группамъ, мы находимъ въ нихъ огромное преобладаніе звучныхъ согласныхъ. Изъ 93 группъ 72 чисто звучныя, 32 полузвучныя и только 19 отзвучныхъ. Чисто звучныя группы получились двумя путями: а) звучные согласные остались передъ звучными (*вбивати, ждати, дбати*),—б) отзвучные ассимилировались въ звучные (*здумати, згадати*).

Но есть еще одна причина, вліявшая на скопленіе звучныхъ элементовъ въ началѣ словъ: это именно присутствіе тѣхъ же элементовъ въ концѣ словъ, на что мы указали выше. Мы видѣли, что въ малорусскомъ нарѣчіи преобладаютъ гласныя и звучно-согласныя окончанія: тѣ и другія, по нашему мнѣнію, содѣйствовали поддержкѣ звучныхъ согласныхъ въ началѣ словъ. Возьмемъ примѣръ изъ ряда предложныхъ группъ. Такъ, предлогъ *із*, въ сложеніи съ другими словами, въ слѣдствіе смѣшенія съ *съ*, предъ отзвучными произносится отзвучно, но тотъ же предлогъ *із*, не сливаясь съ словомъ, удерживаетъ свой звучный характеръ, хотя бы слово, предъ которымъ онъ стоитъ, начиналось съ отзвучнаго согласнаго, напр: *„пливе щука з Кременчука“* [1]). Очевидно, здѣсь *з* удержалось, благодаря предшествующему гласному *а*. Въ выраженіяхъ: *із печі, із тіста* гласный звукъ *і* предохраняетъ *з* отъ ассимиляціи въ отзвучный *с*, тогда какъ, напр., въ выраженіяхъ: *бублик с тіста, горщок с печі* мы не слышимъ *з:* звукъ этотъ, стѣсненный съ двухъ сторонъ отзвучными, ассимилировался въ отзвучный. Тѣ же самые гласные звуки, которые въ другихъ языкахъ не оказываютъ никакого дѣйствія на образованіе звучныхъ согласныхъ, въ малорусскомъ нарѣчіи, въ слѣдствіе тяготѣнія его къ этимъ послѣднимъ, получили особенное значеніе, въ силу котораго послѣ нихъ удобнѣе всего группируются звучные согласные. Притяженіе однородныхъ элементовъ—вотъ то условіе для поддержки звучныхъ согласныхъ, о которомъ мы говоримъ. Оно-то, между прочимъ, содѣйствовало образованію звучнаго *в* въ малорусскомъ нарѣчіи: вліяніе предшествующаго гласнаго звука на вокализацію *в* особенно замѣтно въ срединѣ словъ: *праў(в)да криў(в)да*. Когда же въ языкѣ утвердилось это вліяніе, тогда и послѣ согласныхъ *в* осталось звучнымъ. Устраняя значеніе гласнаго элемента, мы не въ состояніи будемъ объяснить того обстоятельства, что *в* произносится звучно не только предъ *б, г, д, ж,* но и предъ *п, с, т (вп, вс, вт)*,—слѣдовательно, и въ группахъ: ВБ, ВГ, ВД, ВЖ, мы должны видѣть не одно участіе послѣ *в* стоящихъ звучныхъ.

Такъ объясняемъ мы то явленіе, что въ началѣ словъ звучный элементъ оказался въ малорусскомъ нарѣчіи господствующимъ предъ отзвучнымъ.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть серединныя группы: Замѣтимъ прежде всего, что въ нихъ повторяются начальныя группы. Изъ

---

[1]) Метлин. Пѣсн. 118.

этихъ послѣднихъ нельзя насчитать и десяти, которыя бы не повторялись въ срединѣ словъ. Причина заключается въ томъ, что образованіе предложныхъ словъ ставитъ начальныя группы въ разрядъ серединныхъ. По изслѣдованію Гатталы, и въ древнеславянскомъ нарѣчіи группы согласныхъ въ срединѣ словъ такъ измѣнялись, чтобы онѣ были, какъ можно болѣе, сходны съ группами начальными [1]). Малорусское нарѣчіе въ этомъ отношеніи осталось вѣрно славянскому типу.

Исчислимъ сперва звучныя серединныя группы.

РБ (*гарбати*, съ перестановкой звуковъ изъ *грабити*), ЛЬБ (*бульба*, *тельбухи*, у Беринды: *трибухъ*) [2]), НЬБ (*ганьбити*, основная форма: *ган-и-ти*, кор. *ган, гон*, древнеслав. и малорус. *гонити*), МБ (*цимбали*, древнесл. *кимвалъ, коумвалъ*), ВБ (*довбати*, древнесл. *длъбсти*) [3]), ДБ (*занедбати*), ЖБ (*ворожбит*, древнесл. *вражъбити*, у Беринды: *ворожбитъ*) [4]), ЗБ (*назбит*—чрезмѣрно, слишкомъ).

Группы ЛЬБ, НБ, ЖБ рѣдкія. Остальныя образовались большею частію въ слѣдствіе потери изъ суф. *ъб* звука *ъ*, какъ звука гласнаго.

РВ (*червоний, червець*, древнесл. *чръвень*: вмѣсто обычной перестановки *ор* изъ *ръ* получилось *ер* подъ вліяніемъ старинной перегласовки отъ *ч*), ЛВ, ЛЬВ (*болванити*, *гульвиса*, древнесл. *балъванъ*: по замѣчанію Миклошича, слово татарскаго происхожденія) [5]), НВ (*ринва*, древневерхненѣм. *rinnâ*) [6]), ГВ (*корогва*, *корогви*, древнеслав. *хорѫгы*; малорус. форма такого же образованія, какъ *церква* отъ *цръкы*; *хорѫгы*—слово, по мнѣнію Миклошича, загадочное) [7]), ДВ (*надвередити*), ЗВ (*перезва*, *узвар* изъ *възваръ*).

Группы НВ, ГВ—рѣдкія.

РГ (*торгувати*), ЛЬГ (*вільготно*), НГ (*янгол*), ВГ (*ковганка*, лат. *caucus*, румынс. *каик* [8]), въ малорусскомъ отзвучный *к* превращенъ въ звучный *г*), ДЬГ (*нудьга*: по мнѣнію Павскаго, *га* есть суф. уменьшительныхъ именъ) [9]), ЗГ (*безгідця*).

---

[1]) Hatt. De contig. mut. 44.

[2]) Бер. 102.

[3]) Miklos. Lex. 162.

[4]) Бер. 133.

[5]) Miklos. Lex. 11.

[6]) Miklos. Die Fremdewört. 51.

[7]) Ibid. 21.

[8]) Ibid. 29.

[9]) Павс. Разсужд. 2-е, 56.

Группы ЛЬГ, НГ, ДЬГ встрѣчаются рѣдко.

РД (*гордий*, древнесл. *грдъ*), НД (*бондарь*), БД (*обдирати*), ВД (*правда*, въ древнѣйшихъ славянс. памятникахъ: *правьда* и *правда*), ГД (*нігде*, древнеслав: *ньгде*,—въ древнесербс. памятникахъ, согласно съ малорус., звукъ *к* предъ *д*, по выпаденіи *ъ*, превратился въ *г*: *ньгде*) [1]), ЖД (*тиждень*), ЗД (*гніздо*).

НД—группа рѣдкая. По мнѣнію Потебни, она образовалась посредствомъ перестановки изъ ДН, отъ стариннаго предлога *бе* въ значеніи *къ*, *съ*, *при* и существит. *дно* [2]). Группа ЖД существуетъ въ малорус., какъ остатокъ стариннаго смягченія *д* въ словахъ: *стражедати*, *обіждати*.

РЖ (*держати*), ВЖ (*довжина*, древнесл. *длъжь*, въ одномъ изъ сербс. памятниковъ XVI в. *длъжина*) [3]), ДЖ (*оджe*, *ходжу*), ЗЖ (*розжаврiти*), НЖ (*грінжоли*, *гріндЖоли*: слово это въ формѣ словинс. *gredelj*, хорватс. *gredalj* указано у Миклошича въ числѣ заимствованныхъ [4]). Малорусская форма, очевидно, заимствована, судя по начальному звуку *і*: ближе всего она стоитъ къ нѣмецкому *Grindel*). Группа НЖ, кромѣ слова *грінжоли*, не встрѣчается.

РЗ (*вимерзати*), ЛЬЗ (встрѣчается только въ косвенныхъ падежахъ: отъ собств. имени *Ольга*—дательн. *Ользі*), НЗ (*бринза*, *бриндза*, венгерс. *brondza*, *bronza*, *brenza*—слово, по замѣчанію Миклошича, темное) [5]), ВЗ (*завзятий*), БЗ (*кобза*, венгерс. *koboz*, турец. *qopûz* [6]).

ЛЬЗ, НЗ, БЗ—рѣдкія группы.

РЛ (*горло*), МЛ (*стромляти*), ВЛ (*мовляти*), БЛ (*граблі*), ГЛ (*леглий*), ДЛ (*вередливий*), ЗЛ (*розламати*).

Это группы изъ наиболѣе распространенныхъ.

РН (*вернути*), ЛЬН (*весільний*), МН (*кімната*, въ галиц. *кимната*, слово заимствованное: итальянс. *caminino*, отсюда малорус. *комин* съ суфф. *ат*—*кімната*), БН (*дрібний*), ВН (*ставні*), ГН (*стогнo*), ДН (*бідний*), ЖН (*ніжний*), ЗН, ЗЬН (*залізний*, *кузьня*).

---

1) Miklos. Lex. 458.

2) Потеб. О звук. особ. 123.

3) Miklos Lex. 163.

4) Mikl. Fremdwört. 19.

5) Ibid. 7.

6) Ibid. 27.

И это группы любимыя.

ЛЬМ *(більмо)*, РМ *(дарма)*, ВМ *(навманя)*, БМ *(обміжок)*, ДМ, ДЬМ *(ведмідь, відьма)*, ЖМ *(пужмірки)*, ЗМ, ЗЬМ *(розмова, позьма*. Собственное значеніе слова: *позьма* (Ямпольск. у. Подольс.)— признакъ, слѣдъ: *„як піде гудобина в пшеницю, то вже буде якась позьма“*; въ переносномъ смыслѣ слово: *позьма* (говорятъ и *позьна)* употребляется въ значеніи молвы, слуха: *„пішла позьма* и *позьна“*. Основная форма этого слова: *вз-ѧ-ти, воз-ъм-у* изъ *по-въз-ѧ-ти)*.

Всѣ эти группы, такъ же какъ и большая часть предыдущихъ съ конечными *л* и *н*, обязаны своимъ происхожденіемъ потерѣ глухихъ гласныхъ.

БР *(д'іброва)*, ВР *(жаврiти:* форма эта образовалась посредствомъ перестановки согласныхъ вм. *жаряві̂ти*: въ Переясл. лтоп. XIII в. *жарявъ*) [1]), ГР *(вийгравати)*, ДР *(відро)*, ЗР *(безрідний)*, МР *(цямрина*, въ польс. *cembrowina, cembrzyna;* Миклошичъ сопоставляетъ это слово съ нѣмец. *Zimmer)* [2]).

Группы серединныя отзвучныя:

ПТ *(сопти)*, ПК *(шапка*, лат. и итал. *cappa*, турец. *sâbqa*, румынс. *šаркъ* [3]), *защипка)*, ТК, ТЬК *(тутки, батько)*, КТ *(пекти, волокти)*.

Въ древнесл. нарѣчіи мгновенныя отзвучныя группы почти не встрѣчаются. Только на одну изъ нихъ, и то въ началѣ словъ, указываетъ Гаттала въ Супр. рукописи, именно на *кде*, гдѣ согласный *к*, по его мнѣнію, имѣлъ выговоръ латинс. *g* [4]).

ПС *(запсувати)*, ПЦ *(гопцювати, хлопці)*, ПЧ *(хлопчик)*, ПШ *(шепшина* вм. *шепчина*, сербс. *шипчаница*—роза, польс. *szypszyna* отъ *шипъкъ*—слова, стоящаго въ Супр. рукоп. въ значеніи розы) [5]), ТЦ *(ситце)*, ТЧ *(квітчастий, тітчин)*, КС *(оксамит*, греч. *ἑξάμιτος)*, КЧ *(нікчемний: ні к чому*, у Бер. *нѣкчемнѣйше)* [6]); КШ *(локшина* вм. *локчина* отъ *локать*, изъ *алкать)*.

---

[1]) Miklos. Lex. 191.

[2]) Mikl. Fremdwört. 9.

[3]) Ibid. 24. 56.

[4]) Hatt. O počateč. skupen. 61.

[5]) Miklos. Lex. 1134.

[6]) Бер. 28.

Группы: ТЦ, ТЧ выговариваются, как пишутся, не превращаясь посредствомъ ассимиляціи въ удвоенное *ц* или *ч*, между тѣмъ изъ группъ: *тс*, *тш* являются въ малорусскомъ нарѣчіи удвоенныя: *цц*, *чч* вмѣсто *робиться—робицця*, вм. *багатший—багаччий*. Причина устойчивости группъ: ТЦ, ТЧ въ приведенныхъ нами формахъ заключается въ томъ, что звуки *ц* и *ч*, сравнительно съ *с* и *ш*, сильнѣе. Какъ звуки сложные *(тс=ц, тш=ч)*, они заключаютъ въ себѣ мгновенный элементъ, котораго нѣтъ въ *с* и *ш*. Въ словѣ, напр: *ситце* серединная группа разлагается такъ: *т* + *тс*, въ словѣ: *робиться* только *т* + *с*, т. е. *ц*, а не *т + ц*,—затѣмъ, *ц*, по закону удвоенія, широко развитому въ малорусскомъ нарѣчіи, явилось въ удвоенной формѣ: *робицця*.

СК, СЬК (*блискавка*, *наський*, *руський*), СХ (*росходитись*), СП (*віспа*, древнесл. *оспа*), СТ (*любисток*, латинс. *levisticum*, грецес. *λιγυστικόν*) [1]), СЦ (*місце*, у Бер. *мѣсци*), [2]) ЦЬК (*брацький*, *козацький*, *ткацький*).

Въ словѣ: *наський* отъ *нашь* звукъ *ш* качественно уподобился начальному согласному суффикса *ьск*. Въ Сборн. 1073 г. есть серединная форма: *нашьскаго* [3]). Въ словѣ: *брацький* произошло простое сліяніе: *т* + *ьс*=*ць*. Въ *ткацький* отъ *ткач* звукъ *ч* качественно приравнялся звуку *с*, т. е. вмѣсто *тш* получилось *тс*, затѣмъ, въ *тс*=*ц*, какъ въ звукѣ количественно болѣе сильномъ, чѣмъ *с*, этотъ послѣдній звукъ потерялся, оставивъ согласному *ц* старинную мягкость суффикса *ьск*. Слово: *козацький* прошло тѣмъ же путемъ, смягчивъ предварительно тематическое *к* въ *ч*. Слово: *руський* чрезъ *русь* не требуетъ объясненій. *Місце* и рядомъ съ нимъ первоначальная форма: *місто*: звукъ *т* регрессивно приравнялся звуку *с*. Во всѣхъ этихъ группахъ свистящіе звуки подчиняютъ своему вліянію другіе согласные.

ЧК (*очко*), ЧХ (*начхати*), ШК (*подушка*, кор. *ух*, суф. *ък*), ШП (*мушпина* изъ *моуспа*), ШТ (*поштувати*, кор. *чьт*), ШЧ (*вищий*, *кращий*), ШЦ (*подушці* дат. пад.).

Суф. *шч* въ прилагат. сравнит. степени объясняется различно. „Малорусскіе говоры, по мнѣнію Потебни, избѣгаютъ сочетаній *шш* и *жш* при стеченіи конечной согласной корня и начальной суффикса

---

1) Miklos. Fremdw. 34.

2) Бер. 53.

3) Горс. и Новостр. Опис. 2, 393.

и, диссимилируя эти звуки, измѣняютъ второй изъ нихъ въ *ч*: *кращичий*, *отчичий* (изъ *крас-ший, краш-ший*), между тѣмъ какъ въ великорус: *краше* звукъ *ш* прямо изъ *сj*" [1]). Но въ словѣ: *шидче* Потебня допускаетъ, что *ч* происходитъ не изъ *ш*, а изъ *к*—суффикса прилагат. въ положит. степени, (какъ въ *крѣпче* отъ *крѣпокъ*) [2]). Миклошичъ не сомнѣвается, что формы сравнительной степени: *нижчий* и *ближчий* нужно возводить къ древнеслав: *нижькъ*, *близькъ*. „Но что думать," спрашиваетъ онъ, „о *кращичий*? Нельзя ли предположить, что здѣсь *шч* явилось на мѣсто *сш*, какъ древнеслав. *ищьдъ* вм. *изшьдъ* или *исшьдъ*? А можетъ быть, нужно допустить форму: *красъкъ*?" [3]) Намъ кажется, что въ основѣ этого явленія лежитъ смѣшеніе суффикса сравнит. степени *ш* съ суффиксомъ прилагат. въ положительной степени *к*, смѣшеніе, которое утвердило за смягченной формой звука *к*, т. е. *ч* преобладающее положеніе въ слѣдствіе причинъ болѣе фонетическихъ, чѣмъ морфологическихъ. Дѣло въ томъ, что мгновенные звуки тогда только можно достаточно оттѣнить въ произношеніи, когда они слѣдуютъ за длительными: въ этомъ случаѣ есть пунктъ, на который можетъ опираться длительный звукъ. Этимъ объясняется изобиліе въ малорусскомъ нарѣчіи начальныхъ и серединныхъ группъ съ начальными свистящими и шипящими согласными. Наоборотъ, если согласные идутъ въ обратномъ порядкѣ, т. е. впереди стоятъ мгновенные, а за ними длительные, то они сливаются въ одинъ звукъ, который иногда удваивается. Мгновенный звукъ поглощаетъ такимъ образомъ слѣдующій за нимъ длительный, такъ какъ въ пунктѣ соединенія ихъ послѣдній не можетъ рѣзко оттѣниться отъ болѣе сильнаго, впереди стоящаго мгновеннаго звука. Въ этомъ процессѣ ассимиляціи звуки *ц* *ч* играютъ посредствующую роль между чистыми мгновенными и длительными, такъ какъ *ц* и *ч*—звуки сложные изъ предшествующаго мгновеннаго *т* и длительныхъ *с*, *ш*, слѣдовательно, *ц* и *ч* слабѣе *т*, но сильнѣе *с* и *ш*. Отсюда: *козацький* изъ *козак-ьск-ий* чрезъ *козацский*, *молодецький* непосредственно изъ *молодецьский*. Сплавляясь съ *с* и *ш* въ *ц* и *ч*, первоначальные мгновенные въ новой переходной формѣ своей часто удвояются: мы видѣли это удвоеніе въ словѣ, напр:

---

[1]) Потеб. Зам. 85.

[2]) Ibid. 85.

[3]) Miklos. Lautl. 367.

робиця, и вообще оно господствуетъ въ 3-мъ лицѣ единс. а множес. ч. наст. вр; то же самое можно наблюдать и въ словѣ: *луч-чий* изъ *луч-ш-ий*. Что касается до словъ: *вищчий*, *кращчий*, то въ нихъ звукъ *ч*. болѣе сильный чѣмъ *ш*, занимаетъ въ двухчленной группѣ второе мѣсто, слѣдовательно, не поглощаетъ этого послѣдняго звука, а напротивъ, содѣйствуетъ выразительности его въ произношеніи.

ХК (*пухкий*), ХТ (*плахта*), ХЧ (*бахча* и *бакша*, тур. *bâghbé*) [1]. Всѣ малоупотребительны.

Группы срединныя полузвучныя.

Первый элементъ звучный, второй отзвучный.

РП (*терпіти*), РК (*зірка*), РХ (*бурхати*, великорус. *буркать*, польс. *burcnąć*), РТ (*жартувати*, нем̆ѣц. *scherz*, итал. *scherzo*) [2], РС (*на версі*), РЦ (*назирцем*), РЧ (*дзюрчати*, великорус. *журчать*, польс. *ciurczeć*), РШ (*гірше*).

ЛК (*балка*), ЛЬХ (*ольха*), ЛЬС (*на ольсі*), ЛЬТ (*гультяй*), ЛЬЦ (*вільце*), ЛЬЧ (*вільчик*), ЛЬШ (*більше*).

НК, НЬК (*жінка*, *мишенько*), НТ (*плентатись* съ польс. *plątać się*, *вимантачити*—тоже съ польс. *wytęczyć*), НЦ, НЬЦ (*вінце*, *жіньці*), НЧ (*кінчик*), НШ (*інший*).

МП (*пампуха*, у Бер. *пампушок*[3]), польс. *pampuch*, нѣмец. *Pfannkuchen)*, МК (*думка*), МХ (*примхи*, кор. *мъх*) [4], МТ (*тремтіти*, у Бер. *тремтьнье*[5]), дрожать,—можетъ быть, основная форма: *тремптіти* съ ассимиляціей *п* предъ *т*, какъ въ древнеслав. *нетии* вм. *нептии*, санскр. *naptąr*: въ такомъ случаѣ *тремтіти* можно произвесть отъ древнеслав. *трѫба*, у Гуцуловъ *трембита*: впечатлѣніе звука совпадаетъ съ впечатлѣніемъ быстраго колебанія), МЦ (*думці* дат. пад.), МЧ (*чимчикувати* поспѣшно и притомъ украдкой идти; слово неизвѣстнаго намъ происхожденія: можетъ быть, основная форма: *ченчикувати* отъ *ченчик*), МШ (*шамша*—шепеляющій: слово это образовалось путемъ ономатопеи).

За исключеніемъ МК и МЦ, остальныя группы очень рѣдко встрѣчаются.

---

[1]) Miklos. Fremdw. 5.

[2]) Ibid. 65.

[3]) Бер. 147.

[4]) Miklos. Lex 386.

[5]) Бер. 172.

ВП *(стовпець)*, ВК *(дівка)*, ВТ *(вівторок*—съ двумя наслоеніями въ началѣ слова: *і*, первоначально *о*, и *в*—древнеслав. *въторьникъ*), ВС *(вівсяний)*, ВЦ *(вівця)*, ВЧ *(живчик)*.

Во всѣхъ этихъ группахъ звукъ *в* произносится полугласно, безъ всякой примѣси глухаго согласнаго *ф*.

БК *(губка,* у Бер. *голубка)* [1]), БП *(обпинатись)*, БТ *(гребти, скубти)*, БЦ *(горобці)*, БЧ *(голубчик,* у Бер. *воробчик)* [2]), БШ *(обшарпаний)*.

ГК *(легкий,* у Бер. *легкимъ)* [3]), ГТ *(могти, бігти* у Бер. *мигтитъ)* [4]), ГШ *(легшати, протягши)*.

Всѣ эти группы въ малорус. нарѣчіи (преимущественно въ украинскомъ говорѣ) произносятся такъ, какъ пишутся. Между ними особенно замѣчательны БТ, ГТ въ глаголахъ съ согласными темами. Въ галицкомъ говорѣ глаголы съ конечнымъ гортаннымъ корня измѣняютъ *г* и *к* на *ч: волочы мочы, стеречы* [5])—форма переходная къ позднѣйшей великорусской: *волочь, мочь, стеречь*. Но и украинскую форму: *волокти, стерегти* нельзя считать древнѣйшей, точнѣе сказать, по своему составу это форма древняя, а по происхожденію—позднѣйшая. Она представляетъ намъ одно изъ тѣхъ нерѣдкихъ явленій въ языкѣ, когда онъ, совершивъ длинный путь звуковаго перерожденія, снова возстановляетъ ту или другую черту глубоко архаическую, иногда доисторическую. Причину этого явленія Потебня объясняетъ психологическими побужденіями, именно—стремленіемъ возстановить этимологическую ясность слова [6]). Мы желали бы пополнить это мнѣніе только однимъ замѣчаніемъ: психологическое побужденіе въ данномъ случаѣ совпало съ эвфоническимъ, потому что основная черта малорусскаго консонантизма заключается въ отчетливости согласныхъ элементовъ, которые неохотно сплавляются въ цѣльные звуковые комплексы. Черта эта, безспорно, позднѣйшая, выработанная первоначально въ сферѣ звучныхъ согласныхъ и потомъ охватившая всякаго рода группы, какъ полузвучныя, такъ и отзвучныя.

1) Ibid. 29.

2) Ibib. 132.

3) Ibid. 24.

4) Ibid. 78.

5) Осадц. Грам. 101.

6) Потеб. Зам. 66.

ДК, ДЬК *(бридкий,* у Бер. *бридкость* [1]), *дядько),* ДП *(одпраю,* у Бер. *подпираю)* [2]), ДТ *(відти, надто* у Бер. *надто)* [3]), ДС *(відси, підсудок),* ДЦ *(одцуратись,* въ Лѣтоп. Самов. *килкинадцять)* [4]), ДЧ *(свідчити,* у Бер. *досвѣдченье)* [5]), ДШ *(молодший,* у Бер. *молодший)* [6]).

Въ прилагат. сравнит. степени съ конечнымъ корневымъ *д* замѣтно колебаніе,—говорятъ: *гладший* и *гладчий.* *Ч* вм. *ш* слышится въ тѣхъ прилагат., которыя послѣ кореннаго *д* имѣютъ суф. *к (ък): глад-ък ъ;* напротивъ, тамъ, гдѣ этого суффикса нѣтъ, согласный *ш* суффикса выдерживается яснѣе. напр., въ словѣ: *молодший.*

ЖК *(тяжко,* у Бер. *ворожка)* [7]), ЖЦ *(в ложці, запорожці),* ЖЧ *(бряжчати,* у Бер. *бряжчачи)* [8]), ЗК *(брязкати),* ЗП *(безпеч,* у Бер. *безпечне)* [9]), ЗТ, *(везти),* ЗС *(розсудити),* ЗШ *(розшукати, черелізши).*

Всматриваясь въ группы съ начальными шипящими и свистящими, мы замѣчаемъ въ этихъ согласныхъ звукахъ не только устойчивость передъ отзвучными согласными, но и передъ согласными качественно однородными: *в ложці,* а не *в лозці, розшукати,* а не *рожшукати;* только въ словѣ: *бряжчати* коренное *з,* выдержанное въ словѣ: *брязкати,* ассимилировалось въ *ж* передъ *ч.* Что касается до всѣхъ вообще полузвучныхъ серединныхъ группъ съ начальнымъ звучнымъ элементомъ, то онѣ, по нашему мнѣнію, характеристичны въ малорусскомъ нарѣчіи не менѣе чисто звучныхъ группъ. Тогда какъ въ этихъ послѣднихъ звучные согласные ограждены отъ вліянія отзвучныхъ, въ группахъ полузвучныхъ передніе звучные согласные, стоя непосредственно передъ отзвучными, должны были бы, повидимому, ассимилироваться въ отзвучные, между тѣмъ, и тѣни этого рода ассимиляціи въ нихъ мы не замѣчаемъ. По крайней мѣрѣ, объ украинскомъ говорѣ мы можемъ сказать это съ полною увѣренностію. Говоръ галицкій,

---

1) Бер. 77.
2) Ibid. 24.
3) Ibid. 53.
4) Лѣт. Сам. 10.
5) Бер. 59.
6) Ibid. 77.
7) Ibid. 20.
8) Ibid. 50.
9) Ibid. 33.

по свидѣтельству Головацкаго, существенно отступаетъ въ этомъ отношеніи отъ украинскаго; вмѣсто *скобка* въ Галиціи говорятъ: *скопка*, вм. *гладкий*, *легко*, *легше*, *везти*, *надхнути*, *близький*, *ложка*, *общипати*—говорятъ: *глаткій(?)*, *лехко*, *лехше*, *вести*, *натхнути*, *блискій(?)*, *ложка*, *опщипати* [1]); однимъ словомъ, выходитъ такъ, что галицко-малорусскій говоръ въ отношеніи къ количественной ассимиляціи въ смыслѣ преобладанія отзвучныхъ согласныхъ ничѣмъ не отличается отъ великорусскаго нарѣчія. Дѣйствительно, въ рукописныхъ матеріалахъ, которыми мы пользовались, намъ встрѣтилось нѣсколько случаевъ аналогическихъ съ тѣми, на которые указываетъ Головацкій: *дітько* вм. *дідько* (Коломыйс. подгорье), *нысько* вм. *ныэько* (Станиславс. подгорье); въ гуцульскомъ разнорѣчіи: *росклалы*, вм. украинс. *розіклали*, *прыспу* вм. *призьбу*, *лехкі* вм. *легкі* (Крыворівня, близъ Черной горы). Весьма можетъ быть, что случаевъ подобнаго рода въ разныхъ галицкихъ разнорѣчіяхъ, въ особенности въ срединѣ словъ, встрѣчается гораздо больше, чѣмъ можно было замѣтить намъ въ рукописныхъ нашихъ матеріалахъ, но положительно сомнѣваемся, чтобы законъ ассимиляціи звучныхъ въ отзвучные въ галицкомъ говорѣ былъ выдержанъ такъ же строго, какъ въ великорусскомъ нарѣчіи. По всему видно, что это случаи спорадическіе; такъ какъ рядомъ съ ними стоитъ огромное количество группъ полузвучныхъ, построенныхъ въ духѣ украинской фонетики. Пока не собраны будутъ факты, можно сдѣлать только то приблизительно вѣрное заключеніе, что въ говорѣ галицкомъ *встрѣчается иногда* ассимиляція звучныхъ въ отзвучные преимущественно въ срединѣ словъ. То же сказать можно и о сѣверномъ малорусскомъ говорѣ, такъ какъ въ подляскомъ разнорѣчіи встрѣтились намъ слова: *оптірає* вм. *обтирає*, *весь* вм. *везь* изъ *возьми* (посадъ Воинъ).

Первый элементъ отзвучный мгновенный, второй звучный.

КР (*прикро*, у Бер. *прикрій*) [2]), КЛ (*пекло*), КМ (*токмачити*), КН (*вікно*), КВ (*саквы*, лат. *saccus*, новогреч. *σακκί*) [3]), ТР (*котрий*), ТЛ (*світло*), ТЬМ (*притьмом*), ТН (*смітник*), ТВ (*дітвора*), ПР (*веприк*), ПЛ (*дупло*), ПН (*рипнути*).

---

[1]) Голов. Грам. 29—30.

[2]) Бер. 97.

[3]) Miklos. Lex. 818.

Въ группахъ этого рода второй согласный большею частію плавный. Послѣ *к*, *т*, *п* не могутъ стоять: *б*, *г*, *д*, *ж*, *з*.

Первый элементъ отзвучный длительный, второй звучный.

Группъ этого рода больше, чѣмъ предыдущихъ, такъ какъ съ наличнымъ отзвучнымъ удобнѣе соединяются послѣдующіе согласные, каковы бы они ни были. ХР (*нахрапом*), ХЛ (*брехливий*), ХМ (*нахмуритись*), ХН (*брехня*), ХТ (*торохтіти*), ХВ (*кухва*, нѣмец. *kufe*).

Послѣдняя группа—одна изъ наиболѣе любимыхъ въ малорусскомъ нарѣчіи, особенно въ началѣ словъ. Она замѣняетъ звукъ *ф*, нѣкогда чуждый всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ и нынѣ усвоенный тѣми изъ нихъ, которыя больше всего подверглись неславянскому вліянію. Другой гортанный звукъ, изрѣдка стоящій вмѣсто нелюбимаго *ф*, есть *к*: *проскура* изъ *προσφορά*. Чаще же всего, сообразно съ древнеслав. нарѣчіемъ, вмѣсто *ф* видимъ въ малорусскомъ нарѣчіи звуки одного органа: *б* и *п*: *барва* (нѣм. *Farbe*), *пляшка* (нѣм. *Flasche*) и проч. Замѣна эта, впрочемъ, встрѣчается во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

СЛ (*послати*), СМ, СЬМ (*пасмо*: Миклошичъ сопоставляетъ это слово съ древневерхненѣм. *Faso*, средневерхненѣм. *Vase* и нововерхненѣм. *Fasen* [1]),—*вісьмірка*), СН (*нещасний*), СВ (*засвітити*).

ЦН (*міцний*), ЦМ (*лоцман*, нѣм. *Lothsmann*), ЦВ (*зацвісти*).

ЧН (*необачний*), ЧМ (*ячмень*), ЧЛ (*ввічливий*), ЧБ (*лічба*, у Бер. *мичба*) [2]).

ШЛ (*смішливий*), ШН (*борошно*, древнесл. *брашно*), ШВ (*підошва*).

Итакъ, серединныхъ согласныхъ группъ въ малорусскомъ нарѣчіи, по нашему счету, 185. Изъ нихъ чисто звучныхъ 66, отзвучныхъ 69 и полузвучныхъ 90. Разница въ количествѣ между начальными группами и серединными поразительно рѣзкая: серединныхъ группъ въ два раза больше, чѣмъ начальныхъ. Что касается до конечныхъ согласныхъ группъ, то здѣсь неравенство еще рѣзче: конечныхъ группъ въ семь разъ меньше, чѣмъ серединныхъ. Очевидно, средину словъ можно считать главнымъ центромъ консонантизма, что вполнѣ согласно съ ролью согласныхъ въ экономіи языка—служить остовомъ слова.

---

1) Mikl. Lex. 556.

2) Бер. 8.

Но были также и историческія причины, вліявшія на скопленіе согласныхъ звуковъ въ срединѣ словъ. Легко убѣдиться въ этомъ изъ сравненія славянскаго консонантизма съ малорусскимъ. Правда, и въ древнеслав. нарѣчіи серединныхъ согласныхъ группъ нѣсколько больше, чѣмъ начальныхъ, но все-таки далеко нѣтъ той рѣзкой разницы между количествомъ тѣхъ и другихъ, какая существуетъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, между прочимъ, и въ малорусскомъ [1]). Если же въ древнѣйшемъ состояніи этихъ послѣднихъ признавать аналогическій строй съ тѣмъ звуковымъ строемъ, какой мы видимъ въ древнеславянскомъ нарѣчіи, то необходимо признать вмѣстѣ съ тѣмъ образованіе многихъ серединныхъ согласныхъ группъ явленіемъ, обусловленнымъ позднѣйшими звуковыми превращеніями. И дѣйствительно, нельзя не видѣть въ основѣ этого явленія причины намъ уже извѣстной, именно, паденія глухихъ гласныхъ, изъ котораго возникли громадныя послѣдствія для всѣхъ славянскихъ нарѣчій не только въ области вокализма, но и въ области консонантизма. Это такого рода фактъ, который во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ связываетъ въ одно неразрывное цѣлое историческое движеніе звуковъ, какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно общаго взгляда на постановку глухихъ гласныхъ въ древнеславянскомъ нарѣчіи, чтобы понять, какъ долженъ былъ перестроиться консонантизмъ малорусскій съ потерей этихъ звуковъ. Сравнивая малорусскія слова и формы, которыя въ древнеслав. нарѣчіи содержали въ себѣ глухіе гласные, находимъ прежде всего, что въ начальныхъ слогахъ, послѣ плавныхъ *р* и *л*, въ малорусскомъ нарѣчіи глухіе превратились въ чистые гласные. Сюда относятся всѣ тѣ случаи, въ которыхъ произошла перестановка глухихъ напередъ плавныхъ согласныхъ: *слъньце*, *тръгъ*, *сръдьце* въ малорус. произносятся: *сонце*, *торг*, *серце*. Въ слѣдствіе этой перестановки плавные должны были столкнуться съ согласными, которые въ древнеслав. нарѣчіи стояли послѣ ъ и ь: большею частію этимъ путемъ получились серединныя группы съ начальными *л* и *р*. Такъ должно было естественнымъ образомъ умножиться количество согласныхъ элементовъ въ срединѣ словъ.— Вообще же плавныхъ согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи больше въ срединѣ словъ, чѣмъ въ началѣ. Изъ 93 начальныхъ группъ въ 42

---

[1]) Hatt. De mut. contig. conson. 27 и слѣд.

участвуютъ плавные элементы (мы, впрочемъ, считаемъ здѣсь кромѣ *л* и *р*, согласные *м* и *н*), между тѣмъ, изъ 185 серединныхъ плавные входятъ въ составъ 98. Начальныя двухчленныя группы даютъ процентъ плавныхъ $45^1/_6$, серединныя же группы $50^0/_0$, слѣдовательно, въ срединѣ словъ съ плавнымъ элементомъ согласныхъ группъ больше на $1^1/_5$. Этотъ излишекъ мы объясняемъ передвиженіемъ собственно *л* и *р* изъ начальныхъ слоговъ въ серединные, что конечно, не могло не оказать вліянія на уменьшеніе согласныхъ группъ въ началѣ словъ.

Къ тому же результату приводила вокализація нѣкоторыхъ согласныхъ въ началѣ словъ. Мы имѣемъ въ виду собственно древнеслав. предлоги *въз* и *въ*, изъ которыхъ первый превратился въ малорусскомъ нарѣчіи въ *уз*, второй—въ *у* послѣ согласныхъ, въ звучное *в* послѣ гласныхъ. Такимъ образомъ, послѣ паденія ъ и ь, должны были бы получиться новыя согласныя группы, между тѣмъ онѣ не получились. Въ малорусскомъ нарѣчіи нѣтъ начальной группы *вз* предложнаго образованія, за исключеніемъ слова: *взяти*, и то въ такомъ только случаѣ, когда этому слову предшествуетъ другое, оканчивающееся на гласный звукъ, тогда какъ въ великорусскомъ нарѣчіи эта группа довольно обычна: *взаймы*, *взобраться*, *взыскать* и проч. Есть, правда, явленіе въ малорусской фонетикѣ, обратное вокализаціи согласныхъ, именно, превращеніе гласнаго *і* въ іоту послѣ гласныхъ (*ти йди сюди*), но оно вызвано необходимостью устранить гіатусъ и тотчасъ же исчезаетъ, какъ только такой необходимости нѣтъ (*вінъ ішовъ*); притомъ же группа съ начальной іотой—*йд*, *йт* и проч. встрѣчается большею частію въ предложеніи, гораздо рѣже въ словѣ, поэтому мы и не помѣстили ее въ число основныхъ серединныхъ группъ. Замѣтить нужно, что предлогами *уз* и *у* начинается огромное количество словъ въ малорусскомъ нарѣчіи, и потому вокализація *въз* и *въ*, въ ряду другихъ причинъ, которыя содѣйствовали уменьшенію согласныхъ группъ въ началѣ словъ, занимаетъ не послѣднее мѣсто.

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что въ большей части суффиксовъ глухой элементъ *ь* въ малорусскомъ нарѣчіи не перешелъ въ соотвѣтствующій гласный звукъ, а напротивъ того, совершенно исчезъ, оставивъ лишь послѣ себя слѣдъ смягченія на тѣхъ согласныхъ, которыя подлежатъ смягченію. Вотъ, напр., нѣсколько словъ малорусскихъ и древнеславянскихъ съ разными суффиксами.

Суф. *ьн:* въ древнесл. (по Остр. ев.): *дивьно*, *безумьнъ*, *праздьникъ*, *извѣстьныи*, *бѣсьнъ*, *лозьныи*, *брачьное*, *пристрашьна*, *немощьна* [1]); въ малорус: *рівний*, *сумний*, *празник* (уже въ Галиц. евангеліи есть: *празникы* [2]) и въ Остром. ев. аналогическая форма: *горазнье*) [3]), *безрідний*, *блакитний*, *навісный*, *залізный*, *вічний*, *страшний*. Сочетанія ЩН въ малорус. нѣтъ: трехчленная группа ЩН (ШЧН) превращается въ двухчленную, поэтому *щ* предъ *н* переходитъ въ *ш*: *тѝсвішник* (древнесл. *свѣщьникъ*).

Суф. ЬШ: въ древнесл: *больши*, *меньшихъ*, *горьши* [4]), въ малорус: *більший*, *менший*, *гірший*.

Суф. ЬСК: въ древнесл: *людьскыи*, *плътьская*, *женьскъ*, *мирьскы*, *грьчьскы* [5]); въ малорус., въ слѣдствіе потери ь, славянская двухчленная группа СК вошла въ составъ трехчленныхъ группъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда конечный согласный корня сплавился съ начальнымъ согласнымъ суффикса: *людський*, *брацький*, *паньський*, *мирський*, *грецький*.

Суф. ЬЦ: въ древнесл: *ловьць*, *слѣпьць*, *агньць*, *старьць*, *градьць*, *отьць* [6]). Въ замѣнъ утраченной гласности конечнаго ь, въ малорусскомъ нарѣчіи ь суффикса *ьц* перешолъ въ *е*: *вдовець*, *сліпець*, *запорожець*, *різець*, *гостинець*, *старець*, *молодець*, *отець*. При возстановленіи гласнаго звука въ концѣ слова, ь суффикса *ьц* исчезаетъ, смягчая предшествующіе согласные, за исключеніемъ губныхъ и шипящихъ, а также плавнаго *р*: *вдовця*, *сліпця*, *запорожця*, *різьця*, *гостинця*, *старця*, *молодця*, *отьця*.

Суф. ЬСТВ и въ древнеслав. нарѣчіи входилъ въ составъ трехчленныхъ группъ; въ малорусскомъ, по исключеніи ь, онъ образовалъ немногія четырехчленныя группы. Древнесл: *дѣвьство*, *цесарьствие*, *свидѣтельство*, *наслѣдьствовати*, *богатьствие*, *величьствие*, *рожьство* [7]); въ малорус; *побратимство*, *царство*, *начальство*, иногда и безъ смягче-

---

[1]) Изд. Вост. 40. 104. 153. 277. 68. 159. 81. 44. 160.

[2]) Колос. Оч. 80.

[3]) Изд. Вост. 294.

[4]) Ibid. 62, 151, 195.

[5]) Ibid. 161. 3. 74. 294. 220.

[6]) Ibid. 60. 68. 118. 6. 135. 54. 17.

[7]) Ibid. 306. 3. 151. 111. 102. 277.

нія: *началство, наслідство, багацтво:* здѣсь *ц* есть простой комплексъ *т+с*. Съ шипящими въ малорус. нарѣчіи суффиксъ этотъ не встрѣчается. Замѣчательна малорус. форма: *різдво* вм. *рожьство*, *рождьство*. Малорусское слово: *різдво* образовалось изъ этой послѣдней формы. Потеря ь дала бы невозможную въ малорусскомъ нарѣчіи серединную пятичленную группу. Чтобы избѣжать этой группы, коренное *д* уцѣлѣло минуя форму: *рожьство,* только не въ древнеслав. смягченномъ видѣ ЖД, а въ малорус. ЗД, гдѣ Ж качественно ассимилировалось предъ Д въ З, а СТ суффикса, подъ вліяніемъ звучныхъ элементовъ—передняго *д* и задняго *в*, должно было исчезнуть, допустивъ непосредственное соединеніе звучныхъ элементовъ *д* и *в*. Такъ явилась упрощенная группа: ЗДВ вм. ЖДЬСТВ—одна изъ тѣхъ характеристическихъ группъ, которыя свидѣтельствуютъ объ активной роли звучныхъ элементовъ въ малорусскомъ консонантизмѣ.

Довольно этихъ примѣровъ, чтобы видѣть потерю ь въ суффиксахъ безъ всякой замѣны этого звука гласнымъ звукомъ (не говоримъ о суффиксахъ флективныхъ: ЪМЬ, ЬМЬ, которые въ малорусскомъ нарѣчіи звучатъ ОМ, ЕМ). А такъ какъ положеніе суффиксовъ въ словѣ именно серединное, то понятно, почему въ срединѣ словъ въ малорусскомъ нарѣчіи получилось сравнительно большее количество согласныхъ группъ, чѣмъ въ началѣ словъ.

Мы коснулись совсѣмъ нетронутаго вопроса въ русской наукѣ о языкѣ,—коснулись не съ тою подробностію, съ какой желали бы въ виду важности и неразработанности сюжета. Для насъ важно было отмѣтить фактъ въ такой лишь степени, въ какой это было необходимо для характеристики общаго хода звуковыхъ явленій въ малорусской фонетикѣ. Предоставляя другимъ разработать поставленный нами вопросъ сравнительнымъ путемъ, переходимъ къ исчисленію процентнаго отношенія звучныхъ и отзвучныхъ элементовъ, какъ въ начальныхъ, такъ и въ серединныхъ согласныхъ группахъ.

Звучные и отзвучные элементы въ начальныхъ согласныхъ группахъ распредѣляются такъ: всѣхъ начальныхъ группъ 93, изъ нихъ чисто звучныхъ 42, полузвучныхъ 32, отзвучныхъ 19. Серединныхъ группъ, какъ мы видѣли, почти въ два раза больше начальныхъ, именно 185: изъ нихъ чисто звучныхъ 66, полузвучныхъ 90, отзвучныхъ 29. Наибольшій процентъ въ серединныхъ группахъ падаетъ на полузвучныя, т. е. этого рода группъ почти 49%. Наибольшій процентъ въ

начальныхъ группахъ падаетъ на чисто звучныя, именно, этихъ группъ $45^1/_6{}^0/_0$. За то и чисто отзвучныхъ группъ въ началѣ словъ больше, чѣмъ въ срединѣ: въ началѣ словъ ихъ $20^1/_2{}^0/_0$, въ срединѣ—почти $16^0/_0$. Мы должны припомнить, впрочемъ, что изъ 19 начальныхъ отзвучныхъ группъ 9 очень рѣдко встрѣчаются, что вообще много словъ съ этими группами нетуземнаго происхожденія, что, наконецъ, изъ всѣхъ 19 группъ не болѣе шести или семи можно считать любимыми группами: это именно тѣ отзвучныя группы, которыя начинаются длительнымъ согласнымъ, преимущественно звукомъ *с*. А такъ какъ звучныхъ группъ въ началѣ словъ все-таки больше, чѣмъ въ срединѣ (въ процентномъ отношеніи больше на $1^1/_3$),—то, очевидно, перевѣсъ отзвучныхъ группъ, въ виду исключительности и малораспространенности ихъ, нисколько не препятствуетъ признать въ начальныхъ группахъ сравнительно большее преобладаніе звучнаго элемента надъ отзвучнымъ, чѣмъ въ серединныхъ. Собственно говоря, въ этихъ послѣднихъ звучный элементъ поддерживается преобладаніемъ плавныхъ согласныхъ, какъ въ группахъ чисто звучныхъ (46 изъ 66), такъ и полузвучныхъ (52 изъ 90), тогда какъ изъ 42 начальныхъ звучныхъ группъ плавныхъ 22, а изъ 32 полузвучныхъ группъ съ участіемъ плавнаго элемента 20. Но мы видѣли, что въ малорусскомъ нарѣчіи усиленіе плавнаго элемента въ срединѣ словъ произошло на счетъ начальныхъ слоговъ, поэтому настоящія пропорціи, по нашему мнѣнію, можно установить только тогда, когда мы совсѣмъ исключимъ изъ нашего счета группы съ плавными согласными. Съ другой стороны, нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что плавные звучные *р, л, м, н* не имѣютъ соотвѣтствующихъ себѣ отзвучныхъ, слѣдовательно, присутствіе ихъ въ согласныхъ группахъ можетъ дать преобладаніе звучному элементу въ какомъ угодно языкѣ: только тогда данныя величины могутъ быть сравниваемы, когда они соизмѣримы между собою. Подъ этимъ условіемъ только и могутъ быть получены выводы, характеризующіе индивидуальныя особенности языка.

Всѣхъ начальныхъ группъ, если исключить тѣ изъ нихъ, въ которыхъ есть плавные согласные, 51, серединныхъ такихъ же группъ 87: чисто звучныхъ начальныхъ 20, полузвучныхъ 12, отзвучныхъ 19, чисто звучныхъ серединныхъ тоже 20, полузвучныхъ 38, отзвучныхъ 29. Сравнивая количество чисто звучныхъ съ чисто отзвучными въ началѣ словъ, получимъ большинство на сторонѣ первыхъ въ началѣ

словъ, большинство, и притомъ значительное, на сторонѣ послѣднихъ въ срединѣ словъ. Если же разсматривать чисто звучныя въ связи со всѣми остальными, то въ начальныхъ группахъ, при отношеніи 20 къ 51, получимъ, $39^{11}/_{15}$, а въ серединныхъ группахъ, при отношеніи 20 къ 87, всего $22^{86}/_{87}$ или почти $23^{0}/_{0}$. Такимъ образомъ, съ устраненіемъ изъ счета плавныхъ элементовъ, преобладаніе звучныхъ группъ въ началѣ словъ выступаетъ еще рельефнѣе.

Выводъ, нами полученный изъ счета начальныхъ и серединныхъ согласныхъ группъ, требуетъ не столько подтвержденій, сколько разъясненій. Интересно, въ самомъ дѣлѣ, знать причины скопленія звучныхъ элементовъ въ началѣ словъ. Нѣтъ сомнѣнія, что раскрытіе этихъ причинъ пролило бы много свѣта на индивидуальныя черты малорусскаго нарѣчія, но работа эта требуетъ этимологическаго анализа громадной массы малорусскихъ словъ, что отвлекло бы насъ въ сторону отъ главной задачи нашего труда. Мы довольствуемся тѣмъ, что констатируемъ существующій фактъ, предоставляя себѣ въ другой разъ подвергнуть его подробному анализу; теперь же, въ общихъ чертахъ, укажемъ на одну изъ главныхъ причинъ изслѣдуемаго нами явленія.

Мы видѣли, что въ концѣ словъ въ малорусскомъ нарѣчіи преобладаютъ гласныя окончанія, что всѣхъ вообще конечныхъ согласныхъ группъ немного сравнительно съ серединными и даже начальными, что, наконецъ, въ согласныхъ одночленныхъ окончаніяхъ строго выдерживаются звучные согласные тамъ, гдѣ есть этимологическое основаніе ихъ выдерживать. Въ этомъ отношеніи мы видимъ полнѣйшее совпаденіе этимологическаго сознанія съ фонетикой нарѣчія. Вообще же гласно-звучнаго элемента въ концѣ словъ довольно. Вотъ этотъ элементъ, по нашему мнѣнію, содѣйствовалъ развитію однородныхъ явленій въ началѣ словъ. Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ надо имѣть въ виду не отдѣльныя слова безъ всякаго отношенія ихъ къ живой рѣчи: говорить о начальныхъ элементахъ словъ нѣтъ никакой возможности безъ всякаго отношенія къ окончаніямъ предшествующихъ словъ, вырывая ихъ изъ общей связи съ цѣлымъ предложеніемъ. Мы не сочли возможнымъ исчислить группы согласныхъ, образуемыя стеченіемъ словъ въ предложеніи,—но для объясненія особенностей въ группахъ начальныхъ обращаемъ вниманіе на звуковую зависимость ихъ отъ окончанія словъ.

Современныя намъ окончанія малорусскихъ словъ формировались постепенно. Къ древнѣйшимъ изъ нихъ относятся гласныя окончанія. Въ непосредственной связи съ этими послѣдними отъ глубоко древней эпохи сохранилась громадная масса начальныхъ согласныхъ элементовъ слова. Мы разумѣемъ собственно элементы эвфоническіе, а не тѣ только, которые составляютъ необходимую принадлежность корня. Это именно тѣ элементы, которые созданы эвфоническою потребностію избѣжать зіянія еще въ то время, когда въ діалектахъ, изъ которыхъ образовалось малорусское нарѣчіе, жили глухіе гласные *ъ* и *ь*. Уже въ древнеслав. нарѣчіи мы находимъ ихъ въ полномъ развитіи. Здѣсь *в* является, главнымъ образомъ, предъ губными, *й* предъ остальными гласными: *въ*—основная форма *an*, отсюда *въ-торъ*, готс. *anthar*; *вънюути*, кор. *оук*; *іазъ* вмѣстѣ съ *азъ*; *іес-мь*—основная форма *asmi* и проч. Кромѣ этихъ древнеслав. и вмѣстѣ общеславянскихъ приставныхъ согласныхъ, находимъ въ малорусскомъ нарѣчіи въ той же роли согласный звукъ *г*: *Ганна*, *галун* (*alumen*—квасецъ), *гарбуз* (турецк. *qârpûz*, персидс. *kharbuz* [1]), *гаспид* (греч. *ἀσπίς*), *гострий*, *горіх*, *гикати* (*икать*), *гикавка*. Въ подольскомъ разнорѣчіи это *г* встрѣчается чаще, чѣмъ въ украинскомъ говорѣ; тамъ говорятъ иногда: *горати*, *гобідати*, *гиржа* вм. *орати*, *обідати*, *иржа*. Въ галицкомъ говорѣ звуку *г* предпочитается *в*: *воробец*, *вострий*, *вовес*, *ворати* [2]. Впрочемъ, *в* не менѣе обычно и въ украинскомъ говорѣ: *вус*, *вулиця* и *улиця*, иногда *юлиця*, *вогонь* и *огонь*, *вікно* и проч. Конечно, не во всѣхъ случаяхъ приставные согласные составляютъ архаическій остатокъ древнѣйшей эпохи. Есть, напр., случаи, когда приставное *в* обусловлено позднѣйшими особенностями малорусскаго вокализма. Такъ, слово: *вівця* въ род. множ. имѣетъ *овець*: очевидно, въ именит. ед. *в* вызвано эвфоническою потребностію прикрыть начальный гласный *і* послѣ того уже, какъ звукъ *і* образовался изъ основнаго *о*. Но рядомъ съ этими позднѣйшими приставками, въ громадномъ количествѣ сохранились древнѣйшія, по образцу которыхъ, сообразно съ новыми эвфоническими потребностями, были вводимы тѣ же согласные, которые составляли благозвучную принадлежность славянскаго начала словъ.

Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, появлялись согласныя окон-

---

[1]) Mikles. Fremdw. 3.

[2]) Голов. Розпр. 51.

чанія словъ. Падали глухіе гласные въ концѣ словъ, вмѣстѣ съ тѣмъ согласные корни обнажались. Вслѣдъ за глухими гласными, сообразно съ новымъ перестроемъ звуковыхъ явленій, терялись и гласные полные. Къ числу древнѣйшихъ утратъ этого рода принадлежитъ, по нашему мнѣнію, замѣна гласныхъ *и* и *ю* согласнымъ *в* въ галицкихъ формахъ: *домов*, *долов*, *добров*, *женов* вм. *домови*, *долови*, *доброю*, *женою*. Правда, здѣсь *ов*, предъ начальнымъ согласнымъ слѣдующаго слова, звучитъ, какъ дифтонгъ *оу*, но предъ начальнымъ гласнымъ конечное *у* отвердѣваетъ въ согласный звучный *в* [1]). По мѣрѣ накопленія согласныхъ окончаній, возникала реакція въ пользу гласнаго элемента, какъ въ самомъ же концѣ, такъ и въ началѣ словъ. Къ числу реактивныхъ явленій перваго рода мы относимъ звукъ *о* въ повел. накл. множ. ч: *тікаймо*, *сядьмо* и проч. Формы эти встрѣчаются въ южнорусскихъ памятникахъ очень рано, напр. въ поученіяхъ Ефрема Сирина (XIII в.): *поразумѣимо, оубоимося*, *работаимо* [2]). Можно согласиться съ Потебней, что первоначально звукъ *о* вызванъ былъ здѣсь стеченіемъ согласныхъ въ срединѣ словъ: *йм*, *дьм*, и что послѣ того *о* распространилось и на всѣ формы повелит. наклон. безъ серединныхъ согласныхъ группъ: *ходімо*, *робімо* и проч. [3]). Мы прибавимъ только, что аналогія эта распространяется и на 1-е лице множ. ч.

1) Въ украинскомъ говорѣ старинный суф. твор. пад. женс. р. ед. ч. вполнѣ сохранился: *доброю водою, моею землею*. Въ великорус. нарѣчіи звукъ *ю* сократился въ іоту: *добро-й водо-й, мое-й земле-й*. Для объясненія этихъ формъ, мы считаемъ нужнымъ отличать образованіе существ. женс. р., а также прилагат. и мѣстоим. въ томъ же родѣ отъ образованія существит. муж. р. Въ великорусскомъ нарѣчіи сокращеніе съ первыхъ распространилось на послѣднія: *добро-ю, жено-ю, земле-ю, добро-й, жено-й, земле-й*, отсюда, по аналогіи съ утвердившимися сокращенными формами: *домо-й*, *доло-й*. Въ галицкомъ говорѣ, наоборотъ, сохранившееся разложеніе *у* въ *ов* темъ *у* распространилось на прилаг. и существ. женс. р: основная форма: *дом-ов-и*, отсюда: *дом-ов*, затѣмъ: *добров*, *женов*, передъ согласными: *домоу*, *доброу*, *женоу*. По всей вѣроятности, какъ великорус., такъ и галицкія формы обязаны своимъ происхожденіемъ дѣйствію указываемой нами аналогіи.—Въ первый разъ встрѣтилась намъ форма: *домовъ* въ Договорной грам. смоленс. кн. съ Ригой (XIII в.) (Из. Ак. т. X, вып. VI. 602).

2) Срезн. Свѣд. 49.

3) Потеб. Зам. 16.

изъяв. накл: (*ро́бимо, говбримо*), и что самый этотъ широкій объемъ ея дѣйствія наводитъ на мысль, что въ основѣ ея лежитъ не одно побужденіе ослабить скопленіе серединныхъ согласныхъ посредствомъ гласныхъ окончаній, но и необходимость поддержать эти послѣднія въ виду накопившихся съ давнихъ временъ согласныхъ окончаній.—Вмѣстѣ съ возстановленіемъ гласнаго элемента въ концѣ словъ, появлялись эвфоническіе гласные звуки въ началѣ словъ, то въ видѣ новыхъ эвфоническихъ наростовъ, то въ видѣ вокализованныхъ согласныхъ звуковъ. Къ первымъ принадлежитъ самый любимый и особенно распространенный въ малорусскомъ нарѣчіи гласный звукъ *і*, приставляемый къ началу словъ въ видѣ благозвучнаго элемента: *ізо мною* вм. *зо (съ) мною*, *ік Чорному морю* вм. *к Чорному морю*. Чаще всего приставляется *і* къ основамъ, которыя начинаются согласными группами съ переднимъ плавнымъ: *ірвати*, *іржати*, *Ільтиця*, *ільняний*, *імла*. Лавровскій объясняетъ эту приставку органической замѣной исчезнувшихъ ъ и ь послѣ плавныхъ согласныхъ [1]); мы не отрицаемъ, что на образованіе ея имѣло вліяніе паденіе глухихъ послѣ плавныхъ, но думаемъ, что обязана она, главнымъ образомъ, потерѣ глухихъ въ концѣ словъ, иначе нельзя было бы объяснить присутствіе ея предъ согласными неплавными. Приставное *і* появляется во многихъ южнорусскихъ памятникахъ XIV в. Такъ, въ Луцк. ев: *исотворю*, *исбоудеться*, *исвяжете* [2]), въ актахъ XIV в: *и Двовьскомъ* (одно слово), *исъ* вм. *съ* [3]). Мы не сомнѣваемся въ томъ, что въ живой рѣчи это благозвучное *і* существовало задолго до появленія своего въ письменности: оно выступило изъ-за строгой ферулы славянскаго правописанія послѣ того, какъ сформировалось въ устномъ употребленіи. Понятно, что причина, создавшая это *і*, относится къ эпохѣ еще болѣе древней. Нѣсколько раньше благозвучнаго *і*, и притомъ въ памятникахъ не исключительно южнорусскихъ, появляется *у* изъ *въ*. Мы уже имѣли случай привести примѣры этой замѣны изъ памятниковъ XIII в. Такъ искусственно, въ интересахъ благозвучія, подъ вліяніемъ потери во многихъ словахъ гласныхъ окончаній, появился, рядомъ съ *і*, звукъ *у* на противоположномъ концѣ голосоваго канала; не смотря

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1859, Іюнь, 237.

[2]) Вост. Опис. рукоп. Рум. Муз. 177.

[3]) Голов. Памят. № 4.

на то, что оба эти гласные звука артикулируются не въ одномъ мѣстѣ, они представляютъ сходство въ томъ отношеніи, что ближе всего стоятъ къ согласнымъ звукамъ *й* и *в* и легко могутъ перейти въ эти послѣдніе, какъ только въ томъ окажется надобность.

По ходу указанныхъ нами звуковыхъ процессовъ, эта надобность должна была возникнуть раньше или позже,—должна была возникнуть очередь новой реакціи противъ накопившагося въ началѣ словъ гласнаго элемента. И вотъ мы видимъ въ малорусскомъ нарѣчіи наиболѣе позднія звуковыя явленія, къ числу которыхъ относимъ превращеніе начальнаго *і* въ *й*, начальнаго *у* въ *в*, а также опущеніе гласныхъ звуковъ въ началѣ и въ концѣ словъ. Укажемъ примѣры того и другаго явленія.

Союзъ *і* послѣ гласныхъ звуковъ превращается въ *й*: „*та й добре*.“ Такъ же точно обращается въ іоту начальное *і* глаголовъ *іду*, *іму*: „*не йму віри*“, „*не йди до мене*“. Во многихъ словахъ это *і* то опускается, то снова появляется, судя по тому, гласный или согласный звукъ предшествуетъ словамъ, которыя начинаются съ *і*: „*іду з города*“, „*чоловік із города*.“ Здѣсь, очевидно, исключеніемъ *і* устраняется зіяніе. Въ иныхъ словахъ начальное *і* опускается: *ськати*, *грати*, *грець*, *грище*, *сповідь*, *спідниця*, *Гнат*, *Ларко*, *Сидір* и проч.

У неударяемое въ началѣ словъ послѣ предшествующихъ гласныхъ превращается въ *в*, послѣ согласныхъ возстановляется: „*вона вже вмерла*“ вм. „*уже умерла*“, „*чоловік умер*“, „*чоловік уже вмер*“. И начальное *о*, то опускается, то снова появляется подъ вліяніемъ предшествующаго гласнаго или согласнаго звука: *Панас* и *Опанас*, *цей* и *оцей*, *ддати* и *оддати*, *одного* и *дного* („*одно (о)дного доганяє)*“, *огород* и *город* („*на (о)городі коло броду*“); иногда это *о*, подобно *у*, превращается въ *в*: *на вгороді* (въ Словѣ о полку Иг: *Влуръ* и *Овлуръ*).

Въ концѣ словъ опускаются гласные: *я*, *е*, *у* и *и* (*ы*): *відт'ігь*, *боявсь* вм. *відт'ігя*, *боявся*,—*беріть*, *ходіть* вм. *беріте*, *ходіте*, у лемковъ: *берь*, *возь*, *гра*, *співа* вм. *грає*, *співає*,—*більш*, *гірш* вм. *більше*, *гірше*,—*чом* вм. *чому*, *коб* вм. *коби* (у лемковъ); въ украинскомъ говорѣ, вѣроятно, подъ вліяніемъ великорусскаго выговора, опускается иногда *и*: *ходить*, *говорить* вм. *ходити*, *говорити*.

Не исчисляя подробно всѣхъ аналогическихъ явленій въ малорусскомъ нарѣчіи, указываемъ только имъ мѣсто въ звуковой исторіи его. Большею частію они возникли въ эпоху болѣе позднюю,—въ ту эпоху,

когда живѣе почувствовалась потребность подвести итогъ звуковымъ колебаніямъ, потребность въ звуковой отдѣлкѣ слога. Сокращеніе и стяженіе гласныхъ, съ точки зрѣнія полноты вокализма, есть искаженіе звука и, конечно, не можетъ быть отнесено къ древнѣйшей эпохѣ. Напротивъ, въ этомъ явленіи замѣтно стремленіе приспособить гласные звуки къ установившейся уже системѣ согласныхъ, устроить слогъ со стороны его благозвучія,—то стремленіе, которое характеризуетъ періодъ упадка этимологическаго чутья и, въ замѣнъ того, періодъ развитія эвфонической техники. Многіе пріемы этой техники, безъ сомнѣнія, присущи были и древнѣйшей эпохѣ, какъ вообще присущъ былъ и ей инстинктъ благозвучія, но тамъ онъ выступаетъ не такъ рельефно, оттого и въ пріемахъ эвфоніи нѣтъ современной намъ полноты и разнообразія. Чѣмъ долѣе живетъ языкъ, тѣмъ болѣе накопляется въ немъ этихъ пріемовъ, и именно такъ, что, рядомъ съ новыми, не исчезаютъ изъ употребленія и старые пріемы. По толчку, данному въ очень давнее время, эти послѣдніе развиваются и совершенствуются. Такъ, рядомъ съ древнѣйшими приставными согласными *в*, *н*, *й*, въ малорусскомъ нарѣчіи позже выступилъ въ той же роли звукъ *г*. Полагать надобно, что онъ вызванъ былъ не столько примитивною общеславянскою гласностію окончаній, сколько позже развившеюся гласностію начальныхъ слоговъ: въ словѣ, напр: *гиржа* звукъ *г* явился, очевидно, въ позднее время, потому что самое *и*, передъ которымъ онъ поставленъ, относится къ эпохѣ секундарной гласности, которая вызвана была упадкомъ старинной гласности и вслѣдъ затѣмъ появленіемъ согласныхъ окончаній. Такимъ-то образомъ, самыя противоположныя явленія въ малорусской фонетикѣ—потеря гласныхъ въ началѣ словъ и приставка согласныхъ, съ другой стороны, вокализація согласныхъ и приставка гласныхъ объясняются исторіей малорусскаго нарѣчія, которое въ современномъ своемъ состояніи представляетъ видъ старинnaго зданія, перестроеннаго по новымъ вкусамъ и потребностямъ. Сущность же этихъ послѣднихъ заключается въ эвфоническомъ устройствѣ слога, который представляетъ ту характеристическую особенность, что въ немъ элементы гласные и согласные находятся между собою въ равновѣсіи. Съ этою цѣлію, съ одной стороны, устраняется зіяніе, чему мы видѣли примѣры выше, съ другой стороны, разбивается, на сколько возможно это безъ вреда для этимологической ясности слова, стеченіе согласныхъ: *Діст-е-р*, *моз-о-к*, *кораб-е-ль*, а не

Днiстр, мозк, корабль,—на лобi, у ротi, по лёду, а не на *лбi, у ртi, по льду* и проч. Равномѣрное чередованіе гласныхъ съ согласными—вотъ основная черта малорусской эвфоніи. Не во всѣхъ подробностяхъ она проведена и не вездѣ съ достаточною полнотою выдержана, но тѣмъ не менѣе въ цѣломъ, въ громадномъ множествѣ звуковыхъ явленій, она выдвигается рельефно и рѣзко, какъ черта типическая. Указывая на эту черту, мы вовсе не можемъ сказать, что въ малорусскомъ нарѣчіи согласные и гласные элементы распредѣлены съ геометрическою правильностію. Нельзя представить себѣ такую правильность въ какомъ бы то ни было языкѣ, потому что она не совмѣстима съ сущностью языка, который, во всякомъ случаѣ, не есть искусственно задуманное произведеніе человѣческаго духа. Рѣчь идетъ о тяготѣніи звуковыхъ явленій въ ту или другую сторону, о преобладающемъ характерѣ ихъ. Но уже присутствіе согласныхъ группъ, въ особенности трехчленныхъ, показываетъ, что согласный элементъ локализируется въ тѣхъ или другихъ частяхъ слова. Такъ, изъ анализа двухчленныхъ группъ въ малорусскомъ нарѣчіи мы сдѣлали выводъ, что согласный элементъ сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ срединѣ словъ, въ области серединныхъ суффиксовъ, при спайкѣ ихъ съ корнями словъ. Затѣмъ, въ свою очередь, гласный элементъ сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ концѣ словъ, въ области флективныхъ суффиксовъ. Это послѣднее обстоятельство, по нашему мнѣнію, очень важно въ отношеніи къ вопросу о характерѣ начальныхъ согласныхъ группъ.

Мы видѣли, что въ началѣ словъ въ малорусскомъ нарѣчіи положительно преобладаютъ звучныя группы. Мы объясняемъ эту ихъ особенность изобиліемъ гласно-звучныхъ элементовъ, широко развитыхъ въ окончаніяхъ малорусскихъ словъ. Есть достаточно фактовъ, подтверждающихъ нашу мысль, фактовъ, собранныхъ нами въ предыдущемъ обзорѣ начальныхъ и конечныхъ гласныхъ, а также въ обзорѣ сокращенія и приставки ихъ. Выше замѣчено было, что предлогъ *iз*, въ сложеніи съ другими словами, предъ отзвучными иногда теряетъ *з*, смѣняя этотъ звукъ на *с*: *росказати, роспитати*. Но тотъ же предлогъ *iз*, не сливаясь съ словомъ, удерживаетъ звучное *з*, хотя бы слово, предъ которымъ онъ стоитъ, начиналось съ отзвучнаго согласнаго: *iз печi, iз тiста*. Въ этомъ случаѣ на сохраненіе звучнаго *з* имѣла вліяніе не столько отдѣльность предлога отъ послѣдующихъ

словъ, сколько впереди стоящій гласный звукъ *і*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, возьмемъ, напр., фразу изъ пѣсни: *„пливе щука з Кременчука“*: здѣсь, очевидно, звучное *з* удержалось предъ отзвучнымъ *к*, благодаря предшествующему гласному звуку *а*. Когда же предъ *з* въ предложеніи стоитъ согласный отзвучный, а послѣ него такой же отзвучный, это *з* тотчасъ превращается въ *с*, напр. въ предложеніи: *„іде чумак с Криму“*, а не *„з Криму“*. Тѣмъ же вліяніемъ предшествующаго гласнаго звука мы объясняемъ въ предлогѣ *от* превращеніе отзвучнаго *т* въ звучный *д* даже предъ отзвучными: *одпихати, одказати, одтягати* и проч. Наконецъ, этому самому вліянію конечныхъ гласныхъ мы приписываемъ звучное произношеніе въ малорусскомъ нарѣчіи гласнаго *в*, которымъ начинаются многія предложныя слова. Итакъ, главная причина скопленія въ началѣ словъ звучныхъ группъ заключается въ томъ, что въ окончаніяхъ малорусскихъ словъ, главнымъ образомъ, сосредоточены гласно-звучные элементы. Понятно, что серединныя группы поставлены въ этомъ отношеніи въ условія менѣе благопріятныя, чѣмъ начальныя.

Намъ остается еще разсмотрѣть трехчленныя и четырехчленныя группы въ малорусскомъ нарѣчіи. Удобнѣе всего расположить ихъ по послѣднему члену, такъ какъ и въ малорусскомъ, и въ древнеслав. нарѣчіяхъ, въ окончаніяхъ онѣ представляютъ больше однообразія, чѣмъ начальныя и серединныя группы.

Начальныя трехчленныя группы:

ВБР *(вбраня)*, ВДР *(вдрати)*, ВКР *(вкрити)*, ВТР *(втратити)*, ЗБР *(збрехати)*, ЗГР *(згромадити)*, ЗДР *(здрігнути*, у Бер. *здрада)* [1]), СКР *(скриня*, лат. *scrinium)*, СПР *(справа)*, СТР *(стріха*, слав. кор. *стръти)*, ШКР *(шкрябати*, польс. *skrobać, skrabać*, въ чешс., какъ въ малорус. *škrabati)*, ШТР *(штрикати*, въ Супр. рук: *стрькати)* [2]), ВБЛ *(вблагати)*, ВГЛ *(вглядіти)*, ВПЛ *(вплинути)*, ВСЛ *(вслухатись)*, ЗГЛ *(зглазити)*, ЙШЛ *(знайшло)*, СКЛ *(скло*, слав. *стькло*, польс. *szkło)*, ШКЛ *(шклянка)*.

ВДВ *(вдвое)*, ДЗВ *(дзвін*, у Бер. *дзвенк)*, ШКВ *(шкварчати*, кор. *скврък*, чешс. *skvrčeti*, польс. *skwierczeć)* [3]).

---

[1]) Бер. 39.

[2]) Miklos. Lex. 896.

[3]) Ibid. 844.

ВГН (*вгнати*), ДХН (*дхнути*, слав. *дъхнѫти*), ПХН (*пхнути*, слав. *пъхнѫти*), СХН (*схнути*, слав. *съхнѫти*), ТКН (*ткнути*, слав. *тъкнѫти*).

ВБГ (*вбиати*).

ВПХ (*впхати*).

ВСК (*вскочити*).

ВСТ (*встояти*).

Всѣхъ начальныхъ трехчленныхъ группъ 31. Изъ нихъ 14, т. е. почти половина начинается съ согласнаго звука *в*, который тотчасъ же переходитъ въ *у*, какъ только предшествующее слово оканчивается на согласный звукъ: „*вона вкрила*“, „*він укрив*“, „*вона вблагала*“, „*він ублагав*“ и проч. Такъ какъ трехчленныя группы съ начальнымъ *в*, являясь въ словѣ по требованію благозвучія, крайне неустойчивы, то мы поручиться не можемъ за полноту своего счета. Во всякомъ случаѣ, недочетъ не можетъ оказаться значительнымъ, и, еслибы онъ оказался, то количество трехчленныхъ начальныхъ группъ, сравнительно съ начальными двухчленными, все-таки выйдетъ почти въ три раза меньше.

Срединныя трехчленныя группы:

ЗГР (*незграбний*, польс. *niezgrabny*), ЗДР (*уздріти*, у Бер. *задростивый*) [1]), ЙГР (*найгравати*, у Бер. *найграванье*) [2]), НДР (*мандрувати*, нѣм. *wandern*), ВПР (*навпростець*), СКР (*віскряк*, вѣроятно отъ *съкрѫнѫти*, кор. *крѫт*) [3]), СТР (*застругати*), ШТР (*муштра*, нѣм. *mustern*).

ВКЛ (*обкладати*), ЗГЛ (*розглядати*), РМЛ (*закормлювати*), РКЛ (*цірклювати*, нѣм. *zirkeln*), РТЛ (*жиртлівий* и *жиртовливий*), СКЛ (*піскля*, слав. *пискати*), СПЛ (*роспложувати*).

РЧМ (*корчма*: Миклошичъ сопоставляетъ это слово съ литов.: *karčama* и нѣм. *kretscham*) [4]).

ВБН (*довбня*, слав. *длъбсти*), ВЗН (*навзнич*, у Бер. *навзнакъ*) [5]), РБН (*скарбниця*, то же и у Бер. *скарбница*) [6]), ВКН (*бовкнути*—

---

[1]) Бер. 47.

[2]) Ibid. 56.

[3]) Miklos. Lex. 930.

[4]) Ibid. 318.

[5]) Бер. 20.

[6]) Ibid. 27.

звукоподражательнаго образованія), РКН (*торкнути*), МКН (*од'iмкнути*), ПХН (*зiпхнути*, у Бер *зопхнень*) [1]), СХН (*висхнути*), ТКН *заткнути*), ШКН (*нишкнути*: есть нарѣчіе *нишком*, *нищечком*; корень здѣсь *нищ* (польс. *niszczeć*), *нишит* изъ *ничьт*).

ЗДВ (*рiздво*, объясн. см. выше), РКВ (*церква*), НТВ (*линтварь*—баранья кожа, въ сербс. *лиjенштина*—медвѣжья кожа), СТВ (*товариство*), СХВ (*росхвалити*), ШКВ (*вишкварки*), ШТВ (*нишва*: Миклошичъ производитъ отъ древневерхненѣм. формы *lîstâ*) [2]), ЦТВ (*парубонтво* изъ *парубоцство*).

БСЬК (*бабськiй*), ВСЬК (*дiд'iвський*), ДЬСЬК (*городський*), ЛЬСЬК (*ковальський*), РСЬК (*крамарський*), НЬСЬК (*паньський*), РТК (*жертка*, слав. *жрьдь*), СТК (*звiстка*), ВЧК (*мовчки*, у Бер. *мовчки*) [3]), ВШК (*навсправшки*), ЛЬШК (*завбiльшки*), ПСЬК (*конотопський*), РШК (*горшком* вм. *горщком* отъ *горщик*).

ВЗТ (*повзти*), ВКТ (*товктись*), ВПТ (*човпти*: этимологія слова для насъ не ясна: можетъ быть, оно происходитъ отъ *чоп*, лат. *cippus*, польс. *czopować*), ВСТ (*навстiж*—кор. *встл*), ДСТ (*вiдступатись*), РСТ (*верстат*, у Бер. *верстат*) [4]), МСТ (*помста* и у Бер. *помста* [5]), слав. *мьсть*).

ВЩ=ВШЧ (*батькiвщина*), ДЩ (*миргородщина*), ЛЬЩ (*Польща* и *Полща*, въ лѣт. Самов: *Полщи*) [6]), РЩ (*горща* и *горщя*), НЩ (*панщина*)

Изъ конечныхъ трехчленныхъ группъ мы знаемъ только одну: РШЧ=РЩ (*борщ*), нѣмец. областн. *Bartsch*) [7]).

Всѣхъ серединныхъ трехчленныхъ группъ 59, т. е. въ три раза меньше, чѣмъ серединныхъ двухчленныхъ. Почти та же пропорція отношеній и въ начальныхъ трехчленныхъ группахъ, если сравнивать ихъ съ начальными двухчленными, т. е. этихъ послѣднихъ почти въ три раза больше, чѣмъ первыхъ. Наконецъ, сравнивая начальныя двухчленныя съ серединными двухчленными, опять-таки получаемъ

---

[1]) Бер. 56.

[2]) Miklos. Fremdw. 34.

[3]) Бер. 86.

[4]) Ibid 39.

[5]) Ibid. 78.

[6]) Лѣт. Сам. 11.

[7]) Корнес. Шимк. 14.

почти то же равенство количественныхъ отношеній, какое существуетъ между начальными трехчленными и серединными трехчленными, т. е. группъ начальныхъ въ два раза меньше, чѣмъ серединныхъ. Слѣдовательно, будемъ ли мы разсматривать группы со стороны ихъ положенія въ словѣ, или же со стороны ихъ количественнаго состава, аналогическія отношенія между ними останутся неизмѣнными. Новый, болѣе обстоятельный счетъ согласныхъ группъ можетъ слегка лишь измѣнить пропорцію отношеній между ними. Была бы желательна, во всякомъ случаѣ, провѣрка данныхъ, приведенныхъ нами, хотя въ настоящее время мы не ожидаемъ отъ нея выводовъ, существенно несогласныхъ съ тѣми, которые мы сдѣлали.

Сходны ли трехчленныя группы съ двухчленными въ отношеніи количества звучныхъ и отзвучныхъ элементовъ?

Замѣтимъ прежде всего, что между начальными трехчленными группами нѣтъ ни одной, которая бы состояла исключительно изъ отзвучныхъ согласныхъ. Группъ этого рода есть только двѣ между серединными трехчленными группами: (*звістка* и *конотопськúй)*.

Въ отношеніи къ послѣднему члену тѣ и другія группы представляютъ много сходнаго. Начальныя трехчленныя группы оканчиваются на звучные, большею частію плавные согласные *р*, *л*, *н*, только три группы оканчиваются на отзвучные *х*, *к*, *т*, (*впхати*, *вскочити*, *встояти)*. Изъ 59 серединныхъ трехчленныхъ группъ 34 оканчиваются на звучные, тоже большею частію плавные согласные,—остальныя рѣзче отклоняются отъ начальныхъ группъ, именно: 13 оканчиваются на *к*, 7 на *т* и 5 на *ч (шч=щ)*. Сравнительно съ древнеславянскимъ нарѣчіемъ, окончанія этихъ группъ въ малорус. разнообразнѣе: тогда какъ въ древнеслав. онѣ оканчиваются на *р*, *л*, *в*, рѣже на *н*, и одна только на *т* [1]), въ малорус. есть еще окончанія: *к*, *ч*, *ж*.

Уже изъ этихъ замѣчаній видно, что, при всемъ сходствѣ начальныхъ трехчленныхъ съ серединными трехчленными, есть между ними и нѣкоторая разница въ отношеніи къ количеству звучныхъ элементовъ,—разница, которая обусловливаетъ полнѣйшую аналогію между ними и двухчленными, какъ начальными, такъ и серединными согласными группами. Тогда какъ во *всякой* начальной трехчленной группѣ есть звучный элементъ, между серединными нашлись такія, которыя

---

[1]) Hat. De mut. contig. conson. 32.

составлены исключительно изъ отзвучныхъ согласныхъ. Правда, этихъ группъ немного, но онѣ все-таки есть. Тогда какъ изъ 32 начальныхъ трехчленныхъ группъ только три оканчиваются на отзвучные согласные, изъ 59 серединныхъ трехчленныхъ группъ есть 25 съ окончаніями отзвучными. Затѣмъ, въ отношеніи къ количеству чисто звучныхъ согласныхъ группъ, какъ въ той, такъ и въ другой категоріи, при неравенствѣ общаго числа каждой изъ нихъ почти въ два раза, звучныхъ группъ на каждую категорію приходится одинаковое количество, т. е. по 11-ти,—значитъ, въ начальныхъ трехчленныхъ группахъ чисто звучныхъ почти третья часть, въ серединныхъ только пятая часть съ дробью ($^{1}/_{3}$). Если будемъ считать звучные и отзвучные элементы въ тѣхъ и другихъ группахъ вмѣстѣ, то получимъ тотъ же выводъ о преобладаніи звучныхъ согласныхъ въ начальныхъ трехчленныхъ группахъ. Всѣхъ этихъ группъ 32, слѣдовательно, всѣхъ положеній, которыя занимаютъ одни и тѣ же согласные въ общемъ составѣ 32 группъ, 96. Есть 12 группъ съ двумя отзвучными, поэтому въ нихъ звучные согласные участвуютъ 12 разъ, отзвучные 24 раза; есть 9 группъ съ однимъ отзвучнымъ, значитъ, звучные согласные участвуютъ въ нихъ 18 разъ, отзвучные 9; есть, наконецъ, 11 чисто звучныхъ начальныхъ трехчленныхъ группъ,—значитъ, звучные участвуютъ въ нихъ 33 раза. Итакъ, $33+18+12=63$ звучныхъ элементовъ; $9+24=33$ отзвучныхъ элементовъ. Совсѣмъ другая пропорція въ серединныхъ трехчленныхъ группахъ. Здѣсь изъ 59 группъ чисто звучныхъ 11, т. е. 33 звучные элемента; съ двумя звучными—9, слѣдовательно, 18 звучныхъ, 9 отзвучныхъ; съ однимъ звучнымъ—37, слѣдовательно, 37 звучныхъ, 74 отзвучныхъ повторяющихся элементовъ; есть еще двѣ чисто отзвучныя группы=6 отзвучныхъ элементовъ. Итого, въ серединныхъ трехчленныхъ группахъ $33+18+37=88$ звучныхъ элементовъ, $9+74+6=89$ отзвучныхъ элементовъ. Выходитъ, что въ серединныхъ трехчленныхъ группахъ, въ отношеніи къ повторяющимся въ разнообразныхъ комбинаціяхъ звучнымъ и отзвучнымъ согласнымъ, послѣдніе нѣсколько даже преобладаютъ надъ первыми, тогда какъ въ начальныхъ трехчленныхъ группахъ звучные рѣзко, почти вдвое преобладаютъ надъ отзвучными элементами: сходство въ отношеніи къ распредѣленію звучнаго элемента между группами двухчленными и трехчленными, какъ въ началѣ, такъ и въ срединѣ словъ, самое полное. Мы можемъ поэтому съ полною рѣшительностію сдѣлать такой

выводъ, что въ началѣ словъ, изъ какихъ бы согласныхъ группъ ни состояло это начало, звучныхъ элементовъ несравненно больше, чѣмъ отзвучныхъ.

Четырехчленныхъ согласныхъ группъ въ малорусскомъ нарѣчіи очень немного. Конечныхъ четырехчленныхъ совсѣмъ нѣтъ: онѣ встрѣчаются только въ началѣ и въ срединѣ словъ.

Въ началѣ: ВТКН, ВПХН (*вткнути*, *впхнути*—послѣ гласныхъ, но никакъ не послѣ согласныхъ).

Въ срединѣ: ЛЬСТВ, РСТВ, МСТВ, НЬСТВ, ЙСТР, ВСПР (*начальство*, *царство*, *чорствий*, *побратимство*, *гетьманьство*, *байстря*, *навсправшки*).

Всѣ эти группы одинаковаго образованія. Въ древнеславянскомъ нарѣчіи суффиксу *ств* предшествовалъ *ъ*. Въ такомъ же видѣ, предполагать надобно, суф. этотъ существовалъ и въ первичныхъ элементахъ малорусскаго нарѣчія. Съ потерей глухаго *ъ*, предшествующій согласный звукъ корня примкнулъ къ начальному согласному суффикса, и оттого, вмѣсто древнеслав. трехчленныхъ группъ, явились въ малорусскомъ нарѣчіи четырехчленныя. Такъ же объясняются группы: ВТКН, ВПХН. Вообще нужно сказать, что группы сложныя, заключающія въ себѣ больше двухъ членовъ, образовались или посредствомъ сложенія словъ съ предлогами, или посредствомъ исключенія глухихъ гласныхъ въ суффиксахъ: первымъ путемъ образовались большею частію начальныя трехчленныя группы, послѣднимъ—серединныя. Сходство въ образованіи, какъ начальныхъ, такъ и серединныхъ, трехчленныхъ и четырехчленныхъ группъ, обусловлено, главнымъ образомъ, потерей глухихъ гласныхъ. Такъ, шесть серединныхъ трехчленныхъ группъ съ суф. прилагат. притяж. *ск* образовались точь-въ-точь такъ, какъ и всѣ четырехчленныя группы, т. е. посредствомъ исключенія глухаго гласнаго.

Пятичленныхъ согласныхъ группъ въ малорусскомъ нарѣчіи нѣтъ ни одной.

Такимъ образомъ, многочленныхъ группъ въ малорусскомъ нарѣчіи очень мало. Онѣ положительно нетерпимы въ концѣ словъ, очень рѣдки въ началѣ и болѣе возможны только въ срединѣ словъ. Здѣсь онѣ крѣпче держатся, потому что опираются на элементъ гласный, развитый, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ, въ концѣ словъ. Какъ только гласный элементъ по этимологическимъ требованіямъ

исчезаетъ изъ слова, серединная группа должна сдѣлаться конечною, а въ концѣ словъ согласныя группы указанными выше средствами упрощаются. Вообще въ постройкѣ согласныхъ группъ всѣхъ трехъ разрядовъ—двухчленныхъ, трехчленныхъ и четырехчленныхъ малорусское нарѣчіе стремится къ упрощенію. Такъ, напр., великорусскія четырехчленныя группы: ВЗГЛ (*взглянуть*), ВЗДР (*вздрогнуть*) превращаются въ трехчленныя: *зглянути*, *здрігнути*. То же отпаденіе начальнаго *в* или же превращеніе его въ *у* видимъ и въ сферѣ трехчленныхъ, даже двухчленныхъ начальныхъ группъ: вмѣсто трехчленныхъ ВЗВ (*взвалить, взваръ*), ВСТ (*встать*) получаются двухчленныя: *звалити*, *узвар*, *устати;* вмѣсто двухчленныхъ *вз*, *вд* получаются одинокіе согласные, обставленные гласными: *узяти*, *удова*. Такъ же точно отбрасываются согласные звуки изъ серединныхъ группъ, какъ двухчленныхъ, такъ и трехчленныхъ: изъ ЗДН выпадаетъ *д*, изъ СТЛ—т, и образуются двухчленныя группы: ЗН, СЛ: (вмѣсто *праздник*, *постлати*—*празник*, *послати*). Выпадаетъ изъ двухчленныхъ *д* предъ *м* и *ц*, а также *г* предъ *д* (*сёмий*, *серце*, *інодi* вм. *седмий*, *сердце*, *іногдi*). Не приводимъ аналогическихъ явленій, общераспространенныхъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, начиная съ древнеслав. (*дам*, *дав* вм. *дадм* и пр.). Въ этомъ отношеніи много общаго съ ними имѣетъ малорусское нарѣчіе, и было бы въ высокой степени интересно подвергнуть сравнительному анализу группы согласныхъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но работа эта далеко отвлекла бы насъ отъ нашей спеціальной цѣли, притомъ же мы не имѣли въ своемъ распоряженіи средствъ, необходимыхъ для удовлетворительнаго выполненія ея. Вотъ почему намъ поневолѣ пришлось ограничиться констатированіемъ фактовъ, относящихся собственно къ малорусскому нарѣчію. Во всякомъ случаѣ, насколько возможно было прослѣдить особенности малорусскаго консонантизма, воспользовавшись прекрасными изслѣдованіями Гаттала, относящимися къ консонантизму другихъ славянскихъ нарѣчій, мы не считаемъ преждевременнымъ сказать о малорусскомъ нарѣчіи, что оно, во первыхъ, предпочитаетъ звучныя группы, какъ и вообще звучные согласные отзвучнымъ, во вторыхъ, избѣгаетъ накопленія согласныхъ во всѣхъ частяхъ слова, преимущественно же въ окончаніяхъ словъ. Итакъ, въ звучной природѣ согласныхъ и въ равномѣрномъ чередованіи ихъ съ гласными элементами заключаются, по нашему мнѣнію, наиболѣе выдающіяся черты малорусскаго консонантизма.

Первая черта очевидна и безспорна. Вторая—не представляетъ

той убѣдительной ясности, которая устраняла бы всякія возраженія. Намъ могутъ указать на такія группы согласныхъ, какъ СХН, ЩХН, ТКН и другія подобныя имъ сочетанія, живущія въ малорусскомъ нарѣчіи. Но, во первыхъ, рѣдко случается, чтобы какой нибудь законъ строго послѣдовательно проведенъ былъ чрезъ всѣ формы языка. Всякій живой языкъ, находящійся въ процессѣ развитія, представляетъ въ своемъ организмѣ болѣе или менѣе пеструю смѣсь позднѣйшихъ наслоеній рядомъ съ обломками старины, и нужно время и время, пока истинная природа его выступитъ изъ тѣхъ колеблющихся, гибкихъ линій, которыя онъ долженъ былъ сдѣлать для выработки своего нормальнаго типа. Дѣло заключается не въ отклоненіяхъ и осложненіяхъ болѣе или менѣе неорганическаго свойства, а въ основномъ тонѣ, который проходитъ чрезъ всю звуковую систему языка и который рѣзко поднимается надъ всѣми диссонансами. Вотъ этотъ основной тонъ и долженъ уловить изслѣдователь,—иначе онъ принужденъ будетъ тупо остановиться на поверхности звуковыхъ частностей, не проникая въ глубину жизненныхъ процессовъ, въ которыхъ вырабатывается звуковой типъ языка. Во вторыхъ, сравнительно съ другими славянскими нарѣчіями (не говоримъ о польскомъ, лужицкомъ и чешскомъ,—сравнительно даже съ нарѣчіемъ великорусскимъ), въ малорусскомъ нарѣчіи согласныхъ группъ вообще меньше, многосложныхъ и неудобныхъ согласныхъ группъ немного. Въ этомъ отношеніи, а равно и въ полнозвучности, т. е. гармоническомъ чередованіи гласныхъ съ согласными, оно приближается къ нарѣчію сербскому, т. е. къ типу чисто южному. Думаемъ даже, что, въ ряду нарѣчій этого послѣдняго типа, малорусское нарѣчіе занимаетъ не послѣднее мѣсто. Ссылаемся на конечныя группы согласныхъ. По исчисленію Гатталы, меньше всего двухчленныхъ группъ на концѣ словъ встрѣчается въ новоболгарскомъ нарѣчіи (здѣсь есть только группы: LK, LG, RK, JN и, подъ условіемъ, также JS, JŠ и HT). Такъ же рѣдки конечныя группы согласныхъ и въ сербо-хорватскомъ нарѣчіи (встрѣчаются только двухчленныя: ST, ŠT, ZD, ŽD,—вмѣсто *jednajst* является *jednaest*, чтобы избѣгать трехчленной группы). Въ нарѣчіи словинскомъ двухчленныхъ группъ гораздо больше, есть даже нѣсколько трехчленныхъ [1]). Между тѣмъ, въ нарѣчіи малорусскомъ мы знаемъ только одну трехчленную конечную группу (РШЧ), поэтому,

---

[1]) Hatt. De mut. contig. conson 64—65.

въ ряду славянскихъ нарѣчій южнаго типа, по свойству согласныхъ окончаній, оно стоитъ почти рядомъ съ нарѣчіями новоболгарскимъ и сербскимъ. Но если считать мѣркой близости къ древнеславянской фонетикѣ, между прочимъ, отсутствіе тяжелыхъ согласныхъ накопленій въ концѣ словъ, то нельзя не согласиться, что, вмѣстѣ съ современными югославянскими нарѣчіями, малорусское находится въ самомъ тѣсномъ родствѣ съ древнеславянскимъ нарѣчіемъ, которое считается древнѣйшимъ представителемъ южнаго типа.

Можно ли считать современное преобладаніе въ малорусскомъ консонантизмѣ звучныхъ согласныхъ древнѣйшею особенностію русскихъ нарѣчій или это позднѣйшая черта, постепенно развившаяся въ малорусскомъ нарѣчіи?

На этотъ вопросъ отвѣчать документальными данными очень трудно, такъ какъ въ отношеніи къ согласнымъ звукамъ письменные источники наши погрѣшаютъ противъ фонетической вѣрности едва ли не больше, чѣмъ въ отношеніи къ звукамъ гласнымъ. Обыкновенно писецъ старался сдѣлать вѣрную копію своего подлинника; тамъ же, гдѣ приходилось ему самому быть авторомъ, онъ подражалъ языку церковно-книжному, который во всѣ періоды древнерусской письменности, за немногими исключеніями, имѣлъ значеніе литературнаго образца. Даже въ дѣловыхъ произведеніяхъ (грамотахъ, актахъ и проч.) книжное употребленіе буквъ, которыя очень часто не соотвѣтствовали дѣйствительнымъ звукамъ, считалось обязательнымъ. Тѣмъ не менѣе во всѣ эпохи древнерусской письменности нерѣдко встрѣчаются описки и обмолвки.

Судя по древнѣйшимъ славяно-русскимъ памятникамъ, ассимиляція звучныхъ въ отзвучные началась очень рано. По исключеніи глухаго ъ, чаще всего встрѣчаемъ ассимиляцію звучнаго *з* въ отзвучный *с*. Такъ, въ Остр. ев: *въскрьсъ, въсхождѧ, истѧзати, испитѧть* [1]); въ Сборн. 1073 г: *въстрепеташа, бесъчиньна* [2]) (ъ, очевидно, игралъ графическую, а не фонетическую роль); въ Сборн. 1076 г: *бес почитаниıа, бес коньцѧ* [3]). Въ этомъ послѣднемъ памятникѣ есть даже примѣръ превращенія звучнаго въ отзвучный предъ звучнымъ:

1) Изд. Вост. 204. 208. 205.

2) Из. Ак. X, V. 421.

3) Ibid. 426—424.

тришьды [1]). Ограничиваемся древнѣйшими памятниками XI в.; позже этого времени, съ XII—XIII вв., фактовъ этого рода встрѣчается несравненно больше. Видно, что въ эпоху паденія глухихъ гласныхъ и тотчасъ послѣ нея столкновеніе согласныхъ звуковъ вызывало количественную перестройку ихъ, но въ какомъ направленіи, въ пользу какихъ согласныхъ—звучныхъ или отзвучныхъ,—на этотъ вопросъ письменные памятники отвѣчаютъ не вполнѣ ясно. Мы не можемъ прежде всего рѣшить, русскія ли тѣ особенности, на которыя мы указали выше въ Остр. ев. и въ двухъ Сборникахъ. По крайней мѣрѣ, въ Супрасл. рукописи, памятникѣ не русскаго происхожденія иногда встрѣчается такая же ассимиляція звучныхъ элементовъ въ пользу отзвучныхъ, напр: *въ своботѫ* вм. *въ свободѫ*, *книхчи* вм. *книгчи* [2]); можетъ быть, все аналогическое въ древнѣйшихъ славяно-русскихъ памятникахъ можно отнести на счетъ другихъ славянскихъ нарѣчій, слѣды которыхъ весьма замѣтны даже въ Остр. ев. Съ другой стороны, въ той же Супрасл. рукописи есть, напр., форма: *зльзами* вм. *сльзами* [3]). По всей вѣроятности, если бы пересмотрѣть весь этотъ памятникъ съ точки зрѣнія занимающаго насъ вопроса, то нашлись бы и другія подобныя формы.—Что думать объ этомъ?

Нѣтъ сомнѣнія, что въ ту эпоху древнеславянскаго нарѣчія, когда глухіе гласные стояли въ организмѣ его еще крѣпко, перебой звучныхъ въ отзвучные былъ очень труденъ, потому что между согласными элементами чаще встрѣчались гласные въ качествѣ разъединяющаго начала: полнота вокализма давала преобладаніе такъ называемымъ прямымъ слогамъ; сравнительно съ этими послѣдними, слоговъ обратныхъ и среднихъ было меньше, и только тамъ, гдѣ эти послѣдніе встрѣчались съ прямыми слогами, возможна была количественная ассимиляція согласныхъ. Для русскаго языка это была доисторическая эпоха, и мы должны сознаться, что въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности отъ нея остались лишь слабые слѣды. Изъ примѣровъ, нами приведенныхъ выше, мы могли видѣть, что глухіе гласные въ предложныхъ, напр., словахъ и въ предлогахъ вообще иногда совсѣмъ не писались, слѣдоват., и не произносились (*бес почитаниꙗ*, *бес коньцѧ*).

---

[1]) Из. Ак. X, V. 426.

[2]) Ламанс. О нѣкот. слав. рукоп. 88. 90.

[3]) Ibid. 22.

иногда же писались, но не произносились, такъ какъ предшествующій имъ согласный звукъ все-таки ассимилировался (*бесъчиньна*). Подобныхъ примѣровъ можно найти довольно и въ памятникахъ XII—XIII в. Русскія ли эти формы или нерусскія, во всякомъ случаѣ онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что, какъ только начали падать глухіе гласные, при первой встрѣчѣ отзвучныхъ согласныхъ съ звучными, первые взяли верхъ надъ послѣдними, какъ элементами въ количественномъ отношеніи болѣе слабыми. Это вытекало изъ самой природы тѣхъ и другихъ согласныхъ, и потому мы должны признать для всѣхъ славянскихъ нарѣчій тотъ моментъ, когда они, вслѣдъ за паденіемъ глухихъ гласныхъ, перестраивали систему согласныхъ въ интересѣ элементовъ болѣе сильныхъ—отзвучныхъ, а не звучныхъ. Для однихъ нарѣчій этотъ періодъ усиленія консонантизма наступилъ раньше, для другихъ позже, но всѣ они несомнѣнно прошли чрезъ него. Мы не можемъ сказать опредѣленно, какъ долго онъ длился для русскаго языка, тѣмъ болѣе, что звучный строй консонантизма, господствующій въ малорусскомъ нарѣчіи тоже вытекаетъ изъ очень древнихъ звуковыхъ превращеній. Въ то самое время, какъ одинъ порядокъ явленій по инерціи продолжалъ существовать, другой побѣгъ звуковаго творчества порождалъ діалектическія своеобразія совсѣмъ инаго рода. Уже въ древнѣйшихъ славяно-русскихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ такія явленія, какъ обмѣнъ звуковъ *в* и *оу*. Такъ, въ Сборн. 1073 г. есть формы: *оуселенноуѩ*, *оуселꙗтисѧ*, *оуселитесѧ*, *вътодьно* [1]); такія же формы встрѣчаются и въ нерусскихъ памятникахъ XI в., напр., въ Супр. рук: *оу остатъкы*, *оуселеныѧ* [2]). Такъ давно и такъ повсемѣстно получила начало вокализація согласныхъ, которая въ малорусскомъ нарѣчіи постепенно принимала все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Съ другой стороны, на мѣсто глухихъ давно уже появились полные гласные, какъ эвфоническіе элементы, имѣвшіе назначеніе поддержать равновѣсіе гласныхъ съ согласными въ составѣ слога. Мы видѣли, что, подъ вліяніемъ народныхъ говоровъ, писцы иногда рѣзко отступали отъ древнеслав. преданія въ употребленіи глухихъ гласныхъ, то замѣняя ими полныя, то вводя полныя на мѣсто глухихъ. Если вспомнимъ при этомъ то, что сказано было нами о значеніи полногласія въ русскомъ

---

[1]) Ламанс. О нѣкот. слав. рук. 92.

[2]) Ibid. 92..

вокализмѣ, наконецъ, о значеніи дифтонговъ при образованіи среднихъ слоговъ вмѣсто прямыхъ, то намъ съ достаточною полнотою обрисуются всѣ тѣ пути, которыми шелъ древнерусскій языкъ съ самаго начала своего историческаго существованія для поддержанія пошатнувшихся основъ своего вокализма. Вотъ этотъ наплывъ гласныхъ элементовъ долженъ былъ существенно отразиться на всей системѣ согласныхъ звуковъ въ смыслѣ поддержки звучныхъ согласныхъ. Встрѣтились такимъ образомъ въ древнерусскомъ консонантизмѣ два направленія, порожденныя одною причиной, т. е. паденіемъ глухихъ гласныхъ: одно наклоняло согласные въ сторону отзвучности, другое въ сторону звучности. Конечно, какъ то, такъ и другое не вдругъ выросло и не сразу установилось, какъ не вдругъ и не сразу дѣйствовала причина, создавшая оба направленія. Здѣсь, какъ и въ области гласныхъ, допустить нужно діалектическое разнообразіе, *обусловленное*, между прочимъ, неодновременностію звуковыхъ явленій, которыя въ отдѣльныхъ говорахъ происходятъ иногда совершенно независимо отъ вліянія другихъ говоровъ, и потому представляютъ своеобразную смѣсь старыхъ элементовъ съ новыми, своеобразныя колебанія въ разныя стороны. По крайней мѣрѣ, въ древнерусскихъ памятникахъ мы не находимъ рѣшительныхъ заявленій въ пользу согласныхъ звучныхъ или отзвучныхъ. Относительно этихъ послѣднихъ мы привели нѣсколько фактовъ выше и видѣли, что на нихъ нельзя положиться для вывода рѣшительныхъ заключеній. То же самое должны мы сказать и о тѣхъ немногихъ формахъ, въ которыхъ звучный согласный стоитъ на мѣсто отзвучнаго, напр: *изъбытъкъ оукроугъ* вм. *оукроухъ* (Галиц. ев. XII в.) [1]), или же: *одъ пасусъ* вм. *отъ* (Хожд. Богор. въ Сборн. поученій изъ Златоус., Василія Вел. и др.) [2]). Во всякомъ случаѣ, не отрицая того, что отзвучные согласные діалектически развивались въ древне-кіевскую эпоху, мы не можемъ устранить изъ нея, въ виду приведенныхъ выше соображеній о перестроѣ звуковъ въ области вокализма, явленія обратнаго, т. е. діалектическаго развитія звучныхъ согласныхъ, которое, какъ извѣстно, равняется такъ называемому количественному паденію ихъ. Это даже не было въ большинствѣ случаевъ развитіемъ одного элемента на счетъ дру-

[1]) Вусл. Матер. 13.

[2]) Из. Ак. X, V. 527.

гаго: очень часто звучные согласные просто удерживались и послѣ паденія глухихъ гласныхъ тамъ, гдѣ они существовали до паденія ихъ. Само собою разумѣется, что, какъ только разъ обозначилось такое направленіе въ области согласныхъ, оно должно было развиваться дальше: въ малорус. нарѣчіи не только отзвучные передъ звучными превращены въ звучные, но удержаны основные звучные даже предъ отзвучными, и притомъ иногда въ такихъ частяхъ слова, гдѣ никогда не было глухихъ гласныхъ, напр: *гребти, везти, стерегти.* Но это, очевидно, позднѣйшія формы. Въ болѣе отдаленное время звучный элементъ сохранялся преимущественно въ такихъ частяхъ слова, гдѣ стоялъ нѣкогда глухой гласный звукъ или исчезнувшій, или превращенный въ полный гласный звукъ. Звучный согласный, стоявшій нѣкогда предъ глухимъ гласнымъ, не терялъ своей звучной природы даже послѣ того, какъ, съ потерей глухихъ гласныхъ, онъ встрѣтился непосредственно съ отзвучнымъ согласнымъ: на звучномъ согласномъ остался такимъ образомъ слѣдъ гласнаго элемента, который нѣкогда отдѣлялъ его отъ отзвучнаго согласнаго, устраняя ассимилярующее вліяніе этого послѣдняго. Затѣмъ, когда для восполненія вокализма, явилось новое поколѣніе гласныхъ звуковъ, звучные согласные заняли крѣпкую позицію не только въ смыслѣ пассивнаго элемента, который остался на своемъ мѣстѣ съ другими особенностями древняго звуковаго типа, но и въ смыслѣ элемента активнаго, подчинявшаго, въ свою очередь, ассимилирующему вліянію отзвучные согласные. Такъ произошло количественное паденіе консонантизма, который мало-по-малу ослабѣвалъ по мѣрѣ того, какъ возрастали и усиливались вокальные элементы. Паденіе консонантизма примыкаетъ, по нашему мнѣнію, къ эпохѣ возрожденія вокализма, но, какъ то, такъ и другое явленіе находится въ связи съ основной причиной звуковыхъ превращеній во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, именно—съ паденіемъ глухихъ гласныхъ.

Итакъ, мы стоимъ на томъ, что въ древнѣйшемъ состояніи русскихъ нарѣчій количественное различіе въ системѣ согласныхъ, если не установилось окончательно, то, во всякомъ случаѣ, вполнѣ обнаружилось. Тѣ говоры, въ которыхъ гласный элементъ (въ видѣ дифтонговъ, вокализаціи согласныхъ) успѣшнѣе развивался, предпочитали звучные согласные отзвучнымъ. Напротивъ, тѣ говоры, въ которыхъ гласный элементъ не получилъ преобладающаго значенія, охотнѣе давали мѣсто согласнымъ отзвучнымъ, постепенно подчиняя имъ звучные

согласные. Цѣною уменьшенія вокальныхъ средствъ своихъ они пріобрѣтали количественную силу консонантизма, тогда какъ первые—наоборотъ, усиливая вокализмъ, содѣйствовали паденію консонантизма. Мы думаемъ, что на почвѣ русскихъ нарѣчій оба эти порядка явленій развивались параллельно другъ съ другомъ, и потому считаемъ ихъ одинаково древними. По крайней мѣрѣ, за древность слабаго консонантизма ручается то важное обстоятельство, что звучные согласные значительно распространены и въ бѣлорусскомъ говорѣ. „У бѣлоруссовъ, говоритъ Безсоновъ, звучные *б, г, д, ж, з*, въ концѣ словъ, не переходятъ такъ рѣшительно, какъ у великоруссовъ, въ *п, к* и *х, т, ш, с* (*бопъ, стокъ, Бохъ, рятъ, ношь, восъ*) и сохраняютъ гораздо тверже звучную свою упругость“ [1]). Къ сожалѣнію, на основаніи образцевъ бѣлорусскаго нарѣчія, помѣщенныхъ у Безсонова, Киркора и въ другихъ изданіяхъ, мы не имѣемъ возможности рѣшить, какъ далеко простирается звучность согласныхъ въ бѣлорусскомъ говорѣ: простирается ли, напр., она на средину словъ, при встрѣчѣ звучныхъ съ отзвучными, или же ограничивается концемъ словъ [2]). Какъ бы то ни было, даже въ томъ случаѣ, когда звучные стоятъ только въ концѣ

---

[1]) Безсоновъ. Бѣлорус. пѣс. Предисл. LXXVI.

[2]) Въ транскрипціи бѣлорусскихъ пѣсенъ Безсоновъ, повидимому, имѣлъ намѣреніе вѣрно передать звуки бѣлорусской рѣчи: „читайте, говоритъ онъ, и произносите въ точности, какъ напечатано у насъ, ибо здѣсь буквы *по возможности* вѣрны звукамъ“.-(Безсон. Бѣлор. пѣс. Предисл. XXVI). Значитъ, точности все-таки нѣтъ: обѣщано одно, а предлагается другое. Такъ напр., Безсоновъ пишетъ *о* тамъ, гдѣ оно, оставаясь безъ ударенія, произносится у Бѣлоруссовъ, какъ *а*. Вообще говоря, литературное русское правописаніе такъ въѣлось въ привычку записывателей народнаго матеріала, что рѣдкіе изъ нихъ берутъ на себя смѣлость, въ интересѣ фонетики народныхъ говоровъ, рѣзко отступить отъ заученныхъ еще въ школѣ правилъ правописанія. Отсюда всякаго рода колебанія и противорѣчія: такъ, Киркоръ пишетъ, напр., въ одной и той же пѣснѣ: *рассыпаны* и *разсыпану* (Этн. сборн. вып. III, 203). Объяснять ли затѣмъ формы: *суспдки*, *молодшему*, *съ подъ кусточка* (Ibid 204—5) въ пользу звучныхъ элементовъ, когда у того же Киркора они далеко не всегда выдержаны? Предлогъ, напр., *съ* у него очень часто является предъ отзвучными въ видѣ *зъ*, но нерѣдко въ тѣхъ же случаяхъ и въ настоящемъ своемъ видѣ. Наиболѣе послѣдовательно въ отношеніи къ правописанію изданы „Бѣлорус-

словъ, бѣлорусскій говоръ представляетъ существенныя черты родства съ малорус. нарѣчіемъ. Такимъ образомъ, особенности малорусскаго консонантизма выходятъ за предѣлы малорусскаго нарѣчія, распространяясь въ территоріи не малорусскихъ говоровъ, а это и есть, по нашему мнѣнію, очевидное доказательство того, что звучность согласныхъ есть явленіе не новое въ самомъ малорус. нарѣчіи, что она принадлежала древнѣйшимъ русскимъ говорамъ, въ эпоху существованія ихъ подъ формами древнерусскаго языка, что она, наконецъ, только въ послѣдствіи локализировалась, главнымъ образомъ, въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія. Въ бѣлорусскомъ говорѣ сохранились до настоящаго времени и неизбѣжные спутники звучнаго консонантизма, именно дифтонги, образовавшіеся изъ *л* и *в*: *дау*, *любиу*, *п уk*, *заутра*, *забаулятu*: *в* никогда не усиливается въ *ф*, какъ и въ малорусскомъ. Сходно съ малорусскимъ, предлогъ *въ* превращается въ *у* по требованію благозвучія, выражающемуся въ стремленіи къ равномѣрному распредѣленію гласныхъ и согласныхъ элементовъ: *у дворе*, *у селе*. Эти особенности вокализма уже только изрѣдка сохраняются въ нѣкоторыхъ говорахъ великорусскаго нарѣчія, (напр. превращеніе *л* въ *в* (*у*) въ Рязанс., *в* въ *у* въ Орловс., Курс., Воронежс. и отчасти Пензенс.) [1]), какъ остатокъ нѣкогда болѣе распространенной въ русскихъ говорахъ старины. Зато всюду въ великорусскомъ нарѣчіи „звучные согласные, по замѣчанію Потебни, передъ отзвучными и на концѣ переходятъ въ отзвучные [2]), а въ господствующемъ литературномъ нарѣчіи этотъ переходъ получилъ значеніе звуковаго закона, рѣзко отличающаго консонантизмъ великорусскій отъ малорусскаго и бѣлорусскаго. Въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности мы видѣли дѣйствіе этого закона почти исключительно

скія народныя пѣсни“ Шейна (1874). Въ этомъ сборникѣ предлогъ *съ* всюду является въ видѣ *зъ* не только предъ звучными, но и предъ отзвучными; звучные предъ отзвучными нигдѣ не измѣняются въ отзвучные (*челядку*, *подходомъ*, *ножка* и т. п.); даже предлогъ *отъ* является ва малорус. формѣ *од* предъ отзвучными: *одчини* (87). Внимательный пересмотръ книги Шейна привелъ насъ къ убѣжденію, что въ бѣлорус. звучные преобладаютъ надъ отзвучными, какъ и въ малорусскомъ.

[1]) Потеб. О звук. особ. 69—70.

[2]) Ibid. 70.

въ предложныхъ словахъ, и то—большею частію въ примѣненіи къ звучному *з*, который предъ отзвучными превращался въ *с*. При такой исключительности ассимиляціи звучнаго въ отзвучный мы не могли признать ихъ всеобщей нормой для всѣхъ русскихъ говоровъ. Но вотъ съ XIV в. этого рода явленія начинаютъ обнаруживаться въ великорусскихъ памятникахъ рѣшительнѣе и яснѣе. Такъ, въ языкѣ Новгородскихъ лѣтописей, по замѣчанію Лавровскаго, отзвучные предпочитаются звучнымъ [1]). Въ Лаврентьевской лѣтописи рядомъ съ формой: *истобъку* стоитъ форма: *истопку* [2]). Въ Собр. государс. грамотъ рѣзко выступаетъ ассимиляція звучныхъ въ отзвучные: *молотшему*, *жеренцовъ* и пр. [3]). Въ Палеѣ XIV в: *рѣтка* (плоть) [4]). Въ XV в. то же самое: въ актахъ, изданныхъ Калачевымъ, есть формы: *паропка*, *ионче* [5]); въ Тверс. церков. уставѣ: *тетрать* [6]). Согласный *в* могъ уже звучать, какъ *ф*: въ томъ же памятникѣ есть, напр., форма: *въ тфѣри* [7]). Ипатскій списокъ лѣтописи, переписанный, какъ извѣстно, на сѣверѣ, представляетъ множество примѣровъ такого рода ассимиляціи. Есть довольно аналогическихъ фактовъ и въ западно-русскихъ памятникахъ XIV—XV в., напр. въ грамотахъ XV в: *сматкомъ* [8]), *сопѣтки*, *посвѣтчать* [9]) и пр., но если взять во вниманіе большинство случаевъ совершенно противоположныхъ, гдѣ звучные согласные уцѣлѣли на своемъ мѣстѣ или даже отзвучные перешли въ звучные, напр: *бровстови* (Грам. Полоц. Еписк. XIV.) [10]), *отъ своихъ господарей* и рядомъ—*одъ пророкъ* (Гр. кн. литовс. XV в.) [11]),—если вспомнить при этомъ, что на югозападѣ вокализмъ давно уже пробился въ письменность въ обновленномъ и усиленномъ видѣ (мы видѣли, что уже въ XIV в. явилось благозвучное начальное *і*),—то изрѣдка встрѣчающуюся

[1]) Лавр. О яз. сѣв. лѣт. 133.

[2]) Бусл. Ист. христ. 459—460.

[3]) Колос. Очер. 167.

[4]) Из. Ак. X, V. 669.

[5]) Колос. Очер. 84. 106.

[6]) Горс. Отд. 3. кн. 5. 313.

[7]) Ibid. 313.

[8]) Голов. Акт. 52.

[9]) Ак. Югоз. Рос. 296.

[10]) Бусл. Истор. христ. 421.

[11]) Изд. Ант. и Козловс. 11.

ассимиляцію звучныхъ въ отзвучные можно считать остаткомъ колебаній въ звуковомъ строѣ консонантизма. Сила дѣла заключается не въ этихъ отдѣльныхъ случаяхъ, а въ преобладаніи фактовъ иного рода, въ общемъ тяготѣніи согласныхъ къ звучному строю. Такъ точно сами по себѣ ничего не доказываютъ случаи ассимиляціи отзвучныхъ въ звучные предъ звучными, часто встрѣчающіеся въ языкѣ сѣверно-русскихъ памятниковъ. Явленіе это донынѣ живетъ въ великорусскомъ нарѣчіи, но тамъ же мы видимъ и совсѣмъ обратное явленіе. Судя по сѣверно-русскимъ письменнымъ памятникамъ, видно, что съ XIV в. отзвучность согласныхъ увеличилась въ великорусскомъ нарѣчіи.

Такимъ образомъ, въ отношеніи къ звучности согласныхъ бѣлорусскій говоръ ближе къ малорусскому нарѣчію, чѣмъ къ великорусскому,—ближе не только самою звучностію согласныхъ, но и другими чертами консонантизма, стоящими въ непосредственной связи съ количественною слабостію ихъ. Мы разумѣемъ, между прочимъ, смягченное удвоеніе ихъ.

Извѣстно, что въ украинскомъ говорѣ малорус. нарѣчія имена сущ. ср. р. съ темой *ja*, т. е. видоизмѣненіемъ ея *je*, которому предшествуетъ гласный звукъ *i*, удваиваютъ тематическій согласный звукъ, превращая въ именит. пад. ед. ч. *je* въ *ja* (*я*). Отсюда получились формы: *безлюддя*, *суддя*, *життя*, *браття*, *зілля*, *насіння*, *волосся*, *збіжжа* и *збіжжя*, *клочча* и *клоччя*, *піддашша* (*ш* рѣдко удвояется) вмѣсто древнеславянс: *судиꙗ*, *житиѥ* и проч. Въ косвенныхъ падежахъ удвоенные звуки встрѣчаются съ *ю* и *і* (*ji*): *безлюддю*, *на безлюдді*, *піччю* и *піччу*, *на зіллі*, *на клоччі* и проч. Въ сѣверномъ малорусскомъ и галицкомъ говорахъ выдерживается основной звукъ *є* безъ удвоенія предшествующаго согласнаго: *житьє*, *зильє*, *волосьє*. Такія же самыя смягченно-удвоенныя формы свойственны и бѣлорусскому говору съ тѣмъ различіемъ, что конечный звукъ *є* не переходитъ въ *я*: такъ, въ Смоленс. губ. и въ Ржевс у. Тверс. губ. говорятъ: *почтєннє*, *питтє*, *Илльня*, *собольлю*, *лошадьдю* и проч. [1]) Подобно тому какъ въ малорусскомъ нарѣчіи аналогическія формы составляютъ принадлежность не всѣхъ говоровъ его, а только одного украинскаго, такъ точно и въ бѣлорусскомъ говорѣ онѣ составляютъ явленіе спорадическое, распространенное далеко не во всѣхъ

---

[1]) Потеб. О звук. особ. 72.

мѣстностяхъ бѣлой Руси. Но существуя не повсемѣстно въ бѣлой и малой Руси, онѣ безусловно чужды великорусскому нарѣчію.

Считать ли бѣлорусское удвоеніе согласныхъ заимствованіемъ изъ малорусскаго нарѣчія, какъ думаетъ Потебня [1]), или же это есть органическое явленіе, самостоятельно развившееся въ сферѣ бѣлорусскаго говора? Замѣтимъ, что Потебня относитъ къ числу заимствованій изъ малорус. звукъ *дж*, встрѣчающійся у бѣлоруссовъ. Ставши на эту точку зрѣнія, можно бы прибавить и звучность согласныхъ, но въ такомъ случаѣ, не много ли ужъ будетъ заимствованій? Съ теоріей заимствованій можно было бы до извѣстной степени согласиться, съ тѣмъ, однако же, условіемъ, чтобы она не касалась существенныхъ особенностей языка, глубоко проникшихъ весь его составъ. Тѣмъ менѣе можно говорить о заимствованіяхъ въ вопросѣ объ удвоенно-смягченныхъ согласныхъ, что они сопутствуютъ звучности ихъ, которая у бѣлоруссовъ обставлена тѣми же звуковыми подробностями, какъ и у малоруссовъ. Спору нѣтъ, что малорусское племя всегда оказывало могущественное вліяніе на бѣлоруссовъ, что въ пѣсенномъ творчествѣ бѣлорусскомъ, по крайней мѣрѣ, $^4/_5$ пѣсенъ малорусскаго происхожденія, что, слѣдовательно, вмѣстѣ съ словомъ, могло проникать къ бѣлоруссамъ звуковое вліяніе малорусской рѣчи, но не нужно упускать изъ виду, что это было, во всякомъ случаѣ, вліяніе позднѣйшее, поэтому оно не могло проникнуть въ звуковой строй бѣлорусской рѣчи такъ глубоко, чтобы можно было ограничиться въ объясненіи сходнаго у бѣлоруссовъ и малоруссовъ одною теоріею заимствованій. По нашему мнѣнію, сходство это древнѣе той эпохи, когда бѣлоруссы подпали вліянію пѣсеннаго малорусскаго творчества, такъ какъ самое это творчество относится къ эпохѣ болѣе поздней.

Устраняя теорію заимствованій въ ея широкомъ и безусловномъ примѣненіи, мы думаемъ, что смягченно-удвоенные согласные, какъ у бѣлоруссовъ, такъ и у малоруссовъ, образовались совершенно самостоятельно. Безъ сомнѣнія, они ведутъ свою исторію отъ извѣстной намъ древнеславянской и древнерусской особенности звука *и*, который предъ іотированнымъ гласнымъ звукомъ являлся въ формѣ *ь*. Уже въ XI в. съ этимъ ослабленіемъ *и* встрѣчаемся на каждомъ шагу почти во всѣхъ письменныхъ памятникахъ: мы видимъ ее въ Толков. Евген.

---

[1]) Потеб. О звук. особ. 54.

псалтири, въ обоихъ Сборн. Святослава, въ Словахъ Григорія Богослова [1]. Есть даже удвоенная форма въ Пандек. Антіоха: *безаконнъıѥмь* [2]), но такъ какъ она одинъ только разъ намъ встрѣтилась, то мы не придаемъ ей особеннаго значенія. Для XI в. и то уже не маловажное обстоятельство, что въ огромной массѣ случаевъ въ аналогическихъ формахъ стоитъ *ь* вм. *и*. Не думаемъ, чтобы *ь* составлялъ здѣсь слогъ (*жи-ть-ѥ*), такъ какъ глухіе гласные, тотчасъ вслѣдъ за появленіемъ своимъ въ древнеславянской письменности, начали падать въ самомъ древнеслав. нарѣчіи. Съ другой стороны, *ь* изъ *ĭ*, послѣ согласныхъ звуковъ, ни въ какомъ случаѣ не могъ заключать въ себѣ столько силы, чтобы въ немъ сохранился еще оттѣнокъ гласнаго звука, тѣмъ болѣе, что это былъ слабый мягкій звукъ, который послѣ согласныхъ звуковъ, по нашему мнѣнію, долженъ былъ явиться ничѣмъ инымъ, какъ смягчающимъ согласнымъ элементомъ—іотой [3]). Такимъ

---

[1]) Из. Ак. т. X. вып. V. Срезн. Древн. пам. рус. пис.

[2]) Из. Ак. X. V. 493.

[3]) Мы рѣшительно не согласны съ системой такъ называемыхъ предъерированныхъ гласныхъ въ томъ видѣ, какъ развилъ ее Миклошичъ. Она кажется намъ не всегда примѣнимой даже къ древнеславянскому нарѣчію, гдѣ Миклошичъ въ *ь* послѣ согласныхъ звуковъ видитъ гласный элементъ. По его теоріи оказываются совсѣмъ необъяснимыми многія формы. Такъ, самъ онъ отказывается отъ объясненія такихъ формъ, какъ *рождьство*, *дождь*, (Miklos, Lautl. 187), предполагая въ этихъ смягченіяхъ звукъ *i*, ослабѣвшій въ *ь*, тогда какъ въ *дождь*, напр., основная форма: *дад-jъ (ja-s)*, слѣдовательно, не *i*, а іота. Тотъ же предъерированный гласный элементъ онъ видитъ въ словахъ: *польза, стьза* (Ibid. 197), тогда какъ въ этихъ словахъ гортанный *i* смягчился въ *з* посредствомъ іоты (*стьза=сть=ja*). Вообще въ древнеславянскомъ нарѣчіи гласный звукъ *i* предъ другимъ гласнымъ или разлагается въ *ji*, напр. въ именныхъ темахъ *i* предъ суффиксомъ двоиств. ч. род. и мѣст. падежа *оу* (*u*): *пяти-jy*, а также въ *ъj*: *бити—бъj-енъ*, или же совсѣмъ превращается въ *j*, въ образованіи, напр., прош. прич. на *ь* въ глаголахъ съ конечнымъ тематическимъ *i*: *хвали-(ans)*, *хвалj-us*, *хвал-ь*: доказательство, что здѣсь именно заключается *j*, а не *i*, представляютъ формы: *возмюбл-ь*, *отпущ-ь*. Такое же превращеніе гласнаго *i* въ согласный *j* видимъ въ склоненіи мѣстоименія *и(же)*: род. *и* | *ею=jею=ѥю*. Обратное явленіе, т. е. вокализація *j* составляетъ въ древнеслав. нарѣчіи явленіе довольно рѣдкое (Comp. Sleich. 423.

образомъ, вмѣсто согласнаго+*и*, явился согласный+*j*, т. е. одинъ мягкій согласный звукъ—комплексъ слабый въ сравненіи съ первоначальнымъ. Между тѣмъ, по прежнему, *j*, образовавшаяся изъ *i*, должна была встрѣтиться съ другой іотой, которая составляетъ начальный элементъ темы *ja*,—и вотъ звуковая потеря, только что нами указанная, вызвала качественное уподобленіе второй іоты предшествующему смягченному согласному. Мало того: общеславянское *je* уступило свое мѣсто звуку *ja*, такъ что украинское *я* въ *зілля* и проч. совпало съ первоначальной темой *ja*. Въ этомъ возстановленіи болѣе сильнаго *я* вмѣсто *є* мы видимъ то же побужденіе восполнить звуковую потерю въ предыдущемъ: по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ малорусскихъ говорахъ, гдѣ удвоенія согласныхъ нѣтъ, остается славянская форма темы *ja*, т. е. *є*, что ясно указываетъ на значеніе украинскаго *я* въ связи съ смягченіемъ и удвоеніемъ согласныхъ. Замѣтимъ кстати, что удвоенія этого рода встрѣчаются иногда и въ корняхъ словъ. Такого образованія, напр., слово: *наллятu*, есть и *лляти* изъ *мuняmu*. Въ удвоенной формѣ безъ ь встрѣчается слово это уже у Берынды: *ллят'ся* [1]).

Въ южнорусскихъ памятникахъ мягкіе согласные почти не встрѣчаются въ удвоенномъ видѣ. Даже у Берынды, гдѣ преобладаютъ въ именахъ на *ье* украинскія формы съ *я*, согласные не удвояются: *вырозуменѧ*, *милосердѧ*, *запмутѧ* [2]). Иногда Берында пишетъ эти формы съ ь, иногда удерживаетъ при этомъ и *е*: *подозреньѧ*, *дѧковане*, *щасте* [3]). Но большею частію, какъ у Берынды, такъ и вообще въ южнорусской письменности XVII в., встрѣчаемъ *я*: видимо, это позднѣйшая форма, которая появилась не раньше XVI в. Такъ, уже въ 1-мъ посланіи Іоанна Вишенскаго (XVI в.): *щастя*, *веселя*, *препаленя* [4]). Что

Fermenl. Miklos. 66), въ противоположность языку греческому, гдѣ вокализація іоты происходитъ въ слѣдствіе отвращенія къ первоначальнымъ придувнымъ звукамъ (*j*, *v*, *s*). Это характеристическая особенность не только древнеславянскаго нарѣчія, но и всѣхъ славянскихъ нарѣчій,—особенность. обусловленная быстрой ассимиляціей іоты со всѣми согласными звуками. Отсюда вытекаютъ всѣ явленія такъ называемаго іотацизма, широко охватывающаго весь строй славянскихъ нарѣчій.

[1]) Бер. 185.

[2]) Ibid. 185.

[3]) Ibid. 3, 4, 5.

[4]) Ак. южн. и зап. Рос. т. II, 217.

касается до удвоенія при *е* (*ε*), то оно, безъ всякаго сомнѣнія, существовало уже въ XV в. Въ Студійскомъ уставѣ XV в. намъ встрѣтилась одинъ разъ форма: *браттъ*, [1]) но, независимо отъ этой формы, самыя начертанія: *печатю, милостю, широкостю*, [2]) постоянно встрѣчающіяся въ юго и западно-русскихъ грамотахъ XV в., показываютъ, что въ произношеніи послѣдній согласный звукъ удваивался, иначе предъ нимъ писали бы *ь*. Судя по тому, что въ письменности позже появляются звуковыя особенности, созрѣвшія въ устахъ народа, можно думать, что удвоеніе въ подобныхъ формахъ возникло раньше XV в. и только закрыто было утвердившимся съ самаго начала русской письменности обычаемъ писать *ь* предъ іотированными гласными. На это предположеніе наводитъ чрезмѣрно частое употребленіе *ь* вм. *и* въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ южнорусскаго характера—въ поученіяхъ Ефрема Сирина [3]).

Итакъ, смягченно-удвоенные согласные можно считать звуками далеко не первоначальными. Для образованія ихъ нужно было гласному *и* еще на славянской почвѣ ослабѣть въ *ь* и затѣмъ—начальному элементу іотированныхъ гласныхъ, т. е. іотѣ, подвергнуться прогрессивно—качественной ассимиляціи со стороны предшествующихъ смягченныхъ согласныхъ. Точкой отправленія въ этомъ характеристическомъ превращеніи согласныхъ былъ гласный элементъ *и*, затѣмъ, въ активной роли смягчающаго звука появилась іота изъ *и*, наконецъ, этому комплексу подчинилась другая іота, заключавшаяся въ гласномъ звукѣ. Весь этотъ процессъ звуковыхъ превращеній постепенно развивался, по мѣрѣ того какъ укладывались черты малорусскаго консонантизма въ опредѣленную норму, т. е. въ связи съ накопленіемъ въ его составѣ звучныхъ согласныхъ. Мы именно думаемъ, что смягченно-удвоенные согласные явились для восполненія ослабѣвшаго консонантизма, что они составляютъ даже необходимое послѣдствіе количественнаго паденія ихъ. „Причина удвоенія, говоритъ Гриммъ, заключается въ томъ, что слово становится, такъ сказать, болѣе слабымъ и только до половины слышнымъ (und zur hälfte angeschlagen), чтобы затѣмъ снова прозвучать полнѣе и благозвучнѣе (vernehmlicher“) [4]).

[1]) Новоср. Кн. 5. 217.

[2]) Голов. Грам. № 8. 9.

[3]) Срезн. Свѣд. 48.

[4]) Grim. Geschich. der. deutsch. spr. zweit. Band. 598.

Мысль эту можно примѣнить не только къ отдѣльнымъ словамъ, но и ко всему составу языка, во всемъ объемѣ его звуковыхъ измѣненій. Съ этой точки зрѣнія совершенно понятно, почему въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія, гдѣ звучные согласные господствуютъ по преимуществу, длительно-звучный элементъ—іота, уподобляясь предшествующему согласному, даетъ мѣсто звуку, во всякомъ случаѣ, болѣе сильному, чѣмъ сама іота,—понятно также, почему въ болѣе раннихъ памятникахъ (XI—XII в.) нѣтъ никакихъ слѣдовъ смягченно-удвоенныхъ согласныхъ звуковъ. Очевидно, въ древнѣйшую эпоху звуковой жизни русскихъ нарѣчій еще не успѣлъ установиться и окрѣпнуть тотъ порядокъ звуковыхъ явленій, который вызвалъ къ жизни удвоеніе согласныхъ, т. е. звучные согласные не получили еще преобладающаго значенія, хотя діалектически они существовали въ дѣйствительности, ибо для того чтобы появиться въ XIV—XV в. удвоеннымъ согласнымъ, нужно предположить въ XII—XIII в., по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ русскихъ нарѣчій, значительную степень количественнаго паденія согласныхъ. Само собою разумѣется, что это было нарѣчіе малорусское въ прототипѣ современнаго намъ украинскаго говора, а также нѣкоторыя бѣлорусскія разнорѣчія, въ которыхъ удвоеніе согласныхъ, по нашему мнѣнію, образовалось такъ же самостоятельно, какъ и въ нарѣчіи малорусскомъ.

Кромѣ указанныхъ нами удвоеній, есть еще въ малорусскомъ нарѣчіи удвоенія согласныхъ другаго рода. Это именно тѣ удвоенія, которыя нѣкогда образовались посредствомъ выпаденія ъ и ь, напр: *ссати (съсати), винний (повиньнъ)*, или же такія, которыя существуютъ только въ стихотворной рѣчи, по требованію стихотворнаго размѣра, напр: *ддати (отъдати), ззути (изоути)*,—или же, наконецъ, аналогическія съ указанными выше смягченныя удвоенія, образовавшіяся путемъ качественной ассимиляціи согласныхъ, напр: *бойісся, бойіцця, доцці, багаччий* и проч. (изъ *боишься, боится, дочці, богатший*). Значительное количество формъ съ удвоенными согласными какъ будто бы стоитъ въ разрѣзъ съ отвращеніемъ славянскихъ нарѣчій къ удвоеннымъ согласнымъ,—отвращеніемъ, на которое указываетъ Гаттала, какъ на признакъ родственнаго сходства современныхъ намъ славянскихъ нарѣчій съ первобытной славянщиной, которая отразилась съ наибольшей полнотой въ древнеславянскомъ нарѣчіи [1]). И дѣй-

[1]) Hatt. De mutat. contig. conson. 76.

ствительно, въ древнеслав. нарѣчіи согласныхъ удвоеній мало; тамъ же, гдѣ они, по требованію этимологіи, должны были появиться, одинъ изъ согласныхъ звуковъ выпадалъ (*ѥ-си* вм. *ѥс-си*). Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ уважаемаго нами ученаго относительно нарѣчія древнеславянскаго, не можемъ той же черты признать за другими славянскими нарѣчіями, въ особенности за нарѣчіемъ малорусскимъ, которое представляетъ разительное противорѣчіе съ тѣмъ, что думаетъ Гаттала объ удвоеніи въ нарѣчіяхъ славянскихъ. Въ нихъ удержались далеко не всѣ первобытныя свойства старой славянщины: многія изъ нихъ безвозвратно погибли въ потокѣ звуковыхъ превращеній, другія же, хотя и остались, но подъ наносным слоемъ позднѣйшихъ звуковыхъ особенностей. Извѣстно, что древнеславянское нарѣчіе, какимъ знаемъ мы его въ эпоху зараждавшейся письменности, представляетъ ослабленный типъ языка, насквозь проникнутый гласнымъ элементомъ. Позволимъ себѣ сдѣлать сближеніе малорусскаго нарѣчія съ древнеславянскимъ, которое въ отношеніи къ гласнымъ звукамъ представляетъ черты звуковаго паденія, такъ точно какъ малорусское нарѣчіе—въ отношеніи къ звукамъ согласнымъ. Здѣсь родственная близость между нарѣчіями есть, только совершенно въ иной области. Что касается до малорусскихъ удвоенныхъ согласныхъ, то это черта слабаго звуковаго организма, который стремится сдѣлаться болѣе сильнымъ,—черта не первобытная, но именно позднѣйшая, развившаяся уже на памяти исторіи.

---

3. Качественныя черты малорусскихъ согласныхъ.

Заговоривъ о смягченно-удвоенныхъ согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи, мы переходимъ изъ сферы количественныхъ отношеній между согласными звуками въ сферу отношеній качественныхъ. Что же здѣсь представляютъ малорусскіе согласные звуки? То ли самое, что мы видѣли въ количественной природѣ ихъ? Стоятъ ли они въ качественномъ отношеніи на той же ступени звуковаго ослабленія, какъ въ отношеніи количественномъ?

Отвѣчая на эти вопросы, мы будемъ имѣть дѣло, главнымъ образомъ, съ употребленіемъ согласныхъ звуковъ по органамъ ихъ произношенія. Въ этомъ порядкѣ явленій основнымъ можно считать уподобляющее вліяніе небныхъ элементовъ на ненебные (твердые). Въ верхней полости рта, называемой небомъ, происходятъ всѣ процессы смягченія согласныхъ. Уже гласные, окрашенные небнымъ оттѣнкомъ въ слѣдствіе прохода чрезъ небный каналъ рта, именно *е*, *і*, дѣйствуютъ смягчающимъ способомъ на согласные звуки. Но гласные эти имѣютъ сильнаго союзника между согласными въ видѣ звука *j* (іоты), который, соединяясь, какъ съ ними, такъ и съ твердыми гласными, производитъ самое рѣшительное дѣйствіе на всю систему смягченія согласныхъ, поэтому мы будемъ называть ее *іотацизмомъ*. Къ области іотацизма въ тѣсномъ смыслѣ Шлейхеръ относитъ полную сплавку *j* съ предшествующимъ согласнымъ звукомъ, въ обширномъ смыслѣ—всякое дѣйствіе іоты (также *і* и *е*) на предшествующій согласный звукъ [1]). Сообразно съ этимъ онъ раз-

---

[1]) Schleich. Zur. vergleich. Untersuch. 39.

личаетъ тотъ родъ іотацизма, при которомъ согласные, въ соединеніи съ *j*, не терпятъ существенныхъ измѣненій (напр. плавные), и тотъ, при которомъ согласные существенно измѣняются (гортанные). „Первый родъ іотацизма, говоритъ онъ, въ славянскихъ грамматикахъ называется ерацiей: въ словахъ, напр: *конь, соль* іота такъ сплавляется съ предшествующимъ согласнымъ, что ерацію вполнѣ можно отнести къ области іотацизма" [1]). Слѣдуетъ, намъ кажется, въ самой ераціи отличить то явленіе, когда согласные произносятся легко, не опираясь на іотированный гласный звукъ, какъ въ приведенныхъ выше примѣрахъ: *конь, соль*, отъ обратныхъ случаевъ мягкаго произношенія согласныхъ въ непосредственномъ соединеніи ихъ съ іотированными и вообще мягкими гласными: *коня, коню*. Тѣ и другія явленія мы будемъ называть непереходнымъ смягченіемъ согласныхъ, ераціей же собственно только первый разрядъ явленій. Съ другой стороны, согласно съ мнѣніемъ Шлейхера, область іотацизма мы не ограничиваемъ дѣйствіемъ іоты: мы различаемъ, кромѣ того, вліяніе *і* и *е*, т. е. чистыхъ, неіотированныхъ мягкихъ гласныхъ на согласные, а также вліяніе на эти послѣдніе тѣхъ мягкихъ согласныхъ, которые образовались посредствомъ претворенія основныхъ согласныхъ въ производные, такъ сказать, вторичные звуки, каковы, напр., шипящіе. Іотацизмомъ мы называемъ всякое вліяніе небныхъ элементовъ на измѣненіе согласныхъ звуковъ, откуда бы ни шло это вліяніе—отъ гласныхъ или согласныхъ звуковъ.

Извѣстно, что въ семьѣ славянскихъ языковъ іотацизмъ составляетъ черту самую характеристическую. „Настоящая родина іотацизма, говоритъ Шлейхеръ, славянскіе языки". „Типичность славянскихъ языковъ (особенно польскаго) заключается въ огромной массѣ шипящихъ и свистящихъ согласныхъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ іотацизму, который, по мѣрѣ паденія звуковаго строя, завоевываетъ себѣ болѣе широкую область" [2]). Дѣйствительно, усиленіе небнаго элемента во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ параллельно шло съ образованіемъ языковъ, такъ называемыхъ, секундарныхъ. Присутствіе іотацизма (зетацизма) въ древнегреческомъ языкѣ Шлейхеръ объясняетъ именно тѣмъ, что въ эллинскомъ періодѣ этотъ языкъ былъ собственно

---

[1]) Schleich. Zur vergleich. Untersuch. 90.

[2]) Ibid. 87, 101.

секундарный, что ему предшествовалъ періодъ пелазгійскій, который, въ отношеніи къ позднѣйшимъ греческимъ діалектамъ, соотвѣтствуетъ латинской эпохѣ въ отношеніи къ романскимъ нарѣчіямъ [1]).

Таково въ общихъ чертахъ историческое значеніе іотацизма. Тѣмъ не менѣе до настоящаго времени остается вопросомъ величайшей трудности опредѣлить эпохи въ развитіи его. Исторію іотацизма въ отношеніи къ славянскимъ нарѣчіямъ, обыкновенно, начинаютъ съ летославянской эпохи. По мнѣнію Бодуэна де Куртэнэ, въ эту эпоху развилась непереходная мягкость согласныхъ, слѣдовательно, смягченіе переходное есть явленіе болѣе позднее, чѣмъ непереходное. „Переходное смягченіе, говоритъ Куртэнэ, наступаетъ тогда, когда народу становится трудно произносить или вообще, или только въ извѣстныхъ случаяхъ, мягкій непереходный того же органа, вообще, когда органы народа лишаются отчасти возможности произносить мягко“ [2]). Но въ эту эпоху летославянскую были уже согласные, образовавшіеся путемъ переходнаго смягченія (славянс. *знати,* кор. *gna* изъ *gan*, литовс. *žinôti*,—славянс. *срьдьце*, санскр. *hrd* вм. *khard*, литовс. *szirdìs*),—слѣдовательно, нельзя характеризовать летославянскую эпоху непереходнымъ смягченіемъ, если есть въ ней черты, принадлежащія позднѣйшей, собственно славянской эпохѣ. Съ другой стороны, послѣ недавнихъ изслѣдованій Шмидта о паразитной іотѣ въ древнеславянскомъ нарѣчіи, трудно допустить, чтобы въ эпоху летославянскую окончательно установилось и вполнѣ развилось смягченіе непереходное, какъ явленіе основное. Паразитная іота, по наблюденію Шмидта, развивается вмѣстѣ съ развитіемъ самой жизни языка и появляется тамъ, гдѣ ея не требуетъ ни образованіе темы, ни образованіе всего слова [3]). Затѣмъ, къ даннымъ, которые приводитъ Шлейхеръ относительно приращенія первоначальной іоты къ гласнымъ *а*, *е*, *ѧ*, *ж*, *ѣ*, *ъ*, *і*, Шмидтъ присоединяетъ аналогическіе факты для звука *у* (*u*) и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: что 1) паразитная іота, ассимилируя стоящіе за ней гласные, съ теченіемъ времени болѣе или менѣе правильно вгор-

---

[1]) Schleich. Zur vergleich. Untersuch. 151, 152.

[2]) Бод. де Курт. О древнепольс. яз. 40.

[3]) Beitr. Zur vergl. Sprachforsch. 1869. Die Entwickel. von unurspüng. j im slaw. und litausch. Schmidt. 123.

гается въ область звука *i*. 2) Въ сферѣ славянскихъ языковъ она прогрессивно развивается. 3) Вліяніе паразитной іоты на вокализмъ литовскій несравненно слабѣе, чѣмъ на вокализмъ древнеславянскій [1]). Основываясь на этихъ положеніяхъ, мы не можемъ считать непереходнаго смягченія, развитаго съ особенною силою въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и польскомъ, явленіемъ летославянской древности. Мы не думаемъ, чтобы всѣ остальныя славянскія нарѣчія представляли въ этомъ отношеніи отклоненіе отъ древнѣйшаго типа. Напротивъ того, есть факты, доказывающіе, что въ нарѣчіи, напр., великорусскомъ непереходное смягченіе съ теченіемъ времени развилось на счетъ переходнаго, которое сохранилось въ нарѣчіи малорусскомъ. Такъ, напр., въ малорус. гортанные правильно, по древнеславянски, смягчаются во флексіяхъ въ шипящіе и свистящіе: *убогий*, *небоже*, *небозі*, тогда какъ въ великорусскомъ нарѣчіи эта правильность нарушена, такъ какъ въ аналогическихъ случаяхъ допускается соединеніе гортанныхъ съ *и* и *ѣ* (*ε*): *о богѣ*, *боги* и проч., и только подъ вліяніемъ книжной рѣчи сохранилось еще: *боже*. Нельзя, конечно, этихъ формъ считать древнѣйшими, нельзя думать, что онѣ сохранились отъ летославянской эпохи, миновавъ стадію славянскую. Очевидно, въ великорусскомъ нарѣчіи дѣйствіе паразитной іоты сильнѣе, чѣмъ въ малорусскомъ. Что касается до согласныхъ твердыхъ въ малорусскомъ нарѣчіи, то и они въ свою очередь далеко не во всемъ своемъ составѣ представляютъ остатокъ старины: многіе изъ нихъ отвердѣли на памяти исторіи въ слѣдствіе позднѣйшихъ превращеній въ области гласныхъ звуковъ. Такимъ образомъ, въ древнѣйшемъ состояніи русскихъ нарѣчій, ни твердые, ни мягкіе согласные не стояли въ исключительной роли господства однихъ надъ другими. Одни нарѣчія наклонялись въ сторону мягкости согласныхъ, другія—въ сторону ихъ твердости, но какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ нарѣчіяхъ строже, чѣмъ нынѣ, соблюдались пропорціональныя отношенія между твердыми и мягкими слогами. Такъ, въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, переписанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ, мы видимъ іотированныя гласныя послѣ шипящихъ, но въ тѣхъ же самыхъ памятникахъ соблюдается, за очень рѣдкими исключеніями, и твердость гортанныхъ. Въ древнерусской письменности это равенство отношеній между согласными твердыми и мягкими было

---

[1]) Ibid. 139. 144. 147. 151.

отраженіемъ народныхъ говоровъ—черта, съ теченіемъ времени утраченная, какъ въ нарѣчіи великорусскомъ, такъ и въ малорусскомъ. Ее можно считать особенностію предполагаемаго нами праязыка русскаго, потому что въ древнеславянскомъ языкѣ, представителѣ древнѣйшаго состоянія славянскихъ нарѣчій, она проведена довольно послѣдовательно. Что касается летославянской эпохи, то въ ней, безъ всякаго сомнѣнія, обнаружилось уже, какъ переходное, такъ и непереходное смягченіе. Перваго рода смягченіе существовало, главнымъ образомъ, въ корняхъ словъ, объемъ же и степень развитія непереходнаго смягченія въ настоящее время, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, опредѣлить трудно. Можно только указать исходную точку, отъ которой въ летославянскую эпоху пошло непереходное смягченіе. Нормой летославянскаго слога былъ согласный звукъ + гласный: этимъ объясняется появленіе іотированныхъ гласныхъ, т. е. такихъ гласныхъ, которые прикрыты согласнымъ элементомъ. Затѣмъ, дальнѣйшая исторія славянскихъ нарѣчій представляетъ постепенный ростъ іотацизма.

Намъ предстоитъ теперь прослѣдить развитіе іотацизма на почвѣ малорусскаго нарѣчія.

Извѣстно, что изобрѣтатель славянской азбуки установилъ систему іотаціи гласныхъ, въ силу которой непереходная мягкость согласныхъ выражается не на нихъ самихъ, а на іотированныхъ гласныхъ, которые слѣдуютъ за ними. Въ древнѣйшихъ памятникахъ славянской и славяно-русской письменности была попытка ввести систему ераціи согласныхъ, т. е. такой способъ начертанія ихъ, чтобы сами они выражали собственную свою мягкость. Такъ, въ Хиландарскихъ листкахъ встрѣчаются начертанія: *приемл҇ми*, *одол҇ѣти*, *бл҇юдѣте*, *изгол҇ение*, *оубител҇ьмь*, *л҇ьвъ*, *оучител҇ьства* [1]). Ерація эта распространялась, главнымъ образомъ, на л҇ и н҇, изрѣдка на д҇, не касаясь другихъ согласныхъ звуковъ. Видимо, она была поправкой Кирилловскаго правописанія, поправкой, не выдержанной, не проведенной чрезъ всю систему смягченія согласныхъ. Ерируя иногда согласные предъ іотированными гласными, переписчики не замѣчали того, что

---

1) Срезн. Пам. юс. пис. 37. Аналогическія формы встрѣчаются въ Чудовск. псалтири (XI в.), Изборн. 1072 г., въ Галиц. еванг. Синайс. патер., Мстисл. еванг. (XII в.), въ Сборн. житій Лесвин. обит., въ Житіи Θеодора Студійскаго (XIII в.)

они противорѣчатъ самимъ себѣ, такъ какъ такая ерація дважды выражаетъ то, что выражено уже одинъ разъ. Какъ бы то ни было, и эта слабая попытка выразить мягкость согласныхъ на нихъ самихъ ограничивается древнѣйшими памятниками до XIV в. Обыкновенно, какъ прежде, такъ и послѣ, роль знака, смягчающаго согласные, принадлежала буквѣ ь. Иногда эта буква выносилась за строку въ видѣ надстрочнаго знака, но большею частію, какъ въ современномъ русскомъ правописаніи, ставилась непосредственно послѣ согласнаго звука. Такое положеніе буквы ь въ строкѣ, рядомъ съ буквами, которыя означали дѣйствительный звукъ, всегда давало ей видъ не столько знака, сколько буквы, въ которой, по видимому, долженъ былъ заключаться какой то звукъ, между тѣмъ въ дѣйствительности никакого звука въ ней не заключалось. На букву ь перешло древнѣйшее преданіе, поддержанное церковною письменностью, преданіе о томъ, что она была нѣкогда знакомъ звука, и хотя это ея значеніе давно уже утрачено было въ произношеніи, однако же она, по прежнему, писалась въ строкѣ, на правахъ звучащей буквы, а не надстрочнаго, смягчающаго знака. Строчное положеніе ея не представляло бы еще особенныхъ затрудненій, если бы оно соображаемо было съ этимологическимъ значеніемъ ея въ примѣненіи къ тому выговору, котораго держались сами переписчики,—если бы, напр., буква ь писалась только лишь на концѣ словъ въ словахъ: *учитель*, *конь*, или же въ срединѣ словъ предъ древними суффиксами: *ьск, ьст* въ словахъ: *киевьский, паньство* и т. п. Мы знали бы въ этомъ случаѣ, что собственно ь, какъ звукъ, давно исчезъ, оставивъ послѣ себя слѣдъ въ смягченіи предшествующаго согласнаго. Между тѣмъ, въ южнорусскихъ памятникахъ, начиная съ древнѣйшихъ, мы не находимъ этимологически правильнаго употребленія буквы ь (она часто стоитъ вм. ъ),—съ другой стороны, часто не видимъ и фонетической постановки ея тамъ, гдѣ она требовалась живымъ выговоромъ, какъ знакъ смягченія предшествующаго согласнаго. Она ставится не столько по расчету, управляемому этимологическимъ или фонетическимъ сознаніемъ, сколько въ силу привычки, основанной на подражаніи оригиналу, который никогда не совпадалъ съ фонетикой народныхъ русскихъ говоровъ. Очень часто оригиналомъ служила рукопись, прошедшая чрезъ нѣсколько нерусскихъ редакцій, и въ такомъ случаѣ буква ь являлась отраженіемъ на южнорусской почвѣ другихъ славянскихъ нарѣчій. Такъ, переводчикъ Пересопницкаго евангелія, видимо,

имѣлъ подъ руками оригиналъ сербскаго происхожденія, потому что всюду на концѣ словъ ставитъ ь, гдѣ нужно и гдѣ не нужно: *пилать* (ъ), *справоваль* (ъ), *быль* (ъ), *пакь* (ъ), *брать* (ъ). Такимъ образомъ, на основаніи памятниковъ трудно сдѣлать какія-нибудь рѣшительныя заключенія о мягкихъ слогахъ въ малорусскомъ нарѣчіи въ ихъ историческомъ развитіи. И въ этомъ случаѣ мы должны обратиться, главнымъ образомъ, къ устнымъ источникамъ, руководствуясь украинскимъ говоромъ малорусскаго нарѣчія и ссылаясь, гдѣ нужно, на особенности согласныхъ въ другихъ малорусскихъ говорахъ. При этомъ намъ придется извлекать историко-сравнительные выводы о распредѣленіи твердыхъ и мягкихъ согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи не столько изъ употребленія согласныхъ въ южнорусскихъ памятникахъ, сколько изъ тѣхъ данныхъ, которыми мы пользовались въ историческомъ очеркѣ малорусскаго вокализма. Что касается собственно до сравненій съ фактами письменности, то найболѣе надежной точкой опоры въ этомъ отношеніи мы считаемъ древнеславянское нарѣчіе въ томъ видѣ, въ какомъ можно представить его въ древнѣйшемъ его состояніи, оставивъ въ сторонѣ діалектическія особенности мало извѣстныхъ намъ нарѣчій, особенности, встрѣчающіяся въ самыхъ древнихъ славянскихъ памятникахъ. Къ этому типу ближе всего, по нашему мнѣнію, подходитъ языкъ Остром. евангелія, изъ котораго въ своемъ мѣстѣ мы приведемъ нѣсколько данныхъ для сравненія [1]).

Всѣ славянскія нарѣчія, вырабатывая свои типическія черты, своеобразно переживали періодъ смѣшенія твердыхъ слоговъ съ мягкими. Въ результатѣ получилось въ однихъ нарѣчіяхъ преобладаніе твердыхъ слоговъ, въ другихъ—мягкихъ. Къ числу этихъ послѣднихъ нарѣчій принадлежитъ великорусское, и въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается одна изъ главныхъ чертъ различія консонантизма великорусскаго отъ малорусскаго. Въ великорусскомъ нарѣчіи, какъ извѣстно, широко развита система непереходнаго смягченія. Найболѣе

---

[1]) Само собою разумѣется, что языкъ Остром. евангелія мы не считаемъ родоначальникомъ ни праязыка русскаго, ни нарѣчія малорусскаго. Мы находимъ только, что въ Остром. евангеліи въ найбольшей полнотѣ и чистотѣ сохранились основныя формы всѣхъ славянскихъ нарѣчій, и что эти формы найболѣе созвучны допускаемому въ наукѣ типу, какъ праязыка славянскаго, такъ и праязыка русскаго.

импонирующее дѣйствіе на смягченіе согласныхъ идетъ отъ іотированныхъ гласныхъ, и въ особенности отъ гласнаго *е*, который самъ по себѣ прогрессивно ассимилируетъ послѣдующій согласный звукъ, а равно содѣйствуетъ регрессивной ассимиляціи, идущей отъ мягкихъ согласныхъ звуковъ. Иногда достаточно этой послѣдней ассимиляціи, чтобы смягчить послѣдующій согласный звукъ, иногда же смягченіе происходитъ при содѣйствіи впереди стоящаго *е*. Меньше всего нуждается въ содѣйствіи гласнаго *е* звукъ *н*, а также свистящіе *з* и *с*. Эти три звука смягчаются даже подъ вліяніемъ одного только слѣдующаго за ними мягкаго согласнаго: предъ мягкими *д* и *т*: *иньдѣ*, *гвоздить*, *расьти*,—*н* предъ *ш*, *щ*, *ч*: *коньчикъ*, *женьщина*, *провиньція*,—*з*, *с* предъ мягкими: *л*, *н*, *б*, *м*: *возьлѣ*, *посьлѣ*, *жизьнь*, *пѣсьня*, *въ избѣ*, *разьвѣ*, *присьмирѣть*. Другіе согласные, напр. *р*, *д*, *т* могутъ ассимилироваться регрессивно, иногда же они смягчаются подъ двойнымъ вліяніемъ ассимиляціи регрессивной и прогрессивной, идущей отъ звука *е* [1]). По наблюденію Грота, въ великорусскомъ консонантизмѣ нѣтъ согласныхъ звуковъ, которые бы не могли быть способны къ переходному смягченію. Даже губные и гортанные звуки смягчаются предъ мягкими *л*, *н*, *р*, *с*, *ч* [2]). Все отличіе ихъ въ этомъ отношеніи отъ предъидущихъ согласныхъ заключается въ томъ, что они требуютъ для смягченія своего двойной ассимиляціи отъ *е* и отъ последующаго мягкаго согласнаго. Такова въ общихъ чертахъ система непереходнаго смягченія въ великорусскомъ (литературномъ) языкѣ.

Для характеристики непереходно-мягкихъ согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи, мы обратимся къ тѣмъ даннымъ, которыя можно извлечь изъ отношеній ихъ къ звуку *і*. Мы обратимъ вниманіе на значеніе этого гласнаго въ системѣ малорусскихъ согласныхъ, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что въ преемственной связи звуковыхъ превращеній какого бы то ни было нарѣчія нельзя отдѣлить явленій консонантизма отъ явленій вокализма, въ особенности такихъ явленій, какъ типическій въ малорусскомъ нарѣчіи гласный элементъ *і*. При этомъ мы будемъ руководствоваться и другими данными: способностію согласныхъ къ сочетанію съ іотированными гласными, кромѣ *і* (*ї*),

---

1) Гротъ. Фил. разыс. 202—203.

2) Ibid. 203—204.

способностію къ ераціи внутри и въ концѣ словъ, наконецъ, къ удвоенію въ славянской формѣ.

Согласные звуки развиваются въ трехъ главныхъ пунктахъ—въ небной области, близкой къ гортани, зубной и губной. Сообразно съ этимъ есть три главные разряда согласныхъ: *небно-гортанные*, *зубные* и *губные*. Къ небно-гортаннымъ звукамъ въ малорусскомъ нарѣчіи мы причисляемъ *г к*, *х*, къ зубнымъ *д*, *т*, *з*, *с* и сложные *дз* и *ц (тс)*, къ губнымъ *б*, *в*, *п*, *м*. Направляясь извнутри неба, отъ небно-гортанныхъ согласныхъ къ зубнымъ, въ срединѣ этого пути встрѣчаемъ собственно—небные или точнѣе—*язычно-небные*: *ж*, *ш* и сложные: *дж*, *ч (тш)* и *щ (штш)*. Согласные *л*, *н*, *р* мы относимъ къ категоріи *язычно-зубныхъ* звуковъ, такъ какъ мѣсто ихъ зарожденія—верхняя челюсть и конецъ языка, хотя звукъ *р* отодвигается нѣсколько глубже—къ небу [1]).

Небно-гортанные согласные образуются съ большимъ или меньшимъ участіемъ то гортани, то неба, отсюда получается, то болѣе небный, то болѣе гортанный характеръ ихъ. Чтобы нагляднѣе представить эту разницу, Миклошичъ предлагаетъ произнести слогъ *кі* рядомъ съ

---

[1]) Собственно говоря, трудно установить такое раздѣленіе согласныхъ, въ которомъ не было бы промежуточныхъ ступеней, между прочимъ, потому что языкъ, участвуя въ образованіи всѣхъ согласныхъ, за исключеніемъ губныхъ, сообщаетъ произношенію ихъ разные оттѣнки, при этомъ и самые согласные могутъ быть произносимы въ разныхъ частяхъ рта. Особенно это нужно сказать о согласныхъ *р* и *л*: такъ, польское *ł* ближе всего къ гортаннымъ, сербское *л* найближе къ зубнымъ, а мягкое сербское *љ* къ небнымъ. Необходимо поэтому, сообразно съ важною ролью, которую играетъ языкъ въ образованіи согласныхъ, прибавить къ тремъ основнымъ группамъ—гортанныхъ, зубныхъ и губныхъ—согласные *язычно-небные* и *язычно-зубные*, такъ какъ въ образованіи ихъ главное участіе принимаетъ языкъ.

Мы ввели въ списокъ малорусскихъ согласныхъ также всѣ сложные звуки, хотя нѣкоторые изъ нихъ, напр. *дз* и *дж* не во всѣхъ говорахъ распространены въ одинаковой степени. Звукъ *ф* мы исключили совсѣмъ, потому что онъ не соотвѣтствуетъ природѣ малорусскаго нарѣчія и существуетъ только въ одномъ галицкомъ говорѣ, и то въ словахъ заимствованныхъ. Звукъ *г* во всѣхъ малорусскихъ говорахъ произносится какъ чешское или какъ латинское *h*, хотя изрѣдка, особенно въ галицкомъ нарѣчіи, встрѣчается звукъ, соотвѣтствующій латинскому *g*, впрочемъ, тоже исключительно въ словахъ заимствованныхъ: *ганок*, *грунт*, *гвалт*.

кы [1]. По нашему мнѣнію, разница эта является болѣе очевидною, если будемъ сравнивать $г=h$ съ $г=g$. Этотъ послѣдній звукъ произносится подъ условіемъ болѣе сжатаго прикосновенія языка къ мягкому небу, при чемъ дыханіе въ точкѣ затвора органовъ спирается сильнѣе, чѣмъ при $г=h$. Въ образованіи $г=g$ участвуетъ болѣе небо, чѣмъ гортань. Вотъ этотъ послѣдній звукъ противенъ природѣ малорусскаго консонантизма—обстоятельство важное для уясненія истинной природы небно-гортанныхъ согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи. Отъ $г=h$ мы заключаемъ и къ остальнымъ небно-гортаннымъ малорусскимъ звукамъ, что они имѣютъ болѣе гортанный, чѣмъ небный характеръ. Въ этомъ отношеніи нарѣчіе малорусское ближе стоитъ къ древнеславянскому, чѣмъ великорусское.

Въ доказательство своего мнѣнія мы приводимъ два факта.

Во 1-хъ, современное произношеніе звука *г* въ малорусскомъ нарѣчіи совершенно согласно съ древнеслав. произношеніемъ этого звука. Предположеніе о томъ, что древнеслав. $г=h$, высказано было еще Бетлингомъ, на котораго ссылался прежде Миклошичъ [2]) и теперь ссылается Гротъ [3]). Бетлингъ указываетъ на соотвѣтствіе древнеслав. *г* звуку *х*, такъ какъ оба они смягчаются въ простые элементы—первый въ звучные *з*, *ж*, второй—въ отзвучные *с*, *ш*. Отсюда слѣдуетъ, что древнеслав. *г* не состояло въ аналогіи съ *к*, которое смягчалось въ *тс* (*ц*), *тш* (*ч*): въ противномъ случаѣ *г* смягчалось бы не въ *з*, *ж*, а въ такіе же, какъ *ц*, *ч*, сложные элементы *дз*, *дж*. Поэтому *г* въ древнеслав. нарѣчіи=не *g*, но *h*. Правда, въ послѣднее время Миклошичъ отступилъ отъ своего прежняго мнѣнія: устанавливая различіе между кирилловскими начертаніями ѕ (*дз*) и з (*з*), онъ считаетъ это послѣднее звукомъ производнымъ, образовавшимся изъ древнѣйшаго ѕ (*дз*), которое, въ свою очередь, есть смягченіе $г=g$, такъ что изъ сложнаго звука *дз* (ѕ) съ теченіемъ времени *д* отпало и вышло *з* (з) [4]), но уже самое преобладаніе въ кирилловскомъ письмѣ з надъ ѕ показываетъ, что *г*, изъ котораго развилось з, въ историческую эпоху древ-

[1]) Miklos. Lautl. 204.

[2]) Ibid. 201—202.

[3]) Гр. Филолог. разыс. 292.

[4]) Rad. Jugoslav. Ак. I к. 1869. O slovima ѕ и з.

неславянскаго нарѣчія утвердилось въ видѣ придыханія *h*. Поэтому и малорус. *г*=*h* никакъ не позже исторической древнеславянской эпохи.

Во 2-хъ, въ малорусскомъ нарѣчіи гортанные удержали, какъ извѣстно, древнеславянское переходное смягченіе въ шипящіе и свистящіе: *ворог—вороже*, *порiг—на порозi*, *нога—на нозï*, *чумак—чумаче*, *будяк—у будяцi*, *рука—на руцi*, *птах—пташе*, *кожух—у кожусi*, *сваха—свасi*. Такого рода смягченіе появилось даже тамъ, гдѣ въ древнеслав. его не было, напр., въ первообразныхъ глаголахъ съ гортанной темой, въ 1-мъ л. единс. и 3-мъ множес: *печу*, *можу* (древнесл. *пекѫ*, *могѫ*), *печуть*, *можуть* (древнесл. *пекѫть*, *могѫть*). Эти послѣднія формы, образовавшіяся, конечно, позже, по аналогіи съ первыми, этимологически неправильны, зато онѣ совершенно согласны съ характеромъ небно-гортанныхъ въ малорус. нарѣчіи, въ которомъ онѣ сохраняютъ болѣе гортанный, чѣмъ небный оттѣнокъ. Преобладаніемъ въ нихъ гортаннаго оттѣнка объясняется то явленіе, что, встрѣчаясь съ небнымъ элементомъ въ видѣ іотированныхъ и даже неіотированныхъ мягкихъ гласныхъ, небно-гортанные, какъ въ малорусскомъ, такъ и въ древнеславянскомъ нарѣчіи, переходятъ въ шипящіе и свистящіе. Напротивъ того, участіе неба въ произношеніи небно-гортанныхъ примиряетъ ихъ съ небными гласными. Великорусское нарѣчіе въ отношеніи къ небно-гортаннымъ согласнымъ представляетъ значительное отклоненіе отъ древняго типа. Въ обоихъ говорахъ его, сѣверномъ и южномъ, допускается соединеніе небно-гортанныхъ съ мягкими гласными: *копѣйкя*, *чайкю*, *кваскю* (Орловс., Курс., Воронежс.), *травяя юрькяя*, *сининькёй*, *солнышкё*, *горькюю* (ситскій говоръ) [1]). Въ литературномъ русскомъ говорѣ небно-гортанные могутъ стоять только съ *и* и *ѣ* (*е*): *ноги—ногѣ*, *руки—рукѣ*, *мухи—мухѣ*. Ясно, что въ великорусскомъ нарѣчіи они имѣютъ отличный отъ малорусскаго характеръ, именно—небный. Старинное переходное смягченіе во флексіяхъ сохранилось въ немъ въ видѣ архаизмовъ.

Есть, однако же, и въ малорусскомъ нарѣчіи случаи соединенія небно-гортанныхъ съ мягкимъ гласнымъ, и только лишь съ однимъ гласнымъ *i*. Въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ небно-гортанные въ соединеніи съ *i* (основнымъ) довольно часты, изрѣдка встрѣчаются они въ этой формѣ, какъ мы видѣли, и въ галицкомъ. Въ украинскомъ

[1]) Потеб. О звук. особен. рус. нар. 67, 69.

говорѣ съ основнымъ *і* (*и*) небно-гортанные стоять не могутъ, зато, въ слѣдствіе позднѣйшихъ превращеній въ области вокализма, создавшаго секундарное *і*, они довольно часто стали встрѣчаться съ этимъ звукомъ: *гіркий*, *кінь*, *тхір* и проч. То же самое видимъ и въ имен. множ. муж. р: *убогі*, *гіркі*, *сухі*, гдѣ *і* образовалось путемъ стяженія изъ *и* + *ji*. Даютъ ли эти явленія право считать малорус. небно-гортанные согласными небнаго характера?

Нельзя не согласиться, что въ приведенныхъ нами формахъ замѣтное физіологическое наклоненіе къ небному элементу сдѣлано только ради звука *і*. Причина заключается въ томъ, что этотъ звукъ самъ зараждается въ небной области, близко къ той точкѣ, гдѣ соприкасается задняя часть языка съ небомъ для образованія небно-гортанныхъ. Чтобы произнести небно-гортанный звукъ, необходимо стѣснить каналъ рта по направленію къ задней части языка: то же самое нужно сдѣлать для того, чтобы произнести небный элементъ *і*. Когда же приходится произносить небно-гортанный рядомъ съ *і*, то нѣтъ никакой надобности дѣлать двойное усиліе: какъ для того, такъ и для другаго звука вполнѣ достаточно однороднаго положенія органовъ. Имъ не нужно давать другое положеніе для того, чтобы, вслѣдъ за произнесеніемъ небно-гортаннаго согласнаго, приспособить ихъ къ произнесенію *і*. Вполнѣ аналогически функціонируютъ органы и въ томъ случаѣ, когда въ это *і* входитъ согласный элементъ—іота, такъ какъ и этотъ послѣдній звукъ зараждается въ той же небной области, гдѣ и *і*. Совсѣмъ другое дѣло, когда іота опирается на гласные, болѣе удаленные отъ неба (*а*, *о*, *у*). Сочетанія: *кя*, *кё*, *кю* положительно трудны, потому что въ нихъ, вмѣстѣ съ широкими гласными, входитъ въ небную область посторонній элементъ. Центръ тяжести, если не вполнѣ перемѣщается изъ неба, то значительно ослабляется сферой, ближе лежащей къ губамъ. Іотированное *е* (*є*) менѣе удобно соединяется съ небно-гортанными, чѣмъ *і*, и болѣе удобно, чѣмъ *а*, потому что основное *е* само по себѣ есть небный мягкій звукъ, стоящій въ срединѣ между *а* и *і*. Оттого въ литературномъ русскомъ языкѣ допускается сочетаніе небно-гортанныхъ только съ *і* и *е*. Сочетаніе ихъ съ другими іотированными гласными здѣсь невозможно. Что касается до малорусскаго нарѣчія, то въ немъ также не развилось ничего подобнаго великорусскимъ народнымъ сочетаніямъ: *кя*, *кё*, *кю*. Въ малорусскомъ нарѣчіи, вообще говоря, строже выдержана старинная при-

рода небно-гортанныхъ, уступка же небному элементу сдѣлана въ виду неотложной необходимости стать имъ рядомъ съ *і*, органическимъ продуктомъ малорусскаго вокализма,—и притомъ сдѣлана она въ размѣрѣ, сравнительно съ великорусскимъ нарѣчіемъ, очень скромномъ.

Съ другой стороны, если всмотримся въ гласный элементъ *і*, который занялъ мѣсто въ малорусскомъ нарѣчіи послѣ небно-гортанныхъ, то окажется, что въ немъ этимологически нѣтъ іоты, т. е. это—не іотированное *і* (*йі*). Въ древнеслав. нарѣчіи небно-гортанные не могли встрѣчаться съ *е*, не подвергаясь переходному смягченію, поэтому въ малорус. *і* послѣ небно-гортанныхъ въ среднихъ слогахъ образовалось не изъ *е*, а изъ *о*: *кінь*, *кіл*, *гіркий* (древнеслав: *конь*, *коль*, *горькъ*). Въ род. множ. им. сущ. муж. рода (*огірків*, *облогів*, *гріхів*) *і* послѣ небно-гортанныхъ—тоже изъ *о*. Наконецъ, всѣ прилагательныя съ тематическимъ небно-гортаннымъ звукомъ относятся къ твердому склоненію, а не къ мягкому, и потому въ *і* послѣ гортанныхъ нѣтъ іоты: *гіркій дом* (дат.), *гіркі огірки* (имен. множ.). Не такъ легко фонетически различить характеръ звука *і* послѣ небно-гортанныхъ собственно потому, что они произносятся въ узкой сферѣ органовъ задней части рта и лишены всякой возможности артикулироваться въ переднихъ точкахъ той линіи, которая образуется, съ одной стороны, языкомъ, съ другой—небомъ. Для произнесенія небно-гортанныхъ согласныхъ мы приводимъ въ дѣйствіе заднюю часть языка и заднее небо: въ этой тѣсной сферѣ согласный звукъ не можетъ сохранить ту гибкость, которая необходима для того, чтобы послѣ него могъ оттѣниться такой гласный элементъ, какъ *і*, стоящій во внутреннемъ родствѣ съ іотой. Поэтому неудивительно, если послѣ небно-гортанныхъ мы не слышимъ отчетливо въ малорусскомъ нарѣчіи чистаго *і*, хотя не слышимъ и іотированнаго *і*: это *і* замаскировано самымъ характеромъ гортанныхъ, и мы можемъ говорить объ отсутствіи въ немъ іоты только съ этимологической, а не съ фонетической точки зрѣнія.

Такимъ образомъ, небно-гортанные въ малорусскомъ нарѣчіи до настоящаго времени сохранили характеръ твердыхъ согласныхъ. Вотъ почему ни въ одномъ малорусскомъ говорѣ они не еририруются ни въ концѣ, ни въ срединѣ словъ, т. е. въ малорус. невозможны звуки: *кь*, *гь*, *хь*. Нѣтъ этой ераціи и въ великорус. нарѣчіи, только не въ срединѣ словъ. Здѣсь, по наблюденію Грота, она существуетъ: такъ, напр. въ словахъ: *кегли*, *избѣгли*, *сѣкли*, *негритянка*

небно-гортанные звучать небно: *ґь*, *кь* [1]). Объясняется небность ихъ двойнымъ дѣйствіемъ ассимиляціи—прогрессивной отъ гласнаго *е* (*йе*) и регрессивной—отъ мягкихъ *л* и *р*, стоящихъ послѣ *г*, *к*. Вотъ почему, съ другой стороны, ни въ одномъ малорусскомъ говорѣ небно-гортанные не могутъ опираться на іотированный гласный звукъ—тоже вопреки разнорѣчіямъ разныхъ великорусскихъ говоровъ. Старинная природа ихъ не затерялась въ позднѣйшемъ небномъ наслоеніи, которое произошло отъ встрѣчи небно-гортанныхъ съ гласнымъ *і*, но и это *і*, какъ мы видѣли, не есть звукъ іотированный. Такъ какъ по времени образованія своего это звукъ секундарный, то и соединеніе съ нимъ небно-гортанныхъ согласныхъ есть тоже секундарное, позднѣйшее явленіе, изъ котораго не воспослѣдовало дальнѣйшаго развитія въ нихъ небности. Они дошли, такъ сказать, до границы ея, слегка отклонившись отъ древнеславянской нормы, но не пошли дальше по пути великорусскихъ небно-гортанныхъ въ направленіи непереходной смягчаемости.

Что же содѣйствовало сохраненію архаической природы малорусскихъ небно-гортанныхъ?

По нашему мнѣнію, они защищены были широкимъ развитіемъ переходнаго смягченія ихъ въ тѣхъ древнерусскихъ говорахъ, изъ которыхъ сложилось малорусское нарѣчіе еще до появленія въ немъ спеціальнаго малорусскаго *і*. Тамъ, гдѣ въ этомъ *і* заключалась іота, небно-гортанные, совершенно согласно съ древнеславянскимъ нарѣчіемъ, переходили въ шипящіе и свистящіе. Тамъ же, гдѣ *і* образовалось изъ гласныхъ неіотированныхъ (напр. *о*), малорусскіе небно-гортанные остановились какъ бы на полдорогѣ: память объ этихъ неіотированныхъ гласныхъ удержала ихъ, какъ отъ непереходнаго, такъ и отъ переходнаго смягченія, вопреки древнеслав. нарѣчію, въ которомъ небно-гортанные смягчались, какъ іотированными, такъ и неіотированными мягкими гласными. Такъ, позднѣйшія звуковыя превращенія въ малорус. нарѣчіи сбили въ одинъ рядъ такія явленія, которыя не вытекаютъ изъ основнаго строя первоначальной звуковой нормы, и только историческимъ путемъ можно объяснить звуковыя колебанія, развившіяся въ большинствѣ случаевъ позже.

Гораздо свободнѣе гортанныхъ артикулируются зубные звуки *д*

---

[1]) Гротъ. Филолог. разыс. 304.

и *т*. Общее условіе ихъ образованія заключается въ прикосновеніи языка къ внутренней сторонѣ зубовъ, такъ, чтобы точка разрыва органовъ, въ которой они произносятся, непремѣнно находилась между языкомъ и зубами. При этомъ совершенно возможны самыя разнообразныя положенія языка, отчего происходятъ варіаціи согласныхъ *д* и *т*. Языкъ можетъ принять, то плоское положеніе, то выпуклое, причемъ, какъ нижняя, такъ и верхняя поверхность его можетъ прикасаться къ небу, то наконецъ, округленное, съ легкимъ раскрытіемъ зубовъ: всякій разъ, съ новымъ положеніемъ языка, получается новый оттѣнокъ въ произношеніи *д* и *т*. Чѣмъ ближе артикуляція *д* и *т* къ концу языка, тѣмъ они тверже,—чѣмъ ближе она къ срединѣ его, тѣмъ больше въ нихъ мягкости, небности. Прикладывая средину языка къ небу, мы вводимъ *д* и *т* въ область іоты, съ которою они совершенно свободно во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ входятъ въ непосредственное соединеніе,—отсюда получаются мягкіе *дь*, *ть*, только въ польс. и лужиц. *dz*, *ć*. Но легко воспринимая дѣйствіе іотированныхъ гласныхъ, *д* и *т* не подчиняются вліянію обыкновенныхъ мягкихъ гласныхъ. Въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія они могутъ соединяться съ неіотированнымъ *і*, не подвергаясь смягченію не только переходному, но и непереходному. Они легко могутъ быть произносимы во всей области звука *і*, на всѣхъ ступеняхъ его развитія—отъ *і* іотированнаго до *і* средняго. „*Ти утік на т'ік*"—въ этой фразѣ по украинскому говору переходно-мягкое *т* заключается только въ словѣ: *утік;* такъ же точно: *кот'ів*, а не *котів* (отъ *котъ*), *д'ім*, а не *дім* (*домъ*), *дід'ів*, а не *дідів* (*дѣдовъ*). Этимологія въ этомъ случаѣ не расходится съ фонетикой, потому что приведенныя нами формы возникли на этимологической почвѣ вѣрности преданію, на этимологической, такъ сказать, памяти языка, который различаетъ *і* изъ *о* отъ *і* изъ *е*, *ѣ*. Въ галицкомъ говорѣ происхожденіе *і* изъ *о* уже забыто: въ Галиціи говорятъ, напр: *дідів*, не различая перваго *і* отъ второго. Даже въ украинскомъ говорѣ не во всѣхъ мѣстностяхъ съ одинаковою тонкостію чувствуется это различіе: іотація больше и больше овладѣваетъ звукомъ *і* изъ *о*, внося небный элементъ въ согласные, которые встрѣчаются съ этимъ *і*. Этимологическая чистота и ясность звука *і*, видимо, ослабѣваетъ: во многихъ случаяхъ на основаніи одного слуха нельзя рѣшить, заключаетъ ли онъ іоту или нѣтъ. Такъ, напр., въ самомъ украинскомъ говорѣ мы видимъ постоянное

смѣшеніе различныхъ темъ въ склоненіи именъ существительныхъ. Старинныя темы *i* пошли по аналогіи съ темами муж. р. *ja:* слово *гость*, напр., склоняется, какъ *кiнь*. Оттого и іотація въ согласныхъ звукахъ явилась тамъ, гдѣ ее прежде нельзя было предполагать: въ имен. множ. мы имѣемъ въ украинскомъ говорѣ: *гості* (*т* небное), а не *гост'і*, какъ бы слѣдовало. Такъ же точно говорятъ, напр: *сёгодні* вмѣсто этимологически правильнаго: *сёгод'ні*. Слово: *осінь* склоняется правильно: *осени*, *в осени*, а *ніч*, *н'іч* этимологически неправильно: *в ночі*, *на печі*. Изъ этихъ примѣровъ достаточно ясно, что въ малорусскомъ *i*, какъ произведеніи сравнительно поздней эпохи, постепенно развивается эвфоническое начало въ замѣнъ этимологической прозрачности, которой, безъ всякаго сомнѣнія, въ древнѣйшемъ состояніи малорусскаго нарѣчія было больше. Языкъ шелъ туда, куда вела его индивидуальная сила новаго, эвфоническаго перестроя звуковъ: этимъ объясняется постепенное усиленіе той самой аналогіи, которая съ этимологической точки зрѣнія кажется случайной, причудливой игрой звука, которая, однако же, съ точки зрѣнія эвфонической, есть проявленіе новаго закона, создающаго новую ткань языка. Старинныя этимологическія формы затмились подъ вліяніемъ звуковыхъ превращеній,—эти же послѣднія въ свою очередь укрѣпились подъ вліяніемъ новосозданныхъ формъ.

Есть еще въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія согласные, способные явственно оттѣнять послѣ себя іотированное *i* отъ неіотированнаго: это плавные звуки *л* и *н*. Для образованія *л* конецъ языка приставляется къ задней сторонѣ верхнихъ зубовъ, при этомъ въ остальной задней части языка образуется промежутокъ для воздуха, такъ что воздушная струя, проходя чрезъ этотъ промежутокъ внутреннимъ краемъ челюсти къ устамъ, раздѣляется на самомъ языкѣ. При образованіи *н* языкъ устанавливаетъ точку нѣсколько выше, чѣмъ для *л*, именно—въ верхней челюсти, на самомъ краю ея, ближе къ зубамъ, приспособляясь какъ будто бы къ выговору *д*, но такъ что звукъ пропускается не сквозь зубы, а сквозь носъ, и получается не *д*, но *н*. Обоимъ звукамъ, какъ *л*, такъ и *н*, легко дать небное произношеніе, приводя средину языка въ соприкосновеніе съ небомъ: тогда затворъ органовъ образуется выше, чѣмъ при обыкновенномъ *л* и *н*, затѣмъ являются непереходно-мягкіе звуки: *ль*, *нь*. Приставляя не средину, а конецъ языка къ верхней челюсти, дальше отъ верхнихъ зу-

бовъ, мы получаемъ не мягкіе и не твердые, а такъ называемые среднie *л* и *н*. Въ этой послѣдней области, какъ тотъ, такъ и другой согласный звукъ могутъ соединяться съ мягкими, неіотированными гласными звуками, не переходя въ небные согласные. Въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія такъ именно и звучатъ *л* и *н* при встрѣчѣ съ неіотированнымъ *і* въ словахъ, напр: *біл'і н'іжки*. Легко принимая на себя дѣйствіе іоты, согласные эти, подобно зубнымъ *д* и *т*, способны вполнѣ сохранить свою независимость отъ вліянія неіотированныхъ мягкихъ гласныхъ. Оттого въ украинскомъ говорѣ одни и тѣ же корни съ *і*, согласно съ образованіемъ этого *і* изъ *о* или *е*, звучатъ различно: *ліг*, *ніс* (великорус. *лёгъ*, *нёсъ*) и *перел'іг*, *н'іс* (*носъ*). Причина такой устойчивости плавныхъ *л*, *н*, равно какъ и *д*, *т*, заключается въ свободѣ ихъ артикуляціи: сравнительно съ другими согласными, въ самой природѣ своей они всегда заключали больше средствъ для того, чтобы приспособиться къ новымъ звукосочетаніямъ, постепенно возникавшимъ въ исторіи звуковыхъ превращеній. Своеобразностію своею они напоминаютъ аналогическіе звуки въ сербскомъ нарѣчіи: ђ ћ, љ, њ, но отличаются отъ нихъ тѣмъ, что звучатъ не небно при встрѣчѣ съ неіотированнымъ *і*. На основаніи этого свойства украинскихъ *д*, *т*, *л*, *н* мы назвали бы ихъ обоюдными согласными, т. е. способными оставаться какъ твердыми, такъ и мягкими звуками въ соотвѣтствующихъ случаяхъ.

Такимъ образомъ, степень независимости согласныхъ звуковъ *д*, *т*, *л*, *н*, сравнительно съ твердыми согласными, относительна, потому что они очень часто соединяются съ іотированными гласными. Съ другой стороны, непереходная мягкость этихъ согласныхъ очень часто обусловлена вліяніемъ регрессивной ассимиляціи, идущей отъ мягкихъ свистящихъ согласныхъ: такъ появились *ль*, *нь*, *дь*, *ть* (*ць*) въ словахъ: *ковальський*, *панський*, *громадський*, *салдацький* (въ послѣднемъ случаѣ звукъ *т* слился съ слѣдующимъ за нимъ *с*, отсюда *ц*, но все таки мягкое (*ць*). Что этихъ формъ нельзя объяснить древнеславянскимъ суффиксомъ *ьск*, явствуетъ изъ другихъ аналогическихъ формъ, въ составъ которыхъ входитъ суффиксъ съ начальнымъ *ь*. Такъ, въ словахъ: *безрідний*, *блакитний* *д* и *т* остаются твердыми, не смотря на встрѣчу свою съ *ь* въ суф. *ьн;* тѣ же *д* и *т* тотчасъ смягчаются въ аналогическихъ формахъ, какъ только за ними слѣдуетъ мягкій согласный: *посьлідній*, *остатній*. Тою же регрессивною ассимиляціей объясняются формы:

сътілець—сътільця, ранець—раньця, молодець—молодьця, отець—отьця оцця (качественное уподобленіе *т* звуку *ц*). Въ великорусскомъ литературномъ языкѣ въ этихъ формахъ господствуютъ твердые согласные въ слѣдствіе твердости звука *ц*: *молодца, отца, танецъ—танца.* Исключеніе существуетъ только для одного *л*: *палецъ—пальца, стрѣлецъ—стрѣльца*, такъ какъ *л* въ великорусскомъ нарѣчіи, по замѣчанію Грота, находится въ исключительномъ положеніи: предъ всѣми окончаніями, кромѣ тѣхъ, которыя начинаются звукомъ *к* (*кій, ка* и проч.), *л* смягчается [1]). Что касается малорусскаго нарѣчія, то согласные *л* и *н* звучатъ иногда твердо въ тѣхъ случаяхъ, когда можно было бы, по этимологическимъ соображеніямъ, ожидать мягкаго произношенія ихъ. Такъ, въ украинскомъ говорѣ можно слышать иногда: *вольний* и *вольний, ст'ілко* и *стілько, білщий* и *більший, менший* и *меньший, інший* и *іньший.* Колебанія въ звукѣ *л* замѣтны и въ письменныхъ памятникахъ, начиная съ позднѣйшихъ. Очень часто въ лѣтописяхъ Густынской, Львовской и у Самовидца (XVII в.) встрѣчаются формы: *полши, тылко* и т. п. Въ древнерусскихъ памятникахъ XIV—XV в. есть также немало примѣровъ отвердѣнія звука *л*. Такъ, въ Ипатс. спис. (XV): *силна, болна, ползу, болшая* [2]), въ Лаврент. спис. (XIV в.): *Волга, силнымъ, болнаго* [3]) и проч. Гораздо устойчивѣе звука *л* являются въ непереходной мягкой формѣ зубные согласные *д* и *т*. Непереходная мягкость ихъ въ малорусскомъ нарѣчіи развилась даже шире, чѣмъ въ нарѣчіи древнеславянскомъ. Здѣсь они встрѣчаются въ соединеніи только съ тремя мягкими гласными: *ь, ѣ, ѧ*, (Остр. еванг.),—въ малорус. они охотно стоятъ рядомъ со всѣми мягкими гласными, сливаясь съ іотированными гласными въ одинъ цѣльный, небный звукъ: *дь, ть.* Непереходная мягкость ихъ по мѣстамъ даже предпочитается старинной—переходной: такъ, въ восточныхъ разнорѣчіяхъ украинскаго говора распространены формы: *ходю, водю, крутю, молотю.* Безъ всякаго сомнѣнія, эти формы образовались изъ основныхъ: *хожу, кручу* и проч. Эти послѣднія преобладаютъ въ самомъ украинскомъ говорѣ, съ тою, однако же, особенностію, что иногда къ *ж* примѣшивается легкій оттѣнокъ основнаго *д*, изъ котораго

---

[1]) Грот. Филол. разыс. 308.

[2]) Ист. Христ. Бусл. 118. 111. 132.

[3]) Ibid. 459. 466. 467.

ж образовалось: *ходжу*, *воджу*. На правой сторонѣ Днѣпра, чѣмъ ближе къ Галиціи, тѣмъ чаще встрѣчается сложный звукъ *дж*. Наиболѣе онъ распространенъ въ галицкомъ говорѣ, особенно въ гуцульскомъ разнорѣчіи, но встрѣчается нерѣдко и въ разнорѣчіяхъ сѣвернаго малорусскаго говора.

Считать ли его глубокимъ архаизмомъ или же, вмѣстѣ съ *дь* въ формахъ: *водю*, *ходю*, звукомъ позднѣйшаго образованія? Распространеніе *дж* во всѣхъ малорус. говорахъ, и преимущественно въ говорахъ архаическихъ, свидѣтельствуетъ объ относительной древности такихъ формъ, какъ *ходжу*, *воджу*,—но древнѣе ли *дж* простаго звука *ж*, существующаго въ аналогическихъ формахъ во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ?

Извѣстно, что въ древнеславянскомъ нарѣчіи *т* смягчалось въ *шт*, а *д* въ *жд*. Въ русскомъ языкѣ *шт* и *жд* соотвѣтствуютъ *ч* и *ж*. Но между *ч* и *ж* нѣтъ полнаго соотвѣтствія, потому что *ч* есть звукъ сложный (*тш*), а *ж* простой [1]), поэтому, въ соотвѣтствіе съ сложнымъ *ч*, надобно предположить сложное *дж*. Другое славянское смягченіе *т* есть *щ*, т. е. *штш*, которому бы для *д* соотвѣтствовало *ждж*. По этому поводу Срезневскій ставитъ вопросы: „*шт* и *жд* такъ ли только выговариваются, какъ написаны, или же и какъ *штш*=

[1]) М. Мюллеръ отвергаетъ сложный составъ согласныхъ *ч* и *ц*. Въ выговорѣ, дѣйствительно, оба звука кажутся простыми: въ *ч* мы не слышимъ отдѣльно ни *т*, ни *ш*; такъ же точно въ *ц*—ни *т* ни *с*. Но самъ Мюллеръ по поводу звука *ч* говоритъ: „органы стремятся къ произнесенію *т*, но это стремленіе, прежде своего осуществленія, становится тщетнымъ или видоизмѣняется“ (M. Müll. Vorles. üb. die Wissensch. der. Spr. Böttiger. 154—55). Мы готовы согласиться, что оно только видоизмѣняется, а не становится тщетнымъ и ни въ какомъ случаѣ не устраняется безъ всякихъ послѣдствій. Оно выражается въ болѣе тѣсномъ сжатіи органовъ, чѣмъ при выговорѣ обыкновенныхъ согласныхъ *ш* и *с*, такъ какъ языкъ употребляетъ двойное усиліе, выбирая среднюю точку между двумя пунктами, необходимыми для произнесенія двухъ согласныхъ, отчего получаются звуки большей тяжести и въ то же время непохожіе на свои составные элементы. Мы уже не говоримъ о томъ, что съ исторической точки зрѣнія согласныхъ *ч* и *ц* никоимъ образомъ простыми назвать нельзя. Простыми кажутся въ выговорѣ и гласные *о*, *е*, между тѣмъ образовались они, какъ извѣстно, изъ элементовъ неодинаковыхъ.

шч и *жджж* (срав. русскій выговоръ словъ: *нощь, вещь, дождь, вождь*)? И нельзя ли сдѣлать предположенія, что этотъ выговоръ *щ*, какъ *штш*, и *жд*, какъ *жджж*, древнѣе" [1])? Въ такомъ случаѣ *дж* было бы древнѣе *ж* такъ же точно, какъ *жджж* древнѣе *дж*, какъ *штш* древнѣе *ч*, и малорус. *дж* можно было бы считать глубокимъ архаизмомъ.

Но оставляя въ сторонѣ широкую область предположеній, мы должны прежде всего признать существующіе факты. Во первыхъ, звуку *щ* (*штш*) и въ древнеславянскомъ нарѣчіи нѣтъ соотвѣтствующаго *жджж*: если бы была надобность въ этомъ звукѣ, онъ получилъ бы письменное выраженіе, аналогическое съ буквой *щ*. Во вторыхъ, такъ какъ *щ* есть звукъ тройной сложности и не имѣетъ соотвѣтствующаго звучнаго согласнаго такой же сложности, то и русскій намѣстникъ этого *щ*—отзвучный *ч*, звукъ двойной сложности, то же не имѣетъ соотвѣтствующаго звучнаго согласнаго такой же сложности, потому что во всѣхъ древнерусскихъ памятникахъ смягченіе *д* существуетъ въ единственной формѣ звука *ж*. Поэтому мы признаемъ *ж* изъ *д* основнымъ звукомъ, изъ котораго въ послѣдствіи образовалось малорусское *дж*. По мнѣнію Потебни, „разницею между *дж* (малорус.) и *ж* (великорус.) было намѣчено раздѣленіе русскаго языка на нарѣчія не позже X—XI в. Не вижу возможности, говоритъ онъ далѣе, предположить, что немалорусское *ж* изъ сохранившагося въ малорус. *дж*, а наоборотъ, послѣднее изъ общерусскаго *ж*" [2]). Устраняя изъ этихъ словъ нѣкоторую неточность въ названіи *ж*, то общерусскимъ, то немалорусскимъ, мы вполнѣ согласны съ г. Потебней въ томъ, что въ малорусскомъ нарѣчіи не *ж* образовалось изъ *дж*, а это послѣднее изъ перваго. При этомъ мы не видимъ никакой возможности относить появленіе *дж* изъ *ж* къ X—XI в., такъ какъ во всей древнѣйшей русской письменности не видимъ никакихъ слѣдовъ звука *дж*, и потому существованіе *дж* въ глубокой древности считаемъ такъ же сомнительнымъ, какъ и существованіе въ древнеславянскомъ нарѣчіи *жджж*. Сколько намъ извѣстно, *дж* появляется въ южнорусской письменности только въ XVII в. и, во всякомъ случаѣ, не раньше XVI в. Свидѣтельству письменности мы даемъ въ этомъ случаѣ особенное значеніе, именно потому, что оно находится въ полнѣйшемъ согласіи съ постепеннымъ ростомъ въ

---

[1]) Срезн. Сборн. стат. Ак. наукъ т. II, № 5, 11.

[2]) Потеб. О звук. особ. 124.

малорусскомъ консонантизмѣ звучныхъ элементовъ. Отсюда явилось *дж* изъ *ж* въ видѣ усиленія звучнаго *ж* основнымъ звучнымъ согласнымъ *д*. Итакъ, сложный звукъ *дж* создалъ эвфоническую потребностію, возникшею на почвѣ малорусскаго нарѣчія уже въ ту пору, когда оно существовало, какъ нарѣчіе, съ своею вполнѣ опредѣлившеюся физіономіей, а не въ X—XI в., въ эпоху не установившихся діалектическихъ разновидностей, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовалось, какъ великорусское, такъ и малорусское нарѣчіе.

Что сказано нами о звукѣ *дж*, также примѣнимо и къ сложному согласному *дз*. Онъ встрѣчается почти исключительно только въ началѣ словъ: *дзвін*, *дзизоім*, *дзвіник*, и уже одного этого обстоятельства достаточно, чтобы видѣть, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чисто эвфоническое, позднѣйшее происхожденіе его, стоящее внѣ всякой связи съ древней системой смягченія зубныхъ посредствомъ іоты. Самая возможность образованія *дз* помимо вліянія іотацизма показываетъ, что *дж* во многихъ случаяхъ не обязано своимъ происхожденіемъ іотѣ, что даже тамъ, гдѣ этотъ звукъ стоитъ рядомъ съ іотированными гласными, есть возможность допустить вліяніе постороннее, проистекающее не изъ іоты. Можно утверждать съ полною безопасностію только то, что зубные *д* и *т* смягчаются въ малорусскомъ нарѣчіи на общихъ основаніяхъ со всѣми русскими нарѣчіями, т. е. въ *ж* и *ч*, съ тою, однако же, разницею, что въ малорусское *ж* привносится иногда для усиленія звучнаго элемента звукъ *д*, но составляетъ ли и *д* такъ же, какъ *ж*, продуктъ іотацизма, этого ни утверждать, ни отрицать мы не беремся.

Отъ зубныхъ мы перешли въ сферу небныхъ шипящихъ—на почву, широко развитую въ славянскомъ консонантизмѣ дѣйствіемъ іоты и вообще небныхъ гласныхъ. Ряды согласныхъ зубныхъ и гортанныхъ смѣнялись въ шипящихъ согласныхъ, и потому на эти послѣдніе можно смотрѣть, какъ на уравнительное начало въ системѣ согласныхъ звуковъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя требовать отъ шипящихъ гибкости и подвижности, свойственной, напр., зубнымъ *д* и *т*. Самое физіологическое образованіе ихъ обусловлено такимъ положеніемъ языка, которое не допускаетъ существенныхъ отклоненій его въ ту или другую сторону: конецъ языка долженъ быть приподнятъ такъ, чтобы между нимъ и переднимъ краемъ неба образовался промежутокъ для произнесенія шипящаго звука, причемъ задняя часть

языка должна быть нѣсколько отодвинута внутрь. Это вогнутое положеніе языка даетъ шипящимъ звукамъ слишкомъ опредѣленное и тѣсное мѣсто, и оттого, подвигая языкъ къ зубамъ, мы получаемъ не шипящій, а уже свистящій звукъ; отодвигая его въ глубину неба, мы сплавляемъ шипящій звукъ съ іотой и лишаемъ его должной выразительности. Какъ передъ шипящими, такъ и позади ихъ, непосредственно лежатъ согласные, которые стѣсняютъ сферу артикуляціи самихъ шипящихъ: это именно чистая небная сфера, которая ставитъ шипящіе въ ряды согласныхъ мягкихъ. Само собою разумѣется, что они могутъ опираться на твердые гласные звуки, такъ какъ для мягкости согласныхъ нѣтъ надобности, чтобы они соединялись только съ небными гласными: достаточно, если они образовались изъ твердыхъ согласныхъ съ примѣсью небнаго элемента. Таковы именно шипящіе звуки, въ основѣ которыхъ лежатъ первичные твердые согласные— гортанные или зубные, и не только зубные *д, т*, но и *з, с, ц*.

По мѣсту артикуляціи къ шипящимъ близко стоятъ свистящіе согласные, но разница между тѣми и другими обусловлена положеніемъ языка въ передней и задней его части. Для образованія свистящаго звука нѣтъ надобности отодвигать заднюю часть языка, съ другой стороны, передняя его часть приближается не къ самому краю неба, какъ въ шипящихъ согласныхъ, а къ зубамъ, такъ, однако же, что языкъ и зубы неплотно сдвигаются, какъ въ моментъ произнесенія чистыхъ зубныхъ *д* и *т*. Слѣдовательно, артикуляція свистящихъ свободнѣе артикуляціи шипящихъ, потому что языкъ при свистящемъ звукѣ долженъ принять спеціальное положеніе только переднею своею частію, а не заднею: эта послѣдняя остается свободной отъ всякаго напряженія, и въ слѣдствіе этого промежутокъ между нею и мягкимъ небомъ получается шире,—вмѣстѣ съ тѣмъ получается возможность, приблизивъ языкъ къ небу, превратить твердые свистящіе *з, с, ц* въ мягкіе *зь, сь, ць*. Впрочемъ, сравнительно съ чистыми зубными *д* и *т*, свистящіе артикулируются менѣе свободно, потому что они требуютъ неплотнаго затвора между переднимъ краемъ языка и зубами, т. е. болѣе сложнаго положенія переднихъ органовъ, чѣмъ то, которое необходимо для зубныхъ *д* и *т*, поэтому легче привести въ соприкосновеніе языкъ съ небомъ при *дь, ть*, чѣмъ при *зь, сь*: *дь* и *ть* отчетливѣе звучатъ, чѣмъ *зь, сь*, которые, въ качествѣ непереходно-мягкихъ, получаютъ уже оттѣнокъ шипящихъ согласныхъ.

Итакъ, сравнивая плавные *л* и *н*, а также зубные обоихъ разрядовъ—чистые и свистящіе съ небными—шипящими, мы раздѣляемъ ихъ по степени свободы артикуляціи на три разряда: съ наибольшею свободою артикулируются *л* и *н*, *д* и *т*, менѣе свободно свистящіе и еще менѣе—шипящіе. Въ неодинаковыхъ условіяхъ артикуляціи, по нашему мнѣнію, заключается причина несходства между ними въ отношеніи непереходной мягкости, т. е. способности ихъ соединяться съ іотированными гласными, а также ерироваться безъ помощи гласнаго звука. Чѣмъ свободнѣе артикулируются согласные, тѣмъ удобнѣе соединяются и разъединяются они съ іотированными гласными, и наоборотъ. Само собою понятно, что свобода артикуляціи—условіе второстепенное, которое имѣетъ все свое значеніе при главномъ условіи—основномъ пунктѣ артикуляціи, болѣе или менѣе удаленномъ отъ небной сферы или близкомъ къ ней.

Примѣняя эти общія наблюденія къ малорусскому нарѣчію, мы находимъ, что согласные *л* и *н*, *д* и *т* постоянно, во всѣхъ говорахъ его, встрѣчаются въ непереходно-мягкой формѣ, какъ въ срединѣ, такъ и на концѣ словъ.

Свистящіе согласные *з*, *с*, *ц* въ разныхъ малорусскихъ говорахъ не въ одинаковой степени подвергаются непереходному смягченію. Въ украинскомъ говорѣ они положительно мягки въ срединѣ и на концѣ словъ: *горобець*, *горобця*, *горобцю* и проч. Замѣчательно, что въ восточныхъ разнорѣчіяхъ украинскаго говора зубные свистящіе, подобно чистымъ зубнымъ *д* и *т*, предпочитаютъ непереходное смягченіе переходному въ тѣхъ случаяхъ, когда другіе говоры удерживаютъ старинное, переходное смягченіе: *возю, носю* вмѣсто *вожу. ношу*. Въ галицкомъ говорѣ, рядомъ съ непереходно-мягкими свистящими, встрѣчаются несмягченные тамъ, гдѣ въ украинскомъ смягчаются. Особенно часто, и притомъ во всѣхъ галицкихъ разнорѣчіяхъ, звукъ *ц* избѣгаетъ ераціи. Такъ, въ коренномъ галиц: *отец, купец*, но въ род. *отця, купця*. У лемковъ не ерируется не только *ц*, но и *с*: *купец*, *робил се*, *ходилисте* [1]), тоже у Гуцуловъ: *гуцулский*, *цес хлопец* [2]). Въ сѣверномъ малорусскомъ говорѣ колебанія особенно замѣтны въ звукѣ *ц*: такъ, въ заблудовскомъ разнорѣчіи *ц* звучитъ твердо: *цицка*,

[1]) Зоря галиц. 423.

[2]) Приложенія образцы народныхъ говоровъ.

здаеце [1]), въ разноречіи брестскомъ и кобринскомъ *ц* бываетъ, то мягкимъ, то твердымъ [2]). Въ седлецкихъ разноречіяхъ *ц* постоянно мягко: *турецькі*, *козацькі*, *пытаеция* (Кленовица), *на уліцю*, *місяць*, *хлопці* (Кошолы . Вообще же непереходная мягкость свистящихъ составляетъ одну изъ особенностей основнаго малурус. говора—украинскаго, въ которомъ они быстро подвергаются ассимиляціи, въ особенности регрессивной, напр., въ словахъ: *сьвіт*, *зьвірь*, *цьвіт*, *зьбіжже* и *зьбіжжа*, *кузьня*, *пісьня*, *вісьмірка*, *милосьть*. Слова: *зьбіжжа*, *зьвірь* показываютъ, что зубные не препятствуютъ действію этой ассимиляціи. Вероятно, по аналогіи съ приведенными формами, въ украинскомъ говоре появились небные свистящіе въ такихъ формахъ, где нетъ никакихъ условій для регрессивной ассимиляціи, напр: *військо*, *попівський*, *царський*. Во всехъ подобныхъ формахъ, въ гуцульскомъ разноречіи галицкаго говора свистящіе не смягчаются: *гуцульскій*, *війско*, *возме*, *прыспа*. Согласный *с* чаще другихъ свистящихъ подвергается въ украинскомъ говоре действію регрессивной ассимиляціи, все же вообще свистящіе, при встрече съ *і*, такъ тесно соединяются съ этимъ звукомъ, что нетъ никакой возможности, на основаніи одного только слуха, узнать, изъ какихъ элементовъ онъ образовался—изъ мягкихъ гласныхъ или твердаго *о*. Поэтому въ украинс. и галиц. говорахъ *с* звучитъ одинаково мягко въ словахъ: *сіль (соль)* и *сіно (сено)*, *сім (семь)*. Что касается собственно до звука *ц*, то твердость его въ галицкомъ говоре некоторые объясняютъ вліяніемъ польскаго языка [3]). Намъ кажется, нетъ никакой надобности считать заимствованіемъ то, что находитъ свое подтвержденіе въ діалектическихъ особенностяхъ разныхъ русскихъ говоровъ и наречій. Уклоненіе отъ мягкаго *ц* мы встречаемъ, напр., въ московскомъ говоре великорусскаго наречія, где *ц* можетъ сочетаться только съ *а*, *о*, *у*, *ы*, а не *я*, *е*, *ю*, *и*, и где въ конце словъ оно всегда твердо. Такъ точно украинское мягкое *ц* было бы странно считать заимствованіемъ изъ севернаго великорусскаго говора, где *ц* въ большинстве случаевъ звучитъ мягко: *Муромець*, *Богородиця* и проч. [4]) Одно можно утверждать положительно, что въ разныхъ малорусскихъ говорахъ *ц* звучитъ неодинаково и что

[1]) Потеб. Зам. 99.

[2]) Ibid. 126—134.

[4]) Партиц. Правда. 1868. 21.

[3]) Потеб. О звук. особ. 86—87.

твердое *ц* такъ же, какъ и мягкое, могло образоваться самостоятельно, въ духѣ фонетики того или другаго говора. На вопросъ, какое *ц* твердое или мягкое—можно считать болѣе древнимъ, отвѣчаетъ древнерусская письменность, гдѣ *ц*, равно какъ и другіе свистящіе, входили въ сочетаніе съ іотированными гласными. Эта старинная черта древнерусской фонетики вполнѣ сохранилась въ украинскомъ малорусскомъ говорѣ, хотя она встрѣчается, какъ мы видѣли, и въ сѣверномъ великорусскомъ говорѣ. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что въ древнеславянскомъ нарѣчіи свистящіе соединялись только съ *ь*, *е*, *и*, *ѧ*, *ѣ*: такъ, въ Остр. ев: *возьмѫть* 41. а. *козьлѧте* 119. б. *сьде* 18. б. *сьрдьце* 5. г. *сѣсица* 218. а. *зьрно* 42. а. *цьрквы* 8. б. *оцьтъ* 189. б. *зѣло* 18. а. *сѣдѣти* 217. *цѣна* 185. а. *цѧта* 75. в. *сѧдетъ* 120. г. *зима* 36. в. *сила* 90 г. *пророци* 128. б. [1]) Изрѣдка въ Остр. спискѣ встрѣчаются свистящіе въ сочетаніи съ іотированными гласными, напр: *сълнцю* 18. а., конечно, подъ вліяніемъ русскаго говора.

Не менѣе разнообразія въ разныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія представляютъ шипящіе звуки. Въ галицкомъ говорѣ они подвергаются непереходному смягченію. У гуцуловъ послѣ шипящихъ слышится *я*, *ё*, а не *а*, *о*: *щястя*, *шяпка*, *жяль*, *чяс*, *щё*. Въ основномъ галицкомъ разнорѣчіи *я* переглaсовалось въ *є*: *щєстє*, *жєль*, *чєс*. Изрѣдка это переглaсованіе доходитъ до *і*, которое въ галицкомъ говорѣ отвердѣло въ *ы*: *сы* вм. *ся*, въ особенности въ образованіи глагольныхъ формъ: *будім сы быты*. Во многихъ сѣдлецкихъ разнорѣчіяхъ послѣ шипящихъ тоже часто встрѣчается *я* и *е*: *жяба*, *кожя*, *замчяты* (Кленовица), *душе* (род. единств.), *ноже* (имен. множ.) (Кошолы). Встрѣчаются подобныя формы и въ другихъ сѣверныхъ разнорѣчіяхъ, напр., въ кобринскомъ: *дівчя*, *плечя*, *щястя*, *зійшодяє*, но въ заблудовскомъ разнорѣчіи шипящіе тверды: *чужые*, *іншым*, *бачыв* [2]). Наконецъ, въ основномъ украинскомъ говорѣ шипящіе тверже, чѣмъ въ остальныхъ. Здѣсь они появляются только въ 3-мъ л. множ. числа глаголовъ съ тематическимъ *и* и *а*=*ѣ* въ неопред. наклон: *держять*, *положять*, а также въ именахъ на *я*: *горщя*, *збіжжя*. Впрочемъ, и въ этихъ немногихъ формахъ замѣтно во многихъ мѣстахъ колебаніе: очень часто говорятъ: *горща*, *держать*, *положать*. Итакъ, шипящіе наиболѣе способны къ непереходному смягченію въ галицкомъ говорѣ,

[1]) Изд. Вост.

[2]) Потеб. Зам. 134. 99.

затѣмъ—въ сѣверномъ малорусскомъ, наименѣе—въ украинскомъ. Этотъ послѣдній говоръ въ отношеніи къ шипящимъ согласнымъ отклоняется не только отъ другихъ малорусскихъ говоровъ, но и отъ всего великорусскаго нарѣчія, въ которомъ шипящіе не терпятъ послѣ себя ь. Гротъ представилъ убѣдительныя доказательства мягкости ихъ, въ особенности звука *ч*, въ которомъ составные звуки, по его мнѣнію, не *тш*, но *тьш* [1]). Въ большинствѣ разнорѣчій сѣвернаго великорусскаго говора шипящіе звучатъ мягко [2]), на сѣверѣ южновеликорусскаго говора, въ разнорѣчіи московскомъ, они тоже мягки, и только къ границамъ сѣвернаго малорусскаго говора они отвердѣваютъ [3]). Очевидно, твердость шипящихъ составляетъ характеристическое явленіе въ украинскомъ малорусскомъ говорѣ, явленіе, приближающее его къ нарѣчію древнеславянскому, въ которомъ шипящіе не могли входить въ сочетаніе съ іотированными гласными и изъ мягкихъ гласныхъ терпѣли послѣ себя только ь, *е, и, ѧ*. Такъ, въ Остр. ев: *жьзлъ* 100. а. *жьнѭ* 85. б. *жена* 30. а. *жѧтва* 32. а. *живѫ* 24. б. *чьто* 113 б. *причьтенъ* 188. г. *четыре* 32. а. *чисти* 48. г. *чѧдо* 271. в. *шьдъ* 72. в. *шесть* 12. а. *широкъ* 230. г. *доушѧ* 45. б. *ищьсти* 234. а. *дъщере* 59. а. *дъщи* 66. а. [4]). Въ видѣ рѣдкихъ исключеній шипящіе соединяются съ іотированными гласными въ памятникахъ юсоваго письма: *человѣчю* (Хиланд. лис. XI в.), *чювествьнаꙗ* (Болон. псалт. XII в.) [5]). Одинъ разъ и въ Остр. ев. употреблена форма: *чюдотворьца* вм. *чѫдотворьца* 224. г., очевидно, подъ вліяніемъ древнерусскаго правописанія, въ которомъ, какъ извѣстно, постановка *я, ю* послѣ шипящихъ составляетъ одну изъ самыхъ выдающихся характеристическихъ особенностей. Ее мы встрѣчаемъ въ самыхъ древнихъ памятникахъ славянорусской письменности. Такъ, въ Сборн. 1076 г: *пачю*, *чюдеса*, въ Толк. псалт. XI в: *шюмѧща*, *чюдотворъ* [6]), въ Туровс. еван: *мѫждющю* [7]). Огромная масса этого рода фактовъ разбросана въ памятникахъ XII, XIII и XIV в. Въ этомъ послѣднемъ вѣкѣ изобилуютъ

---

1) Гротъ. Филолог. разыс. 505.

2) Потеб. О звук. особ. 86—88.

3) Ibid. 68.

4) Изд. Вост.

5) Срезн. Пам. юс. пис. 190. 242.

6) Изв. Ак. X. 426. 427. 469. 466.

7) Срезн. Пам. юс. пис. 190. 242.

мягкостію шипящихъ преимущественно памятники новгородскіе и южнорусскіе [1]). Въ XV в. шипящіе уже рѣдко встрѣчаются съ іотированными гласными; въ южнорусской письменности, замѣтно, они начали отвердѣвать: *помочь* и *помочъ*, *помочи* и *помочы* [2]). Большею частію послѣ шипящихъ стоятъ твердые гласные и только изрѣдка *ю: у Галичю* [3]). Такимъ образомъ, въ сферѣ русскихъ нарѣчій, отвердѣніе шипящихъ есть явленіе позднѣйшее, слѣдовательно, и въ сферѣ малорусскихъ говоровъ оно возникло позже, въ замѣнъ старинной мягкости. Малорусскіе говоры какъ бы подѣлились архаическими элементами: въ галицкомъ говорѣ ослабѣла старинная мягкость свистящихъ, въ украинскомъ—старинная мягкость шипящихъ,—но тотъ и другой говоръ не провели этого направленія послѣдовательно, до самыхъ крайнихъ предѣловъ.

Такимъ образомъ, въ числѣ непереходно-мягкихъ согласныхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ зубные, какъ чистые, такъ и свистящіе, а также плавные *л*, *н*, затѣмъ—шипящіе согласные. Мягкость послѣднихъ въ малорусскомъ нарѣчіи есть явленіе діалектическое, далеко не всеобщее. Есть еще одинъ согласный звукъ, который колеблется между мягкимъ и твердымъ произношеніемъ. Это—*р*.

Условія образованія для *р* тѣ же самыя, что и для *л*: оба звука зараждаются въ каналѣ, основаніемъ котораго служитъ языкъ, а вершиной верхняя часть рта, только для *р* языкъ приражается къ верхней челюсти дрожащимъ образомъ, задерживая теченіе воздуха и не дѣлая устойчиваго затвора. При этомъ самое приражение можетъ происходить по всей верхней плоскости рта, то выше, то ниже, гдѣ угодно. Свободнымъ выборомъ мѣста артикуляціи объясняется подвижность звука *р* и способность его къ непереходному смягченію, но довольно сложное приспособленіе языка для его произношенія (вибрація), въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и даже діалектически въ самомъ малорусскомъ нарѣчіи, не позволяетъ этому звуку вполнѣ свободно входить въ сочетанія съ іотированными гласными. Поэтому въ западнославянскихъ нарѣчіяхъ *р* смягчается въ *rž*; отсутствіе этого смягченія въ восточнославянскихъ нарѣчіяхъ существеннымъ образомъ отличаетъ

---

[1]) Лавр. О яз. сѣв. русск. лѣт. и Памятн. Головац. 1867.

[2]) Головац. № 48.

[3]) Ibid. № 11.

ихъ отъ западныхъ. Что касается до малорусскаго нарѣчія, то въ немъ есть и непереходно-мягкое, и твердое *р*. Первое господствуетъ въ восточно-украинскомъ разнорѣчіи, а также въ галицко-гуцульскомъ: въ этомъ послѣднемъ говорятъ, напр: *бряма, церьков* и проч. Во всѣхъ разнорѣчіяхъ сѣвернаго малорусскаго говора (на правой сторонѣ Днѣпра), а также всюду въ Галиціи *р* звучитъ, то мягко, то твердо; въ иныхъ мѣстахъ говорятъ: *буря, говорю, царь, бондарь,* а въ другихъ: *бура, говору, цар, бондар*. Очевидно, по разнымъ малорусскимъ говорамъ, твердое и мягкое *р* распредѣляется довольно равномѣрно: одна часть украинскаго говора, вмѣстѣ съ однимъ изъ архаическихъ разнорѣчій (гуцульскимъ), смягчаетъ *р*, другая часть, вмѣстѣ съ архаическимъ сѣверно-малорусскимъ, удерживаетъ твердое *р*. То же раздѣленіе и въ галицкомъ говорѣ.

Какое *р* слѣдуетъ признать основнымъ для всѣхъ малорусскихъ говоровъ?

Отвердѣніе звука *р* наводитъ на мысль, что физіологически малорусское нарѣчіе способно было бы къ переходному смягченію *р*. Между непереходно-мягкимъ *р* (*рь*) и западно-славянскимъ *rž* въ срединѣ стоитъ твердое *р* вторичнаго образованія: оно могло появиться тогда, когда мягкое *рь* сдѣлалось труднымъ для произношенія. Съ этого пункта должно было начаться переходное смягченіе, но въ этомъ направленіи не пошелъ ни одинъ малорусскій говоръ. Всѣ они остались вѣрны восточно-славянскому типу. Изъ этого слѣдуетъ, что основнымъ *р* для малорус. нарѣчія, какъ и вообще для всѣхъ русскихъ нарѣчій, нужно считать мягкое *рь*, и что отвердѣніе этого звука въ томъ видѣ, въ какомъ оно въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ существуетъ теперь, есть явленіе болѣе позднее. Оно могло развиться параллельно съ умноженіемъ твердыхъ слоговъ въ сферѣ другихъ согласныхъ. Въ древнерусскихъ письменныхъ памятникахъ оно почти не встрѣчается. Въ Остр. ев. есть формы: *цароу* (84), *боура* (244),[1] но онѣ, по всей вѣроятности, составляютъ слѣдъ нерусскаго вліянія. Въ XIII в., въ одномъ изъ южнорусскихъ памятниковъ (въ Поученіи Ефрема Сирина) уже замѣтно отвердѣніе *р*: *обращеть, сращеть*[2]). Только въ XV в. въ южнорусскихъ грамотахъ довольно рѣзко выступаетъ твердое *р* въ слѣдствіе смѣшенія *и* съ *ы*: *оузрыть, прыѧзнь,*

---

[1]) Изд. Вост.

[2]) Срезн. Свѣд. 49.

тры и проч. [1]) Въ Пересопниц. ев. (XVI в.) встрѣчаемъ формы: *на моры*, *по мороу* [2]), затѣмъ, въ XVII в. твердое *р* составляетъ далеко не рѣдкость: такъ, у Берынды: *шинкар*, *монастыра*, *благодару* [3]). Очевидно, сѣверный малорусскій говоръ остановился на этой позднѣйшей стадіи; разнорѣчія западно-украинскія и галицкія задержали, какъ твердое *р*, такъ и болѣе древнее *рь*; наконецъ, восточно-украинскія разнорѣчія частію остались съ основнымъ *рь*, частію возстановили это *рь* изъ твердаго *р*. Допускаемъ возможность возстановленія именно потому, что въ самыхъ восточно-украинскихъ разнорѣчіяхъ звукъ *р* удерживаетъ оттѣнокъ твердаго согласнаго. Во первыхъ, предъ *е* и среднимъ *и* онъ звучитъ твердо, что, конечно, составляетъ результатъ позднѣйшаго смѣшенія твердыхъ слоговъ съ мягкими. Во вторыхъ, въ смягченно-удвоенной формѣ звукъ *р* почти не встрѣчается, а удвоеніе согласныхъ въ украинскомъ говорѣ есть признакъ ихъ физіологической наклонности къ непереходной мягкости. Только въ словѣ: *підгірря*, по видимому, *р* удвояется. У Берынды встрѣчаемъ форму: *пирям'* (*обрюслый*) [4]).

Намъ остается еще разсмотрѣть губные согласные. Въ древнеславянскомъ нарѣчіи (по Остр. списку) они соединялись, какъ съ твердыми, такъ и съ мягкими гласными, только не съ іотированными. Извѣстно, что, при встрѣчѣ съ этими послѣдними, губные смягчаются посредствомъ эпентетическаго *л*, хотя вставки *л* мы не видимъ во многихъ памятникахъ юсоваго письма. Собственно говоря, мы не имѣемъ права относить эту черту къ счетъ древнеславянскаго нарѣчія: она есть слѣдъ діалектическихъ наслоеній, занесенныхъ въ самые древніе памятники славянской письменности, и потому изрѣдка является она и въ славянорусскихъ памятникахъ, напр. въ Сборн. 1073 г: *томению*, *въ земи* [5]). Въ Остр. ев. мы видимъ губные рядомъ съ *ь*, *и*, *е*, *ѣ*, *ѧ*, чаще всего съ *ъ*, даже съ ꙑ: *быахъ* вм. *бѣахъ* [6]), но это, впрочемъ, рѣдко, и то въ слѣдствіе обмѣна *ѣ* съ ꙑ, свойственнаго памятникамъ

---

[1]) Головац. Грам. №№ 44. 48. 19.

[2]) Матѳ. Зач. 27. Марк. зач. 26.

[3]) Бер. 11. 4.

[4]) Ibid. 102.

[5]) Срез. Юсов. пис. 98. 133. 180.

[6]) Вост. Изд. 11.

юсоваго происхожденія. Какъ ни многозначительны изслѣдованія этого рода памятниковъ, сдѣланныя Срезневскимъ, но старинное мнѣніе Добровскаго объ эпентетическомъ *л* послѣ губныхъ въ такъ называемомъ Антскомъ отдѣлѣ славянскихъ нарѣчій до сихъ поръ не потеряло еще нѣкотораго значенія, по крайней мѣрѣ, для древнеславянскаго нарѣчія. Отсутствіе *л* послѣ губныхъ въ юсовыхъ памятникахъ легко объясняется вліяніемъ западно-славянскихъ нарѣчій,—собственно же древнеславянскому нарѣчію свойственно было смягченіе губныхъ при помощи *л*. Это положеніе слѣдуетъ ограничить только такимъ фактомъ, что, вмѣстѣ съ смягченіемъ посредствомъ *л* предъ іотированными гласными, въ древнеславянскомъ нарѣчіи допускалось непосредственное соединеніе губныхъ съ указанными выше мягкими гласными, слѣдовательно, губные входили въ составъ слоговъ, какъ твердыхъ, такъ и мягкихъ, сообразно съ этимологическими требованіями. Съ другой стороны, согласиться нужно, что въ современномъ состояніи славянскихъ нарѣчій Антская примѣта Добровскаго, дѣйствительно, не выдерживаетъ критики въ отношеніи къ разнымъ славянскимъ нарѣчіямъ. Еще Максимовичъ указалъ, что западные славяне, напр. поляки, иногда допускаютъ *л* послѣ губныхъ предъ іотированными гласными, тогда какъ юговосточные, напр. болгаре, невсегда удерживаютъ въ этихъ случаяхъ *л* [1]). Такія же колебанія въ способѣ смягченія губныхъ указалъ Максимовичъ и въ великорусскомъ нарѣчіи. „Великорусскій выговоръ господствующаго нарѣчія, говоритъ онъ, послѣдовавъ церковнославянскому языку, составилъ средину между этимъ выговоромъ и господствующимъ южнорусскимъ. У него вставное *л* требуется губными предъ *ю*: *терплю—терплютъ*, *дремлю—дремлютъ;* предъ стойкимъ *я* (ꙗ): *поставлятъ*, *устремлятъ;* предъ *е*: *поставленъ, устремленъ*. Но предъ звукомъ *я* (ѧ), переходнымъ или носовымъ, губные звуки обходятся безъ вспомогательнаго *л*: *любятъ*, *любя*, *любящій*. То же позволяется иногда звуку *м* предъ *ю*, именно въ глаголахъ: *каймю*, *клеймю*. Но въ другихъ великорусскихъ говорахъ это позволяется и другимъ губнымъ звукамъ, напр. въ говорѣ средне-русскомъ, гдѣ говорятъ: *сыплятъ* и *сыпютъ*, *ловлятъ* и *ловютъ*“ [2]). И въ именныхъ флексіяхъ великорусское нарѣчіе допускаетъ соединеніе губныхъ съ *я*, *ю*: *голубя*, *голубю*. Хотя Павскій въ просто-

[1]) Макс. Нач. рус. фил. 132—33.

[2]) Ibid. 209—210.

народномъ произношеніи отрицалъ эту послѣднюю форму, но все-таки не могъ не согласиться, что въ принятомъ говорѣ губные звуки теряютъ *ю* „съ большимъ принужденіемъ“ [1]). Вообще непереходно-мягкіе губные возможны въ великорусскомъ нарѣчіи не только при іотированныхъ гласныхъ, но и въ ерированномъ видѣ. Такъ, по замѣчанію Максимовича, въ словахъ: *голубь, рябь, скорбь, топь, бровь, темь*, въ московскомъ и средне-русскомъ выговорѣ, *ь* произносится такъ же явственно, какъ и въ польскомъ языкѣ“ [2]). Мнѣніе Павскаго о твердости губныхъ согласныхъ въ великорусскомъ нарѣчіи въ послѣднее время окончательно отвергнуто Гротомъ, который доказалъ, что губные смягчаются предъ мягкими согласными въ срединѣ словъ, только подъ условіемъ ассимилирующаго вліянія со стороны предшествующаго гласнаго *е* (*ѣ*): *колеблю, хлѣбникъ, деревни, вепрь, дремлетъ* [3]). Съ великорусскимъ нарѣчіемъ въ этомъ отношеніи наиболѣе сходно польское, въ которомъ есть твердые и мягкіе губные: существ. *grab*, *kop* звучатъ не такъ, какъ глагольныя формы: *grab'*, *kop'*. Въ чешскомъ и сербскомъ нарѣчіяхъ губные не ерируются, потому что въ произношеніи мягкость ихъ совсѣмъ неслышна. Хотя въ чешскомъ нарѣчіи на письмѣ послѣ губныхъ различается *і* отъ *у*, но въ произношеніи звучитъ нѣчто среднее между *і* и *ы*. Въ сербс. послѣ губныхъ—*і*, но острое, безъ слѣда іоты.

Сравнительно съ нарѣчіями великорусскимъ и польскимъ, во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія губные согласные отвердѣли, но въ разнорѣчіяхъ сѣвернаго малорусскаго говора есть слѣды непереходной мягкости губныхъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ сѣдлецкихъ разнорѣчіяхъ возможны, напр., такія формы: *пять, пяниця, кормю, любю, терпю, промувяті* (Хотычи, Воинъ, Яблонь). Но соединяясь съ іотированными гласными, губные ни въ одномъ малорусскомъ говорѣ не терпятъ ераціи ни въ срединѣ, ни въ концѣ словъ. Что касается украинскаго говора, то въ немъ нѣтъ непереходно-мягкихъ губныхъ ни въ томъ, ни въ другомъ видѣ: *пйать*, а не *пять*, *люблять*, а не *любять*; *пйу, пйеш; вйу, вйеш; бйу, бйеш*. Только въ словѣ: *святий* и, можетъ быть, въ очень немногихъ подобныхъ словахъ слышится сочетаніе губнаго согласнаго съ іотированнымъ гласнымъ. Вообще же

---

[1]) Павс. Филолог. наблюд. I. 120—128.

[2]) Максим. Начат. 167.

[3]) Гротъ, Филолог. разыс. 303—304.

украинскомъ говорѣ губные согласные относятся къ разряду положительно твердыхъ звуковъ, что существенно отличаетъ этотъ говоръ ь другихъ малорусскихъ говоровъ, въ которыхъ непереходная мягть губныхъ спорадически встрѣчается. Если принимать древнеславское нарѣчіе исходнымъ пунктомъ въ отношеніи къ дальнѣйшей торіи губныхъ согласныхъ, то окажется, что великорусское нарѣчіе, дуя древнеславянской мягкости губныхъ, провело ее дальше, т. е. пустило соединеніе ихъ съ іотированными гласными, а малорусское, и всѣхъ колебаніяхъ по разнымъ говорамъ, укрѣпило за ними черты рдыхъ согласныхъ, черты, отчасти не чуждыя и древнеславянскому рѣчію, которое требовало эпентетическаго *л* для смягченія губныхъ. къ нарушилась въ малорусскомъ нарѣчіи старинная равномѣрность рдыхъ и мягкихъ слоговъ въ отношеніи къ губнымъ и получились рмы: *бйу*, *бйеш* и проч. вм. древнеслав: *бия*, *биеши*. Есть между бными и гортанными согласными сходство въ томъ отношеніи, что и, оставаясь твердыми звуками въ малорусскомъ нарѣчіи, допускаь послѣ себя звукъ *і*, въ которомъ нѣтъ никакой возможности, на нованіи одного только слуха, узнать присутствіе іоты. Совершенно инаково, напр., произносится *і* въ словѣ: *біг (бѣжалъ)* и въ словѣ: *(Богъ)*, хотя этимологически первое *і*—іотированное, второе—ъ. Очевидно, губные согласные принимаютъ на себя дѣйствіе ка *і (йі)* далеко не пассивно. Тогда какъ другіе согласные, способные къ непереходному смягченію, качественно уподобляются іотѣ, и только этимологически она входитъ въ составъ гласнаго *і*, губные гутъ при встрѣчѣ съ нимъ оставаться согласными твердыми. Доказательство заключается въ томъ, что они уравниваютъ это *і* до наго безразличія въ немъ іотаціи, до невозможности открыть ее нетически. Послѣ нихъ іота не имѣетъ мѣста: не выдерживая напора предшествующихъ твердыхъ согласныхъ, съ другой стороны, пираясь на родственный ей элементъ *і*, она поглощается этимъ поднимъ, болѣе сильнымъ гласнымъ звукомъ. Такъ же точно невозможны іотированные гласные и послѣ небно-гортанныхъ. При всей изости своей по мѣсту артикуляціи къ небной области, они всеи въ малорусскомъ нарѣчіи артикулируются внѣ ея, сохраняя въ же время физіологическую приспособленность къ тому положенію гановъ, которое необходимо для произнесенія звука *і*. Что касается губныхъ согласныхъ, то, артикулируясь въ исходномъ пунктѣ

голосоваго канала, и не имѣя поэтому приспособленности небно-
танныхъ къ звуку *i*, они, тѣмъ не менѣе, входятъ въ соединені
небнымъ гласнымъ *i*, собственно потому, что представляютъ бол
устойчивость въ точкѣ своей артикуляціи, т. е. артикулируются не съ т
свободой, какъ другіе согласные, слѣдовательно, твердость губн
какъ и гортанныхъ согласныхъ, въ малорусскомъ нарѣчіи обусловл
между прочимъ, способомъ артикуляціи ихъ. Но такъ какъ *i*,
бы и неіотированное, во всякомъ случаѣ, есть звукъ небный, т
подлежитъ сомнѣнію, что, при сочетаніи съ нимъ согласныхъ,
бы и твердыхъ, остается на нихъ легкій налетъ небности, что,
нечно, составляетъ внѣшнюю ихъ особенность, нисколько не обус
ленную внутренними чертами ихъ природы. Губные и гортанные
таки сохраняютъ найбольшую независимость отъ небнаго вліянія
потому, сравнительно съ согласными обоюдными, а также вполнѣ
кими, ихъ можно назвать *твердыми* согласными. Они удержив
въ малорус. нарѣчіи всѣ признаки твердыхъ согласныхъ: не со
няются съ іотированными гласными, не ерируются въ смягче
удвоенной формѣ.

Мы видѣли, что зубные свистящіе одинаково мягко звучатъ п
i, какъ іотированнымъ, такъ и неіотированнымъ. То же нужно
зать и о шипящихъ согласныхъ, которые предъ *i* произносятся од
ково небно, независимо отъ того, заключается ли въ *i* іота или
(*ножів*, *паничів*). Въ этомъ отношеніи свистящіе и шипящіе з
совершенно инымъ путемъ, чѣмъ губные и небно-гортанные, при
однако же, къ одинаковому результату при встрѣчѣ своей съ гласн
i, т. е. къ фонетической нивелировкѣ этого звука: послѣ губныхъ
гортанныхъ нельзя различить въ немъ іоты, даже въ тѣхъ случа
гдѣ она этимологически предполагается,—послѣ свистящихъ и ш
щихъ нельзя различить чистаго неіотированнаго *i* тамъ, гдѣ этотъ з
этимологически стоять долженъ. Эта особенность свистящихъ и шипящ
объясняется мѣстомъ артикуляціи ихъ въ небной области, въ слѣд
чего всякое *i*, хотя бы и неіотированное, какъ звукъ небный, ус
ваетъ небный характеръ въ самихъ согласныхъ небнаго образов
При всей разницѣ между губными и небно-гортанными съ одной
роны, между свистящими и шипящими съ другой, есть между
сходство въ томъ отношеніи, что всѣ они, въ большей или мен

степени, не могутъ артикулироваться съ той свободой и подвижностію, какая свойственна обоюднымъ согласнымъ: *д*, *т*, *л*, *н*, и оттого *і* іотированное отъ *і* неіотированнаго фонетически различить можно только послѣ *обоюдныхъ* согласныхъ, а не послѣ твердыхъ (губныхъ и гортанныхъ) и не послѣ мягкихъ (свистящихъ и шипящихъ).

Итакъ, семь согласныхъ звуковъ въ малорус. нарѣчіи—четыре губныхъ и три небно-гортанныхъ—совершенно не способны къ непереходной смягчаемости. Четыре шипящихъ звука почти потеряли эту способность въ украинскомъ говорѣ, хотя сохраняютъ ее въ другихъ малорусскихъ говорахъ. Твердость небно-гортанныхъ осталась отъ эпохи наиболѣе древней. Отвердѣніе губныхъ и особенно шипящихъ возникло уже на почвѣ малорусскаго нарѣчія и донынѣ находится еще въ процессѣ развитія. Изъ остальныхъ согласныхъ звуковъ *р* не во всѣхъ говорахъ звучитъ мягко; твердое *р* вмѣсто мягкаго—явленіе тоже позднѣйшее. Только въ пяти зубныхъ звукахъ—двухъ чистыхъ и трехъ свистящихъ, да сверхъ того, въ плавныхъ *л* и *н* непереходное смягченіе не потеряло своей силы. Изъ всего нашего обзора самъ собою слѣдуетъ такой выводъ, что твердость согласныхъ есть характеристическая особенность малорусскаго консонантизма.

Непереходная смягчаемость, по мнѣнію Срезневскаго, сильно падаетъ во всѣхъ скавянскихъ нарѣчіяхъ: въ польскомъ—нѣтъ мягкихъ шипящихъ, въ чешскомъ—остались только *ň*, *ď*, *ť* *j*, въ сербскомъ только *љ*, *j*, въ лужицкомъ больше этого рода смягчаемости, въ русскомъ—еще больше, хотя и здѣсь уже есть формы: *лицо*, *лица* и проч. [1]) Намъ кажется, что пока не сдѣланы будутъ специальныя изслѣдованія въ области отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій всѣхъ явленій іотацизма въ исторической преемственности ихъ развитія,—до тѣхъ поръ трудно говорить слишкомъ рѣшительно объ этомъ предметѣ. Еще вопросъ, было ли въ древнѣйшемъ состояніи того или другаго славянскаго нарѣчія больше непереходной мягкости, чѣмъ нынѣ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ (напр. великорусскомъ) положительно можно сказать, что, рядомъ съ спорадическимъ отвердѣніемъ нѣкоторыхъ согласныхъ, въ цѣломъ строѣ консонантизма, съ теченіемъ времени, все больше и больше развивалась непереходная мягкость, которую объясняетъ Шмидтъ усиленіемъ паразитной іоты. Даже въ предѣлахъ одного на-

---

[1]) Срезн. Мысли 63.

рѣчія процентное отношеніе твердыхъ и мягкихъ согласныхъ въ разныхъ говорахъ его очень не одинаково, съ другой стороны, вся прошлая жизнь нарѣчія отмѣчена колебаніями въ этомъ направленіи, источникомъ которыхъ были, главнымъ образомъ, превращенія въ области вокализма. Возьмемъ, напр., малорус. *і* изъ основнаго *о*. Очевидно, *і*, какъ звукъ небный, по видимому, усилилъ непереходную мягкость согласныхъ, именно тѣхъ, которые въ физіологической природѣ своей заключали подходящія условія, напр. въ свистящихъ. Но если мы возьмемъ въ расчетъ, что послѣ губныхъ согласныхъ іотированное *і* смѣшалось съ неіотированнымъ, что основное *и* въ малорус. нарѣчіи смѣшалось съ *ы*, что вообще слоговыхъ сочетаній съ *і* изъ *о* несравненно меньше, чѣмъ съ среднимъ *и*, то получится выводъ нѣсколько иной, далеко не въ пользу широкаго вліянія небныхъ гласныхъ на согласные. Оказывается, что небность ихъ довольно ограничена даже въ томъ пунктѣ, гдѣ небный элементъ сдѣлалъ очевидные успѣхи на счетъ твердаго гласнаго *о*. Къ этому мы должны прибавить, что основное *е* не только сохранилось въ украинскомъ говорѣ, но даже развилось на счетъ *ѣ*, что предъ *е* въ томъ же говорѣ остаются твердыми даже такіе согласные, которые при другихъ условіяхъ удобно и легко подвергаются непереходному смягченію (напр. свистящіе). Ясно, что въ малорусскомъ вокализмѣ не только *е*, но даже болѣе небный элементъ *і* не имѣетъ того широкаго смягчающаго вліянія, которое оказываетъ на весь строй великорусскаго консонантизма іотированное *е* (*ѥ*). Одни изъ этихъ явленій въ области малорусскаго вокализма остались въ немъ отъ эпохи прадавней, другія возникли позже, и всею совокупностію своею вліяли на образованіе твердыхъ согласныхъ въ малорусскомъ консонантизмѣ,—и то преимущественно въ украинскомъ малорус. говорѣ. Такимъ образомъ, большее или меньшее количество твердыхъ или мягкихъ согласныхъ въ томъ или другомъ славянскомъ нарѣчіи есть явленіе болѣе сложное, чѣмъ кажется съ перваго раза, и къ рѣшительному заключенію о немъ можно придти не иначе, какъ только путемъ историческаго изслѣдованія звуковыхъ явленій въ каждомъ славянскомъ нарѣчіи. Что касается малорусскаго нарѣчія, то, на основаніи сдѣланнаго нами очерка непереходной смягчаемости малорусскихъ согласныхъ, мы позволяемъ себѣ сдѣлать слѣдующіе выводы. 1) Въ древнѣйшую эпоху, до появленія, напр., *і* изъ *о*, *е*, въ тѣхъ говорахъ, изъ которыхъ сложилось малорусское нарѣчіе, было больше твер-

дыхъ слоговъ, чѣмъ въ современныхъ говорахъ великорусскаго нарѣчія, потому что широкое неiотированное *е* идетъ, по нашему мнѣнію, отъ прадавней эпохи праязыка русскаго,—зато, сравнительно съ украинскимъ консонантизмомъ въ его современномъ состояніи, твердыхъ слоговъ было меньше, потому что не наступило еще смѣшенія основнаго *и* съ *ы*, и поэтому еще не отвердѣли губные и шипящіе согласные въ такой степени, какъ нынѣ. 2) Отъ этой эпохи болѣе равномѣрнаго распредѣленія твердыхъ и мягкихъ слоговъ остались ясные слѣды въ говорахъ галицкомъ и сѣверно-малорусскомъ. Украинскій говоръ является и въ области консонантизма позднѣйшимъ продуктомъ звуковыхъ превращеній: вмѣстѣ съ звучностію консонантизма онъ представляетъ наибольшее количество твердыхъ согласныхъ. Въ этихъ двухъ особенностяхъ украинскаго консонантизма съ полною своеобразностію обнаружилось творчество языка, и потому ихъ можно считать самыми типическими признаками малорусскаго нарѣчія, по которымъ легче всего распознаетъ великороссіянинъ малороссійское произношеніе. Оно производитъ рѣзкое впечатлѣніе на великороссіянина именно потому, что основано на такихъ качествахъ консонантизма, которыхъ нѣтъ въ великорусскомъ нарѣчіи. Замѣтимъ кстати, что малорусское произношеніе кажется великороссіянину неблагозвучіемъ, характеризующимъ тяжелую, неповоротливую, деревенскую рѣчь.

Возвращаемся къ вопросу, для котораго мы предприняли все изслѣдованіе качественной природы малорусскихъ согласныхъ: стоятъ ли они въ качественномъ отношеніи на той же ступени звуковаго ослабленія, какъ въ отношеніи количественномъ? Очевидно, нѣтъ. „Всякое прибавленіе длительной іоты, говоритъ Потебня, приближаетъ одновременную согласную къ длительности, поэтому явленія іотацизма, т. е. смягченія согласныхъ суть тоже количественныя ослабленія согласныхъ“ [1]). Съ этой точки зрѣнія, малорусскій консонантизмъ сильнѣе великорусскаго, въ которомъ іотацизмъ, въ видѣ непереходнаго смягченія согласныхъ, получилъ значеніе преобладающаго, типическаго факта. Въ свою очередь, великорусскій консонантизмъ сильнѣе малорусскаго отзвучностію своего строя, широкимъ развитіемъ количественной ассимиляціи. Два русскія нарѣчія какъ бы подѣлились между собою элементами силы: что слабо въ одномъ, сильно въ другомъ, и наоборотъ.

---

[1]) Потеб. О звук. особ. 69.

Намъ приходится еще разъ вспомнить при этомъ о бѣлорусскомъ говорѣ, который представляетъ въ замѣчательномъ сочетаніи черты, какъ малорусскаго, такъ и великорусскаго консонантизма, только не со стороны силы того и другаго, а со стороны свойственной каждому изъ нихъ слабости. Въ системѣ бѣлорусскихъ согласныхъ есть, какъ мы видѣли, малорусская звучность и великорусская мягкость. Эта послѣдняя черта проведена въ бѣлорусскомъ консонантизмѣ даже дальше, чѣмъ въ великорусскомъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ зубнымъ *д* и *т*, которые изъ непереходной мягкости въ бѣлорусской рѣчи впадаютъ въ переходную: *дзѣло*, *робиць*. Конечно, это смягченіе секундарное, а не то переходное смягченіе, которое мы видимъ въ древнеславянскомъ нарѣчіи и которое нужно считать основнымъ для всѣхъ русскихъ нарѣчій. Въ бѣлорусской письменности мы не встрѣчаемъ ни одной обмолвки въ пользу звуковъ *дз*, *ц* изъ *д*, *т*. Если бы они существовали даже въ XV—XVI в., то должны были бы хоть одинъ разъ появиться въ письменности, какъ начали появляться они въ памятникахъ польскаго нарѣчія еще съ конца XII в. [1]) Изъ этого мы можемъ заключить, что накопленіе мягкихъ согласныхъ въ бѣлорусскомъ говорѣ шло прогрессивно и что въ древнѣйшемъ состояніи этого говора съ большею правильностью распредѣлены были твердые и мягкіе слоги. Отъ той же древней эпохи идутъ разсѣянные въ бѣлорусскихъ разнорѣчіяхъ звучные согласные,—только, въ противоположность мягкости ихъ, черта звучности не развилась съ такою послѣдовательностію, какую мы видимъ, напр., въ украинскомъ говорѣ малорусскаго нарѣчія. Можетъ быть, это находится въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что паденіе консонантизма достаточно уже обнаружилось въ формѣ смягченія согласныхъ. По крайней мѣрѣ, въ малорусскомъ консонантизмѣ мы видимъ больше звучныхъ согласныхъ въ тѣхъ говорахъ, гдѣ меньше мягкихъ согласныхъ.

Что же такое бѣлорусскій говоръ?—Потебня относитъ его къ южной вѣтви великорусскаго нарѣчія, такъ какъ въ бѣлорусскомъ говорѣ, по его словамъ, „нѣтъ ни одной звуковой черты, которая бы не повторилась хоть гдѣ нибудь въ Великой Россіи“ [2]). Мы видимъ въ бѣлорусскомъ говорѣ гораздо болѣе оригинальности, такъ какъ въ немъ есть и такія черты, которыя встрѣчаются не въ великорусскихъ говоро-

---

[1]) Бодуэнъ де Кур. О древнепольс. яз. см. словарь 56. 80.

[2]) Потеб. О звук. особ. 69.

рахъ, а только въ нарѣчіи малорусскомъ, и притомъ черты, трудно поддающіяся теоріи заимствованій. Намъ кажется гораздо болѣе вѣроятнымъ, что вліяніе шло отъ бѣлорусскаго племени къ другимъ племенамъ, а не наоборотъ, особенно въ древнія времена. Для подтвержденія своей мысли указываемъ на значеніе бѣлорусскаго племени въ русской колонизаціи. Географическое положеніе кривичей, отъ которыхъ пошли бѣлоруссы (по начальной лѣтописи—верховья Двины, Днѣпра и Волги) съ древнѣйшаго времени благопріятствовало колонизаціонному движенію внизъ по рѣкамъ. Множество кривскихъ названій въ окской области до верхняго Дона, въ верхнемъ Поволжьи между Угрою, Окою, Клязьмою и Волгою, служитъ яснымъ и донынѣ незыблемымъ свидѣтельствомъ того, что кривичи, вмѣстѣ съ новгородскими славянами, вошли, главнымъ образомъ, въ составъ великорусской народности [1]). Это эпоха колонизаціи, начавшаяся еще до начала русской исторіи, захватываетъ весь кіевскій періодъ ея. Мы не беремся опредѣлять ея отраженіе на звуковомъ строѣ великорусскаго нарѣчія во всѣхъ подробностяхъ. Мы позволимъ себѣ только высказать предположеніе, что великорусская непереходная мягкость согласныхъ—бѣлорусскаго происхожденія. Конечно, на новой почвѣ, среди новой обстановки, не могъ остаться не измѣненнымъ древній строй звуковъ, какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ. Эти послѣдніе въ великорусскомъ нарѣчіи, дѣйствительно, являются уже въ количественно усиленномъ видѣ. Память о звучныхъ согласныхъ сохранилась только въ тѣхъ бѣлорусскихъ разнорѣчіяхъ, которыя не выходили за предѣлы прежнихъ бѣлорусско-кривскихъ поселеній. Такъ получилась въ бѣлорусскомъ консонантизмѣ (и отчасти вокализмѣ) пестрота, которая роднитъ его, то съ великорусскимъ, то съ малорусскимъ нарѣчіемъ. Поэтому трудно назвать бѣлорусскій говоръ самостоятельнымъ нарѣчіемъ, но тѣмъ не менѣе, по своему современному звуковому типу, это не есть одно изъ разнорѣчій южновеликорусскаго нарѣчія, а напротивъ того, отдѣльный великорусскій говоръ, стоящій рядомъ съ сѣверновеликорусскимъ и южно-великорусскимъ, отличающійся отъ нихъ нѣкоторыми архаическими особенностями. По своему происхожденію это есть переходный говоръ, но не отъ малорусскаго нарѣчія къ великорусскому и не отъ этого послѣдняго къ первому, а отъ предполагаемаго нами

[1]) Подробнѣе см. Барсова: Очерки русской историч. географіи 115—166.

праязыка русскаго къ нарѣчію великорусскому. Такую же переходную ступень къ современному своему состоянію имѣетъ и малорусское нарѣчіе, только не въ говорѣ бѣлорусскомъ, а въ разнорѣчіяхъ всего сѣверно-малорусскаго говора, который отличается отъ малорус. украинскаго архаичностію такъ же точно, какъ бѣлорусскій говоръ отъ остальныхъ говоровъ великорусскаго нарѣчія.

Итакъ, два главныя русскія нарѣчія великорусское и малорусское выдѣлились изъ одного общаго первоисточника. Современный свой звуковой строй они окончательно выработали въ довольно позднее время, въ XV—XVII в.

Можно ли опредѣлить, хотя приблизительными чертами, ту звуковую норму, отъ которой они отдѣлились въ качествѣ двухъ близнецовъ—нарѣчій?

Какъ ни труденъ этотъ вопросъ, но мы постараемся сдѣлать на него посильный отвѣтъ, хотя бы для того только, чтобы вызвать у другихъ охоту отвѣчать удовлетворительнѣе насъ,—затѣмъ, представимъ общій очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія въ связи съ нѣкоторыми историческими подробностями, необходимыми для уясненія дѣла.

IV

Общіе выводы.

Для рѣшенія вопроса, поставленнаго нами въ предыдущемъ очеркѣ, мы должны въ немногихъ словахъ дополнить то, что сказано было нами о русскомъ праязыкѣ въ самомъ началѣ нашего изслѣдованія.

Пробѣгая по широкому простору діалектическаго разнообразія, господствующаго въ современныхъ разнорѣчіяхъ и говорахъ, мысль наша, обыкновенно, ищетъ внѣ исторіи твердой точки опоры, отъ которой затѣмъ стремится выступить къ объясненію историческихъ данныхъ. Она опирается въ этомъ случаѣ на сравнительный методъ, отвлекая отъ нѣсколькихъ языковъ одного семейства общіе элементы, совокупность которыхъ считается фиктивнымъ праотцемъ всѣхъ этихъ языковъ. Иногда для полноты картины вставляются, на основаніи аналогіи, черты, принадлежащія языкамъ другаго семейства. Такъ составляется та искусственная норма, которая называется праязыкомъ, вмѣщающимъ въ себѣ зародыши развивающихся изъ него отдѣльныхъ языковъ. Понятно, что праязыкъ въ этомъ смыслѣ есть чистая абстракція, существующая въ наукѣ, какъ гипотеза, которая сколько нибудь объясняетъ то, что съ трудомъ поддается объясненію.

Неужели, однакоже, абстракція сама по себѣ есть цѣль науки? По нашему мнѣнію она, есть только средство, рычагъ науки такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакого основанія стремиться къ разъясненію того, что никогда не существовало.

Но признавая за языкомъ, понятымъ въ смыслѣ абстракціи, значеніе средства, мы все-таки должны дать себѣ отчетъ въ томъ, съ какою цѣлію хочемъ употребить это средство. Не трудно отвѣчать на этотъ вопросъ общимъ указаніемъ на главную задачу сравнительнаго языкознанія—установить классификацію языковъ на основаніи *генетическаго* отношенія между ними. На этомъ пути наука неизбѣжно встрѣчается съ необходимостію признать въ жизни отдѣльныхъ нарѣчій соединительные моменты, болѣе или менѣе продолжительные и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе свободные отъ позднѣйшей индивидуализаціи, однимъ словомъ, она встрѣчается съ идеей праязыка, какъ явленія, имѣвшаго дѣйствительное мѣсто въ жизни народовъ. Это уже не есть лингвистическая метафизика, абстрактно существующая, а напротивъ того, живое дѣло, которое *можетъ* и *должно* быть предметомъ науки. Теперь весь вопросъ въ томъ, какъ подойти къ этой идеѣ: старымъ ли путемъ сравнительно—теоретическимъ, путемъ абстрактнаго построенія первичныхъ формъ, или же сравнительно—историческимъ путемъ? Мы находимъ этотъ послѣдній путь болѣе цѣлесообразнымъ. На этомъ пути мысль наша отправляется отъ фактовъ достовѣрно-историческихъ и, слѣдуя преемственной смѣнѣ явленій по направленію отъ позднѣйшихъ къ древнѣйшимъ, стремится опредѣлить ближайшія первоосновы языка, лежащія на границѣ его исторической жизни. Такимъ образомъ, здѣсь снимаются съ языка явственно замѣтные слѣды конкретныхъ особенностей не столько для того, чтобы въ основѣ ихъ открыть нѣчто общее, сколько для того, чтобы генетически найти многія частности, которыя предшествовали многимъ другимъ частностямъ. Вся сумма болѣе первобытныхъ частностей даетъ намъ идею праязыка не того, конечно, идеальнаго праязыка, въ которомъ господствуютъ, напр., отвлеченныя понятія, невозможныя на первыхъ ступеняхъ мысли, а праязыка относительнаго, зато мыслимаго реально, въ значеніи дѣйствительнаго момента жизни. Въ этомъ праязыкѣ есть тоже общій элементъ, но онъ мыслится подъ формой разнообразія, въ которомъ существуютъ зачаточные элементы, служащіе основой для развитія позднѣйшихъ типическихъ особенностей, характеризующихъ отдѣльныя нарѣчія.

Мы старались подойти къ идеѣ русскаго праязыка путемъ историческаго изслѣдованія этихъ особенностей въ области малорусскаго

нарѣчія, касаясь не одинъ разъ первичныхъ элементовъ его, которые едва замѣтными тѣнями отдѣляютъ малорусскій звуковой типъ отъ другихъ родственныхъ ему типовъ. Намъ казалось, что, въ примѣненіи къ русскимъ нарѣчіямъ, удобнѣе всего держаться индуктивнаго метода, который ведетъ отъ частнаго къ общему, а не наоборотъ. Мы указали въ своемъ мѣстѣ на слабыя стороны дедукціи, построенной, главнымъ образомъ, на аналогіи съ другими славянскими нарѣчіями. На томъ основаніи, что тѣ или другія звуковыя особенности существовали въ древнечешскомъ или древнесербскомъ нарѣчіи, не всегда можно, какъ мы видѣли, съ полною безопасностію утверждать, что онѣ существовали и въ древнерусскомъ. Съ другой стороны, изолируя общіе элементы нѣсколькихъ языковъ въ одну искусственную группу, легко потерять изъ виду индивидуальный ростокъ живаго дѣйствительнаго языка, заслоняя его отъ себя произвольно созданною тѣнью, которой, однако же, приписывается какая-то зиждительная сила. Вотъ почему мы должны были низвести идею праязыка съ вершинъ абстракціи и приблизить ее къ исторической дѣйствительности, имѣя въ виду, между прочимъ, и то важное обстоятельство, что русскія нарѣчія по своему образованію составляютъ явленіе третичное, если принимать первичной основой ихъ праязыкъ славянскій. Очевидно, средній членъ между ними—русскій праязыкъ одною стороною примыкаетъ къ эпохѣ доисторической, другою стороною обнимаетъ такія звуковыя явленія, которыя могли возникнуть только на зарѣ исторической жизни. Оставляя въ сторонѣ классификацію элементовъ доисторическихъ и начально-историческихъ, мы принимаемъ фактъ русскаго праязыка въ томъ видѣ, какъ онъ является намъ на исторической почвѣ, засвидѣтельствованной древнѣйшими памятниками русской письменности или архаизмами современныхъ русскихъ говоровъ. Мы считаемъ несомнѣнно-историческимъ моментомъ тотъ моментъ, когда отъ одной первоосновы начали отдѣляться два русскія нарѣчія съ своими позже установившимися типическими особенностями.

Ядромъ славянскаго населенія въ русской равнинѣ съ древнѣйшихъ временъ были племена, которыя занимали полости южнаго Буга, Днѣстра, западную часть полости днѣпровской, ограниченную теченіемъ западнаго Буга. Отсюда на сѣверозападъ и сѣверовостокъ шло колонизаціонное движеніе задолго еще до начала русской исторіи. Каждое

изъ славянорусскихъ племенъ, по извѣстіямъ лѣтописи, имѣло *обычаи свои, законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ*, но, при всей этнографической розни, они носили въ себѣ черты того типа, который мы называемъ восточно-славянскимъ. Выразителемъ этого типа, безъ сомнѣнія, былъ языкъ, въ которомъ, предъ началомъ исторической эпохи, по всей вѣроятности, существовали уже своеобразныя особенности, выдвигавшіяся надъ всею пестротою діалектическихъ различій. Вотъ эти-то особенности, *вмѣстѣ съ діалектическими различіями*, и составляютъ ту первоначальную ткань, которую мы называемъ русскимъ праязыкомъ. Одни изъ діалектическихъ различій вымерли, не успѣвъ получить общерусскаго значенія, другія живутъ въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ и до настоящаго времени въ видѣ архаическихъ окаменѣлостей (такова, по всей вѣроятности, сѣверно-великорусская мѣна согласнаго *ц* съ *ч*, и наоборотъ). Что касается элементовъ, общихъ всѣмъ говорамъ русскаго праязыка, то между ними мы различаемъ такіе, которые остались и донынѣ общими обоимъ русскимъ нарѣчіямъ (напр. полногласіе), отъ такихъ, которые нѣкогда были общими, но послѣ переродились, пустивъ отъ себя новые звуковые побѣги. Ко всему этому нужно прибавить еще одну особенность русскаго праязыка, безъ которой немыслимо самое существованіе его, именно—паденіе глухихъ гласныхъ—тотъ знаменательный въ исторіи славянскихъ нарѣчій моментъ, съ котораго началось отдѣленіе ихъ отъ праязыка славянскаго и который выразительными чертами отмѣченъ уже въ самыхъ древнихъ памятникахъ древнеславянскаго нарѣчія [1]). По всей вѣроятности, не одновременно въ русскомъ праязыкѣ совершилось паденіе глухихъ гласныхъ; діалектически существованіе ихъ могло отразиться и въ историческую эпоху въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности,—но начало этого явленія и даже

[1]) Чтобы не подать повода къ недоразумѣнію относительно техническихъ словъ, нами часто употребляемыхъ: „языкъ“, „нарѣчіе“, считаемъ нужнымъ замѣтить, что, какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ словомъ мы соединяемъ представленіе объ индивидуальныхъ признакахъ, дающихъ право на самостоятельное значеніе тѣхъ данныхъ, которыя подразумѣваются подъ этими словами. Мы охотно замѣнили бы слово „праязыкъ“ словомъ „пранарѣчіе“, если бы не опасались новостію терминологіи затруднить тѣхъ, кто привыкъ съ словомъ „языкъ“ соединять понятіе о чемъ-то всеобщемъ.

значительная степень развитія его, безъ всякаго сомнѣнія, относится къ доисторической эпохѣ. Не повторяя тѣхъ доводовъ, которые мы приводили въ своемъ мѣстѣ для подтвержденія этой мысли, мы сопоставимъ здѣсь хронологически звуковыя послѣдствія, которыя были плодомъ паденія глухихъ гласныхъ въ русскомъ праязыкѣ. Мы разумѣемъ подлясское двоегласіе изъ основныхъ *о*, *е* въ двухъ видахъ: *ӯо*, *ю̄о*, *уō*, *юō*: оно образовалось, какъ извѣстно, въ среднихъ слогахъ въ замѣнъ потери конечныхъ ъ и ь. Собственно говоря, это двоегласіе, сравнительно съ основными звуками, есть моментъ позднѣйшій, но, сравнительно съ стяженными звуками, которые, въ свою очередь, появились изъ двоегласныхъ, оно есть явленіе древнее. Такъ какъ стяженные звуки *у* и *ю* изъ *уо*, *юо* встрѣчаются уже въ XIV в., то двоегласіе, какъ причина, предшествовало своему слѣдствію, поэтому оно несомнѣнно существовало въ устахъ народа до XIV в. Едва ли можно возражать противъ этого предположенія указаніемъ на то, что въ древнерусскихъ памятникахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ двоегласія. Это обстоятельство доказываетъ только, что уже въ XIII—XII в. двоегласіе выходило изъ круга историческаго движенія звуковъ, утрачивая свое общее значеніе,—доказываетъ, такимъ образомъ, глубокую древность двоегласія, а не его позднее происхожденіе. Съ другой стороны, положительно можно сказать, что, чѣмъ древнѣе памятники русской письменности, тѣмъ меньше они отличаются независимостію отъ вліянія церковнаго языка: не удивительно, что въ нихъ не нашло мѣста русское двоегласіе, имѣвшее значеніе временнаго, переходнаго момента къ позднѣйшимъ стяженнымъ звукамъ и уже въ XII—XIII в. звучавшее неповсемѣстно въ устахъ народа. Переходя отъ двоегласія къ причинѣ, изъ которой оно возникло, т. е. къ паденію глухихъ гласныхъ, мы должны отнести это явленіе еще дальше въ глубину прошедшаго, т. е. къ началу исторической эпохи, къ XI—X в., возникло же и окрѣпло оно, конечно, еще раньше, въ эпоху доисторическую. Если принимать посредствующимъ моментомъ между паденіемъ глухихъ и двоегласіемъ долготу гласныхъ, изъ которой образовалось

По нашему мнѣнію, единственная разница между понятіями „языкъ" и „нарѣчіе" заключается въ томъ, что „языкъ" предполагаетъ развитую организованную силу, тогда какъ „нарѣчіе" указываетъ на силу непосредственную, хотя и индивидуальную.

самое двогласіе, то фактъ паденія глухихъ отодвинется еще дальше. Но мы понимаемъ, что въ дифференцированіи хронологическихъ слоевъ, отдѣляющихъ одинъ звукъ отъ другаго, нельзя устанавливать геометрически правильныхъ линій, и потому, не настаивая на хронологической вѣрности проводимыхъ нами границъ, желали бы только утвердить за двогласіемъ глубокую древность не въ отношеніи къ первозвукамъ, изъ которыхъ оно образовалось, а въ отношеніи къ тѣмъ звукамъ, которые изъ него образовались. Мы имѣемъ въ виду всю систему подляскаго двогласія, т. е. не только дифтонги изъ *о*, *е*, сохранившіеся и въ другихъ сѣверныхъ малорусскихъ разнорѣчіяхъ, но и дифтонги *іе*, *іѐ*, замѣнившіе *ѣ*, такъ какъ эти послѣдніе дифтонги находятся въ тѣсной связи съ первыми (см. стр. 118, 119.) Примѣняясь къ росту нарѣчій третичной формаціи, мы считаемъ современное подляское двогласіе однимъ изъ древнѣйшихъ критеріумовъ для опредѣленія періодовъ въ ихъ развитіи, поэтому находимъ возможнымъ сдѣлать предположеніе, что двогласіе было когда-то присущимъ не однимъ подлясско-малорусскимъ разнорѣчіямъ. Подляскіе дифтонги древнѣе малорусскаго вокализма съ его типическимъ, преобладающимъ звукомъ *і*. А такъ какъ нѣтъ никакихъ основаній считать великорусскій вокализмъ древнѣе малорусскаго, такъ какъ, съ другой стороны, великорусскую систему стяженныхъ гласныхъ съ такимъ же удобствомъ можно выводить изъ подляскихъ дифтонговъ, какъ и малорусскую, то очевидно, эти дифтонги древнѣе нарѣчій великорусскаго и малорусскаго съ ихъ современнымъ звуковымъ строемъ: они относятся къ эпохѣ русскаго праязыка, какъ зачаточные элементы, изъ которыхъ возникло новое поколѣніе звуковъ, разбившееся, сообразно съ двойственною природою первозвуковъ, на два отдѣльные типа.

До сихъ поръ, говоря о древнѣйшихъ примѣтахъ русскаго языка, указывали, обыкновенно, на полногласіе, потому только, что оно обнаружилось въ самыхъ древнихъ памятникахъ русской письменности. Мы рѣшились прибавить, на основаніи устнаго свидѣтельства народныхъ архаизмовъ, новую черту—*двогласіе*, относя ту и другую особенность первобытнаго русскаго вокализма къ русскому праязыку. Между этими двумя особенностями, по нашему мнѣнію, есть внутренняя связь, потому что въ основаніи обѣихъ лежитъ одинъ и тотъ же

мотивъ, одно и то же стремленіе—возстановить систему вокализма, пошатнувшуюся въ слѣдствіе паденія глухихъ гласныхъ. Не имѣя возможности со всею подробностію опредѣлить звуковыя черты русскаго праязыка, мы считаемъ необходимымъ уловить, по крайней мѣрѣ, его основной тонъ, которому подчинялась вся его звуковая система. Этотъ характеристическій тонъ русскаго правокализма заключается *въ своеобразной полнотѣ гласныхъ элементовъ*, которая появилась въ замѣнъ древней полноты, обусловленной присутствіемъ глухихъ гласныхъ. Что касается первобытныхъ согласныхъ въ русскомъ праязыкѣ, то не подлежитъ сомнѣнію только то, что, по мѣрѣ восполненія вокализма, съ теченіемъ времени неизбѣжно должно было выступить во всѣхъ говорахъ паденіе консонантизма, которое въ двухъ русскихъ нарѣчіяхъ выразилось своеобразно: въ малорусскомъ—преобладаніемъ звучныхъ согласныхъ, въ великорусскомъ—преобладаніемъ непереходно-мягкихъ согласныхъ, которые посредствомъ іоты приближаются къ длительному состоянію, аналогическому съ длительностью гласныхъ звуковъ.

Полагать надобно, что перестрой консонантизма въ томъ или другомъ направленіи окончательно совершился уже послѣ того, какъ окрѣпли черты двухъ русскихъ нарѣчій въ области вокализма, слѣдовательно, въ самомъ праязыкѣ русскомъ система согласныхъ звуковъ не наклонилась еще окончательно въ ту или другую сторону.

Сводя всѣ эти примѣты русскаго праязыка въ одно цѣлое, мы должны предположить въ жизни славянорусскихъ племенъ такой моментъ, который можно было бы назвать общимъ по отношенію къ указаннымъ нами своеобразнымъ особенностямъ русскаго праязыка. Мы не говоримъ моментъ „единства", потому что не можемъ представить его себѣ когда бы то ни было въ живой дѣйствительности, которая должна была, какъ все живое, представлять черты разнообразія вмѣстѣ съ общими чертами одного типа. То, что мы здѣсь называемъ *общимъ*, не въ одинаковой степени было общимъ во всѣхъ мѣстахъ славянорусскаго міра, не переставая въ то же время быть общимъ. Звуковой строй рѣчи у однихъ племенъ удерживалъ въ себѣ еще много древнихъ элементовъ, у другихъ находился уже въ новой стадіи развитія, между тѣмъ и другимъ было много промежуточныхъ ступеней, напоминающихъ живую игру тѣней и свѣта въ природѣ; встрѣчались, наконецъ, діалектическія разности, не повторявшіяся въ

другихъ мѣстахъ. Вся эта подвижная звуковая дѣйствительность русскаго праязыка не имѣла одной позднѣйшей черты—рѣзкой расчлененности элементовъ. Какъ только появилась эта послѣдняя, моментъ праязыка окончился и вмѣстѣ съ тѣмъ началась исторія отдѣльныхъ нарѣчій.

Когда же началась она?

Можно было бы искать отвѣта на этотъ вопросъ въ извѣстіяхъ начальной лѣтописи о размѣщеніи восточныхъ славянъ въ русской равнинѣ, если бы эти извѣстія приводили къ какому нибудь безспорному выводу. Три перечня восточныхъ славянъ, помѣщенные на первыхъ страницахъ начальной лѣтописи, даютъ сбивчивыя показанія, и оттого историки наши, пытавшіеся на основаніи одной лѣтописи опредѣлить постепенность въ разселеніи восточно-славянскихъ племенъ, пришли къ самымъ противоположнымъ заключеніямъ. Одни (Соловьевъ и Бѣляевъ) выводятъ кривичей изъ Новгорода, а племя сѣверянъ отъ племени кривскаго [1]), другіе, напротивъ, новгородскихъ славянъ считаютъ вѣтвію или кривичей [2]), или южноруссовъ [3]). Какого мнѣнія держаться? Этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, будетъ оставаться въ наукѣ нерѣшеннымъ до тѣхъ поръ, пока въ разрѣшеніи его не приметъ участія наука о языкѣ.

Намъ кажется, что свидѣтельству лѣтописи, обыкновенно, придаютъ слишкомъ большое значеніе. Темное преданіе, дошедшее до лѣтописца изъ глубины сѣдой, незапамятной древности, поправленное и дополненное позднѣйшими вставками, ни въ какомъ случаѣ не должно закрывать отъ насъ того непреложнаго факта, что, сколько бы ни было позднѣйшихъ переселеній славянскихъ племенъ на западъ и сѣверозападъ русской равнины отъ Карпатъ до верховьевъ Днѣпра, пространство это съ незапамятныхъ временъ заселено было славянами—абориrенами. Изъ свидѣтельствъ Геродота, Плинія, Прокопія видимъ, что вся плоскость между Днѣпромъ съ одной стороны и теченіемъ западнаго Буга и Днѣстра съ другой изъ-поконъ-вѣку занята была славянами, носившими разныя названія (Нервы, Будины, Венеты, Анты и

[1]) Солов. Ист. I. 43. Бѣл. Разск. 27. 31. 115.

[2]) Иловайс. Рус. вѣст. 1864. № 8, 646.

[3]) Костом. Сѣвернорус. народопр. I. 5—13.

проч.), большею частію не встрѣчаемыя въ лѣтописи [1]). Къ этимъ славянамъ приливали толпы выходцевъ съ югозапада отъ Карпатъ, встрѣчая родственныя племена славянскія, и отъ нихъ же уходили колонисты на сѣверовостокъ. Мы назвали славянъ, разселившихся на этомъ пространствѣ, ядромъ восточнаго славянства. Здѣсь-то и надобно искать древнѣйшихъ племенныхъ группъ, отъ которыхъ отдѣлялись позднѣйшія.

Но какъ искать? Мы видѣли, что историческія соображенія сами по себѣ не даютъ положительныхъ выводовъ. Нельзя придти ни къ чему вѣрному и съ точки зрѣнія языка, если придавать особенное значеніе лѣтописнымъ названіямъ восточнаго славянства. Оставивъ въ сторонѣ эти названія, мы считаемъ найболѣе цѣлесообразнымъ слѣдить за племенными единицами болѣе крупными и притомъ современными, живыми, а не давно исчезнувшими полянами, древлянами и проч. Въ опредѣленіи родственныхъ отношеній между этими единицами мы будемъ руководствоваться степенью близости современныхъ народныхъ говоровъ къ архаической нормѣ указанныхъ нами особенностей русскаго праязыка.

Точкой отправленія мы должны принять подлясско-малорусскія разнорѣчія, въ которыхъ сохранились, какъ мы видѣли, дополнительныя особенности первобытнаго вокализма. Слѣдъ этихъ особенностей остался въ вокализмѣ бѣлорусскомъ, въ которомъ *ѣ*, по замѣчанію Безсонова, звучитъ, какъ великорусское *е*, но только протяжнѣе или двоегласнѣе [2]). Въ другихъ малорусскихъ говорахъ и даже въ сѣверныхъ малорусскихъ разнорѣчіяхъ, за исключеніемъ подлясскаго, нѣтъ двоегласнаго звука въ замѣнѣ *ѣ*, зато уцѣлѣло двоегласіе изъ *о*, *е* въ остальныхъ сѣверныхъ малорусскихъ разнорѣчіяхъ—черниговскомъ и полѣсскомъ, и притомъ въ разныхъ формахъ: изъ *о* существуютъ дифтонги *уо*, *уе*, *уи*, *уі*, изъ *е*: *ю̑о* *ю̑і*, не безъ оттѣненія, какъ въ подлясскомъ разнорѣчіи, одного элемента отъ другаго. Въ тѣхъ же разнорѣчіяхъ—черниговскомъ и полѣсскомъ очень часто встрѣчаются уже вполнѣ стя-

[1]) Шаф. Слав. древ. § 23.

[2]) Безсон. Бѣлор. пѣс. Предисл. LXXV.

женные звуки: *у*, *ю*, *и* и, наконецъ, въ украинскомъ и галицкомъ говорѣ (за исключеніемъ угорскаго разнорѣчія), вмѣсто разнообразныхъ звуковъ переходнаго характера, господствуетъ уже типическое *і*. Въ отношеніи къ говорамъ великорусскому, сѣверному и южному, двоегласіе обрывается на бѣлорусскомъ растяженномъ *е* изъ *ѣ*, если не имѣть въ виду замѣчанія Даля, что въ говорѣ олонецкомъ гласные звуки растягиваются, что́, впрочемъ, напоминаетъ скорѣе долготу, чѣмъ двоегласіе и требуетъ притомъ болѣе обстоятельныхъ разъясненій. Замѣчательно, что въ отношеніи къ звуку, образовавшемуся изъ *ѣ*, сѣверныя великорусскія разнорѣчія представляютъ сходство съ малорусскими говорами—украинскимъ и галицкимъ, т. е. *і*. Въ своемъ мѣстѣ мы представили основанія, почему это *і* неудобно выводить непосредственно изъ долгаго *е;* скорѣе всего оно образовалось, подобно малорусскому *і*, изъ двоегласнаго звука.

Оставляемъ въ сторонѣ систему согласныхъ звуковъ, такъ какъ ни одинъ современный говоръ ни великорусскаго, ни малорусскаго нарѣчія не представляетъ ее въ той соразмѣрности, которая служила бы яснымъ признакомъ ея первичнаго состоянія, предполагаемаго нами въ русскомъ праязыкѣ. Типическія особенности согласныхъ вырабатывались, по нашему мнѣнію, уже на почвѣ русскихъ нарѣчій. Даже въ бѣлорусскомъ консонантизмѣ преобладаетъ та форма паденія согласныхъ, которая господствуетъ въ великорусскомъ нарѣчіи.

Таковы въ приблизительныхъ очертаніяхъ линіи, расходящіяся отъ древнѣйшихъ подлясско-малорусскихъ разнорѣчій къ остальнымъ говорамъ малорусскаго и великорусскаго нарѣчія. Собственно говоря, не сами по себѣ подлясскія разнорѣчія составляютъ центральную точку этихъ линій, а тѣ архаизмы, которые уцѣлѣли въ Подляськи отъ первобытной эпохи русскаго праязыка и которыя образовались раньше того времени, когда отдѣлились отъ него два русскія нарѣчія. Сами по себѣ подлясскія разнорѣчія, вмѣстѣ съ сѣвернымъ малорусскимъ говоромъ, составляютъ не больше, какъ только одну изъ линій, проведенныхъ отъ того же пункта, отъ котораго идутъ и великорусскія линіи, только эти послѣднія проведены дальше. Такъ, уже бѣлорусскій говоръ съ едва замѣтными слѣдами двоегласія представляетъ черты болѣе поздніа, чѣмъ подлясскія разнорѣчія, хотя въ то же время болѣе

древнія, чѣмъ говоры сѣверный великорусскій и южный великорусскій. Разница между говорами, какъ великорусскими, такъ и малорусскими, рѣзче всего бросается въ глаза, такъ сказать, съ конца, т. е. если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія той границы, до которой дошли они въ своемъ историческомъ развитіи. Что же означаетъ разстояніе отъ точки исхода до этой границы? Можетъ ли болѣе близкое или болѣе далекое разстояніе указывать на то, что одни говоры раньше, а другіе позже отправились отъ одной исходной точки? Нельзя ли такимъ образомъ прослѣдить степень родственнаго старшинства между говорами и опредѣлить различіе между ними съ начальныхъ моментовъ ихъ образованія?

Если бы на всѣ эти вопросы можно было отвѣчать положительно, тогда раскрылись бы предъ нами всѣ этнографическіе слои древней Руси на основаніи русскихъ нарѣчій. Къ этой задачѣ должна стремиться наука разработкой матеріаловъ по этнографіи, географіи и археологіи древней Руси, и только тогда, когда дифференцированы будутъ всѣ бытовыя условія, имѣвшія свою долю вліянія на образованіе нарѣчій, получится возможность распутать тѣ этнографическія нити, которыя нестройными рядами набросаны на первыхъ страницахъ начальной лѣтописи. Теперь же, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ руководствоваться тѣмъ общимъ соображеніемъ, что степень творческой энергіи въ языкѣ зависитъ отъ исторической и географической обстановки народа,—что одно племя, заброшенное далеко отъ центра историческихъ событій, въ мѣстность, отрѣзанную естественными преградами отъ другихъ племенъ, среди невозмутимаго теченія жизни, способно въ большей степени къ сохраненію древнихъ особенностей языка, чѣмъ другое племя, поставленное подъ первый натискъ историческихъ явленій, расположившееся на пути живыхъ сообщеній, какъ съ родственными, такъ и съ чуждыми племенами. Примѣняя эти общеизвѣстныя положенія къ русскимъ нарѣчіямъ и говорамъ, мы считаемъ необходимымъ довольствоваться, главнымъ образомъ, тѣми данными для ихъ исторической характеристики, которыя получаются изъ наблюденій надъ крайнимъ предѣломъ, до котораго дошли они въ своемъ историческомъ развитіи,—для эпохи же самой отдаленной по неволѣ нужно ограничиться признаніемъ, что не всѣ русскіе говоры сразу двинулись отъ своей начальной точки.

Пока длился племенной бытъ среди восточныхъ славянъ, огра-

ниченный мѣстнымъ кругомъ патріархальныхъ преданій и интересовъ земледѣльческаго культа, основаннаго на обожаніи силъ природы, пока длилось непосредственное міросозерцаніе племенныхъ массъ, чуждое своеобразныхъ наклоненій въ ту или другую сторону, открываемую успѣхами образованія, до тѣхъ поръ и въ говорахъ отдѣльныхъ славяно-русскихъ племенъ, при всемъ діалектическомъ разнообразіи ихъ, не могло быть яркихъ проблесковъ жизни, вызванныхъ творческими потребностями народнаго духа, увлеченнаго новой системой понятій, новымъ міросозерцаніемъ. Племенные говоры соотвѣтствовали несложному строю племенной жизни, заключая въ себѣ то равновѣсіе звуковыхъ элементовъ, которое мы соединяемъ съ идеей русскаго праязыка. Но, по мѣрѣ разложенія племеннаго быта, по мѣрѣ того, какъ одни племена начали выдвигаться надъ другими, и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ слагаться и крѣпнуть древнѣйшій историческій строй русской жизни,—древніе говоры полянъ, древлянъ и другихъ племенъ должны были потерпѣть существенныя измѣненія. Между ними должно было обнаружиться то различіе, которое вытекаетъ не столько изъ старинной разрозненности племенъ, сколько изъ новыхъ началъ общественной жизни, представлявшей уже до извѣстной степени контрастъ не только между разными слоями населенія—городскими и сельскими, но и между разными обитателями разныхъ земель, игравшихъ, какъ извѣстно, не одинаковую роль въ общемъ ходѣ русской жизни. Мало-помалу, на развалинахъ старинняго племеннаго быта, возникалъ новый порядокъ вещей, основанный на соединеніи нѣсколькихъ племенъ въ отдѣльныя группы, расположенныя на извѣстной территоріи, съ центральнымъ городомъ, именемъ котораго называлась вся земля. Въ XII в. окончательно исчезли старинныя племенныя названія, а вмѣсто нихъ явились земли кіевская, новгородская, полоцкая и проч.,—вмѣстѣ съ тѣмъ и говоры народные, сближенные между собою обмѣномъ взаимныхъ вліяній, поддерживаемыхъ общими интересами земли, должны были отклониться отъ первобытнаго строя, основаннаго на племенномъ строѣ жизни, которая тяготѣла исключительно къ стариннымъ племеннымъ центрамъ. По всей вѣроятности, въ основаніи, такъ сказать, земельныхъ говоровъ лежалъ одинъ какой нибудь племенной говоръ, къ которому примыкали другіе; въ свою очередь, одинъ племенной говоръ случайно, въ силу княжескихъ наслѣдственныхъ отношеній и военныхъ захватовъ, распадавшійся между нѣсколькими зе-

млями, получалъ различные оттѣнки въ каждой изъ нихъ, сообразно съ тѣми элементами, съ которыми ему приходилось вступать въ соединеніе. Это былъ періодъ звуковыхъ процессовъ, періодъ броженія звуковыхъ элементовъ, не успѣвшихъ еще обособиться въ полные и законченные звуковые типы. Въ письменныхъ памятникахъ едва пробиваются слѣды этихъ типовъ въ видѣ замѣны буквы *ѣ*, то *е*, то *и*, въ видѣ постановки послѣ шипящихъ вмѣсто *а* буквы *ѧ*, которая въ древнерусскомъ вокализмѣ соотвѣтствовала, между прочимъ, *е* (въ галиц. ев: *вопьющѧю*, *ищѧдъѧ*, *исхожѧше*) [1]) въ видѣ новгородскаго смѣшенія *ц* съ *ч*. Судя по всѣмъ признакамъ, можно полагать, что въ этихъ только-что отдѣлившихся отъ русскаго праязыка не окрѣпшихъ типахъ выступили элементы, главнымъ образомъ, южнорусскіе, бѣлорусскіе и новгородскіе. Такъ дѣло шло въ теченіе не менѣе трехъ вѣковъ, съ половины IX до половины XII в., пока племенной бытъ окончательно не разложился. Тогда, на смѣну земельныхъ говоровъ, начали мало-по-малу обозначаться группы еще болѣе крупныя въ видѣ двухъ главныхъ русскихъ нарѣчій—южнаго и сѣвернаго. Земельные говоры, въ цѣлой совокупности отдѣльныхъ группъ, принимали общіе оттѣнки, дававшіе имъ характеръ отдѣльныхъ нарѣчій. Въ концѣ XII в. Русь южная, кіевская, и Русь сѣверная, владиміросуздальская, встрѣтились между собою въ борьбѣ за преобладаніе въ русской землѣ, и этотъ политическій моментъ, безъ сомнѣнія, былъ плодомъ бытовыхъ различій между двумя главными половинами русской земли, различій, постепенно нараставшихъ въ предшествующее время. Намъ кажется, нельзя игнорировать этого факта для исторіи русскаго языка, если только вполнѣ убѣждены мы, что въ жизни языка отражаются бытовыя настроенія народнаго духа, народныхъ понятій, вѣрованій и идеаловъ. А что идеалы южной и сѣверной Руси въ то время, о которомъ мы говоримъ, были не одинаковы, объ этомъ свидѣтельствуетъ не только политическая исторія, но и такія крупныя литературныя произведенія, какъ Слово о полку Игоревѣ и всѣ вообще южныя лѣтописи, отличающіяся южнорусскимъ складомъ міросозерцанія и рѣчи. Мы можемъ пожалѣть только о томъ, что произведенія эти дошли до насъ въ не-южныхъ и притомъ позднихъ редакціяхъ, и оттого собственно звуковая сторона южнорусскаго нарѣчія XII—XIII в.

---

[1]) Бусл. Ист. хр. 22.

намъ неизвѣстна во всѣхъ подробностяхъ. Но то, что вырвано у науки рукою времени, не должно погибнуть для нея безслѣдно. Она имѣетъ полное право наполнить пробѣлы заключеніемъ отъ послѣдующаго къ предыдущему, если только между этими моментами существуютъ отношенія слѣдствія къ причинѣ, или же заключеніемъ отъ одного ряда фактовъ къ недостающему ряду, если только эти факты относятся къ одной категоріи. Первый пріемъ мы нерѣдко употребляли въ трудѣ своемъ, послѣднимъ пользуемся теперь для того, чтобы, на основаніи южнорусскаго склада древнѣйшихъ южнорусскихъ произведеній, признать южнорусскія особенности и въ звуковомъ строѣ той рѣчи, которою говорили первоначальные слагатели этихъ произведеній, особенности, затертыя и перепутанныя позднѣйшими великорусскими переписчиками. Мы должны, впрочемъ, сдѣлать оговорку, что это не были такія рельефныя особенности, которыя слышатся въ современной малорусской рѣчи. Они касались преимущественно гласныхъ звуковъ: система согласныхъ не была еще вполнѣ вовлечена въ кругъ превращеній, развившихся позже; выдвинулось уже вмѣстѣ съ своими первозвуками и ихъ видоизмѣненіями малорусское *і*. Однимъ словомъ, *главныя* черты малорусскаго вокализма въ XII—XIII в., по нашему мнѣнію, вполнѣ обнаружились. Не было еще украинскаго говора, который выдѣлился позже изъ волынскихъ разнорѣчій, но самыя эти разнорѣчія, вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ ихъ въ галицкомъ вокализмѣ, близкомъ къ украинскому, уже существовали. Такъ органически, изъ первобытной почвы русскаго праязыка, выросло малорусское нарѣчіе съ древнѣйшимъ своимъ говоромъ сѣвернымъ, отъ котораго къ концу кіевской эпохи и въ первые годы татарщины на югѣ отдѣлились говоры галицкій и волынскій. Тотъ же процессъ образованія мы должны допустить и для великорусскаго нарѣчія, въ которомъ только древнѣйшіе говоры, бѣлорусскій и сѣверно-великорусскій, непосредственно примыкаютъ къ русскому праязыку. Что касается южно-великорусскаго говора, то онъ сложился, главнымъ образомъ, изъ элементовъ бѣлорусскихъ и сѣверно-великорусскихъ, въ процессѣ колонизаціоннаго движенія на сѣверовостокъ, не прекращавшагося во весь начальный періодъ русской исторіи. Вдали отъ старыхъ центровъ славянорусскаго населенія, среди инородческихъ племенъ, этотъ говоръ созрѣвалъ незамѣтно, воспринимая въ себя постороннія вліянія и перерабатывая ихъ вполнѣ самостоятельно. Событія,

наступившія вслѣдъ за нашествіемъ татаръ, дали этому говору преобладающее значеніе на сѣверовостокѣ, такъ что къ тому времени, когда утвердилась власть московскихъ князей на западѣ (покореніе Новгорода, Пскова, Смоленска), южно-великорусскій говоръ является уже въ качествѣ представителя всего великорусскаго нарѣчія.

Намъ остается указать главные мотивы въ дальнѣйшей исторіи малорусскаго нарѣчія, на сколько они зависѣли отъ исторической обстановки, которая въ разныхъ краяхъ, населенныхъ южнорусскимъ племенемъ, была не одинакова.

Какъ объяснить, что подлясская Русь сохранила говоръ въ звуковомъ отношеніи найболѣе архаическій? [1])

Древнѣйшая исторія Подлясья связана съ именемъ загадочнаго народа ятвяговъ, о происхожденіи котораго достовѣрно извѣстно только то, что они были не славяне. Не подлежитъ сомнѣнію, что не все Подлясье занято было ятвягами, что рядомъ съ ними съ незапамятныхъ временъ, по рѣкамъ Бугу, Нурцу и Нареву, жило славянское племя *Нервы*, которое, по всей вѣроятности, получило свое имя отъ рѣки Нарева (наревяне) и граничило на востокѣ, у верховьевъ Припети, съ лѣтописными дреговичами, а на югѣ съ бужанами и волынянами. Спустя не болѣе столѣтія, какъ утвердился центръ исторической жизни въ Кіевѣ, къ славянскимъ аборигенамъ Подлясья начало приливать родственное населеніе съ юга и юговостока подъ защитой вооруженныхъ дружинъ, предводительствуемыхъ кіевскими князьями. Подъ 983 г. читаемъ въ лѣтописи: *„иде Володимеръ на Ятвяги и побѣди Ятвяги и взя землю ихъ“;* подъ 1038: *„Ярославъ иде на Ятвягы“;* въ 1041 г. ходилъ Ярославъ и дальше на Мазовшанъ, а преемникъ его Изьяславъ *„побѣди Голяди“* [2]). Предпріимчивые русскіе князья ходили въ эти отдаленныя страны за добычей, для сбора которой должны были на границахъ своихъ владѣній строить города и оставлять въ нихъ мужей своихъ. Полагать надобно, что древнѣйшіе города южнаго Подлясья (Брестъ, Дорогичинъ) основаны были кіевскими князьями, роль которыхъ въ отношеніи къ Подлясью перешла

---

[1]) Къ Подлясью мы причисляемъ и надвислянскую Русь (восточная часть сѣдлец. губ.) См. въ образцахъ малорус. говоровъ: „Сѣдлецкія разнорѣчія“.

[2]) Ипатс. сп. 54, 108, 114.

35

потомъ къ князьямъ волынскимъ и галицкимъ. Подъ 1276 г. разсказываетъ волынскій лѣтописецъ, что *„Владимиръ Васильковичъ нача собѣ думати, абы где за Брестьемъ поставити городъ..... нача искати мѣста подобна“* и построилъ на р. Мстѣ Каменецъ. *„Си же земля опустѣла,* прибавляетъ лѣтописецъ, *„по 80 лѣтехъ по Романѣ“* [1]). А опустѣла она въ слѣдствіе походовъ галицкихъ и волынскихъ князей на литовцевъ и ятвяговъ, которыхъ русскіе князья заставляли расчищать земли подъ пашню и строить города, какъ опорные пункты колонизаціи въ тѣхъ частяхъ Подлясья, которыя граничили съ ятвяжскими поселеніями. Во второй половинѣ XII в. ятвяговъ не стало въ Подлясьи: они не устояли противъ напора русскихъ силъ, направленныхъ на это воинственное племя могущественнымъ Даніиломъ галицкимъ (самый опустошительный походъ его былъ четвертый въ 1256 г.). Окончательное пораженіе ятвягамъ нанесъ Болеславъ Стыдливый (1264). Съ этого времени начались переселенія ятвяговъ въ Судавію, гдѣ они были истреблены тевтонскими рыцарями. Другіе ятваги обратились въ литовскую Русь, гдѣ они смѣшались съ туземцами. Въ Подлясьи осталась горсть ятвяговъ только въ пущахъ и дебряхъ. Тогда-то (въ концѣ XIII в.) снова направилась сюда русская колонизація, для защиты которой построенъ былъ, между прочимъ, Каменецъ; въ это же время началось заселеніе Подлясья съ запада мазурами. Впрочемъ, безпріютный край, покрытый лѣсами и болотами, мало представлялъ удобствъ жизни, тѣмъ болѣе, что въ теченіе всего XIV в. Подлясье, вмѣстѣ съ сосѣдними землями между Припетью и Нѣманомъ, было театромъ постоянныхъ военныхъ дѣйствій между литвою и нѣмцами. Къ этому нужно прибавить борьбу литовскихъ князей съ Польшей и Мазовіей (походы Витенеса (1283—1315) въ Польшу чрезъ Подлясье и борьба съ нимъ Ягелла (1383), борьба Ягелла съ Кейстутомъ и Витольда съ Ягелломъ) [2]). Города сожигались, жители уводились въ неволю. Только со времени Грюнвальдской битвы (1410) съ тевтонскимъ орденомъ борьба прекратилась, и Подлясье отдохнуло. Въ третій разъ оно начало заселяться, какъ съ юга и востока русскими, такъ и съ запада мазурами. Города отстраивались и улучшались, потому что Витольдъ давалъ широкія привиллегіи горожанамъ. Тор-

---

[1]) Ипатс. сп. 577. 578.

[2]) Starożyt. Polsk. I, 70—90.

говля шла съ юга по Днѣпру чрезъ Припеть: за мѣха и кожи жители получали соль, мыло, перецъ, желѣзныя орудія [1]). Въ теченіе XV в. утвердилась въ Подляськи шляхта, а къ концу этого вѣка сельское сословіе было уже закрѣпощено. Съ этого времени исторія Подлясья не представляетъ для насъ интереса по отношенію къ занимающему насъ вопросу о языкѣ обитателей этого края [2]).

Мы видѣли, что прежде чѣмъ явились въ Подлясьи русскіе колонисты, тамъ жило уже славянское племя, языкъ котораго легъ въ основаніе подлясскихъ разнорѣчій, племя, родственное сосѣднимъ дреговичамъ и бужанамъ, такъ какъ въ подлясскихъ разнорѣчіяхъ нѣтъ органическихъ слѣдовъ западно-славянскаго происхожденія, есть только внѣшнія, позднѣйшія вліянія. Затѣмъ, въ кіевско-галицкую эпоху въ языкъ древнѣйшихъ туземцевъ постепенно вносилась примѣсь южнорусскихъ элементовъ, которые въ то время не утратили еще первобытныхъ оттѣнковъ. Съ паденіемъ южной Руси активная роль кіевскихъ и галицкихъ колонистовъ въ Подлясьи окончилась. События падали на мѣстное населеніе, такъ сказать, совнѣ, а не по его иниціативѣ, и потому не возбуждали самодѣятельности народнаго духа. Много разъ край былъ разоряемъ, но старое населеніе не пропадало безслѣдно. Остатки его, по прошествіи грозы, снова занимали родныя мѣста: являлась новая примѣсь изъ новыхъ пришельцевъ, которая входила въ соединеніе съ однородными элементами прежняго населенія. Затѣмъ наступало новое разореніе края и новый приливъ населенія. Такъ повторялась нѣсколько разъ одна и та же исторія безъ существенныхъ измѣненій: на одинъ слой населенія внѣшнимъ образомъ налегалъ другой, и притомъ такъ, что, рядомъ съ позднѣйшимъ, оставались слои болѣе древніе, не исключая и самыхъ древнихъ. Вотъ почему въ подляскихъ разнорѣчіяхъ

---

[1]) Матер. генер. штаба. Гродн. губ. I, 70—80.

[2]) Главнымъ городомъ подлясскаго воеводства, которое было образовано въ 1520 г., былъ Дорогичинъ. Въ составъ этого воеводства входили также города: Гродно, Слонимъ, Волковискъ, Кобринъ, Мельникъ, Бѣльскъ, Брянскъ, Суражъ. Послѣ люблинской уніи (1569 г.) часть Подлясья вошла въ составъ новаго воеводства Брестскаго, а другая часть въ новомъ составѣ присоединена къ Польшѣ. Простой народъ Подлясьемъ называетъ собственно уѣзды Бѣльскій, Бѣлостокскій и Сокольскій (Матер. генер. штаба. Гродн. губ. т. I, 84).

мы видимъ такое поразительное разнообразіе: они заключаютъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ гродненской и сѣдлецкой губерній всѣ оттѣнки малорусскихъ говоровъ, разбросанные отъ самаго крайняго востока до предѣловъ южнорусскаго племени въ угорской Руси. Вотъ почему, съ другой стороны, не затерялись въ подляскихъ разнорѣчіяхъ слѣды глубокой древности.

Мѣстности, въ которыхъ распространены другія разнорѣчія сѣвернаго малорусскаго говора тянутся, съ одной стороны, по теченію Десны (черниговскія разнорѣчія), съ другой стороны, по теченію Припети въ сѣверной части кіевской и волынской губерніи и въ южной части минской (полѣсскія разнорѣчія). Кіевъ стоитъ въ южномъ центрѣ этихъ мѣстностей, представляя для нихъ точку соединенія съ самыхъ первыхъ временъ русской исторіи. Если вспомнимъ при этомъ, что южной границей кіевскаго княжества при Ярославѣ I и Владимірѣ Мономахѣ были поросскіе города, что южнорусское населеніе въ кіевскую эпоху, стѣсненное съ юга сперва печенѣгами, потомъ половцами, направлялось къ сѣверозападу и сѣверу, что, наконецъ, въ древнемъ говорѣ южной Руси больше было тѣхъ элементовъ, которые мы теперь называемъ архаизмами и которые донынѣ слышатся недалеко отъ Кіева, то получимъ возможность сдѣлать весьма вѣроятный выводъ о звуковомъ строѣ древне-кіевской рѣчи въ домонгольскій періодъ. Она изобиловала, вообще говоря, архаическими особенностями малорусскаго типа, въ послѣдствіи вытѣсненными развитіемъ украинскаго говора. Чѣмъ ближе къ западу, къ древней странѣ дулѣбовъ и хорватовъ, тѣмъ меньше было этихъ особенностей. Съ перенесеніемъ центра южнорусской жизни изъ Кіева во Владиміръ и Галичъ, населеніе кіевской земли не обнаруживало энергіи прежнихъ временъ, оставаясь большею частію пассивнымъ зрителемъ событій. За то на Волыни въ XIII в. замѣтно оживленіе народнаго духа, выразившееся не только въ блестящихъ княженіяхъ Романа и Даніила, но и въ литературномъ памятникѣ того времени—Волынской лѣтописи. Въ эпоху сложенія этой лѣтописи, безъ сомнѣнія, существовали уже галицкія и волынскія разнорѣчія. Объ этомъ мы можемъ судить по переводу поученій Ефрема Сирина—рукописи конца XIII в., составленной для волынскаго князя Володиміра Васильковича.

Въ XIV в. наступило для Волынской и Галицкой земли трудное время. Гроза татарскаго нашествія, нѣсколько сдержаннаго бла-

горазумною политикою Даніила, не переставала мрачною тѣнью лежать надъ краемъ, задерживая его матеріальное и умственное процвѣтаніе. Преемники Даніила стояли еще въ зависимости отъ татаръ, постоянно откупаясь отъ нихъ подарками, которые не всегда предохраняли отъ татарскихъ набѣговъ. Между тѣмъ съ сѣвера надвигались на югъ и на югозападъ грозныя сылы литовцевъ. Наконецъ, съ смертію Юрія II (1337 г.), который называлъ себя „dux totius Russiae minoris“ [1]), Малая Русь не въ состояніи была дать отпоръ завоевательнымъ стремленіямъ Казиміра Великаго, который въ 1340 г. овладѣлъ Львовомъ. Нѣсколько раньше того (1337) Волынской землей овладѣлъ Любартъ, сынъ Гедимина, женатый на дочери Юрія II. Югозападная Русь, окруженная со всѣхъ сторонъ враждебными народами, потеряла свою самостоятельность: часть ея отошла къ Польшѣ, другая къ Литвѣ, третья, юговосточная, простиралась широкою пустыней по направленію къ татарскимъ кочевьямъ. Въ теченіе цѣлаго вѣка, съ половины XIV до половины XV в., всѣ эти земли постоянно переходили изъ рукъ въ руки, а населеніе ихъ растрачивало свои силы въ непроизводительной борьбѣ подъ чужими знаменами. Единственный слѣдъ самодѣятельности оно обнаруживало въ томъ, что не совсѣмъ пассивно относилось къ выбору между литовской и польской стороной. Не было мысли о сверженіи чуждаго ига, а было только желаніе воспользоваться при данныхъ условіяхъ лучшимъ положеніемъ. Вокругъ Свидригайла образовалась сепаративная оппозиція, упорно защищавшая права Литвы на древнія русскія земли. Къ этой оппозиціи пристали многіе князья русскіе, между которыми выдвигались своей энергіей и дѣятельностью Ѳедько Острожскій въ Подольской землѣ и Александръ Носъ въ Волынской [2]). Правда, это было движеніе болѣе княжеское, чѣмъ народное, но тѣмъ не менѣе оно производилось не одними силами литовцевъ. Похожденія Свидригайла, смѣлаго авантюриста того смутнаго времени, объясняются, главнымъ образомъ, популярностію этого князя между русинами, стоявшими на противоположныхъ концахъ феодальной лѣстницы. Высшая русско-литовская аристократія боялась въ то время шляхетской равноправности, а для крестьянскаго сословія феодальный порядокъ вещей, заведенный Литвою, безъ всякаго

[1]) Зубриц. Ктирико-историч. пов. 65.

[2]) Шаран. Ист. Галицко-Влад. Руси 374.

сомнѣнія, былъ выгоднѣе шляхетско-помѣщичьяго порядка, грозившаго изъ глубины Польши проникнуть и въ русскія земли. Только низшіе ряды литовскаго дворянства могли быть неравнодушны къ шляхетскимъ правамъ, которыя уравнивали всѣ слои дворянства. Большинство русскаго населенія стояло за Свидригайла, какъ защитника правъ Литвы.

Галицкая Русь, во весь періодъ войнъ Свидригайла, является въ менѣе активной роли, чѣмъ Волынь. Но движеніе въ пользу Свидригайла было и здѣсь [1]).

Натянутыя отношенія между Литвой и Польшей не окончились со смертію Свидригайла, но Волынь съ того времени не играетъ уже такой роли, какъ прежде. Произошелъ окончательный раздѣлъ галицко-владимірской Руси, и Волынь скоро утратила всякую тѣнь самостоятельности, перемѣнивъ старинное имя владимірскаго княжества на воеводство владимірское. Та же участь постигла и Галицкую Русь. Пока длилась борьба изъ-за нея между Литвой и Польшей (при Владиславѣ Опольскомъ, Людовикѣ Венгерскомъ и дочери его Маріи), пока силы Свидригайла не истощились окончательно, польскіе порядки не могли утвердиться въ Галиціи. Только въ 1432 г. земля Галицкая была устроена по примѣру прочихъ провинцій Польши и переименована въ воеводство русское (на съѣздѣ въ Едлнѣ). Съ этого времени колонизація поляковъ въ Галиціи усиливается, и литовско-русское право мало-по-малу уступаетъ свое мѣсто шляхетско-польскому.

Болѣе столѣтія длилось еще переходное положеніе русскихъ земель, раздѣленныхъ между Литвой и Польшей. Медленно и настойчиво подготовлялась люблинская унія (1569 г.), но она была еще далеко. Долго еще нужно было бросать въ русскую почву сѣмена шляхетской полноправности и крестьянской безправности. Земли раздавались на правахъ смѣшанныхъ—отчасти на правѣ литовскомъ, но съ преобладаніемъ польскаго права, которое снимало съ дѣдичей всякія другія повинности въ отношеніи къ королю, кромѣ военной. Населеніе не было еще закрѣпощено окончательно: благодаря огромному количеству пустошей, оно привлекаемо было на новыя селитьбы дарованіемъ различныхъ льготъ,—хотя постепенно права крестьянъ стѣснялись въ пользу помѣщичьей власти: ограничивалось старинное право общиннаго самосуда, а также имущественная правоспособность крестьянъ.

[1]) См. Исторію Богдана Рогатынс. у Шаран. 352—367.

цѣлыми толпами они переходили съ мѣста на мѣсто, расчитывая найти лучшія условія жизни и не сознавая, что всюду, на всемъ пространствѣ Литовской Руси, настойчиво измѣнялся складъ общественныхъ отношеній. Большею частію переселенцы спѣшили на западъ, въ далекія степи, раскинутыя надъ Днѣпромъ, мѣняя безпокойное сосѣдство съ татарами на домашнюю неволю. Другія толпы, гонимыя татарскими полчищами, устремлялись съ востока и юговостока на западъ. На всемъ лежала печать неустройства и незаконченности, всюду господствовала разнохарактерная смѣсь понятій и интересовъ. Старыя основы жизни были подорваны, новыя—не успѣли пустить глубокихъ корней, народная оппозиція не успѣла еще окрѣпнуть. Таковъ былъ характеръ времени въ исходѣ XV в., наканунѣ козацкаго движенія.

Теперь намъ легко понять, отчего въ теченіе XIV и XV в. пріостановилось въ южной Руси всякое литературное движеніе, начатое еще въ кіевскую эпоху и не заглохшее даже въ XIII в., среди опасностей и невзгодъ монгольскаго нашествія. Не о чемъ было писать и некому было писать. Мелкія подробности жизни, которымъ не подведены были еще итоги, запутанныя отношенія юридическаго права—все это такія темы, которыя не могли вызвать внутренней работы духа, ищущаго своего выраженія въ словѣ. Предъ глазами не было ясно сознаннаго идеала, не было самостоятельно выработанной лучшей нормы общественныхъ отношеній: сама жизнь не давала никакихъ литературныхъ возбужденій. Однѣ только формальныя стороны ея отражались въ актахъ и грамотахъ, но это, конечно, не то, что литературные памятники, выражающіе настроеніе народныхъ массъ или ихъ представителей. Эти послѣдніе одинъ за другимъ переходили въ чужой лагерь, оставляя народъ въ положеніи непросвѣщенной и безправной массы.

Извѣстно, что завоеватели литовцы подчинились вліянію русской образованности, процвѣтавшей въ лучшія времена на кіевскомъ югѣ. Самъ Ягайло говорилъ только порусски, до временъ Сигизмунда Августа въ Литвѣ господствовалъ русскій языкъ [1]), поэтому и языкъ актовъ—русскій. Но это не есть цѣльный языкъ съ основными чертами одного какого нибудь нарѣчія, а діалектическая смѣсь особенностей южнорусскихъ и бѣлорусскихъ съ огромною примѣсью канцелярской,

---

[1]) Obraz. Litwy II, 121.

однообразной фразеологіи. По нашему наблюденію, бѣлорусскіе элементы рѣзче выступаютъ въ XV в., малорусскихъ больше въ XIV в., не смотря на сравнительно меньшее количество дошедшихъ до насъ актовъ XIV в. Мы видѣли въ актахъ этого времени а) широкое развитіе вмѣсто основнаго *и* звука *ы*, б) дальнѣйшее видоизмѣненіе древне-малорусскихъ дифтонговъ *уо*, *ю* въ *у*, *ю*, в) замѣну стяженныхъ гласныхъ *у* и *ю* посредствомъ *і* (*и*). Первая черта и донынѣ сохранилась, какъ въ волынскихъ разнорѣчіяхъ, такъ и въ галицкомъ говорѣ. Мы считаемъ ее одною изъ характеристическихъ примѣтъ средней стадіи въ развитіи малорусскаго нарѣчія. Ея вовсе нѣтъ въ украинскомъ говорѣ, гдѣ основное *и* смѣшалось съ основнымъ *ы* въ среднее *и;* слабо она развита также и въ древнемъ малорусскомъ говорѣ, гдѣ основное *и* большею частію выдержано. Такимъ образомъ видоизмѣненія основнаго *и* въ трехъ малорусскихъ говорахъ представляютъ три ступени въ историческомъ развитіи всего малорусскаго нарѣчія. Другая звуковая особенность, встрѣчающаяся въ актахъ XIV—XV в., т. е. *у*, *ю* изъ *о*, *е* и донынѣ господствуетъ въ тѣхъ древнихъ малорусскихъ разнорѣчіяхъ, которыя представляютъ переходъ отъ *уо*, *ю* къ *и* и *і*. Замѣчательно, что она сохранилась не только въ черниговскихъ и полѣсскихъ разнорѣчіяхъ, но и въ одномъ изъ галицкихъ, именно въ угорской Руси: *пудковкі*, *пуд* (*подъ*), *муй*, *запузнывся*, *вучмы* и проч. Есть также и *и*, *і* вм. *у*: *силь*, *д'ім л'ій:* въ послѣднемъ случаѣ, какъ въ украинскомъ говорѣ, *і* не смягчаетъ предшествующаго согласнаго. Послѣ гортанныхъ это *і* звучитъ совершенно твердо, какъ *ы*: *гыркый*, *кырка* [1]). Такъ какъ трудно предположить, чтобы когда нибудь существовали непосредственныя сообщенія между угорскою Русью и областью черниговскихъ, а также полѣсскихъ разнорѣчій, то, очевидно, *у*, *ю* изъ *о*, *е* были когда-то звуками болѣе распространенными и въ другихъ галицкихъ разнорѣчіяхъ и притомъ не заимствованными, а самостоятельно развившимися изъ самихъ же этихъ разнорѣчій. Дѣйствительно, многіе акты XIV в., въ которыхъ встрѣчаются *у*, *ю* въ извѣстныхъ случаяхъ, написаны въ Галиціи, слѣдовательно, второю особенностію средней стадіи въ развитіи малорусскаго нарѣчія можно считать *у*, *ю* изъ *о*, *е*. Наконецъ, рядомъ съ *у*, *ю*, въ актахъ одинаковой древности встрѣчается

---

[1]) Вѣстн. географ. общ. 1852 I. ст. Срезн. о географ. рус. яз.—Зап. географ. общ. т. I, 687, 693, 699.

уже *і* (*и*). Въ волынскихъ разнорѣчіяхъ это *і* и до настоящаго времени звучитъ шире, чѣмъ украинс. *і*, близко къ среднему *и*: *нич*, *ний*, *голивонька*. Это волынское *и* предшествовало украинскому *і*, которое въ галицкомъ говорѣ смѣшалось съ *і* изъ *е*, *ѣ*. Въ своемъ мѣстѣ мы приводили основанія, по которымъ можно относить *і* изъ *о*, *е* не только къ XIV в., когда оно явилось даже въ письменныхъ памятникахъ, но и къ временамъ болѣе отдаленнымъ. Оно вполнѣ установилось въ украинскомъ и галицкомъ говорѣ позже, составляя примѣту третьей стадіи въ развитіи малорусскаго нарѣчія, возникло же въ устахъ народа, безъ сомнѣнія, раньше, чѣмъ появилось въ письменности.

Итакъ, волынскія разнорѣчія носятъ на себѣ печать средней малорусской эпохи. Отдѣляя ее отъ древней и отъ болѣе поздней эпохи, мы вовсе не желаемъ устанавливать строго размежеванныхъ границъ, въ предѣлахъ которыхъ имѣетъ мѣсто исключительно тотъ, а не другой порядокъ звуковыхъ явленій. Языкъ, какъ и все живое, не допускаетъ въ своей исторіи ничего подобнаго: моменты его развитія незамѣтными тѣнями сливаются одинъ съ другимъ, представляя вмѣстѣ съ древнѣйшими чертами господствующія и тутъ же рядомъ едва только зараждающіяся. Вотъ эти-то господствующія черты и служатъ для насъ руководящею нитью для опредѣленія древней, средней и новой эпохи въ развитіи малорусскаго нарѣчія. Понятно, что, говоря о господствующихъ чертахъ, мы разумѣемъ немногія. Къ такимъ немногимъ чертамъ мы относимъ двѣ волынскія примѣты, донынѣ сохранившіяся: а) *ы* вм. основнаго *и*, б) среднее *и*, а не *і* изъ *о*, какъ въ говорѣ украинскомъ и галицкомъ.

Что же такое этотъ послѣдній говоръ въ общемъ развитіи малорусскаго нарѣчія? Съ одной стороны, не имѣя средняго украинскаго *и*, онъ близокъ къ волынскимъ разнорѣчіямъ (средняя стадія), съ другой стороны, близокъ къ украинскому говору, представляя *і* изъ *о*, *е* (новая стадія), а смѣшеніе *і* изъ *о* съ *і* изъ *е* имѣетъ такой видъ, что галицкій говоръ пошелъ дальше украинскаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что іота въ галицкомъ *і* изъ *о* явилась позже въ качествѣ паразитнаго звука, смягчающаго предшествующій согласный звукъ. Зато другія черты галицкаго вокализма положительно древнѣе украинскихъ: такова, напр., мягкость шипящихъ согласныхъ, широко распространенная въ древнѣйшихъ памятникахъ русской пись-

менности. Появленіе изъ *я* и послѣ шипящихъ изъ *а* звука *е* есть уже дальнѣйшее перегласованіе *а* подъ вліяніемъ предшествующихъ мягкихъ согласныхъ, особенность, вовсе не развитая въ украинскомъ говорѣ. Въ письменныхъ памятникахъ мы не встрѣчаемъ ее, хотя она могла образоваться въ давнее время—непосредственно изъ *я* послѣ мягкихъ согласныхъ. Мы указываемъ на тѣ звуковые архаизмы, которые относятся собственно къ основному галицкому разнорѣчію (подгорскому), не касаясь разнорѣчій гуцульскаго, лемковскаго, угорскаго. Въ этомъ послѣднемъ, какъ мы видѣли, сохранились ясныя примѣты древняго звуковаго строя. Вообще въ горскихъ разнорѣчіяхъ очень много архаизмовъ, преимущественно морфологическихъ: такъ, у гуцуловъ и угорскихъ русиновъ прошедшее описательное образуется при помощи старинной формы *бых: ішов бых за вівцамы;* у верховинцевъ (бойковъ) существуетъ старинный творит. пад. множ. ч: *йіде з дрывы, з волы.* Этого рода архаизмы сохранились даже въ позднѣйшемъ галицкомъ разнорѣчіи (подгорскомъ): такъ, во всей Галиціи распространено отдѣленіе мѣстоименія *ся* отъ глагола (*ся бою*), энклитическія формы мѣстоименій: *ми*, *ти*, *си* и т. под. Тѣ же формы встрѣчаются даже въ болѣе позднемъ—подольскомъ разнорѣчіи, которое въ фонетическомъ отношеніи подчинилось уже украинскому говору, хотя по основнымъ чертамъ (особенно морфологическимъ) относится къ галицкому говору. Такимъ образомъ, въ галицкомъ говорѣ есть слои болѣе древніе и позднѣйшіе, точно такъ же, какъ они существуютъ и въ украинскомъ говорѣ, если будемъ сравнивать этотъ послѣдній съ волынскими разнорѣчіями, которыя относятся къ украинскому говору. Изъ всего этого мы заключаемъ, что оба говора, какъ украинскій, такъ и галицкій, развивались независимо другъ отъ друга изъ общихъ, древнѣйшихъ основъ, которыя до сихъ поръ сохранились по окраинамъ малорусскаго нарѣчія, составляя особенный, древне-малорусскій говоръ. Сравнительно съ этимъ послѣднимъ, говоры украинскій и галицкій—болѣе поздніе. Каждый изъ нихъ хранитъ въ себѣ слѣды средней эпохи малорусскаго звуковаго строя, но такъ, что въ украинскомъ говорѣ ихъ меньше, чѣмъ въ говорѣ галицкомъ, который задержалъ очень древнія особенности не только фонетическія, но и морфологическія. Если мы вспомнимъ при этомъ, что Галиція не была главной сценой малорусской исторіи, то для насъ сдѣлается совершенно понятнымъ, почему галицкій говоръ не утратилъ нѣкоторыхъ старинныхъ особенностей, утраченныхъ въ украинскомъ говорѣ.

Намъ нужно еще прослѣдить племенной составъ современнаго намъ украинскаго населенія для того, чтобы уяснить для себя происхожденіе украинскаго говора.

Народная память сохранила преданіе о разореніи Кіева Батыемъ, отмѣтивъ это время выразительнымъ словомъ: *лихолітте* [1]). Изъ вѣка въ вѣкъ тянулось татарское *лихолітте* до послѣднихъ временъ козацкой исторіи, но, вѣроятно, первые удары татарскаго нашествія для всего Поднѣпровья были очень тяжелы, если до нашего времени не исчезло воспоминаніе о первомъ *лихолітті*. Въ извѣстіяхъ лѣтописи объ этомъ страшномъ времени можно замѣтить нѣсколько преувеличенный, гиперболическій тонъ, навѣянный всеобщею паникой [2]), но время, въ самомъ дѣлѣ, было страшное, хоть бы потому уже самому, что свидѣтелями его овладѣла паника. Подъ первымъ впечатлѣніемъ татарскаго погрома, дѣйствительно, люди разбѣгались. Такъ, Даніилъ видѣлъ въ синеволодскомъ монастырѣ *„множество бѣжащихъ отъ безбожныхъ татаръ“* [3]). Преданіе разсказываетъ, что почаевская лавра основана бѣжавшими печерскими иноками въ это же время [4]). Въ воскресенской лѣтописи сказано, что бѣжали отъ татаръ люди въ *„дальнія страны“* [5]).

Но Поднѣпровье не могло долго оставаться пустыней: оно изобиловало всѣми дарами природы; въ немъ было много дорогихъ преданій для разбѣжавшагося населенія,—и вотъ, какъ только буря стихла, люди собираются на старыя пепелища. Съ Михаиломъ возвратились въ Кіевъ *„людіе“* и *„еже бѣху разбѣглися на чюжей земли, пріидоша на свою землю“* [6]). Конечно, далеко не *вси пріидоша*: многіе остались въ мѣстахъ, болѣе защищенныхъ отъ татаръ. Возвратились тѣ, которымъ почему-либо дорога была родная земля. На первыхъ порахъ это было скудное населеніе, лишенное всякой силы, всякихъ сколько нибудь организованныхъ средствъ для борьбы съ татарами. Оно, видимо, мирилось съ своей судьбой, довольствуясь тѣмъ, что та-

---

1) Историч. пѣсни малорус. нар. I. 50.
2) Пис. Макс. къ Погод. Рус. бес. 25—26.
3) Ипатс. лѣт. 523.
4) Дашк. Княж. Дан. гал. 84—85.
5) Ibid.
6) Ibid.

таре появлялись только лишь въ видѣ незванныхъ гостей, отъ времени до времени. Но полагать надобно, что оно хорошо понимало свои интересы и находило власть татарскихъ баскаковъ для себя болѣе выгодной, чѣмъ княжескую власть. По крайней мѣрѣ, положительно извѣстно, что Даніилъ долженъ былъ силою подчинять своей власти жителей старинныхъ городовъ Кіевской земли: Взвягли, Чернятина, Сѣмоця, городовъ по Тетереву и вообще всего Побужья и Поднѣпровья. Это противодѣйствіе объясняется тѣмъ, что татаре не вмѣшивались во внутреннюю жизнь народныхъ общинъ, которыя предпочитали татарское насиліе насилію домашнему. Такъ, въ степяхъ Поднѣпровья, въ виду грознаго врага, закладывались основы новой жизни на старыхъ началахъ вѣчевой свободы, которая долгое время не была гарантирована ничѣмъ, кромѣ дани (татарщины). Мало-по-малу возрастало новое поколѣніе, для котораго народное самоуправленіе, безъ всякаго вмѣшательства княжеской власти, становилось потребностію жизни, а татарскіе набѣги казались уже менѣе страшными, потому что отъ нихъ можно было отбиться вооруженною рукою. Народнымъ общинамъ на кіевскомъ югѣ не доставало только внутренней организаціи. Въ первой половинѣ XIV в. и этотъ недостатокъ былъ устраненъ, когда въ Кіевской землѣ появились въ качествѣ завоевателей литовцы.

Нужно было такъ случиться, что новые завоеватели южнорусской земли сами поставлены были въ необходимость поддерживать и развивать въ ней военныя силы для борьбы съ крестоносцами, которые тѣснили литовское племя съ сѣвера. Право землевладѣнія литовскіе князья раздавали не только дружинникамъ, но и *свободнымъ землевладѣльцамъ*, а также *городскимъ* и *сельскимъ общинамъ* съ обязательствомъ военной службы, соразмѣрной съ количествомъ пожалованной земли [1]). Для насъ особенно важно то обстоятельство, что въ феодальной іерархіи, введенной литовцами, не позабыты были *свободные* землевладѣльцы вмѣстѣ съ *городскими* и *сельскими общинами*: эти послѣднія не переставали владѣть своими старинными землями, пользуясь правомъ вѣчеваго самоуправленія, котораго не коснулись, какъ извѣстно, и татаре. Такимъ образомъ, древній духъ вѣчевой свободы не угасалъ при смѣнѣ однихъ завоевателей другими. На Волыни и По-

[1]) Антон. Изслѣд. о крестьян. югоз. Р. 3—10.

лѣсьи, гдѣ преобладало дворянское сословіе, общинное землевладѣніе было слабо развито [1]). Напротивъ того, въ Поднѣпровьи общины пользовались значительною самостоятельностію [2]), отплачивая за это исполненіемъ военной службы, которая поддерживала въ населеніи бодрый духъ увѣренности въ собственныхъ силахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ привычку не полагаться на чужія силы. Удаленныя отъ центра княжеской власти и предоставленныя самимъ себѣ, народныя общины степной Украины приготовлялись выступить съ мужественной защитой своихъ правъ, которыя, по мѣрѣ сближенія Литвы съ Польшею, становились болѣе и болѣе шаткими.

Нельзя упускать изъ виду еще одного обстоятельства, которымъ сопровождалось литовское завоеваніе обширныхъ южнорусскихъ земель. Только съ того времени, когда появились въ нихъ литовцы, начало мало-по-малу измѣняться направленіе южнорусской колонизаціи не съ юга на сѣверъ, какъ было прежде, а съ сѣвера на югъ. Уже въ XIV в. произошло событіе, которое было вѣстникомъ возрожденія южной Руси Мы разумѣемъ побѣду, одержанную Ольгердомъ надъ татарами при Синихъ водахъ въ 1363 г. [3]) Ольгердъ преслѣдовалъ татаръ въ степяхъ, куда давно уже не проникало русское оружіе, и взялъ Херсонъ. Съ того времени крымская орда зависѣла отъ князей литовскихъ, которые около двухъ вѣковъ имѣли вліяніе на смѣну и выборъ хановъ [4]). Побѣда надъ татарами одержана была, конечно, не одними силами русскими: активной силой было въ ней литовское племя въ лицѣ своего даровитаго вождя, тѣмъ не менѣе послѣдствія ея для южной Руси были очень важныя. Какъ только пріобрѣтена была увѣренность, что татаръ не только можно отражать отъ своихъ жилищъ, но и побѣждать въ ихъ собственныхъ обиталищахъ, тотчасъ должно было явиться желаніе проникнуть дальше въ глубь степей съ тѣмъ, чтобы или населить новыя, никѣмъ не занятыя земли, или овладѣть землями, платившими дань татарамъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ

---

[1]) Антон. Изслѣд. о город. въ югозап. Р. 7.

[2]) Ibid.

[3]) Синія воды—рѣка, отдѣляющая бывшее воеводство Брацлавское отъ козаковъ запорожскихъ (Synow. Gedim. Stadn. прим. 57), можетъ быть, теперешняя Синюха, впадающая въ Бугъ на границѣ Херсон. и Под. губ.

[4]) Starożytn. Pols. III, 73.

Синеводской побѣды было занятіе Подольской земли братьями Каріатовичами (Юріемъ, Александромъ, Константиномъ и Өедоромъ). Подольская земля управлялась татарами посредствомъ атамановъ, которые собирали для нихъ дань. Братья Коріатовичи, съ согласія Ольгерда, вступили въ соглашеніе съ атаманами, построили нѣсколько укрѣпленій и начали защищать Подолье отъ татаръ [1]). Съ этого времени быстро подвигалась литовская колонизація въ опустошенныя татарами области русскія. Толпы колонистовъ направлялись изъ сѣверныхъ областей литовскихъ (отчиной Коріатовичей былъ Новогрудокъ литовскій), смѣшивались съ прежнимъ населеніемъ Украины и шли дальше по направленію къ татарскимъ границамъ. Къ стариннымъ обитателямъ степной Украины приливали такимъ образомъ новыя силы, которыя, благодаря литовской военной организаціи, постепенно раздвигали предѣлы литовскихъ владѣній. Ко второй половинѣ XV в. литовская Русь упиралась уже въ Черное море между Днѣстромъ, Бугомъ и Днѣпромъ, затѣмъ, начиная отъ Тавани, граница ея шла вверхъ, а оттуда на востокъ, до Донца. Татаре начали возвращаться къ быту пастушескому, а при Девлетъ-Гиреѣ появились среди нихъ даже задатки гражданскихъ стремленій, которыя ничѣмъ не грозили въ будущемъ южнорусскому населенію степей [2]).

Все измѣнилось съ того времени, какъ турки завоевали Константинополь (1453), и татаре приняли магометанство, сдѣлавшись данниками султана. Съ энергіей неофитовъ, подъ предводительствомъ воинственнаго Менгли-Гирея, они устремились на оставленныя ими земли и отбросили русско-литовскія силы назадъ. Скоро Хмельникъ и Винница сдѣлались форпостами, не безопасными отъ татаръ, дерзость которыхъ дошла до того, что въ 1482 г. Менгли-Гирей сжегъ Кіевъ, разграбилъ печерскій монастырь и погналъ кіевлянъ въ неволю. Татаре проникли даже въ глубь Литвы: въ лѣтописи Быховца есть извѣстія объ опустошительныхъ набѣгахъ татаръ на лѣвой сторонѣ Припети (1502, 1503, 1507 годы) [3]). Изъ реляціи Претвича, старосты замка Бара, видно, что не только на мѣстахъ, пограничныхъ съ Каневомъ, Черкасами и Бѣлой-церковью лежали пустыни, но даже около

---

[1]) Kron. Danilow. 49. Kron. Bychow. 19.

[2]) Правда 1868.

[3]) Kron. Litews. 72, 74, [illegible]

Львова, къ Люблину и Перемышлю [1]). Тогда-то, на смѣну прежней колонизаціи, которая велась соединенными силами народа и дворянства литовской Руси, выступила чисто народная колонизація. Въ началѣ XVI в. отъ Кіева внизъ по Днѣпру, а также по направленію къ Галичу, потянулась сторожевая линія, готовая помѣряться силами съ татарами. Она образовалась изъ мѣстнаго населенія, давно знакомаго съ опасностями боевой жизни. Это было *южнорусское козачество* [2]).

Такъ появилась на мѣсто княжеской Руси, погибшей съ паденіемъ Кіева, козацкая Русь, которая соединила въ себѣ вѣчевыя начала кіевской эпохи съ военной организаціей литовской эпохи. Какъ разъ къ этому времени начали появляться зловѣщіе признаки люблинской уніи. Польша сломила, наконецъ, литовское упорство и, въ союзѣ съ литовско-русскимъ дворянствомъ, употребляла всевозможныя усилія для того, чтобы прикрѣпить крестьянъ къ землѣ. Мы не будемъ исчислять тягостей крестьянскаго быта, наступившихъ вмѣстѣ съ торжествомъ польскихъ порядковъ въ южнорусскихъ земляхъ; ограничимся только общимъ замѣчаніемъ, что, съ появленіемъ козачества, крестьяне получили возможность фактически противодѣйствовать насилію помѣщиковъ не только бѣгствомъ въ козацкія дружины, но и вооруженной борьбой съ своими притѣснителями. Скоро завязалась эта кровавая борьба, о которой намъ нѣтъ надобности здѣсь разсказывать. Довольно для насъ вспомнить только, что главной сценой этой борьбы было Поднѣпровье, куда постоянно направлялись огромныя массы народа изъ Подлясской, Волынской и Галицкой земли. Составъ населенія правобережной Украины постоянно измѣнялся, особенно начиная съ XVII в. По мѣрѣ того, какъ разгоралась борьба съ Польшей, цѣлыя тысячи правобережныхъ жителей переселялись въ лѣвобережную Украину. Лучшимъ убѣжищемъ для нихъ были степи къ востоку отъ Днѣпра (въ Курс. и Воронежс. губ). Русское правительство охотно давало земли убѣгавшимъ козакамъ, а въ послѣдствіи образовало изъ нихъ новое пограничное войско (слободскіе полки). Наступило печальное

[1]) Правда 1868. Кул. Ист. Укр. 117.

[2]) Въ первый разъ упоминается о козакахъ въ 1499 г. въ грамотѣ Александра кіевскимъ мѣщанамъ, которыхъ онъ увольняетъ отъ мыта съ тѣмъ, чтобы мыто плотили *козаки*, которые привозятъ рыбу.

время *великой руины*, когда на правомъ берегу Днѣпра путешественникъ современникъ видѣлъ *„на розныхъ мѣстцахъ много костей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ, тилько небо покровъ себѣ имущихъ“*, и поболѣлъ онъ сердцемъ и душею *„яко красная и всякими благами преже изобиловавшая земля и отчизна наша Украино-малороссійская во область пустынѣ Богомъ оставленна и насельницы ея, славные предки наши, безвѣстни явишася“* [1]). Въ XVIII в. на этой руинѣ явилось новое населеніе изъ смѣси оставшихся жителей съ новыми выходцами, которые не нашли въ лѣвобережной Украинѣ того, чего искали, или же бѣжали старыми, знакомыми путями изъ внутреннихъ областей Речи Посполитой. Такъ, до самаго конца козацкой исторіи, изъ края въ край передвигалось южнорусское населеніе, не находя для себя исхода въ борьбѣ, которая начата была съ лучшими надеждами.

Въ концѣ XVIII в. начали заселяться выходцами изъ правобережной и лѣвобережной Украины Новороссійскія степи, *дике поле*, по выраженію запорожцевъ. Туда направлялись народныя массы послѣ того, какъ кровавая драма была разыграна, и даже въ первой половинѣ XIX в., когда самыя воспоминанія объ ней начали угасать въ народѣ. Въ настоящее время только отрывки этихъ воспоминаній сохранились въ историческихъ думахъ. Для насъ важно опредѣлить степень древности думъ, особенно со стороны языка, на которомъ онѣ сложены.

Самыя древнія украинскія думы разсказываютъ намъ о татарскихъ набѣгахъ, татарской неволѣ, о борьбѣ козаковъ съ татарами. Эта тема связываетъ думы съ преданіями литовской эпохи, когда, на смѣну Печенѣговъ и Половцевъ, въ кіевской землѣ явились татаре. Судя по содержанію „Слова о полку Игоревѣ“, можно съ увѣренностію сказать, что украинскія думы составляютъ продолженіе пѣснопѣній кіевской эпохи, только въ думахъ князья-герои уступили свое мѣсто козакамъ-героямъ, Половцы—татарамъ. Дружинная поэзія стараго времени, подъ вліяніемъ указанныхъ нами переворотовъ въ народной жизни, переродилась въ поэзію всенародную, которая въ центрѣ дѣйствія поставила тоже дружину, но уже свою, народно-козацкую, а не княжескую. Какъ только сознанъ былъ въ козакѣ идеалъ народной

---

[1]) Лѣтоп. Сам. Велич. т. I, стр. 6.

жизни, тотчасъ преданія о герояхъ прежней эпохи оказались ненужными. Объ нихъ еще можно было-бы вспомнить, если бы ничто не тревожило народнаго усыпленія. Но мы видѣли, какъ были напряжены народныя силы въ борьбѣ за существованіе, какъ шибко бился пульсъ народной жизни, и потому ничего нѣтъ удивительнаго, что на берегахъ Днѣпра забыты тѣ событія, которыя происходили тамъ раньше козацкой эпохи. Народная память немного сохранила преданій даже о литовской эпохѣ, и только воспѣта въ думахъ козацкая эпоха, когда на первомъ планѣ стоялъ уже самъ народъ въ идеальной обстановкѣ *лицаря-козака*, протестующаго противъ всякаго насилія. Вотъ почему думы, какъ эпосъ собственно козацкій, слагались въ то же время, какъ слагалось и самое козачество. Это поэзія *новой* эпохи, хотя корни ея лежатъ въ отдаленныхъ преданіяхъ кіевской старины. Это въ полномъ смыслѣ слова историческій эпосъ, поэтическая лѣтопись народной жизни, чуждая сказочныхъ, фантастическихъ преувеличеній, простая и реальная во всѣхъ своихъ подробностяхъ [1]).

Такъ же новъ и поэтическій стихъ, которымъ изложена эта лѣтопись. Извѣстно, что въ составъ древняго эпическаго стиха, распространеннаго у другихъ славянскихъ народовъ, входило десять слоговъ съ двумя удареніями. Размѣръ этотъ выдержанъ въ украинскихъ и особенно галицкихъ колядкахъ, которыя, конечно, древнѣе думъ. Стихи въ думахъ рѣзко различаются между собою неодинаковымъ количествомъ слоговъ: есть стихи многосложные, заключающіе въ себѣ около 30 слоговъ, есть также пятисложные, даже трехсложные. Размѣръ думъ основанъ на внутренней потребности мысли оттѣнить въ каждомъ стихѣ вполнѣ отдѣльную часть ея: гармонія звука вытекаетъ изъ вну-

[1]) Въ первый разъ упоминается о думахъ въ анналахъ Сарницкаго подъ 1506 г.: „per idem tempus duo Strusii fratres, adolescentes strenui et bellicosi, a Valachis opressi occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiae, quas *dumas* Russi vocant, canuntur, voce lugubri et gestu canentium se in utramque partem motantium, id, quod canitur, exprimentes; quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit. (Dlugosz. Лейпц. изд. XVIII в. t. II. col. 1198). Такимъ образомъ, первое извѣстіе о думахъ почти совпадаетъ съ первымъ извѣстіемъ о появленіи козачества, хотя, конечно, и козачество, и думы явились прежде, чѣмъ названія ихъ попали на страницы актовъ и анналовъ.

тренней гармоніи мысли, что и даетъ думамъ право на ихъ названіе. Это именно *думы*, сознательные акты мысли, облеченные въ поэтическую форму воспоминаній о прошедшемъ, которое не настолько отдѣлилось отъ пѣвца, чтобы можно было говорить о немъ вполнѣ безстрастно, въ спокойно-размѣренной формѣ традиціоннаго эпическаго стиха. Пѣвецъ, слагатель думы, самъ былъ очевидцемъ и, можетъ быть, участникомъ совершившихся событій: оттого-то эпическій тонъ думы часто переходитъ въ лирическій и драматическій. Безконечныя степи, разстилавшіяся предъ глазами козака, вызывали въ его душѣ печальный образъ родины, за которую его отцы и братья слагали свои головы въ безплодной борьбѣ: отсюда печальный тонъ думы, умѣряемый только надеждою на славу, которая *„не вмре, не поляже"*, которая загремитъ *„поміж лицарями, поміж добрими молодцями"*.

Итакъ, въ думахъ все ново: и содержаніе, и стихъ, и міросозерцаніе, и тонъ. Можно-ли считать послѣ этого языкъ думъ древнимъ? Мы не сомнѣваемся въ томъ, что этотъ языкъ образовался изъ древнихъ элементовъ, но они никогда не могли сохранить своего первобытнаго вида въ томъ краѣ, на которомъ исторія оставила глубокіе слѣды потрясеній. Не одно нашествіе монголовъ, какъ обыкновенно думаютъ, содѣйствовало обособленію малорусскаго нарѣчія. Еще до монголовъ, какъ мы видѣли, оно уже отдѣлилось отъ общерусской первоосновы,—затѣмъ, завоеваніе монгольское и литовское тоже не прошло безслѣдно для дальнѣйшаго перестроя древне-малорусскихъ элементовъ рѣчи. Но всѣ эти событія подавляли народную самодѣятельность: они могли только содѣйствовать начавшемуся обособленію рѣчи, а довести эту рѣчь до типически-цѣльной и вполнѣ законченной нормы не могли. Нужно было самому народу выступить на первый планъ дѣйствія. Явилось козачество. Оно сосредоточило въ себѣ передовую и въ то же время притягательную силу. Оно привлекло къ себѣ народныя массы изъ всѣхъ земель южнорусскихъ. Въ немъ смѣшались всѣ слои южнорусскаго населенія, которое въ эпоху Хмельницкаго, выступило, какъ взволнованное море, изъ своихъ береговъ [1]).

---

[1]) Въ лѣтописи Самовидца есть указанія на то, что при Хмельницкомъ козацкое движеніе проникло въ такія земли, гдѣ козаковъ прежде совсѣмъ не было: были у него, кромѣ другихъ полковъ, *„полкъ Животовскій, бо тамъ козацтво звалося ажъ и по за Днѣстромъ коло Галича....*

Одушевленіе овладѣло всею громадою народа, до самой ея глубины, вмѣстѣ съ тѣмъ возрасло и поэтическое вдохновеніе, плодомъ котораго были думы. А поэтическое творчество, какъ извѣстно, ведетъ за собою творчество въ языкѣ, и потому-то языкъ думъ, не смотря на всю древнюю основу, есть новый языкъ. Въ немъ достигло малорусское нарѣчіе той нормы, которая составляетъ характеристику собственно украинскаго говора, чуждаго звуковыхъ архаизмовъ, свойственныхъ другимъ малорусскимъ говорамъ [1]).

Подъ вліяніемъ образцоваго языка думъ установился украинскій говоръ, который, сравнительно съ другими малорусскими говорами, не представляетъ отклоненій даже къ средней стадіи малорусскаго нарѣчія. Это вполнѣ цѣльный и строго выдержанный говоръ съ весьма незначительными звуковыми колебаніями и разнорѣчіями. Онъ раздается на всемъ югѣ Россіи отъ Черноморья до южнаго Буга. Его вліянію подчиняются другіе малорусскіе говоры: „ще до сей поры, говоритъ Головацкій, въ декоторыхъ сторонахъ (Галиціи) уважаютъ въ народѣ украинское нарѣчіе буцѣмъ красче, благороднѣйше“. „Вмѣстѣ съ думами оно давно расширилось по всей Ґаличчинѣ; самû Горяне (Гуцулы, Верховинцѣ, Бойки, Лемки) спѣваютъ пѣснѣ украинского похоженья (козацькіи) по тамошнему выговору, коли тымчасомъ въ лиричныхъ спѣванкахъ и въ обрядовыхъ пѣсняхъ заховуютъ свое помѣстне нарѣчіе“ [2]). Само собою разумѣется, что думы, записанныя въ области сѣвернаго малорусскаго, а также галицкаго говора, далеко не чужды звуковыхъ особенностей, характеризующихъ мѣстные говоры, но уже самое стремленіе пѣть думы по украинскому говору указываетъ на происхожденіе думъ, стоящихъ въ неразрывной связи съ образованіемъ украинскаго говора.

Полкъ Черниговскій со всею Сѣверью ажъ по Гомель, и Дроковъ, и Мѣлинъ.... У Овручомъ особливый полковникъ зоставалъ, до которагю усе Полѣся належало“ (Лѣт. Сам. 14).

[1]) Мы не упоминаемъ объ архаизмахъ, сближающихъ малорусское нарѣчіе съ древнеславянскимъ, потому что они стоятъ по ту сторону исторической черты, до которой мы предположили дойти въ своемъ изслѣдованіи. Въ своемъ мѣстѣ мы останавливались на архаизмахъ этого рода собственно для опредѣленія относительной древности тѣхъ или другихъ явленій малорусскаго нарѣчія.

[2]) Голов. Розпр. о яз. южнорус. 42, 39.

Для полноты обзора напомнимъ главныя звуковыя особенности украинскаго говора, характеризующія третью эпоху въ развитіи малорусскаго нарѣчія. Это а) господство звука *i* изъ *о*, *е*, а также вмѣсто *ѣ*, б) среднее *и* вмѣсто основныхъ *и*, *ы*, в) смягченно-удвоенные согласные, г) преобладаніе твердыхъ согласныхъ, д) количественное паденіе согласныхъ въ видѣ звучности ихъ на концѣ словъ и предъ отзвучными. Нѣкоторыя изъ этихъ особенностей возникли на почвѣ украинскаго говора (среднее *и*, смягченно-удвоенные согласные), другія на общей почвѣ малорусскаго нарѣчія, въ первую эпоху отдѣленія его отъ великорусской вѣтви, даже на общей почвѣ русскаго праязыка,—но только въ украинскомъ говорѣ онѣ достигли самыхъ крайнихъ предѣловъ своего развитія, поэтому мы вставили ихъ въ характеристику украинскаго говора.

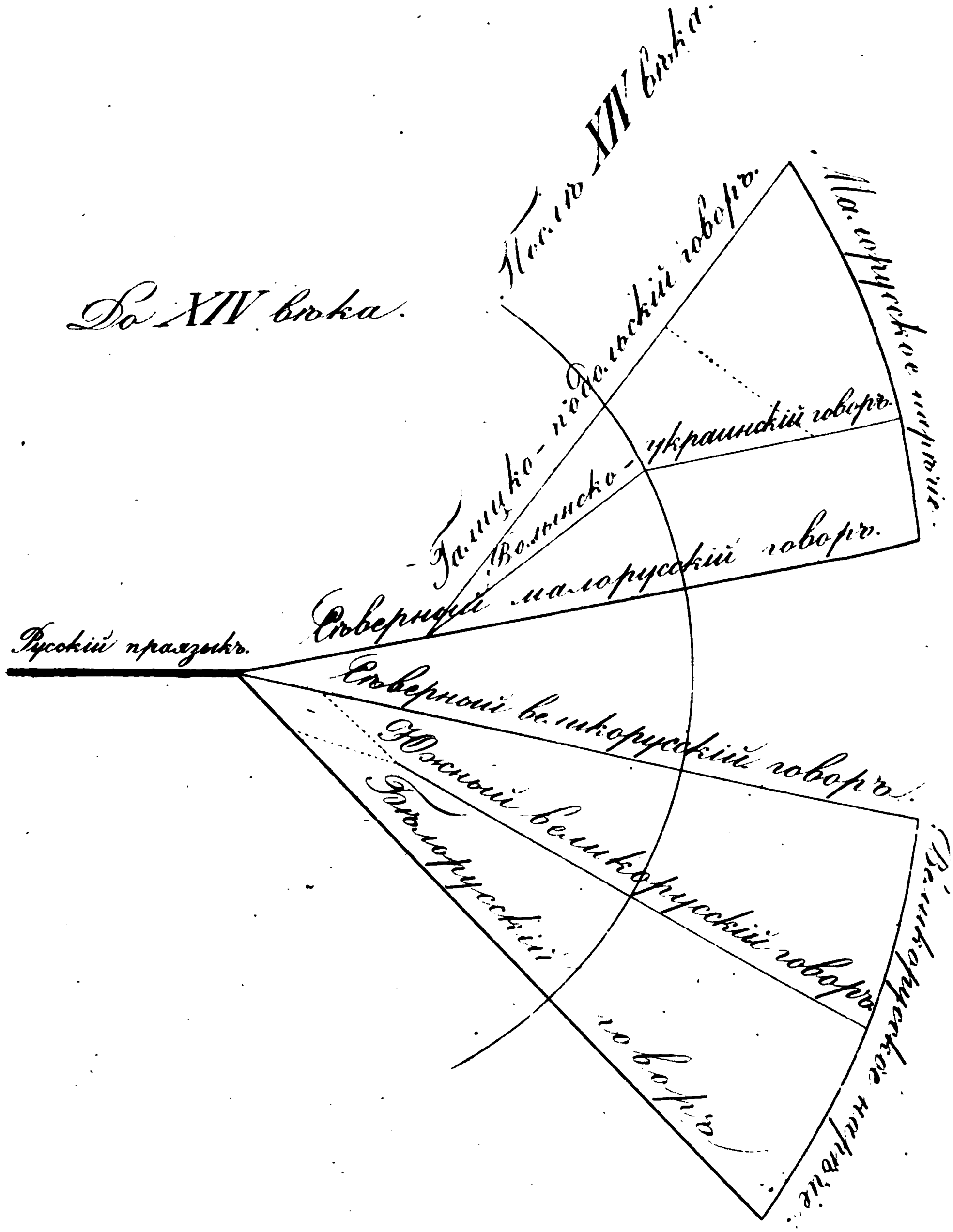
Нужно сказать, что въ южнорусской письменности полнѣе выразились болѣе давнія черты малорусскаго нарѣчія, чѣмъ позднѣйшія, не смотря на то, что южнорусская литература козацкой эпохи не чуждалась текущихъ вопросовъ дня, которые она часто рѣшала съ полемическимъ увлеченіемъ. Даже лѣтописцы XVII в., возвышавшіеся иногда до патріотическаго одушевленія, проникнутаго глубокою скорбію о бѣдствіяхъ родной земли, немного обронили (по крайней мѣрѣ въ звуковомъ отношеніи) примѣтъ, по которымъ можно было бы узнать позднѣйшія звуковыя особенности народной рѣчи. На это были свои причины, заключавшіяся въ неблагопріятныхъ условіяхъ литературнаго труда на югѣ Россіи въ XVI—XVII в. Долгій перерывъ литературныхъ преданій поставилъ южнорусскихъ писателей въ необходимость держаться такихъ литературныхъ образцевъ, которые не имѣли ничего общаго съ народною рѣчью. Вокругъ нихъ волновалась и кипѣла живая дѣйствительность, событія быстро смѣнялись одни другими и не давали никакой возможности сосредоточиться для творческаго труда надъ самимъ языкомъ: бралось первое попавшееся слово, чтобы загородить имъ уста противниковъ. Вотъ почему такъ неохотно отступали южнорусскіе писатели отъ образцевъ славянской рѣчи: въ ней они видѣли *готовое* орудіе для борьбы съ врагами, у которыхъ тоже было готовое орудіе (языки польскій и латинскій). „*Сказую вамъ тайну великую,* пишетъ Іоаннъ Вишенскій, *яко діаволъ толикую завистъ имаетъ на словенскій языкъ, же ледво живъ отъ гнѣва; радъ бы его до щеты погубилъ, и всю борбу свою на тое двигнулъ, да его обмерзитъ*

и въ огиду и ненависть приведетъ.... За неже есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій" [1]). Но было поздо бросать сѣмена славянства въ ту почву, которая заключала въ себѣ собственныя сѣмена духовнаго развитія. Защищая народное дѣло не народнымъ словомъ, просвѣщенные южноруссы, незамѣтно для самихъ себя, подкапывались подъ собственный свой трудъ, и потому онъ не пустилъ корней въ сознаніи народа, не нашелъ въ немъ своей поддержки. Народъ остался безъ свѣта знанія и науки, съ одними своими думами про свою тяжелую долю. Зато думы эти, изъятыя отъ всякихъ случайностей ежедневнаго употребленія, высоко стояли надъ уровнемъ обыкновеннаго слова, предохраняя его отъ измельчанія и разложенія.

Въ заключеніе предлагаемъ опытъ графическаго изображенія исторической судьбы русскихъ нарѣчій. Полукругъ, перерѣзывающій прямыя линіи, означаетъ хронологическую границу, опредѣляющую выдѣленіе главныхъ говоровъ; точки, соединяющія линіи, указываютъ на взаимный обмѣнъ населенія. Считаемъ неизлишнимъ замѣтить, что мы хотѣли выразить этимъ чертежемъ сущность дѣла, насколько его понимаемъ, а не подробности, изложенныя въ самомъ текстѣ.

---

[1]) Ак. Ю. и З. Р. т. II, 210.


До XIV вѣка.
Послѣ XIV вѣка.
Русскій праязыкъ.
Сѣверной малорусскій говоръ.
Галицко-подольскій говоръ.
Волынско-украинскій говоръ.
Малорусское нарѣчіе.
Сѣверной великорусскій говоръ.
Южный великорусскій говоръ.
Бѣлорусскій говоръ.
Великорусское нарѣчіе.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I

ОБРАЗЦЫ

НАРОДНЫХЪ ГОВОРОВЪ МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

Сѣдлецкія разнорѣчія

уѣздовъ Бѣльскаго, Константиновскаго и Радинскаго.

Сѣдлецкія разнорѣчія однородны съ подляскими, только звуковыя особенности ихъ архаичнѣе подлясскихъ и не уступятъ имъ въ разнообразіи, чѣмъ и объясняется выборъ сѣдлецкихъ разнорѣчій для характеристики всего сѣверкаго малорусскаго говора. Русское населеніе въ Сѣдлецкой губерніи простирается до 130 тысячъ: оно расположено въ той части ея, которая граничитъ съ губерніями Гродненской и Волынской. Сѣдлецкая Русь, безъ сомнѣнія, есть остатокъ надвислянской Руси, которая путемъ колонизаціи распространилась въ этихъ краяхъ еще при кіевскихъ и затѣмъ галицко-волынскихъ князьяхъ (см. историч. очеркъ Подлясья стр. 273-276). Доказательства, что земля Люблинская и значительная часть Сандомірской издавна заселена была русинами, представлены у Зубрицкаго въ Критико-исторической повѣсти о Галиц. Руси, стр. 54—62.

Кошолы (Бѣльс. у.) [1].

А в садỏньку віноград,
А там паны радят раду.

---

[1]) Въ транскрипціи образцевъ малорусскаго нарѣчія мы воспользовались системой правописанія, предложенной Кіевскимъ отдѣломъ Импер. геогр.

Сталі раду радіті:
Кого до вуо̄йська взяті?
Не беріе̄мо богача:
Буде пану докучàті;
Не беріе̄мо сіроту:
Позбудю̀мся клопоту.
Ніхто в саду не бывав,
Ніхто рады не чував,
Старша сестра почулà,
Зараз брату сказалà.
А в недіельку ранò
Брат чàбу̀ткі обував:
Одін чобут у руціе̄,
Другі чобут на нозіе,
А вже солтыс на двурціе.
Брат із хаты та й пуд струо̄п,
Накрыв ёго жітні снӯоп,
Скоро снопа одняли,
Зараз брата пойнялі.
Ведут ёго до панà,
Болiт ёго головà.
І прівѐлі пуд ганок:
„Сядай, сядай, ка хаǹок!“
Посаділі на столку,
Стрігут ёму головку;

общества для собиранія свѣдѣній по народному языку (см. Прогр. этногр. стр. 33—45).

Въ образцахъ сѣдлецкихъ разнорѣчій мы разставили, гдѣ слѣдуетъ, ударенія, такъ какъ они очень важны для характеристики дифтонговъ.

Для выраженія двоегласія, вмѣсто обычной кавычки ⁀, мы ставимъ черту надъ тѣмъ гласнымъ, который преобладаетъ въ дифтонгахъ: *уо̄*, *ӯо*, *іе̄*, *і̄е*.

Букву *е* читать нужно по украинскому говору, какъ великорусское *э*.

Буква *і* вездѣ смягчаетъ предшествующій согласный звукъ, только въ началѣ словъ она произносится безъ іоты.

Посаділі на коня,
Обірают за круля.
Далі ёму опанчу,
А брат каже: „не хочу!"
Далі ёму черевік,
Брат до того не прівык.
Далі ёму палаша,
Уже Пуольша не нашà.

—

У полю кріниця—зімная водіця,
Усіє хлопці добры, один лядачніця:
Пиє в корчміє, гуляє, дієвку намовляє:
„Поєдь, дієвко, з намі, намі уланамі,
Лієпі тобіє буде, як у твоєй мамы.
Бо у твейі мамы сорочкі латаны,
У нас будеш ходіті—шовком вышіваны;
Бо у твейі мамы ліповыйі лічка,
У нас будеш ходіті в жовтых черевічках".
Дурна дієвча стала, стала—подумàла,
Стала подумàла, сієла поєхàла.
Прівелі дєвчіну пуд глыбоку воду:
—„Верніся, дєвчіно, до своёго роду!"
—„Уже не вернуся, лієпі утоплюся,
Бо вже в свого роду встыду наберуся."
Ізлієзла дєвчіна, сосны полічыла,
Вчепілі дєвчіну до сосны плечіма,
Выкресалі оѓню с сінёго кремèня,
Запалілі сосну з верху до корèня.
Сосна погарає, дієвча розмовляє:
—«Хто в бору ночує, нехай голос чує,
А хто дочкі має, нехай научає,
Нехай з уланамі в корчму не пускає!"

—

Ой чія то черешèнька,
Ой чія то вішня:
Ой чія то дьєвчінòнька (sic)

На уліцю выйшла?
Ковалёва черешѐнька.
Ковалёва вішня:
Ковалёва дьєвчінѐнька
До шіночку выйшла.
Ой мамулю—мамулѐньку!
Люблят мене хлопці:
Дают бо мніє по таляру,
Жіта по коробці.
Ой мамулю—мамулѐньку!
Люблят мене Ляшкі,
Дают бо мніє горієлонькі
З зеленойі фляшкі.
Ой мамулю—мамулѐньку!
Люблят мене москаліє,
Дают бо мніє горієлонькі,
На закуску сухаріє.
Свієтіт міесяц, свієтіт міесяц,
Бо вже ізмінівся,
Крівы йшов у залёты,
А сліпы дівівся.

—

Ой як я буду с Кошолув мандроваті,
То скажу себіє черевічкі коваті.
Ой єдін кує, а другі ся дівує:
Ой куда-ж тая дьєвчіна помандрує?
Як вымандрую у галненькѐє [1]) поле,
Не єдён скаже: „верніся, серце моє!"
Замандровала у гай зелёненькі,
Ой аж там ходіт поповіч молоденькі.
—„Ці ты, дьєвчіно, із тутейшого краю?
Ой выведь мене з зелёненького гаю!"
„Хоч я дьєвчіна із тутейшого краю,
Ой такі ж бо я дороженькі не знаю!"

---

[1]) Открытое.

Поповіч каже: „моя дьєвчіна буде!“
Вдовін сын каже: „хіба мене не буде!“

(Записаны въ Кошолахъ отъ Мароы Назаревичъ. Кошольское разнорѣчіе слышно въ деревняхъ: *Любоньктъ*, *Ломазахъ*, *Студянктъ*, *Дудуковтъ*).

—

Хотычи (Констант. у.)

Гоя моя, гоя! Нещасная доля!
Заорала дïевчінöнька мысленькàмі поле.
Дала маті дочку далеко от себе,
Наказала юой бываті през сіем лïет у сèбе.
Дочка не стерпіела, въ рочок прілетіела,
Кінулася зазулею, на каліні сіела;
Почала коваті, ремненько плакàті,
Аж ся сталі калінові лугі розлягаті.
Вышла маті з хаты зазулі слухàті,
Спогануля своє дïетя, начала плакàті:
„Если-сь дïетя моє, прошу тя до хаты.
Если-сь раба зазуленька, іді на лïес коваті.“
Вышол брат із хаты, зазулі стреляті:
—„Ой не стреляй, муой сыноньку, просі єй до хаты!“
—„Если-сь сестра мöя, прошу тя до хаты,
Если-сь раба зазуленька, іді на лïес коваті.“

—

З плугом іду, коня веду, розвівайся, луже!
—„Сватай мене, козачèньку, люблю тебе дуже!“
—„Же-б ты была, дïевчіонька, троха богатенька,
Взял бы тебе за ручèньку, завюол до батенька!“
—„Же-б я была, козачèньку, троха богатенька,
Яб о тебе не стояла й о твого батенька!“
—Ой тогды ты, дïевчінöнько, тогды за-муж выйдеш,
Як пред млыном на дорозі яра рута зыде.“
—„Ой тогды ты, козачèньку, тогды оженыся,
Як у млыні, на камèні конкуоль (sic) уродітся.“
Перед млыном на дорозі яра рута зышла,

Молодая молодіця уже за-муж вышла.
А у млыні, на камѐні конкуоль не вроділся:
Ще й стàрый козачіще, ще не оженівся.

—

Вієют вієтры, віеют буйны, аж тополі гнутся:
Ой як мене (sic) боліт серце, самы слёзы льются.
Трачу ліета в лютуом горе і кунця не бачу,
Только мніе лекше стане, як троха поплачу.
Не помогут слёзы щастю, серцу лекше буде,
Хто щаслів был хоч часочок, во віек не забуде.
Есть і люде, што і моеій завідуют долі,
Найщаслівша та білінка, што росте у полю.
Тяжко быті в чістуом полю без воды на слоньцю,
Так і тяжко без мілого на чужуой сторонці.
Без мілого долі нема, стане свіет турмою,
Без мілого нема щастя і нема покою.
Де ты, мілый, чорнобрівый, де ты, одозвіся!
Як без тебе я горую, прыді, подівіся.
До кого я прігорнуся і хто пріголубіт,
Колі нема тутай того, якій мене любіт.
Полетіела б я до тебе, но крылец не маю,
Сохну-чахну я без тебе, цёнгле уміраю.

(Записаны въ *Хотичахъ* отъ Анны Гороховской. Разнорѣчіе это слышно также въ деревняхъ: *Сильвонки*, *Ловахъ*, *Мостовомъ*).

Воинъ (Радинс. у.).

Выезділ коніка, выеєділ вроного,
Скажі, дівчіно (sic), цы буде што с того.
Цы буде што с того, цы-лі ніе,
Скажі, дівчіно, правду мніе!
—„Скажу я ті правду прі твёму (sic) роду:
Ежлі мене береш, бері ж без заводу.
В мене посагу не буде,
Возмут мене добрыйі люде.
Тераз мніе кажеш: „ясная зоронько!“
Потом мніе скажеш: „нещасна доленько!“
Хоч ты не скажеш, то маті:

«Было убогойі не браті.“
—„Мнiє того посагу не барзо потреба,
Ой даст же нам пан буог з высового неба:
Ты в мене посаг самая,
Як зора на небі ясная!“

—

А в Марусі хата на помоcцi
До Марусі наєхалі госцi;
А Маруся хорая лежала,
Чорною лентою голову звязала.
Пріехало два козакі з Русі,
Развязалі голову Марусі.
Едён мовіт: „цы любіш ты мене?“
Другій мовіт: „цы пуойдеш за мене?“
„Котрый мнiє трі-зiлє достане,
Тон (sic) зо мною до шлюбоньку стане“:
Одозвався козак молоденькій:
—„Ой я маю трі коні на стайні:
Едён конік, як голуб сівенькій,
Другі конік, як лебедь біеленькій,
Третій конік, як кручок сівенькій.
На біелум Пуольшу переєду,
А на чорнум Дунай переплыну,
А на сівум трі-зiлє достану.“
Везе козак Марусі трі-зiєле (sic),
А Маруся іде із весiєлє,
Взял козак Марусю у лівую ручку,
А шабельку у правую ручку:
—„На то тобіе, Марусю, трі—зiєлє“,
Аж Марусі головка злетiєла,
Ото тобіе, Марусю, трі—зiєлє,
Не посылай козака по зiєлє.

—

Захотiєла мати сына ожениті,
Але не хотiєла невісты любіті.
Выслала сыніску въ далеку дорогу,

Выслала невісту выбіраті лёну.
І въ суботу рано лёну не дорвала,
Зараз на тум полю нўочку ночовала.
А в недієлю рвала, лёну не дорвала,
Зараз на тум полю тополею стала.
Пріехалъ сыніско з далекой дорогі,
З далекой дорогі, пал матулі въ ногі.
—„Матулю-матулю! Де ж моя мілая,
Де ж моя мілая, голупка сівая?"
—„Будай твоя міла на світі (sic) не жіла,
Цо я наваріла, то вона не хтієла".
—„Пўольщу-м переехал, морем переплынул,
Такейі тополі на світі-м не бачіл".
—„Весь (sic) сыну, сокієрку, зотні ту тополю,
Зотні ту тополю, цо на нашум полю".
Взял сынов сокієрку і цякнул йіе раз—слёзы оптірае,
Цях йіе другій раз—вона ся скланяе,
Цях йіе третій раз—слўовко премувляе:
—„Не тні мене, мілый, я твоя мілая,
Я твоя мілая, голупка сівая,
Бодай твоя маті на світі не жіла,
Же нас молоденькіх с пары розлучіла!"

(Записаны въ посадѣ *Воинъ* отъ Марьи Масловской. Разнорѣчіе это отъ предыдущаго отличается, главнымъ образомъ, частымъ превращеніемъ іе въ і въ слогахъ неударяемыхъ).

Пашенки (Радинс у.).

Маті дочку дае
І так научае:
Доню моя, доню,
Доню молодая!
Будь у мене въ сім літ гостем.
Доня не втерпіла,
У рўэк пріле́тіла,
Перекінулася рабой зозуленькой,
В каліновум луві сіла,
І стала коваті,

Стала щебетаті,
Аж ся сталі лугі
З велікойі тугі,
Каліна розвіваті;
Выйшла до ейі маті,
Стала на порові,
Вылівала вона по своюм дітяті
Друбненькійі слёзы.
„—Слесь [1]), моє дітяткò,
То прошу до хаті,
Слесь зозуленька, рабая, маленька,
У вішнёвы сад коваті."

(Записана въ *Пашенкъ*. Такое же разнорѣчіе господствуетъ въ селеніяхъ: *Яблонь, Гусь, Радче*. Характеристическая особенность его— дифтонгъ ӯэ вм. ӯо, но, очевидно, оно родственно разнорѣчіямъ *Хотыча и Воина)*.

Кленовица (Конст. у.).

Ой поорано, ой посіяно, нèма кòму позбыраты,
Ой обыцявся нам пан а рекрутув не даты.
А в неділèньку і пораненьку вже рекрутув побрàно,
Ой і побрано і пòвйазано все до купы по пароньці,
Ой сыдят, сыдят і выглядают, як сывыйі голубоньки.
Ой знаты, знаты тыйі рыбы-щукы й а поміж щупàкамы:
Ой знаты, знаты ойцовськыйі сыны й а поміж бурлакàмы.
Тыйі бурлаченькы собійі веселенькы то й по рыночку скачут:
Ойцовськыйі сыны смутны, невесèлы та й до домоньку плачут.
Вііте, орлòнькы, вііте, чернусенькы, пудобітеся пуд гору,
Ой вііте, хлопці, красны молодці, повернітеся до дому.
Ой заржалы сывы коныкы пуд крутую гору йдучы:
Ой заплакалы дьйівкы, молодыці й а за рекрутамы йдучы.
Як прыступыло турецькоє вӯийсько, як зачало воєваты,
Ой як зачало оловйаны кулі так, як у органы, граты.
Як утрапыла оловйана куля й у щырое серденько,
Мушу уміраты, увсё покыдаты, жӯинку і дьйітки маленькы.

—

[1]) Если.

—„Чого, муй батеньку, так ранюсенько встаєш,
Так ранюсенько встаєш, коныкам обрюок даєш“?
—„Для тебе, муй сыньньку, для твого вырадоньку:
Пойідем воёваты, свытёлкы будоваты.
Вуйныці не звоюєм, свытёлкы не збудуєм:
Понесем головоньку в чужую сторонньку,
Понесем свойі рукы на турецькыйі мукы,
Понесем свойі плечі на турецькыйі мечі,
Понесем свойі ногы на козацькы порогы.
Нема ж сына рочок, нема сына вже й два,
На третій наступає, вже мій сын прыйіжджає,
Ой веде штырі коні, сам на пиятум йіде,
Прыйіхав до Дунаю, до глыбокого краю,
А ще куинь не напывся, вже сам вуин утопывся.

—

А у полю верба, пуд вербою вода,
Ой там брала дьйівка воду—хороша й молода.
Дьйівка воду берè, козак коня веде:
Пытаєтьця козак дьйівкы, де тая дорога йде?
Іде тая дорогà пуд новыйі воротà,
Пуд новыйі воротèчка, де вуийсько становытьця.
Становйітеся хлопці, становйітеся мойі,
Заспівайте тую пісню—сподобалася мні:
„По садоньку ходжу, черешèньку саджу:
Ой подобно-сь, паніматко, неженёны ходжу“.....

(Записаны въ *Кленовицахъ* отъ Анны Мыць. Разнорѣчіе это слышно также въ *Чвлегиницѣ, Голодницѣ*).

Пещацъ (Бѣльс. у.).

Пошлы дывонькі (sic) по воду,
Спустылы ведро до лёду;
Плывіте, відерця, кàменём,
Я за тобою явором.
Ой найіхалы хлопці—лёпці,
Сталы дерево рубаты,
Сталы дерево рубаты,
Сталы дывонькі плакаты:

—„Ой мойі же віте хлопці—лёпці!
Ой не рубайте дѐрева,
Ой не рубайте дѐрева—зеленого явора:
Ой бо ёго потреба
Золотыйі ключі вішаты,
Золотыйі ключі вішаты,
Свого мылого тішыты.“

(Записана въ *Пещацѣ* отъ Параск. Чернявской).

Желевше (Бѣльс. у.).

Коло Дунайку блызько крайку—
Тыхая вода Донагаёва,
Ой там Марыся біль былыла (sic)
Тыхая вода и проч. (повторяется послѣ каждаго стиха).
Ой біль былыла, ручѐньку мыла,
Йійі матюнка до дому клыче:
—„Ходы, Марысю, до дòмоньку,
Прышлы до тебе добрыйі люды,
Добрыйі люды—тры дывошубы:
Першыйі люды теребеськыйі,
Другыйі люды—яблочаньськыйі,
Третійі люды—тутейшыйі.
Тым теребеськым склоныласея,
Тым Яблочаньськым отвіт дала,
А тым тутейшым—сама молода,
Сама молода, як ягода,
Йійі лыченько, як яблыченько.

—

Поставлю свіченьку протыв місяця,
Не буде свіченька, як ясный місяць.
А вода йде, а вода по каменю, а вода по білому стыха йде.
(Повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ).
Поставлю свекорка протыв батенька,
Не буде свекорко, як рюідный батенько.
Поставлю свекруху протыв матюнкы,
Не буде свекруха, як рюідна матюнка.

—

Скопаю я долыноньку, посію я росадоньку,
По холоді—воді, по стюдянуй (sic) росі;
(Повторяется послѣ каждаго стиха).
Як посію, так ізыйде,
Як ізыйде, так выросте,
Як выросте, так созріє,
Як созріє, так выщыпну.

—

(Разнорѣчіе это слышно также въ селеніяхъ: *Поросли*, *Шостаки*, *Яблочна*, *Сугры*).

У славного тестенька
Стоїть зятенько перед вороты:
Знать віте ёго не любыте,
Що віте ёго ны (sic) впустыте.
У нас ны любув ны чуваты:
Все сыны отецькыйі.
На йіх шопуньці (sic) шляхецькыйі;
Сватове не стыйте,
Муравоньку дупчіте (sic)
Нужкамы і жовтымы чобуткамы.

—

Склоны на стіил гуловку,
Нех ті рустчёще (sic) братык косоньку,
Нех повыплытає єдвобны шнурочкы,
Ныхай пооддає матюнці в ручкы,
Ныхай матюнка грукне в скрыню,
Бо вже піде за господыню.

—

Кланяйся нызко, покорненько,
Же-б було хорошенько!
Каждый тобі зновыть:
„Нех тя Бог благословыты!“
Тіілько твого уклону,
Що в батеньку в дому.

(Зап. въ *Кульчинѣ*).

Во всѣхъ этихъ образцахъ прежде всего бросается въ глаза неестественность ударенiй. Считаемъ нужнымъ, впрочемъ, замѣтить, что

въ разговорной рѣчи ударенія совсѣмъ не тѣ, что въ стихотворной. Такъ, въ Хотычскомъ разнорѣчіи въ пѣснѣ произносится: *плакáті*, а въ разговорной рѣчи: *плáкаті*; въ Кошольскомъ—въ пѣснѣ: *радíті*, *позбудю́мся*, а въ разговорѣ: *рáдіті*, *позбу́дюмся*. Мы очень жалѣемъ, что не имѣли возможности представить образцевъ обыкновенной рѣчи. Во всякомъ случаѣ, существующія въ нашихъ образцахъ неправильныя ударенія слѣдуетъ считать стихотворными. Они появились, очевидно, подъ вліяніемъ польской рѣчи (такъ какъ большею частію приходятся на предпослѣднемъ слогѣ).

Въ разнообразіи слѣдующихъ разнорѣчій можно замѣтить три главные типа. Черты каждаго изъ нихъ мы представимъ вкратцѣ, дополняя ихъ подробностями, которыя не вошли въ самые образцы, вслѣдствіе того, что въ нихъ не встрѣчаются соотвѣтствующія формы.

Кошольское разнорѣчіе:

Двоегласные *іе, уо, юо*; послѣ согласныхъ мягкихъ *я* часто ассимилируется въ *е*, а это *е* растягивается въ *іе*: *пріести* вм. *прясті*, *землие*, *душие* изъ *земле*, *душе*, род. пад. древнеслав. *землѧ*, *доушѧ*; въ прош. вр. изъяв. накл. не *л*, но *в*.

Хотычское разнорѣчіе:

Двоегласные *іе, уо, юо*; послѣ согласныхъ мягкихъ тоже встрѣчается иногда превращеніе *я* въ *е*, но безъ растяженія; звукъ *е* произносится тверже, чѣмъ въ разнорѣчіи Кошольскомъ; губные согласные соединяются съ іотированными гласными; звучные часто ассимилируются въ отзвучные; въ прош. вр. изъяв. накл. *л*, а не *в*.

Кленовицкое разнорѣчіе:

Двоегласныхъ почти не слышно, за исключеніемъ *уи*; послѣ шипящихъ иногда *я* вм. *а*: *жябя*, *кожя*, *замчяты*; малорус. *і* вм. *ѣ*, иногда съ явственнымъ отдѣленіемъ предшествующаго согласнаго звука іотой *(дьйівка)*. Но самая важная особенность кленовицкаго вокализма— широкое *ы*, въ которомъ смѣшалось основное *ы* и основное *и*.

Остальныя разнорѣчія или составляютъ переходъ отъ хотычскаго къ кленовицкому, или же представляютъ дальнѣйшее развитіе особенностей, заключающихся въ хотычскомъ и кленовицкомъ разнорѣчіяхъ. Къ послѣднимъ мы причисляемъ разнорѣчія, записанныя въ Пещацѣ, Желевше и Кульчинѣ: всюду здѣсь господствуетъ широкое *ы*, замѣняя иногда даже *ѣ*. Кленовицкое *я* и хотычское *е* превращается въ деревнѣ

Нещадцъ въ *і*: *жіты* (жать), *чісто* (часто), *телі* (теля), *жіворонок*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ кленовицкомъ и во всѣхъ наиболѣе близкихъ къ нему разнорѣчіяхъ появляется въ прош. вр. изъяв. наклон. *в*, а не *л*, а также въ наст. вр. изъяв. накл. *ть*, *тьця*, а не *т*, *тся*. Впрочемъ, кленовицкое разнорѣчіе въ этомъ отношеніи колеблется.

Галицкія разнорѣчія.

Грыніовці (Станисл. окр.) [1]).

Надйіхав сотнык через Умань,
А с коныка похылывсы,
А за ным хлопців сім-сот молодців:
—„Стій, бадю [2]), не журысы!“
—„Ой як же мені, панове—браті,
Мені сы не журыты,
Чогось підо мнов вороный коник
Зачєв сє потіты?“
Ой заржы, заржы, вороный коню,
У місті на помості:
Вбыто сотныка серед Уманє,
Нашого єго мостє.
Ой бодай же ты, Дуньче—козаче,
Наложыв головою:
Вбывесь сотныка серед Уманє,
Вчынывесь мя вдовою.
Ой волів же ты, Дуньче—козаче,
Хыріты та й боліты:
Вбывесь сотныка серед Уманє,
Посыротывесь мы діты.

—

У лузі калына землю прыкрасыла,
Породыла маты сына, сына жовнярына.

---

1) Образцы изъ разныхъ мѣстностей Станисл. округа относятся къ подгорскому типу галицкаго говора.

2) Отецъ.

Як го породыла, то го научала:
„Будеш, сыну, у дорозі, не забудь о Бозі!"
Докы жовняр не пыв, в Бога щіств молыв,
Не раз, не два жовнярына все військо побідыв.
Як взєв жовняр пыты, в Бозі забуваты,
На раз, не два жовнярова заплакала маты.
Ходыт жовняр, ходыт, нысько (sic) шєпку носыт,
В свойій маты старенькоїі опрощеня просыт:
—„Прошу тебе, маты, мій гріх забуваты:
Поможы мы, мылый Боже, військом керуваты!" [1])
Плаче жовняр, плаче дрібнымы слёзамы,
Спомынає свою матір мылымы словамы.
Плаче жовняр, плаче чорнымы очыма,
Подывытсы назад себе, а смерть за плечыма.

(Зан. Волошанюкъ).

Колынці (Станисл. окр.)

Я казала, що то місєц сходыт,
А то козак по таборі ходыт,
Свого коня за поводы водыт,
В свого пана до дому сы просыт:
—„Пусты мене, мій пане, до дому,
Затужыла дівчына за мною":
—„Не так вона, як ты за нев тужыш,
Не пущу тє, аж року дослужыш":
—„Я не буду року дослужаты!"
—„Я тє скажу в кайданы куваты!"
—„Не куй мене, мій пане, в кайданы,
Прыкуй мене в шынкаркы до лавкы,
Бо в шынкаркы мід—віно горівка,
Ще до того хорошая дівка,
Ще до дівкы біленька постівка!"

—

Ой служила Настє в пана
Штыры рокы не віддана,
На пиетый рік наступыла,

[1]) Kierować управлять.

Настє пана полюбила.
—„Чому, Настє, смутна ходыш,
Йдеш по воду—не співаєш?“
—„Пані ж моя, пані люба,
Що сь бы я вам росказала,
Колы б я сы не бояла.
Хоче вас пан покыдаты,
Зо мнов Настєв мандруваты.“
Пані тото як учула,
Взєла Настє за рученьку,
Завела йій (sic) в темныченьку,
Та дала йій шытє шыты,
Мого пана не любыты.
—„Ой шый, Настє, хоть не видно,
Співай, Настє, хоть не гыдно“. [1])
У неділю дуже рано
Та іде пан з міста пйаный,
Ой іде пан та й співає,
До місєцє промовляє:
—„Ой місєцу, місєченьку,
Світы Насті в темныченьку!“
Пані тото як учула,
Та й до Насті гнеть [2]) прыбула,
Вівела йій на вулоньку,
Стєла йій головоньку.

(Зап. Бучинскій).

Кутыщі (Станисл. окр.).

„Ой хмарытсы та й бурытсы, буде дощ іты,
Просым, пане-капытане, на мід—выно відійты!“
Не позволыв пан-капытан на мід—выно відійты,
Взєлы кварту, взєлы другу, все пйут на дощы (sic).
Взелы кварту, взелы другу та на дощы пйут,
Свого пана-капытана шабелькамы бйут.

---

[1]) Не угодно.
[2]) Чещско-словац. *hned* быстро, тотчасъ.

„Ой ты, пане наш, капытане наш,
Течут річкы кровавійі від тебе до нас!“
(Зап. Бучинскій).

Марківці (Станисл окр.)

Ой стала сє новына, клычут віта до двора,
Взєлы раду радыты, кого в жовнєры даты:
„Взєлы бысьмо багача—та наробымо плача,
Озьмімо сы сироту—та збудемось клопоту“.
Дала ж єму сестра знаты: „тікай, тікай, рідный брате!“
Утікав я на гору, а із горы в комору,
Утікав я с коморы до новойі стодолы (sic),
Сховав я сє по-за сніп, знайшов мене сам пан віт,
Вівів мене на төчок: „дай, прысєжный, шнурочок!“
Прывезлы мнє до двора, вже є фіра готова,
Вівезлы мні (sic)-за браму: „чекай, ляшку, най стану!“
А ляшок сє побояв, та ще більшу варту дав.
Прывезлы мні до ґанку: „вставай с фіры, коханку!“
Един каже: „ой чысь гут“, другый каже: „будеш тут“,
Третый каже: „будеш тут“, а мені сє слёзы лют (sic).
(Запис. Кумановскій).

Королівка (Станисл. окр.)

Ой на тобі, цісарыку,
Та й шєпочка срібна,
Ой не знаєш, цісарыку,
Чого Русє бідна.
Бідна ж вона, бідна,
Бо швабы зідралы,
А що було по корові,
Та й жыды забралы.
Жыды берут по корові,
Цісар бере діты:
Ой нема нам, пане-брате,
Чо в Русі сыдіты.

(Запис. Бучинскій).

Потік золотый (Станисл. окр.)

—„По садочку ходжу,
Черешенькы саджу,
Та чого ж я, моя маты,
Не жонатый ходжу?“
—„Оженысы, сыну,
Женысы, сыночку,
Та нікого та не беры,
Лиш вдовыну дочку!“
—„Ой вдовына дочка,
То не мені рівна,
Вона ходыт по подвіру,
Як та королівна:
Ані з нею статы,
Та порозмовляты,
Лыш шєпочку із головы,
„Добрый день“ віддаты“.

(Зап. Бучинскій).

Полочычі (Станисл окр.)

Хорый козак, хорый козак,
Відай [1]) хоче вмерты:
—„Ой ідіте, прыведіте
Дівчыну до смерты!“
—„Та відай ты, козаченьку,
Не вправді вмыраєш,
Що ты собі до смертонькы
Дівчыны жєдаєш.“
Та зійшлыся козаченькы
До єдної хаты,
Взєлы раду козацькую,
Кому конє даты:
Сотныковы (sic) конє даты
Гетьмановы зброю,
Щоб позволыв поховаты

1) Вѣроятно.

Козака с стрільбою.
Конє ведут, єго везут,
Кінь головку клоныт,
А дівчына білі ручкы
За козаком ломыт,
Білі ручкы, білі ручкы,
Та й мызелні палці (sic),
А вже нема та й не буде
Такого коханцє.

(Зап. Лібрыкъ).

Галыч.

Роспыласє стара ненька на меду,
Та пропыла Ганнусеньку молоду:
—„Хто мы купыт ґарнец меду, два вына,
Того буде Ганнусенька молода!“
Обзываєсє пан Шынковыч з-за стола:
—„Я ты куплю ґарнец меду, два вына,
Та най буде Ганнусенька вже моя.“
—„Не пый, не пый, стара ненько, на меду,
Бо я за тым Шынковычем не буду.“
А в неділю дуже рано із-за сонцє
Утікала Ганнусенька у віконці (sic),
А за нею Шынковычів четыры,
Догоныли Ганнусенькы, прытрымалы:
—„Чого ж бо ты, Ганнусенько, боса йдеш?
Чы ты в мене черевычків не маєш?“
—„Е у тебе черевычкы—все твойі,
Не прысталы до ноженькы раз мені“:
—„Ой чого ж ты, Ганнусенько, пішкы йдеш,
Чи ж ты в мене пойіздоньку не маєш?“
—„Е у тебе пойіздонька—все тобі,
Не прыстало до серденька раз мені.
Дай же мені, пан Шынковыч, острый ніж!“
Ганнусенька Шынковычє здурыла,
Острый ножык у серденько встромыла,
Тепер же я, пан Шынковыч, вже твоя,
Беры мене, пан Шынковыч, на свого коня,

Завезы мє до матінкы, до мого вітцє.
Чы буде отец-маты тужыты,
Як я буду на лавонці лежєты?"
Тужыт, тужыт отец-маты і родына,
Пішла ж наша марне із світа дітына.

(Зап. Алекс. Билецкій).

Дрогобыч (Стрыйс. окр.)

А на нашім цісарыку шєпочка срібна,
Подывысє, цісарыку, яка Польща бідна.
Польщі бідно, Польщі бідно, бо паны зідралы,
А що було по корові, то й жыды забралы,
Жыды берут по корові, цісар бере діты:
Ой нема нам, цісарыку, що в Польщі сідіты.
Плачут мамы за сынамы, жінкы за мужамы,
А молоді дівчєгочка за кавалєрамы.

(Зап. Реваковичъ).

Верчаны (Стрыйс. окр.)

Далеко чуваты о такій новыні:
Забыто Петрусє в Дролыньській долыні
За такую пашо, що вна пана мала,
Що вна пана мала, Петрусє кохала,
А по сім раз що-день служкы посылала.
„—Ой вельможный пане, чо Петрусю ходыт?"
—„Ой Петрусю ходыт, бо дівчєта любыт".
—„Не дівчєта любыт, але саму паню."
Радыт слуга пана йіхаты до Львова,
Що бы пан зайіхав в зелену диброву.
А вельможна пані сім служечок мала,
Сім служечок мала, по Петрусє слала,
А за осьмым разом сама пойіхала.
—„Чому ты, Петрусю, до мє не прыйіхав?"
—„Тому не прыйіхав, маты не зволяла".
Узєла Петрусє на ковану брыку,
Прывезла Петрусє до своєго двору,
Узєла Петрусє та й пані вытаты,

Найяснiщый бо пан на браму вiiжджаты.
Вдарыласы панi о мур головою:
—„Петрусю-серденько, пропала-м с тобою!
Петрусю-серденько, не маю побою [1]),
Бо як ты загынеш—i я iс тобою!“
Узєлы Петрусє та й слугы везаты,
Найяснiща панi з жалю омлiваты.
Ой взєлы Петрусє на ковану брыку,
Повезлы Петрусє у воду велыку.
Найяснiща панi позычыла собi
У маткы сукманкы, тоненького рубка,
Пiшла вiзыраты Петрусє голубка.
Пiшла бо вельможна пустымы лугамы,
Пустымы лугамы, дрiбнымы пiскамы,
Вмываласы панi дрiбнымы слёзамы.
Дала бо вельможна в Семыґенiв знаты,
Громаду склыкаты, Петрусє шукаты.
Знайшлы бо Петрусє близько Конюхова:
—„Чому ж ты, Петрусю, не посыдiв дома?“
Скоро ёго взрiла та й поцiловала,
На мезыный палец злоты сиґнет [2]) дала.
—„Петрусю-серденько, де ж то тi фуяркы [3]),
Що-м ты куповала кождоiй ярмаркы?“
—„Вступысы, вельможна, збавылась мы сына,
Вже твоiй фуяркы вода прымулыла.“
—„Не плач, маты, не плач, доста i я плачу,
Що я за Петрусє своє паньство трачу!“

(Зап. Бучинскiй).

Жолковс. окр.

Iшов Журыло з мiста
За ным дiвочок трыста.
—„Чекай, Журыло-пане,

---

1) Страха.
2) Знакъ, перстень.
3) Свирѣль.

Де твоє військо стане?“
—„У лісі на нывоньці,
Пры зеленій ліщыноньці.“
Під зелененькым дубом
Былы жомнєры в бубен,
Там я сє забавыла,
Черевыкы зіставыла,
Боюсє до дому іты,
Буде мє мама быты
Щіткою, гребінкою,
Веретеном, кужівкою.“ [1])
—„Ой ты, Журыло, ой ты,
Куды до тебе зайты?“
—„По загуменю, Ксеню,
На тологы (sic) [2]) ячменю.“
Куды Журыло ішов,
Туды ячменык зійшов,
А куды Ксеня ішла,
Туды пшенычка зішла.
—„Пустіте нас до Горськойі землі!“
—„Не впустымо, поломыте мосты!“
—„Заплатымо золотым зернєтком.“
—„Не хочемо золотого зернєтка.“
—„Пустіте нас до Горськойі землі!“
—„Не впустымо, поломыте мосты!“
—„Заплатымо тым крайным дытєтком.“
—„Не хочемо крайного дытєтка!“

(Зап. Мих. Царъ).

Кутузів (Бережанс. окр.)

Ідут волы, ідут волы а все морганысті,
А за ными молод-Мороз та ще не женывсы,
Не женывсы, не женывсы, та вже і не буде,
Росчесав сы кучерыкы, кавалєром буде.

---

[1]) Родъ пряслицы, польс. kądziel.

[2]) Вѣроятно, *не толоч.ы*

Коло млына яворына, зацвіла калына,
Укусыла Морозенька лютая гадына.
Як гадына укусыла, знайдут му сє лікы,
Як дівчына счірувала, то пропав на вікы.
Коло млына, коло млына на жовтім пісочку,
Прала, прала дівчынонька від бруду сорочку.
Чыя буду, чыя буду, Морозова буду,
Выперу му сороченьку із чорного бруду.
В мене двері оріхові, хата на помості,
Прыйды, прыйды, Морозеньку, до мене у гості:
—„Коли ж тє сы, Морозеньку, маю сподіваты?"
—„Ой як буде зозуленька о різдві куваты."
—„Ще я того, Морозеньку, в світі не выдала,
Що бы сыва зозуленька о різдві кувала."

(Зап. Навроцкій).

Около Львова [1]).

Ой там в полі береза стояла,
На березі зозуля кувала:
—„Чом береза біла, не зелена?"
—„Як я маю зеленою буты,
Підо мною стоялы рекруты,
Підо мною стоялы татары,
Шабелькамы гіллє обтынaлы,
С під корінє воды добувалы,
Вороного конє напувалы."
Ой пане наш, пане-капытане,
Пусты ты нас а в ліс за Венграмы,
Бо ті Венгры зрадлывийі люды:
Ой зрадылы коня вороного,
Ще ізрадє хлопця молодого.

(Зап. Мих. Царъ).

Сапогів (Чертковс. окр.)

Тай й любылыся двое дітей сердечне,
А Господь зділав розійтыся конечне,

---

[1]) Переходное разнорѣчіе отъ подгорскаго къ подольскому.

Рік ся любылы, а два ся не выділы,
А як ся взріды, в тот час ся розболілы.
Дівчына лежыт в батенька в комороньці,
А козаченько в зелені дубровоньці.
Коло дівчыны мід-горівка стоїт,
А козаченько зымнойі воды просыт;
За дівчыноньков всі звоны звонят,
За козаченьком всі луженькы шумят;
За дівчыноньков отец-маты плаче,
За козаченьком чорный ворон краче;
Над дівчыноньков высокі свічкы горят,
Над козаченьком дві дeревы стоят.

(Зап. Кумановскій).

Золочевс. окр. [1])

У суботу із вечора рекрутам заказалы,
Щоб в неділю як найранче в Золочеві сталы.
А Золочів—славне місто—там побыті кілочкы,
Гей молоді новобраньці поскыдалы сорочкы,
Бруднесенькі поскыдалы, біленькі забралы,
Як загляне отець-маты з жалю умліває.
Ой вы орлы-орлысенькі (sic) знесіться у гору,
Гей молоді новобраньці, поверніться до дому.
Рады бы мы ся повернуты—хмара нас налягає:
Гей рады бы мы ся повертаты—цісар нас не пускає.
Не так цісар, не так цісар, як цісарська маты,
Хоче з намы молодымы всю Польшу звоюваты.
Тече річка кырвавая до самого Відня,
Гей погляньте, новобраньці, яка Польща бідна.

(Зап. Стефановичъ).

Тернопольскій окр.

Чы сь те слыхалы ось такійі (sic) новыні,
Забыто Петруся в глыбокій долыні.
За що ж ёго вбыто? За вельможну паню,
Свого пана мала, Петруся кохала,

[1]) Образцы изъ Золочевс., Чертковс. и Тернопольс. округа носятъ ясныя черты подольскаго разнорѣчія.

Та й по пйать раз на день слугы посылала,
А за шестым разом сама пойіхала.
—„Покынь же, Петрусю, ціпом молотыты,
Ходы до покою мед-горівку пыты!“
Найвірнійшый слуга взяв коня вороного,
Пойіхав здоганяты пана вельможного,
Догнав свого пана на калыновім мості:
—„Вертай, вертай, пане, маєш в дома гості!“
Став же пан вельможный, ой став він думаты,
Каже свому слузі коня повертаты:
—„Стыха, коню, стыха підо мною!“
Що бы то застаты Петруся в покою.
Глянув Петрусь та й в горішну кватыру: [1])
—„Пані моя, пані, вже пан на подвіру!“
Глянув Петрусь та й на около очыма:
—„Пані ж моя пані, вже пан за плечыма!“
—„Де ж я тя сховаю? Під білу перыну,
Сама ся положу, скажу, що я гыну!“
Вытягнулы Петруся за білыйі бокы,
Вікынулы Петруся на Дунай глыбокый.
Петрусева маты на порозі мліла:
—„Пані ж моя, пані, десь мы сына діла?“
—„Не плач, маты, не плач, як я сама плачу,
Я за твого сына своє панство трачу!“

(Зап. Билинскій).

Віжныця (Буков.) [2])

Гей у нашій полонынці та розвыв сы бучок,
Погыб, кажут, Нестерючок від поганых ручок.
Ек він, кажут, ді погыбав, люде сы збігалы,

[1]) Форточка.

[2]) Пѣсня эта по звуковымъ особенностямъ не отличается отъ образцевъ подгорскаго разнорѣчія. Во многихъ мѣстахъ Коломійскаго округа, напр. въ Яблоновѣ, Ключевѣ, Лючѣ, Березовѣ, Балѣ, Ославѣ, а также и въ Буковинѣ, распространено подгорское разнорѣчіе, хотя народъ называетъ себя Гуцулами.

Шовковымы хусточкамы кровцу тамувалы [1]).
Гой лыпіте, люде добрі, вже сы не поможе:
А за шо ж я погыбаю, ты, мій мылый Боже?
А за шо ж я погыбаю, та за шо ж я гыну?
Шо ж я тобі ді завадыв, Зінычуків сыну?
Не так, кажет, Зінычукы, єк Джімірюк Юрій:
Порубалы Нестерючка в Путылові в мурі,
В Путылові, пане, в мурі малёвана свічка:
Ой прыйіхав пан Джурджуван, та шше пан Гырлічка.
Гой прыйіхав пан Джурджуван, та й плеснув у рукы:
Шкода ж тебе, ледінyку, Еків Нестерюку!
Шкода ж тебе, Нестерючку, та на цілі горы;
А вны ж ёго на топірцях підоймылы д горы.
Підоймылы ёго д горы, долів ріков неслы:
Закувалы всі зозулі та єк рідні сестры.
Гей сталы ж вны спочіваты в ростоках на розі,
Ішов дєдык із Віжныці, умлів на дорозі.
Ой та неслы Нестерючка по-під Фудуґовы,
А в Віжныці серед рынку дохторі поролы.
Ой дохторі го поролы, голов му лупалы,
А Зінича з Джемірюком в кайданы вкувалы.
Та дывысы, Зінычуку, та на твою муку:
Та пропалы тры леді́ні через одну суку.
А на наші пелынонці зродылы ожыны:
А вже ж тобі, Нестерючку, співанку зложылы.
А цу ж тобі співаночку ледіні складалы:
А бы свого побратыма ді не забувалы [2]).

(Зап. Федьковичъ).

---

[1]) Tamować—задерживать.

[2]) Мы получили эту пѣсню при замѣткѣ г. Федьковича, извѣстнаго галицкаго поэта, родомъ гуцула. Г. Федьковичъ въ немногихъ словахъ метко характеризуетъ поэтическое творчество Гуцуловъ: „Гуцул, говоритъ онъ, з роду легкомислий, тому єму і про бувальщину байдуже, і ціла єго гадка тягнет за будущим. С тойі причини немає у него ні історічнѣйі думи, ні традиційі, окрім хіба про одного Довбуша, да і у ті більше фантазійі, ніж правди, або лучче сказати, міти. За тото знов Гуцул незрівияний імпровізатор, і що нині станеться, тоє завтра уже і в пісні, і то не абы які, але гарні і поетичні“.

Мыкулычын (Колом. окр.)

Ой летіла зозулечка,
Зачяла куваты:
Ой то ж мені у свекрухы
Треба прывыкаты.
Ой летіла зозулечка
По-над сыве дубє:
Уже рочок, файный [1]) любку,
Як я тебе люблю.
Ой летіла зозулечка,
Та все кокотіла:
Ой то ж мені панычева
Хусточка кортіла.
Не та (sic) хустка, не та хустка,
Як біленька дудка,
Як єм-була, так і буду
Панычева любка.
Ой кувала зозулечка,
Та й казала: „куку!"
Подай, подай на коныка,
Файна любка, руку.
Хіба бы я молоденька
Розуму не мала,
Та тобі на конычка
Ручку подавала.

—

Нема в світі так нікому,
Як бурлаку молодому!
Бурлак робыт, роботає,
А піт очі залыває.
Ґазда [2]) іде із охоты,
Бурлак іде із роботы,
А ґазда му повідає:
—„Де ты, бурлак, забарывсє,

[1]) Прекрасный, милый.
[2]) Хозяинъ.

На вечерю запізнывсє?
Лягай, лягай, бурлак, спаты,
Нема ты щё вечеряты!“
Ще бурлак не уложывсє,
Уже ґазда пробудывсє:
—„Годі, годі, бурлак, спаты,
Чяс в поле волы гнаты!“
Бурлак встав, задумавсє,
Нема воды, не вмывавсє,
Нема сукман—не вгортавсє.
Та бо ще зорі не зорєлы,
Як бурлак вже гоныт в поле,
А білый сніг налітає,
Бурлак ногы піднімає.
Сів булак на купынку,
Та й здрімавсы на годынку.
Бодай маты нещяслыва,
Щё бурлака породыла. [1])

(Зап. Герасимовичъ).

Крыворівня (Колом. окр.)

Ой слухайте, люде добрі, що хочу казаты,
Ой хочу я на громаду файно заспіваты!
Пішов Петро Вотуючок до коршмы гуляты,
Молодийі молодычкы в данчык [2]) ізвераты.
Ой кувалы зозуленькы та ще будут выты,
Зберают (sic) сы товарыші вперед коршмы быты,
А Петрыко молоденькый іде розгоныты.
Сывый голуб, сывый голуб, сывеньке головє,
Не быйте сы, пышні браті (sic), не тратьте здоровє.
Ой кувалы зозулыці, кувалы аж вылы,
А за сесе Петрыка під ногы вхопылы.
Ой кувала зозуленька, сіла на яблінку,
Петрык ще раз запросыв: „не бый мня (sic), Мырінку!

---

[1]) Пѣсни изъ Микуличина, по нашему мнѣнію, больше другихъ соотвѣтствуютъ типу гуцульскаго разнорѣчія.

[2]) Танчикъ. Гуцулъ говоритъ: *данцуваты* вм. *танцуваты*.

Ой іму я в ріці рыбку, на кордуні [1]) щуку,
Даруй мені здоровечко, Мырю Зеленчуку!“
Ой кувалы зозулыці, кувалы, кувалы,
А Петрыка вже так вбылы, а сєк [2]) порубалы,
А вны на то не туралы, в Млынівку загналы.
Ой єв же мій Петрыко відсы віплываты,
А все має тую гадку—за ріку втікаты.
Іде баран по-над гору, в него (sic) круті рогы,
Ой засілы на Петрыка на берi [3]) ворогы,
Ой вже тобі, Петрыку, послідні дорогы!
Ой кувалы зозулыці, кувалы та вылы,
Ой Петрыка в Крыворівні з беры утопылы.
Пішлы вівці в Полоныну, та все самі білі,
Ой шукалы Петрыка цілых дві неділі.
Ой кувала зозуленька, та все каже: „готы!“
Пішов Мырін [4]) із Юрійком на Віжныцю з плотів. [5])
Пішлы вівці в полоныну—все білі білыці,
А із плоты вздрів Юрійко Петрыка в водыці.
Як єго вны вітеглы, ватерку [6]) розклалы,
Ой та пішлы в густый лісок пластіва [7]) утялы,
Бо Петрыка молодого водыці накрылы;
Ой Петрыка молодчыка водыці накрылы,
А на чєсок (sic), на годынку хрестык уробылы.

---

[1]) *Кордун*—граница села.

[2]) *Сєк*—слово, употребляемое въ разныхъ значеніяхъ, большею частію въ значеніи: *кажется, вѣроятно*. Говорятъ, напр. „був він у тій хаті?“—„А сєк був“.

[3]) Колодка черезъ рѣку.

[4]) Не Миронъ Зеленчукъ, который убилъ Петрыка, а Миронецъ. Гуцулы называютъ другъ друга не по отечеству и фамиліи, а по имени, и сколько бы ни было одинаковыхъ именъ въ одной деревнѣ, каждый односелецъ называется иначе: *Иванъ*, *Ивануха*, *Иванчуха*, *Иванец*, *Иванцо*, *Янё*, *Янцё* и проч.

[5]) Плотъ—сплавъ деревьевъ, которыя спускаютъ Гуцулы внизъ по Черемошу.

[6]) Огнище.

[7]) Смерековыя вѣтви, изъ которыхъ дѣлаютъ носилки для больныхъ и покойниковъ.

Ой зжену ж я в ріці рыбкы, та й маленькі щучкы,
Ой занеслы Петрыка тай до Болєсючкы.
Ой кувала зозуленька, кувала, аж выла,
Ой Петрыка Болесючка в хату не прыймыла.
Ой а тая Буковына шырового лысту,
Не прыймыла єго в хату, поклала на прыспу (sic).
Ой кувала зозуленька, кувала та выла,
А Петрыка Болесючка рантухом накрыла,
А єйі невісточка свічку засвітыла.
А у тойі Болесючкы высові побойі,
Выйіхалы на Петрыка войскові дохторі.
Ой кувала зозуленька в зелені дубыні,
Одын дохтур а із Кутів, другый з Коломыйі.
А оны го пороли обома рукамы,
А Васылько воды носыв двома коновкамы.
Ой вдарылы у два дзвона, а в треті цымбалы,
Що бы ж того Петрыка в цвынтарі сховалы.
Ой кувала зозуленька, сіла на пречівкы:
Дай ты, Боже, Петрыку, лехкі (sic) супочынкы!
Ой піду по над Млынівку, заграю в сопівку,
Тепер Петро осыротыв Цёмаєву дівку.
Петрыкова дівка ходыт, ходыт та голосыт,
Петрыкову хустыночку по за шыю носыт.

(Зап. Навроцкій).

Жевачів (Колом. окр.)

Ой вышенька-черешенька рісненько зацвіла,
Нещяслыва Гоцулія, що бульба [1]) пігныла (sic).
Як узєла бульба гныты—біленька, як клубкы,
Зачяла сы Гоцулія росходыты с купкы.
А ходжу я по-над воду, там рыбочка ходыт:
Просім Бога, Гоцулія, чей сє (sic) бульба вродыт.
Прыйшла карта сёго Марта від святого отця,
А хто йийі ба і пысав? Пресвятая Тройця!
Хто бы такый годен був ту карту чытаты?

[1]) Картофель.

Як узєлы прысігаты до пів-половыці,
Взєлы жыды продаваты дорогі спідныці.
Бодай с тебє, жыдуныку, дітько (sic) тєгав струны:
Ой не єден пан господар (sic) збавівсє фортуны.
Ой не єден пан господар пыв півтора тыжні,
А як прыйшов до домоньку, забыв свого блыжні (sic),
Та най бы то свого блыжні, а то свою жінку,
А все то-то, жыдуныку, через твою горівку [1]).

(Зап. Волошинюкъ).

Космач (Колом. окр.)

Ой слухайте, люде добрі, щось маю казаты,
Якусь ім чув новыночку, мушу заспіваты.
Кобы-м моглы, люде добрі, Богу не грішыты,
Бо вже біда не далеко, мемо мало жыты.
Ой вы, люде преславнійі, просіт пана Бога,
Бо вже буде наступаты тысєче Петрове.
Ой як буде наступаты тысєче Петрове,
То так мемо вігыбаты, як лыст від морозу,
Ой як лыстє від морозу, як попел від вітру:
Ой настала ж та ненавість вже по всёму світу.
Не одын сы ба й говорыт, не одын сы мыслыт,
Щё цар (sic) людей ба й вітратыт, що душі не лышыт.
Ой пізначно ж, побратымку, такого помору,
Як украде злодій ярче від шістьдесєт дробу.
Як украде злодій ярче—не велыка шкода,
Та чы ймемо вігыбаты від Господа Бога?
Але просіт, каже, Бога, саракы [2])-руснакы,
Бо вже на вас, каже, важе Венгер та Полякы.

—

Шешоры (Колом. окр.)

Забарывсы пан Сава на паньскым (sic) обіді,
Та він знає свойі біды, що сы в дворы діє.
Йде пан Сава дорогою, кінь сы потыкає,

[1]) Образецъ переходнаго разноръчія отъ гуцульскаго къ подгорскому.
[2]) Сироты.

А він коне нагаєчков—кінь здрібна ступає.
—„Ступай, коню, підо мною з дрібною, з дрібною,
Цы я буду вечеряты із своёв мылою?“
Та прыйіхав пан Сава на нове подвіре,
Пытає сы челядочкы, що сы в дворі діє?
—„Гей нічого, пане Саво, й а ще ліпше з вамы,
Але вбыті дороженькы вашымы ланамы.
Ой нічого, пане Саво, щіслыва годына,
Ваші жона, наші маты породыла сына.“
А сів собі пан Сава, дрібне лысте пыше:
—„Піды, хлопче, піды, малый, уточы горівкы,
Най сы напйу за здорове та до своєйі жінкы.
Піды, хлопче, піды, малый, та й уточы пыва,
Най сы напйу за здорове та до свого сына.
Піды, хлопче, піды, малый, а уточы меду,
Тєжко души, тежко серцю, головкы не зведу.“
Пішов хлопец, пішов малый, не дійшов пывныці,
Наштрыкалы гайдамакы вікном до світлыці.
—„Та помай Біг, бодай здоров, як сы, Саво, маєш,
Та далекі гості прыйшлы, чым йіх поспіймаеш?“
—„Давав бых йім срібло-злото—вны не хотє браты,
Але ходім на подвіре—будім сы махаты.“
Але взєвсы а пан Сава до яснойі мечы,
А вны взєлы пана Саву по-під праві плечы.
Але взєвсы а пан Сава до яснойі збройі,
А вны взєлы пана Саву на тры шпыці д горі,
Та поклалы пана Саву на жовтый пісочок,
Та здіймылы с пана Савы ясный образочок.
Ой поклалы пана Саву на тесову лавку,
Ой здіймылы с пана Савы сорочку крівавку.
Ой поклалы пана Саву на тесові стілці,
Ой здіймылы с пана Савы чобіткы-червінці.

Ослав (Колом. окр.)

Ой вийду я на могылу,
Подывлюсє у долыну,
Всі жовніры в войны ідут,

Лышень мого шаблю несут:
Ой ще сосна не віросла,
Ще осыка не велыка,
Ой ще-ж бо я не удова,
Мойі діты—не сыроты.
Ой вийду я на могылу,
Подывлюсє у долыну:
Всі жовніры з війны ідут,
Лышень мого коня ведут:
Ой ще сосна не віросла,
Щє осыка не велыка,
Ой ще-ж бо я не удова,
Мойі діты—не сыроты.
Ой вийду я на могылу,
Подывлюсє у долыну:
Всі жовніры з війны ідут,
Лышень мого зброю несут:
Ой вже сосна, вже віросла,
Вже осыка ба й велыка,
Ой я ж бо вже бідна вдова,
Мойі діты вже сыроты.
Пры пиетныці, пры неділі,
Всі сы горы прыоділы,
Лыше й одна, але ж гола,
Бо сыділа на ній вдова.
Пішла вдова долынамы
З дрібненькымы дітонькамы,
Прылітає ід ній ворон:
—„Цы куды ж ты, удово, йдеш?"
—„Іду гробы відгребаты,
Свого мужа пізнаваты". [1])

(Зап. Бучинскій).

Козёва (Стр. окр.)

Пішла дівка квіткы рваты,

---

[1]) Пѣсни изъ *Космача*, *Шешоръ* и *Ослава* записаны въ гуцульскихъ мѣстностяхъ, но удерживаютъ особенности подгорскаго разнорѣчія.

Зеленейкы вінкы выты,
Прыйшов же д ні дворак йійі:
—„Продай, дівко, вінок мені!“
—„Біг-же бым ты і два дала,
Бым-ся братця не бояла“.
—„Счаруй же ты братця свого,
Будеш мя маты молодого“.
—„Я бым ёго счарувала,
Кобы ж бы я чары знала“.
Йды до саду явышнёго, [1])
Злапай пташка залёного,
Звары ёго в чорній юшці,
Пристане те брату в душці.
Постав ёго до скляныці,
Понесы го до пывныці,
Та дай ёму пыва пыты,
То не довго буде жыты.
Іде братцє із войнечкы,
Несе сестрі сукенечкы,
Братец сестрі з даройкамы,
Сестра брату с чаройкамы:
—„Ой на, братцю, та пый пыво“.
—„Пый ты, сестро, пыво сама,
Коль ты ёго зготовала“.
—„Ой я, братцю, пыво пыла,
Тілько-м тобі зоставыла“.
Явся пыва напываты,
Явся с коня похыляты.
Пыво піє, с коня летсі:
—„Вважай, сестро, я мав дзеці,
Що то, сестро, й а за пыво,
Що за серце ізвялыло?“
—„Ой ляж, братцю, та проспыся,
Твоє серце окріпыться“.
—„Беры, сестро, коня мого,

[1]) Вишневаго.

Ратуй мене молодого!“
Вна на то-то не вважала,
До дворака пойіхала:
—„Ой двораку, дворачейку,
Возьмы мене за жінойку“.
—„Як же мені тебе браты,
Коль ты знаєш чароваты?
Счаровала сь брата свого,
Счаруєш мя молодого.“
—„То ні братця, ні дворачка,
Пішла ж бы я за жебрачка: [1])
Жебрак, жебрак хліба просыть,
А я за ным торбы носыть.

—

Ой шла дівчына горов высокою,
Іздыбалася із жовняром молодейкым.
Ой дав він йій конычейка держаты,
А сам пішов доріжейкы глядаты.
Оглядав же він до темнейкойі ночы,
Упала роса с темного ліса на чорнейкыйі очи.
Ой як на очы, так на очы, так на жовту косу,
Ой що я на ні рутовый вінок ношу?
—„Ой де ж будемо та ночуваты,
Моя любая дівчынойко?“
—„У лісойку, пры поточыку,
Із тобов, нелюбойку!“
—„Ой що ж мы собі та постелемо,
Моя люба дівчынойко?“
—„Постелылася травка-муравка
Із тобов, нелюбойку!“
—„Ой чым же мы ся та укрыємо?“
—„Укрыла тя божа рывая!“ (sic)
—„Ой чым же мы ся та повмываємо?“
—„Ой ты росою, а я слёзовйу (sic).
—„Ой чым же мы ся повтыраємо?“
—„Ой ты рушнычком, а я бідочком!“

---

[1])Żebrak—нищій.

—„Ой що ж будемо та обідаты?“
—„Ой ты ягідку, а я ябідку (sic)!“
—„Ой куды ж мы ся та розійдемо?“
—„Ой ты торовйу, а я друговйу!“
—„Ой де ж мы ся та зійдемо?“
—„На там-тім світі, на страшнім суді!“

—

На мене ся біда гніват,
На мене ся й дує:
Ой не знає огыдыця,
Що мылый міркує.
Бодай же ты, дівчынойко,
Хоріла—боліла,
Що ты не раз колачыка
У любчыка йіла.
Ой цы ты ся, файна любко,
Не устыдыш мамкы,
Таку біду обіймаєш
Гіршу від цыганкы. [1])

(Зап. Русовъ)

—

[1]) Изъ Козёвы доставлены намъ образцы бойковскаго разнорѣчія. Карпатскіе бойки называютъ себя верховинцами и обижаются, когда называютъ ихъ бойками. Подгоряне, жители равнинъ, называютъ бойковъ печеными, недоваренными. Очень распространена между Гуцулами и вообще во всей Галиціи слѣдующая пѣсня о бойкахъ:

Ой Гуцулы, Гуцуленькы!
Де сьте Бойка ділы?
Цы сьте спеклы, цы зварылы,
Цы сырого зйілы?
—„Мы не пеклы, не варылы,
Не сырого йілы:
Умер Бойко, умер Бойко,
Бойкове дзвонылы.
Як сє Бойко схопыв з лавы,
Ледве єго здогоныли.

—

Изъ угорской Руси. [1])

(Лемковское разноръчіе).

Ой там дале підъ яворомъ
Оре дѣвка (дівка) [2]) еднымъ (єдным) воломъ,
Щи и (і) [3]) бразды не съорала,
Вже ю мати заволала.
Дѣвко, дѣвко, пой до дому,
Продаламъ тя не знамъ кому,
Продаламъ тя Янечкови,
Великому збуйничкови.
Въ ночи прійде, въ ночи пойде,
Нигда ми ничь (ніч) не принесе,
Лем кошульку поторгану
И (і) саблечку скирвавлену.
„Чугай, белай, бѣлый хлопецъ,
Кидь бись такій (?), якъ твой (?) отецъ,
Дала бимъ тя покупати,
Кавкамъ, вранамъ раздзобати!"
„Спѣвай, жоно, якъ спѣвала,
Колись хлопця колысала!"
—„Я хлопцеви не спѣвала,
Лемъ емъ (єм) пестуночцѣ мала."
—„Ставай, жоно, на колѣна,
Най и (і) спаде твоя глава!"
—„Волѣвъ бесъ (sic) руки рубати,
Якъ ми маешь (маєш) главу сняти!"
—„Подай дѣтя сюда мое (є),

---

[1]) Помѣщаемъ нѣсколько образцевъ угро-лемковскаго разнорѣчія, напечатанныхъ въ Зап. геогр. общ. 1867, т. I и въ Науковомъ сборн. 1865 т. II и III. Не измѣняя правописанія подлинниковъ, мы предлагаемъ и свою транскрипцію звуковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по нашимъ соображеніямъ, этимологическіе пріемы записывателей не сходятся съ фонетикой угро-лемковской рѣчи.

[2]) *ѣ* вездѣ надо читать, какъ *і*.

[3]) *и* мы читаемъ, какъ *ы*, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда въ скобкахъ помѣщаемъ *і*.

Пестуночко вѣрна моя!“
Едне личко цѣловала,
А другое (?) укусила:
—„Дамъ ти, сыне, на памятку,
Коли стинавъ отецъ матку.

(Зап. геогр. общ. 673—74).

На дворѣ годиночка ясна,
У нашого кума гостиночка красна.
Ой куме мой (?) молодый,
То вамъ напой дорогій, (?)
Еднакъ солодко го пити.
Кумова слава,
Коли иде (іде) кума пьяна (пйана)
По-подъ новѣ будиночки
Отъ кума изъ (із) гостиночки.
Веселость моя, десь у ня ся взяла!
Тото минѣ тото моя кума дала.
Дала минѣ, дала у писаномъ (?) погарѣ,
Быхъ ся веселила у семъ (?) честномъ (?) домѣ.
Паленочко наша, не течешь (течеш) намъ изъ (і) лѣса,
Лемъ течешь изъ ретязѣ за нашѣ пѣнязѣ.
Нашого кумочка калная уличка,
А я по ней ходжу, а ся не наброджу.
Заказали козы, овцѣ, аби ишли (ішли) гостѣ отцѣ,
А барана зарѣзали, аби щи собѣ погуляли.
Пей (?), кумцю, я не буду, дай паличку, най домовь иду (іду).
Годѣ, кумцё-дѣтиночку, годѣ, кумцё-соколичку,
Кумцё моя, кумцё, зъ чорныма очима,
Якась сама красна, така ти дѣтина!

(Ibid. 689—690).

Въ солочинсюй (?) церкви
Сами дзвоны двонятъ,
А мой любий нянько [1])

---

[1]) Отецъ.

Въ сирой земли лежать (лежат).
Лежать они, лежать,
Тамъ ся розгнивавуть (розніважут),
А наши серденька за нимъ умиравуть (уміравут).
(Ibid. 688).

Плакала мамочка, плакала сестричка,
Ажъ ми ся удала до боку сабличка,
Сабличка не моя, пана Чисарова,
Кедь ся съ нёвъ урубамъ, то серенча [1]) моя.
Вояки, вояки, вшитки сьте єднаки,
Якъ би васъ родила єдна стара мати!
Вербувуть (вербувут) гусары по-пудъ зеленый гай,
И (і) я ся свербуву—своєй милои (мылойі) жаль.
(Ibid. 673).

Ой на горѣ синета,
Пасло дѣвча ягнята,
Накопало собѣ кореня
Съ попъ (sic) бѣлого каменя.
Ищи корень не скіпѣвъ,
Уже милий пригримтѣвъ:
—„Ой што тебе принесло,
Ци кочія, ци весло?"
—„Приньусъ (sic) мене сивый конь (вѣроятнѣе, кунь),
Бо я теперь (тепер), душко, твуй!"
(Ibid. 687).

Иду (іду) горѣ селомъ, за мновъ ся бѣлѣе (є),
Кто (?) ня давно любивъ, добрѣ не здурѣе (є).
Я учора не пряла, а и (і) днесь не буду,
Мновъ люде журяться (журятся), ожъ я гола буду.
А воробокъ испряде (іспряде), а синиця утче:
Позирайте, люде, котра краше вуйде!
(Ibid. 688).

Святый вечуръ, добрый вечуръ!
А вы, люде, знайте,
Бога споминайте,

[1]) Счастье.

А намъ колачъ дайте!
Кедь не дасте колача,
Выведеме вамъ рогача,
Рогомъ. рогомъ трубити,
На колачи рубити,
А намъ колачъ дайте!

(Наук. сборн. т. II. 109).

Виходить (выходыт), виходить
Зъ-за горы зорничка,
Ужь (?) вамъ ся выберать.
Зъ хижи робôтничка.
Верни ся, Марьо, зъ дверій.
Подякуй матери (і)
За постель писану,
Скриню малёвану.
Пôде Марья, пôде,
Где ся хлѣбъ не родить (родыт),
Лемъ дробни бандурки [1]),
Што ихъ (йіх) ѣдятъ курки.
Пôде Марья, пôде,
Где ся чикы [2]) родятъ,
Кедь вона выліє,
Та по смѣтью ходятъ.
Пôде Марья, пôде
На другу дыдьину (sic): [3])
Дай єй (?), пане-Боже,
До года дѣтину!

(Наук. сборн. т. III, 158).

Галицкій говоръ распадается на три главныя разнорѣчія: подгорское, гуцульское и лемко-бойковское. Послѣднее, обыкновенно, подраздѣляютъ на лемковское и бойковское, но мы не видимъ существенныхъ *звуковыхъ* отличій между рѣчью лемковъ и бойковъ. Можно

1) Картофель.

2) Словац. *čik* изъ Мадьярс. scic, родъ вьюна.

3) Село.

подмѣтить у бойковъ, особенно у верховинцевъ, одну только особенность, именно, они говорятъ нѣсколько нараспѣвъ, чего нѣтъ у лемковъ. Сверхъ того, лемки во многихъ отношеніяхъ подчинились вліянію польской и словацкой рѣчи, хотя это вліяніе въ массѣ лемковскаго населенія распространено не въ одинаковой степени. Торонскій, а за нимъ Потебня [1]) приписываютъ *всѣмъ* лемкамъ потерю подвижнаго ударенія, которое постоянно стоитъ на предпослѣднемъ слогѣ, какъ въ польскомъ нарѣчіи, но это нужно сказать собственно о лемкахъ, которые живутъ въ Сандецкомъ и пограничной части Ясельскаго округа. Здѣсь, по р. Вислоку, переходное разнорѣчіе, но отъ Вислоки по Вислокъ, въ средоточіи лемковскаго населенія, фонетическій слѣдъ посторонняго вліянія въ удареніи совершенно исчезаетъ. По сю сторону Карпатъ лемки живутъ въ горной части округовъ Сандецкаго, Ясельскаго и части Саноцкаго. Южное теченіе Сана отдѣляетъ ихъ отъ бойковъ, которые населяютъ, главнымъ образомъ, Стрыйскій округъ, отчасти Самборскій и Саноцкій. Поселенія бойковъ идутъ до Быстрицы и Лимницы, гдѣ бойки встрѣчаются съ подгорянами. Здѣсь подгорское разнорѣчіе отдѣляетъ гуцульское отъ бойковскаго. Центромъ гуцульскаго разнорѣчія можно считать верховья Прута, Черемоша и Серета, затѣмъ, граница его съ подгорскимъ разнорѣчіемъ приблизительно опредѣляется хребтомъ Ракитой, который уступами спускается къ Пруту, параллельно съ тѣмъ хребтомъ, который идетъ къ Быстрицѣ и Лимницѣ. По обѣимъ сторонамъ Днѣстра тянется центральное галицкое разнорѣчіе—подгорское. Подгорское населеніе расположено, главнымъ образомъ, на пространствѣ между Карпатами и Днѣстромъ. Собственно Подгорьемъ можно считать города: *Коломію*, *Городенку*, *Заболотовъ*, *Снятинъ*, *Станиславовъ*, *Богородчаны*, *Надвірну*, *Делятинъ*. На лѣвой сторонѣ Днѣстра подгорское разнорѣчіе граничитъ съ подольскимъ, которое по основному звуковому строю сходно съ лемко-бойковскимъ. Уже подъ Львовомъ слышно подольское разнорѣчіе, затѣмъ, распространяется оно къ востоку и югу (вокругъ *Золочева, Тернополя, Теребовли, Збаража*). Что касается до угорской Руси, то въ ней распространены собственно разнорѣчія гуцульское и лемковское. Сни перерѣзываютъ Карпаты отъ сѣвера и юга: первое слышно вокругъ *Сигота*, второе—близъ *Мункача*, *Ужго-*

---

[1]) Зоря галиц. 1863, 423. Потеб. Два изслѣд. 154.

рода, *Гомонной* и *Прашева*. Угорскія разнорѣчія сами по себѣ не представляютъ ничего цѣльнаго.

Таково въ общихъ чертахъ географическое распространеніе галицкихъ разнорѣчій.

Переходя къ указанію звуковыхъ особенностей каждаго галицкаго разнорѣчія въ отдѣльности, считаемъ нужнымъ прежде всего замѣтить, что всѣмъ имъ свойственно широкое *ы*, въ которомъ смѣшались основное *и* и основное *ы*. Въ правописаніи галицкихъ собирателей образцевъ народной рѣчи господствуютъ въ отношеніи къ этому звуку ненаучныя воззрѣнія. Защитники этимологическаго правописанія (Головацкій, Осадца, издатели „Львовскаго слова") ставятъ *ы* и *и* тамъ, гдѣ требуетъ этихъ звуковъ славянское словопроизводство, раздвигая орѳографическія рамки до той широты, которая грозитъ народной рѣчи (по крайней мѣрѣ, на письмѣ) потерей всякой индивидуальности. Очевидно, эти ученые трудятся надъ постройкой такого дома, въ которомъ легко могли бы помѣститься не только русскія, но и другія славянскія нарѣчія. Другіе же, наоборотъ, идутъ, по видимому, въ противоположную сторону, отстаивая фонетическое начало въ правописаніи, но и эта фонетика имѣетъ какой то странный видъ. Вооружаясь противъ этимологическаго направленія, защитники фонетики, подъ вліяніемъ литературныхъ образцевъ украинскаго говора, въ которомъ нѣтъ широкаго *ы*, утверждаютъ, что и въ галицкомъ говорѣ нѣтъ *ы*, и потому всюду пишутъ *и*—вмѣсто основнаго *и* и основнаго *ы*. Это тоже своего рода этимологія, подсказанная борьбою литературныхъ партій и ни въ какомъ случаѣ неумѣстная въ наукѣ о языкѣ, въ интересахъ которой мы рѣшились стать независимо отъ литературныхъ увлеченій, возстановляя *ы* сообразно съ дѣйствительной фонетикой галицкихъ разнорѣчій.

Главная особенность подгорскаго разнорѣчія заключается въ замѣнѣ звука *я*, послѣ шипящихъ *а*, звукомъ *є*. Эта замѣна особенно часто встрѣчается послѣ шипящихъ (кромѣ немногихъ словъ: *шабля*, *чары*, *чужа*, *наша*) и вообще послѣ согласныхъ, въ которыхъ явно или скрыто существуетъ іота: *тє*, *тєжко*, *мєсо*, *гонє*, *ходє*, *памєть*, *насінє*, *телє*, *рєбый*, *пшєныцє*, *жєль*, *чєс*, *щєстє*. Не переходитъ *я* въ *є* въ тѣхъ случаяхъ, когда съ гласнаго *я* начинается слово или слогъ, особенно послѣ твердыхъ гласныхъ: *я*, *чыя*, *пояс*, *стояты*,

чорная, иногда и послѣ согласныхъ, въ особенности послѣ *л: для*, *лях*, *гуляты*, *білява*. Сообразно съ этимъ основнымъ фонетическимъ явленіемъ, *ся* переходитъ въ *сє*: этотъ слогъ безъ ударенія часто звучитъ, какъ *сы*. Ассимилирующее вліяніе іоты переводитъ иногда *є* въ *і* (*ji*): *щістє*, *місіц*. Особенно часто встрѣчаются такія формы въ южномъ Подгорьи, откуда онѣ проникли и въ гуцульское разнорѣчіе. Въ предложныхъ словахъ предлогъ *вы* звучитъ, какъ *ві: віходыты*. Система согласныхъ звуковъ близка къ украинскому говору, только *ц* и *р*, безъ поддержки гласныхъ звуковъ, звучатъ твердо: *отец*, *господар;* согласный *р* иногда выговаривается твердо и съ гласнымъ звукомъ: *господара*, *господару*.

Аналогически съ подгорскимъ превращеніемъ послѣ шипящихъ *а* въ *є*, въ гуцульскомъ разнорѣчіи *а* превращается въ *я: жяль*, *щястє*, *чяс*. Иногда и другія гласныя послѣ шипящихъ іотируются, иными словами, шипящіе способны къ смягченію не предъ однимъ только *а*, но и предъ *е*, *о*, *у: ножя*, *ножєвы*, *ножю*, *щё*. Звучитъ мягко также и *р: брят*, *церьков*, въ концѣ словъ, безъ опоры на гласный звукъ, твердо: *цар*. Свистящіе въ концѣ словъ, а также въ срединѣ словъ предъ согласными, произносятся твердо: *війско*, *візме*, *гуцулский*, *лепский*, *сес табунец*, но съ опорой на гласный звукъ—мягко: *табунця*.—Встрѣчается ассимиляція звучныхъ согласныхъ въ отзвучные, впрочемъ, спорадически, не въ видѣ постояннаго явленія, напр: *прыспа* [1]).

Если исключить изъ лемко-бойковскаго разнорѣчія постороннія вліянія и кой-какія звуковыя особенности, собственно этимъ разнорѣчіямъ принадлежащія, то они въ фонетическомъ отношеніи не представятъ намъ существенныхъ отличій отъ разнорѣчія подольскаго [2]). 1) Широкое *ы*, свойственное всѣмъ галицкимъ разнорѣчіямъ, у бойковъ и лемковъ произносится еще шире, особенно послѣ гортанныхъ. 2) У тѣхъ и другихъ распространено стяженіе гласныхъ въ глаголь-

---

[1]) Гуцульское разнорѣчіе представляетъ оригинальныя морфологическія особенности: 1) третье л. множ. ч.: *стоя*, *говоря*, *гомоня*,—если же есть *т*, то оно произносится твердо; 2) *му*, *меш*, *ме*, *мем*, *мете говорыты*. 3) Есть старинное прошед. вспомог. глагола: *ішов бих*. 4) Энклитическія формы: *булим*, *ходылим*, вм. *булысмо*.

[2]) Лемки получили свое названіе отъ частицы *лем* (словац. *len*—только), которою изобилуетъ ихъ разговорная и даже поэтическая рѣчь.

ныхъ формахъ, именно въ глаголахъ съ темой на *а* нѣтъ соединительной гласной: *гадам*, *гадаш*, *гадат*, во множ. по словацки: *идеме*, *несеме* вм. *мо*. 3) *Нь* превращается въ *й* въ прилагат. и существ. уменьшительныхъ: *білейкый*, *дівойка* и проч. 4) У бойковъ встрѣчается иногда зіяніе: *гадаут*, *дуе*, *заац*, *в покоах*. 5) У лемковъ предъ начальнымъ *а* нѣтъ иногда іоты: *айце*, *авор*, *абко*, *астряб* [1]).

Фонетика угорскихъ разнорѣчій представляетъ пеструю смѣсь гуцульскихъ и лемко-бойковскихъ звуковыхъ особенностей [2]). Собственно въ угорской Руси встрѣчается *у*, *ю* изъ основнаго *о*, *е*—черта, роднящая угорскія разнорѣчія съ сѣвернымъ малорусскимъ говоромъ и при этомъ отсутствующая въ другихъ галицкихъ разнорѣчіяхъ.

Представляя этотъ общій обзоръ фонетическихъ особенностей галицкихъ разнорѣчій, мы считаемъ нужнымъ заявить, что не имѣли въ виду начертить полную картину ихъ со всѣми подробностями. Задачей нашей было указать только рѣзко выдающіяся, типическія черты галицкой фонетики. Поправки и дополненія примемъ съ благодарностію. Послѣднія тѣмъ болѣе необходимы, что мы не имѣли возможности собрать въ достаточномъ количествѣ данныя, относящіяся къ разнорѣчіямъ угорскимъ и лемко-бойковскому. Больше всего у насъ собрано матеріала, характеризующаго подгорское разнорѣчіе.

Для наглядности прилагаемъ два образца такъ называемыхъ смѣшанныхъ склоненій по तремъ галицкимъ разнорѣчіямъ: лемко-бойковскому, гуцульскому и подгорскому.

		Лемко-бойковс.	*Гуцульс.*	*Подгорс.*
Единс. ч.	Имен.	ніж	ніжь	ніж
	Родит.	ножа	ножя	ноже
	Дат.	ножевы	ножевы	ножевы
	Винит. как	именит.		
	Зват.	ножу	ножю	ножу

[1]) Въ склоненіи существит. по мѣстамъ сохранились старинныя формы: дат. множ. *ім* изъ слав. *омъ*, *емъ*: *хлопім*, *конім*, *псім*,—творит. множ. *з дровы*, *з волы*,—твор. ед. женс. именъ *ов* и *ом*: *водов* и *водом*.

[2]) Наиболѣе полное описаніе угорскихъ разнорѣчій мы нашли въ статьѣ И. И. Срезневскаго, помѣщенной въ Вѣстникѣ географ. общ. 1852, кн. 2-я.

	Творит.	ножем	ножεм	ножем
	Мѣст.	ножы	ножі	ножы
Множ. ч.	Имен.	ножі	ножі	ножі
	Родит.	ножів	ножів	ножів
	Дат.	ножам	ножям	ножεм
	Винит. и зват. какъ именительный.			
	Творит.	ножамы	ножямы	ножεмы
	Мѣст.	ножах	ножях	ножεх.
Единс. ч.	Имен.	душа	душя	душε
	Родит.	душі	душі	душі
	Дат.	душы	душі	душы
	Винит.	душу	душю	душу
	Зват.	душо	душё	душо
	Творит.	душов(ев)	душёв	душов(ев)
	Мѣст. какъ дательный.			
Множ. ч.	Имен.	душі	душі	душі
	Родит.	душ	душь	душ
	Дат.	душам	душям	душεм
	Винит. и зват. какъ именительный.			
	Творит.	душамы	душямы	душεмы
	Мѣст.	душах	душях	душεх.

Подольскія разнорѣчія.

Ой по горі по высокі (sic) голубы літалы:
Не зазнала роскошонькы ні в тата, ні в мамы.
Ой по горі по высокі голубы літают:
Не зазнала роскошонькы—вже й літа мынают.
Літа ж мойі молоденькі, літа ж мойі слічні!
Як підемо за мылого, будьте довговішні!
Як підете за мылого, літа, продовжіться,
Як підете за нелюба, літа, вкоротіться!
Ой візьму я жыта в жменю, а в другу ячменю:
Завйазала сь, лыха доле, рукы без ременю.
Лыху долю ні продаты, ані проміняты,
Тілько треба з лыхов долев свій вік карататы.

—

Тяжко мені, на серденьку нудно,
Що без мылого жыты в світі трудно.
Не мыла худоба, а ні в стозі жыто,
На мойім серденьку, як ножем пробыто.
Як ножем пробыто, то знайдуться лікы,
Пішла-м за нелюба—пропала на вікы.
Ой у полю, полю качечка ночує,
Ой мій мыленькый до другойі мандрує.
—„Ой як маєш жінку, то ідь до дому,
Як не маєш жінкы, то ночуй зо мною.“
—„Ой маю я жінку, ще й діточок двоє,
Жінка не мыла і діты обоє.“

—

Або з тугы, або з журбы в черныці піду,
Скажу собі збудуваты хатыну нову,
Скажу собі вырубаты тры віконьці:
В перше віконце выдно на манастыр,
В друге віконце выдно в чисте поле,
В третє віконце выдно в сад-выноград.
По тім садочку черныці ходят,
Вырвалы по яблучку та й раду радят,
Вырвалы сьте по яблучку, вырвіт ще двоє,
Вырвіт ще двоє, та вырвіт ще й моє.

(Записано въ Рудавкѣ, Каменец. у.)

Оре плужок по-над лужок сірымы воламы:
Выйды, выйды, моє закохання, с чорненькымы брівонькамы.
Чорна горо, чорна горо, чом ся не лупаєш:
Ты, дівчыно, моє закохання, чом ся мені не прызнаєш?
Хіба-ж бы я с піску була, щоб я ся лупала:
Хіба ж бы я розуму не мала, щоб я тобі ся прызнала?
Упав сніжок на обліжок, зробывся водою:
Ой чы тужыш ты, мыленька, так за мною, як я за тобою!
Ой тужу я мыленькый, тужу,
Зачекай, мій мыленькый, хоть штырі неділі—най года дослужу!
Посію я тры гарці жыта, а четвертый пшеныці,
Як не піду сёго року за-між, то піду в черныці.
А в черныцяхъ—йісты, пыты, хороше ходыты,

Тілько мому серцю сухота, що нікого полюбыты.
Посію я тры гарці жыта, а четвертый гречкы:
Ой не сватай русын полькы, щоб не було суперечкы.
Прыйде той день субота, будем ся сварыты,
Бо не схоче твоя мазуречка но два борщі варыты.
Посію я тры гарці жыта, а четвертый проса:
Ходыла я в батька в черевыках, тепер хожу боса,
Ходыла я в черевычках с срібными пражками,
Тепер хожу на морозі біленькыми ноженькамы.

(Запис. въ с. Садкахъ, Ямпольс. у.)

Ой у лузі, лузі зузулька кувала,
Зузулька кувала, всю правду казала:
Маты свого сына в військo выражала.
Ой выражала, та й распоражала:
Як будеш, сынку, в війську служыты,
То не забувай до церквы ходыты,
До церквы ходыты, Богу ся молыты:
Буде тобі, сынку, сам Господь годыты.
Ой маты, маты, Васылыхо!
На-що породыла на печаль, на лыхо?
Ой паны нашi, паны комысары!
На що ж вы нас в чужый край загналы,
На що намы, молодьцямы, Турка воювалы,
Нашою кістею мосты выстылалы,
Нашою кровлею (sic) землю напувалы?

(Запис. въ с. Серединкѣ Гайсинс. у.)

Волынскія разнорѣчія [1]).

Болыть моя головойка ще й очі—
Годуваты дрібн'і діты, а нема чым!

---

1) Очень жалѣемъ, что не могли собрать въ большемъ количествѣ образцевъ подольскихъ и волынскихъ разнорѣчій. Впрочемъ, и тѣхъ данныхъ, которыя мы представили, совершенно достаточно для того, чтобы видѣть переходный характеръ этихъ разнорѣчій. Съ фонетической стороны подольскія разнорѣчія ближе стоятъ къ украинскому говору, со стороны формъ—къ галицкому. Самыя формы, сближающія подольскія разнорѣчія

—„Не журыся, бідна вдово, не журыся,
Тильво встанеш, зараз Богу молыся!“
—„Ой молыла я Бога, все молыла,
Тильво свойі діты а зморыла!
Ой лугамы, берегамы, ще й лугом,
Ой там плыне лебедыця з лебедем.
Гіля, гіля, лебедята, на рікы:
Горе мені а вдовойці на вікы!“

—

Ой ты, дубе кучерявый, гылє твоє гнеться:
За козаком молодейкым тєжко (sic) серце бйється.
Як не знала козачейка, була як калына,
Тепер же я зробылася, як та біла глына.
Летыть голуб від голубкы, та й сів він на руті:
Нужу серцем без козака, як той злодій в путі.

(Запис. въ Бережцахъ, Владиміро-волынс. у.)

Через моє подвірєчко стежечка лежыть,
Туды моя дівчынойка по воду біжыть.
А я свою дівчыноньку (sic) на жарт зачепыв,
А я з свойі дівчынойкы перстінчык здиймыв.
А вже ж в мойім подвірєчку бурйаны цвітуть,
А вже мою дівчынойку до шлюбу ведуть.
Йіден веде за ручейку, другый за рукав,
А третєму жалко стало: любыв—та не взяв.

(Запис. въ Гущѣ Владиміро-волынс. у.)

съ галицкими, постепенно исчезаютъ въ восточныхъ уѣздахъ подольской губ. Волынскія разнорѣчія представляютъ еще большую пестроту, чѣмъ подольскія. Въ сѣверной части Волынской губ., особенно въ Овручскомъ уѣздѣ слышны звуковыя особенности сѣвернаго малорусскаго говора, въ западныхъ уѣздахъ (Владимірскомъ, Ковельскомъ, Луцкомъ, Дубенскомъ) спорадически встрѣчается галицко-подгорское *є* вм. *а* (*я*) послѣ шипящихъ, въ восточныхъ уѣздахъ господствуетъ фонетика украинскаго говора съ тѣмъ отличіемъ, что еще слышно очень рѣзко широкое *и* вмѣсто основнаго *и*, а равно *і* изъ *о* произносится тверже, чѣмъ въ украинскомъ говорѣ, какъ среднее *и*.

Що за слава в світі стала,
У Божому світі!
Любыв Пылып Ярыночку,
Ярына Пылыпа.
Ой не велів й отець-маты
Ярыночку браты,
Бо Ярына єсть убога,
А Пылып багатый.
—„Ой не беры, мій сыночку,
А тийі Ярыны,
Візьмы собі, мій сыночку,
Та по свойій рывні (sic).
Возьмы собі, мій сыночку,
Із кіньмы, з воламы,
Та не беры Ярыночку,
Що світыть очамы."
—„Що за щастє, моя маты,
У Божому світі,
Як я возьму багатую,
Та не схоче жыты?
Хоч Ярына єсть убога,
Абы-б серцю мыла,
Абы-б вона працювала,
Та діло робыла."
Коло млына крамйанына
Й а быстрі лотокы:
Ой там стояв Пылыпонько,
Ярына молода.
Серце в серцю прыложылы,
А ручкы щепылы,
На лотоці, в быстрій воді
Обоє втопылысь.
Ой вы, ойці, ой вы, маткы,
На те не вважайте:
Яку Господь пару дає,
То й не розлучайте!

—

Бувайте здорові, тісові ворота!
На Вкрайіну далеко.....
Козаче-соболю, візьмы із собою
На Врайіну далеко!
—„Дівчынонько мыла, що будеш робыла
На Вкрайіні далеко?“
—„Буду хуста пряла, буду хліб заробляла
На Вкрайіні далеко.“
—„Дівчынонько мыла, де ж будеш сушыла?“
—„На высокій горі, на шовковім шнурі.“
—„Ой дівчыно кохана, де ж будеш качала?“
—„В новому покою, на тісовім столі,
Візьмы, серце, із собою!“
—„Дівчыно кохана, що ж ты будеш йіла?“
—„Хоч бы хліб із водою, абы-б, серце, із тобою,
Візьмы, серце, із собою!“

—

Ой тече Муравець, тече
Гіркамы та долынкамы,
Ой несе Муравець, несе
Та дівочую красу.
А дівочая краса у меду потопає,
А із вына вырынає.
Ой тече Муравець, тече
Гіркамы та долынкамы,
Ой несе Муравець, несе
Да парубочую красу.
А парубочая краса у горільці потопає,
А с пыва вырынає.

(Зап. О. П. Косачъ въ Корцѣ, Новградволынскаго у.).

Образцы украинскаго говора. [1])

Ой хвалився та козак Швачка під Білую-Церкву йдучи:
Гей будем, брати, та китайку драти, та в онучах топтати.

---

[1]) Центральной линіей украинскаго говора нужно считать теченіе Днѣпра отъ Кіева до самаго Чернаго моря. Отъ Днѣпра къ западу и во-

Гей казав-єси, козак Бондаренко, а що славонька буде:
Гей будем, брати, та поли драти, та плечі латати.
Гей на козаченьків, гей на молоденьких та пригодонька спала,
Гей що в середу та ввечері та усіх Москва побрала.
Ой побрали, та й попарували усіх до купочки,
Заглядають один до другого, як сизі голубочки.
Ой побрали, та й попарували, та й повезли возами,
Ой оглянемся на ту Украйіну та й обіллємся слёзами.
Ой забрали, та й попарували, як голубоньків у парі,
Гей засмутилась уся Украйіна, та як сонечко в хмарі.

(Изъ Сборн. Лысенка, запис. подъ Кіевомъ).

Дума о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова [1]).

Ой то не пили пилили, не тумани уставали,
Як із города Азова, із тяжкойі неволі три братіки втікали:
Два кінних, третій піший—пішениця,
Як би той чужий—чужениця
Біжить підбігає........

стоку расширяется украинскій говоръ, захватывая, съ одной стороны, губернію Кіевскую (кромѣ уѣздовъ Радомысльскаго и отчасти Кіевскаго) и восточные уѣзды губерній Подольской и Волынской, съ другой стороны, губернію Полтавскую (кромѣ восточной полосы Переяславскаго уѣзда), уѣзды Нѣжинскій, Борзенскій и Конотопскій въ Черниговс. губ., отчасти Путивльскій уѣздъ въ Курской губ., южную часть Воронежской губ., всю Харьковскую и Екатеринославскую губ., весь Новороссійскій край съ Черноморскою землею. Замѣчательно, что на этомъ огромномъ пространствѣ встрѣчаются самыя незначительныя отъ общей звуковой нормы отклоненія, которыя мы затрудняемся назвать даже разнорѣчіями.

[1]) Издатели историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа говорятъ объ этой думѣ, что она „должна была сложиться не ранѣе конца XV в., и не позже начала XVII, такъ какъ въ ней, съ одной стороны, Азовъ принадлежитъ уже туркамъ, а онъ занятъ ими въ 1475-мъ году,—съ другой стороны, степь между Азовомъ и лѣво-бережною Украиною представляется трудно проходимою пустынею, по которой бродятъ татарскія шайки, между тѣмъ какъ послѣ 1576 г. уже появляются по р. Самарѣ запорожскія паланки, а при Вопланѣ (1636—1640) самарская паланка была уже одною изъ болѣе заселенныхъ запорожскихъ земель". (Истор. п. Ант. и Драг. 173).

Під бід'і [1]) ноги пожар підпадає, кров сліди заливає!
То він своїх брат'ів доганяє,
Между коні убігає,
Словами промовляє,
Гірко слёзами ридає,
За стремена хватає:
—„Брати ж мойі старші, мил'ійі,
Як голубоньки сивийі!
Ей, то станьте, коні попасіте,
Мене, меншого брата, підождіте,
Або назад завернітесь,
Та на коні возьміте,
Хоть мало 'підвезіте:
Нехай я буду знати,
Куди в городи християньські до отця, до матки в гості прибувати!"
—„Ой братіку наш менший милий,
Як голубонько сивий!
Ой та ми сами не втечемо
І тебе не увеземо,
Бо із города із Азова тяжко-велика погоня буде,
То ти будеш по тернахъ, по байраках схоронятися,
А нас (погоня) буде доганяти,
Стріляти—рубати,
Або живих в полон займати."
—„Ой брати ж мойі старші, мил'ійі,
Як голубоньки сивийі!
Ой єсть у вас ясний міч,
Та зд'іймить мині головку з пліч.
Та тіло моє козацьке-молодецьке а в чистому полі поховайте,
Та звіру-птиці на поталу [2]) не дайте!"
То т'і брати промовлять словами,
Обіллються гірко слёзами:

---

[1]) Кавычка предъ і означаетъ, что предшествующій согласный звукъ не подвергается непереходному смягченію.

[2]) „Потала—то пища звіру-птиці, або пожива." Замѣч. пѣвца.

—„Ой братіку наш менший, милий,
Як голубонько сивий!
Ой хоть у нас ясен міч є,
Так наше серце козацькеє-молодецькеє не осмілиться,
І рука наша козацька-молодецька не воздойме,
І наш ясен міч твоєй головоньки не йме:
На прах розпаде!“
—„Ой брати ж мойі старші, милійі,
Як голубоньки сивийі!
Йідьте ж ви шляхами,
Та рубайте тернове віття шаблями,
Та розкидайте меншому брату, пішому-пішениці шляхами
Для козацькойі признаки,
Щоб я мог знати,
Куди у городи християнські, до отця до матки в гості прибувати.“
То то-ж-то йіхали брати шляхами,
Рубали терновийі віти шаблями,
Розкидали меншому братові, пішому-пішениці
Для козацькойі признаки.
Та як стали на Мурав-степи вийіжджати,
Нігде ні терн'ів, ні зелених байраків не завидати!
Ей то брат середульший промовляє словами:
„Ей братіку старший, милий,
Як голубонько сивий!
Ой станемо ми, коні попасімо,
Меншого брата підождімо;
Або назад завернімося,
Та на коні возьмімо,
Хоть мало підвезімо,
Нехай він буде знати,
Куди в городи християнські до отця до матки в гості прибувати.“
То то промовляє старший словами,
Обіллється гірко слёзами:
—„Ой братіку мій менший, милий,
Як голубонько сивий!
Чи ще ж тобі каторга турецька не вірялася,
Сириця у руки не вйідалася,

Щоб ти назад завертався,
Та дні вакував, [1])
Та на коні вагу набірав?
Та він сам жив-здоров буде,
В городи християнські, до отця до матки у гості він і піхом прибуде."
Ей то брат середульший добре дбає,
Зпід лудяну [2]) червону китайку виймає,
Дере, шляхами розкидає,
Меншому брату, пішому-пішениці признаку дає.
Ой то то-ж-то менший брат, пішиий-пішениця біжить-підбігає,
Під біл'і ноги пожар підпадає, кров сліди заливає!...
На мурав-степ вибігає,
Так нігде тернових віт не забачає!
Т'ільки червону китайку забачає,
До єйі прихожає,
У руки бере, ік серцю прикладає,
Гірко словами промовляє:
—„Ей і знать то Азовська орда великі збитки мала,
Мене на спочивку минала,
А мойіх брат'ів доганяла,
Стріляла-рубала,
А може живих у полон займала!
Ей Господи, Боже мій!
Коли б я мог знати,
Чи мойіх брат'ів постреляно,
Чи йіх порубано,
Чи йіх живых у руки забрано?
Ей то пішов би я по тернах, по байраках блукати,
Тіла козацького-молодецького шукати,
Та тіло козацьке-молодецьке у чист'ім полі поховати,
Звіру-птиці на поталу не подати."

---

[1]) „Себ-то: гаїв" (медлилъ). Замѣч. пѣвца.

[2]) „Чи сідло, чи що, а може й жупан". Замѣч. пѣвца. Слово: *лудан* напоминаетъ „луду, златомъ истъкану" слѣпаго Якуна, который, послѣ неудачной битвы, „отъбѣже луды златое" (Ипат. сп. лѣт. 104).

Ей то до Савур-могили ой! прихожає
(Одно безвіддя,
Другеє голоддя),
До Савур-могили прихожає,
На Савур-могилу голову склоняє,
Гірко слёзами ридає.
Ой то ж орли сизопері налітали,
Та й на чорн'і кудрі наступали,
Із-під лоба очі виймали.
То той піший-пішениця,
Як би чужий чужениця,
Обіллється гірко слёзами:
—„Ой гості ж мойі немил'і, нелюбі!
Ой достаньте, підождіте,
Поки буде душа козацька-молодецька з білим тіломъ розтрявати,
То тоді будете отъ жовтих костей тіло оббірати,
А з під лоба очі виймати.“
До то ж не чорна хмара наступала,
Як душа козацька-молодецька з білим тілом розтрявала.
Орли-сизоперці налітали,
Од жовтих костей тіло оббірали,
А із-під лоба очі виймали.
І тоже олці—сірохманьці [1]) з великих степів набігали,
Од сустав кості одривали,
Да по тернах, по байраках розношали.
Е до то-же буйн'іхі вітри повівали,
Та камишами жовт'іхі кості покривали.
Ей то тож козака ні отець, ні мати оплакала,
Як сива зозуля прилітала,
Та у головах сідала,
Да жалібно закувала:
—„Ой голово, голово, козацькая—молодецькая!
Се-ж ти ні допила, ні дойіла,
А ні хороше не сходила;

---

[1]) „Усе йідно—вовки, т'ілки тут не можна так казати.“ Замѣч. пѣвца.

Ай довелося валятися,
Звіру-птиці на поталу подаватися!"
То як стали два брати у городи християньськи прибувати,
Стали на церкви накладати,
І землю турецькую клясти-заклинати:
„Ой земле, земле турецькая,
Віро бусурманьськая,
Розлуко християньськая!
Розлучила брата із сестрою,
І мужа з жоною,
Товариша із товаришем!
Бідному невольнику ніколи спокою немає!"
Ой земле, земле,
Ти справді-ж проклятая,
Тільки турчину-камйаничину на сребро на злато весьма богатая.
Услиши, Господи, у прозьбах, у молитвах,
Люду царському, народу християньському,
І усім головам слухащим
На многі літа
До коньця віка!
(Зап. А. А. Русовъ отъ кобзаря Вересая, Прилуц. у., Полт. губ.)

II

ОБРАЗЦЫ ПИСЬМЕННАГО ЯЗЫКА СЪ ПРИЗНАКАМИ МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ. [1])

XIV вѣкъ.

Купчая грамота 1359 г. (Писана въ Перемышльской землѣ).

Въ лѣто шести тысячное (осьмьсотное) шистдесять семое (1359 г.) купилъ панъ Петрашъ дѣдицтво панъны Радивоновоѣ, дѣдину і-єі-є

---

[1]) Этотъ отдѣлъ могъ бы быть значительно пополненъ, если бы мы имѣли возможность провѣрить по самимъ подлинникамъ полученные нами списки изъ Луцкаго евангелія (Вост. Опис. Рум. Муз. 178—177), изъ малорусской Псалтири XVII в., изъ „Александріи“—рукописи, писанной въ 1697 г. Василіемъ Менжинскимъ, поповичемъ мозырскимъ (двѣ послѣднія рукописи хранятся тоже въ Румянцевскомъ Музеѣ). Изъ нѣкоторыхъ рукописей, напримѣръ, изъ Поученій Ефрема Сирина, мы не могли получить даже списковъ, и потому должны были довольствоваться тѣми данными, которыя нашли въ „Свѣдѣніяхъ о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ“ Срезневскаго. Для XIV и XV в. мы воспользовались изданнымъ уже матеріаломъ, для XVI в. мы собрали матеріалъ, еще нигдѣ не напечатанный (отрывки изъ Пересопницкаго евангелія, изъ рукописи „Страсти Христовы,“ изъ печатнаго изданія „Апокризиса,“ изданнаго Кіевскою Духовною Академіей въ русскомъ переводѣ). Отрывки изъ „Лѣтописи Самовидца“ печатаемъ не по изданію Бодянскаго, а по новооткрытой рукописи, приготовляемой къ изданію Кіевскою Археографическою коммиссіею. Не можемъ при этомъ случаѣ не высказать желанія, чтобы издатели письменныхъ памятниковъ малорусскаго нарѣчія имѣли въ виду не только исто-

и вотнину, што по нїой отець далъ. Она продала Петрашкови Радзѣовскому свою дѣднину и вотнину у вѣки и дѣтемъ его, полъ става и со млиномъ и съ корьчмою и землею и сь дворищи и со всѣмъ, што коли отца ее прислушало, а въ то не надобѣ уступатися ни унукомъ ı-єѣ, ни племеню ı-єѣ. А купилъ панъ Петрашъ за сорокъ гривенъ. А на то послуси: панъ староста рускоѣ земли Ота Пилецкий, воевода Цтиборъ, писарь Яшко, а се земляне: панъ Ходко Быбельский, Иадолфовичь Друздъ, Иванко Полпричичь, Богданъ Тивунъ, Щепанъ Волошинъ Рыботицкій, Олефѣрко судья, панъ войтъ Перемышльский, Каньтуръ изъ Угоръ гость, панъ Гутаръть, Кость Соковичь, Ганькѣ Роховичь. А питѣ могоричь у Быбицкого у дому за копу грошей. А писалъ грамоту писарь пана старостынъ дякъ изъ Болестрашичь [1]) именемъ Дьяковичь, а при томъ былъ попо Печѣрский Петръ, а корчмитъ Олехновичь Семенъ, у вѣки вѣкомъ Аминь.

(Головац. Памятн. яз. рус. 5—6. Напечатана также у Мацѣевскаго: Hystorya prawodawstw Slowian 1858. т. VI, 148. Для изданія Головацкаго свѣрялъ Петрушевичъ).

Купчая грамота 1366 г. (Писана въ Перемышльской землѣ).

Во имя Отця и Сына (и) святаго Духа подъ лѣтомъ Божія нарожения тысячего трийсоть шистьцятого шестого. Купилъ панъ Петръ Радзѣовский дѣдицтво Пневолъть [2]) у Шюльжичювъ у Хлипля и у брата ı-єго Захарьѣ и у ı-ехъ (sic) дѣтий, со всѣмъ уı-єздомъ того села, и съ счемъ (sic), и с колодяземъ, и съ лѣсомь, и з бортьми, и сьвепеты за рѣкою, и съ сѣножатьми и землею того села за сто гривенъ вѣсныхъ, а продали и уздали ı-єму добровульно и у вѣки дѣтємъ ı-єго, передъ паномъ Пилецкимъ старостою русъкоѣ земли. А у ставу Радивунковѣ ловити сѣтью ему добровульно. А на то послуси: владыка Ларивунъ и съ крилошаны Перемышлъский и печать ı-єго, панъ Петръ Ивановичь и печать ı-єго, панъ Ходво Быбельский и печать его (sic), Стецко Лоı-євычь и с Ходкомъ братомъ своı-ємь и печать ı-єго, панъ Навуй Стоянь-

---

рическую, но и филологическую пауку, и вмѣстѣ съ тѣмъ очитаемъ своимъ долгомъ принести искреннюю благодарность лицамъ, которыя содѣйствовали собранію издаваемаго нами, какъ устнаго, такъ и письменнаго матеріала.

[1]) Болестрашичи—селеніе въ Перемышльскомъ округѣ.

[2]) Пневолъть—нынѣ селеніе Пнивутъ.

ский, панъ Новойко Касяновъ братъ, Дмитръ Матьоѳевичь, панъ Невъстунъ Столпувскій и братъ его Фаниславъ, панъ Лѣсота, Друздъ Ядолъфовичь, Васько Кузмичь, панъ Яшко писарь Крукиницкий, Осташко Потрутовичь и сыномъ (sic) и съ Петромъ, панъ Стиборъ, Ходко Ягольниковичь и печать его, Осташко Сульский, Богданъ Тивунъ, войтъ Перемышлъский и съ мѣстичи; панъ Ожегъ Сольнячковичь, Глѣбко и братъ его Костко Бѣзна, судіа Олеѳѣрко, Владычинъ тивунъ Иванько Губка. А питъ могоричъ у Андръка у дому Лысаго, за двѣ гривнѣ вѣсны и меду за гривну, а пива за гривну. А писалъ привилье се поповичь Болестрашицкий именемъ Деяковичь Василѣовъ сынъ попевъ Костъ прузвищемъ Сорочичь.

(Головац. Пам. яз. рус., 6—7, также у Мацѣевскаго въ Hist. prawod. Slaw. 1858, т. VI, 146. Свѣрена съ подлинникомъ Петрущевичемъ).

Грамота подольскаго князя Александра Коріатовича смотрицкому Доминиканскому монастырю 1375 г. (Писана въ Смотричѣ).

Во имя Отця и Сына и святого Духа, аминь. Мы князь Литовский, князь Олександро Коріатовичъ, Божы-єю милостью князь и господаръ Подольской земли, чинимъ свѣдочно своимъ листомъ всякому доброму, кто жъ на сей листъ посмотрить, што жь былъ братъ нашъ князь Юрій Корьятовичь придалъ млинъ къ церкви къ Матцѣ Божы-єй у Смотричи, то и мы князь Олександъро потвержива-ємъ того своимъ листомъ, дали і-єсмо на вѣки той млинъ и мѣсто у млина, къ цркви и тымъ мнихомъ казателевого закону, а кого коли испрячють людий ксобѣ у томъ мѣстѣ у млина тыѣ люди далъ і-єсмъ имъ со всѣмъ правомъ. Але то, штожь коли вси бояре и земляне будуть городъ твердити, тогды тии люди тагоже имѣють твердити городъ Смотричь. Иже то штожь коли вси земляне имуть давати дань у татары, то серебро имѣють также тии люди дати. А ко млину граница (а): горѣ Смотричемъ до мосту, а доловъ Смотричемъ, што дуброва межи Ходорковымъ седомъ тоѣ дубровы половина ко млину; а в поли кде собѣ проорють нивы, то ихъ имѣ-єтъ прислушати. А на то дали і-єсмо свой листъ и печать завѣсили сво-єго князьтва. А свѣдци на то: Гринко, панъ староста Подольский; Смотрицкий во-євода Рогозка; Прокопъ и Семенко Корабчѣвский. А писанъ листъ у Смотричи, по Божіимъ нарожены ҂а лѣтъ и т̃ и о̃ и пятого лѣта, мѣсяца марта у з̃і (день), у день святого Олексѣя, человѣка Божія.

(Акт. Зап. Рос. I. 21. Свѣрена и исправлена по подлиннику, хранящемуся у автора).

Судная грамота Гнѣвоша, старосты русской земли 1393 г. (Писана въ Вишнѣ, Теребовльской области).

А се знаменито будь, и свѣдочно всѣмъ добрымъ, што на тотъ листъ увоздрять; а се мы панъ Гнѣвошь, староста рускоѣ земли то познавами нашимъ листомъ, а пришодьши предъ наше обличьѥ и передъ земляны, панъ Волъчко пана Ходьковъ сыновець Лоіѥвича, и съ пани Ходьковою женою и сь іѥѣ дѣтьми и зятемь іѥіѥ Клюсомъ поіѥдналися о села вшитка, о дѣлницю, отдѣлили Волъчка отъ себе. Дали іѥму село у Теребовльский волостъ Новоселъцѣ, а шисть кобылъ и (зъ) стада, а жеребець, а два хресты серебная; а поіѥдналися на вѣки: ожь Волъчкови не починати о дѣлъ николи. А при томъ были и свѣдъци: панъ Ходько Бибельский, панъ Васко Кузмичь, панъ Пашко Мазувшанинъ и Вашко Данъславичь Рекъноитъ, Костько судья Перемышльскии, и много было добрыхъ при томъ. А писанъ листъ у Вышни по Божьюмъ нарожѣнъѣ ҂а лѣтъ, и т҃ лѣтъ, и ч лѣтъ, и г҃ лѣтъ.

(Головац. Пам. яз. рус. 13. Подлинникъ въ библіотекѣ Института Оссолинскихъ, № 7).

XV вѣкъ.

Грамота львовскаго воеводы Мацина пану Клюсу 1400 г. (Писана въ Львовѣ).

Во имя Ѡ҃ца і Сына і ст҃го Д҃ха. А се я панъ Мацина воевода Lвовъскый освѣдчаю тъ (sic) тымъ листомъ каждому доброму, передъ кымъ коли будетъ тъи листъ чтюнъ, аже пришедъ предъ наше обличьѥ на имя Ходоро Шидловоскыи своею доброю волью, здоровымъ животомъ, ничимъ не принуженъ ѥ продалъ пану Клюсови свою дѣдину на імя Шидловъ [1]), а въ тому дворище Жяворонковича, тъ іѥсть продалъ за л҃ копъ рускыхъ без одвукупу; и закупь пану Клюсови на вѣкы и дѣтьмъ его, іѥго прирожьнымъ послѣдкомъ; а тако продалъ якѡ самъ держалъ и с нивами, и сѣножатми, і ставы, і со лѣсы, із дубровами, і с пасиками, со всѣми границями, і въ доложь, і у пе-

---

[1]) Шидловъ, иначе Шидловцы, село въ Чортковскомъ округѣ.

рекъ того існого села, і дворища того Жяворонковича. А панъ Клюсъ имаеть того існого села Шидлова уживати і дворища того Жяворонковича на вѣкы, і дѣти его. А на то свѣдци: пано Яшко Мазовшанинъ, пано Мичко Куликовскыи, Михаль Жильховскы, воітъ Ілвовскыи, Кундратъ Миколаі, Милаха Лабанеского сынъ, Баграмъ Соцкыі. А на потвержены-є приложилъ тому листу свою печать пано Мацина, а писанъ листъ во Львовѣ по Божъімъ (sic) нарожении ҂ѧ҃ лѣтъ д ста лѣтъ.

(Головац. Пам. яз. рус. 19. Подлинникъ въ библіотекѣ Института Оссолинскихъ, № 9. По замѣчанію издателя, грамота замѣчательна почеркомъ буквъ и правописаніемъ: пишется: ъ-ι, ъ-ι (то же?) и ι ё).

Мѣновая грамота 1418 г. (Писана въ Галичѣ).

А се я панъ Михаилъ Бучачкии (Бучачскій), [1]) староста Галицкии (Галицкій), свѣдъчю (свѣдьчю) то и познаваю симъ своимъ листомъ каждому доброму, кому надобѣ, кто на тои лист (листъ) позрить (позритъ) или услышитге (sic) (услышить) его чтучи, коли буде того листого (sic) листу кому потребизна, иже пришедеши (пришедьши) передъ насъ и передъ земляны Тучнякъ Иванъ и с (съ) панею Росовою и с Марегорѣтою, своею доброю волею, ничимъ не примучени, познали передь (передъ) нами и передъ (sic) земляни (землями), иже ся замѣнили селы: Тучнякъ далъ пани Марекарѣтѣ Росовои свое село Куропатники и Нелятича дворище, а такъ уздалъ, яко самъ имѣлъ, и с полемь, и землею (земьлею), и с луками, и с водами, и с рѣками, и с луги, и с гаи, и с лѣсы, и с дубровами (въ Ак. Ю. и З. Р. вездѣ съ) и со весѣми ужитьки, што ниинѣ (sic) (нынѣ) суть, што и потомъ могуть (могутъ) быти, и со всѣми границами вѣчистыми, и со всѣмъ ис тѣмъ уздала Тучнякови, што изе (изъ) вѣка к (къ) тои дѣдининѣ прислушало; со всѣмъ и с (съ) тѣмъ уздалъ Росовои на вѣки вѣченыѣ (вѣчныѣ), пакли бы кто нагабалъ у тои дѣдининѣ панюю Росовую Марекрѣту или того, кому бы она продала, а то Иваново (Иваньво) Тучнякъ имас (имаеть) заступити и оправить (заступить и оправить); или бы дворъ нагабалъ, а (и) то имаеть оправити (оправить) Тученякъ (Тучьнякъ). А також пани Марекорѣта Росовая дала свое село Сернокъ Тучнякови и м копъ придала за Куронотеники (Куропотьники), а тако ему уздала, яко сама имѣла, и с полем, и с землью, и сѣно-

[1]) Разночтенія въ скобкахъ приведены по документу, напечатанному въ А. Ю. и З. Р.

жатьми, и с рѣками, и с болоти, и о ган (въ А. Ю. и З. Р. вездѣ съ), и со всѣми ужитьки, што нынѣ суть, мно и потомъ мугуть (sic) быти (быть), и со всѣми границами вѣчистыми, и со всѣмъ и с (съ) тѣмъ уздала Тучнякови, што иза (изъ) вѣка к тои дѣдининѣ прислушаеть, на вѣки вѣченыѣ (вѣчьныѣ), пакли бы кто нагабалъ Тученяка (въ А. Ю. и З. Р. этого слова нѣтъ) у тои дѣдининѣ у Серны, или Кроль Господарь, то пани Марегорѣта Росовая имаеть заступити оправити (заступити и оправити), подлугъ земесного (земьского) права. Тому (въ Актахъ: *а тому*) свѣдци: панъ Микола и Стриченикъ, панъ Зубрьянечки (Зубръ Янечки), панъ Францикъ Борешеницъ, Воитово (Войтько) пана Старостинъ братъ, Никлесъ воитъ Галицекии (Галицькій), Михалъ Грабовецекии (Грабовецькій), Волочеко Медынескии; иныхъ много добрыхъ (пяти послѣднихъ словъ въ Актахъ нѣтъ); а я панъ Михалъ Бучачекии (Бучачскій), староста Галичеки (Галическій), даю сии свои листъ пани Марекорѣтѣ Росовои, на свѣдоцество, подъ своею печатью. Писано листъ у Галичю, у понедѣлокъ на перевоѣ (на перьвоѣ) матьки божиѣ, число лѣтъ розества Христова ҂а лѣтъ и д҃ ста лѣтъ и н҃ı лѣтъ.

(Головац. Памятн. яз. рус. 35—36, также въ А. Ю. и З. Р. 7—8. Подлинникъ хранится у гр. Терновскаго въ Диковѣ).

Заемная грамота Васка Мошончича 1421 г. (Писана въ Львовѣ).

А се я панъ Васко Мошонъчьчи (Мошонъчичь) свѣдчю то своѣмъ листомъ каждому доброму, кто на сеси (сесь) листъ поврить или кому будетъ сего листу потрибно (потребно); оже узялъ есмъ у пана Ивашка сто купъ у Гудевича, а имаю пану Ивашкови дати ту сто купъ отъ сеѣ матки бж҃ьѣ, што прийдеть (придеть), на другую матыки (матки) бж҃ьѣ а пакли бы панъ Васко не далы тѣхъ ста купъ пану Ивашкови. Ѿ сеѣ матки бж҃ьѣ на другую матки божью (божьѣ), у рукъ, тогда имаеть (имаетъ) панъ Васко дати увазаные пану Ивашкови у Руданцѣ, со всѣмъ правомъ, яко самъ держалъ панъ Васко, а не вынимая ничого с того села; а тонъ (тотъ) листъ далъ панъ Васко на тыже (тыиже) пѣнязѣ, што на пана старостѣнѣ листу лежа (лежатъ). А на то были свѣдци, добрии (добрыи) панове: панъ Котлиньскиѣ (Котлиньскій) воевода Илвъвски, панъ судья Лвъвскиѣ (Лвъвскій), панъ Миколаѣ Мильчиньскиѣ (Миколай Мильчиньскій), панъ Андрѣи Ревутъ (Ребутъ), панъ Ивашко Вершняковичь, панъ Глѣбъ Суѣчь. А писанъ листъ подъ лѣты ржтва Хв҃а ҂а лѣтъ

а к҃, у дому у Циньдля во Львѣ, данъ по новъмъ (новымъ) лѣтѣ третиѣ (третіѣ) дни въ (у) пятокъ.

(Головац. Пам. яз. рус. 36., также въ А. Ю. и З. Р. стр. 8; разночтенія приведены по актамъ. Подлинникъ находится въ архивѣ Магистрата львовскаго).

Купчая грамота молдавскаго господаря Богдана 1451 г. (Писана въ Молдавіи или въ Буковинѣ, такъ какъ села, купленныя господаремъ, находятся въ Буковинѣ).

Милостію Божіею мы Богданъ Воевода господарь земли молдавскои, чинимъ знаменито тѣмъ нашимъ листомъ всѣмъ, кто нань узрить или его услышить чтучи, аже пришедши предъ нами бояре и предъ нашими своею доброю волею и ни кимъ не понъжденъ панъ Манъ Глобниковичь изъ дятми (въ подлин. ѧ) своими Лувою и Юриемъ и Лазаромъ и продали селисча свои пуста, што суть на граници, а на имя Иванковци и Погориловци и Хатчитци из своими ис прикутьы своими не старымъ хотаремъ, куды на ихъ старое привилие виписуеть съ усихъ сторонъ опрочь Давидовецъ. А продали ихъ нашему вѣрному боарину пану Михаилу Логоѳему за сто и двадесять златыхъ турецкихъ. И далъ имъ панъ Михаилъ часть пинязей напредъ, а остатокъ имаетъ имъ дати, коли оны выидуть и уздадуть (sic) ему весь хотаръ стары тяхъ (въ подлин. ѧ) то селищчь подлугъ еднаніе. За нужъ такъ ся еднали, ижбы предречены панъ Манъ з дѣтьми своими далъ подобны день пану Михаилу, абы вышли с паны и межиашп (sic) и съ ихъ старымъ привилиемъ, абы дали и узнаменали пану Михаилу тотъ увесь хотаръ съ всихъ сторонъ тяхъ (въ подлин. ѧ) то селищчахъ какъ же на старое ихъ привилие стоить. А давши и узнаменовавши тое з добрыми и статочными людми, тогды панъ Михаилъ имаеть имъ дати остатокъ пинязеи пану Ману и дятемъ (въ подлин. ѧ) его. А мы имаемъ тогды подтвердити великымъ привилиемъ подлугъ справедливости и земли нашеи обычая. А потомъ южъ панъ Михаилъ имаеть тоа селищча держати и оживати и осадити и млины и ставы собѣ чинити, какъ у своеи правое ѿчизны и у своемъ имѣни.

(Головац. Пам. яз. рус. 64., также у Венелина: „Влахо-Болгарскія и Дакославянскія грамоты". 1840).

XVI вѣкъ.

Отрывки изъ Пересопницкаго Евангелія (1556—1561). (Списаны съ подлинника. Рукопись хранится въ библіотекѣ Полтавской духовной Семинаріи).

Матѳ. зач. 77.

Оуподобилосѧ црѣтво нбное чл҃ко (sic) црю. который хотѣль сѧ ѡбличити из слоугами своими. а коли онь почаль личити: привели емоу єдиного должника. который быль винєнь тмою талаитъ. и нє маль ємоу чого ѡддати.— єгда жє нє имал ємоу чого ѡддати. повелѣ єго гдн҃ь є продати. и женоу єго и дѣти. и всє што ималь, а ѡддати.—Падши слоуга тъи, и просиль єго рєкоучи. Гдрю потръпи мн. И тобѣ ѡдд.—змиловал жє сѧ гдн҃ь на слоугою ты. поустиль єго, и дольгъ ѡпоустиль ємоу.—Вышєдши пакъ слоуга тъи, нашоль єдиного товариша своєго. который ємоу быль винєнь сто пѣнєзїи. оухопиль и давиль єго, и мовиль ємоу. Ѿдаи ми що ми єси должєнь. Падши должникъ єго на ногы єго. просиль єго рєкоучи, пожди ми и всє тобѣ ѡддамь. а онь нє хотѣль. алє шєдши всадиль єго втємницю. ажь бы ѡддаль што винєнь.—Видѣвши пакъ товаришє єго што сѧ стало. и розжаловалисѧ вєлми. и пришєдши повидѣли гдрєви своємоу всє. што сѧ дѣѧло. тогды призвавши єго гдн҃ь єго и рєкль ємоу. слоуго злый, вєсь онь долгъ ѡпоустиль є тобѣ. длѧ того ижє єси мѧ просиль. чи нє годилосѧ и тобѣ змиловати на товаришо твоимь. ꙗкъ сѧ ꙗ тыжь змиловаль надъ тобою. и розгнѣвальсѧ господарь єго даль єго моучитєлє докол бы заплатиль долгъ свои.

Мар. зач. 54.

И послали кнємоу нѣкоторыхъ з Фарисєоувъ и Иродиꙗнов\вь (sic). абы єго ꙋловили в мовѣ.—который то пришодши рєкли ємоу. оучитєлю вѣдаємо. ижє єси справєдливый. а нє дбаєши нѣ на кого. и нє смотришь на ѡсобоу людскоую. алє правдивомꙋ поутю бж҃їю наоучаєшь.—годи ли сѧ дань дати чили нѣть. дамо ли или нє дамо.—а ѡнь вѣдаючи и лєсть рєкл имь. чємоу мѧ коуситє. принєсѣтє ми пѣнєзь нєхаи ѡглѧдаю. а ѡни принєсли и дали ємоу.—рєкль имь чиє то єсть выѡбражєнѧ и написанѧ. А ѡни ємоу повидѣли цєсарєвь.—и ѡповѣдаючи Іс рєкль имь. даитє жь тогды цасарєви што єсть цєсарєво. а бж҃їє бв҃и.—и дивовали томоу.

Луки зач. 5.

Въ ѡныя то дни сталося є҃. иже вышлѧ єсть выреченя ѿ цесаря Августа. абы быль попсань весь свѣть.—то то писаня найперше сталося. ѿ владаря сирьскаго кириnея.—і шли всѣ. абыся признавали каждый з нихъ до своего мѣста. вышоль пакь Іѡсифь ѿ галилеи и з мѣста назарета до жидовской земли до мѣста дв҃дового которое зовꙋ виѳлеѡмь. прото ижь быль з домоу и поколѣня двыдового абы быль пописань изъ мріею обрꙋченною ємоу женою. а тогды то беремейна была. и сталося коли тамь были. выпл҃нилися днове родити єй. и породила с҃на своего прьвороженнаго и оувила єго в пеленьки. а положила єго въ ıаслехъ для того иже имь в домꙋ гостинномь оупокою не было. і пастыріе в то же (sic) сторонѣ и сторожоу почьноую надь стадомь своимъ стерегли. а и агг҃ель гн҃ь сталь близко нихъ. а и ıасность бж҃іа ѡсвѣтила ихъ и оустрашилися великимь страхомь. и рекль имь агг҃ль не боитеся. бо и я повѣмь вамь радо великоую. котораа боудє и всѣмь людемь бо ся народиль вамь дн҃ь збавитель который є҃ хс҃ гд҃ь. который то є҃ впородѣ дв҃довѣ. а того вамь знаменіє. найдете младенца пеленами повитого. а положеного въ ıаслехъ. автоть часъ изъ агг҃ломь борзо стало множество воинства нб҃наго хвалячихъ б҃а. и мовили боуди хвала б҃гоу на высокостяхъ. а на земли мирь и межи людь доброя воля. и сталося иже пошли ѿ нихъ в нб҃о агг҃ли.—ѡныи то пастыре мовили єдинь къ дроугомоу. поидемо ажь до виѳлеѡма. а оувидалемо тоє слово котороє то ся стало. и тоую речь которою намь г҃ь зъявиль. и пришли борзо. и нашли тамь марію іѡсифа и дитя лежачеє въ ıаслехъ. а оузрѣвши рославили (sic) то што є҃ имь повѣдено ѡ томь дидяти (sic). и дивовалися всѣ который то слышали што имь пастыреве повидѣли. а мрі҃а захововала всѣ тыи слова. розмышляючи всрци своємь.

Луки зач. 37.

Сталося пакь въ єдинь дн҃ь иже вступиль влодю и оученици єго. и рекль книмь переплынѣмо на ѡноую сторону ѡзера и поплыли на водоу. а коли плыноули того часоу быль оусноуль. и пришла боуря и вѣтры на ѡзеро. ажь и волныся влодю вливали. такь иже въ велико страхоу были. тогды пристоупивши збꙋдили єго рекоучи оучителю оучителю (sic) загыбає. а ѡнь вставши приказаль вѣтрови и волнамь водьныи и перестали. и борзо

сѧ тихо оучинило, и рекль й где есть вѣра ваша. А ѡни оустрашившисѧ дивовалисѧ й мовили єдинь кодроугомоу. а кто жь то є ижь й вѣтромь й водѣ приказоуе й слоухають єго.

Луки зач. 42.

Дн҃ь пакь южь почалсѧ коу вечерови скланѧти. й приступивши двѣнадесѧть рекли ємоу ѿпусти народы. абы шоши до ѡколичныи мѣсть й сель перемешкали. й нашли собѣ покормленѧ бо єсмо тоу на поустѡ мѣсци. А ѡнь рекль й дайте имь вы ѩсти. а ѡни рекли не маємо волше єдно пѧть хлѣбовь й двѣ рыбѣ.—єсли быхмо шли й накоупили страйныхь рѣчїи на тѡ то вѣ людь. а быле моужей ѩко пѧ тысѧчїи.—й рекль оученикѡ свои. повелѣте й сѣсти на коупы по пѧтидесѧ. й оучинили такь. й посадили ихь всѣхь.—й взѧвши пѧть хлѣбь й двѣ рыбѣ поздрѣль на нбо. й блвиль й розламаль. й даваль оученикѡ абы пре народѡ покладали йли вси й найлисѧ й зобрали ѡпосли што было ѡстало ѡкроуховь двѣнадесѧть кошовь.

Луки зач. 66.

Чл҃коу єдиномоу богатомоу зродило поле вѣмї й мовиль самь всобѣ рекоучи, што маю чинити, не маю где быхь зобраль жита мои (або пашню) И рекль такь оучиню, розмечоу жиницоу мою. (клоуню, або стодолоу). И болшїи повоудоую. йзбероу до неи всѣ жита мои. й все добро моє. й рекоу дш҃и моєй. дш҃е нмаєшь много доброго, й на много лѣть положеного. ѡпочивай (sic), ижь, пїй, а веселисѧ. Рекль ємоу бг҃ь. безоумне (або глоупче) той то ночи дшоу твою вытѧгнѹ ѿ тебе. а тоє што єси наготоваль комоу боудеть.—такь єсть каждый который собѣ громадить а не в бѡ богатѣє.

Луки зат. 83.

Чл҃кь нѣкоторый быль богатый, который же то ѡболочовальсѧ впорфи й ввисонь. (в шарлать а вдорогое ѡдѣнѧ). й на каждый днь бываль вѣмїи весель.—быль тыжь нѣкоторый оубогый. которомоу то было имѧ лазарь. который то лежаль оу вороть є боудоучи троудоватый. й хотѣль насытити ѿ кроухѡ который южь были пометаны йстола богатого. але нѣхто ємоу подати не хотѣль. псы пакь приходѧчи ѡблизовали гной єгс (вроды, або болѧчки) й сталосѧ єсть. ижє оумрль ѡнонь оубогый. й несень єсть аггли на лона авраамовы. Оумрль тыжь й богатый. й погребень єсть. й впеклѣ понесль ѡчи свои коли южь быль вмоукахь. й оузрѣль авраама здалека, й лазара на лонѣ єго. й

закрычавши рекль. ѡ ѿ авраа́ме помилоуй мя. а пошли лазаря абы омочиль конець пальца своего оу водѣ. и бустоудить язык мой. бо терплю тяжкоую моукоу втом те пламени.—Авраамь пакь ѿповидѣвша рекль ему. сыноу вспаматай иже еси оужиль добра своего вживотѣ твоемь. а лазарь также злого. ѿ тежь ѡнь теперь потѣшаеся а ты моукоу терпи. а еще на то межи нами и вами. пропасть великая оучинена есть. абы тый который ѡсель хотя кба перейти не моглй. а ни тыжь ѿтоуля кнамь не приходя.—Рекль пакь ѡнонь. прошоу тебе ѿче пошли его вдо ѿца моего бо еще маю пять братовь, абы имь свѣдчиль. абы и ѡни не пришли на тое мѣсце моучимсе. Рекль емоу авраамь. маю мойсея и пророкы. нехай и слоухають.—А ѡнь рекль. ни. ѿче аврааме. але если бы кто ѿ оумерлыхь шоль до нихь. каяли бы ся ѿ злостий.—Рекль емоу ѡнь. если моусея и пророковь не слоухають. то хотяй кто ѿ мертвыхь вскреснеть. не имоуть веры.

Луки зач. 87.

Икь было вь дни ноевы такь ты боуде вдни сна члчьскаго. яли. и пили. и жены поймовали. и замоужь ѿдаваны были. ажь до тогия (sic). которого вшоль ное вь корабль. и пришоши потопь, и потопиль всѣ. такь ты боудеть якь было вь дни лотовы. яли. и пили. коуповали. и продавали. сады садили. и домы боудовали. але которого дня вышоль лоть из содома. паль зъ неба огнь, и каменіе горячее. и погоубиль все. потомоу боуде вдень в который снь члческый явися. в то днь, кто боуде на кровѣ. (на дахоу. або на стрѣсѣ) а статьки его вдомоу. нехай не сходить взяти ихь. и кто тыжь на поли также нехай не вротаеся назадь, памятаите женоу лотовоу.—бо кто хоче дшоу свою спасти погоубить ей. а если погоубить ей. ѡживить ей. повѣдаю вам. иже втоую но боудоуть два на единомь ложоу. единь боуде взятъ. а дроугый ѡставлень. двѣ боудоуть молоти посполоу едина боудеть взятая. а дроугая ѡставлена. а ѡни пакь спытали его рекоучи. гдѣ гди.—а ѡнь рекль и гдѣ боуде тѣло. та ся збероуть и ѡрьлове.

Іоан. гл. 10.

Заправды заправды повѣдаю вамь. кто не входить дверьми в загородоу ѡвечоую. але иноуды входить. то есть злодѣи и розбойникь. але кто входить дверми. то есть пастырь ѡвечый. томоу ѡдверный ѿтворяеть и ѡвцѣ слоухають голоса его. а ѡвцѣ называеть по имени. и выганяеть ихь. а коли

власный свой овецъ выженеть: и самъ пред ними идеть: и овцы его за ним идоут. бо знаютъ его по голосу его. а за чужимъ не идоуть. але еще и оутекають ѿ него бо незнаю голосоу чоужого. тое и по притокою повидѣлъ Іс а ѡни того не могли розоумети. што бы то было за повѣсть. которую имъ Іс повидѣлъ.—Повторе пакъ рекль имъ Іс: заправдъ, заправдъ повѣдаю вамъ. иже я есми дверми овечими. вси который жъ коли передс мною пришли. злодѣе есть. и розбойници. але не слухали ихъ овцы. Я есми дверми. а кто бы через мене вшолъ. то будеть избавлен. а войде. и ѡпять выйде. и пожиток найде.

Отрывокъ изъ посланія Кіевскаго воеводы князя Константина Острожскаго епископу Ипатію Потѣю 1593 г.

То есть ясно вашимъ милостямъ всимъ, яко се люде нашое религіи зоротшили, и такъ суть въ набоженствахъ своихъ оспалы, лѣнивы, недбалы, ижъ не только абы мѣли постерегать повинности своее христіанскоѣ и застановлятися за церковь Божую и за вѣру свою старожитную, але еще сами, многіе, насмѣваючися зъ нее и опускаючи, до розмаитыхъ сектъ утекають: чому если ваша милость забѣгати и о томъ дбати не будете; и сами ваша милость вѣдаете, хто за то слово и отвѣтъ воздати будетъ повиненъ; „кровей бо, рече, отъ руку вашею взыщу"; вы бо есте вожди, наставницы и пастуси паствы Христовы. А не отъ чого иншого розмножилося межы людми такое лѣнивство, оспалство и отступленье отъ вѣры, яко наболшей отъ того, ижъ устали учители, устали проповѣдачи слова Божого, устали науки, устали казанья; и за тымъ наступило знищенье и уменьшенье хвалы Божое въ церквѣ его, наступилъ голодъ слуханья слова Божого, наступило за тымъ отступленье отъ вѣры и закону. Пришло, на остатокъ, на насъ то, ижъ южъ не зостаетъ намъ найменѣйшее рѣчи, съ которой быхмо се тѣшити въ законѣ своемъ мѣли. Слушнѣ бысмо теперъ могли слова пророцкіе вспоминати, мовячи: „кто жъ дастъ головѣ нашей воду и очима нашима источникъ слезъ", абыхмо могли оплакивати упадку и внищенья вѣры и закону своего, въ день и въ ночи? Все опровергłося и упало, со всихъ сторонъ скорбь, ситованіе

и бѣда: и если се далѣй почувать не будемо, Богъ вѣсть, што съ нами за конецъ будетъ! Я зъ стороны моее повторнѣ и потретье прошу: Бога ради, ваша милость, такъ для повинности своее пастырской, яко и для боязни помсты Божой, въ то потрафляйте, же быстe тамъ што доброго справити и застановити и початокъ якій добрый удѣлати могли. Прочее же въ здравіи тѣлесномъ и въ душеспасительномъ пребываніи долгоденствовати отъ Господа Бога вашей милости желаю. Писанъ у Люблинѣ, мѣсяца іюня 21 дня, року 93.

(Ак. Зап. Рос. № 45.)

Отрывокъ изъ „Апокризиса, альбо отповѣди на книжки о соборѣ Берестейскомъ“. (Изд. въ Вильно 1591 г.)

Чогѡ єстє своєю плачю и рыданїю годною згодою нє вронили. нєєстъ тѡ гра҃, нєєстъ мѣсто, гдєбы єстє плачю и рыданїа, стогнанїа и воплѧ и слєзъ ѿчєскїа бг҃спрєданными вѣры, людєи и дш҃ъ нєнаполнили, ѿ розличного іздыханьѧ голосовъ и болѣзни народ҃ ср҃чный крикъ и нєпостоѧнный шоумъ всю всєлєнноую исполнилъ, нєтолко стары҃, молодыхъ, ѿцєвъ, и матєрєй, чадъ и питатєлницъ бг҃олюбивыѧ ср҃ца, ѿжалости, и стогнанїй падаютсѧ. алє стѣны, каменїє, самыє єлємєнта движутсѧ. можетсѧ тоутъ слоушнє припомѧноути. гл҃ врамѣ слышанъ бысть, плачъ, рыданїє, і вопль мн҃, рахи҃ восточнаа ц҃рковъ плачєсѧ чѧдъ своихъ, и нєхочєⷮ оутѣшити, ѧко нєсоу҃. Разсыпана, разсыпана радость ср҃ца єѧ, погашєна пѣснь єѧ. злоуплєна корона зголовы єѧ. ѧкого поличкованьѧ, ѧкого оплєваⷩ. ѧкого замєшаⷩ ізатрѧсєⷩ. ѧкогс на остатⷦ кровопролїйства, мꙋжбойства, забїйства, тиранства, мордырьства. нахожєньѧ кгвалтⷦ на домы, на школы, на ц҃ркви... наполнили и наброили, ıакож тоутъ побожного и свѧтобливого д҃ша ч҃лка оумыслꙋ, на тоє смотрѧчи, нє маєтъ іздыхати, нє маⷮ стогнати, нємаєтъ плакати. ѧко побожноє и чистоє ср҃цє нє міɛтсѧ поукати. ıако зємлѧ нє востріпєщє, ибо нєоужаснєтсѧ, сл҃нцє нєпомєркнєтъ, лꙋна нєизмѣнитсѧ, громи нєвдарѧⷮ, силы нбныѧ нєподвигнꙋтсѧ, ıако вашю тоую оплаканоую и нєщасливꙋю згоду, згодою. а нєслꙋшнѣй вавилономъ, або оными тємными хаосомъ, і самыⷨ пєкєлнымъ проклѧтством, называти и розꙋмѣти хто нємаєтъ. Повадили єстє свѣтъ, потꙋрбовали людє, высꙋшили влюдєхъ зобополнꙋю милость, повасили родичовъ здѣтми, посварили врата зъбратомъ, побудили одного противъ дрꙋгомꙋ, роспорошили братєрство. про-

*

гнали прїязнь. впровадили затрєнье, внесли надоутось. воутꙋ, пыхꙋ. лєвое уважеє, легкомысльность, злое одномоу о дрꙋгомъ мнимание. повадили есте пана споддаными, приправили есте омнимание и дивное розꙋмение монархо змонархами, кролє скролми, и заными а великыми дхоными. нарꙋшили есте сꙋмнѣнье, зламали присягꙋ, звели есте ѿца напежа, зостали есте ѿ насъ поселство, о которомъ мы не мыслили. вказовали ѿ на листы, о которыхсѧ намъ неснило. переступили есте ѿческие границы, нароушили есте старожитнꙋю вѣрꙋ. стратили есте прадѣдний жребий, поварїевали есте ѿческий тестаментъ, пороскопывали есте гробы продковъ. порꙋшили есте кости ѿцъ. взгордили есте ихъ вѣрꙋ. поганьбили есте ихъ чные и стые справы. затоптали есте ихъ стежки. затмили есте и пресвѣтлꙋю славоу. Зневажили есте сты, оуничижили есте прбвны, посоромотили есте мчнико, которые затоую вѣрꙋ кровь свою проливали. Помазали есте ихъ короны. погꙋбили есте ѿ ихъ на зоставленые скарбы. погребли есте таланты ихъ в землю. засмꙋтили есте и стые дши. наполнили есте и слезъ. накормили есте и воздыханьми. напоили есте и горестїю, разсыпали есте памѧть и сошоумомъ...

(Изъ печатнаго изданія XVI в., принадлежащаго профессору К. Д. А. Н. И. Малышевскому).

XVII вѣкъ.

Отрывки изъ рукописи: „Страсти Христовы", писанной полууставомъ, въ 4°, 51 л.

Пото третий разъ пришо (Іисусъ) до аплловъ. нашо ихъ спѧчихъ и не боуди ихъ. ре спите почивате (sic) прочее. приближисѧ ча приспѣ юда предамимѧ. и пошо са во винстра ходити. розмышлѧючи и моуцѣ своей. Іюда вѣда винограда во часто водворѧсѧ и прохожовасѧ со ꙋчники своими. И воземъшисѧ ѿ архиерей жидоскй слоу. которы были наймили изброи многы ѿрꙋжми и дрекоми и свѣчами. пошли имати іса. на дорозѣ да имъ знати. юда рекоучи такъ. што не ѿмылѧйтесѧ неймѣте апла вомѣсто іса, а которогоѫ ѿблаплю и поцѣлꙋю того вы имѣте а наложите его горазъ киймй, и дрекомй нежалꙋючи его. абы вѣ неоутѣкъ. ага спешно пошлѣте до потока. іс обачивши ихъ издалека и жалуючи свой апловъ ибы неоударили на нй спѧчий иже бы (sic) не вѣми

злмклй. й вышо̃ йзвинограда проти̃ нй. и рекъ й̃ кого йщете і҃са назарянина. азъ есмъ. скоро жидове заслышавшй. йзъ яодою пали взял̃ й свечи сами погасилися й оумлелй: О милостивый сотворителю члвколюбивый яко жалоуешъ свой апл҃ й стереже̃ злмкненія й а себе безжалной мти, й жалости. а своею волею выдаешъся на тяжкий й невымовный моукй. поправйшеся пото̃ жидове йсвечи шпя̃ зажглй. й дрӯгій разъ пешлй до огородца й его стая мтъ (sic) шпя̃ выстӯпи̃ до нй й ре̃ имъ тый слова што первее. шнй палй за̃ оузна̃ а потомъ поправйшися хвилю пележайши. й ре̃ имъ їюда шнемощній есте войни страшаетеся й боитеся єдиного члка боудӯчй ва̃ коко со̃. або ва̃ перенаймили помздӯючися ва̃ нѣкто прмтелій его. й тое мовй боячися его йже бы его стая мть й незникноу. албо неоустоупй где. а емоу щобы сребреники нешнялй. а войнй ре̃лй к нему. чомъ ты падае̃ снами ты маешъ на̃ починати. тогды їюда ре̃ пойдѣте. ю̃ небойтеся побачи̃ его стая мтъ (sic) стой поконе га̃ найпокорнѣйшій баранокъ: Искочивши смѣле шбня̃ его пришо̃ й поцѣлова̃ й ре̃ радйся оучителю і҃с ре̃ їюдо нашо есъ (sic) пришо̃ дрязай йсмѣй твой ча̃ пришо̃ есть ю̃. А жйдове немилостиве напали на него й его стая мть рекла кони. яко на разбойника сошрӯжне̃ й дрекольми пришли есте ймати мя нощию. А кйите же я не крился превами. вдйнь завжды быва̃ свами во црквй че̃ (sic) есте мя та̃ неимали. А стый петръ порвася зоснӯ и скочи̃ межи ни̃ скордомъ. ӯхвати̃ слоугӯ архиереева за грӯдй. вдари̃ его ш землю й оутялъ емӯ оухо правое. і҃с же ре̃ емоу ш петре нехай того оуложи ме̃ твой во ножны. бо хто мече̃ воюе ш меча погибае̃. мнѣмаешъ быяся нешбєрони̃ їюдѣ. албо жидо. колибы̃ хотѣлъ тоу безчисла стало бы агглъ при мнѣ. й вы пороху жидо̃ского недостало але чиню волю шца̃ моего да сбоудеся писмо. нсражӯ пастыря й разбѣгноуся шца. и велѣ приложити оухо малховй ицѣлѣ е.

(Лис. 17—19).

Пречтая господарйня была вовйолній. того ничого невѣдала. толко срце ей чӯло, й ш сле̃ пре̃ всю ночъ не моглася внятй, а коли было насвитаню пришли былй прмтелки марфины й марійны до нй ізерлма жалӯючи й жалости й йхъ оучителю і҃сӯ жидове такий моукй чиня̃, й смерть ганебноую готоую. й повѣлй й пошеко̃ а пречтая шбачила й рекла. Мои милы жены и панѣй примтелки сна й бра моего нес̃ӯшите мя й несмоутѣте вооше повѣжте ми справедливе ш мое̃ снӯ. а шни реклй нѣчого госпеждѣ

самѝ рє́лѝ ѝ заплакалѝ жалꙋ́но ѝ го́рко є҆́й ста́ѧ мт҃ь (sic) познала ѝ є҆́й сн҃оу, а҆ нашемоу ѝзбавѝтелю ѿ проклѧтыи҃ жидо́ недобросѧ дѣ҃є. бо̑ срцєсѧ внєй кра́ѧло̀ а҆ колѝ сн҃ъ є҆́й тръпѣлъ на тѣлѣ̀ а҆ єй ста́ѧ мт҃ь тоѐ всѐ тръпѣла̀ на се́рдци. Ѝ порвала́сѧ ѿтолѣ ве́ми, ѝ побѣгла воіє́рл҃имъ ѝ жены ст҃ы (sic) которі́й былѝ сне́ю всѣ пошлѝ за нєю держа́чи є҆́й ѝ быся са́ма гдѐ незабѝла. ѝ пришлѝ до і҆єрл҃има ѝ побѣглѝ про́сто до пѝлатова дво́ра. ю҆ не засталѝ і҆са повелѝ є҆го до го́ры. а҆ ѡ҆нѝ побѣглѝ во слѣ. І҆с҃а повелѝ ѝно́ю оулицею а҆ ѡ҆ни ѝною шлѝ. пренаймоуючѝ и стрѣтилисѧ со собою, а І҆с҃а вслокꙋтъ за шію лан҃цꙋхо̑: А҆ є҆го̀ ста́ѧ мт҃ь валѧе́тсѧ по̑ кротомъ, не можетъ ѝтѝ ѝ нестѝ змоу́ченъ збитъ зран҃є. оу кръвѝ, а҆ блюватѝны хрѧхотины. со кровію смѣшалѝ ѧбы трꙋдова̑ видѝсѧ. а кꙋды ѝдє кровъ бѣжи҃. тоє оузрѣвшѝ прч҃тая ѝпала замлѣла̀, коли бы є҆́й же́ны непо̑хопилѝ забилабы́сѧ са́ма, и почала кричатѝ во слѣ єго̀.

(Л. 25—26).

А҆ та҃ вышєшѝ і҆зє́рл҃има ѝз мѣста̀ срѣтилѝ нѣкоєго̀ киринєѧ си́мона ѝз се́ла ѝдꙋща̀. дали є҆моу понести кр҃тъ, а҆ видѣли ѝ самъ неможе҃ ѝтѝ. ѝ дошлѝ го́ры го̑лгоѳы. ѝ вошє́шѝ на го́роу ѡ҆смотрѣсѧ І҆с҃ на єрлѝ ѝ ре҃ доты̑ паней. дще́ри і҆єрл҃имъскіѧ неплач҃те менѐ плач҃те себе ѝ дѣтій свой. вѣмъ ꙗ҆ко мꙋжѣ вашѝ. в҆зѧли кро́въ мо́ю на се́бе и на чада свой. шестой годины на ло́бънѣмъ мѣстѣ распѧлѝ І҆с҃а та҃. И҆с нѝ два̀ разбойника. Є҆ди́наго на правой рꙋцѣ, а҆ дрꙋгого̀ на лѣвой га҃ є҆го̀ распѧша̀ на кр҃тѣ та҃ же сѧ є҆моу насмѣвалѝ то видѧчѝ Гп҃жа наша Прч҃тая пкакала си҃но рєвно непра́ве́днаго и невинънаго̀ моученіѧ сна Бг҃а свое҃ а҆ та҃ мовѧчѝ: Ѡ҆ наймн҃шій сн҃ꙋ ѝ Бж҃є мой ꙗ҆сная зо́рє дш҃и моєй ѡ҆ свѣтє ѡ҆чѝю моєю̀. Гдѐ є҃ благовѣщеніє Гаврии́лово що́ мн повѣда҃ тебе бе҃ болестѝ по́родити. а ни́колѝ смоуткоу нємѣтѝ ѝ жалостѝ, но а҆чъ ко҃векъ оупорождєніи болестѝ оушла҃. бо є҃ нерꙋшн҃ печатѝ дв҃ьства моє́го. А҆ле тепе҃ не вымо̑ноую воле҃ тръплю. и срц҃є моѐ сонѣдае́сѧ во мнѣ̀ а жи́лы помлѣлѝ кро̑ моя оу схла ѹ҆ста моя смагноу ѝ вся ѹ҆нꙋтрънѧя моя. вѝдѧчи мꙋкоу твою невинноую̀, ѿ твое҃ выбра́ного лю́дꙋ, цѝли тобѣ ѿдаю́тъ жѝдове за твою̀ мт҃ь. Ѡ҆ пребезако̑ны жи́дове зле плати́те сн҃оу ѝ бг҃ꙋ моє́мꙋ сотвори́телю моє́моу за ма̑ноу же́лъчъ за во́дꙋ ѡ҆цє́тъ где-бы любитѝ ѝ ми́ловати є҆го. тоу҃ є҆го́ безжа̑нон мт҃и ко кр҃тꙋ прибиваєтє: Ѡ҆ михаи́ле ѝ гаврии́ле а҆рха҃гг҃ле чемоу не ратꙋєте свое҃ со́творителя. Ѡ҆ пе́тре найвыш шій А҆п҃ле і҆з ѝнъшимѝ товари́шмѝ своймн

где есте см подѣли. Чомоу есте оутеклй ѿ моего наймилшого сна а его единао в идали есте на смрть. Ѡ наймилшй сноу превозлюбленое мое чадо свѣте шчію моею живота моего пребыкѹ ѹтробы моея. чемоу мя без себе живѹю зоставляешъ, чемоу мя смрти не велй похватити. а вы бoше ганебной мѹки невидѣла. а вы стобою оумрла. а то вы ѿтебе за великій даръ мѣла. избавите же наш молчитъ. Главѹ свою стѹю кней склони. тогды ей стая мтѣть ѹбиваючися покртомъ (sic) за многия мысли и за многый говоръ: Ѡнамилшій сне и бже мой если мене еще сего свѣта многого незберешъ комѹ мя приказѹешъ. кто мене оубогѹю исмаѹю призрй. ктося мною маетъ печаловати. накого я маю мѣсто тебе смотрити, кто мя при себѣ смоуною потѣшитъ. не мочи снѹ мой Гдне, промо iакое слоѵце. слѹжебницй своей немолъча оумирай, а бо вѣмъ вся мѹки ѿвыклй, немалѹю оутѣхѹ мати послѣдй дѣтій своих и ты снѹ не ѿстави мене оумое безмѣрномъ смоуткоу безъ оутѣхи: ажъ его стая мтъ промови кней. Невѣсто Іѡа снъ твой, а до стго бгослова ре: Іѡане мтія мти твоя, ia бы ре призри мтію и потѣшай ей iако я самъ. то заслышавши пречтая немалѹю оутѣхѹ ѿложенія срцѹ мѣла и рекла: ѡ наймилшій сне и бже мой дякѹю твоей стой мтри. невымовное бгодареніе возсылаю твоемоу бжтвоу что есь зайды, мною слѹжебницею и родителницею печаловася. таже ниѣ вошкрѹни и найтяжшй колестй твой и мой, не хотѣ есь мене смѹю и горкѹю ѿпоустити. цого серце ѿхолодѹ взяло и втѣхѹ немалѹю, а еще твія ся воше роспало коу твоей стой ласцѣ. для которой же мтри и жалости и ласцѣ твоей не хочѹ а ни могѹ (sic) ѿ твоего стго тѣла нигде йти. Прото сне и бже мой покажй до конца милсрдіе свое надомною покорною рабынею своею. а зошли на мя смрть горкѹю. а вы тяшей смной воше твоей стой мѹки и тяко поносного вѣшенія твоего на крстѣ невидѣла. Безстѹдна блюзненія скаранаго и гнѹсного насмѣянія жидовского неслышала.

(Лис. 37—30).

(Рукопись принадлежитъ Е. В. Барсову).

Отрывки изъ Львовской лѣтописи. (Рукопись первой половины XVII в.).

1619: Канцлера Жолковскаго у Волостѣхъ забито, и Корецкого взято, бо безъ козаковъ войну точилъ, мовилъ такъ: нехочу я зъ Грицями воевати нехай идуть до ролѣ, або свинѣ пасти. Въ той часъ

ту́тъ трво́га наступи́ла. Татаровъ вели́кое мно́жество разсѣялося было. Не было того́ человѣка, щобы ся не трво́жилъ; на́веть самъ Король у Варша́вѣ у великой трво́зѣ былъ.

1630. Гетманъ Конецполскій ходи́лъ за Днѣпръ козако́въ зносити. Людей много стра́тилъ и самъ ледве ся вынѣсъ: але предця гарматы имъ зоста́вилъ и позна́лъ що козаки! И якъ ся му поводи́ло есть выписано такимъ способомъ: жолнѣре до Кіева приѣхали съ тимъ инте́нтомъ, абы впродъ козако́въ, а за́тымъ въ вши́ткой Украѣнѣ Русь вы́стинали, ажъ до Москви́. А отколь бы то вѣдомо?...... Сами подчась вы́жигали подъ до́брую мыслъ (sic); другіи зась Русь жолнѣре о́тцу́ Митрополи́ту въ ми́лости о́ то́мъ повѣда́ли. То еди́ни въ Кіевѣ, а другіи всюди по за Днѣпромъ где нѣкгди нѣхто́ непамята́етъ, абы туда стояти мѣли. И та́къ збро́днѣ и́ крывды незносный (sic) чини́ли, людей безъ да́ня причины забива́ючи, предъ Воскресе́ніемъ, о́тця́ митрополитового, челядника Петра́ на штуки розсѣкли и́ трохъ подда́нныхъ. Козаки, вышовши зъ Запорожа, и́ того Гриська Гетмана, же зле пѣня́зѣ, рекомо, подѣли́лъ, котрый на Унію былъ присяглъ, самъ ся призна́лъ, которого стя́то! Потымъ зобра́вшися поча́ли ся купити зевсю́дъ. Панъ Лащъ до Кіева ше́дши Лисѣнку мѣсте́чко, на самый де́нь велико́дній, вши́тко выстиналъ; а́къ мужо́въ, такъ и́ жонъ, такъ и дѣте́й въ церкви буду́чихъ, и попа съ ни́ми; по доро́зѣ людей невы́нныхъ, быле бы тилко Ру́синъ былъ, забива́ли.

Тогожъ року (1636) пощастилося Ляхо́мъ. Ге́тманъ Корунный Конецполскій ведлугъ свихъ (sic) способовъ поѣхалъ на Украи́ну до обо́зу. Воево́дичъ Ру́скій Данило́вичъ взявшися и́зъ обо́зу и́зъ се́мысты люду пойхалъ на отбираня староства, до мѣстъ, где козаки ме́шкаютъ, и росказовалъ: абы зарі́вно отправова́ли подданьство, якъ мѣща́не, такъ и козаки́, которыи ся отмовля́ли: мысмо лю́дъ рыцерскій, то́мусмо не привикли, бо то́ намъ незвы́чай; але тя проха́емъ, захова́й насъ зъ ла́ски свое́й, ми́лостивый па́не, бо мо́жемъ ся на що вамъ прида́ти. А онъ и́мъ отповѣлъ, же я о васъ недба́ю, бо я ма́ю надъ васъ лѣпшихъ рыцировъ. Ско́ро то́е вчу́ли отъ не́го, подя́ковали му за мешка́ня. Онъ тыжъ пойхалъ изъ Нѣмцями наза́дъ, (а было при ніомъ 4 со́тъ, оба́чилъ тро́шки Татаровъ, хотѣлъ изъ сла́вою до Гетмана приѣхати; а́ле свѣдомый тыхъ ре́чей коза́къ мо́вилъ: ми́лостивый пане! дай поко́й, бо то вабъ на васъ, же бы́сте не програ́ли за вы-

граня и будетъ встыдъ. А онъ того неслу́халъ, а́ле ру́шился къ ни́мъ, котораго огорнули въ кругъ, и ледво самъ у́тѣкъ, и то за по́моцю коза́цкою, а Нѣмцѣ якъ мухи поги́нули, и такъ до обо́зу при́ѣхавши знову взялъ 4 ста́ люду поихалъ въ дикіи поля, хотячи нѣме́цкою шту́кою помстится, и такъ е́го́ зо вши́ткимъ взя́ли Тата́ре.

Року 1638. Сеймъ былъ осередопо́стю, на кото́ромъ потра́тили козако́въ старшихъ, що и́хъ козакі́ вы́дали, того то Павлюка́, и Василія Томашика́ и́ Сахна Черня́ка, который ся и́хъ у́жа́ловавши, самъ поѣхалъ зъ ними добровольно, и такъ и́хъ пости́нано. А на Укра́инѣ козаки бройли и Ляхо́мъ деспе́кти чини́ли, Нѣмцовъ якъ му́хъ били, мѣста́ пали́ли, Жидо́въ рѣзали якъ ку́ръ, мни́ховъ въ косте́лѣхъ палили едны́, а други́ѣ гу́мна молоти́ли ѣздячи, ста́да займова́ли, мяса до бочо́къ солили, жи́вность собѣ́ гото́вали; а пото́мъ подѣхавши подъ ля́цкій обо́зъ вши́тки ко́нѣ займи́ли, же небожа́та Ляхи́ поверггиий пиху́ му́сѣли пѣхотою ходи́ти. А пото́мъ Ляхи́, оба́чичивши зле, поча́ли для Бо́га о рату́нокъ проси́ти и такъ поча́ли уѣзди́ти, и на три обозы станови́лися, бо ся бояли; а козакі́ ста́ли и оточи́лися такъ поту́жне, хотяй бы ки́лка лѣтъ ихъ доства́ли, то бы ихъ недоста́ли. И такъ що ра́зъ то Ляхо́въ въ лу́кахъ шту́къ учи́ли, хотяй сами хло́пы; бо ся сами́ Ля́хи рахо́вали, же мо́вили, непомнемо нѣкгды тако́й потрѐбы у чужи́хъ зе́мляхъ, жебы такъ шля́хты, коро́нныхъ пано́въ поги́нуло якъ ту,—же само́го товари́ства: Ротми́стровъ, Пору́чниковъ шесть сотъ, опроче пахолковъ, опроче Нѣмцовъ, що ихъ ба́рзо много поги́нуло и оста́токъ бы былъ вы́гинулъ; же ю́жъ и́зложи́вши встыдъ на сто́рону, хотѣли бы назадъ, але нѣякъ было, а хотяйся хто збира́въ тя́мъ имъ на по́мочъ, не спо́ро было. Пото́мъ почали прими́ря проси́ти, або ра́чей зго́ду и́зъ собо́ю запира́ти, и та́къ запе́рли зго́ду пе́редъ ляцкими святи, и наказа́но имъ Ге́тмана собѣ́ отбира́ти, Полко́вниковъ надано и́мъ По́льскихъ, до ка́ждой тысячи, а при ка́ждомъ по́лку трыста Нѣмцовъ драго́новъ для осто́роги лѣпшой.

(Рус. исторnч. сборн. Погодина, т. III, стр. 237—238, 239—240, 253—254, 258—259. Списокъ сдѣланъ Зубрицкимъ съ подлинника, который хранился въ Архивѣ львовскаго ставропигіальнаго заведенія, а нынѣ утерянъ).

XVIII вѣкъ.

Отрывокъ изъ лѣтописи Самовидца. (Памятникъ XVII в., доведенный продолжателями до 1734 г.)

Гетманове переправивши рѣку Рось у Корсуню и надпустошивши мѣста поминовали Корсунь, которихъ заразъ настигнувши Хмелницкій за Корсуномъ, учинилъ потребу, где Гетманове оборонною рукою уступовали беручися въ поля ку Расавѣ; а припало онымъ ити промежку лѣсами в милѣ отъ Корсуня; где Хмелницкій казавъ запровадити пѣхоту козаковъ корсунскихъ в тіе лѣсви, которіе шляхъ перекопали, и тамъ позасѣдали недупущаючи (sic) переходу таборовѣ лядскому, а Хмелницкій стилу и около з войсками и Ордами наступивши оное войско розгромилъ з допущенія Бз кого где гетмановъ обоихъ великого коронного и полного въ неволю взято; усе войско выгублено, же мало хто з того погрому увошолъ, где Орда неошацованную здобычь узяла такъ в коняхъ рицтунках, яко найболше въ неволникахъ знатнихъ пановъ и панятъ и посполитого войска, а козаки знову збогатилися з обозу полского, такъ великихъ пановъ, же срѣбро малою ценою продавали, которая то потреба, албо война, под Корсуломъ (sic) была на томъ тижню по святой Тройци. Была тая поголоска на всей Украинѣ албо хвалка от шляхты, же по знесенню тоей своволѣ с Хмелницкимъ, мѣли панове Украину плюндровати, и болшую насть осадовати людми нѣмецкими и полскими, також и у вѣри руской помѣшка великая била (sic) отъ унѣятъ и ксендзіовъ, бо уже нечилно Унѣя у Литвѣ на Волинѣ, але и на Украинѣ, почала гору брати; в Черниговѣ, Архимандритове одинъ по другомъ зоставали по инших городахъ церкви правоелавние запечатовали, до чого помощниками оныхъ шляхта, урядъ и ксіонзи были, бо уже на Украинѣ, що городокъ то костелъ бытъ, а въ Кіевѣ тежъ утискъ немалій церквамъ Вжіимъ старожитнимъ чинили, такъ воевода Кіевскій Тишкевичъ на тотъ часъ будучій яко тежъ Іезуити, Доминѣкани, Бернадини и иніе закони наездами правити метрополиту утеснуючи и науки школъ забороняючи згола старорусскую православную християнскую вѣру собѣ прекладаючи нерозную отъ поганъ, бо лѣпшое пошанованне, ляда жидищевѣ спросному било, а нѣжели найлѣпшому християниновѣ Русиновѣ, а найгоршое насмѣвѣско и

утиски терпѣлъ народъ Руский отъ тихъ которій зъ руской вѣри приняли римскую вѣру, и такъ народъ посполитій на Украинѣ, послишавши о знесенню войскъ коронныхъ и гетмановъ, заразъ почали ся купити в полки не толко тіе, которіе козаками бывали, але хто и нѣгди козацтва не зналъ: що видячи иное державци украинніе не толко старостове зостаючіе по городахъ, але и самъ кнзь Вышневецкій, которій немал (sic) усе Заднѣпра мѣлъ в своемъ подданствѣ, имѣючи при себѣ килканадцять тисячъ люду военного грошового, опрочъ драгуней и вибранцовъ, которихъ с подданнихъ своихъ начинилъ былъ по всѣхъ городахъ неизлѣчоную рѣчъ, мусѣлъ утѣкати, и уступовати з Украини, зъ городовъ своихъ з княгинею и з сномъ своимъ Михаиломъ, которій напотомъ королемъ полскимъ зосталъ былъ, отъ боку зась Хмелницкаго гетмана войска запорозского, которій [illegible] по знесеню войскъ коронних, цале гетманство принявши, за упрошеніемъ усего войска козацкого, бо до того часу гетманомъ не звался, ажъ покуля обоихъ гетмановъ коронниxъ знаки войсковіе, то есть булави и бунчуки у свои руки узялъ, все войско оного гетманомъ настановило, и на тотъ урядъ упросило. Заразъ отъ боку оного козацтво по розныхъ городахъ разишовшися, полковниковъ, сотниковъ собѣ понаставлявши, и где колвекъ знайшлася шляхта, слуги замковіе, жиди и уряди мѣскіе усе забияли не щадячи а нѣ жонъ и дѣтей ихъ, маетности грабовали, костели палили, обваловали ксіонзовъ забияли, дворѣ зась и замки шляхетскіе, и двори жидовскіе пустошили, не зоставаючи жадного цѣлого, рѣдкій в той крвѣ на тотъ часъ рукъ своихъ не умочилъ, и того грабленія тихъ добръ не чинилъ, на тотъ часъ туга великая людемъ всякого стану знатнимъ была, и наруганя отъ посполитихъ людей, а найболше отъ гултяйства, то есть отъ броварниковъ, винниковъ, могилниковъ, будниковъ, наймитовъ, пастуховъ, же любо бы якій человѣкъ значній и не хотѣлъ привязоватися, до того козацкого войска, тилко мусѣлъ задля позбитя того насмѣвиска, и нестерпимихъ бѣдъ в побояхъ, напояхъ, и кормахъ незвичайнихъ и тіи мусѣли у войско и приставати до того козацтва, где по городахъ по замкахъ шляхту доставано, где колвекъ позачинялися были, то есть в Нѣжинѣ, Чернѣговѣ, Стародубѣ, Гомлю, все тое подостававши вистинали, бо першей устрашившися шляхта, жидовъ повидавали з маетностями, а напотомъ и самихъ подоставали, и ви-

стинали, и многіе на тотъ часъ з жидовъ боячися смерти, христіянскую вѣру приняли, але зась знову часъ углядѣвши до Цолщи поутѣкавши, жидами позаставали, ажъ рѣдко которій додержалъ вѣри христіянской, и такъ на Украинѣ жадного жида не зостало, а жони шляхетскіе зостали жонами козацкими, также и на потомтой сторонѣ Днѣпра, ажъ по самій Днѣстръ, тое жъ ся стало спустошення замкомъ, костеломъ, и дворомъ шляхетскимъ, жидовскимъ урядомъ мѣскимъ, и шляхтѣ, ксіонзомъ. Усюда тое вытрачено, а найболше жидовъ пропало в Немеровѣ и в Тулчинѣ незличоная личба.

(Рукопись Бунчуковаго товарища Петра Искрицкаго, открытая въ 1875 г. А. Матвѣевымъ. Въ подлинникѣ почти надъ каждымъ гласнымъ звукомъ, особенно надъ *и*, стоитъ точка).

Отрывки изъ лѣтописи Самуила Величка. (Рукопись конца XVII и начала XVIII в).

(Изъ „Предмовы до чительника").

Проходя тогобочную иже отъ Корсуня и Бѣлой Церкви Малоросійскую Украину, потимъ на Волынь, въ княженіе руское жъ до Лвова, Замостя, Бродовъ и далѣй странствуя, видѣхъ многіе гради и замки безлюдніе и пустіе вали, негдись трудами людскими аки гори и холми висипаніе, и тилко звѣремъ дивіимъ прибѣжищемъ и водвореніемъ сущіи. Мури зась, яко то въ Чолганскомъ, въ Константиновѣ, въ Бердичевѣ, въ Збаражѣ, въ Соколю, що тилко на шляху намъ въ походѣ войсковомъ лучилися, видѣхъ едни малолюдніе, другіе весьма пустіе, разваленіе, къ землѣ прилпнувшіе, зплѣсняліе, непотребнымъ биліемъ заросліе, и тилко гнѣздящихся въ себѣ зміевъ и розныхъ гадовъ и червей содержащіе. Поглянувши паки, видѣхъ пространніе тогобочніе Украино-малоросійскіе поля и розлегліе долини, лѣси и обширніе садове и красніе дубрави, рѣки, стави, іезера запустѣліе, мхомъ, тростіемъ и непотребною лядиною заросшіе. И не всуе поляки жалѣючи утрати Украини оноя тогобочнея, раемъ свѣта полского въ своихъ унѣверсалахъ ея наричаху и провозглашаху; понеже оная, предъ войною Хмелницкого, бысть аки вторая земля обѣтованная, медомъ и млекомъ кипящая. Видѣхъ же къ тому, на розниихъ тамъ мѣстцахъ, много костей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ, тилко небо покровъ себѣ имущихъ, и рекохъ во умѣ—кто суть сія. Тѣхъ всѣхъ, еже рѣхъ, пустихъ и мертвихъ насмотрѣвшися, поболѣхъ сердцемъ и душею, яко красная и всякими благами прежде изобиловавшая земля

и отчизна наша Украино-малоросійская во область пустинѣ Богомъ оставленна и населници ея, славніе продки наши, безвѣстни явишася.

А такъ, ласкавій чителнику, если покажется тебѣ въ семъ дѣлѣ моемъ що подзорное и неправедное, то може и такъ есть. Ты убо, аще достанеши совершеннѣйшихъ козацкихъ или иныхъ якихъ лѣтописцовъ, воленъ естесь лѣность отложити, и мое въ семъ дѣлѣ невѣжество благонравнѣ покривши, подлугъ лѣтописцовъ онихъ, не уничтожая и моего подлого труда, отъ Бога ти даннимъ разумомъ исправити. Кгдижъ въ седмдесятъ лѣтъ по войнѣ Хмелницкаго виводячи сію военнихъ дѣяній его гисторію, и Украинское тогобочное запустѣніе и сегобочное поврежденіе, за оскудѣніемъ пайбарзѣй (яко више рѣхомъ) козацкихъ лѣтописцовъ, трудно было домацатися совершеннаго о всемъ видѣнія и правди; и убо аще помененніи прречонихъ дѣяній описателѣ въ своихъ не истинствуютъ писаніяхъ, съ ними не истинствую и азъ, по писанному—всякъ человѣкъ ложъ. Ти же, ласкавій чителнику и правди любителю, все тое мнѣ прости и покрій своею благостинею всепокорственно умоляю; и взаимне тебѣ, отъ Найвишшого Господа и всѣхъ Создателя, временнихъ и вѣчнихъ благъ усердно и всеистинно желателствую.

Истиній Малія Росіи синъ, тебѣ же, чителнику, тоежъ отчизни, всѣхъ благъ присно желателствующій братъ и слуга, Самоилъ Василіевичъ Величко, бывій иногда въ енералной войска гетманской канцеляріи канцеляриста войска запорозскаго.

(Т. I. стр. 4—7, издан. Временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ по рукописи Погодина).

Около долини Чорной и Качкаровъ всѣ поля и паствиска скотинніе и ватаги овечіе зъ Татарми при нихъ бывшими себѣ загорнувши, (войско Сѣрка) рушило въ гору Днѣпра до Сѣчи своей, маючи у себе множество всякой здобычи кримской, и ясиру татарского зъ христіянами въ неволѣ кримской бывшими тринадцяти тисячъ. Отдалившися теди Сѣрко со всѣмъ войскомъ и користми отъ Криму у миль килконадцятъ, и станувши нѣгдѣсь въ приличномъ мѣсцу на попасъ полудневій, велѣлъ еднимъ козакамъ по достатку каши вариты, жебы для ихъ и для ясиру могло стати оной, а другимъ велѣлъ ясиръ на двое разлучити, христіянъ особно, а бѣсурманъ особно; которихъ гди розлучено, теди бѣсурманъ всѣхъ велѣлъ повязати, а христіянъ (которихъ мужеска

полу и женска 7 тисячъ было), пробуючи, самъ Сѣрко сказалъ къ нимъ такое слово: „хто хочетъ, идѣте за нами на Русь, а хто не хочетъ, вертайтеся до Криму“. Якое слово Сѣрково христіяне и тыми зъ христіянъ въ Кримѣ родившіися почувши, изволили едни зъ нихъ а именно три тисячи, лутше до Криму вернутися, нежели въ землю христіянскую простовати; а другая, чтирѣ тисячѣ, на Украину въ землю свою возжелали. Которихъ всѣхъ Сѣрко велѣвши покормити, еднихъ оставилъ при себѣ, а другихъ отпустилъ въ Кримъ, а при отпуску гди спиталъ ихъ,—для чого бы до Криму квапилися, отповѣдили—ижъ тамъ въ Криму мѣютъ уже свои осѣдлиска и господарства, и для того тамъ лутше себѣ желаютъ жыти, нежели въ Русѣ ничого своего неимущи.

Отпустивши теди Сѣрко онихъ людей до Криму, еще нецале вѣрилъ, жебы они конечне пошли въ Кримъ, но надѣялся, что вернутся на Русь, и возшедши на могилу тамъ бывшую, смотрѣлъ на нихъ потодь, поколь не стало ихъ видно; а гди увидѣлъ непремѣнное ихъ въ Кримъ устремленіе, тогда заразъ тисячи козакамъ молодимъ велѣлъ на конь всѣсти, и догнавши всѣхъ безъ жадного пощадѣнія на голову вибыти и вирубати, маючи и самъ втропи за ними поехати и досмотрѣтися, если по его станется приказу. Тіи прето козаки такій ординанцъ отъ Сѣрка одержавши, а людей помененихъ догнавши, здѣлали подлугъ того ординанцу, такъ что и одной душѣ въ живыхъ не оставили. Мало зась погодивши и самъ Сѣрко на коня всѣвъ и скочивъ туда, где его ординанцъ совершался скуткомъ; а тамъ прибѣгши и довлетвореніе волѣ своей увидѣвши, подяковалъ козакамъ въ томъ трудившимся, а до мертвихъ труповъ вимовилъ такіе слова: „простѣте насъ, братія, а сами спѣте тутъ до страшнаго суду Господня, нежели бысте мѣли въ Криму между бѣсурманами размножатися на наши христіянскіи молодецкіи голови, а на свою вѣчную безъ крещенія погибель.“ По виреченю тихъ словъ, заразъ Сѣрко повернувши назадъ до войска, рушилъ совсѣмъ съ того становиска въ путь свой.

(Т. 2-й 376—377. По замѣчанію комиссіи, издавшей лѣтопись Величка, допущены слѣдующія отступленія отъ правописанія подлинника: вмѣсто *и* употреблено *о*, въ окончаніяхъ словъ поставлены ъ и ь; буквы *и* и *і* поставлены сообразно современному правописанію; славянское ꙗ передано буквой *я*; наконецъ, развернуты или восполнены сокращенія надъ титлами. Предисловіе стр. VIII).